

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина.

—❖❖❖ КНИГА ВТОРАЯ. ❖❖❖—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, д. № 39.

1902.

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго общества, подъ наблюденіемъ члена совѣта Н. Θ. Дубровина.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ П.

Мѣстное управленіе.

ОТДѢЛЕНІЕ XI (Продолженіе).

СТРАН.

5) Чрезвычайныя ревизіи епархій лицами, посылавшимися отъ синода.	1
I. Слѣдствіе надъ иркутскимъ архіепископомъ Иринеємъ	4
II. Ревизія тульской консисторіи	61
III. Ревизія оренбургскаго духовнаго управленія.	79
IV. Ревизія тифлисской семинаріи	121
V. Ревизія костромскаго епархіальнаго управленія.	177
VI. Ревизія псковскаго епархіальнаго управленія	188
VII. Ревизія пензенскаго епархіальнаго управленія	250
VIII. Ревизія пермскаго епархіальнаго управленія.	272
IX. Ревизія олонецкаго епархіальнаго управленія	301
X. Ревизія кавказскаго епархіальнаго управленія	312
XI. Слѣдствіе надъ архангельскимъ епископомъ Варлаамомъ.	327
6) Выговоры архіереямъ	340
I. Выговоръ Антонію, епископу воронежскому.	—
II. Выговоръ Аарону, епископу архангельскому.	341
III. Выговоръ Стефану, епископу вологодскому.	346
IV. Строгое замѣчаніе епископу тамбовскому Евгенію	351
V. Замѣчаніе архангельскому епископу Георгію	352
VI. Высочайшее замѣчаніе смоленскому епископу Іосифу	357
VII. Выговоръ Іліодору, епископу курскому.	358
VIII. Выговоръ Евлампію, епископу орловскому	359
IX. Выговоръ епископу подольскому Елпидифору	360
X. Выговоръ Иннокентію, епископу екатеринославскому.	364
XI. Выговоръ екатеринославскому епископу Гавріилу	366

7) Низведеніе архіереевъ на низшія кафедръ и посылка ихъ на покой . . .	370
I. Низведеніе на низшую епархію пермскаго епископа Діонисія и посылка его на покой. . . ,	—
II. Увольненіе на покой архангельскаго епископа Аарона и низведеніе Георгія полтавскаго на архангельскую кафедру.	373
III. Низведеніе нижегородскаго епископа Амвросія на пензенскую епископію.	377
IV. Низведеніе вятскаго епископа Іоанникія на оренбургскую кафедру. .	380
V. Увольненіе на покой екатеринославскаго архіепископа Теофила . .	381
VI. Низведеніе епископа Елпидифора съ каменецъ-подольской кафедры на вятскую	383
VII. Посылка на покой екатеринославскаго епископа Иннокентія . . .	—

Часть вторая.

МѢСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Отдѣленіе XI.

5) *Чрезвычайныя ревизіи епархій лицами, посылавшимися отъ синода.*

Для возбужденія заснувшей или ослабѣвшей дѣятельности нѣкоторыхъ архіереевъ, а также для направленія дѣятельности, уклонившейся отъ своего прямого пути и истиннаго назначенія, синодъ посылалъ отъ себя довѣренныхъ лицъ, съ порученіемъ повѣрить на мѣстѣ распоряженія архіереевъ по епархіальному управленію и обследовать характеръ и образъ ихъ іерархическихъ поступковъ. Если-же синодъ, зная о безпорядкахъ по епархіальному управленію, почему-либо медлилъ производствомъ слѣдствія надъ извѣстнымъ архіереемъ, а между тѣмъ о нихъ помимо синода было доводимо до свѣдѣнія Государя, въ такомъ случаѣ нерѣдко самъ Государь приказывалъ произвести ревизію. Замѣтимъ вообще, что синодъ приступалъ къ такой гласной и торжественной мѣрѣ исправленія архіереевъ, какова ревизія, только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, побуждаемый къ тому слишкомъ многочисленными безпорядками, замѣченными имъ по епархіальному управленію. Обыкновенно-же онъ довольствовался отобраніемъ объясненій отъ того архіерея, въ епархіи котораго замѣчались безпорядки по управленію, или о неправильномъ образѣ дѣйствій котораго доходили неблагопріятные слухи. Съ какою осторожностью синодъ приступалъ къ этой крайней мѣрѣ исправленія архіереевъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая:

8-го января 1848 г. гр. Пратасовъ предложилъ синоду доносъ чиновника IX-го класса Костенскаго на херсонскаго архіепископа Гавріила, состояв-

шій въ томъ, что этотъ архіерей, по прибытіи своемъ въ Одессу, отдалъ состоящія при церквахъ лавки свѣчной продажи въ аренду первоначально одесскимъ купцамъ Владиміру Харламову и Семену Маркову, а впослѣдствіи, по взаимному ихъ соглашенію, утвердилъ эту аренду за однимъ Марковымъ, который, такимъ образомъ, сдѣлался монополистомъ свѣчной торговли въ Одессѣ. За право такой монополіи Марковъ былъ обязанъ вносить въ епархіальное одесское вѣдомство 6.000 рублей ассигнаціями въ годъ, тогда какъ эта операція, по словамъ Костенскаго, приносила 100.000 рублей ассигнаціями. Такое право куплено было подаркомъ архіерею двухтысячной кареты купцомъ Харламовымъ. Тотъ-же преосвященный, отобравъ во всѣхъ церквахъ отъ иконъ серебряныя и золотыя привѣски въ значительномъ, по выраженію Костенскаго, числѣ пудовъ, а равно драгоценныя камни и жемчугъ и церковную сумму, публиковалъ въ газетахъ, что все это пожертвовано ему отъ неизвѣстнаго. Затѣмъ послалъ эконома своего дома, іеромонаха Антонія, въ Москву съ однимъ священникомъ, чтобы тамъ изъ означенныхъ вещей устроить архіерейскую ризницу со всѣми къ ней принадлежностями. Здѣсь іеромонахъ Антоній признанъ былъ своею законною женою, по ея доносу взять подъ арестъ, а потомъ, по ходатайству преосвященнаго Гавріила, препровожденъ въ Одессу и за прелюбодѣйство подпалъ суду.

«Жена Антонія, продолжаетъ Костенскій, находится въ монастырѣ, а онъ, Антоній, проживая нынѣ на архіерейскомъ дворѣ близъ г. Очакова, прижилъ съ монастырской дѣвкой незаконное дитя. Тотъ-же преосвященный Гавріилъ приказалъ благочиннымъ взимать на архіерейскій домъ по десяти рублей ассигнаціями въ годъ съ каждой церкви, а съ богатыхъ и болѣе, и это, будто-бы, за церковные отчеты и метрическія книги; ставленниковъ производить на мздоимствѣ, писалъ Костенскій, взимая съ священника 1.000 руб. асс., а съ діакона 500». Деньги эти преосвященный бралъ чрезъ келейника своего, пономаря Ивана Дракова, который за это получалъ щедрое вознагражденіе отъ владыки. Алчность и корыстолюбіе Дракова коснулись даже армянъ, живущихъ въ херсонской епархіи, раскольниковъ беспоповщинской секты и молоканъ. Синодъ, выслушавъ этотъ доносъ, рѣшилъ такъ: «Прошеніе не принимается, когда въ ономъ не показано доказательствъ, на коихъ оно основано (см. XV т. Св. Зак. ст. 924 и X т. Св. Зак. кн. VI, раз. 11, ст. 2277), и какъ всякій доносъ долженъ быть основанъ на явныхъ и точныхъ доказательствахъ, а потому означенный доносъ отставного чиновника IX-го класса Капитона Костенскаго препроводить при указѣ нынѣшнему херсонскому архіепископу Иннокентію (а у Гавріила, переведеннаго тогда изъ Одессы въ Тверь, даже

не спросили и объясненія по этому доносу) къ зависящему распоряженію и о дальнѣйшемъ послѣдованіи донести св. синоду»¹⁾; но Иннокентій ничего не донесъ синоду²⁾. А между тѣмъ, подобные-же безпорядки, о которыхъ писалъ Костенскій, открылись и въ тверской епархіи³⁾ съ прібытіемъ на тамошнюю кафедру преосвященнаго Гавріила. Значитъ, доносъ Костенскаго былъ не совсѣмъ несправедливъ и требовалъ къ себѣ большаго вниманія со стороны синода, который, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ истребовать отъ преосвященнаго Иннокентія увѣдомленіе о результатахъ его изслѣдованій по этому доносу. Этою-то неохотою синода къ производству слѣдствій надъ архіереями объясняется причина незначительнаго, сравнительно съ безпорядками по епархіальному управленію, числа ревизій надъ архіереями въ царствованіе Николая I.

Впрочемъ, нѣкоторые архіереи подвергались даже двумъ ревизіямъ и почти все время своего епархіальнаго управленія находились подъ слѣдствіемъ. Но прежде приступа къ описанію этихъ ревизій, мы считаемъ нужнымъ предварительно указать на нѣкоторое различіе между ними: однѣ изъ нихъ ограничивались обслѣдованіемъ собственно дѣйствій и поступковъ архіереевъ, другія занимались обсужденіемъ поступковъ архіереевъ въ связи съ безпорядками ихъ консисторій и даже семинарій, третьи главнымъ образомъ касались консисторій и семинарій, и только косвенно задѣвали архіереевъ, поскольку безпорядки по этимъ

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1848 года по доносу IX-го класса чиновника Костенскаго о безпорядкахъ въ херсонскомъ епархіальномъ управленіи.

²⁾ Замѣчательно, что еще въ 1829 года Фонъ-Фока донесеніи синоду о безпорядкахъ по епархіальному управленію Гавріила; въ донесеніи Фонъ-Фока, между прочимъ, сказано было, что домовый секретарь Гавріила Пиколавскій за объявленіе ставленникамъ резолюцій преосвященнаго требуетъ съ каждаго отъ 20 до 50 рублей; грамоты, за кои положено брать по 15 коп., продаются по 16 руб. Но синодъ остался равнодушенъ къ этому доносу, удовольствовавшись самымъ слабымъ и уклончивымъ объясненіемъ преосвященнаго (см. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло о злоупотребленіяхъ по екатеринославской консисторіи, 15-го іюня 1829 года).

³⁾ Вотъ что писалъ шефъ жандармовъ къ графу Пратасову 7-го января 1850 года: «До моего свѣдѣнія дошло, что письмоводитель тверскаго архієпископа Пархоменко, пользуясь вліяніемъ своимъ на его преосвященство и снисхожденіемъ, которое ему сей послѣдній оказываетъ, позволяетъ себѣ корыстолюбивыя дѣйствія по управленію дѣлами епархіи, до такой степени, что каждый имѣющій какое-либо дѣло по духовному управленію или ищущій мѣста, иначе не можетъ ожидать успѣха, какъ заплативши прежде письмоводителю Пархоменкѣ, по его назначенію, и что такое злоупотребленіе, возбуждая ропотъ, навлекаетъ отъ жителей нареканіе на архієпископа Гавріила, которому извѣстны противозаконныя дѣйствія помянутаго чиновника» (см. въ св. синодѣ дѣло о письмоводителѣ преосвященнаго тверскаго Пархоменко, 13-го февраля 1850 года).

вѣренными ихъ надзору учрежденіямъ были или поддерживаемы ими, или съ преступнымъ равнодушіемъ терпимы и не остановлены своевременно.

I. Слѣдствіе надъ иркутскимъ архіепископомъ Иринеемъ.

Первое мѣсто и по времени, и по драматическому характеру, занимаетъ слѣдствіе, произведенное въ 1831 году надъ иркутскимъ архіепископомъ Иринеемъ. Имя его становится извѣстнымъ еще съ двадцатыхъ годовъ. Вигель, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», говоритъ о немъ, какъ о личности весьма замѣчательной по уму, характеру и ревности къ православію. Но Вигель зналъ Иринея въ ту эпоху его жизни, когда онъ былъ только еще ректоромъ кишиневской семинаріи и когда онъ дѣйствительно былъ извѣстенъ какъ человѣкъ безукоризненный въ частной своей жизни, строго монашеской, свѣдущій въ богословскихъ наукахъ, ревностный къ православію до нѣкотораго энтузіазма, впечатлительный, немного желчный, съ кровью жителей юга ¹⁾, довольно упорный и стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ. Но съ того времени до 1831 года много перемѣнъ произошло въ Иринеѣ и не къ лучшему.

Въ 1825 году Иринея изъ ректора кишиневской семинаріи былъ посвященъ въ епископа пензенскаго. Въ этомъ санѣ съ нимъ совершилась большая перемѣна: дурныя склонности, болѣе не сдерживаемыя высшимъ постороннимъ надзоромъ, получили полный просторъ; теперь впечатлительность и раздражительность его перешла въ ярость, твердость въ самоуправство и совершенное презрѣніе къ правамъ другихъ и даже безчеловѣчіе, ревность по вѣрѣ—въ какой-то фанатизмъ и стремленіе изъ міра сдѣлать скитъ отшельниковъ; его поступки и дѣйствія сдѣлались выходками и странностями; однимъ словомъ, власть окончательно испортила его. Въ Пензѣ уже начали смотрѣть на него, какъ на чудака, потому что онъ позволялъ себѣ кричать въ церкви во время служенія литургіи, обращался въ присутствіи всѣхъ съ такими словами къ ректору семинаріи: «Что ты много о себѣ-то думаешь, что ты много знаешь иностранныхъ языковъ; Митридатъ-то больше тебя зналъ, а убилъ свою родную мать»; бранился во время богослуженія, останавливалъ отправленіе богослуженія, съ подчиненными обра-

¹⁾ Говорили, что онъ родомъ молдаванъ. Физіономія его была очень похожа на цыганскую.

щался сурово, награждалъ и казнилъ ихъ безъ суда и причины. Наконецъ, хотя изъ добрыхъ и благихъ побужденій, сдѣлалъ онъ одно прибавленіе къ богослуженію, надѣлавшее тогда много шума и ставшее извѣстнымъ синоду. Въ 1827 году Иринеи, обозрѣвая ввѣренную ему епархію, замѣтилъ въ ней быстрое усиленіе раскола: многія семейства, даже цѣлыя села и деревни вдругъ отпадали отъ православной церкви и переходили въ расколъ. «Недоумѣвая, объяснялъ онъ синоду, какимъ образомъ столь успѣшно дѣйствуютъ распространители раскола на низшій классъ людей, всегда приверженный къ православной церкви, я старался изыскивать сему причины. Проѣзжая по епархіи, я бесѣдовалъ съ раскольниками разныхъ толковъ. Собесѣдованія сіи открыли мнѣ, что всѣ тѣ, кои издавна находились въ отступничествѣ, научены были не только молитвамъ, но и толкованію многихъ мѣстъ священнаго Писанія, хотя въ превратномъ смыслѣ, но въ совершенномъ убѣжденіи, что они мыслятъ истинно, отчего и не влемлютъ никакимъ уже внушеніямъ. Для привлеченія въ свою ересь простодушныхъ, употребляютъ они наружные обряды, симъ послѣднимъ вовсе неизвѣстные, какъ-то: чтеніе молитвъ съ извѣстнымъ числомъ большихъ и малыхъ поклоновъ, называя сіе началомъ молитвы. Для счета поклоновъ имѣютъ всѣ почти безъ исключенія чѣтки, или такъ-называемыя ими лестовки. Средство сіе въ обольщеніи простодушныхъ, желающихъ спасенія, употребляемое подъ столь благовиднымъ предлогомъ, тѣмъ болѣе дѣйствительно, что производится не одними лжеучителями, но даже безграмотными бабами и дѣвками. Между тѣмъ какъ православные не только не знаютъ молитвъ и никѣмъ онымъ не научаются, но многіе по небреженію своему не умѣютъ порядочно изобразить на себѣ крестное знаменіе. Небрежность сія произошла частію и отъ самого духовенства, ибо и изъ него многіе, знаменуя на себѣ крестъ, производятъ сіе машинально, безъ всякаго благоговѣнія. Раскольники, указуя на сіе небреженіе, соблазняютъ простодушныхъ наружнымъ своимъ благоговѣніемъ, упрекая ихъ, что съ измѣненіемъ (по ихъ мнѣнію) священныхъ книгъ, потеряно всякое достоудное благочестіе. Молоканы-же, отвергающіе всякое наружное богопочитаніе, насмѣхаясь надъ неблагоговѣннымъ изображеніемъ крестнаго знаменія, упрекаютъ православныхъ, что они не крестятся, а махаются, и что священники ихъ не пастыри, а наемники, ибо де стараются не о обученіи своихъ прихожанъ православному исповѣданію вѣры, но объ одномъ только прибыткѣ своемъ, и что только у нихъ однихъ находятся свыше вдохновенные старцы. Зло сіе до того простерлось, что между многими другими сектами внесена

ужаснѣйшая секта самоубійць, извѣстная по селу Копенамъ и могущая служить разительнымъ примѣромъ заблужденія простодушныхъ... Къ отвращенію впаденія въ столь богопротивную секту, содѣлавшуюся мнѣ извѣстною подъ именемъ «спасовцевъ», предварительно разослано было по всей епархіи сочиненіе мое подѣ названіемъ: «О необходимости устной предѣ іереемъ исповѣди». Кромѣ сихъ заблужденій, новокрещенные мордва и татары, не будучи назидаемы въ христіанскомъ благочестіи и научены молитвамъ и догматамъ вѣры, остаются донинѣ въ совершенномъ невѣжествѣ. Для приведенія въ познаніе истинъ христіанской вѣры нашей и къ отвращенію впаденія въ гибельный расколъ, при обзорѣ вѣренной мнѣ епархіи, возбуждалъ я надежныхъ священниковъ, дабы они озаботились обученіемъ прихожанъ своихъ, а особливо малолѣтнихъ дѣтей, молитвамъ и прочему (способъ сего обученія для примѣра я преподалъ самъ), поручивъ духовенству извѣщать меня о плодахъ, какіе отъ сего усмотрѣны будутъ. Впослѣдствіи времени дознано мною, что таковое обученіе можетъ произвести желаемое дѣйствіе, ибо замѣчено, что народъ, а особенно малолѣтныя дѣти, въ большемъ количествѣ приходили въ церковь и всѣ съ удовольствіемъ произносили за священникомъ молитвы. Руководствуясь симъ примѣромъ и указомъ св. синода 1821 года января 25-го дня, коимъ предоставлено епархіальнымъ архіереямъ употребить всевозможное пастырское попеченіе о усиленіи церковнаго наставленія между православнымъ народомъ въ вѣрѣ и благонравіи христіанскомъ, съ предоставленіемъ ближайшему ихъ усмотрѣнію употребить къ тому средства, сообразныя съ обстоятельствами вѣренныхъ имъ паствъ, призналъ я необходимо нужнымъ сдѣлать повсемѣстное уже распоряженіе, дабы священники первоначально занялись обученіемъ прихожанъ своихъ молитвамъ по тому порядку, какой изложенъ мною въ предложеніи пензенской духовной консисторіи».

Порядокъ этотъ былъ слѣдующій: по совершеніи божественной литургіи, послѣ отпуска, священникъ долженъ былъ учить своихъ прихожанъ въ церкви такъ:

- 1) Во имя Отца... трижды, съ тремя земными поклонами.
- 2) Молитвами святыхъ отецъ.
- 3) Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ.
- 4) Царю небесный.
- 5) Святый Боже, трижды, съ тремя доземными (малыми) поклонами.
- 6) Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу.
- 7) Пресвятая Троице.

8) Господи помилуй, трижды.

9) Слава и нынѣ.

10) Отче нашъ, безъ яко Твое есть царство, съ однимъ поклономъ.

11) Господи помилуй, 12 разъ.

12) Слава и нынѣ.

13) Приидите, поклонимся, трижды, съ тремя доземными поклонами.

14) Вѣрую.

15) Ослаби, остави, съ доземнымъ поклономъ.

По окончаніи:

16) Богородице Дѣво.

17) Десять заповѣдей Божіихъ, прибавляя къ началу каждой заповѣди: 1-я заповѣдь Божія; 2-я заповѣдь Божія, и такъ далѣе, дабы сильнѣе напечатлѣлось въ сердцѣ, что заповѣди сіи не человѣческія, а Божіи.

18) Достойно есть; по окончаніи, до земли поклонъ.

19) Боже, милостивый буди мнѣ грѣшному, трижды, съ тремя доземными поклонами.

«Но чтобы дать дѣйствию сему, продолжаетъ Ириней, особую важность и благоговѣніе и поставить твердый оплотъ противъ раскольническихъ обрядовъ, назначилъ я приличные поклоны. По окончаніи-же урока, священникъ долженъ былъ, кромѣ обыкновенныхъ поклоновъ при упомянутыхъ молитвахъ, обратившись къ народу и произнеши слова: «Простите мя, братіе», *пасть на землю*, дабы явить собою примѣръ самоотверженія Іисуса Христа. За то и народъ, въ свою очередь, когда скажетъ: *Богъ да проститъ ти, честный отче! помолись о насъ, прости и благослови насъ!* долженъ пасть на землю, а священникъ встать и сказать: *Господь нашъ Іисусъ Христосъ благодатию и щедротами своего человеколюбія да проститъ и помилуетъ и благословитъ васъ*. Послѣ этого, не прибавляя болѣе никакихъ словъ, священникъ осѣняетъ всѣхъ рукою въ образъ креста Господня. Мѣру сію призналъ я потому болѣе необходимою, что постоянное преподаваніе христіанскаго ученія и толкованіе катехизиса, введенныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по пензенской епархіи, не имѣютъ не только должнаго успѣха въ обращеніи уклонившихся въ расколъ, но ниже малѣйшаго вліянія на простодушныхъ, по совершенному незнанію ими догматовъ православной церкви нашей, особенно-же при невнятномъ и невпечатлительномъ чтеніи, и, такимъ образомъ, необходимо нужно было приготовить ихъ къ слушанію катехизиса изученіемъ сказанныхъ молитвъ. Да и въ числѣ самого духовенства есть столь неблагомыслящіе священнослужители,

что, оставляя прихожанъ своихъ въ совершенномъ невѣжествѣ, доводятъ ихъ до той степени закоснѣлости, что они, сдѣлавшись равнодушными къ вѣрѣ и впадши въ грѣхи, не чувствуютъ гибельности своего состоянія и не ищутъ исправленія. Между тѣмъ, сами сіи священники, представляя ежегодно исповѣдныя списки, показываютъ всѣхъ бывшими у исповѣди и св. причастія, и сіе столь страшное злоупотребленіе дѣлаютъ изъ жадности къ корыстолюбію, коимъ пользуются при составленіи сихъ списковъ по домамъ своихъ прихожанъ. Равнымъ образомъ, извлекаютъ они свою пользу и изъ незнанія прихожанами своими молитвы Господней, символа, вѣры и заповѣдей Божіихъ, ибо при вступленіи въ супружество брачившіеся, не бывъ научены онымъ, по неимѣнію сельскихъ училищъ и нерадѣнію о томъ священно- и церковнослужителей, принуждены бывають исполнять, хотя и съ большимъ отягощеніемъ, всѣ незаконныя требованія духовенства; нѣкоторые изъ священнослужителей до того простирають свои притязанія, что и самое исхожденіе на молитвословія, бываемыя во время бездождія и безведрія, исполняютъ не иначе, какъ по полученіи съ прихожанъ значительной платы. Чтобы искоренить таковыя злоупотребленія и истребить всякое на духовенство нареканіе, сдѣланы мною слѣдующія распоряженія: а) предписаны правила благочиннымъ и приходскимъ священникамъ, дабы, подъ надзоромъ первыхъ, священники, а сихъ церковнослужители, обучались всѣмъ предметамъ, до должностей ихъ относящимся, задавая имъ для изученія по временамъ такіе уроки, какіе они назначать, по силамъ своимъ, въ чемъ и требуются отъ нихъ по временамъ надлежащіе отчеты; б) всѣ священно- и церковнослужители обязаны подписками, дабы при входѣ во храмъ и св. алтарь, а также при всякомъ приступѣ къ дѣйствию священнослуженія, чинили поклоненіе со страхомъ Божіимъ; в) таковыми-же подписками обязаны они, священно- и церковнослужители, довольствоваться узаконенною за требы платою, а для общаго свѣдѣнія, сколько слѣдуетъ взимать имъ денегъ, на основаніи высочайшаго указа 1801 г., апрѣля 3-го дня, прибиты въ трапезахъ церковныхъ объявленія»¹⁾).

Не отрицая ни важности побужденій, заставившихъ преосвященнаго Иринѣя прибѣгнуть къ вышеупомянутой мѣрѣ, ни той пользы, какая въ нѣкоторой степени могла проистечь отъ нея для утвержденія хри-

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 18-го іюля 1828 г., № 114/114, по предложенію синодальнаго члена Серафима, митрополита новгородскаго, о сдѣланномъ пензенскимъ преосвященнымъ Иринеємъ добавленіи къ богослуженію.

стіанъ въ православіи, мы не можемъ въ то-же время не замѣтить въ немъ увлеченія своею идеею до крайности, преступленія границъ своей власти и слишкомъ большой свободы въ дѣйствіяхъ. По мнѣнію его, расколъ какъ будто оттого только и держится и распространяется, что православные худо или вовсе не знаютъ молитвъ, а священники не учатъ ихъ молитвамъ и поклонамъ, и что будто-бы стоитъ только начать въ церквахъ обученіе православнымъ молитвамъ, заставить ихъ дѣлать при этомъ извѣстное число поклоновъ и ввести пустынно-жительскій способъ испрошенія священникомъ прощенія у своихъ прихожанъ и прихожанъ у священника, чрезъ поверженіе на землю,—такъ расколъ и падеть. А что это было со стороны Иринея истинно увлеченіе своею идеею, что эта мѣра вовсе не сопровождалась тѣми плодами, какихъ онъ ожидалъ отъ нея, и что она, напротивъ, произвела результаты совершенно противоположные—это всего лучше можно видѣть изъ отношенія саратовскаго гражданскаго губернатора къ оберъ-прокурору св. синода отъ 25-го іюня 1828 г. ¹⁾, и изъ распоряженій самого синода ²⁾. Первый, вполнѣ соглашаясь съ важностью и основательностью побужденій, руководившихъ Иринеемъ при введеніи упомянутой мѣры, и отдавая должную справедливость его ревности къ православію, замѣчаетъ при этомъ, что «это распоряженіе новизною своею возродило разные толки и особенно въ старообрядцахъ, основывающихъ богослуженіе свое на неизмѣняемыхъ древнихъ правилахъ, утвержденныхъ святыми отцами и вселенскими соборами. Они сей новый обрядъ усиленнаго моленія нашего и познанія о вѣрѣ почитаютъ, по духу суевѣрія своего, противнымъ общимъ правиламъ церкви и тѣмъ болѣе усиливаются удерживать сію мысль за собою, что сей новый обрядъ есть единственный только въ Саратовской губерніи. Такіе и подобные тому толки, возрождая каждый разъ новое о себѣ сужденіе, становятся для раскольниковъ новою пищею и новымъ доказательствомъ къ тѣмъ причинамъ, по коимъ они удаляются отъ соединенія съ православною церковью нашею». Синодъ, чрезъ преемниковъ Иринея, епископовъ пензенскаго и саратовскаго, дѣлалъ дознаніе о результатѣ мѣры, введенной имъ, и окончательно убѣдился въ ея бесполезности, а потому приказалъ отмѣнить ее. Но въ Пензѣ страсти Иринея еще не достигли своего апогея; имъ суждено

¹⁾ См. въ этомъ-же дѣлѣ списокъ съ отношенія саратовскаго гражданскаго губернатора къ оберъ-прокурору св. синода, отъ 25-го іюня 1828 г., за № 7030.

²⁾ См. тамъ-же опредѣленіе синода и указъ митрополиту Серафиму, августа 10-го дня 1832 г.

было развиться въ Иркутскѣ, куда онъ былъ переведенъ въ 1830 году. Переводъ этотъ сопровождался, къ несчастію, такими обстоятельствами, которыя, бывъ Иринею поняты по-своему, служили ему какъ-бы поощреніемъ и возбужденіемъ къ тѣмъ самымъ дѣйствіямъ, которыя навлекли на него порицаніе въ Пензѣ. Его переводили въ Иркутскъ съ пожалованіемъ во архіепископа и съ извѣщеніемъ, что его посылаютъ туда какъ человѣка твердаго; это вскружило ему голову; онъ не могъ понять, что этими ласкательными словами хотѣли смягчить горечь почетной ссылки. Мѣстные обстоятельства иркутской епархіи, этого, по словамъ иркутскаго іерарха Нила¹⁾, края переселенія и изгнанія, гдѣ въ основу населенія легло отребіе человѣческаго рода, края, на которомъ отражалась всякая политическая буря, пронесившаяся по Россіи, и непремѣнно заносившая туда свои жертвы, гдѣ и московскіе стрѣльцы, и участники пугачевщины, и вѣтковскіе и стародубскіе изувѣры, и литовскіе бродяги; и польскіе крамольники, всѣ оставили свои отродья, обреченныя передавать изъ рода въ родъ печальную память отцовъ своихъ; безпорядки по епархіальному управленію, допущенные предмѣстникомъ Иринея, невысокое нравственное состояніе тамошняго духовенства; слишкомъ угловатыя отношенія Иринея къ мѣстной гражданской власти, которая, нужно сказать, не отличалась ни высокою нравственностью, ни мягкостью манеръ, ни деликатностью въ сношеніяхъ,—все это служило горючимъ матеріаломъ для огненного характера Иринея. Онъ явился въ Иркутскъ безошаднымъ и въ то-же время самымъ неразборчивымъ и самоуправнымъ карателемъ и метителемъ за всѣ преступленія, совершенныя иркутскимъ духовенствомъ до него²⁾, наказывалъ не только за преступленія, прежде совершенныя, но и за тѣ, которыя онъ, такъ сказать, предугадывалъ въ духовенствѣ или подозрѣвалъ, и наказывалъ безъ милости, безъ суда, съ холоднымъ безчеловѣчіемъ азіятскаго деспота. Не довольствуясь карательною ролью по отношенію къ духовнымъ,

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1847 года, подъ № 94, по замѣчаніямъ относительно духовной части, сдѣланнымъ при ревизіи государственныхъ имуществъ въ Сибири, тобольской, томской и иркутской епархіи.

²⁾ Въ продолженіе менѣе года Ириной отрѣшилъ отъ должности: каедральнаго протоіерея Парнякова, протоіерея Громова, протоіерея и благочиннаго Флоренсова, секретаря консисторіи Копылова, удалилъ отъ управленія игуменью Иларію, запретилъ присутствовать въ консисторіи ректору иркутской семинаріи. Мы не упоминаемъ здѣсь о другихъ духовныхъ лицахъ, то удаленныхъ Иринеемъ отъ должностей, то запрещенныхъ въ священнослуженіи, то переведенныхъ съ хорошихъ мѣстъ на худыя, безъ всякаго суда и слѣдствія.

онъ взялъ на себя обязанность Навана-пророка по отношенію къ генералъ-губернатору Лавинскому, грозилъ ему анаѣмою и чуть не публично обличалъ его ¹⁾. Замѣтивъ явное отвращеніе къ себѣ во всѣхъ, гласныя и открытыя насмѣшки надъ собою, онъ еще болѣе ожесточился и, наконецъ, дошелъ, кажется, до помѣшательства и началъ съумасбродствовать. Чтобы имѣть нѣкоторое понятіе о дѣйствіяхъ Ириней въ Иркутскѣ, мы приведемъ здѣсь выдержку изъ записки иркутскаго кафедральнаго протоіерея Парнякова, поданной имъ Государю Императору, въ которой онъ жалуется на обращеніе съ нимъ Ириней, а также извлеченіе изъ дѣла по жалобѣ на Ириней благочиннаго иркутскихъ церквей, протоіерея Флоренсова. Вотъ что писалъ Парняковъ:

1) «Преосвященный Ириней, не удовольствовавшись услугами, состоявшими въ провожаніи его изъ архіерейскаго дома въ кафедральный соборъ предъ каждою божественною литургіею, приказалъ встрѣчать себя при рундукѣ, къ приѣзду Казанской Божіей Матери примкнутомъ, и возводить подъ руки на оный такъ, чтобы тяжесть тѣла его лежала на моихъ и ключаря Масюкова рукахъ. Потомъ, не удовольствовавшись и симъ, приказалъ встрѣчать на срединѣ помоста между кафедральнымъ соборомъ и архіерейскимъ домомъ, шагахъ въ тридцати съ южной стороны параллельно лежащаго. Наконецъ, и симъ не удовольствовавшись, строжайше приказалъ мнѣ ожидать его на той срединѣ помоста полчаса непременно, *и въ самые жестокіе морозы въ холодной одеждѣ*, въ случаѣ-же невозможности отъ сихъ морозовъ стоять на мѣстѣ неподвижно, прохаживаться по оному, какъ дозволено военнымъ часовымъ, угрожая за неисполненіе сего приказанія строжайшимъ съ меня взысканіемъ и усиливая приказаніе сіе образами встрѣчъ российскихъ первостепенныхъ архипастырей. Приказаніе сіе исполнялъ я въ виду народа, съ постоянною точностью, такимъ-же образомъ встрѣчая его преосвящество и у приходскихъ храмовъ, при подъѣздѣ къ нимъ вынимая изъ кареты, и по выходѣ изъ оныхъ садя въ оную.

2) «5-го дня ноября минувшаго 1830 года архіепископъ Ириней, по входѣ въ Петропавловскій храмъ въ мантии, взошедъ на возвышенное мѣсто предъ царскими вратами для слушанія обычнаго входнаго, при испрашиваніи отъ него исправляющимъ должность протодіакона

¹⁾ Одна старуха, не получившая удовлетворенія по своей просьбѣ у Лавинскаго, пришла къ архіерею съ жалобою на губернатора. Архіерей, встрѣтивши Лавинскаго близъ собора, въ присутствіи многихъ началъ поносить его вслухъ, называя притѣснителемъ бѣдныхъ и сирыхъ.

благословенія на чтеніе входнаго, вдругъ обратившись ко мнѣ, грознымъ голосомъ спросилъ меня, почему я не распространилъ праваго клироса? и за симъ вопросомъ, сошедъ съ мѣста и подошедъ къ углу клироса, дѣлалъ мнѣ всенародно строгіе выговоры, сравнивая меня съ мальчикомъ, стоявшимъ за онымъ клиросомъ въ разодранномъ платьѣ. Хотя, по выслушаніи сихъ выговоровъ, осмѣлился было я на уваженіе его преосвященству представить, что какъ протяженіемъ клироса и стояніемъ на ономъ пѣвчихъ будетъ закрыта отъ взоровъ благоговѣйныхъ читателей чудотворная икона Пресвятой Богородицы, поставленная въ ономъ мѣстѣ съ самаго основанія собора, то, въ отвращеніе народнаго ропота и охлажденія къ вѣрѣ, нужно съ архипастырскаго его благо-разсмотрѣнія предварительно избрать и уготовить благоприличное для оной другое мѣсто. Но преосвященный Ириней, съ гнѣвомъ погрозивъ мнѣ пальцемъ, пошелъ искать по кафедральному собору мѣста для чудотворной иконы, и остановившись прямо у каменнаго въ сводѣ столпа, среди собора стоящаго, въ коемъ помѣщена икона Чудотворца Николая, приказалъ чудотворную икону Божіей Матери перенести въ оный столпъ. Но какъ въ послѣдствіи времени открылось, что въ протяженіи клироса за мѣсто чудотворной иконы, существенной нужды вовсе не настояло, то и чудотворная икона осталась на прежнемъ мѣстѣ.

3) «19-го ноября, по пріѣздѣ преосвященнаго Ириней къ западному рундуку кафедральнаго собора, по вынутіи его изъ кареты мною съ ключаремъ протоіереемъ Масюковымъ, въ эпитрахили одѣтымъ, и по возведеніи подъ-руки на рундукъ, остановившись его преосвященство на паперти собора, сдѣлалъ мнѣ строжайшій выговоръ за подачу ему нѣкоторыми канцелярскими служителями прошенія о выдачѣ имъ впередъ жалованья, поставивъ вину ихъ въ вину мнѣ, съ угрозою строгимъ за сіе съ меня взысканіемъ, несмотря на то, что я вовсе не имѣлъ и понятія о томъ прошеніи, а по входѣ въ притворъ церковный, остановившись на мѣстѣ облаченія въ мантию, вслухъ предстоявшаго народа весьма громко сказалъ: «Гдѣ пьяный діаконъ? сейчасъ подайте его сюда!» разумѣя подъ симъ вдоваго діакона Суслова, подъ смотрѣніемъ эконома архіерейскаго дома находившагося; послѣ сего такимъ-же голосомъ сказалъ мнѣ, погрозивъ пальцемъ: «Я съ тебя взыщу; я тебя отрѣшу отъ собора и консисторіи», и, одѣвшись въ мантию на семь мѣстѣ, поносилъ меня дотолѣ, пока пришелъ изъ архіерейскаго дома и явился къ нему вышеозначенный діаконъ, коему публично архіепископъ Ириней громкимъ голосомъ грозилъ отсылкою въ военную службу; наконецъ, и по

совершеніи божественной литургіи архієпископъ Ириней поносилъ меня на томъ-же мѣстѣ, какъ ему было угодно.

4) «Двадцатаго дня сего-же мѣсяца, во всерадостный день празднованія всевоздѣлениѣйшаго восшествія Его Императорскаго Величества на всероссійскій Императорскій престолъ, по обыкновенной встрѣчѣ архієпископа Ириней, при возведеніи его изъ кареты на рундукъ собора, обратившись ко мнѣ съ суровымъ видомъ, въ сильномъ гнѣвѣ сказалъ: «Вамъ неприлично носить рясу этого цвѣта», указывая на мою рясу краснаго цвѣта, по скудости моей, какъ извѣстно иркутскимъ жителямъ и прочимъ, однимъ изъ доброхотныхъ купцовъ мнѣ подаренную, въ которую, какъ наилучшую изъ трехъ, я одѣлся въ ознаменованіе сердечной, искренней и сыновней радости о благоденственномъ, мирномъ и отеческомъ самодержавіи Его Императорскаго Величества; и проходя преосвященный Ириней до мѣста съ разными мнѣ упреками и поношеніями, остановившись на паперти, весьма громко сказалъ мнѣ, съ угрозою пальцемъ: «Не смѣй носить эту рясу; довольно для тебя, что Государь далъ тебѣ лоскутокъ такого бархату», указывая на камилавку, всемилостивѣйше мнѣ пожалованную. Потомъ дѣлалъ мнѣ разныя и такія укоризны, кои, при собравшемся на паперти народѣ, шедшемъ къ божественной литургіи въ соборъ, пронзали сердце мое, и въ сильномъ азартѣ продолжалъ поносить меня дотолѣ, пока уже усмотрѣлъ взади правой стороны на паперти генераль-губернатора Восточной Сибири Лавинскаго, стоявшаго въ сіе время съ фрейлиною Лавинскою. Не удовольствовавшись архієпископъ Ириней и симъ мщеніемъ, во время чтенія шестого часа предъ божественною литургією, по выходѣ моемъ со служившими тогда священнослужителями изъ святаго алтаря въ храмъ, вслухъ народа назвалъ меня невѣжею за то, что я, проходя мимо г. генераль-губернатора, поклонился ему, запретивъ между тѣмъ и впредь кланяться сими словами: «Невѣжа, при мнѣ ты не долженъ кланяться г. губернатору; *годъ я, тамъ все должно уничтожаться и падать*», подтвердивъ сіе и во св. алтарѣ, по приобщеніи страшныхъ Христовыхъ Таинъ. Послѣ божественной литургіи, когда архієпископъ Ириней, при провожаніи его изъ собора, усмотрѣлъ на мнѣ рясу другую, цвѣта зеленаго, которую, во избѣжаніе горшаго отъ него гнѣва и мщенія, приказалъ я принести изъ дома въ соборъ во время служенія литургіи, такъ какъ, кромѣ сей, другой, приличнѣйшей высокотожественному и всерадостнѣйшему дню сему, я уже не имѣлъ, его преосвященству и сія ряса не понравилась.

5) «Впослѣдствіи хотя преосвященный архієпископъ Ириней 20-го дня ноябрю въ архіерейскомъ домѣ и просилъ у меня прощенія въ обидѣ,

нанесенной мнѣ въ соборѣ, сознавъ и ошибку свою, во время молебна сдѣланную, при духовныхъ лицахъ, въ томъ домѣ бывшихъ; но симъ христіанскимъ дѣйствіемъ его преосвященство хотѣлъ только прикрыть сердечную на меня злобу, которую онъ весьма скоро и обнаружилъ, ибо 21-го дня сего-же мѣсяца воспретилъ мнѣ носить и послѣднюю рясу темнаго цвѣта, покойнымъ архіепископомъ Михаиломъ за усердное исполненіе порученій его въ 1822 году предъ св. Пасхою мнѣ данную.

6) «8-го дня декабря, при самомъ началѣ благовѣста къ божественной литургіи, архіепископъ Ириней, пришедши въ кафедральный соборъ прежде назначеннаго имъ самимъ времени къ благовѣсту, приказавъ самолично чередному священнику сдѣлать начало къ чтенію часовъ, поставилъ сіе въ вину мнѣ, съ угрозою въ храмъ пальцемъ: взыскать съ меня строго, отрѣшиться отъ собора и консисторіи и сдѣлать меня заштатнымъ, а подъ видомъ и якобы для приведенія въ порядокъ собора, въ томъ-же храмѣ отрѣшивъ меня отъ консисторіи, приказалъ мнѣ *ночевать въ соборѣ со сторожами* и свидѣтельствовать въ домахъ больныхъ священно- и церковнослужителей, сторожей и звонарей, такъ какъ въ то время многіе изъ нихъ и градожителей, при свирѣстествовавшемъ повѣтріи, страдали головою и грудною болѣзнями съ жестокимъ кашлемъ, вслѣдствіе чего какъ того дня съ исправляющимъ должность протодіакона діаконѣмъ Кедровымъ, такъ и послѣ, свидѣтельствовалъ ключаря и прочихъ священно- и церковнослужителей.

7) «Девятаго дня сего-же мѣсяца, когда, по неожиданному требованію преосвященнаго архіепископа Ириней, *явился я въ 4-мѣ часу пополуночи* въ архіерейскій домъ, архіепископъ, при самомъ появленіи моемъ къ нему, не удостоивъ меня и благословенія архимонастырскаго, сдѣлалъ мнѣ съ азартнымъ видомъ и весьма громкимъ голосомъ прищипку, якобы и я, и священно- и церковнослужители не во время собираемся въ соборъ, куда якобы приказалъ онъ собираться при первомъ ударѣ въ колоколъ, вмѣсто того, что самъ-же онъ какъ прежде приказалъ, такъ и наканунѣ, т. е. 8-го дня, строго подтвердилъ собираться въ соборъ въ теченіи получаса, которое время назначено имъ на благовѣсть, который и доселѣ продолжается столько-же времени, а во дни священнослуженія его преосвященства продолжается часъ. Потомъ дѣлалъ мнѣ рѣзкія укоризны, даже въ ужасъ меня приводившія, за слово, въ день тезоименитства Его Императорскаго Величества мною произнесенное, 5-го дня его преосвященствомъ смотрѣнное, и во всерадостнѣйшій день имъ-же самимъ похваленное, приказавъ мнѣ читать оное слово, и по прочтеніи первой части трактатіи онаго, сказалъ: «Ты похитилъ тексты изъ св. Пи-

санія, какъ Прометей похитилъ священный огонь съ неба». Послѣ сего дѣлалъ мнѣ угрозы отрѣшеніемъ меня отъ каѳедрального собора и консисторіи (?), очерненіемъ предъ св. правительствующимъ синодомъ и лишеніемъ высокомонаршихъ знаковъ отличій, усиливая угрозы сіи для большаго впечатлѣнія во мнѣ страха тѣмъ, что онъ изъ всѣхъ архіереевъ избранныйшій и отличнѣйшій; что онъ имѣетъ высочайшую грамоту на знаки ордена св. Анны преимущественную предъ прочими архіереями; что весь жребій мой въ рукахъ его преосвященства; что онъ накажетъ меня примѣрно. Окончивъ укоризны и угрозы сіи, около часа вмѣстѣ съ благовѣстомъ къ утрени продолжавшіяся, наконецъ назначилъ онъ мнѣ съ священно-и церковнослужителями каѳедрального собора изъ разныхъ мѣстъ священнаго Писанія для изученія тексты, строжайше приказавъ являться къ себѣ предъ каждымъ богослуженіемъ, какъ для отчета въ урокахъ оныхъ, такъ и для полученія новыхъ.

8) «Когда къ его преосвященству являлся я со священно- и церковнослужителями сего же 9-го дня предъ литургіею, предъ вечернею, 10-го дня предъ утренею, литургіею и вечернею, то каждый разъ при отчетѣ въ старыхъ урокахъ и полученіи новыхъ, получалъ отъ него новые упреки, укоризны и угрозы, а 11-го дня предъ утренею архіепископъ Приней, при всѣхъ усиліяхъ стѣснить чѣмъ-нибудь меня, истощивъ средства къ таковому притѣсненію, или наскучивъ уже онымъ, въ хожденіи въ архіерейскій домъ со священно- и церковнослужителями мнѣ отказалъ, приказавъ отселъ мнѣ назначать уроки и себѣ, и священно- и церковнослужителямъ, разрѣшивъ мнѣ, вопреки своему приказанію, 8-го дня въ каѳедральномъ соборѣ словесно данному и въ канцеляріи консисторіи словесно-же въ тотъ день объявленному, ходить въ присутствіе консисторіи по-прежнему. *Уроки сіи, извѣстные мнѣ и магистру іерею Николаю Спасскому, мы учили въ твердость.*

9) «Когда отъ продолжительныхъ ожиданій преосвященнаго Принея въ жестокіе сибирскіе морозы, въ холодной одеждѣ, и отъ безвременныхъ въ ночное время къ нему хожденій, при всегдашнемъ страхѣ получить выговоры, которыми онъ часто останавливалъ меня то на помостѣ между каѳедральнымъ соборомъ и архіерейскимъ домомъ, то въ казанскомъ холодномъ придѣлѣ, то на наперти собора, будучи самъ онъ въ теплой одеждѣ, получилъ я сильную простуду, при геморроидескихъ припадкахъ, около 25-ти лѣтъ меня мучащихъ и отъ простуды сей еще болѣе усилившихся, и съ 24-го ноября страдалъ жесточайшею болѣзнію по 4-е декабря, когда и послѣ сей болѣзни, при несовершенномъ здоровьѣ,

изможденномъ тѣлѣ и слабыхъ силахъ, 12-го декабря, почувствовавъ при ожиданіи и встрѣчѣ преосвященнаго Ириней въ кафедральномъ соборѣ на открытомъ и возвышенномъ рундукѣ онаго сильнѣйшую простуду отъ быстрого стремленія порывистой со снѣгомъ бури съ сѣверной стороны рѣки Ангары, проникнувшей (sic) чрезъ правое ухо во внутренность головы и шеи, доселѣ неизлѣчимыхъ, только до 14-го дня сего мѣсяца имѣлъ силы бороться съ болѣзнію, и когда сего 14-го дня послѣ утрени столь жестоко пораженъ былъ сею болѣзнію, что штабъ-лекаръ 7-го класса и кавалеръ Сорочинскій, всегда мнѣ помогающій, опытнымъ токмо искусствомъ и неусыпнымъ попеченіемъ могъ остановить опаснѣйшія оной послѣдствія чрезъ истребленіе желчи, разлившейся по желудку и появившейся на поверхности тѣла,—его преосвященство, совершенно зная о качествѣ моей болѣзни и о сомнительномъ отъ оной выздоровленіи, вмѣсто того, чтобы по архипастырской своей милости попечись о моемъ здоровьѣ, или, по крайней мѣрѣ, дать мнѣ потребное на выздоровленіе и укрѣпленіе силъ время,—время сіе нарочито избралъ, дабы сильнѣе дать мнѣ почувствовать всю тяжесть его гоненія: 23-го дня декабря, сверхъ моего чаянія, отрѣшивъ меня отъ собора и духовной консисторіи вовсе, запретилъ и священнослуженіе, опредѣливъ къ двуприходской градо-иркутской Воскресенской церкви на мѣсто протоіерея Проконія Громова третьимъ, только для полученія отъ оной дохода, чѣмъ поразилъ меня такъ жестоко, что я, при очевидной уже опасности отъ болѣзни тѣлесной, опасался даже болѣзни душевной, а семейство мое, т. е. осьмидесятисемилѣтняя дряхлая мать, жена и дочь, при горестнѣйшихъ слезахъ и вопляхъ, по немощи ихъ пола, не въ силахъ будучи перенести сего неожиданнаго и сильнаго удара, сдѣлались тяжело больны.

10) «Двадцать четвертаго декабря, когда я, полумертвый, помышлялъ только о христіанскомъ напутствіи въ вѣчность, архіепископъ Ириней, потому-ли, что еще искалъ во мнѣ пищи своему мщенію, или потому, что хотѣлъ ускорить смерть мою, послалъ ко мнѣ секретаря иркутской духовной консисторіи Копылова для того, чтобы 1-е, спросить меня: *великодушно-ли я переношу наказаніе?* 2-е, предложить его преосвященства совѣтъ мнѣ и семейству, дабы не входили въ св. синодъ съ жалобою на него, угрожая за противное сему самымъ жесточайшимъ отягощеніемъ судьбы моей».

Опуская 11, 12, 13 и 14 пункты жалобы Парнякова, въ которыхъ онъ защищается противъ взводимыхъ на него архіепископомъ Иринею обвиненій, переходимъ къ 15-му пункту, гдѣ Парняковъ доноситъ, что

Ириней своимъ соблазнительнымъ отпращиваніемъ богослуженія, а не онъ, Парняковъ, довель кафедральный иркутскій соборъ до того разстройства, въ какомъ онъ находится, по описанію Ириней. «Хотя—пишетъ Парняковъ—изъ усилій преосвященнаго Ириней привести въ порядокъ кафедральный соборъ, извѣстны мнѣ, священно- и церковнослужителямъ, сторожамъ, звонарямъ и публикѣ: *первое*: разговоры, кои онъ продолжалъ въ соборѣ при облаченіи въ мантию, прежде въ казанскомъ холодномъ соборѣ, а послѣ въ притворѣ собора, при входѣ въ самый соборъ, при чтеніи входнаго и часовъ, предъ божественною литургіею, предъ первою частью оной, а иногда и въ самую литургію и при самомъ чтеніи имъ проповѣди, отчего и литургія, начавшаяся въ 10 часовъ пополудни, исключая времени благовѣста, оканчивалась въ два часа съ половиною, а иногда и въ три пополудни, и многіе изъ богомольцевъ выходили изъ собора прежде окончанія литургіи, но въ сихъ разговорахъ, или, по выраженію архіепископа Ириней, усиліяхъ видно было только то, что онъ въ продолженіи оныхъ *то переставлялъ священниковъ и діаконівъ съ мѣста на мѣсто, то поправлялъ у нихъ послѣднихъ платки на шею, то перекладывалъ коверъ своими руками*, то ходилъ въ мантии по собору, то громкимъ голосомъ останавливалъ безъ нужды исправляющаго должность протодіакона, угрожая ему отсылкою либо на село, либо въ полицію, либо къ коменданту, то останавливалъ псаломщиковъ и пѣвчихъ, передразнивая ихъ, какъ его преосвященству угодно, то съ остановкою также чтенія часовъ вызывалъ меня изъ алтаря и приказывалъ мнѣ всенародно *зачесывать* волосы у псаломщиковъ и пономарей, то при чтеніи: «Господи, помилуй» приказывалъ псаломщикамъ въ случаѣ недостатка въ душевномъ умиленіи лицемѣрить, а въ случаѣ недостатка и въ сей способности, возглашать по подобію рабовъ, умоляющихъ господъ своихъ при наказаніи сими первыхъ, возвышая для сего самъ архіепископъ Ириней голосъ свой, по подобію тѣхъ рабовъ, съ троекратнымъ повтореніемъ сего слова: «*помилуй*»; то требовалъ отъ кого-либо изъ священно- и церковнослужителей объясненій на нѣкоторые слова изъ псалмовъ чтимыхъ, или уже прочтенныхъ, то изыскалъ самъ или какой-либо текстъ изъ св. Писанія имъ взятый, или какое-либо таинство, объяснивъ однажды дѣйствіе помазанія мѣромъ сравненіемъ съ такимъ дѣйствіемъ, которое, при уничтоженіи сего высокаго таинства, слушателей привело въ соблазнъ, а воспоминаніе объ немъ и доселѣ приводитъ въ душевную скорбь, а 21-го дня ноября изысканіемъ совершенно противнымъ св. Писанію обряда введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, при наведеніи на слушателей ужаса, пронзилъ до самой глубины

сердца ихъ, оставивъ въ оныхъ самое пагубное впечатлѣніе; то, наконецъ, при чтеніи проповѣдей, останавливаясь, обращался къ священно- и церковнослужителямъ съ упреками ихъ мягкими перинами. *Второе:* по-сѣщеніе имъ кафедральнаго собора чрезъ нѣсколько дней во время повседнежнаго пѣнія утрени, литургіи и вечерни, такъ какъ въ дванадесятые праздники и торжественные дни архіепископъ Ириней ни для совершенія всенощнаго бдѣнія, по примѣру его предшественниковъ, ни для моленія собора вовсе не посѣщалъ; но въ тѣ времена его преосвященство, при тогдашнемъ продолженіи утренняго пѣнія по четыре часа, а вечерняго по два съ половиною, учредилъ токмо новый порядокъ, по которому въ вечернее пѣніе девятый часъ и повечеріе читаются въ притворѣ церковномъ, чинъ вечерни отправляется священникомъ въ одной эпитрахили безъ фелони; въ вышеозначенное время священно- и церковнослужители сперва стоятъ въ притворѣ съ народомъ, потомъ переходятъ изъ онаго во храмъ, наконецъ изъ сего паки въ притворъ. Священникъ чередный предъ окончаніемъ повечерія и полунощницы испрашиваетъ обычнаго прощенія, *лежа на полу притвора*, и порядокъ сей соблюдался съ строгою точностью неизмѣнно» ¹⁾. Но въ словахъ Парнякова, какъ человѣка обиженнаго и раздраженнаго, быть можетъ есть преувеличеніе. Обратимся къ жалобѣ на Ириней протоіерея Флоренсова, которой справедливость подтвердилась формальнымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ преемникомъ Ириней, преосвященнымъ Мелетіемъ. Сущность этой жалобы заключается въ томъ: 1) что онъ, Флоренсовъ, несмотря на исправленіе со всѣмъ тщаніемъ и по долгу данной присяги должностей благочиннаго и члена консисторіи, былъ отъ нихъ уволенъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто-бы не радѣлъ по благочинію, утаивая пьянствующихъ, а въ консисторіи подписывалъ бумаги безъ всякаго разсмотрѣнія; въ сущности-же за то, что обще съ другими членами иркутской консисторіи подписалъ докладъ по просьбѣ протоіерея Парнякова, просившаго консисторію пріостановиться исполненіемъ невыгодныхъ для него распоряженій преосвященнаго Ириней до полученія отвѣта на жалобу, поданную имъ, Парняковымъ, въ синодъ на Ириней.

2) «Но этимъ, писалъ Флоренсовъ, преосвященный Ириней не прекратилъ своего къ нему неблаговоленія, но, напротивъ, болѣе и болѣе усиливая оное, обнаружилъ преимущественно 20-го мая минувшаго

¹⁾ См. въ св. синодѣ записку о нанесенной обидѣ преосвященнымъ Иринеемъ кафедральному протоіерею Парнякову отрѣшеніемъ его отъ собора и консисторіи съ запрещеніемъ священнодѣйствія.

1831 г. въ произнесеніи на счетъ его, Флоренсова, разныхъ оскорбительныхъ укоризнъ и угрозъ, что было при товарищѣ его, Флоренсова, священникѣ Іоаннѣ Сукневѣ и діаконѣ Кузнецовѣ, бывшихъ съ тѣмъ Флоренсовымъ въ то время у архіепископа Ириней для принятія благословенія, по случаю наступающаго храмоваго праздника Владимірской Божіей Матери. 3) Таковое неблаговоленіе къ нему не переставалъ Ириней обнаруживать и въ самый праздникъ, т. е. 21-го мая, во время совершенія имъ въ упомянутой церкви литургіи, относя на счетъ Флоренсова разныя несправности, какъ-то: поставлялъ ему въ вину: а) что на жертвенникѣ и престолѣ невеликолѣпныя одежды; в) что антиминсъ хранится въ женскомъ платкѣ; е) что птички свили въ окнахъ оной церкви гнѣзда, за что угрожалъ взятіемъ его, Флоренсова, подъ надзоръ въ крестовую церковь и страданіями его самого и даже жены и дѣтей его. 4) Мая 22-го дня, когда онъ, Флоренсовъ, съ товарищемъ своимъ, священникомъ Сукневымъ, и діаконъ Кузнецовымъ пришли благодарить его, преосвященнаго, за отслуженіе въ сей праздникъ божественной литургіи: то послѣ укоренія его, Флоренсова, вышеупомянутыми несправностями, дѣйствительно было приказано имъ, преосвященнымъ Иринею, ходить ему въ домовую церковь учиться пѣть и читать подъ надзоромъ іеромонаха Варлаама, который изъ костромской епархіи поступилъ въ иркутскую съ нечистымъ послужнымъ спискомъ и самимъ преосвященнымъ Иринею за развратное и соблазнительное поведеніе былъ отрѣшенъ отъ экономской при иркутской семинаріи должности. 5) 23-го мая въ продолженіе утрени былъ испытуетъ вышеупомянутымъ іеромонахомъ Варлаамомъ въ чтеніи и того-жъ числа послѣ поздней литургіи, во время которой преосвященный архіепископъ Ириней, при неумѣстныхъ разсужденіяхъ, производилъ ужасные безпорядки, былъ онъ отъ хожденія въ домовую церковь уволенъ съ объявленіемъ, что чрезъ мѣсяцъ будетъ въ оную призванъ на экзаменъ». Эти ужасные безпорядки, которые производилъ архіерей въ своей домовой церкви, состояли, по описанію Флоренсова, въ томъ, что Ириней безпрестанно останавливалъ читавшаго часы запрещеннаго священника Христофора Куртукова, взятаго также на испытаніе, говоря ему, будто онъ читаетъ неправильно, противъ ударенія, безъ чувства, и что самъ Богъ его наказываетъ, что онъ, архіепископъ Ириней, сколько разъ ни покушался разрѣшить ему, Куртукову, священнослуженіе, но сдѣлать сего никакъ не могъ; разсуждалъ, остановивъ службу, о протоіерей Проконіѣ Громовѣ, будто-бы защищавшемъ протоіерея Никифора Парнякова отъ притѣсненія архіепископа Ириней, и о протоіерей Парняковѣ, будто-бы прежде притѣснявшемъ въ это время тутъ-же находившагося запре-

щеннаго священника Георгія Амвросова; рассказывалъ, будто протоіерей Громовъ ѣздилъ въ заморскій край не для обозрѣнія церквей, а для обогащенія, ибо по возвращеніи изъ поѣздки купилъ себѣ домъ, и будто протоіерей Парняковъ, бѣгая гдѣ-то за какою-то женщиною, сронилъ съ себя крестъ. Грозно допрашивалъ Флоренсова, подписался-ли онъ, или нѣтъ, подъ дѣломъ упомянутаго священника Амвросова, котораго онъ называлъ бѣднымъ и невиннымъ страдальцемъ; рассказывалъ, съ злостною улыбкою, какъ и гдѣ подписывалъ вышепронисанный докладъ о протоіерей Парняковѣ посольскій архимандритъ Феодоритъ. Пѣвчаго Петра Ковригина, что нынѣ діакономъ при иркутскомъ кафедральномъ соборѣ, называлъ человѣкомъ добрымъ, но ожирѣвшимъ отъ монашескаго хлѣба, и говорилъ ему, чтобы онъ шелъ въ монастырь; кричалъ на іеромонаха Варлаама, что не смотритъ за ввѣренными его смотрѣнію; дѣлалъ распоряженія, кому смотрѣть того дня въ отсутствіе іеромонаха Варлаама; съ крикомъ останавливалъ служащаго священника съ діакономъ, приказывалъ имъ повторять одно и то-же и даже неоднократно издѣвался, передразнивая голосъ и произношеніе послѣдняго во время чтенія св. Евангелія; призывалъ во св. алтарь священника Флоренсова, показывалъ мѣсто, гдѣ стоитъ зеркало, укорялъ, что онъ въ ихъ церкви видѣлъ гдѣ-то начесанные волосы; подходилъ неоднократно къ царскимъ вратамъ, смотрѣлъ чрезъ нихъ сверху въ алтарь на дѣйствующихъ священнослужителей, приказывалъ имъ останавливаться во время освященія даровъ, вбѣгалъ въ св. алтарь, и при этомъ разъ ударился такъ въ восточныхъ дверяхъ, что едва могла удержаться на немъ камилавка; похваляясь неограниченностью архіерейской власти, утверждалъ, что онъ, какъ архіерей, можетъ дѣлать все, что ни захочетъ, и въ самой церкви, въ какой-бы то часъ ни было; давалъ Флоренсову приказаніе перенести стояція при ихъ владимірской церкви дрова съ настоящаго мѣста на другое; полныя мѣста заградить такъ, чтобы не могли входить въ оную собаки, которыя, какъ онъ говорилъ, чинятъ непотребства; сдѣлать большой образъ съ золотыми рамами и устроить горнее мѣсто ¹⁾. Такія и многія другія имъ подобныя дѣйствія совершались Иринею открыто, часто въ кафедральномъ соборѣ и въ высокаторжественные дни. Притомъ-же, какъ сказано выше, Ириней позволялъ себѣ дѣлать обличенія и генераль-губернатору Восточной Сибири Лавинскому, человѣку гордому, мстительному и несовѣстному

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло объ удаленіи архіепископа Ирины отъ управленія иркутскою епархією и о переведеніи на мѣсто его пермского епископа Мелетія съ повышеніемъ во архіепископа.

чистому, а поѣтому очень обидчивому, и дѣлать ихъ гласно, на улицѣ, при стеченіи народа.

Лавинскій не могъ перенести этого и чрезъ шефа жандармовъ донесъ Государю о всѣхъ выходкахъ Ириней.

26-го іюня 1831 года оберъ-прокуроръ св. синода князь Мещерскій сдѣлалъ синоду такого рода предложеніе, что «по дошедшимъ до Государя Императора свѣдѣніямъ о безпорядкахъ, происшедшихъ по иркутской епархіи во время управленія оною архіепископа Ириней, и о предосудительныхъ его дѣйствіяхъ, по коимъ полагать должно, что онъ подвергся разстройству умственныхъ способностей, Его Величество высочайше повелѣть соизволилъ удалить его немедленно отъ управленія епархіею и запереть въ монастырь по усмотрѣнію св. синода, съ назначеніемъ ему содержанія, а на мѣсто его представить кандидатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь Императоръ повелѣваетъ, чтобы по назначеніи въ иркутскую епархію другого архіерея, поручить ему разсмотрѣніе жалобъ и доносовъ, поступившихъ на архіепископа Ириней, и затѣмъ представить св. синоду мнѣніе о исправленіи тѣхъ безпорядковъ и неустройствъ, кои по духовному управленію тамъ оказались» ¹⁾. Синодъ, выслушавъ такое предложеніе, *по довольномъ о семъ разсужденіи*, приговорилъ поднести Государю докладъ слѣдующаго содержанія: «*Первое*: означеннаго архіепископа Ириней, по удаленіи отъ управленія епархіею, не допускать болѣе до священнослуженія; *второе*: пребываніе ему имѣть вологодской епархіи во второклассномъ Спасоприлуцкомъ монастырѣ, гдѣ, сверхъ бдительнаго за нимъ надзора настоятеля сего монастыря, имѣть таковой-же и вологодскому епархіальному архіерею, а касательно образа жизни и поступковъ доносить по третямъ года; *третье*: по надлежащемъ объявленіи о семъ ему, архіепископу, и по принятіи отъ него всего принадлежащаго иркутскому архіерейскому дому казеннаго имущества и денежной суммы, кому отъ синода поручено сіе будетъ, слѣдовать ему въ назначаемое мѣстопробываніе въ сопровожденіи надежнаго чиновника, коего истребовать отъ генераль-губернатора Восточной Сибири; *четвертое*: на проѣздъ и препровожденіе его, архіепископа, Ириней отъ Иркутска въ Вологду и на путевыя при семъ дальнемъ нереѣздѣ издержки, отпустить прогонныя деньги по сану его, да на обратный путь въ Иркутскъ чиновнику, имѣющему провожать его, архіепископа, въ Вологду, сколько по чину его слѣдовать будетъ, на счетъ экстраординарной суммы, ассигнуемой ежегодно по духовному вѣдомству. *Пятое*: на содержаніе его,

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ нами дѣлѣ предложеніе князя Мещерскаго синоду.

архієпископа, въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ производить ежегодно по 1.200 рублей изъ Государственнаго казначейства» ¹⁾). Далѣе въ докладѣ говорится о кандидатахъ, представляемыхъ на иркутскую кафедру. Государь вполнѣ утвердилъ докладъ синода. Къ Стефану, епископу вологодскому, а равно и къ Иринею, посланы были указы изъ св. синода по этому предмету. Но при полученіи послѣднимъ указа объ его удаленіи отъ епархіи, онъ счелъ его за подложный и за продѣлку Лавинскаго и другихъ его зложелателей. Вотъ какъ объ этомъ происшествіи, на основаніи донесеній генералъ-губернатора Восточной Сибири и иркутскаго коменданта, писалъ князь Мещерскій въ предложеніи синоду: «Государь Императоръ получилъ отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири и иркутскаго коменданта донесенія о необыкновенномъ поступкѣ преосвященнаго Ирины, бывшаго архієпископа иркутскаго, который, утверждая, что присланный изъ св. синода объ удаленіи его изъ епархіи указъ есть подложный, потому что непечатный, рѣшился самъ отвезти на гауптвахту чиновника, отряженнаго для сопровожденія его въ Вологду, гдѣ для пребыванія его назначенъ Спасоприлуцкій монастырь, обвинялъ сего чиновника предъ солдатами и народомъ въ злоумышленіи на жизнь его и убѣждалъ ихъ защитить своего пастыря ²⁾).

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ докладъ св. синода.

²⁾ Чтобы получить обстоятельное понятіе о поступкѣ Ирины, мы приведемъ здѣсь дословно донесеніе объ этомъ чиновника Голубева, отношеніе иркутскаго гражданскаго губернатора къ генералъ-губернатору Восточной Сибири и рапорты эконома архієрейскаго иркутскаго дома Варлаама и протоіерея Каноровскаго.

Голубевъ доносилъ Лавинскому, что когда онъ 20-го сентября, въ 8½ часовъ полуночи, явился къ высокопреосвященному Иринею и послѣ должнаго привѣтствія объявилъ ему, что онъ назначенъ сопутствовать ему до мѣста его пребыванія, «то сіе объявленіе преосвященный Ириней принялъ въ видѣ насилія и спросилъ у меня, по какому праву я пришелъ его схватить, присовокупляя къ тому, что онъ долженъ сдать соборъ имѣющему прибыть архієпископу Мелетію; но постепенно отклоняясь отъ сего послѣдняго изреченія, объявилъ мнѣ, что присланный указъ на счетъ смѣны его есть подложный и что онъ не признаетъ его дѣйствительнымъ потому, что всѣ именныя указы должны быть печатанные; что никакого архієрея Мелетія на мѣсто его не назначено, и пришедъ въ нѣкоторое изступленіе, вышелъ изъ дома, украшенный орденомъ и панатією, не переставая повторять вышесказаннаго, и что я первый, какъ исполнитель сего ложнаго указа, лишусь чиновъ и моего шитаго мундира, и что онъ не хочетъ отдать себя гражданскому начальству. Я, слѣдуя за нимъ, удостовѣрялъ его самыми почтительными выраженіями, что я отнюдь не пріѣхалъ схватить его; что время отправленія его вовсе не принужденно, но онъ ничего не слушалъ и держалъ меня за руку; хватая даже за шпату и за бортъ, приблизился къ стоящему у собора часовому и приказалъ какъ ему, такъ и собравшимся на дворѣ служителямъ и казначею его, за-

«Его Величество, относя таковыя дѣйствія архіепископа Ириней къ помѣшательству ума, въ коемъ онъ уже замѣченъ, но, тѣмъ не менѣе,

щищать его отъ насилія и задержать меня, а между тѣмъ послалъ еще за часовыми, которые и прибыли отъ находящагося вблизи плагбаума и триумфальныхъ воротъ, и получили отъ него тѣ-же отзывы на счетъ насилія и таковое-же приказаніе задержать меня и вести за нимъ на главную гауптвахту. Я, предвидя, что сіе рѣшительное намѣреніе его можетъ произвести большое смятеніе въ городѣ, хотѣлъ съ помощію служителей его и казначея не допустить его выйти изъ соборнаго двора, но будучи окруженъ людьми его и часовыми, убѣжденными ложными объявленіями его о насиліи и о прочемъ и въ точности исполняющими его приказанія, я излишнимъ счелъ сопротивляться, и за таковымъ конвоемъ вышли мы чрезъ соборный дворъ къ помянутой заставѣ, съ которой ефрейторъ нарядилъ двухъ часовыхъ, приказавъ имъ идти за нами на главную гауптвахту. Всѣ убѣжденія мои къ его высокопреосвященству и ко всѣмъ вышеупомянутымъ лицамъ оставить сію столь позорную для сана его процессію, или, по крайней мѣрѣ, идти къ г. генералъ-губернатору, были бесполезны и мы въ такомъ видѣ и въ сопровожденіи постепенно стекавшагося народа прибыли на главную гауптвахту, гдѣ и были встрѣчены караульнымъ офицеромъ и плацъ-маіоромъ, и не взирая на дальнѣйшія настоянія высокопреосвященнаго Ириней задержать меня, я оставилъ ихъ и имѣлъ честь явиться къ вашему высокопревосходительству. Во время-же слѣдованія нашего онъ, высокопреосвященный Ириней, всякому встрѣчающемуся лицу объявлялъ, что я хотѣлъ внезапно схватить его, не допустить къ сдачѣ собора, зарѣзать его на пути и потомъ объявить, что онъ, какъ съумашедшій, самъ зарѣзался; что до сихъ поръ не было молебствія по случаю рожденія великаго князя Николая Николаевича и что указы синода о смѣнѣ его ложны».

Гражданскій губернаторъ въ отношеніи своемъ писалъ: «Послѣ произведеннаго 20-го сентября соблазнительнаго и предосудительнаго поступка высокопреосвященнымъ Иринеемъ, я, желая узнать о состояніи его здоровья, послалъ къ нему окружнаго лекаря Сарочинскаго, который по возвращеніи отъ него доложилъ мнѣ, что здоровье его не показываетъ никакого болѣзненнаго состоянія, но что умственные его способности находятся еще въ воспламененіи. Въ разговорѣ старался ему доказать ложность указовъ, увѣряя его, что онъ вскорѣ опять будетъ архіепископомъ иркутскимъ и тогда онъ ему въ знакъ благодарности и его къ нему, архіерею, преданности поручитъ пользованіе въ семинарской больницѣ.

«По прошествіи недѣли, полагая, что имѣлъ время обдумать нелѣпость учиненнаго имъ поступка, я, вмѣстѣ съ г. комендантомъ Покровскимъ, отправился къ нему; по прибытіи въ келію доложили о нашемъ приходѣ; онъ вышелъ въ приличной одеждѣ, сдѣлалъ скромное привѣтствіе, спросилъ о нашемъ здоровьѣ; но когда я, по краткомъ разговорѣ, сдѣлалъ вопросъ о его здоровьѣ, то онъ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ, что онъ здоровъ и что это докажетъ мнѣ, вскочилъ съ нѣкоторою горячіюстію съ дивана, пошелъ въ спальню и вынесъ нѣсколько бумагъ, сѣлъ опять и, отложивъ ихъ къ сторонѣ, началъ разсказывать о Пугачевѣ, о возмущеніяхъ, бывшихъ въ царствованіе блаженной памяти Государыни Екатерины, и что они всѣ происходили отъ ложныхъ указовъ, почему письменнымъ не велѣно вѣрить. Когда я ему сказалъ, что это относится къ дѣламъ, кои во всемъ государствѣ должны быть извѣстны, а что дѣла къ лицамъ, или

признавая необходимымъ отправленіе его изъ Иркутска и сопровожденіе до мѣста назначенія произвести подь строгимъ надзоромъ, какого по-

одной части принадлежащія, исполняются по письменнымъ указамъ: то онъ съ горячностію стремился мнѣ разяснить, что есть письменное или печатное распоряженіе и какъ должно понимать именныя Высочайшія повелѣнія, указывая на печатный докладъ св. синода о его назначеніи въ иркутскую епархію. На возраженіе мое, что докладъ печатается для циркулярнаго свѣдѣнія и разсылки въ другія епархіи, онъ называлъ мое сужденіе софизмами, потомъ началъ разяснять предшествовавшія предъ 20 числомъ дѣйствія свои; что онъ приготовлялся къ публичной сценѣ, зная съ мая мѣсяца, что ему предназначается перемѣна, что онъ чрезъ разныя хитрости вывѣдывалъ расположеніе умовъ; что мы вѣрно перемѣну его права замѣтили; что въ немъ азіятская кровь, но что высокопреосвященный патріархъ константинопольскій, при которомъ онъ яко-бы находился въ служеніи, замѣчалъ его умъ и говорилъ, что рѣдко такой хитрости найти можно; что и здѣсь, получивъ указъ синода на имя его, онъ 7 дней удерживалъ его безъ огласки; что онъ отъ того времени старался знакомить солдатъ съ его особой, выходилъ подь видомъ прогулки къ стоящимъ у собора и у московскаго шлагбаума часовымъ и караульнымъ, разговаривалъ съ ними и такъ готовилъ ихъ къ тому, что ежели ему нужна будетъ защита войскъ, они его уже знали; что посѣщеніе его къ г. генераль-губернатору и изъявленіе готовности къ отъѣзду была хитрость и отзывъ его, что не имѣетъ готоваго экипажа, сдѣлалъ для того, дабы г. генераль-губернаторъ приказалъ починить экипажъ въ ремесленномъ домѣ и чрезъ что всѣ каторжные узнали, что ему готовятъ отъѣздъ. Продолжая такой разговоръ болѣе часа, на отзывъ г. коменданта, чтобъ онъ былъ теперь спокоенъ, ибо никто его къ выѣзду принуждать не будетъ, а вѣрно прибудетъ довѣренная особа изъ С.-Петербурга, онъ отвѣчалъ: Можно нарядить какого нибудь обманщика въ генеральскій мундиръ и обвѣщать его орденами для того только, чтобы выманить его изъ Иркутска и тогда умертвить; почему никакая сила не вывезетъ его отсюда, если ему не будутъ предъявлены нѣкоторые печатные указы.

«Между продолжавшихся болѣе 2-хъ часовъ разговоровъ (ибо когда мы хотѣли удалиться, онъ опустился предо мною на колѣна и просилъ терпѣливо его слушать), онъ увѣрялъ меня, что буде я къ нему буду расположенъ, спасетъ меня и выпутаетъ изъ сего дѣла и что онъ одного губернатора, который съ семействомъ своимъ у ногъ его просилъ, избавилъ отъ всякой бѣды. Потомъ упрекалъ, что я съ архимандритомъ Иларіемъ въ дружбѣ и что старались скрыть 15.000 рублей, но что все это выведено. Когда-же я его спросилъ, что вѣрно онъ шутитъ, дѣлая мнѣ такія укоризны, то сталъ извиняться. Продолжая разговоръ, онъ сказывалъ, что собиралъ всѣхъ священниковъ, убѣждалъ ихъ не вѣрить полученному указу, что архіепископъ Мелетій не существуетъ; что за республикованіе указа секретарь будетъ наказанъ кнутомъ, а протоіерей разстриженъ; что онъ, дабы пріобрѣсть преданность духовныхъ лицъ, дарилъ ихъ серебромъ, рясами, богатыми поясами. Всѣ его рассказы клонились къ тому, чтобы доказать, что онъ не можетъ лишиться своего мѣста и что всѣ партикулярныя письма, получаемыя имъ отъ знакомыхъ и объясняющія участіе въ его положеніи, есть слѣдствіе подложныхъ указовъ, разосланныхъ отъ извѣстныхъ ему лицъ изъ С.-Петербурга во всѣ мѣста. Преніе продолжалось два часа; увѣренія наши, что онъ заблуждается, всегда прини-

ступокъ его заслуживаетъ, высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ генераль-губернатору, повелѣтъ соизвоилъ: объявить архіепископу Иринею

мамы были съ обновленіемъ горячности, которая въ продолженіи его разговора опять утихала. Изъ всего сего я вижу какое-то смѣшеніе обдуманнаго плана и запальчивости страстей; полагаю, что безъ особенныхъ рѣшительныхъ мѣръ нельзя будетъ склонить его къ выѣзду изъ Иркутска».

Съ другой стороны, экономъ Варлаамъ такъ рапортовалъ объ этомъ иркутской консисторіи: «Вчерашняго, т. е. 20-го сентября, въ 9 часовъ утра, пришедши въ архіерейскій домъ, чиновникъ Голубевъ имѣлъ съ его высокопреосвященствомъ архіепископомъ Иринеемъ аудіенцію во внутреннихъ покояхъ дома, по выходѣ изъ коихъ въ прихожую учинился между ними неизвѣстно почему громкій споръ и въ тѣ-жъ самыя минуты пошли они оба къ часовому солдату, охраняющему соборную ризницу. Когда они шли, трудно было замѣтить, который изъ нихъ котораго велъ, поелику держались одинъ за другого. Въ сіе время сказано было о семъ происшествіи эконому архіерейскаго дома іеромонаху Варлааму, находящемуся тогда въ своей кельѣ, который прибѣжалъ къ означенному караулу и увидѣлъ ихъ держащихъ другъ друга за воротъ, и чиновникъ Голубевъ кричалъ своему кучеру: *За Кабритомъ сейчасъ, за Кабритомъ, чтобы заставаля меня здѣсь!* Между тѣмъ извѣщенъ бывши военный караулъ, стоящій на постѣ съ въѣзду Московскаго тракта, сбѣжался и, взявши того чиновника, повелъ со двора архіерейскаго чрезъ семинарскій дворъ. Что за оградю между ними происходило, намъ неизвѣстно, поелику экономъ во время ухода ихъ за ограду, возвратился осмотрѣть домъ архіерейскій, и чрезъ полчаса примѣрно отправился освѣдомиться о преосвященномъ, коего нашель въ ордонансъ-гаузѣ, окруженнаго чиновниками и солдатами. Въ ордонансъ-гаузѣ экономъ, препятствуемъ будучи толпою чиновниковъ, ничего не могъ услышать, кромѣ какъ преосвященный часто произносилъ имя Императора Николая и предавалъ себя защитѣ воиновъ, требуя присутствія г. коменданта. Между тѣмъ экономъ, не зная причины сего обстоятельства, за нужное почелъ просить г. иркутскаго городничаго, тамъ-же находившагося, обезопасить домъ архіерейскій воинскою стражею, и самъ возвратился въ архіерейскій домъ, куда чрезъ малое время прибылъ и его высокопреосвященство, въ сопровожденіи г. коменданта; затѣмъ прибыли г. генераль-губернаторъ Александръ Степановичъ Лавинскій съ чиновниками; немного спустя, прибылъ гражданскій губернаторъ Иванъ Богдановичъ Цейдлеръ, а наконецъ и г. прокуроръ, недавно пріѣхавшій изъ С.-Петербурга. Вудучи всѣ въ залѣ архіерейскаго дома, разговаривали много, но разговоры ихъ никто изъ насъ въ связи замѣтить не могли, испугавшись внезапности происшествія. Со стороны его высокопреосвященства часто выражаемо было Высочайшее имя Императора Николая, коего рѣшенію онъ вѣрялъ свою участь, и объявилъ, что онъ желаетъ встать предъ судъ вмѣстѣ съ г. генераль-губернаторомъ, увѣряя притомъ, что указы объ отправленіи его высокопреосвященства архіепископа Иринея и о опредѣленіи на его мѣсто архіепископа Мелетія суть подложныя, и что онъ желаетъ быть судимъ здѣсь, не соглашаясь отправиться изъ Иркутска, особенно съ чиновникомъ для него подозрительнымъ, и вообще ни съ какимъ, до рѣшенія своей судьбы на мѣстѣ въ Иркутскѣ Государемъ Императоромъ. Послѣ сего г. генераль-губернаторъ, г. гражданскій губернаторъ и всѣ чиновники отправились, оставя караулъ около архіерейскаго дома, который караулъ и теперь находится».

такую волю его Величества, въ рескриптѣ семъ изложенную, и непосредственно за симъ, въ присутствіи генералъ-губернатора и отправлен-

Репортъ протоіерея Каноровскаго отличается особенными подробностями. «Сего сентября 20-го числа, совершая позднюю божественную литургію, могъ замѣтить какъ видѣ церкви великое смятеніе народа, такъ и въ церкви многихъ пришедшихъ въ смущеніе и вышедшихъ изъ оной. По окончаніи литургіи узналъ по слухамъ, что причину сего смятенія было взятіе преосвященнаго архіепископа Иринѣя чиновникомъ Голубевымъ изъ архіерейскаго дома и отведеніе его въ гауптвахту, что и понудило меня прямо изъ церкви идти въ архіерейскій домъ, куда пришедъ, не засталъ уже ни чиновниковъ и никого изъ постороннихъ людей, но только разставленный кругомъ архіерейскаго дома военный караулъ, и вошедши въ келью преосвященнаго, нашель въ оной іеродіакона Памсіа и прочихъ принадлежащихъ преосвященному келейниковъ, которые всѣ совокупно объяснили мнѣ слѣдующее происшествіе: какъ только начался благовѣстъ къ поздней божественной литургіи въ соборѣ, въ то самое время вдругъ вошелъ въ прихожую комнату чиновникъ высокаго роста и спросилъ у бывшаго тутъ іеродіакона Памсіа весьма грубо: «У себя-ли архіерей»? Онъ отвѣчалъ: дома. Чиновникъ сказалъ: «Гдѣ онъ? доложи ему, что чиновникъ Голубевъ пришелъ къ нему отъ генералъ-губернатора за важнымъ дѣломъ». Памсіа сказалъ: «Хорошо, я сейчасъ доложу», и пошелъ во внутренніе покои и доложилъ преосвященному. Преосвященный, надѣвъ рясу и прилично одѣвшись, пошелъ въ гостиную залу и приказалъ Памсіа просить чиновника Голубева къ себѣ, и когда Голубевъ пришелъ къ преосвященному въ залу, то былъ встрѣченъ имъ, преосвященнымъ, весьма учтиво и, расхаживая по залѣ, сказалъ преосвященному: «Я посланъ отъ г. генералъ-губернатора объявить вамъ, чтобы вы готовы были къ выѣзду сегодня въ третьемъ часу», и что ему поручено сопровождать его, преосвященнаго. На что преосвященный говорилъ ему со скромностію: «Никакъ невозможно мнѣ исправиться такъ скоро больше потому, что имѣющееся у меня въ отвѣтственности имущество никому не сдано, а сдавать оное нужно время». Голубевъ на то сказалъ: «Это вздоръ, и мнѣ до того дѣла нѣтъ, а вы будьте готовы къ выѣзду въ третьемъ часу». Преосвященный говорилъ, что и отъ чего происходитъ такая поспѣшность, и какъ можно такъ скоро исправиться къ отъезду.

«Голубевъ говорилъ съ величайшею грубостію: «Когда такъ, и ты не хочешь, то васъ свяжутъ и увезутъ: мнѣ то поручено по Высочайшему повелѣнію!» Преосвященный на это сказалъ: «Какъ ты смѣешь мнѣ такъ дерзко говорить, невѣжа!» Послѣ чего, должно полагать, что Голубевъ ударилъ преосвященнаго, потому что послѣдовалъ стукъ и шумъ, и вдругъ увидѣли, что Голубевъ тащитъ преосвященнаго по кельямъ, держа за воротъ ризы у горла, и такъ протаскилъ его по всѣмъ покоямъ, вытащилъ въ сѣни, гдѣ неизвѣстно кто изъ нихъ кричалъ: караулъ! Видя такое происшествіе, келейники испугались и побѣжали къ шлагбауму объявить караулу, стоящему у перевоза на Московскій трактъ, и просить солдатъ на защиту къ преосвященному. Голубевъ, вытаскивши въ ограду преосвященнаго, кричалъ караульному, стоящему у собора: «Возьми, свяжи его!» Но караульный сказалъ: «Я не могу отойти отъ поста». Голубевъ, ведя преосвященнаго чрезъ ограду къ караульному, дернулъ его посреди ограды такъ сильно за рясу, что преосвященный повалился, причемъ Адріанъ Быковъ подхватилъ его и удержалъ, а Голубевъ кричалъ своему кучеру: «Кучеръ, за Кабриотомъ, сейчасъ за Ка-

наго съ симъ рескриптомъ въ Иркутскъ флигель-адъютанта поручика Гогея 1-го, сдать его въ вѣдомство корпуса жандармовъ подполковника

бритомъ! чтобы заставлялъ меня здѣсь!» и, притаща къ будкѣ, толкалъ его, преосвященнаго, въ оную, но преосвященный въ томъ воспротивился. Послѣ чего Голубевъ хотѣлъ тащить преосвященнаго въ ворота, гдѣ стояли лошади съ дрожками, куда преосвященный также воспротивился и не пошелъ, а пошелъ съ Голубевымъ, держа другъ друга, по оградѣ мимо консисторіи, гдѣ встрѣтились съ ними солдаты, пришедшіе отъ шлагбаума по повѣсткѣ келейниковъ. Преосвященный, увидавши солдатъ, сказалъ имъ: «Воины! защитите меня; я нахожусь въ опасности!» и въ сопровожденіи солдатъ пришли они на шлагбаумъ, гдѣ преосвященный взомель на плацъ-форму и говорилъ солдатамъ: «Воины, защитники отечества! сохраните меня, пусть я здѣсь у васъ умру, но только-бы сей извергъ не могъ у меня отнять жизни и меня задушить. Ведите насъ обоихъ куда слѣдуетъ!» И послѣ того пошли на гауптвахту въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ солдатъ, которые шли за ними съ ружьями. Голубевъ, отгоняя солдатъ, кричалъ имъ: «Не троньтесь! не ходите! я вамъ приказываю именемъ бригаднаго: мнѣ дана власть связать его и везти». Но чтѣ солдаты отвѣчали: «Мы, видя такую особу въ опасности, не можемъ тебя слушать, а должны васъ обоихъ препроводить куда слѣдуетъ, и тамъ ваше дѣло будетъ разсмотрѣно». Но Голубевъ кричалъ: «Прочь! я васъ всѣхъ передупу!» причемъ ругалъ ихъ и преосвященнаго называлъ разбойникомъ, и когда пришли къ гауптвахтѣ, то преосвященный взомель на фронтъ и просилъ у стоящаго тутъ караула защиты, объявлялъ, что онъ и даже самая жизнь его состоитъ въ величайшей опасности, а Голубевъ неизвѣстно куда ушелъ. Вскорѣ послѣ того, пришелъ тутъ генераль-губернаторъ Лавинскій въ фуражкѣ, во фракѣ и въ плащѣ, и, пришедши, приказывалъ тутъ бывшимъ взять преосвященнаго и увести въ арестантскую, но плацъ-маіоръ и никто другіе не исполняли сего приказанія. А генераль-губернаторъ, самъ взявши преосвященнаго, повелъ на крыльцо и говорилъ ему: «Потихе! потихе! не разглашайте ничего народу, пойдемъ лучше въ комнату и тамъ поговоримъ». Преосвященный, входя на крыльцо, увидѣлъ, что его генераль-губернаторъ ведетъ въ арестантскую, испугался и не пошелъ далѣе и сѣлъ тутъ на ступень, и, сидя тутъ, плакалъ, утираясь платкомъ. Народъ, стоящій предъ гауптвахтою, видя въ такомъ положеніи преосвященнаго, также плакалъ. Вдругъ вставши, сбѣжалъ (онъ) со ступеней на фронтъ и говорилъ народу: «Православные христіане! вы видите, сѹмасшедшій-ли я, и въ какомъ я нахожусь теперь положеніи! можете видѣть, что самая жизнь моя состоитъ теперь въ опасности! прошу васъ, будьте свидѣтели всего, чтѣ дѣлается теперь со мною». Между тѣмъ, генераль-губернаторъ, тутъ-же подошедъ, приказывалъ нѣсколько разъ тащить его, преосвященнаго, въ арестантскую, но никто на то не соглашался, почему генераль-губернаторъ, съ досадою и азартомъ взявъ преосвященнаго за руку, тащилъ его съ сквернословнымъ ругательствомъ, а преосвященный, ухватившись за столбикъ, гдѣ кладутъ ружья, и держась за оный крѣпко, требовалъ коменданта и говорилъ генераль-губернатору: «По какому праву вы требуете отъ меня, чтобы я шелъ въ арестантскую и для чего?» Генераль-губернаторъ говорилъ, что то дѣлается по Высочайшему повелѣнію Государя Императора. На сіе преосвященный сказалъ: «Объявите и покажите мнѣ подлинный на сіе указъ». Въ то время, подошедъ къ нему, предсѣдатель губернскаго правленія Муравьевъ сказалъ: «У насъ есть въ губернскомъ правленіи о томъ указъ печатный, чтобы

Брянчанинова, назначеннаго для сопровожденія его отъ Иркутска до Спасоприлуцкаго монастыря.

«За симъ его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы, по прибытіи архіепископа Ириней въ Спасоприлуцкій монастырь, произведено было по распоряженію св. синода самое строгое изслѣдованіе объ означенномъ поступкѣ его, и ежели по сему изслѣдованію окажется, что поступокъ сей учиненъ не въ помѣшательствѣ ума, то, по мнѣнію Его Величества, важность преступленія заслуживаетъ, чтобы виновный былъ лишенъ архіерейскаго сана и сосланъ въ Соловецкій монастырь; но

васъ увезти даже связаннаго». На чтѣ преосвященный сказалъ: «Да гдѣ-же онъ? покажите мнѣ его, и когда я самъ увижу повелѣніе Государя Императора и будетъ здѣсь комендантъ, то тогда не только пойду въ арестантскую, но даже въ тюрьму, и готовъ буду во всемъ повелѣнію Высочайшему повиноваться». Потомъ, обратясь къ народу, говорилъ: «Прошу васъ, будьте свидѣтели всѣ въ томъ, что генераль-губернаторъ ложно объявляетъ фальшивый указъ, чтобы меня посадить въ арестантскую и, связавъ, увезти неизвѣстно куда». Между тѣмъ, пріѣхалъ комендантъ и, съ поспѣшностію соскочивъ съ дрожекъ, бѣжалъ къ преосвященному, а преосвященный, увидѣвши его, пошелъ къ нему навстрѣчу. Комендантъ подошелъ съ учтивствомъ къ преосвященному и просилъ у него благословенія. Преосвященный, давъ руку, объявилъ ему обо всемъ случившемся происшествіи и просилъ у него, вспоминая имя Государя Императора, защиты. Комендантъ сказалъ: «Какъ и кто могъ здѣсь помимо меня распоряжаться и брать такую особу подъ арестъ»? Потомъ пошли они къ дому преосвященнѣйшаго, куда за ними послѣдовали генераль-губернаторъ, за нимъ Муравьевъ, городничій и съ ними прочіе чиновники и весь народъ, и когда преосвященный съ комендантомъ и генераль-губернаторъ съ прочими чиновниками вошли въ келью и покои преосвященнаго, тогда вскорѣ прибыли тутъ-же г. гражданскій губернаторъ и прокуроръ, коимъ всѣмъ преосвященный объявлялъ и говорилъ, что генераль-губернаторъ не есть ему судья, потому что самъ въ своемъ дѣлѣ судьей быть не можетъ, на чтѣ самъ генераль-губернаторъ, подошедъ близко къ преосвященному, сказалъ: «У насъ съ вами никакихъ дѣлъ нѣтъ, да и не бывало». Преосвященный говорилъ: «Наши съ вами дѣла велики, ихъ разбирать можетъ только довѣренная особа отъ Государя Императора. И такъ мы оба будемъ предъ правосудіемъ великаго монарха на одной стоять половицѣ и между нами Государь будетъ посредникомъ. Я донесъ на тебя Его Императорскому Величеству чрезъ г. Бенкендорфа отъ 11-го и 18-го іюля». Затѣмъ преосвященный всему собранію объявлялъ обо всѣхъ чинимыхъ ему притѣсненіяхъ и о бывшемъ происшествіи, и Высочайшимъ именемъ Государя Императора просилъ у всѣхъ защитить его отъ генераль-губернатора и его сообщниковъ. Наконецъ, генераль-губернаторъ вышелъ въ особое мѣсто и съ нимъ нѣсколько чиновниковъ и, неизвѣстно о чемъ посовѣтовавшись, опять вошли въ залу и всѣ, учтиво откланявшись, ушли отъ преосвященнаго, который всѣхъ ихъ сопровождалъ учтиво, а г. комендантъ разставилъ вокругъ дома архіерейскаго военный караулъ, который остается и донинѣ, съ таковымъ, притомъ, строжайшимъ приказаніемъ, чтобы никого изъ свѣтскихъ особъ не впускать въ покои преосвященнаго».

впрочемъ, Его Величество предоставляет св. синоду сдѣлать о семъ въ свое время постановленіе, на церковныхъ законахъ основанное, и поднести оное къ Высочайшему утвержденію» ¹⁾. Видно было, что поступокъ Иринея встревожилъ Государя и напугалъ Лавинскаго и синодъ. Лавинскій писалъ къ Государю о необходимости прислать въ Иркутскъ, для отправления оттуда Иринея, особу высшаго сана, но Государь на это не согласился ²⁾. Въ синодѣ, послѣ совѣщанія двухъ его членовъ, Серафима и Филарета, было положено ³⁾, чтобы, по снисхожденію къ сомнительному состоянію Иринея и къ возможному устраненію дальнѣйшаго соблазна, Серафимъ, какъ первенствующій членъ синода, къ которому Ириной долженъ имѣть надлежащее довѣріе, написалъ къ нему частное письмо съ увѣщаніемъ покориться волѣ Божіей и распоряженіямъ правительства. Государь самъ прочиталъ письмо Серафима къ Ириней, вполне одобрилъ его и приказалъ отдать его отправлявшемуся въ Иркутскъ флигель-адъютанту Гогелю для доставленія Ириней. Дѣйствительно, правительство имѣло основаніе тревожиться; такой человекъ, какъ Ириней, способенъ былъ рѣшиться на всякую крайность и даже произвести движеніе, въ которое очень легко могла быть вовлечена Сибирь, гдѣ такъ много элементовъ для всякаго движенія. При томъ-же, видъ архіерея, явившагося предъ солдатами и умоляющаго о защитѣ и пощадѣ и вообще предрасположеніе нашихъ мужиковъ и солдатъ болѣе довѣрять лицу священному, чѣмъ свѣтскому, могло привести въ броженіе массу простого народа и привлечь ее на сторону Иринея, особенно при его завѣреніи, что въ поступкѣ губернатора съ нимъ кроются замыслы самые злодѣйскіе. Примѣръ протоіерея Каноровскаго, принявшаго сторону Иринея, показываетъ, что и люди образованные могли увлечься и пристать къ нему. Убѣжденіе самого Иринея въ подлогѣ было сильно и, кажется, искренне. Слѣдующія письма его къ митрополиту Серафиму и князю Мещерскому раскрываютъ намъ состояніе его духа въ эту минуту и отчасти объясняютъ его поступокъ, столь поразившій другихъ. «Спѣшу—пишетъ онъ къ Серафиму—хотя нѣсколько, увѣдомить васъ, милостивѣйшій архипастырь, по дѣлу неслыханному. Выдуманы три фальшивые указа. Прилагаю копіи ихъ вѣрныя. По онымъ вся моя епархія съ 3-го сего сентября воспоминаетъ въ церквахъ имя Мелетія. Зло-

¹⁾ См. въ вышеписанномъ дѣлѣ предложеніе князя Мещерскаго синоду.

²⁾ Тамъ-же письмо Лавинскаго къ князю Мещерскому отъ 23-го сентября 1831 года.

³⁾ Тамъ-же приведенное нами предложеніе князя Мещерскаго синоду.

дѣи даже въ войскѣ поспѣшили распространить сію страшную ложь. Пружина всего есть генераль-губернаторъ Лавинскій. Онъ послалъ Государю Императору донесеніе, за подписомъ добрыхъ, по несчастныхъ гражданъ Иркутска, что я сошелъ съ ума. Не подпиши—и все у тебя пойдетъ худо. Многіе однако-же имѣли духъ не подписать. Споспѣшествовали генераль-губернатору два протоіерея, Парняковъ и Громовъ, мною давно запрещенные, но о которыхъ, къ несчастью, ни въ св. синодѣ, ни по дѣламъ прокурорскимъ, за всеми моими донесеніями, нѣтъ никакого движенія. Злодѣйства ихъ невѣроятны. Слѣдовало тушить искру въ началѣ. Но послушайте уже слѣдующее ужасное происшествіе: среди бѣлаго дня, послѣ ранней литургіи, въ воскресный день 20-го сентября сего 1831 года, генераль-губернаторъ Лавинскій велѣлъ чиновнику своему Голубеву схватить и увезти меня, дабы предать смерти мученической. Все было по-адеки приготовлено. Солдаты, офицеръ и комендантъ, вѣрные Богу, церкви святой и своему Государю, стоявшіе на постахъ и гауптвахтѣ, спасли меня, хотя генераль-губернаторъ, его соумышленники и два протоіерея, Пѣтуховъ и Масюковъ, все силы истощили и на самой гауптвахтѣ погубить меня. Почта самая неблагонадежная: доселѣ нѣтъ указовъ св. синода о рожденіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича. Нынѣ спасаю я жизнь подъ защитою коменданта, плацъ-маіора и 20 лучшихъ солдатъ, перемѣняющихся. Всего теперь открывать не должно; только самой довѣренной особѣ Государя Императора все открыть можно. Доложите Его Императорскому Величеству. Я предвидѣлъ сіе происшествіе и два раза—отъ 11-го и 18-го сего іюля—писалъ къ господину генераль-адъютанту Бенкендорфу. Получено-ли? Бѣда съ почтою. Исходатайствуйте мнѣ разрѣшеніе въ священнослуженіи, а также повелѣніе не воспоминать въ церквахъ Мелетія, а меня, и право удалить тѣхъ отъ присутствія въ консисторіи, кто распубликовалъ меня (sic) и лишилъ меня даннаго мнѣ свыше и моимъ Государемъ права быть въ соединеніи и единодушій со святою православною церковію. Пять мѣсяцевъ нахожусь я уже въ непрестанномъ бореніи съ адомъ. Живъ Господь! Онъ силенъ сохранить своихъ. Кое-что писалъ я и къ князю Петру Сергѣевичу Мещерскому ¹⁾). Письмо къ князю Мещерскому, въ главномъ, сходно съ предшествовавшимъ, но въ подробностяхъ представляетъ нѣкоторыя особенности. «Тремя фальшивыми указами, коихъ вѣрныя копіи прилагаю у сего, удаленъ

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ письмо Ириней къ Серафиму, отъ 29-го сентября 1831 года.

я отъ управленія епархіею и подвергнуть всякаго рода неслыханнымъ обидамъ. Съ 3-го сентября по всей Восточной Сибири вспоминаютъ въ церквахъ имя Мелетія; но его нѣтъ, да и быть не можетъ. Духовенство предалось пьянству до того, что одинъ священникъ отъ онаго уже померъ внезапно, а слѣдствія никто учинить не хочетъ, хотя и требовалъ я онаго отъ духовной и гражданской власти. Безстыдство и сожженіе совѣсти возросло до высочайшей степени между духовенствомъ и штатскими. Дѣти духовнаго званія не знаютъ брака, съ самыхъ юныхъ лѣтъ предаются оба пола пьянству и разврату, бьютъ своихъ родителей и отнимаютъ дома у нихъ, а гражданская власть и консисторія сему всемѣрно споспѣшествуютъ. Отъ великаго до малаго, за исключеніемъ немногихъ, единодушны и мудры въ твореніи зла. Съ прибытія моего на сію епархію я видѣлъ неизъяснимые ужасы; писалъ, протестовалъ, зывалъ къ Богу, св. синоду, вамъ, и помощи ни откуда не получилъ. Грабежъ здѣсь консисторіи невѣроятенъ. Изъ одного только Киренскаго монастыря, самаго бѣднаго, взято ею до 7.000 рублей, прочіе содѣлались мѣстами торговли (sic); и я золь, что ввожу порядокъ. Въ указахъ фальшивыхъ я даже именемъ Государя Императора названъ съумасшедшимъ. Не знаю, дошло-ли къ вамъ, сіятельнѣйшій князь, донесеніе мое, что всенародно нѣкто въ Спасской градо-иркутской церкви оборвалъ кисти у салопа честной купеческой дочери-дѣвицы и влекъ ее въ чащу публичнаго сада, окружающаго церковь (было всеобщее бѣднѣе) для блудодѣянія, давая деньги. Сего мало; выслушайте слѣдующее: среди бѣлаго дня, послѣ ранней литургіи, въ воскресный день, 20-го сего сентября, генераль-губернаторъ Лавинскій именемъ Его Императорскаго Величества велѣлъ схватить меня чиновнику своему Голубеву и везти на край свѣта, или лучше, за Ангару, или въ самую Ангару для отправленія въ вѣчность. Все по-адеки было приготовлено. Все знаю, но теперь не время открывать—перехватятъ письма. Доселѣ нѣтъ указовъ изъ св. синода о рожденіи Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича. Меня спасли военные посты, гауптвахта, офицеръ и комендантъ. Генераль-губернаторъ и его соумышленники—Муравьевъ, Кабрить, Рыкачевъ и два протоіерея—Пѣтуховъ и Масюковъ—и тутъ меня погубить хотѣли. Обратите вниманіе, ваше сіятельство, на двухъ запрещенныхъ мною за *злодѣянiе* протоіереевъ, Парнякова и Громова. Множество бумагъ послалъ я объ нихъ въ св. синодъ и къ вамъ. Они неистовствовали, когда въ консисторію были присланы вышеупомянутые фальшивые указы объ удаленіи меня и запрещеніи въ священнослуженіи. Сверхъ того, священникъ Шергинъ при торжественномъ собраніи въ ка-

едральномъ соборѣ градо-иркутскаго духовенства 5-го истекающаго сентября безстыднѣйшимъ образомъ поносилъ благочиннаго и занесъ руку, намѣреваясь ударить его, а сынъ его, священникъ-же, Алексѣй Шергинъ, ворвался въ консисторію, прочиталъ тотчасъ по полученіи фальшивый указъ и началъ своевольно, къ соблазну города, воспоминать въ церкви имя Мелетія. Исправляющій должность секретаря спасся бѣгствомъ отъ побоевъ стараго секретаря Конылова, самаго злонамѣреннаго чиновника, и его товарищей. Не стану говорить о другихъ проишествіяхъ, лично до меня относящихся. Тысячи смертей претерпѣлъ я. Предвидя мое бѣдствіе, два раза—отъ 11-го и 18-го минувшаго іюля—писалъ я по секрету къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу. Не знаю, получены-ли сіи важныя бумаги. Нынѣ, подъ охраненіемъ вѣрныхъ своему Царю и церкви солдатъ, плацъ-маіора и коменданта, я, какъ-бы во время нашествія иноплемennыхъ, спасаю жизнь мою. Ректоръ семинаріи въ прямомъ смыслѣ чудовище; вся душа его предана аду. Два года, вмѣсто архіерея, самъ рекомендуетъ академіи профессоровъ своей семинаріи и успѣхъ ихъ; кромѣ секретаря—все совершенно развратилъ. Ученики сгорали отъ винопитія и погибали безъ вѣсти; неизвѣстно, гдѣ дѣваль 15.000 рублей, адресованныхъ комиссіею духовныхъ училищъ на мое имя, для построенія въ Якутскѣ училищъ; требованія мои ни во что имъ поставляемы были. Не допустилъ меня исполнить порученіе комиссіи духовныхъ училищъ, вслѣдствіе Высочайшей воли, по дѣлу устроенія новой семинаріи или перестройки старой, и прочее. Всѣхъ обморочивалъ въ моемъ запрещеніи и удаленіи отъ епархіи, составляя фальшивыя письма. Ходатайствуйте обо мнѣ» ¹⁾).

Но скоро заблужденіе Ириней должно было разсѣяться. Такъ какъ онъ, главнымъ образомъ, основывалъ свое сомнѣніе въ подлинности указа объ удаленіи его отъ иркутской епархіи на томъ, что указъ этотъ писанный, а не печатный, то Государь чрезъ Адлерберга приказалъ князю Мещерскому приготовить для отсылки въ Иркутскъ съ нарочнымъ изъ Москвы до 500 печатныхъ экземпляровъ указа св. синода объ удаленіи Ириней. Указы эти были отправлены къ Лавинскому, съ такимъ повелѣніемъ отъ Государя, чтобы онъ, если со стороны архіепископа Ириней, послѣ извѣстнаго уже поступка, будутъ еще сдѣланы новыя подобныя покушенія и ежели генералъ-губернаторъ имѣетъ дѣйствительныя причины опасаться неблагопріятнаго впечатлѣнія на народъ, сдѣлалъ немедленно распоряженіе о распространеніи того изъ трехъ ука-

¹⁾ Тамъ-же письмо Ириней отъ 28-го сентября 1831 года.

зовъ, который будетъ имъ признанъ болѣе надежнымъ ¹⁾ къ истребленію сего впечатанія; если-же, по обстоятельствамъ, окажется выпускъ сихъ экземпляровъ вовсе излишнимъ, то, не пуская дѣла сего въ дальнѣйшую огласку, уничтожить всѣ сіи экземпляры ²⁾. Указы эти оказались ненужными: письмо Серафима, съ приложеніемъ печатнаго указа, и пріѣздъ въ Иркутскъ Гогеля, заставили Иринея отказаться отъ его убѣжденія; онъ увидѣлъ, что участь его рѣшена, и тогда онъ безропотно покорился своей судьбѣ и изъ задорнаго, вспыльчиваго и упрямаго вдругъ сдѣлался тихимъ, спокойнымъ и кроткимъ. Въ сопровожденіи Брянчанинова, онъ, безъ всякихъ приключеній, пріѣхалъ 18-го декабря 1831 года въ Спасоприлуцкій монастырь, а на другой день представленъ былъ настоятелемъ монастыря въ вологодскій архіерейскій домъ. Тогда-то начались почти одновременно, но въ двухъ разныхъ пунктахъ, въ Вологдѣ и Иркутскѣ, два слѣдствія надъ Иринеемъ. Для этой цѣли составлены были особыя комиссіи изъ двухъ старшихъ членовъ мѣстныхъ консисторій, подъ предѣлательствомъ тамошнихъ преосвященныхъ. Слѣдственная комиссія въ Вологдѣ открыла свои засѣданія на другой-же день по прибытіи Иринея. По предъявленіи ему указа объ учрежденіи комиссіи, начали допрашивать его письменно и требовали отъ него также письменнаго объясненія по слѣдующимъ пунктамъ: а) «Почему онъ усомнился въ письменномъ указѣ о удаленіи его отъ управления иркутскою епархіею послѣ того, какъ на переведеніе его изъ Пензы въ Иркутскъ имѣлъ онъ также письменный указъ, въ которомъ сомнѣнія въ то время не изъяслялъ, и когда въ подлинности указа удостовѣрили его, кромѣ печати, подписи бывшаго оберъ-секретаря Журихина и секретаря Гиновскаго, коихъ почеркъ былъ ему извѣстенъ изъ прежнихъ указовъ? б) Если подлинно усомнился онъ въ подлинности указа, полученнаго 3-го сентября, то почему сомнѣнія своего не изъясилъ немедленно, а обнаружилъ оное словесно 20-го сентября, а письменно 29-го?

¹⁾ Въ синодѣ состоялись три указа объ удаленіи Иринея: одинъ письменный, на имя иркутской консисторіи, объ удаленіи Иринея отъ управления иркутскою епархіею, о сдачѣ имъ всей собственности архіерейскаго дома и о слѣдованіи въ вологодскій Спасоприлуцкій монастырь, въ сопровожденіи особаго чиновника; другой, тоже письменный и также на имя Иркутской консисторіи, о назначеніи на мѣсто Иринея Мелетія; третій, печатный, разосланный по всему синодальному вѣдомству, говорилъ только о назначеніи Мелетія въ Иркутскъ. Теперь въ числѣ 500 печатныхъ экземпляровъ посланы были всѣ три указа.

²⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ предложеніе св. синоду князя Мещерскаго, отъ 28-го октября 1831 года.

в) Какое происшествіе было между нимъ и чиновникомъ Голубевымъ въ архіерейскомъ домѣ, на заставѣ и главной гауптвахтѣ, отъ какихъ оное произошло причинъ и какими сопровождалось обстоятельствами и послѣдствіями? объяснить съ точностію по сущей справедливости. г) Чрезъ недѣлю послѣ сего происшествія какой разговоръ имѣлъ онъ въ своемъ домѣ съ г. гражданскимъ губернаторомъ въ присутствіи коменданта?»

На эти предложенные вопросы Ириной своеручно написалъ отвѣты, которыхъ содержаніе слѣдующее: 1) «Объ удаленіи меня отъ управленія иркутскою епархіею я всегда судилъ въ связи съ моимъ преемникомъ, преосвященнымъ Мелетіемъ. Обстоятельство, что я не былъ распубликованъ печатнымъ указомъ, считалъ я за величайшую милость; но въ то же время имѣлъ долгъ требовать, по силѣ указа отъ 2-го мая 1783 г., коимъ письменные государственныя указы называются пасквилями, краткаго печатнаго циркулярнаго указа о моемъ преемникѣ, преосвященномъ Мелетіи, каковъ мнѣ и присланъ высокопреосвященнѣйшимъ Серафимомъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ и новгородскимъ, уже послѣ, отъ 20-го октября сего года. Я-бы и тогда не усомнился въ истинѣ письменнаго указа, ежели-бы хотя въ консисторію былъ присланъ таковой печатный циркулярный указъ, или увидѣлъ оный напечатаннымъ хотя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Да сіе нужно и для сношенія въ потребныхъ случаяхъ, какъ въ епархіальныхъ, такъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ и властей. Таковой циркулярный печатный указъ приложенъ былъ къ письменному и на переведеніе мое изъ Пензы въ Иркутскъ, а потому и повода къ сомнѣнію никакого не было. Оный почтеннѣйше представляю сему присутствію. Относительно печати я тоже имѣлъ случай сомнѣваться; ибо съ почтою, предшествовавшею полученію указовъ объ удаленіи меня отъ управленія иркутскою епархіею, получены таковые-же изъ св. синода, то на мое имя съ изъясненіемъ словъ: иркутскій, нерчинскій и якутскій, то на имя консисторіи, подъ одною и тою-же печатью, безъ словъ, вдвойнѣ намѣленною, заставлявшею меня думать о какихъ-либо неблагонамѣренныхъ дѣйствіяхъ неблагонамѣренныхъ людей. Конвертъ съ таковою печатью я велѣлъ хранить въ консисторіи за замкомъ.

«Подпись бывшаго оберъ-секретаря Журихина показалась мнѣ сомнительною по буквѣ заглавной Г въ словѣ Гаврило. На всѣхъ указахъ, ко мнѣ адресованныхъ, и на прочихъ, кои я сличалъ, она писалась такъ: *Г.* Какъ будто въ опроверженіе сего моего сомнѣнія, кое и объявлялъ присутствующимъ иркутской консисторіи, присланъ пензенскою консисторіею св. синода указъ о томъ-же предметѣ, о коемъ значилось въ прежнихъ

указахъ, но уже съ требуемою мною буквою *Э*, и, притомъ, послѣ происшествія 20-го сентября мнѣ плацъ-маіоромъ Шушковскимъ доставленный. Сей указъ, вмѣстѣ съ отношеніемъ пензенской консисторіи и конвертомъ, почтеннѣйше представляю сему присутствію».

2) «Коль скоро представлены мнѣ членами консисторскими 3-го сентября ввечеру около 9 часовъ указы изъ св. синода объ удаленіи меня отъ управленія иркутскою епархіею, то въ то-же почти время получено мною отъ г. генераль-губернатора письмо на молдавскомъ языкѣ изъ С.-Петербурга, въ коемъ служащій переводчикомъ молдавскаго языка при иностранной коллегіи, по азіятскому департаменту, бывшій нѣкогда моимъ ученикомъ въ Бессарабіи, Яковъ Гинкуловъ, между прочимъ, написалъ: «Блаженны изгнанные правды ради; такъ изгоняли и пророковъ». Я показывалъ сіе письмо присутствующимъ, принесшимъ указы, изъясняя недовѣрчивость мою къ онымъ и заключилъ, что письмомъ бывшего ученика моего, въ одно почти время съ указами принесеннымъ, хотятъ разстроить справедливость моихъ сомнѣній, съ давняго уже времени мною обнаруживаемыхъ.

«Изъясняя я мое сомнѣніе вскорѣ за симъ предъ тѣми-же присутствующими, а особливо предъ каѳедральнымъ протоіереемъ Фортунатомъ Пѣтуховымъ и исправляющимъ должность секретаря консисторіи Любославовымъ. Ихъ отвѣтъ былъ: «Не мы будемъ виноваты, а тотъ, кто составилъ сіи указы». Сомнѣніе мое въ подлинности тѣхъ указовъ я письменно изъяснялъ предъ г. комендантомъ генераль маіоромъ Покровскимъ 9-го сентября, за № 1, и получилъ отвѣтъ, что военная часть въ сіе дѣло не вмѣшивается.

«Указъ отъ 14-го марта 1764 г., коимъ повелѣвается письменнымъ указамъ, до всенароднаго свѣдѣнія относящимся, не вѣрить, примѣняя оный къ преосвященному Мелетію, а не къ себѣ, былъ мною прочитываемъ какъ предъ присутствующими, такъ и предъ исправляющимъ должность секретаря консисторіи, и вслѣдствіе сего одинъ изъ присутствующихъ, протоіерей Василій Каноровскій, не подписывалъ бумагъ, относящихся до моего удаленія.

«19-го сентября, когда казачій чиновникъ, начальникъ надъ ссыльными иркутскаго рабочаго дома, Кривогорницынъ, объявилъ мнѣ поутру того дня, что экипажи мои готовы, я требовалъ настоятельно, дабы онъ тотчасъ отправился къ г. генераль-губернатору и къ г. коменданту и объявилъ имъ рѣшительно, что указы о высылкѣ меня подложны.

3) «19-го сентября, поутру, какъ выше сказано, я рѣшительно объявилъ казачьему чиновнику, начальнику надъ ссыльными иркутскаго

рабочаго дома, Кривогорницину, чтобы онъ не доставлялъ ко мнѣ экипажей, т. е. моей собственной коляски, по повелѣнію г. генераль-губернатора починенной, и тарантаса (дроги крытыя, долгуши) и немедленно бы явился къ нему, г. генераль-губернатору, и коменданту съ объявленіемъ, что я ни моего собственнаго экипажа, ни тарантаса не приму, поелику совершенно удостовѣренъ, что указы о высылкѣ меня подложны. Сей чиновникъ далъ слово, что тотчасъ отправится и исполнить мое порученіе. Отвѣта отъ него я не имѣлъ, но экипажи не были доставлены. На другой день, 20-го сентября, когда вышелъ я отъ ранней обѣдни изъ Крестовой архіерейскаго иркутскаго дома церкви, въ воскресный день, спустя около четверти часа, мнѣ сказано было келейникомъ, что явился отъ генераль-губернатора чиновникъ. Я надѣлъ рясу съ орденскимъ знакомъ, т. е. звѣздою, панатію и клобукъ, и встрѣтилъ его въ пріемной залѣ учтиво. Онъ объявилъ, что присланъ отъ г. генераль-губернатора и что по именному указу долженъ я слѣдовать съ нимъ въ вологодскій монастырь. Я доказывалъ, что именный указъ, яко непечатный, есть подложный, поставляя ему, Голубеву, на видъ преемника моего, пр. Мелетія, а не себя. Голубевъ горячился, повторяя непрерывно: «Вы должны ѣхать». Я указывалъ на его шпату и мундиръ, и говорилъ, что онъ лишится ихъ, ежели отважится подложный указъ привести въ дѣйствіе. Голубевъ никакимъ моимъ убѣжденіямъ не внималъ, но приходилъ въ ярость, повторяя одно и то-же: «Вы должны ѣхать». Сдавъ уже почти весь домъ іеромонахамъ: эконому Варлааму и казначею Владиміру, а именно составивъ описи имуществу онаго, передавши имъ мою бібліотеку, съ намѣреніемъ учинить ее собственностію иркутскаго архіерейскаго дома, удовлетворивъ всѣхъ жалованьемъ, а монаховъ наградивъ и пособіемъ изъ неокладной суммы, ввѣривъ для окончанія построекъ значительное количество денегъ онымъ эконому іеромонаху Варлааму и казначею Владиміру, я занимался съ ними разборомъ документовъ и окончательными денежными расчетами, дабы вскорѣ безъ дальнѣйшаго затрудненія все имущество дома, всѣ документы и всѣ суммы передать консисторіи по надлежащему. Сіе тѣмъ болѣе нужно было, что, вступивъ въ управленіе иркутскою епархіею, ничего подобнаго не нашелъ я, и что убѣжденъ былъ въ ожидавшей меня на пути насильственной кончинѣ.

«Хотя я совершенно былъ увѣренъ въ подлогъ указовъ, видя однакоже настояніе генераль-губернаторскаго чиновника, я рѣшился, предвидя даже неминуемую смерть, ѣхать съ нимъ. Но при семъ все-же не терялъ надежды, думая, что истина вскорѣ раскроется и я спасенъ буду, и,

кромѣ того, полагая, что въ сіе наипаче время, когда и въ самыхъ столицахъ С.-Петербургѣ и Москвѣ проиходятъ и распространяются смуты, жизнь моя нужна не для меня одного, но для всей вѣрнной мнѣ епархіи и для самаго моего отечества—Россіи, какъ сіе ниже объяснено будетъ мною.

«По указу, послѣдовавшему въ консисторію, я долженствовалъ сдать все, даже ризничныя вещи, не взирая, что слово: «ризничныя», превращали въ «различныя». А по сему я объявилъ чиновнику Голубеву, что мнѣ осталось еще сдать соборъ. «Вы его не принимали; вы его не обязаны сдавать», отвѣтствовалъ онъ съ нахальствомъ, свойственнымъ осужденнымъ и безотвѣтнымъ колодникамъ, а не человѣку духовнаго званія, посвятившему всего себя съ самыхъ первыхъ лѣтъ юности на служеніе церкви и отечеству и непрерывно пользовавшемуся во всю свою жизнь отличными похвалами своего начальства и высокими наградами своихъ монарховъ, да и теперь еще при сдачѣ святыни дома Господня стремящемуся оправдать заботливость свою о благѣ общемъ не словами, но самымъ дѣломъ.

«Сіе рѣшительно и окончательно утвердило меня въ мысли, что чиновникъ Голубевъ есть мой будущій неумолимый убійца; ибо онъ не только къ людямъ, но и къ мѣсту славы Царя Царей не имѣетъ уваженія. Здѣсь я долженъ сдѣлать отступленіе, дабы послѣдующее было очевиднѣе. Вступивъ въ предѣлы Восточной Сибири, на границу вѣрнной мнѣ епархіи, и посѣщая всѣ церкви по пути до самаго Иркутска, примѣтилъ я, что новые св. антиминсы въ нѣкоторыхъ церквахъ, судя по матеріи, на которой напечатаны, и по самой формѣ не имѣютъ сходства съ получаемыми изъ московской св. синода конторы. Прибывъ въ Иркутскъ, я замѣтилъ то-же. Спрашивалъ ключаря о причинѣ, но отвѣты были сомнительные. Когда уже всѣ антиминсы разошлись, то одинъ изъ иркутскаго рабочаго дома, ссыльный, принесъ ко мнѣ мѣдную доску, имъ выгравированную, для напечатанія антиминсовъ. Ссыльнаго сего я тотчасъ узналъ. Онъ за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій сосланъ изъ Одессы въ Сибирь. Знакомъ мнѣ потому, что Бессарабской области въ городѣ Кишиневѣ, гдѣ я былъ ректоромъ семинаріи, онъ золотилъ иконостасы и гравировалъ на мѣди. Имя и прозваніе его Григорій Золотарь. Его знаетъ и іеродіаконъ Паисій, прибывшій вмѣстѣ со мною изъ Бессарабской области въ С.-Петербургъ, а затѣмъ перемѣстившійся со мною же изъ Пензы въ Иркутскъ и нынѣ тамъ остающійся.

«Примѣтилъ я также, что въ Иркутскѣ печатаются грамоты ставленическія, за всѣмъ тѣмъ, что я нашелъ ихъ въ консисторіи много го-

товыхъ, напечатанныхъ при московской св. синода конторѣ и принесенныхъ мнѣ изъ консисторіи повѣтчикомъ Вагановымъ. Одну изъ такихъ грамотъ почтеннѣйше представляю сему присутствію.

«На вопросъ мой: довольно-ли св. мѣра? ключарь собора отвѣтствовалъ мнѣ, что онаго станетъ на сто лѣтъ.

«Не буду здѣсь говорить о чудесахъ, кои долженствовали-бы подлежать розысканію.

«Сіе и кромѣ сего ниже излагаемое приводило меня къ страшной мысли: нѣтъ-ли, или не было-ли какого злоумышленія или законопреступныхъ отдаленнѣйшихъ связей на счетъ цѣлости государства, особливо здѣсь, гдѣ столь много отличнѣйшихъ и самыхъ отчаянныхъ ссыльныхъ и такъ мало войскъ, да и между ними есть ссыльные, когда уже и самая церковь отдѣляется, печатая такіе документы въ Иркутскѣ, кои зависятъ только отъ высшаго начальства. По долгу присяги и совѣсти я долженствовалъ сіе обнаружить.

«Въ соборѣ хранилась сумма камчатская 13.000 руб., въ вѣдѣніе архіерея, а не консисторіи отпущенная, но коею, безъ моего вѣдома распоряжались, какъ сіе и документъ свидѣлствуетъ, изъ Камчатки мною отъ г. попечителя Голенищева незадолго до сего полученный и у сего прилагаемый, и другіе мои свѣдѣнія обнаружили-бы.

«Не стану говорить о другихъ злоупотребленіяхъ по собору, на кои слѣдовало мнѣ указать, дабы преемникъ мой могъ увидѣть все въ настоящемъ положеніи и прекратить злоупотребленія, а я оправдать себя, ежели-бы живъ остался, предъ св. синодомъ, а чрезъ то заслужить и Монаршее благоволеніе.

«Къ сему присовокупить должно 24-е августа и 4-е сентября.

«Происшествіе 24-го августа, со мною случившееся, состоитъ въ слѣдующемъ:

«Наканунъ сего дня, т. е. 23-го августа, объявлено мнѣ повѣтчикомъ консисторіи Вагановымъ, представившимъ мнѣ бумаги изъ почты, относившимъ онѣя въ консисторію и наоборотъ, что какой-то, сказывавшійся предъ нимъ пріѣзжимъ, впрочемъ опознанный тутошнимъ, человѣкъ предварилъ его, что его ищетъ чиновникъ, прибывшій изъ С.-Петербурга и записавшій его имя, квартиру имѣетъ близъ Кабрита, правителя канцеляріи г. генераль-губернатора, и будётъ къ нему въ 7 часовъ утра на другой день, т. е. 24-го августа. По сему случаю я послалъ его, Ваганова, и эконома іеромонаха Варлаама къ г. коменданту. Даны были солдаты, дабы схватить онаго чиновника, безъ сомнѣнія мошенника. 7 часовъ утра 24-го августа пришло, а мошенникъ не явился. Но вскорѣ Вагановъ, на-

ходившійся уже у меня, извѣщенъ былъ, что оный мнимый с.-петербургскій чиновникъ пришелъ къ нему. Вагановъ, увидя его, примѣтилъ, что это Медоксъ, извѣстный ему по нѣкоторому происшествію въ маскарадѣ иркутскомъ, но притворился не знающимъ его. Сей Медоксъ объявилъ ему, что вскорѣ будутъ получены указы объ удаленіи меня отъ управленія епархіею, но потому замедливаютъ, что идутъ чрезъ метрополию московскую; что я болѣе ему, Ваганову, не нуженъ; что генераль-губернаторъ предлагаетъ ему 200 рублей и требуетъ, чтобы онъ, Вагановъ, доставилъ ему копии тѣхъ бумагъ, кои я секретно съ почтою отъ 11-го и 18-го іюля послалъ въ собственные руки г. генераль-адъютанта Бенкендорфа, и что, кромѣ денежнаго награжденія, онъ, г. губернаторъ, будетъ умѣть наградить его. Отвѣтъ Ваганова былъ, что онъ сего никогда не исполнитъ, да кромѣ того и ничего не знаетъ. Медоксъ далѣе говорилъ Ваганову: «Вашъ архіерей знаетъ законы: онъ былъ въ Бессарабіи долго присутствующимъ консисторіи. Нынѣ онъ запретилъ вѣнчать браки ночью, не знаю, позволить-ли сего дня ввечеру быть свадьбѣ княжны, прибывшей изъ Москвы». Напомнилъ и о Парняковѣ, священникѣ приходскомъ селенія, недалеко отстоящаго отъ Иркутска, гдѣ имѣется винный заводъ, родственникѣ запрещеннаго мною и отрѣшеннаго отъ собора, бывшаго кафедральнаго протоіерея Парнякова.

«День прошелъ, насталъ вечеръ 24-го августа. Было около 9 или болѣе часовъ. Я занимался спокойно чтеніемъ въ пріемной залѣ. Ночь была самая темная, такъ что трудно было различить челоуѣка отъ челоуѣка. Внезапно раздались выстрѣлы, наподобіе залпа изъ ружей. Мнѣ показалось, что сіе произошло предъ домомъ генераль-губернатора въ знакъ радости, что бракъ княжны, изъ Москвы прибывшей, совершился (Послѣ сказывали мнѣ, что выстрѣлы происходили въ оградѣ польскаго костела, а нѣкоторые, что въ самомъ костелѣ, дабы болѣе придать выстрѣламъ гулу). Я спокойно продолжалъ свое чтеніе. Но вскорѣ, какъ-бы возлѣ самой каменной стѣны архіерейскаго дома, противъ окошекъ, гдѣ я читалъ, раздались какіе-то глухія выстрѣлы, будто-бы изъ мортирокъ. Опрометью я бросился изъ залы съ намѣреніемъ унять стрѣляющихъ, думая, что этотъ безпорядокъ происходитъ отъ служителей архіерейскаго дома, но какъ-бы нарочно готовы были для встрѣчи экономъ архіерейскаго дома іеромонахъ Варлаамъ и исправляющій должность секретаря консисторіи Любославовъ. Они взяли меня подъ руки, не допустили до того мѣста, куда я стремился, но повели меня въ огородъ и велѣли мнѣ прилечь на землю. Я слышалъ еще кое-гдѣ выстрѣлы, и одинъ близъ Московской заставы, за семинаріею, гдѣ держатъ караулъ военные. Возвраща-

тись съ тѣмъ-же Вагановымъ и Любославовымъ въ келію, я велѣлъ имъ справиться, что происходитъ на проспектъ близъ собора. Они донесли мнѣ, что тамъ ключарь и что около 10 человѣкъ мужиковъ пробѣжали около собора и ограды архіерейскаго дома. Спустя нѣкоторое время, они взяли у меня ключъ отъ спальни и отвели меня по темнымъ переходамъ и лѣстницамъ наверхъ дома, обѣщавъ всю ночь бодрствовать и удалить всякую опасность на случай какихъ-либо новыхъ происшествій. Предъ заутренею 25-го августа они-же свели меня съ чердака.

«Путру сего-же 25-го августа явился ко мнѣ голова градской Константинъ Петровъ сынъ Трапезниковъ, мужъ отличѣйшихъ добродѣтелей и необыкновенной твердости характера. Первое мое къ нему слово было: Что? Бунтъ?—«Бунтъ, отвѣтствовалъ онъ, но не созрѣлъ. Дай Богъ управиться нашему Государю поскорѣе съ поляками, управится и съ сими». Затѣмъ говорилъ мнѣ о многихъ важныхъ предметахъ, посматривая, дабы не забыть какого, въ свою записку, и между прочимъ, что въ нѣкоторомъ домѣ, гдѣ находился и бывшій градо-иркутскимъ благочиннымъ протоіерей Василій Шастинъ, чиновникъ, служащій при генераль-губернаторѣ, человѣкъ очень честныхъ правилъ, Воиновъ произнесъ съ силою духа: «Муравьевъ хочетъ быть сибирскимъ принцемъ; онъ раздастъ офицерамъ деньги; я имѣю данное мнѣ отцомъ моимъ двухствольное ружье—я первый застрѣлю его и не допущу до сего».

«На вопросъ: кто Медоксъ, о коемъ выше мною упомянуто? градской голова отвѣтствовалъ: это генеральскій сынъ, сосланный въ Сибирь за то, что въ 1812 году собиралъ въ Грузіи войска, ложно представляя себя флигель-адъютантомъ; что кромѣ его есть здѣсь Раевскій, и что когда я былъ еще на пути изъ Пензы въ Иркутскъ, распространилась молва, что я виною ссылки его, Раевского, въ Сибирь, что онъ часто проводитъ время у Муравьева, покупаетъ водку на заводѣ близъ города и развозитъ оную для продажи по селеніямъ, и что онъ подъ чужимъ именемъ держитъ гоньбу почтовую. При семъ я вспомнилъ, что еще когда я былъ ректоромъ въ Бессарабіи, то мною первоначально было открыто зловерное для государства ученіе, которое преподавалъ бывшій тогда майоромъ сей Раевскій юнкерамъ въ военномъ бессарабскомъ Лицеѣ. Тогда дивизіоннымъ генераломъ въ Кишиневѣ былъ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, а корпуснымъ Сабанеевъ. Раевскій найденъ виновнымъ и сосланъ въ Сибирь. Съ головою симъ, могу сказать, истинно великимъ мужемъ и патріотомъ, я разставался въ слезахъ и симъ возбудилъ и въ немъ слезы. При послѣднемъ прощаніи я сказалъ ему: «Мы оба постраждемъ». «Остается цѣлая вѣчность, тамъ будемъ награждены, отвѣтствовалъ

онъ; но не должно еще терять надежды, на нашей сторонѣ Богъ». — «Насъ не много, возразилъ я, да притомъ за нами смотрятъ». «О, чрезвычайно много!» сказалъ онъ съ какою-то необыкновенною впечатлительностью и умиленіемъ, и, откланявшись, ушелъ.

«Выше мною сказано о 4 числѣ сентября. По удаленіи меня отъ управленія, на другой день, т. е. 4-го сентября ввечеру, ключарь градо-иркутскаго кафедральнаго собора протоіерей Масюковъ съ причетниками собора, мною изъ Урики переведенными, занимался во время торжественнаго всенощнаго бдѣнія выноскою изъ колокольной кафедральнаго собора какихъ-то вещей и покрылъ ихъ холстомъ на очень большое пространство между архіерейскимъ домомъ и соборомъ. На другой день, 5-го сентября, кафедральный протоіерей Фортунатъ Пѣтуховъ объявилъ мнѣ, что во время всенощнаго бдѣнія некому было пѣть, потому что ключарь съ причетниками занимался выноскою желѣзныхъ шестовъ, бывшихъ подъ крышею собора, и что купецъ Николай Баснинъ припѣвалъ, стоя между народомъ, отчего происходилъ безпорядокъ въ церкви. Шесты-ли желѣзные или другое что-либо было покрыто холстомъ, мнѣ неизвѣстно, но сіе видѣли многіе, яко публично выставленное. На 6-е сентября ночью все было прибрано.

«Присовокупляю къ сему слова г. коменданта, говоренныя мнѣ однажды: «Дойдетъ до пушекъ», и случившіяся смуты въ обѣихъ столицахъ и возлѣ Новгорода, укрощеніе первыхъ самимъ Государемъ Императоромъ и Высочайшій по сему случаю манифестъ. Носилось письмо объ истребленіи якобы корпуса Ридигера поляками и слухи о буйствахъ французовъ и объ имѣющей быть въ пользу поляковъ войнѣ ихъ съ Россіею, начавшейся якобы уже посредствомъ белгійцевъ и принца Оранскаго.

«При семъ взявъ еще въ соображеніе:

а) «Дѣйствія г. генераль-губернатора, бывшаго городничаго Муравьева и губернскаго правленія, по коимъ я съ подвѣдомыми мнѣ постоянно лишался законной защиты и получалъ всегда противные письменные отзывы, между тѣмъ какъ невинные страдали, на мѣстѣ святѣ водворялась мерзость запустѣнія и буйство дерзновенныхъ торжествовало, подавая опасный примѣръ, что можно ненаказанно ругаться надъ законною властію.

б) «Отдѣленіе гражданскихъ чиновниковъ и почтеннѣйшихъ гражданъ отъ собора и разстройство духовенства чрезъ то, что г. генераль-губернаторъ устроилъ какъ-бы новый соборъ въ Воскресенской Тихвинской церкви, завелъ тамъ соблазнительную, по театральному напѣву, казачью пѣвческую, отдѣлилъ для себя особенное мѣсто, устроилъ возвы-

шенное со ступенями сѣдалище и принималъ особенную отъ священнодѣйствующихъ честь.

в) «Покровительство ламизма между монголами и чрезъ то умноженіе ихъ ламъ и кумиренъ, распространеніе ихъ заблужденій даже между добрыми, готовыми цѣлыми тысячами принять св. крещеніе бурятами или братскими, и неуваженіе тѣхъ изъ нихъ, кои обращаемы были, или уже обратились. вмѣсто Христа Спасителя нынѣ ознакомливаются они съ Шишмуні, китайскій Фоэ, и явилось изображеніе его. Добродѣтельнѣйшій и неутомимый въ обращеніи ихъ подвижникъ, миссіонеръ іеромонахъ Нифонтъ, со скорбію о семъ преждевременно сошелъ въ могилу.

г) «Свиданіе мое по секретному совѣту г. коменданта съ г. генераль-губернаторомъ въ его, генераль-губернатора, домѣ 10-го сентября, при коемъ никого не находилось и при коемъ г. генераль-губернаторъ непонятны для меня или двусмысленныя рѣчи говорилъ и даже намекалъ, что по сибирскому учрежденію онъ можетъ перемѣнять самыя опредѣленія высшей власти.

д) «Замки, устроенные по повелѣнію г. генераль-губернатора въ моемъ экипажѣ и распространившіеся по сему ужасные слухи.

е) «Присылку незнакомаго мнѣ чиновника Голубева.

ж) «Веревку на куполѣ подъ крестомъ каѳедральнаго собора, которую ключарь по повелѣнію моему снять не хотѣлъ и которая непрерывно напоминала мнѣ его слова, слышанныя имъ отъ священника, крайне неблагонадежнаго, Іоанна Шергина. Онъ говорилъ ихъ предъ народомъ тогда, когда при звонѣ во все колокола возвышали на главы собора позолоченные кресты и когда народъ спрашивалъ его, Іоанна Шергина: зачѣмъ звонятъ? Слова тѣ заключались въ слѣдующемъ его отвѣтѣ народу: «Въ знакъ, что увезутъ нашего архіерея».—Куда? «Вонъ туда, за Ангару». Слова сіи произнесъ онъ задолго еще до моего удаленія. Веревку сію я показывалъ секретно и г. плацъ-маіору Пушкинскому послѣ 20-го сентября. Она снята уже предъ прибытіемъ преосвященнаго Мелетія въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

з) «Рѣчь, бывшую въ большемъ собраніи: «Архіерея увезутъ при колоколахъ», и насмѣшки посему священника Алексѣя Шергина. О семъ мнѣ сказывалъ каѳедральнаго собора священникъ изъ бурятъ, Николай Каноровскій. Сіи насмѣшки сбылись: Голубевъ тогда пришелъ ко мнѣ и требовалъ, дабы я ѣхалъ съ нимъ, когда звонили къ поздней обѣднѣ въ воскресный день во все колокола, между тѣмъ какъ я ни въ моемъ домѣ,

ни на пути не слышалъ отъ него, что мнѣ дается какой-либо срокъ для приготовления, кромѣ словъ: «Вы должны ѣхать».

и) «Гробъ, видѣнный мною въ Нижнеудинскѣ, протоіерея, пострадавшаго отъ гражданской власти, и таковой-же архіерея, пострадавшаго тоже отъ гражданской власти, отстоящій недалеко отъ перваго и находящійся въ Братскомъ Острогѣ, о которомъ мнѣ рассказывалъ при осмотрѣ Нижнеудинской церкви и ея погоста протоіерей Нарциссовъ, переведенный мною затѣмъ въ губернскій городъ Красноярскъ.

«Взявъ все сіе въ соображеніе, я заключилъ, что при таковыхъ обстоятельствахъ обязанность вѣрноподданнаго Его Императорскаго Величества, посягаго на себѣ званіе архіепископа и не имѣющаго никакого свѣдѣнія о своемъ преемникѣ, между тѣмъ какъ въ С.-Петербургѣ нападали на врачей, и возлѣ Новгорода и въ Москвѣ по случаю колодезь произошли смуты, есть не слѣшить выѣздомъ изъ своей епархіи, но первому, ежели-бы надобность потребовала, положить душу свою за овцы, а вмѣстѣ избѣгнуть мученической смерти, которую искусно и безотвѣтно умѣлъ-бы для меня приготовить въ ономъ экипажѣ съ замками Голубевъ, и что на сей конецъ мнѣ слѣдуетъ вѣрить себя коменданту; но какъ сей письменно отказался брать во мнѣ участіе, Голубевъ-же не внималъ никакимъ моимъ представленіямъ, а твердилъ только: «Вы должны ѣхать», то рѣшился я достигнуть сего посредствомъ гауптвахты, а потому и сказалъ Голубеву спокойно, а не въ изступленіи: «Пойдемъ». Онъ пошелъ; мы вышли изъ дома. Тутъ-же вблизи насъ при соборѣ находился часовой (болѣе ихъ здѣсь не положено, и не было). Приближаясь къ нему, я взялъ Голубева, не касаясь вовсе шпаги его, за бортъ мундира и отдалъ тому часовому, а вмѣстѣ и себя, приказывая ему не отпущать его, а между тѣмъ велѣлъ позвать изъ Московской заставы, недалеко отъ собора находящейся, другихъ часовыхъ служителей. При мнѣ казначея вовсе не было, а находился мальчикъ, который сіе и исполнилъ. Голубевъ въ сіе время произносилъ: «Кабритъ! Кабритъ!»! но Кабритъ не являлся. Пришли часовые изъ Московской заставы, тоже вблизи находящейся. Я велѣлъ насъ обоихъ отвести туда. Мы пришли. Тутъ Голубевъ очень горячился и много говорилъ. Я сказалъ «Солдаты! вы обязаны исполнить долгъ вашей присяги въ вѣрности вашему Государю и отвести насъ на гауптвахту». Имя Государя сильно потрясло гофрейтера (sic); онъ тотчасъ обезоружилъ двухъ солдатъ и велѣлъ отвести. По церквамъ звонили во все колокола къ поздней обѣднѣ. Словъ моихъ никто, кромѣ солдатъ, слышать не могъ. Ежели кто встрѣчался, то я издали благословлялъ его. Возвышенныхъ словъ: «Православ-

ные войны!»! я не говорилъ, а просто: «Солдаты», ибо ихъ было очень немного—при соборѣ одинъ и на заставѣ нѣсколько. Идучи на гауптвахту, въ душѣ моей молился, страхась, дабы Голубевъ не увлекъ меня къ генераль-губернатору, а не подло кричалъ: «Защитите меня, вашего пастыря! Голубевъ хотѣлъ меня зарѣзать» и тому подобное. Сіе я келейно и условно говорилъ, въ видѣ повѣствованія, послѣ происшествія 20-го сентября: «Зарѣзалъ-бы, умертвилъ-бы», и то предъ тѣми, коихъ считалъ себѣ благопріятствующими. По случаю вышеупомянутаго съ замками экипажа, предполагалъ, что меня въ немъ, яко съумасшедшаго, заковалъ-бы Голубевъ по рукамъ и по ногамъ и умертвилъ-бы или голодомъ, или затрясъ-бы въ дурное осеннее время по дурной дорогѣ, или зарѣзалъ-бы, приписавъ сіе дѣйствию припадка моего съумасшествія, ибо по этимъ указамъ отъ 27-го іюля отдаваемъ былъ я чиновнику Голубеву, на случай разстройства ума моего въ пути, въ полное распоряженіе. Сіе говорилъ я еще и потому келейно, что послѣ происшествія 20-го сентября дошли до меня слухи, что генераль-губернаторъ предварительно, съ отходившею 19-го сентября почтою, послалъ донесеніе, якобы я въ припадкѣ съумасшествія зарѣзался на пути и что потому Голубевъ на второй день, т. е. 20-го сентября, не допускалъ меня до сдачи собора, предполагая непременно въ сей день рано или поздно увезти меня, имѣя на сей конецъ уже все изготовленнымъ и отчаянныхъ соумышленниковъ, въ видѣ казаковъ, которыхъ послѣ никто-бы отыскать не могъ, яко несостоящихъ въ списокъ, и что сіе было причиною необыкновенной настойчивости его Голубева и словъ: «Вы должны ѣхать». Мои рѣчи, говоренныя келейно и переданныя тотчасъ, подали случай написать, что я ихъ говорилъ всенародно и предъ солдатами. И въ приложеніяхъ при всеподданнѣйшемъ письмѣ къ Государю Императору отъ 29-го сентября я о семъ выражался. Мы пришли на гауптвахту. Я просилъ взять насъ. Не было никакихъ дѣйствій. Голубевъ тотчасъ ушелъ, а я подъ столбомъ строенія стоялъ и плакалъ. Вообще отъ самаго дома до гауптвахты по большей части я былъ въ чувствѣ умиленія и кротости, какъ спасающійся, а Голубевъ въ чувствѣ ярости и преобладанія, какъ преслѣдующій, такъ что и моимъ домашнимъ, и всѣмъ въ городѣ показалось, что меня Голубевъ хочетъ то заколотъ шпагою своею, за которую онъ хватался, то якобы наносить мнѣ своими руками удары.

«Стоя при столбѣ строенія на гауптвахтѣ и плача, я увидѣлъ генераль-губернатора, стремящагося съ Кабритомъ въ шинели и фуражкѣ. На гауптвахтѣ забили ему дробь. Позади фронта я требовалъ, чтобы онъ передалъ меня коменданту, но вмѣсто того онъ своими руками старался

втащить меня въ сѣни. Вскорѣ однако послалъ за комендантомъ. Отвѣтъ былъ: «боленъ». Меня опять тащилъ онъ, г. генераль-губернаторъ, въ сѣни; я вторично просилъ, чтобы послалъ за комендантомъ; послалъ, но отвѣтъ былъ тотъ-же: «боленъ».

«Замѣтивъ, что ярость г. генераль-губернатора умножается, и видя движенія его, при усилии втащить меня въ сѣни, крайне неблагопріимыми (отъ сего послѣ распространилась молва въ городѣ, что онъ мнѣ наносилъ удары), а притомъ увидѣвъ тутъ-же Муравьева, Рыкачева и другихъ чиновниковъ, мнѣ неблагопріятствовавшихъ, я въ послѣдній разъ попросилъ его, г. генераль-губернатора, дабы послалъ за комендантомъ. Онъ послалъ, а я между тѣмъ пробрался къ офицеру передъ фронтъ. Офицеръ изъявилъ мнѣ знакъ почтительности; подходившихъ тутъ ко мнѣ я благословлялъ. Подлѣ меня тотчасъ-же сталъ и генераль-губернаторъ. Позади фронта, а не передъ фронтомъ, и въ сѣняхъ, куда до прибытія еще г. генераль-губернатора я вошелъ однажды, говорилъ солдатамъ, чтобы они любили своего Государя Императора Николая I. Я готовъ былъ первый умереть и не допустить въ городѣ или епархіи, мнѣ ввѣренной, произойти злу, по связямъ какимъ-либо законопреступнымъ, которыя я предполагалъ, какъ выше мною изъяснено и о чемъ я писалъ къ г. генераль-адъютанту Бенкендорфу отъ 11-го и 18-го іюля. Я хотѣлъ оправдать слова Государя Императора: «Избрать самаго твердаго и надежнаго и перевести въ Иркутскъ». Сверхъ сего, ссылаюсь на всю мою жизнь, съ самой первой юности посвященную на служеніе церкви и отечеству. И въ Иркутскѣ каждый поступокъ и каждая бумага моя то-же свидѣтельствовали. Мнѣ очень пріятно повторять, что въ Иркутскѣ, ежели-бы потребовала надобность, я первый желалъ умереть за Царя, толико меня облагодѣтельствовавшего.

«Оканчиваю: послѣ третьяго приглашенія комендантъ немедленно явился; я ту-же минуту отдалъ себя въ руки его, насъ окружили солдаты и отвели въ архіерейскій домъ.

«И здѣсь г. генераль-губернаторъ, при многочисленномъ собраніи почтеннѣйшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, бросался на меня съ яростію и повелѣвалъ свести на низъ мокраго, усталаго, въ дурную и холодную комнату, которую заблаговременно приготовили, а между тѣмъ консисторекіе принялись печатывать домъ. Комендантъ и новый городничій Тюменцевъ, человекъ честныхъ правилъ, испросили дозволеніе остаться мнѣ въ тѣхъ-же комнатахъ, кои до сего были занимаемы мною, и прекратили печатываніе. Такимъ образомъ, подъ вѣдѣніемъ коменданта, плацъ-маіора и нижнихъ военныхъ чиновъ находился я съ

20-го сентября по 21-го ноября, а съ сего числа поступилъ въ вѣдѣніе г. жандармскаго подполковника Брянчанинова, который, отправясь со мною изъ Иркутска 26-го ноября, прибылъ благополучно въ вологодскій Спасоприлуцкій монастырь 18-го декабря. Я ссылаюсь на него и на всѣхъ бывшихъ съ нимъ, замѣтили-ли они во мнѣ какой-либо безпорядокъ въ денно-нощномъ продолжительномъ пути.

«Послѣдствія оправдали мое дѣйствіе, приписываемое съумашествію, а не вѣрноподданнической пламенной любви къ своему Государю: открыты въ городѣ гражданскіе чиновники, уготовлявшіеся на убійство съ какими-то необыкновенными ножами; прекращены сигналы городскихъ часовъ; потушенъ благополучно пожаръ; не допущены до зажигательства, во время наступившей бури, два ссыльные въ архіерейскомъ домѣ. Учинилось недѣйствительнымъ слово: «арсеналь», которое произнесъ архитекторъ Васильевъ при солдатахъ и унтеръ-офицерѣ, содержавшихъ караулъ вокругъ иркутскаго архіерейскаго дома, о чемъ мнѣ донесъ служитель келейный Адріанъ и протоіерей Василій Каноровскій, членъ консисторіи, прикомандированный ко мнѣ, и что должно быть не безъ извѣстно и г. плацъ-маіору и коменданту. Наконецъ, раздалось въ городѣ: «Варшава у ногъ Вашего Императорскаго Величества», и все затихло. Буйство на колокольныхъ города, производившее безвременный и неприличный звонъ въ теченіи августа и сентября, умолкло; явился преосвященный Мелетій; уѣхалъ и я мирно и достигъ благополучно мѣста своего. Не все я могу здѣсь объяснить, но вѣрую, что, ставъ передъ судомъ Божиимъ, не буду постыжденъ.

4) «Черезъ недѣлю посѣтили меня г. губернаторъ и г. комендантъ. Когда я принесъ бумаги къ нимъ, обѣщая доказать по онимъ, что я здоровъ и не поврежденъ умомъ, то цѣль моя была обратить ихъ вниманіе не на меня, а на преосвященнаго Мелетія. Между прочимъ, представлялъ я имъ и краткій печатный циркулярный обо мнѣ указъ, напечатанный по случаю перемѣщенія моего изъ Пензы въ Иркутскъ, и утверждалъ, что такой-же циркуляръ былъ-бы и о преосвященномъ Мелетіѣ, ежели-бы истинно было мое удаленіе, а его перемѣщеніе, по сего нигдѣ не имѣется. Г. гражданскій губернаторъ не хотѣлъ понимать меня и говорилъ не отъ сердца, а софистически; софизмы я и называлъ софизмами, а свою рѣчь, ссылаясь на указъ 1773 года отъ 19-го октября, подкрѣплялъ тѣмъ, что безъ печатаемыхъ, и то не губернскими правленіями, а высшимъ правительствомъ, указовъ, появлялись-бы самозванцы и Пугачевы. Они ничему не внимали и хотѣли уйти съ тѣмъ-же обо мнѣ предубѣжденіемъ. Я сдѣлалъ видъ, сидя, впрочемъ, на канане и держась за столъ, будто

хочу опуститься на колѣни и просить ихъ выслушать меня, дабы убѣдиться въ истинѣ. Симъ способомъ я успѣлъ представить г. гражданскому губернатору еще самое важное измѣненіе формы, подрѣплявшее мое сомнѣніе, а именно, что даже въ письменномъ указѣ о преосвященномъ Мелетіѣ въ рѣчи: «для свѣдѣнія дать знать», пропущены слѣдующія слова: «московской и грузино-имеретинской св. синода конторамъ»; при словахъ: «епархіальнымъ архіереямъ», пропущено слово: «и прочимъ», а также пропущены слова: «ставропигіальнымъ лаврамъ и монастырямъ и типографской конторѣ».

«Мнѣ извѣстно было мое удаленіе въ маѣ мѣсяцѣ». Сіи слова говорилъ по слѣдующимъ причинамъ: есть въ Иркутскѣ Баснины, купцы кяхтинскіе, люди богатые. Они пользуются особенною милостію г. генералъ-губернатора. О Николаѣ Баснинѣ рассказывалъ мнѣ самъ г. комендантъ, что сей человекъ былъ причиною наказанія шпицрутеномъ (sic) по чину болѣе, нежели унтеръ-офицера, артиллериста Дементьева, и сдѣлалъ другихъ несчастными, не признавъ подписи руки своей, дабы не уплатить 500 руб., хотя, говоря по совѣсти, оная его была. Братъ сего Николая Баснина, Петръ Баснинъ, обратился на меня все свое мщеніе за то, что родную сестру его, игуменью Иларію, удалилъ я послѣ многихъ напоминаній отъ управленія монастыремъ, поелику вовсе безграмотна и допустила управлять онымъ брата своего, сего Петра Баснина, содѣлавшагося причиною всѣхъ соблазновъ и злоупотребленій по оному, о чемъ я донесъ и св. синоду. Сей Петръ Баснинъ распространилъ еще въ маѣ мѣсяцѣ молву, что меня скоро не будетъ; что онъ для сего отправляется въ Россію, и неизвѣстно, почему и для чего говорилъ: «Ежели я напишу въ мое защищеніе пять словъ, то у него готовы 5000 руб., ежели десять, то 10,000 руб., ежели сто, то 100,000 рублей».—И дѣйствительно, онъ взялъ съ собою все свое семейство и отправился въ Россію. Въ Иркутскѣ получены письма изъ Пензы, писанныя тамъ 17-го іюня (за полтора мѣсяца до Высочайшаго утвержденія доклада св. синода о моемъ удаленіи), что меня постигло величайшее несчастье. И нынѣ сей Петръ Баснинъ со всѣмъ своимъ семействомъ разъѣзжаетъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, къ удивленію многихъ, что небезызвѣстно и г. жандармскому полковнику Александру Петровичу Маслову, встрѣтившемуся со мною недалеко отъ Перми.

«О 15.000, яко адресованныхъ на мое имя, я имѣлъ право говорить предъ г. губернаторомъ, и онъ, признавая справедливость моей рѣчи, прощаясь со мною, очень благосклонно отвѣтствовалъ: «Отыщемъ»,

а не говорилъ: «Вы шутите», не упрекалъ и я тоже г. губернатора за дружбу съ архимандритомъ Иларіемъ.

«Я собиралъ всѣхъ священниковъ». Никогда! Не должность епархіальнаго архіерея меня занимала, но долгъ мой по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ и глубочайшая увѣренность, что указы подложны и что слѣдовательно, по обыкновенному порядку вещей, исполнивши долгъ мой, я останусь при должности.

«Я дарилъ ихъ». Дарилъ, желая нѣкоторыхъ изъ духовенства, способнѣйшихъ и благонадежнѣйшихъ, возбудить дѣйствовать со мною во благо церкви святой.

«Прочія рѣчи, приписываемыя мнѣ г. губернаторомъ и комендантомъ, считаю или превращенными, или ужасными и крайне для меня обидными, по неприкосновенности и мыслию къ какому-либо злому преднамѣренію.

«Въ заключеніе, осмѣливаюсь изъясниться: въ необыкновенныя времена между необыкновенными людьми, на предѣлахъ отдаленнѣйшаго края обширнѣйшей въ мірѣ Имперіи, всѣми моими силами старался я распространить добро, руководствуясь правилами Господа нашего Иисуса Христа и исполняя въ точности указы Его Императорскаго Величества и св. правительствующаго синода. Въ краткое время я успѣлъ ввести во многомъ надлежащій порядокъ. Всѣ добрые меня любили.

«То, что признавалъ указы подложными, не было во мнѣ притворствомъ ни на одну минуту. Наказаніе отъ моего начальства всегда принималъ и буду принимать до послѣдняго издыханія моего, ежели-бы оно и усилено было напередъ до возможной степени, какъ сладость закона. Одни ужасы беззаконія были для меня несносны. Но я былъ-бы гордъ, ежели-бы терялъ надежду. А потому смиреннѣйше прошу св. правительствующій синодъ ходатайствовать обо мнѣ предъ правосуднѣйшимъ, но вмѣстѣ и милосерднѣйшимъ Монархомъ нашимъ» ¹⁾.

Послѣ этого объясненія, въ которомъ представляется такая чудная и странная смѣсь здравыхъ мыслей съ бредомъ полупомѣшаннаго, сужденій мужа опытнаго съ понятіями ребенка или съ грезами одержимаго горячкою—Иринея подвергли, въ присутствіи епископа Стефана, ректора вологодской семинаріи Евтихіана и игумена Израіля, медицинскому освидѣтельствованію чрезъ инспектора вологодской врачебной управы Ангельмейера и акушера Карпинскаго. Замѣчателенъ журналъ, состав-

¹⁾ См. дѣло объ удаленіи архіепископа Иринея отъ управленія Иркутскою епархіею и о прочемъ.

ленный послѣ этого освидѣтельствованія: «Архіепископъ Иринея, при хорошемъ видимомъ тѣлосложеніи, пользуется, какъ объясняетъ, довольно постояннымъ тѣлеснымъ здоровьемъ. Относительно умственныхъ способностей наблюдено: въ разговорахъ, объясняющихъ случившіяся съ нимъ, архіепископомъ Иринеємъ, происшествія, соблюдаетъ тождество и одинаковую послѣдовательность оныхъ съ припамятованіемъ даже самыхъ мелкихъ подробностей. Въ самомъ образѣ изложенія видна должная связь идей предшествующихъ съ послѣдующими. Въ произношеніи выраженій не замѣчается порывовъ страсти, столь обыкновенной у потерявшихъ равновѣсіе мыслящихъ способностей. А посему заключаемъ, что архіепископъ Иринея во дни наблюденія, при хорошемъ состояніи физическаго здоровья, находился въ здоровомъ состояніи и душевныхъ способностей. На вопросъ-же: не замѣчается-ли въ архіепископѣ Иринеѣ слѣдовъ бывшаго разстройства ума? отвѣчать ни утвердительно, ни отрицательно наблюденіемъ не приобрѣтено основанія, доколѣ повтореніе подобнаго припадка (если дѣйствительно онъ былъ), или совершенное онаго отсутствіе въ послѣдствіи времени, не поведетъ къ рѣшительно вѣрному на сей предметъ заключенію» ¹⁾).

Занятія иркутской слѣдственной комиссіи по дѣлу Иринея были гораздо многосложнѣе и труднѣе, чѣмъ занятія вологодской. Ей предлежало допросить и снять показанія съ тѣхъ лицъ, которыя или были прикосновенны къ дѣлу Иринея, или могли свидѣтельствовать, какъ очевидцы о тѣхъ происшествіяхъ, на которыя онъ указалъ въ своихъ объясненіяхъ вологодской слѣдственной комиссіи, а также дознать справедливость и истину доносовъ Иринея касательно безпорядковъ по иркутской епархіи, о коихъ онъ упомянулъ въ этихъ-же объясненіяхъ. Такимъ образомъ, дѣйствія иркутской слѣдственной комиссіи распались на три части: сначала она занялась отобраніемъ показаній отъ протоіерея Каноровскаго и іеродіакона Палсія, принявшихъ сторону Иринея, или лучше, увлеченныхъ имъ, потомъ повѣркою ссылокъ Иринея на лица, будто-бы бывшія свидѣтелями описываемыхъ имъ происшествій, т. е. допросомъ купца Трапезникова, эконома Варлаама и исправлявшаго должность секретаря иркутской консисторіи Любославова, и, наконецъ, разслѣдованіемъ о напечатанныхъ въ Иркутскѣ ставленическихъ граматахъ,

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ журналъ, составленный при вологодскомъ архіерейскомъ домѣ 28-го декабря 1831 года, а также свидѣтельство о состояніи здоровья архіепископа Иринея, произведенное инспекторомъ врачебной управы и акушеромъ.

антиминсахъ, о св. мѣрѣ и другихъ безпорядкахъ. Каноровскій, убѣжденный Иринеємъ въ подложности указа объ удаленіи его отъ управленія иркутскою епархіею, извѣстилъ о подложности указа мѣстную консисторію и отпраповалъ синоду. Іеродіаконъ Пасій, бывшій келейникомъ при Иринеѣ, видѣлъ сцену, происшедшую между Иринеємъ и чиновникомъ Голубевымъ, когда послѣдній явился къ Иринею, чтобы взять его и ѣхать съ нимъ въ Вологду. Со словъ Пасія, какъ очевидца происшествія, составлены были Канаровскимъ и экономомъ архіерейскаго иркутскаго дома рапорты въ иркутскую консисторію и синодъ, но въ этихъ рапортахъ происшествіе изображалось совѣмъ не такъ, какъ оно представлено мѣстными иркутскими гражданскими властями, даже было разнорѣчіе въ нихъ самихъ. Оба эти лица, еще прежде производства формальнаго надъ ними слѣдствія, подверглись наказанію: Канаровскому было запрещено священнослуженіе, благословеніе рукою, ношеніе рясы, документы на званіе священника отъ него отобраны, его самого заключили въ монастырь подъ присмотръ, чтобы не разглашалъ своихъ неосновательныхъ сомнѣній, а если въ этомъ будетъ замѣченъ, то, для предупрежденія вредной молвы, велѣно было отдать его подъ арестъ въ вѣдѣніе губернскаго начальства ¹⁾. Что-же касается до Пасія, то о немъ въ журналѣ св. синода отъ 4-го ноября 1831 года постановлено было: «Какъ въ рапортахъ эконома архіерейскаго дома съ братіею и присутствующаго консисторіи протоіерея Каноровскаго описано бывшее происшествіе архіепископа Иринея съ чиновникомъ Голубевымъ и прочими совершенно различно, и какъ подъ обоими сими рапортами въ вѣрности происшествія подписался іеродіаконъ архіерейскаго дома Пасій; то, по сомнѣнію въ неблагонамѣренныхъ дѣйствіяхъ его, Пасія, предписать преосвященному Мелетію, архіепископу иркутскому, запретить ему священнослуженіе и учредить за нимъ строгій надзоръ впредь до общаго разсмотрѣнія обстоятельствъ оказываемаго архіепископомъ Иринеємъ сопротивленія» ²⁾. Слѣдственною иркутскою комиссіею предложены были протоіерею Канаровскому слѣдующіе вопросные пункты: а) Почему онъ усомнился въ двухъ письменныхъ указахъ объ удаленіи отъ управленія архіепископа Иринея и объ опредѣленіи на его мѣсто архіепископа Мелетія, тогда какъ объ указѣ, которымъ опредѣленъ архіепископъ Иринея,

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ нами дѣлѣ журналъ св. синода отъ 30-го октября 1831 года по дѣлу объ оглашеніи указовъ св. синода архіепископомъ Иринеємъ подложными.

²⁾ Тамъ-же.

также письменномъ, сомнѣнія не изъявлялъ, и когда о подлинности всѣхъ сихъ указовъ, кромѣ печати, свидѣтельствовали подписи оберъ-секретаря и секретаря, коихъ почеркъ по другимъ указамъ консисторіи извѣстенъ? б) Почему сомнѣніе объ указахъ, полученныхъ 3-го сентября, изъявилъ онъ не прежде, какъ 29-го сентября? в) Самъ-ли собою вошелъ онъ въ сіе сомнѣніе, или введенъ былъ кѣмъ-либо другимъ, и въ семъ случаѣ какимъ образомъ сіе произошло? г) Какія именно несообразности и несходства двухъ указовъ съ прежде состоявшимися замѣтилъ онъ и почему разности сіи призналъ сомнительными? д) Объявилъ-ли онъ о своемъ сомнѣніи консисторіи письменнo или словесно, когда именно, и записано-ли то въ журналѣ консисторіи, или нѣтъ, и почему? е) обнаруживалъ-ли свои сомнѣнія о подлинности указовъ, кромѣ консисторіи, предъ кѣмъ именно и съ какими обстоятельствами? ж) Отъ кого и какимъ образомъ узналъ онъ о третьемъ указѣ, послѣдовавшемъ на имя архіепископа Ириней, и о томъ, отъ какого числа сей указъ, и даже подъ какимъ нумеромъ?—Каноровскій отвѣчалъ, что онъ введенъ былъ въ заблужденіе преосвященнымъ Иринеемъ, который указалъ ему на несообразности въ указахъ св. синода и доказалъ, что указы объ удаленіи и перемѣщеніи архіереевъ должны быть непременно печатные. Въ подлинности указа при опредѣленіи Ириней на иркутскую епархію онъ не имѣлъ случая сомнѣваться, потому что въ то время не былъ присутствующимъ въ консисторіи. Сличенія подписей на сихъ указахъ съ подписями оберъ-секретаря и секретаря св. синода на другихъ указахъ не сдѣлалъ потому, что былъ совершенно убѣжденъ словами преосвященнаго Ириней въ подложности первыхъ. Сомнѣніе свое въ указахъ объявилъ иркутской духовной консисторіи 28-го сентября, а составленъ-ли о семъ журналъ, о томъ не знаетъ; другимъ-же о подложности указовъ не говорилъ. О третьемъ указѣ узналъ отъ преосвященнаго Ириней. Въ заключеніе своего объясненія, Каноровскій присоединилъ, что онъ не хотѣлъ было доносить св. синоду о своемъ сомнѣніи, но былъ принужденъ къ тому различными увѣреніями и даже устраиваніемъ архіепископа Ириней, «что ежели я о семъ не донесу, то долженъ буду лишиться сана и чести. Преосвященный Ириней даже черновой рапортъ, написанный мною, поправлялъ своею рукою».

Пансіей, спрошенный слѣдственною комиссіею о причинѣ данныхъ имъ разнорѣчивыхъ показаній о происшествіи, случившемся 20-го сентября 1831 г. у архіепископа Ириней съ чиновникомъ Голубевымъ, отвѣчалъ, что онъ, будучи родомъ изъ молдаванъ, худо понимаетъ русскій языкъ, а потому, понадѣявшись, что въ рапортахъ эконома архіерейскаго

иркутскаго дома и протоіерея Каноровскаго все происшествіе описано по справедливости, подписалъ оба эти рапорта, не читавши.

Послѣ Каноровскаго и Паисія комиссія начала допрашивать лицъ, которыя, по указанію преосвященнаго Иринея, были свидѣтелями происшествій, упоминаемыхъ имъ въ своихъ объясненіяхъ, именно купца Трапезникова, эконома Варлаама и чиновника Любославова.

Трапезникова подъ присягою, при депутатѣ съ свѣтской стороны, спрашивали о содержаніи разговора его съ Иринеемъ 25-го августа, который (разговоръ), по словамъ Иринея, состоялъ въ слѣдующемъ: «Когда 25-го августа явился къ нему Трапезниковъ, первое Иринея къ нему слово было: что, бунтъ? Бунтъ, отвѣтствовалъ онъ, но не созрѣлъ; дай Богъ управиться нашему Государю поскорѣе съ поляками, управится Его Величество и съ сими». Потомъ Трапезниковъ разсказывалъ ему о нѣкоторомъ чиновникѣ Воиновѣ, говорившемъ въ одномъ домѣ, что Муравьевъ хочетъ быть сибирскимъ принцемъ, раздаетъ офицерамъ деньги, и что онъ, Воиновъ, первый застрѣлитъ его и не допуститъ до того. При прощаніи съ Трапезниковымъ, архіепископъ Иринея сказалъ ему: «Мы оба постраждемъ»; на что отвѣтствовалъ Трапезниковъ: «Остается цѣлая вѣчность; тамъ будемъ награждены; но не должно еще терять надежды, на нашей сторонѣ Богъ». «Насъ немного, возразилъ архіепископъ, да притомъ за нами смотрятъ». «О, чрезвычайно много!» сказалъ на то Трапезниковъ. При допросѣ Трапезниковъ отрекся отъ разговора своего съ преосвященнымъ Иринеемъ въ томъ видѣ, какъ онъ прописанъ въ указѣ св. синода; относительно иркутскаго городничаго Муравьева сказалъ, что совѣтникъ Елисеевъ передавалъ ему свой разговоръ съ совѣтникомъ Воиновымъ, который находилъ дѣйствія Муравьева подозрительными, словъ-же, что Муравьевъ желаетъ быть сибирскимъ принцемъ и раздаетъ солдатамъ деньги, не говорилъ. Въ разговорахъ съ архіепископомъ Иринеемъ иногда изъявлялъ желаніе, чтобы возмутители отечества были усмирены, а начинался-ли когда разговоръ между ними словами: «Что? бунтъ?» не помнить; словъ: «бунтъ, но не созрѣлъ», не произносилъ. Касательно готовности Воинова застрѣлить всякаго измѣнника отечества, хотя-бы въ томъ числѣ и Муравьева, кажется, говорилъ архіепископу Иринею, пересказывая ему вышеописанный слышанный разговоръ. О упованіи и надеждѣ на Бога и о покровительствѣ Его за всѣ добрыя дѣла, разговоръ былъ у нихъ нерѣдко; но былъ-ли такой разговоръ, который прописанъ въ указѣ св. синода, онъ не помнить.

Эконома Варлаама и чиновника Любославова спрашивали о происшествіи, бывшемъ, по словамъ Иринея, въ ночь съ 24-го на 25-е авгу-

ста, именно: было-ли въ это время въ Иркутскѣ какое-либо движеніе, похожее на бунтъ, сопровождавшееся выстрѣлами, даже возлѣ самой каменной стѣны архіерейскаго дома; дѣйствительно-ли было то, что, когда Ириней бросился изъ своей залы съ намѣреніемъ унять стрѣляющихъ, думая, что этотъ безпорядокъ происходитъ отъ служителей архіерейскаго дома, то Варлаамъ и Любославовъ какъ-бы нарочно готовы были для встрѣчи его и, взявъ его подъ-руки, не допустили до того мѣста, куда онъ стремился, но повели въ огородъ и велѣли ему прилечь на землѣ; потомъ, возвратясь всѣ въ келіи, они отвели его по темнымъ переходамъ и лѣстницамъ наверхъ дома, обѣщавъ всю ночь бодрствовать и удалять всякую опасность на случай какихъ-либо новыхъ происшествій, и что 25-го августа предъ заутреней они-же свели его съ чердака. Варлаамъ показалъ, что онъ слышалъ (впрочемъ, не по одинъ вечеръ) два выстрѣла какъ-будто изъ ружья, но не подлѣ ограды архіерейскаго дома, а около католической церкви, причемъ никакого движенія, похожаго на бунтъ, не было; архіепископъ Ириней, встревоженный этими выстрѣлами, просилъ его, эконома, гдѣ-либо укрыть себя; экономъ пригласилъ преосвященнаго къ себѣ въ келію, откуда онъ неоднократно посылалъ его слушать представлявшіеся ему стрѣльбу и колокольный звонъ. Несмотря на всѣ увѣренія Варлаама, что ни стрѣльбы ни звона нѣтъ, архіепископъ Ириней вышелъ изъ келіи съ намѣреніемъ найти себѣ убѣжище въ семинаріи; по дорогѣ къ огороду, около деревяннаго флигеля, они встрѣтили исправляющаго должность секретаря Любославова, который пошелъ съ ними-же. Пришедъ въ огородъ, архіепископъ Ириней порывался было пройти въ семинарскій корпусъ, но они, экономъ и Любославовъ, удержали его отъ этого и онъ легъ между грядями, пославъ Варлаама за ворота узнать, чтò тамъ дѣлается. Когда возвратившійся экономъ увѣрилъ преосвященнаго, что никакой опасности не предстоитъ, тогда всѣ трое пришли въ архіерейскій домъ, гдѣ Ириней, по нѣкоторомъ времени, снова началъ тревожиться. Наконецъ, онъ приказалъ отвести себя на чердакъ, гдѣ и пробылъ до разсвѣта, совершенно одинъ, успокоенный обѣщаніями Варлаама и Любославова, что они будутъ надъ нимъ бодрствовать всю ночь. Архіепископъ Ириней во время описаннаго происшествія представлялся чрезвычайно испуганнымъ, такъ что дрожалъ и даже отдавалъ эконому и Любославоу деньги, которыя онъ, послѣ ихъ отказа принять, положилъ за шкафъ, находящійся на чердакѣ. Преосвященнаго Ириней экономъ встрѣтилъ въ сѣняхъ архіерейскаго дома, куда онъ вошелъ, по предварительному извѣщенію мальчика о встревоженномъ состояніи архіерея, и увидѣлъ его дѣйствительно чрезвычайно смущеннымъ. Любо-

слагова показаніе представляеть значительныя разности съ показаніями эконома, именно: Любославовъ говоритъ, что онъ выстрѣловъ не слыхалъ, въ огородъ Иринея не сопровождалъ, призванный въ архіерейскій домъ, встрѣтилъ архіепископа въ испуганномъ видѣ уже сходящимъ съ лѣстницы, ведущей на задній дворъ, въ сопровожденіи эконома и вдоваго діакона Суслова, и что слѣдовалъ за преосвященнымъ по его приказанію только до воротъ огорода, откуда былъ имъ отпущенъ домой. Впрочемъ, Любославовъ на очной ставкѣ, данной ему съ экономомъ Варлаамомъ, извинялъ себя въ разнорѣчіяхъ давностію происшествія, по причинѣ которой не помнитъ всѣхъ его подробностей.

Изъ доносовъ Иринея о безпорядкахъ по иркутской епархіи одни оправдались, другіе оказались преувеличенными, нѣкоторые-же совсѣмъ несправедливыми. Такъ, касательно напечатанныхъ въ Иркутскѣ гражданскими буквами ставленическихъ грамотъ открылось, что въ 1826 году, при архіепископѣ Михаилѣ, ихъ было отпечатано 25 экземпляровъ и изъ нихъ 8 выдано діаконамъ церквей, состоящихъ въ вѣдѣніи красноярскаго, канскаго, нижнеудинскаго и троицкосавскаго духовныхъ правленій. Точно также была заказана архіепископомъ Михаиломъ Григорію Золотареву мѣдная доска для печатанія антиминсовъ и въ одной церкви, освященной лично покойнымъ преосвященнымъ Михаиломъ (Алзамаевской), антиминсъ былъ не печатанный, а рисованный ¹⁾. Но оказался преувеличеннымъ извѣтъ Иринея о томъ, будто-бы генераль-губернаторъ Лавинскій устроилъ въ Воскресенской Тихвинской церкви, какъ-бы новый соборъ, завелъ тамъ соблазнительную по театральному напѣву казачью пѣвческую, отдѣлилъ для нея особенное мѣсто, устроилъ возвышенное со ступенями сѣдалище и принималъ отъ священнодѣйствующихъ особенную почесть. Отобранныя по этому предмету объясненія отъ протоіерея Громова и причта Воскресенской церкви обнаружили слѣдующее: 1) Что въ означенной церкви не было ничего, отличающаго ее отъ обыкновенныхъ приходскихъ, кромѣ, можетъ быть, нѣкотораго благолѣпія, зависѣвшаго отъ усердія прихожанъ, изъ коихъ многіе принадлежали къ богатому купечеству, и кромѣ хожденія въ нее генераль-губернатора, вслѣдствіе чего въ эту-же церковь собирались и почти всѣ чиновники. 2) Пѣвчіе, по распоряженію бывшаго иркутскаго гражданскаго губернатора Трескина, набраны изъ казачьихъ дѣтей и по распоряженію настоящаго генераль-гу-

¹⁾ См. въ дѣлѣ объ удаленіи Иринея рапортъ св. прав. синоду отъ преосвященнаго Мелетія, архіепископа иркутскаго, отъ 24-го сентября 1832 года.

бернатора въ этой церкви во всѣ воскресные и праздничные дни поютъ партесно; впрочемъ, ничего соблазнительнаго въ пѣніи не замѣчено. Сверхъ того, эти-же самые пѣвчіе неоднократно пѣвали литургію и въ соборѣ при архіепископѣ Михаилѣ, а преосвященнымъ Иринею были поставлены въ образецъ архіерейскимъ, такъ что надзирающій за генераль-губернаторскимъ хоромъ надворный совѣтникъ Константиновъ, съ регентомъ архіерейскаго хора, бывали по вечерамъ въ покояхъ архіепископа Ирины и руководствовали тамъ архіерейскихъ пѣвчихъ. 3) Означенные генераль-губернаторскіе пѣвчіе дѣйствительно, съ согласія покойнаго архіепископа Михаила, имѣли помѣщеніе, и то лишь для приготовленія къ пѣнію, а не для постоянного жительства (ибо они имѣютъ дома), въ каменномъ домѣ, принадлежащемъ къ Воскресенской церкви, никѣмъ тогда не занятомъ, по неимѣнію въ немъ оконъ и службъ; но послѣ, когда домъ сей купцами Трапезниковыми, помнится, въ 1829 г., съ позволенія архіепископа Михаила, былъ исправленъ для помѣщенія неимущихъ, то пѣвчіе неизвѣстно кѣмъ изъ сего дома высланы. Нынѣ-же въ означенномъ домѣ проживаетъ діаконъ Воскресенской церкви Василій Ивановъ съ семействомъ. 4) Генераль-губернаторъ Лавинскій никакого возвышеннаго со ступенями сѣдалища не устраивалъ; а хотя въ холодной Воскресенской церкви и есть подъ хорами близъ арки по обѣимъ сторонамъ два возвышенныя мѣста, но мѣста сіи еще устроены губернаторомъ Трескинымъ, и на нихъ генераль-губернаторъ, всегда занимающій мѣсто подлѣ праваго клироса, никогда не стоялъ. Случалось, что для дочери его, фрейлины Лавинской, поставлялись, впрочемъ безъ всякаго со стороны ея предварительнаго распоряженія, а единственно по предосторожности старосты церковнаго, кресла, но она никогда на оныя не саживалась, а только въ случаѣ ослабленія иногда облокачивалась. 5) Никогда и никакой особенной чести генераль-губернаторъ отъ священнодѣйствующихъ не требовалъ и таковой ему не оказывалось, кромѣ а) что, по приказанію покойнаго архіепископа Михаила, обѣдня не начиналась до прибытія генераль-губернатора, а это дѣлалось съ тою цѣлію, чтобы онъ, по приходѣ въ церковь, не могъ найти священнослужителей еще неготовыми къ начатію литургіи. Протоіерей Громовъ докладывалъ объ этомъ архіепископу Иринею и не получилъ запрещенія. 6) При выходѣ съ Евангеліемъ генераль-губернаторъ имѣетъ обыкновеніе кланяться священнодѣйствующему, который на это отвѣчаетъ ему также поклономъ. 7) Предъ окончаніемъ литургіи, генераль-губернатору чрезъ діакона подносима была просфора и красное вино, такъ какъ сію почесть оказывалъ ему и преосвященный архіепископъ Михаилъ. Наконецъ, доносы Ирины о св. мѣрѣ и растратѣ

консисторією суммы, пожертвованной митрополитомъ Серафимомъ на камчатское училище, оказались совершенно несправедливыми. Ключарь иркутскаго собора отрекся отъ словъ, которыя приписалъ ему Иринею о св. мурѣ, что его достанетъ на сто лѣтъ. При освѣдѣтельствovanіи св. мурѣ, въ присутствіи преосвященнаго Мелетія, его оказалось, примѣрно, полтора ведра изъ двухъ ведеръ, полученныхъ изъ московской св. синода канторы 28-го ноября 1824 года.

Сумма, назначенная на камчатское училище и, по словамъ Ирины, растроченная иркутскою консисторією, оказалась въ цѣлости, и къ тому-же она не только не находилась въ распоряженіи консисторіи, но даже и въ вѣдѣніи ея.

Этимъ кончилось изслѣдованіе о поступкахъ Ирины, которое потомъ было представлено въ св. синодъ на окончательное обсужденіе и для произнесенія приговора Иринею и тѣмъ лицамъ, кои были, болѣе или менѣе, замѣшаны въ его дѣлѣ. Синодъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе: «Подлежащіе въ семъ дѣлѣ разсмотрѣнію поступки архіепископа Ирины, а именно: непризнаніе подлинными указовъ св. правительствующаго синода безъ достаточной на то причины и подъ предлогомъ опасности жизни отъ чиновника Голубева, публичное порученіе себя защитѣ военной стражи, оказываются сдѣланными не въ здоровомъ состояніи ума по слѣдующимъ признакамъ: 1) Предъ вышеозначенными поступками, съ 24-го на 25-е августа 1831 года, вечеромъ, архіепископъ Ирина, по случаю двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ не вблизи отъ архіерейскаго дома, несмотря на то, что таковыя случались и въ другіе вечера, представлялся, какъ свидѣтельствуется эконоомъ Варлаамъ, чрезвычайно испуганнымъ, такъ что дрожалъ, просилъ эконома гдѣ-либо прикрыть себя; представлялась ему, архіепископу, продолжающаяся стрѣльба и звонъ, чего совѣмъ не было; хотѣлъ онъ скрыться въ семинаріи; съ тою-же цѣлію ложился въ огородъ между грядками, а потомъ до конца ночи скрывался на чердакѣ; даже и тогда, какъ ночь прошла благополучно, архіепископъ не увѣрился въ ничтожности вечерняго приключенія, но, какъ самъ показываетъ, поутру 25-го августа, пришедшему градскому главѣ Трапезникову первое слово его, архіепископа, было: «Что? бунтъ?» 2) Въ показаніи, данномъ архіепископомъ Иринею 23-го декабря 1831 года въ Вологдѣ, встрѣчаются такія соединенія понятій, каковыхъ здравомыслящій чловѣкъ употребить не можетъ, напр., взявъ онъ, архіепископъ, въ соображеніе, между прочимъ, веревку на куполѣ подъ крестомъ кафедральнаго собора, которую ключарь по повелѣнію его не хотѣлъ снять, заключилъ, что при таковыхъ обстоятельствахъ обязанъ

ность вѣрноподданнаго есть—не снѣшить выѣздомъ изъ своей епархіи, но первому, ежели-бы надобность потребовала, положить душу свою за овцы. Онъ прибавляетъ, что веревку сію секретно показывалъ плацъ-маіору Шушковскому послѣ 20-го сентября, и что она снята уже предъ прибытіемъ преосвященнаго Мелетія въ ноябрѣ. Хотя изъ того-же показанія видна простая причина повѣшенія сей веревки, а именно поднятіе позолоченныхъ крестовъ на главы собора, но архіепископъ, несмотря на то, давалъ и продолжаетъ давать сей веревкѣ какое-то таинственное значеніе, соединенное, будто-бы, съ опасными для общественнаго спокойствія предпріятіями. 3) Подобное разстройство мыслей обнаруживается и въ способѣ, какимъ оправдываетъ преосвященный Ириней свое сомнѣніе о подлинности синодскаго указа. Человѣкъ, находящійся въ состояніи полнаго здравомыслія, не извлекъ-бы важнаго сомнѣнія изъ употребленія одной буквы Г вмѣсто *С* въ подписи бывшаго оберъ-секретаря Гаврилы Журихина, тогда какъ сомнѣніе разрѣшали всѣ прочія буквы его подписи, почерка довольно оригинальнаго, и, по долговременной службѣ сего чиновника, извѣстнаго по всему вѣдомству духовному. Если-же предположить, что архіепископъ притворно взводилъ подозрѣніе на подлинность указа, чтобъ имѣть предлогъ не исполнить онаго, то и въ семъ случаѣ только нездравомыслящему, можно было увѣрить себя, что онъ удержится на мѣстѣ, увѣривъ подчиненныхъ въ подложности указа, какъ-будто правительство и не свѣдаетъ о семъ и не употребитъ мѣръ для выполненія своего подлиннаго указа. 4) Изреченіе архіепископа Ириня, что Мелетія нѣтъ и быть не можетъ, также не иначе могло быть произнесено, какъ въ состояніи нездравомыслія; ибо онъ не могъ не знать о существованіи Мелетія, какъ епископа одной изъ ближайшихъ епархій, и о возможности переведенія его въ Иркутскъ. Посему хотя поступки архіепископа Ириня, какъ противныя подчиненности и соединенныя съ явнымъ соблазномъ, подвергали-бы его строгой отвѣтственности; но, приѣмля въ разсужденіе, что архіепископъ Ириней сдѣлалъ оныя въ припадкахъ нездравомыслія, что симъ обстоятельствомъ сколько уменьшается виновность его дѣйствій, столько-же увеличивается потребность снисхожденія къ его лицу и, по возможности, кроткаго съ нимъ обращенія, въ предосторожность возврата припадковъ умоповрежденія, приключившихся, какъ примѣтно, отъ излишней мнительности, духа подозрѣнія и опасенія бѣдственныхъ происшествій; что, наконецъ, при всей несообразности его поступковъ, не обнаружилъ онъ въ нихъ никакой неблагонамѣренности, а напротивъ того, оказывалъ намѣреніе въ опасностяхъ, хотя впрочемъ погрѣшительно предполагаемыхъ, соблюсти долгъ вѣрноподданнической

присяти Его Императорскому Величеству; то 1) архієпископа Иринєя, какъ уже изъ иркутской епархіи удаленнаго, а въ сдѣланныхъ поступкахъ припадками умоповрежденія извиняемаго, отъ дальнѣйшей по сему дѣлу отвѣтственности освободить. 2) Въ предосторожность могущихъ вновь послѣдовать публичныхъ безпорядочныхъ поступковъ отъ возврата припадковъ умоповрежденія, содержать его въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ безысходно и не допускать до священнодѣйствія впредь до усмотрѣнія и особеннаго разрѣшенія св. синода. 3) Впрочемъ, какъ по донесеніямъ вологодскаго епископа въ поведеніи архієпископа Иринєя въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ ничего предосудительнаго и безпорядочнаго не замѣчается, то для собственнаго душевнаго блага не возбранять ему при священнослуженіи другаго пріобщаться Св. Таинъ во св. алтарѣ, въ маломъ облаченіи. 4) Вологодскому епископу предписать, чтобы при бдительномъ смотрѣніи за образомъ жизни и мыслей архієпископа Иринєя, доносило было о семъ синоду по третямъ года» ¹⁾).

Государь утвердилъ рѣшеніе синода и далъ на немъ собственноручно слѣдующую резолюцію: «Согласенъ; о поведеніи его доносить по временамъ» ²⁾).

О протоіерѣ Каноровскомъ и іеродіаконѣ Паисіѣ постановлено было синодомъ: «Какъ протоіерей Каноровскій по дѣлу о неосновательномъ сомнѣніи въ подлинности указа св. прав. синода находится подъ запрещеніемъ въ священнодѣйствіи и лишенный рясы съ 18-го декабря 1831 года и съ того времени, содержась подъ надзоромъ въ иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, по свидѣтельству настоятеля сего монастыря, ведетъ себя честно и мирно: то, пріемля въ уваженіе долговременную его, безпорочную до сего случая, службу, вмѣнить ему, Каноровскому, въ наказаніе понесенное имъ чрезъ два почти года запрещеніе и заключеніе въ монастырѣ, и, разрѣшивъ въ священнодѣйствіи, опредѣлить его на священническое мѣсто къ сельской церкви по усмотрѣнію преосвященнаго; касательно іеродіакона Паисія, котораго за лжесвидѣтельство мнѣніемъ епархіальнаго начальства положено, запретивъ въ священнослуженіи, опредѣлить въ послушническую должность на три года,—оное мнѣніе утвердить ³⁾. Архимандриту Иларію и секретарю Конылову съ понытчикомъ Бурдуковымъ сдѣлать замѣчаніе за то, что они подписывали безъ постановленія

¹⁾ См. протоколъ св. синода, составленный о преосвященномъ архієпископѣ Иринѣ 1832 г. мая 16-го и октября 24-го.

²⁾ См. предложеніе князя Мещерскаго св. синоду 16-го ноябля 1832 года.

³⁾ См. протоколъ св. синода 1834 г. 14-го февраля.

консисторіи отношеніе въ губернскую типографію о напечатаніи ставленическихъ грамотъ, и обязать иркутское епархіальное начальство впредь непременно выписывать какъ ставленическихкія грамоты, такъ и антимины изъ конторы московской синодальной типографіи». Наконецъ, священнослужителямъ иркутской Воскресенской церкви подтверждено, «чтобы начатіе литургіи и прочихъ священнослуженій церковныхъ до прибытія генераль-губернатора не было отлагаемо и чтобы при вынесеніи св. Евангелія священнослужитель генераль-губернатору не кланялся и также, чтобы не было ему оказываемо при церковномъ богослуженіи другихъ отличій, каковыя, на основаніи 9-го изъ докладныхъ пунктовъ св. синода 1722 г. августа 12-го дня, предоставлены токмо Его Императорскому Величеству и Высочайшей фамилии» ¹⁾.

По окончаніи слѣдствія, на преемникѣ Ириней лежала обязанность разсмотрѣть и разобрать жалобы на Ириней обиженныхъ имъ лицъ, именно: протоіерея Флоренсова и Парнякова, которыя были извѣстны и св. синоду. Преосвященный Мелетій передалъ дѣло какъ Флоренсова, такъ и Парнякова, суду мѣстной консисторіи. Флоренсовъ былъ совершенно оправданъ консисторіею, съ мнѣніемъ которой согласился и Мелетій. «Поелику преосвященный Ириней, писала иркутская консисторія, опредѣленнаго по собственному усмотрѣнію своему присутствующимъ консисторіи и благочиннымъ священника Флоренсова отрѣшилъ отъ сихъ должностей за подписаніе, въ числѣ прочихъ присутствующихъ, апрѣля 3-го дня минувшаго 1831 г. доклада о протоіерей Никифорѣ Парняковѣ, который докладъ, по мнѣнію архіепископа Ириней, названъ законопреступнымъ, а не за нерадѣніе и опущеніе должности, что доказывается тѣмъ, что на другой-же день послѣ сдачи означеннаго доклада въ консисторію, т. е. 4-го же апрѣля, далъ онъ, преосвященный, объ отрѣшеніи его, Флоренсова, отъ присутствованія въ консисторіи и благочиннической должности предложеніе, въ которомъ, между прочимъ, значится, что священника Флоренсова за нерадѣніе къ своей должности по благочинію, такъ что пьянствующие имъ утаеваются, а прочее запускается, отрѣшить вовсе отъ присутствованія въ консисторіи и отъ благочиннической должности; но ни самъ не означилъ, ни по учиненной въ консисторіи справкѣ не оказалось, чтобы пьянствующие были Флоренсовымъ утаеваемы и чтобъ было какое-нибудь въ теченіи трехъ мѣсяцевъ нахожденія его, Флоренсова, при сей должности опущеніе, не видно: то сіе отрѣшеніе, какъ незаслуженно сдѣланное безъ суда и слѣдствія, не поставлять ему

¹⁾ См. протоколы 1832 г. мая 16-го и октября 24-го.

въ пороки и безчестіе, но, какъ пристрастное, отнести, на основаніи указа св. прав. синода отъ 5-го сентября 1831 г., по Высочайшему повелѣнію состоявшагося, къ безпорядкамъ архіепископа Иринея»¹⁾).

О Парняковѣ мнѣнія въ иркутской консисторіи раздѣлились: одни изъ ея членовъ признали его виновнымъ и отрѣшеніе его отъ консисторіи и собора правильнымъ, другіе-же напротивъ. Преосвященный Мелетій хотя и согласился съ мнѣніемъ членовъ, обвинившихъ Парнякова, но въ то-же время разрѣшилъ его въ священнослуженіи и оставилъ его на настоятельскомъ мѣстѣ при Воскресенской церкви. Сверхъ того, чтобы доставить ему случай совершенно оправдать себя и доказать свое усердіе и исправность по должности каѳедрального протоіерея, такъ какъ онъ архіепископомъ Иринеемъ былъ обвиненъ въ нерачительности по собору, преосвященный Мелетій назначилъ его съ прочими въ учрежденный комитетъ для освидѣтельствованія архіерейской ризницы и соборнаго имущества. Но, видно, обида, нанесенная Иринеемъ Парнякову, а равно и неблагоприятное для него рѣшеніе членовъ иркутской консисторіи до того сильно оскорбили его самолюбіе, что онъ сдѣлался неговорчивъ и неуступчивъ, ничего не хотѣлъ дѣлать и требовалъ возвращенія себѣ всѣхъ прежнихъ должностей, а слѣдовательно и должности каѳедрального протоіерея. Домогательства Парнякова Мелетій представилъ на усмотрѣніе синода, который постановилъ отказать ему въ оныхъ.

Примѣчаніе. Иринея, во время пребыванія своего въ Спасо-прилуцкомъ монастырѣ, молился и занимался чтеніемъ св. отцевъ. Поведеніе его здѣсь было тихо и безукоризненно. Преосвященный вологодскій въ рапортахъ своихъ св. синоду всегда отзывался объ Иринеѣ съ весьма хорошей стороны, а потому синодъ сначала исходатайствовалъ ему право священнослуженія, потомъ право выѣзда изъ монастыря, наконецъ далъ ему въ управленіе богатый Толгскій монастырь около Ярославля. Но управленіе Иринея монастыремъ уже вынудило его, архимандрита, принести св. синоду нѣсколько жалобъ на бывшаго иркутскаго преосвященнаго.

¹⁾ См. рапортъ преосвященнаго архіепископа Мелетія св. синоду отъ 29-го октября 1832 г., за № 170.

II. Ревизія тульской консисторіи.

Ревизія тульской консисторіи, произведенная въ 1834 году, слѣдуетъ въ хронологическомъ порядкѣ непосредственно послѣ слѣдствія надъ иркутскимъ архіепископомъ Иринеємъ. Ревизія эта представляетъ нѣкоторыя замѣчательныя особенности: во 1-хъ, она была первою по духовному вѣдомству, возложенною на лицо свѣтское; во 2-хъ, лицо это посылалось по Высочайшему повелѣнію и въ 3-хъ, касаясь, повидимому, безпорядковъ только въ консисторіи, она имѣла, главнымъ образомъ, въ виду повѣрку дѣйствій мѣстнаго архіерея. Тульскимъ архіереемъ въ это время былъ Дамаскинъ. Нельзя сказать, чтобы его управленіе епархіею шло хуже, чѣмъ у другихъ архіереевъ, и если онъ былъ жаденъ и корыстолюбивъ до цинизма и оставилъ послѣ себя довольно поразительныя и ясныя улики своего корыстолюбія ¹⁾, если онъ любилъ подарки и не былъ чистъ отъ грѣха симоніи ²⁾, былъ грубъ въ обращеніи и человекоугодливъ предъ людьми вліятельными и помѣщиками до подлости и былъ готовъ втоптать въ грязь священника по самой недоказательной жалобѣ; если онъ требовалъ, чтобы все духовные его епархіи за 100 сажень до архіерейскаго дома снимали шапки и заставляли ихъ стоять по три часа зимою въ холодномъ корридорѣ, когда они являлись къ нему съ прошеніями; если, сверхъ того, онъ былъ недѣлеленъ, любилъ комфортъ, а потому сохранилъ пріятную свѣжесть и даже румянецъ въ лицѣ до самыхъ послѣднихъ минутъ своей жизни, былъ непотистъ и любилъ пристраивать своихъ племянницъ за духовныхъ тульской епархіи, которые нерѣдко злоупотребляли своими къ нему отношеніями, то все эти грѣхи не были исключительною принадлежностью только одного Дамаскина. Сама тульская консисторія, на которую даже нельзя было жаловаться Дамаскину—такъ онъ ей потакалъ—хотя своевольничала, грабила, дѣлала подлоги и представляла хаосъ по дѣлопроизводству, храненію суммъ и бумагъ, но по такимъ безпорядкамъ была не единственною. Многіе архіереи и многія консисторіи того вре-

¹⁾ Послѣ преосвященнаго Дамаскина остались сундуки, наполненные серебряными самоварами, подносами, деньгами и т. п. Когда преосвященный Димитрій, пріѣхавъ на похороны Дамаскина, увидѣлъ эти сундуки, то отвернулся отъ нихъ и плюнулъ.

²⁾ Страшнымъ бичемъ при Дамаскинѣ былъ экономъ тульскаго архіерейскаго дома Никаноръ, который отличался корыстолюбіемъ, мстительностью, гордостью и своимъ вліяніемъ на архіерея. Извѣстно, что при Дамаскинѣ однажды на воротахъ тульскаго архіерейскаго дома явилась слѣдующая надпись: «Здѣсь продаются самыя лучшія мѣста».

мени были не лучше, а между тѣмъ ревизіи не подвергались: Дамаскинъ и его консисторія въ этомъ случаѣ были просто несчастливы. Нечаевъ, прежде назначенія своего оберъ-прокуроромъ св. синода, занималъ должность директора тульской гимназіи и въ это время не только могъ узнать о безпорядкахъ тульского епархіальнаго управленія, но и быть ихъ очевидцемъ; сверхъ того, на бѣду Дамаскина, Нечаевъ въ бытность свою директоромъ гимназіи не только узналъ его съ худой стороны, но между ними даже возникли непріятныя отношенія. Когда Нечаевъ сдѣлался оберъ-прокуроромъ св. синода, то онъ, частью изъ мщенія, а частью изъ болѣе благородныхъ побужденій, искалъ случая обнаружить всѣ безпорядки по тульскому епархіальному управленію. Случай этотъ скоро представился.

Въ 1833 году въ тульской епархіи случилось слѣдующее происшествіе: благочинный Новосильскаго уѣзда, села Богоявленскаго, по донесенію ему того-же села діакона Антонія Терентьева и сотскаго Васильева, представилъ тульскому епархіальному начальству, что 26-го іюня тамошній помѣщикъ Давыдовъ, бывъ у приходскаго священника Григорьева, сдѣлалъ находившемуся тамъ помянутому діакону Терентьеву выговоръ за непоздравленіе его, Давыдова, съ прїѣздомъ изъ Воронежа и пригласилъ его тогда-же къ себѣ, сказавъ, что имѣетъ къ нему надобность. Когда діаконъ и случившійся тутъ-же села Троицкаго священникъ Ивановъ пришли къ Давыдову, то онъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу въ сѣни и велѣлъ имъ обоимъ нѣсколько времени подождать въ людской. Священникъ Ивановъ не захотѣлъ дожидаться, діаконъ-же остался въ людской, куда вскорѣ вошелъ Давыдовъ и ударилъ его въ щеку, будто-бы за непокорность мѣстному своему священнику. Когда-же діаконъ, желая уйти, выбѣжалъ на дворъ, то Давыдовъ приказалъ догнать его своему старостѣ Никитину и пяти дворовымъ людямъ, которые схватили діакона у самыхъ воротъ, гдѣ и начали его раздѣвать; вслѣдъ за симъ вошли во дворъ 20 человѣкъ крестьянъ, положили обнаженнаго діакона на землю и стали бить палками, а Давыдовъ изъ своихъ рукъ полѣномъ и ногами по головѣ и бокамъ, приговаривая: «Покоряйся священнику». Потомъ Давыдовъ, выливъ на діакона двѣ бутылки вина и покрывъ его намоченнымъ полотномъ, велѣлъ его сѣчь вѣтыми солеными розгами. Въ это самое время сотскому Васильеву случилось идти мимо дома Давыдова и быть свидѣтелемъ безчеловѣчнаго истязанія діакона. На вопросъ сотскаго Давыдову: что онъ дѣлаетъ? послѣдній спросилъ его, что онъ за человѣкъ и, схвативъ его за руку, сказалъ, чтобъ онъ шелъ, куда идетъ, а то и ему будетъ то-же. Васильевъ

побѣждалъ къ церкви, ударилъ въ набатъ и, взявъ находившихся подлѣ нея у житницъ караульныхъ, пошелъ съ ними къ дому Давыдова, но по дорогѣ встрѣтилъ едва движущагося діакона, котораго, за приключившимся ему припадкомъ, не могли они отвезти домой и положили близъ церкви. При освидѣтельствованіи благочиннымъ съ священно- и церковнослужителями двухъ стороннихъ селъ, діаконъ Терентьевъ найденъ едва живымъ и до того избитымъ палками и изсѣченнымъ розгами или плетью, что все его тѣло было покрыто смертельными ранами. Въ такомъ видѣ это происшествіе доведено было до свѣдѣнія синода и оберъ-прокурора; въ такомъ-же видѣ было оно представлено Государю Нечаевымъ, который, кромѣ того, доложилъ ему, что онъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою обратить особое вниманіе на ходъ сего дѣла, а преосвященному тульскому предложилъ увѣдомить его о томъ, какъ оно будетъ рѣшено. Государь на докладѣ Нечаева написалъ слѣдующія грозныя слова: «Г. Чернышеву велѣть послать флигель-адъютанта узнать все подробности сего; а буде окажется справедливымъ хотя и въ десятую долю, то помѣщика Давыдова арестовать, содержать подъ строгимъ карауломъ и судить безъ очереди военнымъ судомъ. Донести, что за Давыдовъ» ¹⁾. Чернышевъ послалъ для производства слѣдствія гвардіи ротмистра Бутурлина, который представилъ это происшествіе въ другомъ свѣтѣ, много смягчающемъ поступокъ Давыдова, хотя сущность факта, именно, что діаконъ Терентьевъ дѣйствительно былъ имъ высѣченъ, осталась неопровержимою и засвидѣтельствована самимъ слѣдователемъ.

Вотъ что донесъ Бутурлинъ Чернышеву: «1) Помѣщикъ Давыдовъ, въ чистосердечномъ раскаяніи и полагаясь на милость Его Императорскаго Величества, показалъ: что дѣйствительно онъ заставилъ людей своихъ съѣхъ пришедшаго къ нему въ домъ въ пьяномъ видѣ діакона и обидѣвшагося за то, что онъ, Давыдовъ, не пригласилъ его въ ту комнату, гдѣ были у него гости, а именно: того села священникъ и Новосильскаго уѣзда помѣщикъ Дементьевъ, а приказалъ токмо впустить его, діакона, въ особенную комнату и ему подать туда травнику. Помянутый-же діаконъ, хотя въ ту минуту и оставилъ домъ Давыдова, но, выходя со двора, ругалъ его, и Давыдовъ, весьма пьяный и будучи подстрекаемъ помѣщикомъ Дементьевымъ, приказалъ діакона втащить въ избу людскую. Вслѣдъ за симъ діаконъ, увидя вошедшаго въ ту избу Давыдова, началъ его ругать и, бросившись на него, разорвалъ на немъ

¹⁾ См. докладъ оберъ-прокурора св. синода 1833 года № 242.

все платье¹⁾), послѣ чего Давыдовъ, по наущенію Дементьева, приказалъ собраннымъ по его приказанію крестьянамъ вытащить на дворъ и сѣчь діакона, покрыть полотномъ его и обливать виномъ. Въ продолженіе сѣченія Дементьевъ неоднократно кричалъ на людей: «Сѣки его, вора, мошенника; онъ того стѣдить», а діакону приговаривалъ: «Живи ладѣе съ помѣщикомъ». Спустя-жь нѣсколько времени Дементьевъ началъ уговаривать Давыдова перестать, но сей послѣдній, разъяренный, пьяный и болѣе всего имъ-же, Дементьевымъ, ободренный на столь гнусный поступокъ, не внималъ уже никакимъ словамъ и продолжалъ сѣчь; Дементьевъ выбѣжалъ на улицу и, повстрѣчавшись съ сотскимъ, увѣрилъ его, что необходимо бить въ набатъ, что и исполнено было имъ, сотскимъ, въ ту минуту. Люди Давыдова, услышавъ звонъ колокола, разбѣжались по домамъ.

2) Высѣченный діаконъ Терентьевъ послѣ онаго происшествія неоднократно уговаривалъ сотскаго не давать о томъ знать суду, и онъ, сотскій, единственно токмо по глупости выполнилъ желаніе діакона».

(Только причетникъ Авраамъ Алексѣевъ, сказалъ при допросѣ, что Давыдовъ былъ пьянъ; самъ-же Давыдовъ показалъ, что онъ дѣйствительно при сѣченіи діакона Терентьева приказывалъ покрыть его полотномъ и поливать по немъ виномъ, но что все это онъ дѣлалъ почти въ безпамятствѣ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго раздраженія отъ нанесеннаго ему діакономъ Терентьевымъ оскорбленія бранными словами²⁾). Что Давыдовъ подсылалъ къ діакону штабсъ-капитана Пересыпкина съ предложеніемъ мировой, отъ которой, впрочемъ, діаконъ отказался, а также о совѣтѣ, данномъ діакону дворянскимъ засѣдателемъ Хотинскимъ прекратить ссору полюбовно, объ этомъ Бутурлинъ не сказалъ ни слова въ своемъ донесеніи).

«Я-же при производствѣ изслѣдованія, соображаясь съ обстоятельствами дѣла, не могъ не обратить вниманія на первоначальную и весьма странную настойчивость діакона къ умолчанію причиненной ему столь гласно обиды. Отобравъ по сему предмету показаніе разныхъ лицъ, обнаружилось, что хотя діаконъ дѣйствительно и больно высѣченъ розгами, но не такъ однако, какъ объяснено въ приложенномъ при вышеупомянутомъ предписаніи вашего сіятельства за № 8153 списокъ съ рапорта секретаря

¹⁾ Одни панталоны.

²⁾ Предъ комиссіей, производившей слѣдствіе надъ Давыдовымъ до прибытія Бутурлина, Давыдовъ заперся въ томъ, что поливалъ виномъ діакона Терентьева и покрывалъ его полотномъ, но Бутурлину сознался въ этомъ.

тульской консисторіи ¹⁾ къ оберъ-прокурору св. синода отъ 14-го августа за № 42, ибо въ ономъ донесеніи прописано, что при произведеніи мѣстныхъ благочиннымъ съ священно- и церковнослужителями двухъ стороннихъ селъ освидѣтельствованіи найденъ діаконъ Терентьевъ едва живымъ избитый палками, изсѣченный розгами или плетью отъ головы до пятъ ногъ, такъ что не имѣть даже и вида человѣческаго и знака настоящаго тѣла, но весь совершенно покрытъ смертельными ранами, тогда какъ нынѣ, при производствѣ мною изслѣдованія, открылось: 4) кромѣ того, что діаконъ 26-го іюня вечеромъ ничѣмъ другимъ не былъ сѣченъ, какъ лозовыми прутьями, наломанными въ то-же время съ деревъ двора, на коемъ было происшествіе. Мѣстный благочинный села Покровска священникъ Каменевъ, родственникъ діакону Терентьеву, 29-го іюня приказалъ священно- и церковнослужителямъ двухъ означенныхъ въ дѣлѣ стороннихъ селъ отправиться съ нимъ для освидѣтствованія діакона; по прибытіи на мѣсто вкупѣ съ благочиннымъ, осматривали они найденные ими знаки, происшедшіе отъ сѣченія; смертельныхъ-же ранъ на тѣлѣ вовсе не оказалось. По окончаніи оного освидѣтствованія, благочинный Каменевъ написалъ на-черно свидѣтельство, въ коемъ и прописалъ, что назначенныя имъ духовныя лица дѣйствительно видѣли, что онъ, діаконъ, съ головы и до ногъ не имѣлъ даже и знака настоящаго тѣла, но весь покрытъ совершенно смертельными ранами и, приказавъ одному изъ тѣхъ духовныхъ лицъ переписать на-бѣло, требовалъ наконецъ, чтобы всѣ они, духовные, вопреки ихъ желанію, подписали несправедливое и сочиненное имъ-же самимъ свѣдѣніе, и сіи духовные, убоясь власти благочиннаго, колеблясь, подписали. Сверхъ того, онъ-же, благочинный, потребовалъ по сему случаю отъ сотскаго показаніе и заставилъ другаго села дьячка Терентьева, роднаго брата высѣченнаго діакона, писать со словъ сотскаго черновое показаніе, а діакона ближняго села на-бѣло переписывать, руку-же прикладывалъ за сотскаго другой дьячекъ, по настоянію того, который писалъ на-черно.

«Излагая такимъ образомъ приведенное мною къ концу изслѣдованное дѣло вашему сіятельству, имѣю честь присовокупить, что помѣщикъ Давыдовъ, по сдѣланному до прибытія моего повальному обыску, до

¹⁾ По медицинскому свидѣтельству, произведенному 3-го іюля, т. е. спустя недѣлю послѣ высѣченія діакона, оказалось, что у него на лицѣ, подъ лѣвымъ глазомъ, былъ синебагровый знакъ, на спинѣ пониже плечъ, на сѣдалищѣ и лядвіяхъ во многихъ мѣстахъ синебагровые, продолговатые и мелкіе знаки, начинающіе проходить и мѣстами заструпившіе, происшедшіе, повидимому, отъ наказанія палками и розгами.

сего поступка ни въ чемъ дурномъ замѣченнымъ не былъ, а діаконъ Терентьевъ неоднократно поступками своими оказывался вреднымъ его сану, что и подтверждается, какъ учиненнымъ мною о немъ повальнымъ обыскомъ, такъ и тѣмъ, что онъ, діаконъ, былъ преданъ суду за шумъ, сдѣланный имъ пьянымъ въ церкви при повѣнчаніи брака, и удареніе имъ-же въ то время въ набатъ, а также за кражу меда и овчинъ. Изъ таковыхъ его поступковъ за первый былъ наказанъ полугодичною епитимією, а по второму не оправданъ, но токмо подведенъ подъ милостивый Его Императорскаго Величества манифестъ» ¹⁾. Эти послѣднія слова Бутурлина были ящикомъ Пандоры, какъ для діакона Терентьева, такъ для тульского преосвященнаго и тульской консисторіи; отсюда начался для нихъ рядъ бѣдствій и золъ. Государь въ докладѣ Чернышева по донесенію Бутурлина обратилъ вниманіе на описанные слѣдователемъ поступки діакона Терентьева и велѣлъ конію съ представленнаго Чернышеву слѣдствія препроводить къ Нечаеву, съ тѣмъ, «чтобы, во 1-хъ, безотлагательно истребовано было отъ кого слѣдуетъ свѣдѣніе и донесено Ему: почему діаконъ Терентьевъ былъ терпимъ до сего времени въ священнослужительскомъ званіи, несмотря на предосудительное его поведеніе и бытность подъ судомъ по двумъ дѣламъ, изъ коихъ по одному онъ былъ уже наказанъ полугодичною епитимією, а по второму, о покражѣ меда и овчинъ, не оправданъ, но подведенъ подъ милостивый манифестъ; во 2-хъ, чтобы независимо отъ того обращено было на поступки діакона Терентьева, слѣдствіемъ обнаруженные, равно на пристрастное свидѣтельство благочиннаго Каменева и на предосудительное покровительство порочному діакону ближайшее вниманіе епархіальнаго архіерея для надлежащаго съ нихъ взысканія, поставивъ, притомъ, въ виду преосвященнаго крайнее сожалѣніе Его Величества о слабомъ надзорѣ за служащими во ввѣренной ему епархіи духовными лицами, тогда какъ бдительнѣйшее и неослабое надзираніе, дабы они въ дѣйствіяхъ своихъ и даже въ образѣ жизни соблюдали всегда приличное ихъ сану благочиніе и доброе правіе—сіи необходимыя условія къ снисканію должнаго отъ мірянъ уваженія—лежать главнѣйше на его обязанности» ²⁾.

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1833 года, подъ № 269, объ истязаніи, учиненномъ помѣщикомъ Давыдовымъ діакону Антонію, Терентьеву, и о сдачѣ въ архивъ тульской консисторіи нерѣшеннаго дѣла, касавшагося до означеннаго діакона, и въ дѣлѣ рапортъ Бутурлина Чернышеву отъ 7-го октября 1833 года, за № 10.

²⁾ См. въ вышеприведенномъ нами дѣлѣ объ истязаніи діакона Терентьева помѣщикомъ Давыдовымъ предложеніе оберъ-прокурора Нечаева св. синоду, отъ 24-го октября 1833 года.

Такимъ образомъ, къ дѣлу о діаконѣ Терентьевѣ былъ привлеченъ и мѣстный архіерей. Синодъ, поставивъ на видъ Дамаскину замѣчаніе Государя, между прочимъ, приказалъ ему рассмотреть поступки діакона Терентьева, а равно пристрастное свидѣтельство благочиннаго о побояхъ, нанесенныхъ означенному діакону помѣщикомъ Давыдовымъ, и немедленно представить о томъ синоду свое мнѣніе, съ приложеніемъ всего подлиннаго дѣлопроизводства, какое состоялось въ тульской консисторіи объ означенномъ происшествіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ потребовать отъ него объясненія, почему діаконъ Терентьевъ, будучи порочнаго поведенія, былъ терпимъ до сего времени въ духовномъ званіи и въ настоящемъ санѣ. Дамаскинъ отвѣчалъ синоду, что 1) «благочинный, большею частію рекомендовавшій діакона Терентьева съ хорошей стороны, за такое злоупотребленіе довѣренности начальства отрѣшенъ отъ должности до дальнѣйшаго сужденія при рѣшеніи дѣла; 2) діаконъ Терентьевъ также удаленъ отъ должности, съ запрещеніемъ ему священнослуженія; 3) ему, преосвященному, извѣстно было по вѣдомостямъ одно только дѣло, касавшееся до Терентьева: о безчиніи, произведенномъ имъ въ пьяномъ видѣ 19-го октября 1819 года въ церкви, при вѣчаніи одного приходскаго брака, а именно: онъ надѣлъ стихарь задомъ напередъ и, не слушая совѣта священника, чтобы онъ разоблачился, сталъ перечитывать читаемую священникомъ эктению; при такомъ безпорядкѣ священникъ, оставя вѣчаніе брака, разоблачился и вышелъ съ брачавшимися и всѣми бывшими въ церкви вонъ изъ оной; спустя часа съ два, священникъ, пришедъ къ церкви для совершенія того брака, приказалъ поѣзжанамъ діакона не впускать въ нее, а діаконъ, усиливаясь взойти въ церковь, сказалъ, что бракъ вѣчается не въ законные часы, и потомъ, вскочивъ на колокольню, билъ во всѣ колокола въ набатъ; на каковую тревогу присланъ былъ отъ приходскаго помѣщика, полковника Крюкова, дворовый человѣкъ, за что онъ (діаконъ Терентьевъ) и былъ наказанъ отсылкою въ монастырь на четыре мѣсяца. Но другое, открывшееся нынѣ, дѣло о покражѣ діаконѣ Терентьевымъ изъ двухъ ульевъ меда у пономаря и овчинъ у одного крестьянина, не было совершенно извѣстно ему (преосвященному), потому что отъ консисторіи объ этомъ дѣлѣ ему не было доносимо, а въ вѣдомостяхъ о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ не было показано» ¹⁾. Послѣднія слова Дамаскина явно обличали тульскую консисторію въ подлогѣ, и архіерей ими всю отвѣт-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ нами дѣлѣ объ истязаніи діакона Терентьева помѣщикомъ Давыдовымъ рапортъ Дамаскина синоду отъ 13-го октября 1833 года.

ственность за сокрытіе дѣла о покражѣ діакономъ Терентьевымъ меда и овчинъ сваливалъ съ себя на консисторію. Начались розысканія, какимъ образомъ нерѣшенное дѣло попало въ архивъ. Розысканія эти открыли, что дѣло о покражѣ діакономъ Терентьевымъ меда и овчинъ поступило въ тульскую консисторію въ 1822 году изъ Новосильскаго уѣзднаго суда, въ которомъ оно прежде производилось, и что оно было сдано нерѣшеннымъ въ консисторскій архивъ, будто-бы, умершимъ повѣтчикомъ тульской консисторіи Луневымъ, и отъ него было принято архиваріусомъ Куркинскимъ, тоже умершимъ. Розысканія эти были произведены самою тульскою консисторіею, которая, обвинивъ въ подлогѣ умершихъ Лунева и Куркинскаго, думала, что она этимъ совершенно оградила себя съ всякихъ дальнѣйшихъ привязокъ и что слова ея будутъ безусловно приняты синодомъ; но она жестоко въ этомъ ошиблась. «Синодъ, какъ выразился Нечаевъ, затрудняясь согласиться съ тѣмъ, что въ сдачѣ нерѣшеннаго дѣла въ архивъ были виновны единственно упомянутые повѣтчикъ и архиваріусъ, ибо сіе не могло произойти безъ вѣдома присутствующихъ, и въ особенности секретаря консисторіи, а если и случилось такъ, то сіе обнаруживаетъ явную небрежность ихъ въ исполненіи своихъ обязанностей,—положилъ предписать преосвященному Дамаскину, чтобы онъ, составя изъ трехъ, заслуживающихъ довѣріе начальства, духовныхъ лицъ, и притомъ такихъ, которые-бы съ начала 1822 года не были присутствующими въ консисторіи, особую комиссію, поручилъ ей строжайшимъ образомъ учинить изысканіе, когда и почему сдано упомянутое дѣло въ архивъ, можно-ли, по всей справедливости, признать въ этомъ виновными повѣтчика Лунева и архиваріуса Куркинскаго, и не дѣйствовалъ-ли еще кто въ сокрытіи онаго дѣла? также, отъ кого именно произошло, что дѣло сіе не было поставлено на видъ ему, преосвященному, ни по полученіи его въ консисторіи, ни послѣ въ вѣдомостяхъ о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ? и потомъ, сообразивъ съ тѣмъ, что откроется, постановивъ, на законномъ основаніи, заключеніе, донести объ ономъ синоду. Секретаря-же консисторіи, титулярнаго совѣтника Морева, при коемъ и дѣло сіе возникло въ 1822 году, впредь до рѣшенія по сему предмету дѣла, удалить отъ должности»¹⁾. Но отъ комиссіи, составленной изъ мѣстнаго духовенства, нельзя было ожидать тѣхъ результатовъ, какихъ хотѣлъ Нечаевъ, потому что она, находясь подъ урожающимъ вліяніемъ архіерея и консисторіи, едва-ли осмѣлилась-бы дѣйствовать безпристрастно въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ были замѣ-

¹⁾ См. докладъ оберъ-прокурора св. синода 1834 года, № 55.

шаны и тотъ, и другая. Поэтому Нечаевъ не могъ согласиться съ опредѣленіемъ синода и, чтобы вывести на свѣтъ все безпорядки тульской консисторіи, избралъ для ея ревизіи лицо, совершенно независимое отъ тульского епархіальнаго начальства, но вполнѣ зависѣвшее отъ него, всеѣмъ ему обязанное, и слѣдовательно отъ котораго онъ могъ ожидать самой строгой, точной и безпристрастной ревизіи. Лицомъ этимъ былъ Войцеховичъ. Но такъ какъ назначеніе Войцеховича не только могло показаться явленіемъ необыкновеннымъ, потому что до этого времени еще не было примѣра по духовному вѣдомству, чтобы свѣтское лицо, въ чинѣ коллежскаго ассесора, ревизовало цѣлое мѣстное духовное управленіе, но даже обиднымъ для чести епархіальнаго архіерея ¹⁾, такъ что легко могло быть не одобрено синодомъ, то, чтобы избѣжать всякой оппозиціи со стороны его и чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, Нечаевъ поставилъ свою мысль подъ защиту Высочайшей воли. Получивъ утвержденіе своего плана отъ Государя, онъ предложилъ его синоду уже въ видѣ повелѣнія самого Государя. Любопытно по докладу Нечаева слѣдить за его изворотливостью, искусствомъ и ловкостью, съ которыми онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ. Нечаевъ, упомянувъ въ докладѣ своемъ Государю объ учрежденіи по синодскому распоряженію комиссіи изъ трехъ духовныхъ лицъ, избранныхъ между тульскимъ духовенствомъ, для изслѣдованія дѣла о поступкѣ

¹⁾ Здѣсь считаемъ нужнымъ сказать, что синодъ, а особенно оберъ-прокуроры св. синода всегда смотрѣли на ревизію консисторіи, какъ на ревизію въ то-же время и административной дѣятельности архіерея. Всего лучше это подтверждается слѣдующимъ случаемъ: когда въ 1829 году Государь велѣлъ предать суду уголовной палаты секретаря с.-петербургской консисторіи Соколовскаго, то оберъ-прокуроръ князь Мещерскій прямо доложилъ Государю, что отъ этого можетъ пострадать честь митрополита Серафима.... «Но, предавая его (Соколовскаго) сужденію на основаніи общаго порядка, нельзя оставить безъ вниманія, что къ сему дѣлу прикосновенно лицо, по сану, по заслугамъ и по лѣтамъ заслуживающее снисходительнаго огражденія отъ тѣхъ непріятностей, кои сопряжены съ судопроизводствомъ слѣдственнаго дѣла. Напр., судъ обязанъ будетъ требовать объясненій, почему преосвященный Серафимъ не письменно, а словесно изъяснилъ несогласіе свое на докладъ консисторіи и приказалъ вновь пересмотрѣть дѣло. Личная довѣренность можетъ послужить преосвященному извиненіемъ; судъ не въ правѣ будетъ перейти молчаніемъ сіе обстоятельство и заключеніе его легко можетъ обратиться въ слишкомъ гласное и несоразмѣрное поступку оскорбленіе чести митрополита.

«По симъ уваженіямъ я осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить, не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству повелѣть консисторскаго секретаря Соколовскаго отрѣшить отъ должности безъ суда, яко ненадежнаго къ отправленію оной, наводящаго на себя довольно сильное подозрѣніе въ лихоимствѣ и вообще имѣющаго въ семъ отношеніи худую репутацію» (См. докладъ оберъ-прокурора св. синода 17-го февраля 1829 года).

діакона Терентьева, продолжаетъ: «О такомъ распоряженіи св. синода, по порученію онаго, всеподданнѣйшіе доводя до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія, поставляю долгомъ при семъ представить, съ своей стороны, слѣдующее мнѣніе: а) поелику изслѣдованіе вышеобъясненныхъ обстоятельствъ, по необходимости, повѣряется лицамъ, подвѣдомымъ той-же самой консисторіи, гдѣ замѣчается такого рода подлогъ, то, для большей достовѣрности въ семъ розысканіи, я полагаю-бы нужнымъ командировать въ Тулу отъ себя довѣреннаго чиновника, который-бы наблюдалъ за всѣми дѣйствіями учреждаемой тамъ комиссіи, на правѣ прокурора. б) Какъ независимо отъ сего неоднократно доходили до синода и до меня жалобы на дѣлопроизводство въ тульской консисторіи, то мнѣ представляется еще неизлишнимъ и особенно удобнымъ, чтобы сей-же самый чиновникъ, по окончаніи того слѣдствія, занялся вообще обревизованіемъ консисторской канцеляріи, въ отношеніи къ порядку дѣлопроизводства, сдачи и храненія дѣлъ, приѣма и храненія суммъ и проч. Для сего порученія почитаю я весьма способнымъ служащаго при отдѣленіи духовныхъ дѣлъ грекороссійскаго исповѣданія коллежскаго ассессора Войцеховича, который и при предмѣстникѣ моемъ, тайномъ совѣтникѣ князѣ Мещерскомъ, неоднократно употребляемъ былъ съ наилучшимъ успѣхомъ въ дѣлахъ еще болѣе важности, или требовавшихъ, по крайней мѣрѣ, столько-же вѣрности и честности несомнѣнной. Но какъ предполагаемыя мною мѣры: прикомандированіе особеннаго чиновника для наблюденія за слѣдствіемъ лицъ мѣстнаго вѣдомства и обревизованіе тѣмъ-же способомъ консисторской канцеляріи до сего времени еще не были предпринимаемы, то я счелъ долгомъ представить о томъ предварительно на благоусмотрѣніе Вашего Величества, и на исполненіе такового, впрочемъ не новаго по другимъ вѣдомствамъ распоряженія, испросить Высочайшее соизволеніе, въ томъ полномъ убѣжденіи, что оно можетъ быть существенно полезно какъ въ настоящемъ случаѣ непосредственнымъ образомъ, такъ и въ отношеніи къ другимъ консисторіямъ, которыя, ожидая также нечаянныхъ обревизованій, вѣроятно, будутъ осмотрительнѣе и осторожнѣе, а строгій порядокъ въ сихъ судебныхъ мѣстахъ, если Богъ поможетъ мало-по-малу установить его, можетъ имѣть спасительное вліяніе на благочиніе всей массы духовенства» ¹⁾. Государь совершенно одобрилъ мысль Нечаева, который, вслѣдствіе этого, 23-го февраля 1834 года сдѣлалъ такого рода предложеніе синоду: «По случаю учрежденной въ г. Тулѣ изъ мѣстныхъ духовныхъ лицъ комиссіи, для

¹⁾ См. докладъ оберъ-прокурора св. синода 27-го января 1834 г., № 55.

изслѣдованія, по какому случаю, сдано было въ архивъ тульской духовной консисторіи нерѣшенное дѣло, касавшееся до діакона села Богоявленскаго, Антона Терентьева, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы я командировалъ въ Тулу отъ себя особаго довѣреннаго чиновника, который-бы имѣлъ наблюденіе за всѣми дѣйствіями упомянутой комиссіи, на правѣ прокурора, и потомъ занялся-бы обревизованіемъ консисторской канцеляріи въ отношеніи къ порядку дѣлопроизводства вообще, храненія и сдачи въ архивъ дѣлъ, пріема и храненія суммъ и проч.»¹⁾ Такимъ образомъ, Войцеховичъ былъ назначенъ главнымъ слѣдователемъ въ этомъ дѣлѣ. Дѣятельность его, по двойственному свойству самого порученія, распалась на двѣ части: а) ему нужно было отыскать виновныхъ въ подлогѣ по дѣлу о покражѣ меда и кожи діакonomъ Терентьевымъ и б) обревизовать тульскую консисторію во всѣхъ ея частяхъ. Въ первомъ случаѣ онъ какъ-бы скрывался за учрежденною комиссіею, хотя и тутъ былъ главнымъ лицомъ, а во второмъ уже открыто дѣйствовалъ самъ собою. По дѣлу о подлогѣ, независимо отъ слѣдствія, представленнаго комиссіею св. синоду, Войцеховичъ донесъ Нечаеву, что 1) «Умершій повытчикъ Луневъ, которому приписана была сдача упомянутаго дѣла въ архивъ, не сдавалъ, да и не могъ сдать, а слѣдственно и умершій архивариусъ Куркинскій, которому приписанъ пріемъ того дѣла отъ Лунева, не могъ отъ сего послѣдняго принять его. 2) Дѣло о діаконѣ Терентьевѣ и не сдавалось въ архивъ, а было просто положено въ немъ, неизвѣстно точно въ какое время, но послѣ 1826 г., въ которомъ оное подложно подведено было подъ всемилостивѣйшій манифестъ. 3) Положилъ сіе дѣло въ архивъ несомнѣнно повытчикъ Покровскій, у котораго оно было въ дѣлопроизводствѣ. 4) Покровскій побуждался къ тому надобностію скрыть упомянутый подлогъ. 5) Участникомъ такового дѣйствія повытчика Покровскаго былъ несомнѣнно секретарь Моревъ, который, бывъ участникомъ въ подлогѣ, старался всѣми мѣрами оный скрыть, намѣревался въ представленныхъ справкахъ показать дѣло подведеннымъ подъ манифестъ, но, бывъ остановленъ вопросомъ преосвященнаго: «Значится-ли оно въ вѣдомостяхъ, св. синоду представленныхъ?» донесъ, что дѣло сдано было нерѣшеннымъ въ архивъ. 6) Подтвердившіе своимъ подписомъ таковую справку два члена консисторіи: іеромонахъ Никаноръ и протоіерей Романовъ, симъ поступкомъ своимъ и другими обстоятельствами наводятъ на себя нѣкоторое подозрѣніе, что они

¹⁾ См. въ дѣлѣ объ истязаніи діакона Терентьева помѣщикомъ Давыдовымъ предложеніе оберъ-прокурора Нечаева св. синоду, отъ 23-го февраля 1834 года.

знали, въ какомъ положеніи было дѣло. 7) Дѣло, поступившее въ консисторію въ 1822 году, было однажды поставлено въ виду преосвященнаго, въ краткой, однако-же, справкѣ при другомъ дѣлѣ о Терентьевѣ, но въ вѣдомостяхъ о нерѣшенныхъ дѣлахъ оно никогда не показывалось и виною въ томъ Моревъ и Покровскій. 8) На другихъ присутствующихъ консисторіи не пало никакого подозрѣнія ни въ отношеніи сокрытія дѣла въ архивѣ, ни въ отношеніи непоказанія онаго въ вѣдомостяхъ. Завѣдывавшіе-же собственно Новосильскимъ повытѣмъ до 1826 г., въ томъ году померли. Впрочемъ, и относительно къ симъ послѣднимъ, ни изъ собранныхъ епархій, ни изъ взятыхъ показаній, ничего не усмотрѣно. 9) Подложное подведеніе дѣла діакона Терентьева подъ манифестъ произошло непосредственно отъ секретаря Морева и повытчика Покровскаго. 10) Подпись на указѣ, посланномъ въ новосильское духовное правленіе о прощеніи Терентьева по манифесту, обнаруживаетъ еще третьяго участника въ подлогѣ, бывшаго присутствующаго въ консисторіи, протоіерея Глаголева. Комиссія объяснила подробно все, касающееся до сего протоіерея, но не рѣшилась прямо признать его виновнымъ, такъ какъ на сіе нѣтъ достаточныхъ въ дѣлѣ убѣжденій; самъ-же онъ, сознаваясь въ неосмотрительности, призываетъ Бога во свидѣтели, что не былъ намѣреннымъ въ подлогѣ участникомъ. 11) Моревъ и Покровскій во всемъ вышеизложенномъ не сознались, но уличены собранными свѣдѣніями, открывшимися обстоятельствами, документами, укрывательствомъ всѣхъ спрошенныхъ комиссіею бумагъ, ею-же самою отысканныхъ, и наконецъ собственными ихъ противорѣчіями въ разныхъ показаніяхъ». Замѣчательно заключеніе, которымъ Войцеховичъ оканчиваетъ свой рапортъ Нечаеву: «Во исполненіе предписанія вашего превосходительства, я наблюдалъ за всѣми дѣйствіями комиссіи, руководствуясь предписанными мнѣ правилами, участвовалъ во всѣхъ ея сужденіяхъ и разсмотрѣніяхъ, скрѣплялъ по листамъ представленное ею преосвященному подробное изложеніе всего, открывавшагося по изслѣдованію» ¹⁾.

Безпорядки, обнаруженные Войцеховичемъ по канцеляріи тульской консисторіи, по свойству своему, были весьма значительны. Такъ, 1) въ регистратурѣ, на которой основанъ весь порядокъ дѣлопроизводства, оказалось, что входящіе и исходящіе реестры до 1824 года были или безъ начала или безъ конца, съ пропусками, перемаранные и до того истлѣвшіе, что немалаго труда стоило прочесть написанное въ нихъ. Но главная

¹⁾ См. въ дѣлѣ объ истязаніи діакона Терентьева помѣщикомъ Давыдовымъ рапортъ Войцеховича Нечаеву, отъ 16-го апрѣля 1834 года, за № 37.

неисправность реестровъ заключалась въ томъ, что противъ многихъ вступившихъ бумагъ не имѣлось росписокъ повѣтчиковъ, получившихъ ихъ въ повѣтѣ. За многіе присутственные дни журналовъ совершенно не было, а за нѣкоторые оказалось по два, но разнаго содержанія. Найдено немало журналовъ, безъ подписей членовъ, или подписанныхъ однимъ изъ нихъ за тѣ дни, въ которые присутствовали и другіе члены, а также подписанныхъ лишь однимъ секретаремъ. Журналы составлялись небрежно, съ ошибками въ показаніи дней и съ помарками. Съ 1824 по 1834 годъ они еще не были переписаны; журналы за прежніе годы не были сданы въ архивъ и найдены Войцеховичемъ на консисторскомъ чердакѣ. Въмѣсто протоколовъ, большею частью, составлялись по дѣламъ краткія донесенія преосвященному; находящимся-же на лицо протоколамъ не было описей. Въ настольномъ реестрѣ входящихъ суммъ не было отмѣтокъ въ особо назначенной для того графѣ, когда вступившія деньги отправлены по назначенію. Указы св. синода съ 1827 года безъ переплета, безъ описей и не въ должномъ порядкѣ. Всякій изъ повѣтчиковъ бралъ ихъ и держалъ у себя подолгу. Въ ежегодныхъ вѣдомостяхъ о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ многія изъ нихъ никогда не показывались и потому оставались безъ наблюденія со стороны членовъ, а иногда, не бывъ даже кончены, обращались на чердакъ или въ архивъ. Секретарь Моревъ обыкновенно распоряжался тѣмъ, какія дѣла вносить, или не вносить въ вѣдомость.

Что касается 2) консисторскаго дѣлопроизводства, то каждое повѣтѣ имѣло свой настольный реестръ, за исключеніемъ небольшого промежутка времени, когда у всѣхъ ихъ былъ одинъ общій настольный реестръ. Реестры эти до 1822 г. были или безъ начала и конца, или съ пропусками, изорваны и попорчены. Съ 1822 года они въ большей исправности, но зато оказались упущенія въ другихъ важнѣйшихъ предметахъ, а именно: весьма много дѣлъ и бумагъ, по существу своему немаловажныхъ, не были вписаны въ эти реестры, а потому, оставаясь въ неизвѣстности, не имѣли и движенія. Такого рода неисправность особенно замѣтна по двумъ повѣтьямъ: 1) по тульскому и бѣлевскому и 2) по ефремовскому и новосильскому. По послѣднему дѣла и бумаги за цѣлые мѣсяцы послѣднихъ годовъ не внесены въ настольные реестры.

Слушаніе дѣлъ происходило не по порядку ихъ вступленія, съ соблюденіемъ строго предписанной закономъ очереди, но просто по произволу канцеляріи; оттого многія дѣла оставались въ теченіе долгаго времени незаслужанными. Въ настольныхъ докладныхъ реестрахъ вовсе не было отмѣтокъ о времени исполненія резолюцій. Войцеховичъ нашелъ

также, что резолюціи преосвященнаго и опредѣленія консисторіи съ давняго времени по дѣламъ немаловажнымъ оставались неисполненными, и многія изъ такихъ дѣлъ положены были на чердакъ, или сданы въ архивъ. Вотъ образецъ того, какъ исполнялись тульскою консисторіею резолюціи мѣстнаго преосвященнаго: въ мартѣ 1832 года бѣлевское духовное правленіе представило въ тульскую консисторію слѣдствіе, по которому копистъ того правленія Василій Воскобойниковъ былъ сильно заподозрѣнъ въ похищеніи консисторскаго указа съ приложенными при ономъ двумя свидѣтельствами изъ дѣла о пропускѣ въ метрическихъ книгахъ записи о рожденіи и крещеніи дочери бѣлевскаго мѣщанина Богомолова, дѣвицы Анны. 18-го іюня того-же 1832 г. состоялось въ тульской консисторіи слѣдующее опредѣленіе: «Воскобойникова исключить изъ службы и отправить въ губернское правленіе для употребленія, куда годнымъ окажется». Это опредѣленіе консисторіи тогда-же утверждено преосвященнымъ, но не было исполнено и Воскобойниковъ спокойно жилъ въ Тулѣ въ то время, когда Войцеховичъ производилъ ревизію тульской консисторіи.

При ревизіи самыхъ дѣлъ открылось, что 1) бумаги посылались безъ доклада присутствію; 2) резолюціи преосвященнаго исполнялись помимо присутствія; 3) справки по дѣламъ производились неполныя; такъ, напр., въ ноябрѣ 1829 г. благочинный города Крапивны донесъ о побояхъ, причиненныхъ дячкомъ села Красногорья, Иваномъ Иларіоновымъ, крестьянину Григорію Иванову. Рапортъ благочиннаго не былъ заслушанъ въ консисторіи, а между тѣмъ дячокъ Иларіоновъ уволился въ крапивинское мѣщанство. Ни архіерею, ни казенной палатѣ не было дано знать о побояхъ, нанесенныхъ бывшимъ дячкомъ Иларіоновымъ крестьянину Иванову. А вотъ еще другое доказательство: въ дѣлѣ о поступкахъ бывшаго игумена новосильскаго Святодухова монастыря Августина не было приведено на справку дѣло о самовольномъ увольненіи имъ изъ монастыря двухъ скопцовъ, причинившихъ въ послѣдствіи много безпокойствъ своими поступками.

4) «Описей дѣламъ въ повытяхъ нѣтъ, пишетъ Войцеховичъ, а если и есть за нѣкоторые года, то неполныя. Дѣла вообще содержатся въ большомъ безпорядкѣ, не подшитыя, разбросанныя по частямъ, перемѣшанные съ лежащими въ такомъ-же безпорядкѣ клировыми вѣдомостями и неповѣренными книгами, выдаваемыми для сборовъ въ пользу церквей. Повытки сами не знали, какія дѣла находились у нихъ, а потому и затруднялись въ отысканіи ихъ, а нѣкоторыхъ дѣлъ совсѣмъ не находили. Естественнымъ слѣдствіемъ такого безпорядка было то,

что дѣла получали неправильное направленіе, разсматривались и перерѣшались нѣсколько разъ.

5) «Въ архивѣ сдавались дѣла не въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовало, т. е. съ означеніемъ на каждомъ дѣлѣ: кѣмъ, кому и когда дѣло сдано, но просто по описямъ, изъ которыхъ инныя даже никѣмъ не подписаны. Метрическія книги и исповѣдныя росписи свалены въ архивѣ кое-какъ и разбиты до такой степени, что нѣтъ возможности справляться по нимъ.

6) «Не меньшій безпорядокъ былъ и въ записываніи и храненіи денежныхъ суммъ: въ книгахъ остатокъ отъ каждаго года не показывался въ приходѣ слѣдующаго; каждый присутствующій въ консисторіи, записывая въ книгахъ приходъ и расходъ суммъ по своему помыслу, не обращалъ вниманія на прочія, отъ чего и не было въ книгахъ надлежащей опредѣлительности, точности, итоговъ, транспортовъ и проч., а между тѣмъ замѣчено множество подскобковъ и переправокъ. Суммы по долгу лежали безъ отправленія, а повѣрки суммъ съ документами никогда не бывало. Билеты опекунскихъ совѣтовъ, банковъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, переходя чрезъ консисторію въ другое какое-либо мѣсто, церковь или монастырь, не всегда хранились вмѣстѣ съ суммами, но оставались иногда въ помытцяхъ.

7) «Помѣщеніе архива неудобно, сыро и тѣсно, такъ что въ немъ нельзя помѣстить всѣхъ дѣлъ, лежащихъ въ помытцяхъ и на чердакѣ».

Что-же касается до сдачи и храненія дѣлъ въ архивѣ, то первая производилась самымъ безпорядочнымъ образомъ, потому что въ связкахъ дѣлъ Войцеховичъ находилъ просто бумаги разныхъ годовъ и разнаго содержанія, съ надписями, что они исполнены. Метрическія книги и исповѣдныя росписи лежали разбитыя на полу и отъ сырости начали гнить.

Въ заключеніе, Войцеховичъ высказалъ свое мнѣніе о составѣ канцеляріи тульской консисторіи. «По настоящему ограниченному штату канцеляріи, пишетъ онъ, конечно, нѣтъ возможности къ совершенно удобному распредѣленію предметовъ и уравнительному раздѣленію трудовъ. Особенно это неуравнительное раздѣленіе трудовъ примѣчается въ отношеніи помытчика Покровскаго. Сей помытчикъ оказался нынѣ самымъ неисправнѣйшимъ. На неисправность его и прежде были жалобы; на нее роптали члены консисторіи и самъ преосвященный замѣчалъ объ оной. Было даже и опредѣленіе объ исключеніи его, но секретарь Моревъ его удерживалъ и, между тѣмъ, возлагалъ на него всѣ важнѣйшія дѣла. Онъ и понынѣ занимается составленіемъ ежегодныхъ вѣдомостей о дви-

женін дѣлъ по консисторіи, занимался дѣломъ о священникахъ, бывшихъ подъ судомъ, велъ дѣла о разводѣ,—и все сіе велъ въ крайнемъ безпорядкѣ. По роду-же открытыхъ въ его повѣтъ упущеній, нельзя относить ихъ къ одной несправности, ибо они обнаруживаютъ и неблагонамѣренность; такъ, напр., извѣстное подведеніе подъ манифестъ діакона Терентьева, оставленіе безъ доклада дѣлъ особой важности и неисполненіе таковыхъ-же опредѣленій. Сверхъ всего этого, онъ рѣдко бываетъ трезвъ, и подолгу не являлся иногда къ должности. А довѣренность и послабленіе со стороны секретаря Морева ничѣмъ инымъ нельзя объяснить, какъ очевидною связью ихъ, основаніемъ которой было единственно употребленіе во зло довѣренности начальства.

«Изъ числа прочихъ чиновниковъ канцеляріи нельзя, по всей справедливости, ни одного сравнить съ Покровскимъ. Не совсѣмъ благонадежнымъ представляется одинъ токмо канцеляристъ Глаголевъ, завѣдывающій повѣтѣмъ по уѣздамъ Каширскому и Алексинскому—о немъ говорятъ съ дурной стороны. При ревизіи-же я замѣтилъ, что онъ часто намѣревался представлять дѣла не въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся. При томъ-же до него касается дѣло о грубостяхъ, причиненныхъ имъ въ нетрезвомъ видѣ секретарю. Всѣ другіе повѣтчики одобряются, а въ особенности титулярный совѣтникъ Іерусалимскій и исправляющій нынѣ должность секретаря, канцеляристъ Воскресенскій.

«Остальные канцелярскіе чиновники мало и опытные, и способные, и недостатки въ средствахъ къ жизни ясно на нихъ отражаются.

«Всѣ они почти изъ исключенныхъ учениковъ духовныхъ училищъ. Одинъ только не изъ духовнаго званія, коллежскій регистраторъ Орловъ. Онъ изъ киргизъ, принявшихъ христіанскую вѣру, не токмо не знающъ въ дѣлопроизводствѣ, но едва можетъ писать.

«Поступокъ повѣтчика Покровскаго и обнаруженные по всему дѣлопроизводству канцеляріи упущенія, ясно показывая, сколько былъ слабъ со стороны секретаря Морева надзоръ за поведеніемъ и дѣятельностію чиновниковъ, представляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по роду и степени оныхъ весьма сомнительною благонадежность самого Морева. Очевидно, что онъ имѣлъ неограниченное вліяніе на рѣшеніе дѣлъ и отважно позволялъ себѣ распоряджаться исполненіями; ибо невозможно, чтобы безъ свѣдѣнія его столько дѣлъ, и особой важности, оставлено было безъ доклада, или окончательнаго исполненія, а сіе несогласно уже съ понятіемъ о несправности просто, въ которой Моревъ и себя, и прочихъ чиновниковъ канцеляріи, бывшей у него въ завѣдываніи, сознаетъ виновными: такъ онъ мнѣ объяснялся, впрочемъ, на словахъ, ибо я не входилъ съ

нимъ ни въ какую переписку, довольствуясь требованіемъ на бумагѣ свѣдѣній и объясненій, представлявшихся мнѣ нужными, отъ исправляющаго должность секретаря. Моревъ-же, при ревизіи, всегда былъ въ канцеляріи и объяснялъ встрѣтившіяся недоумѣнія, или помогалъ въ отысканіи дѣлъ» ¹⁾).

Нетрудно угадать, что результатъ какъ слѣдствія, произведеннаго флигель-адъютантомъ Бутурлинымъ и бывшаго причиною ревизіи тульской консисторіи, такъ и самой ревизіи, будетъ неблагопріятенъ для многихъ лицъ. Дѣйствительно, діаконъ Терентьевъ, дѣло о которомъ было главнымъ поводомъ къ ревизіи тульской консисторіи, лишенъ былъ діаконскаго сана, исключенъ изъ духовнаго вѣдомства и отосланъ въ губернское правленіе для приписки въ податное состояніе. Благочинный Каменевъ, за покровительство Терентьеву, удаленъ былъ отъ благочиннической должности, съ тѣмъ, чтобы впредь его не опредѣлять къ общественнымъ должностямъ. Священники, діаконы и причетники, подписавшіе свидѣтельство благочиннаго о причиненныхъ Терентьеву отъ помѣщика Давыдова побояхъ,—первые посланы въ монастырь на два мѣсяца, вторые на мѣсяць, а третьи наказаны положеніемъ по сту земныхъ поклоновъ въ городскомъ Новосилскомъ соборѣ. Уличенные въ подлогъ по дѣлу о покражѣ діаконъ Терентьевымъ меда и овчинъ, секретарь тульской консисторіи Моревъ и повытчикъ Покровский отрѣшены отъ должностей и преданы суду уголовной палаты. Той-же участи подвергся и присутствовавшій въ тульской консисторіи протоіерей Глаголевъ (подписавшійся подъ указомъ о прощенныхъ по всемилостивѣйшему манифесту), съ запрещеніемъ ему священнодѣйствія; но онъ впоследствии былъ оправданъ уголовною палатою. Присутствующіе въ тульской консисторіи: протоіерей Романовъ и іеромонахъ Никаноръ, подписавшіе не вѣрную о Терентьевѣ справку, получили замѣчаніе отъ синода ²⁾).

Что-же касается главнаго начальника епархіи, котораго беззаботность, по выраженію Нечаева, оказалась при этой ревизіи въ непереносимой степени, то ему сдѣлано было только строгое замѣчаніе отъ синода, съ предписаніемъ непремѣнно озаботиться исправленіемъ всѣхъ безпорядковъ въ тульской консисторіи. Можетъ быть, Нечаевъ домогался

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1834 года о безпорядкахъ тульской консисторіи, подъ № 812.

²⁾ См. въ дѣлѣ объ истязаніи, учиненномъ помѣщикомъ Давыдовымъ діакону Антонію Терентьеву и о сдачѣ въ архивъ тульской консисторіи нерѣшеннаго дѣла, касавшагося до означеннаго діакона, указы св. синода 1835 г. отъ 16-го января и 26-го февраля.

не тѣхъ результатовъ по отношенію къ Дамаскину, какіе были добыты ревизією, можетъ быть, стремленія его и увѣнчались-бы успѣхомъ, если-бы Дамаскину не помогли особенныя обстоятельства, заключавшіяся въ его отношеніяхъ къ митрополиту Серафиму и Серафима къ Нечаеву.

Дамаскинъ, первоначально бывший викаріемъ Серафима по новгородской епархіи, который и рекомендовалъ его на тульскую кафедру, находился подъ покровительствомъ митрополита, такъ что въ бѣдѣ могъ всегда найти защиту у своего бывшего начальника. Вѣроятно, при этомъ случаѣ не обошлось безъ просительныхъ писемъ со стороны преосвященнаго Дамаскина къ митрополиту Серафиму о покровительствѣ, которое и было оказано послѣднимъ тѣмъ охотнѣе, что отношенія его къ Нечаеву и Нечаева къ нему были въ какомъ-то напряженномъ состояніи. Мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ, что Нечаевъ, приставшій къ сторонѣ митрополита Филарета и опиравшійся на князя А. Н. Голицына, чрезъ котораго въ то время шли все доклады по важнѣйшимъ синодскимъ дѣламъ къ Государю, естественно поставилъ себя не въ дружественныя отношенія къ противной сторонѣ, т. е. къ митрополитамъ Серафиму и Евгению.

Обѣ стороны не скрывали своихъ чувствъ, напротивъ, нерѣдко обнаруживали ихъ съ самою свободною откровенностью, которою особенно отличались два члена этихъ противоположныхъ партій: митрополитъ Серафимъ и оберъ-прокуроръ Нечаевъ. Послѣдній въ описываемую нами эпоху вотъ какъ откровенно-невѣжливо обнаружилъ свои отношенія къ митрополиту Евгению: посѣтивъ въ 1834 году Кіевъ, онъ не хотѣлъ первый сдѣлать визита митрополиту и выжидалъ, что онъ къ нему явится; но Евгений не пріѣхалъ. За это Нечаевъ, чтобы кольнуть митрополита, выставилъ его въ отчетъ Государю съ самой невыгодной стороны. «Московская академія—писалъ Нечаевъ—много обязана своимъ благоустройствомъ начальственному вліянію митрополита московскаго, кіевская-же всею обязана нынѣшнему ректору Иннокентію и бывшему инспектору Теремію» ¹⁾, т. е. другими словами, митрополитъ Евгений ничего не дѣлаетъ для академіи. Столь-же ясно онъ выражалъ непріязненныя свои отношенія и къ митрополиту Серафиму. Слѣдующій анекдотъ весьма наглядно характеризуетъ взаимныя ихъ отношенія. Нечаевъ, постоянно пріѣзжавшій въ синодъ позже митрополита, при входѣ въ комнату, находящуюся предъ залою синодальнаго присутствія, весьма часто громко спрашивалъ синодскаго экзекутора: «Серафимъ

¹⁾ См. въ отчетѣ оберъ-прокурора св. синода за 1834 г. стр. 82.

здѣсь? Серафимъ пріѣхалъ?» Эти вопросы дѣлались такъ невѣжливо и такъ громко, что ихъ не могъ не слышать митрополитъ. Чтобы положить этому конецъ, Серафимъ однажды намѣренно пріѣхалъ въ синодъ позже обыкновеннаго, когда Нечаевъ уже находился въ залѣ присутствія, и, входя въ находящуюся предъ нею комнату, громко и, притомъ, нѣсколько разъ спросилъ экзекутора: *«Степанъ здѣсь? Степанъ ужъ пріѣхалъ? Степанъ Нечаевъ здѣсь?»* При такихъ непріятныхъ отношеніяхъ митрополита Серафима къ оберъ-прокурору Нечаеву, неудивительно, что ревизія тульской консисторіи кончилась для преосвященнаго Дамаскина только замѣчаніемъ, полученнымъ имъ отъ синода.

3) Ревизія оренбургскаго духовнаго управленія.

Эта ревизія была вызвана безпорядками по оренбургскому духовному управленію, сдѣлавшимися извѣстными св. синоду, съ одной стороны, по доносамъ архіерея и членовъ консисторіи на ея секретаря, а съ другой, по извѣтамъ секретаря на архіерея и членовъ консисторіи. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію содержанія самыхъ доносовъ, скажемъ нѣсколько словъ о главныхъ ратоборцахъ, тогдашнихъ оренбургскомъ архіерее и консисторскомъ секретарѣ. Послѣ добраго, кроткаго и отчасти слабаго преосвященнаго Михаила, переведенъ былъ въ 1835 г. на оренбургскую кафедру изъ Вятки Іоанникій. Уже самый переводъ его изъ богатой и высшей по степени епархіи на оренбургскую, бѣднѣйшую и нисшую, показываетъ, что синодъ имѣлъ невысокое понятіе объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ Іоанникія. Докладъ синодальнаго оберъ-прокурора Государю о причинѣ перевода Іоанникія изъ Вятки въ Уфу какъ нельзя лучше доказываетъ это, несмотря на то, что Нечаевъ всемѣрно старался смягчить предъ Государемъ невыгодное мнѣніе синода объ Іоанникіѣ. «Поднося, пишетъ Нечаевъ, при семъ докладъ св. синода объ избранныхъ на вакансію оренбургской архіерейской кафедры кандидатахъ, долгомъ почитаю представить Вашему Императорскому Величеству предварительное объясненіе о причинѣ, почему въ числѣ ихъ внесенъ, совокупно съ двумя архимандритами, епископъ вятскій Іоанникій, занимающій нынѣ кафедру хотя также третьеклассной епархіи, но старшей противу оренбургской. Побужденіемъ къ сему назначенію были особенныя обстоятельства вятской епархіи и учрежденныхъ въ ней миссій, по которымъ, при всей благонамѣренности нынѣшняго начальника, остается еще желать въ занимающемъ еіе мѣсто особенной твердости и личной настойчивости въ надзорѣ управленія. Въ сей

епархіи замѣчено не всегда просвѣщенное и усердное и не всегда безкорыстное дѣйствованіе приходскаго духовенства относительно неутвержденныхъ въ вѣрѣ черемисъ и вотяковъ; донесенія объ успѣхахъ миссій оказываются не во всѣхъ частяхъ вѣрными, а со стороны епископа Іоанникія неполная мѣра силы характера, каковая въ преимущественной степени требуется въ подобныхъ обстоятельствахъ, чтобы ближайшимъ и точнѣйшимъ образомъ открыть положеніе дѣлъ и людей и дать тѣмъ и другимъ рѣшительное направленіе къ лучшему. Напротивъ того, оренбургская епархія, малочисленная и по населенію военному зависящая наиболѣе отъ особеннаго поставленнаго надъ нимъ начальства, не представляетъ такихъ трудностей въ своемъ управленіи, почему и можно надѣяться, что епископъ Іоанникій, пріобрѣтшій уже нѣкоторую опытность въ епархіальномъ управленіи, будетъ здѣсь существеннѣе полезенъ, ежели Вашему Величеству благоугодно будетъ назначить его на сію каѳедру.

«Члены св. синода, препоручая мнѣ всеподданнѣйше доложить о такомъ ихъ предположеніи, изъявили мнѣніе, что было-бы по обстоятельствамъ обѣихъ епархій полезнѣйшею мѣрою, еслибы поступилъ на оренбургскую каѳедру сей первый кандидатъ, епископъ Іоанникій, съ сохраненіемъ настоящей своей степени (ибо пониженія не заслуживаетъ), какъ о томъ упомянуто и въ синодальномъ докладѣ, а въ вятскую епархію былъ опредѣленъ другой начальникъ съ качествами, наиболѣе для дѣла ея нужными» ¹⁾. Іоанникій, при ограниченныхъ умственныхъ способностяхъ и при непростительномъ въ его званіи незнаніи самыхъ обыкновенныхъ формъ духовнаго судопроизводства, былъ, сверхъ того, задорливъ, сварливъ, надутъ, мстистеленъ, пристрастенъ и несправедливъ; будучи окруженъ своими племянниками, людьми не совсѣмъ нравственными, онъ позволялъ имъ вмѣшиваться въ дѣла епархіальнаго управленія, и не только имъ, но даже и женамъ ихъ. Не строгій къ самому себѣ, онъ снисходительно смотрѣлъ на поступки грязнаго и пьянаго ректора оренбургской семинаріи Никодима, и правственнаго уroda, смотрителя уфимскихъ училищъ, іеромонаха Филиппа. Но главный порокъ, которымъ опозорилъ себя Іоанникій и за который въ глаза называли его даже татары грабителемъ, было корыстолюбіе, послужившее началомъ вражды между нимъ и секретаремъ Маминымъ.

Маминъ былъ натура энергическая, огненная, смѣлая и дерзкая до наглости, язвительная, изворотливая, опытная въ крючкотворствѣ и са-

¹⁾ См докладъ оберъ-прокурора св. синода, годъ 1835, № 305, о кандидатахъ на оренбургскую каѳедру.

мая умная и даровитая среди безграмотной, невѣжественной и лѣнивой челяди консисторской; натура гордая, метительная и, какъ всѣ консисторскіе секретари, корыстолюбивая. Съ семинарской скамьи Маминъ попалъ въ консисторію, гдѣ, при безлюдѣ умныхъ и мало-мальски грамотныхъ, онъ скоро былъ замѣченъ и, какъ человѣкъ смысленный, въ непродолжительное время успѣлъ достигнуть мѣста секретаря. Время назначенія Мамина на эту должность было для него самое неблагопріятное: оренбургская консисторія доведена была до крайняго разстройства и представляла по дѣлопроизводству чистый хаосъ. Одинъ изъ предмѣстниковъ Мамина былъ преданъ суду уголовной палаты за безпорядки по консисторіи, другой едва избѣгъ этой чаши. Маминъ принялъ должность только по усиленной просьбѣ тогдашняго преосвященнаго оренбургскаго Амвросія, который писалъ къ оберъ-прокурору князю Мещерскому, вызывавшему Мамина на службу въ синодъ, что если угодно будетъ его сіятельству «взять Мамина въ канцелярію синода, то онъ, по неизмѣннѣй благонадежныхъ чиновниковъ, долженъ будетъ запереть консисторію» ¹⁾. Это обстоятельство, конечно, должно было имѣть вліяніе какъ на характеръ Мамина, и безъ того уже гордый, такъ и на образъ его дѣйствій. Впрочемъ, къ чести Мамина слѣдуетъ сказать, что онъ съ необыкновенною дѣятельностью принялся за исполненіе своей обязанности: сотни дѣлъ, лежавшихъ до него по нѣсколько лѣтъ безъ движенія, были окончены въ самый короткій срокъ и консисторія даже по внѣшности приняла болѣе благообразный видъ. Преосвященный Михаилъ рекомендовалъ Мамина за такую его дѣятельность съ отличной стороны ²⁾. Но вскорѣ случилось съ нимъ происшествіе, о которомъ трудно сказать, было-ли оно злонамѣреннымъ, или только слѣдствіемъ его оплошности: онъ былъ обвиненъ въ растратѣ консисторскихъ суммъ и удержаніи у себя 880 руб. асс., принадлежавшихъ комиссіи духовныхъ училищъ. Хотя большую часть растроченной суммы Маминъ пополнилъ, а другая часть этой суммы была вмѣнена ему въ пособіе, какъ пострадавшему отъ пожара и во вниманіе къ его похвальному поведенію, способностямъ и трудамъ по приведенію въ возможный порядокъ разстроенныхъ при прежнихъ секретаряхъ дѣлъ, и хотя преосвященный Михаилъ даже ходатайствовалъ предъ св. синодомъ, чтобы не судить за это Мамина и не дѣлать отмѣтки въ его формулярѣ, однако синодъ, не только

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1836 года, подъ № 1.291, объ удаленіи секретаря оренбургской духовной консисторіи Василія Мамина отъ занимаемой имъ должности, и въ немъ приложеніе подъ буквою С.

²⁾ Тамъ-же.

удалилъ Мамина отъ должности, но и предалъ его суду уголовной палаты. Уголовная палата оправдала Мамина, «какъ необличаемаго въ умыслъ воспользоваться консисторскими суммами, а показавшаго только неотчетное дѣйствіе по онымъ и уклоненіе отъ своевременнаго ихъ направленія». Преосвященный Михаилъ снова послѣ этого сталъ ходатайствовать предъ синодомъ о допущеніи Мамина къ секретарской должности, какъ благонадежнѣйшаго изъ всѣхъ чиновниковъ консисторской канцеляріи. Синодъ, послѣ многихъ отказовъ, наконецъ согласился на ходатайство преосвященнаго, но и то неохотно и только подъ тѣмъ условіемъ, «чтобы въ случаѣ какихъ-либо отъ Мамина безпорядковъ и незаконныхъ дѣйствій впредь, отвѣтственность въ томъ преимущественно отнесена была на самое епархіальное начальство, какъ ручающееся за его благонадежность» ¹⁾. Маминъ во второй разъ, уступая просьбамъ преосвященнаго Михаила, принялъ должность секретаря, но уже съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія. Между тѣмъ, во время удаленія Мамина отъ секретарства, т. е. въ продолженіе 3 лѣтъ (съ 1830 г. по 1833 г.), дѣла консисторскія пришли въ совершенное разстройство. Должность секретаря въ оренбургской консисторіи была тогда столь тягостна и страшна, что, по удаленіи Мамина, чиновникъ Голубевъ, вызванный нарочно для занятія ея изъ духовнаго правленія, несмотря на убѣдительныя представленія консисторіи и преосвященнаго, рѣшительно отказался отъ нея и возвратился на прежнее мѣсто службы ²⁾. Наболѣе разстроена была консисторія Агаѳоновымъ, исправлявшимъ должность секретаря по удаленіи Мамина, чиновникомъ невѣжественнымъ, лѣнивымъ, безсовѣстнымъ и глупымъ: архивъ консисторскій въ это время пришелъ въ совершенное запустѣніе, въ канцеляріи бумаги лежали незаписанными во входящіе реестры, исполненія дѣлались безъ резолюцій; у членовъ консисторіи за одинъ 1831 годъ нерѣшенныхъ дѣлъ и бумагъ оказалось 458 ³⁾. Маминъ снова съ жаромъ принялся за исправленіе консисторскихъ безпорядковъ и въ два мѣсяца отъ своего вступленія въ должность сдѣлалъ столько, сколько безъ него сдѣлано было въ цѣлый годъ ¹⁾. Но его зависимое положеніе отъ членовъ конси-

¹⁾ См. дѣло св. синода подъ № 1291, объ удаленіи секретаря оренбургской консисторіи Василія Мамина отъ занимаемой имъ должности, и тутъ-же указъ св. синода подъ № 313, на стр. 126, а также приложеніе къ этому дѣлу подъ лит. С, стр. 130.

²⁾ См. приложеніе къ упомянутому уже дѣлу подъ лит. С, озаглавленное такъ: «Записки и заключеніе изъ слѣдствія по доносу трехъ членовъ на секретаря Мамина», стр. 130.

³⁾ Тамъ-же, стр. 131.

⁴⁾ Тамъ-же.

рін и въ то-же время обидное для его самолюбія, было въ высшей степени вредно для быстроты и правильности консисторскаго дѣлопроизводства и всегда могло, при натянутости и напряженіи своемъ, служить источникомъ раздоровъ и ссоръ между нимъ и членами консисторіи. Члены-же, зная, что судьба секретаря совершенно зависитъ отъ ихъ одобрительнаго отзыва, явно требовали, чтобы онъ былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ ихъ злоупотребленій, упущеній по должности и ихъ поблажекъ своимъ родственникамъ, и не терпѣли никакого контроля съ его стороны надъ своими поступками, никакихъ возраженій и напоминаній. Дѣйствія секретаря были парализованы такими ненормальными его отношеніями къ членамъ консисторіи: онъ долженъ былъ молчать и какъ-бы не видѣть ихъ грѣховъ и злоупотребленій. Правда, огненная натура Мамина не всегда могла сдерживать себя; иногда у него то вырывалось колкое слово на счетъ того или другого члена консисторіи, то вылетала насмѣшка; но все это сносилось членами только потому, что Маминъ былъ покровительствуемъ преосвященнымъ Михаиломъ. Съ другой стороны, Маминъ, видя злоупотребленія членовъ, зная за каждымъ изъ нихъ нѣсколько грѣховъ и снисходительно смотря на ихъ лѣность и упущенія по службѣ, тѣмъ смѣлѣе, свободнѣе и развязнѣе дѣйствовалъ тамъ, гдѣ можно было ему дѣйствовать, тѣмъ болѣе вліянія приобрѣталъ надъ нѣкоторыми дѣлами въ консисторіи. Можетъ быть, членамъ казалось иногда и непріятнымъ преобладающее вліяніе Мамина; можетъ быть, неразъ возникала у нихъ мысль ограничить его, и даже удалить изъ консисторіи, но боязнь, чтобы онъ, по выходѣ отсюда, не обличилъ ихъ злоупотребленій и не вывелъ наружу всѣхъ ихъ темныхъ дѣлъ, опасеніе нападеніями на него оскорбить покровительствовавшего ему преосвященнаго Михаила, — все это связывало руки членамъ консисторіи, заставляло ихъ скрывать свое нерасположеніе къ Мамину и вынудило ихъ рекомендовать его въ 1835 г. съ хорошей стороны. Маминъ, вслѣдствіе этой рекомендаціи крѣпко утвердись на мѣстѣ, сталъ требовательнѣе и взыскательнѣе по отношенію къ членамъ консисторіи. Самыя обстоятельства такъ сложились, что Маминъ, получивъ особыя предписанія синодальнаго оберъ-прокурора, долженъ былъ напоминать нѣкоторымъ изъ нихъ объ усиленіи ихъ дѣятельности, какъ, напримѣръ, каѳедральному протоіерею Гандарицкому, которому поручено было привести въ порядокъ консисторскій архивъ и который, между тѣмъ, ничего не дѣлалъ, а оберъ-прокуроръ предписаніями своими къ секретарю постоянно напоминалъ о скорѣйшемъ окончаніи этого дѣла. Члены по-своему объясняли перемѣну въ обращеніи съ ними Мамина. Рѣстати замѣтимъ здѣсь, что разныя секрет-

ныя предписанія оберъ-прокуроровъ Нечаева и Пратасова ¹⁾ къ секретарямъ консисторій, какъ-бы дававшія имъ особыя полномочія и право какого-то наблюденія за мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, сбили съ толку многихъ консисторскихъ секретарей, поставили ихъ въ фальшивое положеніе къ членамъ консисторіи и архіереямъ, и многихъ изъ нихъ погубили. Въ это время, когда взаимныя отношенія членовъ и секретаря становились болѣе и болѣе напряженными, преосвященный Михаилъ отказался отъ управленія оренбургскою епархіею и былъ уволенъ на покой, а мѣсто его занялъ Іоанникій. Съ первыхъ-же недѣль по поступленіи Іоанникія на оренбургскую кафедру, начались неудовольствія между нимъ и секретаремъ. Прежде, при слабомъ, безкорыстномъ и довѣрчивомъ преосвященномъ Михаилѣ, Маминъ имѣлъ большое вліяніе на движеніе и направленіе дѣлъ; теперь-же статьи доходныя отошли отъ Мамина къ свитѣ новопривышшаго преосвященнаго, которая, независимо отъ секретаря и даже во вредъ его интересамъ, начала вліять на ходъ епархіальныхъ дѣлъ. Маминъ, лишенный выгодъ, какими онъ дотолѣ пользовался, сталъ врагомъ архіерея и, при своей мстительности, искалъ случая напасть на него. Сначала вражда Мамина къ архіерею ограничивалась остротами на счетъ владыки и его свиты. При услужливомъ угодничествѣ нѣкоторыхъ лицъ, желавшихъ показать свое усердіе, преосвященный Іоанникій, охотно слушавшій всякія сплетни, немедленно узнавалъ все, что было говорено Маминимъ на его счетъ. Затаенная вражда съ той и другой стороны росла со дня на день. Нѣкоторые изъ членовъ консисторіи, недовольные Маминимъ и боявшіеся, чтобы онъ не обнаружилъ ихъ злоупотребленій, всемѣрно раздували эту вражду, надѣясь при помощи архіерея изба-

¹⁾ При Пратасовѣ возникло множество ссоръ архіереевъ съ консисторскими секретарями, вслѣдствіе той системы, которой онъ держался по отношенію къ архіереямъ, всячески ограничивая и обуздывая ихъ власть и силу. Для достиженія этой цѣли, между прочимъ, употребляемы были и секретари, которымъ словесно и письменно приказывалось наблюдать за всѣми дѣйствіями архіереевъ и членовъ консисторій, слѣдить за всѣми событіями епархіальными и прямо обо всемъ доносить оберъ-прокурору, такъ что секретарь, въ нѣкоторомъ родѣ, былъ прокуроромъ, ревизоромъ и шпиономъ всего, что совершалось въ епархіальномъ управленіи. Отсюда начало той частой и смѣлой оппозиціи со стороны секретарей архіереямъ, обнаружившейся во времена Пратасовскія. Въ этой-же системѣ нужно искать причины и того явленія, что секретари, по большей части, были назначаемы противъ воли архіереевъ изъ чиновниковъ синодальной или оберъ-прокурорской канцелярій, и притомъ изъ чиновниковъ, пользовавшихся особенною довѣренностью директоровъ Сербиновича, Войцеховича и Карасевскаго, или даже состоявшихъ съ ними въ законномъ или незаконномъ родствѣ.

виться безъ хлопотъ отъ секретаря. Наконецъ, 6-е февраля 1836 г. было началомъ открытой вражды между архіереемъ и Маминымъ. Поводомъ къ обнаруженію ея послужило слѣдующее обстоятельство: на 5-е февраля (1836 г.) въ архіерейскомъ домѣ случилось воровство: у іеродіакона Филарета, засидѣвшагося до 4-хъ часовъ за полночь въ кельѣ іеромонаха Платона, украдено было 2.500 руб. (асс.); похититель былъ найденъ на другой день и возвратилъ Филарету изъ украденныхъ только 200 руб., а остальную сумму обѣщалъ уплатить впоследствии, внося въ нее ежегодно по 300 руб. Воръ былъ служитель архіерейскаго дома Ѳедоровъ, который, послѣ уличенія въ кражѣ, болѣе трехъ сутокъ скрывался въ архіерейскомъ домѣ, въ кельѣ архіерейскаго эконома Владиміра, покровительствовавшего Ѳедорову ¹⁾. Дѣло, кажется, хотѣли замять, какъ скандальное для архіерейскаго дома, или, по крайней мѣрѣ, кончить домашнимъ образомъ. Но Маминъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы колынуть архіерея и выставить на показъ темныя дѣла архіерейскаго дома, и подалъ въ консисторію 6-го февраля такого содержанія докладъ: «До свѣдѣнія моего дошло, что въ оренбургскомъ архіерейскомъ домѣ, именно въ кельѣ іеродіакона Филарета, во время ночи, въ небытность его, покрадено 2.500 руб., по его показанію. Воръ этихъ денегъ найденъ и укрывается въ архіерейскомъ домѣ. Вслѣдствіе чего я просилъ-бы оренбургскую консисторію спросить кого слѣдуетъ, справедливъ-ли этотъ слухъ» ²⁾. Со стороны Мамина это былъ самый дерзкій вызовъ архіерея на брань; выходка самая обидная и язвительная, заключающая въ себѣ гораздо болѣе, нежели сколько сказано въ докладѣ. Архіерей былъ раздраженъ, потому что его унизили въ глазахъ консисторіи и цѣлаго города. Это состояніе души преосвященнаго Іоанникія не могло укрыться отъ нѣкоторыхъ членовъ консисторіи, особенно пользовавшихся его расположеніемъ; а можетъ быть и самъ Іоанникій не скрылъ предъ ними своихъ чувствъ и далъ полную свободу своему негодованію на поступокъ Мамина. Когда, такимъ образомъ, члены консисторіи увѣрились, что архіерей будетъ за нихъ противъ Мамина и что всякое нападеніе со стороны ихъ на секретаря будетъ принято съ удовольствіемъ преосвященнымъ, тогда три члена: Кандарицкій, Лепоринскій и іеромонахъ Владиміръ, какъ-бы желая подслужиться архіерею,

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ объясненіе преосв. Іоанникія синоду, стр. 40.

²⁾ См. въ упомянутомъ нами дѣлѣ списокъ съ доклада, поданнаго въ 12 день апрѣля 1836 г., за № 15, къ преосв. Іоанникію секретаремъ оренбургской консисторіи.

23-го марта 1836 г. подали ему слѣдующій докладъ: «Указомъ изъ св. правительствующаго синода, 28-го ноября 1832 г. воспослѣдовавшимъ, по дѣлу о сужденномъ въ оренбургской палатѣ уголовного суда губернскомъ секретарѣ Маминѣ за растрату разныхъ суммъ консисторскихъ, между прочимъ, предписано было: допустить Мамина къ прежней должности секретаря въ консисторіи съ тѣмъ, что въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ и незаконныхъ дѣйствій впредь, отвѣтственность въ томъ отнесена будетъ на самое епархіальное начальство.

«Вслѣдствіе чего, допустивъ того Мамина къ исправленію должности секретаря въ консисторіи, мы надѣялись, что урокъ оной бытности подъ судомъ за растрату сказанныхъ суммъ уже внушилъ ему важность государственной службы, а обязавъ его въ то-же время подпискою въ томъ, что сію должность, снова ему поручаемую, онъ исправлять будетъ сообразно узаконеніямъ, мы полагали, что если онъ, Маминъ, и забудетъ оный урокъ, правительствомъ ему заданный, то, по крайней мѣрѣ, останется вѣренъ упомянутой подпискѣ своей.

«Въ каковыхъ понятіяхъ объ немъ, секретарѣ Маминѣ, мы и были до минувшаго 1835 г., но, одобливъ его въ послужныхъ спискахъ, какъ и прежде, за оный минувшій годъ, нынѣ уже раскаяваемся. Ибо сождавъ лукаво сего одобренія нашего, онъ, секретарь Маминъ, не только въ замѣченныхъ нами безпорядкахъ у него не исправляется, но отъ одного дня до другаго дѣлается безнадежнѣйшимъ.

«Когда-жъ доходить у насъ до напоминаній ему обо всемъ томъ, тогда онъ, секретарь Маминъ, отвергая ихъ съ презрѣніемъ, величается, что не мы, а самъ онъ ревизоръ нашъ въ консисторіи по власти, якобы данной ему отъ г. оберъ-прокурора св. синода, что только его-же превосходительству какъ за насъ, членовъ, такъ и за всю консисторію отвѣчаетъ онъ, имѣя отъ него на все то, будто-бы, предписанія, и что по неимѣнію прокурора въ консисторіи, самъ онъ, Маминъ, не только секретарь, но и прокуроръ въ оной. А какія между тѣмъ дѣлалъ онъ еще личныя обиды намъ, членамъ, по проявившейся наглости въ немъ, то хотя объ оныхъ мы здѣсь писать и стыдимся, но долѣе терпѣть ихъ отъ него уже не можемъ: такъ онъ грубы и тяжки. Докладывая о семъ вашему преосвященству, мы, въ заключеніе всего, имѣемъ долгъ изясниться, что съ сего времени мы уже никакой за него, секретаря Мамина, отвѣтственности на себя не приедемъ, ибо по прописаннымъ обстоятельствамъ оной боимся. А потому и просимъ покорнѣе учинить архипастырское вашего преосвященства распоряженіе объ избавленіи насъ

отъ оной отвѣтственности за него, секретаря Мамина» ¹⁾). Архіерей съ радостью принялъ этотъ докладъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшій его собственному желанію; но какъ докладъ былъ подписанъ только тремя членами консисторіи, а слѣдовательно поэтому не имѣлъ полной силы и значенія, то преосвященный сдѣлалъ запросъ не подписавшимся членамъ: «Ручаются-ли они за секретаря Мамина, и почему не подписались подъ докладомъ протоіереевъ: Кандарицкаго и Лепоринскаго и іеромонаха Владиміра?» Протоіерей Брѣвъ и Несмѣловъ, къ которымъ относился запросъ Іоанникія, хотя также не брали на себя отвѣтственности за Мамина, но и не подтвердили доноса трехъ членовъ, и дали отвѣтъ по этому случаю уклончивый и неопредѣленный ²⁾). Архіерей, получивши

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ докладъ пр. Іоанникію трехъ членовъ оренбургской духовной консисторіи.

²⁾ Вотъ отвѣтъ Брѣва: «На предложенный вашимъ преосвященствомъ на оборотѣ листа сего мнѣ запросъ о секретарѣ консисторіи, губернскомъ секретарѣ Маминѣ, имѣю долгъ отозваться, что докладъ относительно ненадежности его, секретаря, внесенный къ вашему преосвященству гг. присутствующими консисторіи протоіерееми Александромъ Кандарицкимъ, Андреемъ Лепоринскимъ и іеромонахомъ Владиміромъ, не подписанъ мною потому, что изложенныхъ въ ономъ обстоятельствъ я достовѣрно не знаю и утвердить оныхъ не могу. Что-же касается до требуемаго вашимъ преосвященствомъ отъ меня объ немъ, секретарѣ Маминѣ, отзыва: ручаюсь-ли я за его исправность по должности и могу-ли имѣть его на своей отвѣтственности, то по неревностному усердію его къ должности секретарской я никакъ поручиться за него, Мамина, не могу, а тѣмъ паче принять еще его и на свою отвѣтственность».

А вотъ отзывъ Несмѣлова: «На предложеніе вашего преосвященства, отъ 7-го числа сего апрѣля за № 691 послѣдовавшее, снѣмъ долгъ имѣю вашему преосвященству объявить: 1) что докладъ консисторіи, прочими членами, за подписаніемъ ихъ, къ вашему преосвященству поданный, относительно ненадежности г. секретаря Мамина и неосновательныхъ его поступковъ мною не подписанъ потому, а) что о податѣ онаго въ общемъ присутствіи консисторіи при мнѣ никогда разсуждаемо не было; б) въ то число, когда былъ написанъ и поданъ къ вашему преосвященству сей докладъ, я совсѣмъ не былъ въ присутствіи, да и совершенно не зналъ, въ которое именно время былъ оной писанъ, ибо никѣмъ изъ членовъ доселѣ о семъ предувѣдомленъ не былъ; 2) что поелику въ прошломъ 1834 г., какъ мнѣ извѣстно, оренбургское епархіальное начальство, особымъ представленіемъ засвидѣтельствовавъ предъ св. правительствующимъ синодомъ объ отличномъ поведеніи г. Мамина и о исправномъ прохожденіи должности его, ходатайствовало даже о награжденіи его слѣдующимъ чиномъ, да и нынѣ въ послужномъ его спискѣ аттестованъ онъ съ хорошей стороны какъ по должности, такъ и по поведенію его: то вопреки сему въ столь короткое время отзываться о исправности его въ противную сторону не могу; равнымъ образомъ и неосновательныхъ поступковъ его, г. Мамина, какіе замѣчены въ немъ прочими членами консисторіи, я не знаю и съ своей стороны доказать не надѣюсь, и 3) ручаться-же на будущее время за его исправность, равно и взять на свою отвѣтственность дѣйствія его я также никакъ не могу».

отзывы Брѣва и Несмѣлова, тотчасъ удаливъ Мамина отъ должности, велѣлъ прекратить ему жалованье и запретилъ выдавать ему въ почтамтъ бумаги, адресованныя на имя консисторскаго секретаря, а должность секретаря поручилъ Агаѳонову, врагу Мамина. Если дерзокъ былъ поступокъ Мамина, то столь-же незаконно самоуправство архіерея, предвосхитившаго себѣ власть синодальную, потому что опредѣленіе, перемѣщеніе и увольненіе секретарей консисторій принадлежитъ власти синода, а не мѣстнаго архіерея. Самоуправство Іоанникія должно было вызвать новыя дерзости и сильныя протесты со стороны секретаря. Маминъ, видя, что теперь идетъ игра на всю его судьбу и карьеру, началъ употреблять всѣ средства, чтобы защитить себя и погубить своихъ враговъ: онъ обращался съ обидными докладами и дерзкими вопросами къ архіерею, слѣдилъ за нимъ и не давалъ ему покоя, завалилъ оберъ-прокурора доносами, а архіерея и консисторію докладами и протестами. Лишь только онъ узналъ о доносѣ на него членовъ консисторіи, какъ подалъ два доклада—одинъ въ консисторію, а другой архіерею; въ этихъ докладахъ онъ просилъ оренбургскую духовную консисторію до прибытія въ Уфу синодальнаго оберъ-прокурора, или комиссіи, которую онъ рѣшился испросить у верховнаго правительства для изслѣдованія дѣйствій здѣшняго епархіальнаго начальства, «всеми секретными мѣрами противъ него пріостановиться». «Причемъ—писалъ онъ—обязанностью считаю доложить оренбургской консисторіи, что въ случаѣ малѣйшей несправедливости противъ меня, до прибытія или г. синодальнаго оберъ-прокурора, или комиссіи, я вынужденъ буду испросить защиты у посторонняго правительства» ¹⁾). Когда угроза не имѣла никакого дѣйствія и онъ былъ отставленъ, тогда онъ дѣлаетъ докладъ, обидный для Іоанникія, или, лучше, задаетъ ему вопросъ: «можетъ-ли экономъ архіерейскаго дома Владиміръ, отрѣшенный отъ экономской должности вслѣдствіе резолюціи вашего преосвященства, какъ укрыватель вора и какъ неспособный къ исправленію, присутствовать въ консисторіи, гдѣ должно засѣдать не только безпорочное, но и избранное духовенство»? Этимъ вопросомъ Маминъ прямо почти называлъ Іоанникія глупцомъ, который до такой степени недалекъ, что человѣка, который не можетъ быть экономомъ архіерейскаго дома, оставляетъ членомъ консисторіи. Потомъ посыпался отъ Мамина рядъ доносовъ на Іоанникія оберъ-прокурору: во-первыхъ, онъ доносилъ что «съ прибытіемъ преосвященнаго Іоанникія изъ

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ докладъ секретаря Мамина отъ 8-го апрѣля 1836 г.

Вятки въ Уфу появились въ архіерейскомъ домѣ пять челоѣкъ: одинъ изъ нихъ іеромонахъ Виталій, какъ видно изъ послужнаго его списка, бывшій вятскаго архіерейскаго дома эконоомъ, вступившій въ монашество изъ подьяческаго званія, другой, Лелявскій, именуется послушникомъ, а трое неизвѣстныхъ консисторіи. Виталій сдѣланъ былъ эконоомъ вмѣсто іеромонаха Владиміра, исправлявшаго эту должность 12-ть лѣтъ не только безпорочно, но еще пріобрѣвшаго архіерейскому дому 12,000 рублей. Лелявскій-же занялъ двѣ должности: іеродіаконскую при крестовой церкви и иподіаконскую при кафедральномъ соборѣ, а прочіе неизвѣстно консисторіи чѣмъ занимаются. Лица эти при первомъ своемъ вступленіи въ оренбургскую епархію начали вести себя очень несообразно своему званію и мѣсту, гдѣ они *угнѣздились*. Получивъ въ городѣ, при-
выкшемъ видѣть благочестіе въ домѣ архіерейскомъ, невыгодные слухи о ихъ поведеніи, я обязанностию почелъ словесно доложить его преосвященству о такихъ соблазнительныхъ слухахъ. Его преосвященство, по-
видимому оказавши удовольствіе за предостереженіе, благоволилъ сказать мнѣ, что онъ постарается все это прекратить. Слѣдствіе показало про-
тивное»; въ доказательство чего Маминъ приводитъ воровство, случив-
шееся въ архіерейскомъ домѣ, о чемъ мы уже упомянули, распростра-
нившіеся по городу слухи о соблазнительномъ поведеніи молодежи, на-
полняющей архіерейскій домъ, и изгнаніе изъ архіерейскаго дома старца
Нехорошкова, носившаго на себѣ желѣзныя вериги. Во-вторыхъ, жало-
вался Маминъ оберъ-прокурору, что когда оренбургская консисторія спра-
шивала преосвященнаго: кому ей сдать имущество архіерейскаго дома,
онъ, поручивъ пріемъ новому, привезенному изъ Вятки эконому, его,
Мамина отъ сдачи устранилъ, потому что еще до начала сдачи издер-
жано было на содержаніе пріѣхавшей съ архіереемъ свиты болѣе тысячи
рублей изъ накопленныхъ прежде 12.000. Въ-третьихъ, что преосвящен-
ный Іоанникій, раздраженный словесными и письменными докладами
Мамина о безпорядкахъ по архіерейскому дому, приказалъ членамъ кон-
систоріи, которыхъ опредѣленіе и смѣна и даже самый санъ зависятъ
прямо отъ него, на послѣдней недѣлѣ великаго поста, когда и присут-
ствующие консисторіи (кроме кафедральнаго протоіерея Кандарицкаго), и
канцелярскіе чиновники съ нимъ занимались однимъ богомысліемъ для
исполненія христіанскихъ обязанностей своихъ, написать противъ него
вышеприведенный докладъ. «Я, продолжаетъ Маминъ, послѣ узналъ, что
докладъ тотъ подписанъ членами, подвергшимися отвѣтственности влѣд-
ствіе моихъ настояній, именно: о. протоіереемъ Кандарицкимъ, разстроив-
шимъ совершенно архивъ консисторскій, ключаремъ протоіереемъ Лепо-

ринскимъ, противу котораго я еще въ прошломъ году протестовалъ въ томъ, что онъ, при преосвященномъ Амвросіи за отмѣнно противозаконное дѣйствіе бывъ отрѣшенъ отъ присутствованія въ консисторіи, съ тѣмъ, чтобы на будущее время не опредѣлять его къ подобнымъ должностямъ, при преосвященномъ Аркадіи допустилъ себя къ присутствованію въ оной (безъ справокъ), и іеромонахомъ Владиміромъ, который, будучи угнетенъ при архіерейскомъ домѣ и его преосвященствомъ, и пріѣхавшею съ нимъ свитою, не имѣлъ духа воспротивиться приказанію его преосвященства; другіе-же члены доклада того подписать не согласились. Его преосвященство, послѣ многихъ личныхъ убѣжденій симъ послѣднимъ подписать докладъ, наконецъ отобралъ отъ нихъ показанія. Показанія эти, какъ дошло до свѣдѣнія моего, вполнѣ не подтвердили доклада, составленнаго внѣ присутствія и даже не имѣющаго нумера. Но его преосвященство въ данномъ консисторіи предложеніи изволилъ написать, что онъ вслѣдствіе доклада нѣкоторыхъ членовъ консисторіи, подтвержденнаго показаніями другихъ въ чемъ-то, представилъ св. синоду объ удаленіи меня отъ секретарской должности, и вслѣдствіе сего приказалъ удалить меня тотчасъ-же. По поводу этому я безъ всякаго даже постановленія консисторіи упоминаемыми о. протоіереями Кандарицкимъ и Лепоринскимъ устраненъ въ тотъ-же день отъ дѣлъ, за которыя болѣе всѣхъ обязанъ отвѣчать высшему правительству, а по-вытчикамъ внушено, въ случаѣ если я рѣшусь оправдываться, не давать мнѣ ни одного дѣла для справокъ, и впослѣдствіи сообщено въ Уфимскую почтовую контору, чтобы бумагъ, слѣдующихъ на мое имя, не доставлять мнѣ» ¹⁾. Въ-четвертыхъ, что преосвященный Іоанникій разрѣшилъ священнослуженіе священнику Уфимской Богоявленской церкви Высокогорскому, который, сверхъ многихъ другихъ противозаконныхъ поступковъ, подвергся отвѣтственности за неведеніе метрическихъ и обыскныхъ книгъ и за незанесываніе суммъ по церкви въ приходорасходныя книги, а также за отказъ дать объясненіе по этому дѣлу консисторіи, соединенный съ обидою членовъ консисторіи и секретаря.

Пратасовъ всѣ эти доносы Мамина предложилъ синоду, который нашедъ докладъ противъ секретаря, подписанный только тремя, а не всѣми членами, сомнительнымъ, а основанное на этомъ докладѣ распоряженіе преосвященнаго объ удаленіи Мамина отъ должности самоуправнымъ и приказалъ немедленно допустить его къ исправленію должности, удовлетворивъ и всѣмъ слѣдующимъ по сіе время жалованіемъ. «Если-же, пи-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ доносы Мамина на стр. 18—34.

саль синодъ, Маминъ изъяснялся иногда предъ преосвященнымъ, забывая должное приличіе и какъ-бы съ нѣкоторымъ устраниваніемъ, то сія нескромность требовала одного начальническаго замѣчанія и внушенія Мамину быть впредъ осторожнѣе и не забывать должнаго къ преосвященному уваженія. А два доклада Мамина, къ преосвященному и въ консисторію поданные, о приостановленіи распоряженій по докладу на него трехъ членовъ, ничего особеннаго въ себѣ не заключаютъ, кромѣ необдуманнаго предположенія его просить для изслѣдованія дѣйствій епархіальнаго начальства назначенія особой комиссіи и пособія отъ гражданскаго начальства, а посему и сіи обстоятельства не подвергали Мамина удаленію отъ должности» ¹⁾. Что-же касается до приписываемыхъ Мамину безпорядковъ и упущеній по должности и неприличныхъ поступковъ, то синодъ велѣлъ произвести надлежащее слѣдствіе, истребовавъ прежде отъ подписавшихся подъ докладомъ членовъ ясное показаніе, въ чемъ именно состоятъ эти безпорядки и неприличные поступки, а также гдѣ, когда и почему безъ вѣдома и согласія двухъ присутствующихъ тотъ докладъ былъ составленъ. За неприличные и дерзкія выраженія Мамина въ докладахъ противъ преосвященнаго Іоаннікія синодъ сдѣлалъ ему строгій выговоръ, съ подтвержденіемъ впредъ таковыхъ поступковъ остерегаться. Самому преосвященному поставлено было синодомъ на видъ его самоуправство въ удаленіи отъ должности Мамина, такъ какъ опредѣленіе и увольненіе консисторскихъ секретарей зависитъ отъ св. синода, и подтверждено ему, чтобы на будущее время не простиралъ власти своей далѣе ея предѣловъ. Наконецъ, по протестамъ на него Мамина потребованы обстоятельныя объясненія. Вообще указъ синодальный былъ болѣе въ пользу секретаря, чѣмъ архіерея. Маминъ торжествовалъ; сторонники его, прежде робко и боязливо державшіеся его, теперь открыто пристали къ нему и стали защищать его интересы; самъ онъ, ободренный первымъ успѣхомъ, сталъ еще неумолимѣе къ архіерею и его партіи, досаждалъ и постоянно беспокоилъ его докладами, неутомимо доносилъ оберъ-прокурору о безпорядкахъ, открываемыхъ имъ въ епархіальномъ управленіи. Вражда между партіями теперь приняла характеръ ожесточенный: враги, считая позволительными всѣ средства, дошли до забвенія всякаго приличія, клеветали другъ на друга, подыскивались, подсылали, подбрасывали дѣла и бумаги, разламывали столы, гдѣ хранились дѣла, судили другъ друга, производили слѣдствія, отрѣшались отъ должностей, не довольствуясь судомъ домашнимъ, обращались

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ св. синода отъ 7-го іюля 1836 г.

къ суду уголовной палаты и губернскаго правленія, и во всемъ этомъ пробивались наружу мщеніе къ врагамъ и пристрастіе къ сторонникамъ. Доносы, одинъ другого грязнѣе, отъ той и другой стороны, восходили въ синодъ и къ оберъ-прокурору. Маминъ обыкновенно обращался съ своими доносами къ оберъ-прокурору, а архіерей въ синодъ. Такъ, Маминъ доносилъ оберъ-прокурору, что 1) архіерей въ теченіе 9-ти мѣсяцевъ выдалъ около ста сорока ставленическихъ грамотъ, тогда какъ по малочисленности церквей въ оренбургской епархіи прежде сего не выдавалось и пятой части въ цѣлый годъ. Между тѣмъ, въ то-же время онъ съ непонятнымъ равнодушіемъ отказывалъ поставить священника туда, гдѣ въ немъ настояла крайняя надобность, въ доказательство чего представлялъ Маминъ то обстоятельство, что еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1836 г. нѣсколько разъ лично просили его преосвященство повѣренныя отъ единоувѣрцевъ Челябинской округи села Сладкихъ Карасинской церкви къ себѣ священника. Они имѣли въ немъ необходимую нужду, потому что приходъ ихъ, состоящій слишкомъ изъ пяти тысячъ душъ обоюго пола и разбѣянный по всей Челябинской округѣ на пространствѣ болѣе двухсотъ верстъ, не имѣлъ у себя ни одного штатнаго пастыря. Но его преосвященство, несмотря на представленіе повѣренныхъ, что многіе изъ довѣрителей ихъ, будучи еще юны въ единовѣрїи, могутъ обратиться опять въ расколъ; несмотря на представленіе консисторїи, опасавшейся того-же самаго и объяснявшей ему, чего стоило епархіальному начальству обращеніе ихъ къ единовѣрїю, не далъ имъ священника, и они вынужденными нашлись обратиться съ своею просьбою въ Пермскую губернію, къ какому-то покровителю единовѣрцевъ, купцу; 2) что Лепоринскій, членъ консисторїи, съ чиновникомъ Агаоновымъ скрывали дѣло о священникѣ Агровѣ, родственникѣ Лепоринскаго, обличаемомъ діакономъ Касаткинымъ въ произнесеніи оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора; 3) что въ архіерейской Крестовой церкви найдены разбитыми два ящика, въ которыхъ хранилась свѣчная и братская сумма, и находившіяся въ нихъ деньги неизвѣстно кѣмъ украдены. Дѣло это хотѣли скрыть и послѣдствія произведенныхъ по немъ розысканій ограничили только тѣмъ, что вскорѣ послѣ этого случая одинъ изъ племянниковъ Іоанникія переведенъ изъ архіерейскаго дома на жительство въ семинарію. Но Маминъ написалъ объ этомъ воровствѣ докладъ Іоанникію, который сдалъ его въ консисторїю съ такою резолюціею: «Хотя докладъ сей заключаетъ, повидимому, одно донесеніе о прописанномъ происшествіи, но поелику я подобными докладами секретаря Мамина обоганъ уже предъ г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ и св. синодомъ, то полагаю,

что и сей докладъ имѣеть ту-же цѣль, а не доношеніе ко мнѣ, а потому объявить ему, что я ревизоромъ его надъ собою и архіерейскимъ домомъ не признаю и впредь подобныхъ бумагъ принимать отъ него не буду, имѣя въ домѣ своемъ должностныхъ лицъ, наблюдающихъ за порядкомъ. А какъ я слышалъ, что въ консисторіи имѣется дѣло объ обидѣ, причиненной имъ самимъ, Маминымъ, въ консисторіи бывшему соборному священнику Соколову, то донесено-ли было о семъ г. оберъ-прокурору, и чѣмъ оно рѣшено, рекомендую консисторіи представить ко мнѣ оное». Маминъ и эту резолюцію архіерея сообщилъ оберъ-прокурору при докладѣ объ извѣстной покражѣ съ такимъ интереснымъ прибавленіемъ, что «въ Крестовую церковь есть два входа—одинъ изъ корридора, другой изъ комнатъ его преосвященства; замки того и другаго входа оказались цѣлыми и даже неповрежденными; ключи-жѣ отъ нихъ хранились отъ перваго у казначея іеродіакона Филарета, а отъ послѣдняго у его преосвященства, но похитители не отысканы». Доносилось также 4) что, вскорѣ по удаленіи Мамина отъ должности, члены консисторіи, съ утвержденія его преосвященства, подъ предлогомъ приведенія въ порядокъ разстроенныхъ кафедральнымъ протоіереемъ Гандарицкимъ и титулярнымъ совѣтникомъ Агаѣоновымъ дѣлъ, собрали въ одну кучу все дѣла безъ описей по 1833 годъ, смѣшали съ ними прежнія и въ комнатѣ, занятой сторожемъ, четыре дня сряду топили печь по два и по три раза въ день, по распоряженію Агаѣонова, и сожгли такимъ образомъ множество консисторскихъ бумагъ. Впослѣдствіи Агаѣоновъ донесъ консисторіи, что онъ, по неусердію къ предпринятому дѣлу канцелярскихъ чиновниковъ консисторіи, не можетъ далѣе продолжать сдѣланнаго ему порученія и этимъ кончила свое существованіе коммиссія о приведеніи консисторскаго архива въ порядокъ. По вступленіи въ должность секретаря, Маминъ съ жаромъ принялся за разслѣдованіе этого дѣла и узналъ, что обвиненіе въ недѣятельности канцелярскихъ служителей при разборѣ консисторскихъ дѣлъ было со стороны Агаѣонова уловкой для сокрытія своего поступка. Объясненія чиновниковъ Боголюбскаго, Бирюкова и Докина, представленныхъ консисторіи, ясно обличили Агаѣонова въ сожженіи консисторскихъ дѣлъ, а потому члены консисторіи, бывшіе на сторонѣ Мамина, постановили: Агаѣонова, какъ уже удаленнаго отъ должностей по консисторіи, отрѣшить вовсе отъ нихъ и предать суду. Но преосвященный оставилъ это опредѣленіе безъ исполненія. 5) Что «4-го числа ноября въ секретарскомъ столѣ, гдѣ хранились секретныя бумаги, одна доска, прибитая гвоздемъ, была отодрана такъ, что свободно можно было въ запертый столъ просунуть руку и взять оттуда бумаги, или положить

ихъ. Обстоятельствомъ симъ бывъ я пораженъ, тотчасъ призвалъ канцелярскихъ чиновниковъ консисторіи и отодранную отъ стола доску показавъ имъ, потомъ заявилъ это членамъ консисторіи и настоялъ записать все это въ журналъ, запечатавъ столъ. Послѣ попросилъ освидѣтельствовать столъ и сдѣлать розыскъ. Но архіерей и этой бумаги не рѣшилъ». 6) Что ему, Мамину, подкидываютъ на окошко подлѣ секретарскаго стола дѣла и бумаги, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія, чтобы обвинить его въ сокрытіи этихъ дѣлъ и бумагъ, и что онъ подозрѣваетъ въ этихъ продѣлкахъ члена консисторіи Лепоринскаго и Агаѣонова. 7) Что протоіерей Брѣвъ представилъ въ присутствіе консисторіи мещеряка Шалкумдилова, объявившаго, что онъ не допускается къ преосвященному службою, который послѣ многихъ вымогательствъ взялъ съ него два цѣлковыхъ, но прошенія его не принявъ, сказавъ, что оно написано не по формѣ. А прошеніе мещеряка состояло въ просьбѣ просвѣтити его св. крещеніемъ.

Если Маминъ былъ щедръ на доносы, то и враги его также не дремали. Преосвященный Іоанникій, въ объясненіяхъ своихъ синоду на протесты Мамина, обвинялъ его во лжи, дерзости, безсовѣстности и т. под. Такъ, онъ въ опроверженіе слуховъ о безпорядочной, будто-бы, жизни своей свиты представлялъ, что вся свита, прибывшая съ нимъ изъ Вятки, состоитъ изъ іеромонаха Виталія, котораго онъ сдѣлалъ экономомъ архіерейскаго дома, послушника Лелявскаго, помѣщеннаго на іеродіаконскую вакансію и иподіаконскую при соборѣ, и трехъ его племянниковъ, *людей не секретныхъ, а извѣстныхъ*. Племянники его родомъ изъ тверской епархіи, дѣти родного брата, взяты имъ на воспитаніе по бѣдности матери въ 1832 г., при поступленіи его въ вятскую епархію; изъ нихъ двое старшихъ, Иванъ и Ѳедоръ Образцовы, поступили нынѣ въ философскій классъ, а третій, Василій, въ словесность, и состоятъ въ вѣдомствѣ оренбургской семинаріи, а по епархіальной части принадлежатъ вѣдомству тверской епархіи. «Секретарь Маминъ—писалъ Іоанникій—въ продолженіи января, февраля, марта и апрѣля, пока сдѣлалъ доносъ начальству, хорошо и вѣрно-бъ могъ узнать о происхожденіи и занятіяхъ ихъ отъ семинарскаго правленія, но ему нужны были ябеды на меня, а потому и сіе ничтожное обстоятельство, какъ важное, не устыдился внести къ умноженію клеветъ въ число ихъ и выставить, какъ можно съ черной стороны. Послушникъ Лелявскій есть дѣйствительный послушникъ, а не по имени, не іеродіаконъ, ибо не имѣетъ сего сана, происходить изъ духовнаго званія и при мнѣ находится не менѣе пятнадцати лѣтъ. Іеромонахъ Виталій также духовнаго происхожденія, изъ священ-

нических дѣтей, но служилъ сперва по канцеляріи въ свѣтскомъ званіи, а потомъ, дослужившись оберъ-офицерскаго чина, поступилъ въ монашество и находился въ разныхъ монастыряхъ, нося главныя должности. Чтобъ эти лица вели непристойную жизнь, я ни самъ ничего не замѣчалъ, ни отъ постороннихъ не слыхалъ. Въ покражѣ, случившейся въ моемъ домѣ у іеродіакона Филарета, никто изъ нихъ не былъ участникомъ, а потому и никакого нареканія не могло на нихъ ни отъ кого падать. А если были какіе слухи, до ушей моихъ доходившіе, то это были слухи: а) о самомъ секретарѣ Маминѣ, заключавшіеся въ томъ, что онъ разныя изобрѣтаетъ нелѣпости относительно архіерейскаго дома и распускаетъ оныя по городу, какъ-то: похвалялся якобы въ домѣ-ли бывшаго вице-губернатора г. Лаврова, гдѣ онъ коротко былъ принятъ, или въ другомъ мѣстѣ, что одного архіерея упряталъ въ Успенскій, а другаго упряталъ въ Соловки, и что меня во всемъ онъ преслѣдуетъ. Но поелику слухамъ довѣрять не позволительно, то я старался, по возможности, удостовѣриться въ качествахъ секретаря Мамина по обращенію его самого и изъ онаго ничего не усмотрѣлъ, кромѣ сваръ и дерзостей, что и настоящіе извѣсты показываютъ, и нынѣшнее положеніе дѣлъ. Пока секретарь Маминъ былъ не у должности, дотолъ по консисторіи и по дому моему все шло чинно и въ порядкѣ, а нынѣ, коль скоро опять возвратился къ оной, то сейчасъ-же появились новыя предосудительныя происшествія въ домѣ моемъ, а въ консисторіи разныя препирательства. Особенно замѣчательно: секретарь Маминъ вступилъ снова въ консисторію въ 15-е сентября, а у меня въ то-же число, или на другой день оказалась въ Крестовой церкви расхищенною братская кружка, изъ коей выкрадено 20 руб. серебромъ. Конечно, это дѣлаютъ неблагонамѣренные люди, но поелику разныя происшествія слѣдуютъ одно за другимъ съ поступленія вновь Мамина въ консисторію, то не могу не подумать, что это все дѣлается по интригамъ враждебныхъ дому лицъ, преданныхъ Мамину. Въ консисторіи одни раздоры и даже бумажныя состязанія. Увѣренъ, что ни въ одной консисторіи нѣтъ подобнаго хаоса. Изъ присутствующихъ одни раболѣпствуютъ секретарю и поддерживаютъ его замыслы, другіе, основательнѣйшіе изъ нихъ: протоіерей Кандарицкій и ключарь Лепоринскій, желали-бы вовсе выйти изъ оной, отчего выходитъ одно нестроеніе. Я смучился, видя и слыша такое нестроеніе въ духовной коллегіи, какое не можетъ быть терпимо и въ свѣтскомъ правительствѣ. Св. синодъ умоляю обратить на сіе прозорливое свое вниманіе. Ей, не лгу! б) Былъ также недобрый слухъ о служителѣ Ѳедоровѣ, что онъ, будучи женатъ, неотлучно живетъ у эконома іеромонаха Владиміра, а эконому особенно

ему доброхотствуетъ; но прежде, нежели я что могъ сдѣлать относительно этой невыгодной молвы, служитель Ѳедоровъ учинилъ воровство въ іеродиаконской кельѣ и преданъ свѣтскому суду». Далѣе пр. Іоанникій рассказываетъ, какъ произошло это воровство, какъ экономъ Владиміръ укрывалъ вора у себя въ продолженіе четырехъ сутокъ ¹⁾ и тѣмъ изобличилъ себя въ неблагонамѣренности, да, кромѣ того, не показываетъ ни малѣйшаго усердія къ своей должности. «Сидитъ, пишетъ Іоанникій, какъ-бы неподвижно въ покояхъ, не обращая никуда вниманія, гдѣ что дѣлается. Притомъ, покражи и прежде этого случались въ архіерейскомъ домѣ, отъ чего наконецъ зло это возросло до величайшей степени, а ограниченія ни мало не видно; кто-бы долженъ останавливать оное, въ томъ примѣтна еще защита. По симъ-то обстоятельствамъ, я вынужденнымъ нашелся уволить іеромонаха Владиміра отъ экономской должности и поручить оную іеромонаху Виталію, по его способности». Потомъ Іоанникій, опровергая Мамина, утверждаетъ, что розыскъ о воровствѣ начался по распоряженію его, а не вслѣдствіе доклада секретаря, даже отрицаетъ существованіе этого доклада; если-же онъ былъ, то при дѣлѣ его нѣтъ. Также опровергаетъ преосвященный Іоанникій доносъ Мамина о безвинномъ изгнаніи изъ архіерейскаго дома Нехорошкова. «Нехорошковъ, писалъ архіерей, былъ изъ сословія казаковъ и имѣлъ въ живыхъ жену. Консисторія ходатайствовала, вѣроятно, по дѣйствию Мамина, чтобъ постричь его въ рясофоръ. Но я не рѣшился на это и отказалъ по означенному препятствію. Онъ былъ не иное что, какъ ханжа. Часто сквернословился и нерѣдко рассказывалъ сны, а между тѣмъ сковалъ себя безъ позволенія вериги, надѣвалъ ихъ въ одни праздничные дни для показу и распространялъ слухъ къ соблазну простодушныхъ, что они у него со святаго. Узнавши объ этомъ, я приказалъ эконому воспретить ношеніе ихъ. Вслѣдствіе сего вериги онъ продалъ штатному служителю за пять рублей, а послѣ, спустя мѣсяцъ или болѣе, сталъ просить себя билета на богомолье. Консисторія положила уволить его, а я утвердилъ опредѣленіе консисторіи. Нынѣ, обзрѣвая епархію, видѣлъ его Челябинской округи Усть-Уйской крѣпости на мѣстѣ жительства его, гдѣ онъ въ домѣ проживаетъ съ своею женою. Таковъ-то благочестивый старецъ, котораго секретарь Маминъ превозноситъ похвалами и великолѣпно описываетъ его добродѣтели. Ему не было и пѣть никакого повода имѣть неудовольствіе на архіерейскій домъ и произносить хулы на оный» ²⁾. По другимъ извѣстамъ Мамина, Іоанникій

¹⁾ По словамъ Мамина, около трехъ слишкомъ сутокъ.

²⁾ См. вышеприведенное дѣло.

оправдывается такъ: 1) что онъ не устранилъ Мамина отъ присутствованія при сдачѣ имущества архіерейскаго дома, когда была первая сдача этого имущества, по прибытіи его въ Уфу; что-же касается до второй сдачи, послѣдовавшей при перемѣнѣ эконома архіерейскаго дома, то секретарь допущенъ не былъ потому, что сдача дома была недавно, а слѣдовательно могла быть совершена и безъ него, имѣющаго такъ много дѣлъ по консисторіи, въ присутствіи при этомъ одного члена консисторіи и казначея архіерейскаго дома. 2) Извѣтъ Мамина, что онъ устраненъ отъ сдачи будто-бы потому, что великъ былъ расходъ въ деньгахъ, истраченныхъ на архіерейскую свиту, есть суцая ложь. Расходъ по архіерейскому дому велъ экономъ Владиміръ, а слѣдовательно архіерей даже не могъ знать, какъ великъ былъ этотъ расходъ. На свиту свою архіерей ничего особеннаго не требовалъ, потому что племянниковъ своихъ содержать собственнымъ своимъ коштомъ, доставляя имъ отъ себя платье, бѣлье, обувь, книги и другія потребности, а простой столъ, получаемый ими отъ эконома, въ общей массѣ почти не составляетъ никакого счета «и дать кусокъ хлѣба имъ, или другимъ, кажется, пишетъ Іоанникій, я имѣю право». Расходъ по дому архіерейскому не превосходитъ пятисотъ рублей въ мѣсяцъ. Въ доказательство того, что у него нѣтъ напрасной траты денегъ по дому и казенный интересъ соблюдается честно, Іоанникій обращалъ вниманіе синода на остатокъ отъ протекшаго года, который не мало превышалъ остатки отъ прежнихъ годовъ, несмотря на то, что издержки были довольно значительны. 3) Писать докладъ о безпорядкахъ Мамина членамъ консисторіи не приказывалъ, а также не убѣждалъ протоіереевъ Брѣва и Несмѣлова къ подписанію доклада на Мамина, но только, когда докладъ поданъ былъ протоіереемъ Кандарицкимъ безъ ихъ руки, призывалъ ихъ къ себѣ и далъ каждому прочесть его вполнѣ, а потомъ потребовалъ отъ нихъ отзыва письменно. Наконецъ, въ 4-хъ, разрѣшилъ въ служеніи священника Высокогорскаго, потому, что суммы по Богоявленской Уфимской церкви находятся, по свидѣтельству протоіерея Субботина, въ должномъ порядкѣ и исправности. Въ заключеніе своихъ объясненій, Іоанникій написалъ:

«Смѣю увѣрить, едва-ли есть подобный секретарю Мамину по консисторіямъ въ цѣлой Россіи» ¹⁾. Доселѣ Іоанникій только защищался отъ нападеній Мамина, но теперь онъ выходитъ изъ этого страдательнаго положенія и начинаетъ съ своею партіею вести противъ него войну на-

¹⁾ См. въ дѣлѣ объ удаленіи секретаря Мамина рапортъ Іоанникія синоду отъ 28-го октября 1836 г.

ступательную. Такъ, 1), доносилъ онъ синоду, что служащій въ уфимской консисторіи титулярный совѣтникъ Агаѳоновъ рапортомъ донесъ ему о важномъ подлогѣ, сдѣланномъ секретаремъ Маминымъ и подканцеляристомъ Боголюбскимъ, именно, будто-бы они доставили изъ канцеляріи оренбургской консисторіи въ оренбургское рекрутское присутствіе фальшивую справку о новокрещенѣ изъ мещераковъ Дмитріи Гавріиловѣ, показавши ему 18 лѣтъ, чего въ метрикахъ не значится, да и нѣтъ правилъ, чтобы годы крещенныхъ выставлять въ метрическихъ книгахъ. 2) Маминъ самовольно съ протоіереемъ Брѣвымъ произвели слѣдствіе надъ Агаѳоновымъ, по случаю сожженія, будто-бы, имъ архивныхъ дѣлъ, тогда какъ Агаѳоновъ, заботясь о приведеніи въ порядокъ консисторскаго архива, при исполненіи этого дѣла, встрѣтилъ нерасположеніе къ сему занятію въ канцелярскихъ служителяхъ и донесъ о томъ консисторіи, жалуюсь особенно на столоначальника Боголюбскаго и копіиста Бирюкова. Консисторія, по разсмотрѣніи его доклада, сдѣлала имъ строгое подтвержденіе къ послушанію, а отъ Боголюбскаго и Бирюкова потребовала объясненія. Объясненія ими представлены поздно, когда Маминъ снова находился при своей должности, а потому дѣло это приняло совсѣмъ другой оборотъ. Присутствующіе консисторіи, протоіереи Брѣвъ и Несмѣловъ и іеромонахъ Владиміръ, по настроенію Мамина, оставя въ сторонѣ доносъ Агаѳопова на непослушаніе Боголюбскаго и Бирюкова, рѣшились самовольно произвести слѣдствіе надъ самимъ Агаѳоновымъ въ томъ, что онъ, перебирая бумаги въ архивѣ, нѣкоторые изъ нихъ, будто-бы, предалъ огню. Когда архіерей спросилъ ихъ, какое они производятъ слѣдствіе и съ чьего позволенія, то они отвѣчали, что слѣдствія никакого не производятъ, а между тѣмъ, вмѣстѣ съ этимъ объясненіемъ, прислали къ нему и слѣдственное дѣло «о сожженіи якобы бумагъ Агаѳоновымъ», съ мнѣніемъ своимъ и протоіерея Несмѣлова и іеромонаха Владиміра, чтобъ «Агаѳопова отрѣшить отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, а приведеніе въ устройство архива, какъ требующее особыхъ средствъ, отложить до особаго разсмотрѣнія». Старшіе члены консисторіи мнѣнія этого не утвердили и положили снова учинить розыскъ объ этомъ дѣлѣ, устранивъ отъ него, какъ прикосновеннаго, секретаря Мамина, старающагося всѣми мѣрами затмить истину. 3) Секретарь Маминъ въ присутствіи консисторіи 10-го декабря (1836 г.) произвелъ непристойный шумъ, чувствительно оскорбивъ члена ея, кафедральнаго протоіерея Кандарицкаго, о чемъ сей послѣдній представилъ рапортъ архіерею въ то-же время. 12-го числа, для удостовѣренія въ этомъ происшествіи, архіерей лично отправился въ консисторію, гдѣ протоіерей Кандарицкій

опять повторилъ свою жалобу на Мамина при немъ самомъ, а члены, бывшіе въ то время налицо, подтвердили почти во всемъ ея справедливость, вслѣдствіе чего составленъ былъ журналъ въ присутствіи архіерея, за подписаніемъ членовъ.

«При семъ случаѣ, писалъ Іоанникій, за неизлишнее почелъ я обратить нѣкоторый взглядъ на порядокъ текущихъ дѣлъ въ консисторіи въ настоящемъ годѣ, по коему оказалось: 1) нѣкоторые журналы со времени допущенія къ должности Мамина не подписаны членами консисторіи и даже самимъ Маминымъ; 2) настольные реестры онъ держитъ у себя, не предлагая присутствію».

При возбужденіи страстей съ обѣихъ сторонъ, конечно, нельзя было и надѣяться на успѣшное производство надъ Маминымъ слѣдствія. Дѣйствительно, оно прекратилось при самомъ началѣ, частью отъ неопытности слѣдователя, архимандрита Никодима, давшего ему неправильное направленіе, а частью отъ страстного и напряженного состоянія членовъ консисторіи, которые при спорахъ начали между собою состязаться, возражать другъ противъ друга и говорить колкости, нѣкоторые-же приняли на себя роль адвокатовъ Мамина, отказавшагося наконецъ отъ дачи отвѣтовъ. Такимъ образомъ, главный предметъ, который нужно было обслѣдовать—доносъ трехъ членовъ о безпорядкахъ секретаря Мамина—не только остался неразъясненнымъ для св. синода, но еще болѣе запутался и осложнился отъ обстановки его разными протестами, доносами, докладами и обвиненіями, которые изъ своей совокупности образовали самое многосложное дѣло. Синодъ, разсмотрѣвъ все предметы, вошедшіе въ составъ этого дѣла, и дѣлопроизводство по нимъ, пораженъ былъ невѣжествомъ и совершеннымъ незнакомствомъ епархіальнаго начальства съ самыми первоначальными формами судопроизводства, неправильностью и пристрастіемъ рѣшеній, несоблюденіемъ формъ, забвеніемъ приличія и неумѣстнымъ обращеніемъ къ суду гражданскому. Но въ то-же время изъ донесеній самого преосвященнаго Іоанникія и взаимныхъ обвиненій членовъ и секретаря, синодъ не могъ не усмотрѣть, какъ много допущено безпорядковъ по оренбургскому духовному управленію и консисторіи. Такъ, по епархіальному управленію замѣчено было синодомъ, что а) послушники архіерейскаго дома имѣютъ по два мѣста, что несообразно съ церковными правилами; б) въ домѣ преосвященнаго живутъ его племянники, принадлежащіе по рожденію тверской епархіи; «сіе допущено, пишетъ синодъ, несообразно, съ указомъ св. синода, которымъ архіереямъ имѣть при себѣ родственниковъ не позволено»; в) іеромонаха Владиміра, какъ удаленнаго отъ должности

эконома архіерейскаго дома за неисправность и, притомъ, какъ объясняетъ самъ преосвященный, поведенія непостояннаго, не слѣдовало оставлять членомъ консисторіи; г) на донесеніе Мамина, будто-бы за нѣкоторое немаловажное дѣло протоіерей Лепоринскій былъ удаленъ еще въ 1825 году отъ должности по консисторіи, не обращено вниманія и предметъ этотъ св. синоду не объясненъ. По консисторіи: а) помѣщенное дѣло-производство о положеніи архива и о дѣйствіяхъ чиновника Агаѳонова, о которыхъ, согласно съ доносомъ Мамина, показали и прочіе чиновники канцеляріи, обнаруживаетъ въ высшей степени безпорядокъ въ архивѣ, куда, какъ видно, дѣла не сдавались изъ столовъ за нѣсколько лѣтъ и могли поступать даже нерѣшенные; б) изъ объясненій членовъ на запросы архимандрита Никодима, и вообще изъ преній ихъ, видно, что порядокъ дѣлопроизводства по консисторіи нисколько не соблюдался: дѣла въ докладные реестры вносились членами, а журналы засѣданій составлялись только для вида, преосвященному-же представлялись черновые, что совершенно виѣ всякаго порядка; в) въ такомъ безпорядкѣ могли дѣйствительно дѣла лежать безъ движенія по нѣскольку лѣтъ и совершенно пропадать, какъ и пропала, будто-бы, по изъясненію Мамина, часть дѣла о протоіерей Лепоринскомъ; г) распри между членами довели ихъ до забвенія всякаго порядка. На протоіерея Брѣва падаетъ подозрѣніе, что онъ, изъ дружбы къ Мамину, рѣшился ввести въ присутствіе консисторіи какого-то мещеряка Шалкумдилова, объявившаго, что онъ не допускается къ преосвященному служкою, который требуетъ отъ него денегъ. Далѣе, такія распри членовъ дали поводъ къ ссорамъ и канцелярскимъ чиновникамъ, которыхъ взаимныя обвиненія обнаруживаютъ, что одни изъ нихъ склонны къ злоупотребленіямъ, какъ обвиняютъ Агаѳонова, а сей обвиняетъ другихъ, а другіе къ нетрезвости, какъ показываетъ Агаѳоновъ о Бирюковѣ. «По существу всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, говорится въ синодальномъ указѣ, св. синодъ опредѣляетъ: 1) секретаря Мамина, за дерзость противу начальства, удалить отъ должности, оставивъ дальнѣйшее о немъ сужденіе до окончанія предназначаемаго изслѣдованія по упоминаемымъ дѣламъ и 2) протоіерея Брѣва, за дерзость также противу начальства, удалить отъ присутствованія въ консисторіи, а на мѣсто его въ консисторію предоставить епархіальному преосвященному опредѣлить другаго, благонадежнѣйшаго. О протоіерей Несмѣловѣ, котораго неправильное дѣйствованіе происходило примѣтно болѣе отъ слабости характера и неблагонамѣренныхъ внушеній, нежели отъ собственной неблагонамѣренности, предоставить преосвященному разсмотрѣть,

можетъ-ли онъ съ пользою оставленъ быть присутствующимъ въ консисторіи. Іеромонаха Владимира теперь-же удалить отъ должности члена консисторіи, а протоіереямъ Кандарицкому и Лепоринскому внушить, чтобъ они впредь удерживались отъ всѣхъ отступленій отъ порядка и не допускали себя ни къ какимъ распрямъ и неправильнымъ дѣйствіямъ. 3) Вышеизложенныя неправильныя дѣйствія преосвященнаго Іоаннікія поставить ему на видъ, съ тѣмъ, чтобы онъ употреблялъ бдительнѣйшее вліяніе, дабы дѣйствованіе его по дѣламъ было въ точной сообразности съ законнымъ порядкомъ и съ достоинствомъ его званія. 4) За симъ, относительно замѣченныхъ по епархіальному управленію безпорядковъ, преосвященному Іоаннікію предписать: а) обратить строгое вниманіе на положеніе архіерейскаго дома и установить въ немъ порядокъ, соотвѣтственный сему дому, удаливъ лицъ постороннихъ и въ поведеніи сколько-нибудь сомнительныхъ; б) послушника Лелявскаго и всѣхъ другихъ, занимающихъ по двѣ должности, вопреки порядку, оставить при одной какой-либо и впредь подобнаго не допускать и в) по дѣламъ: по докладу членовъ консисторіи на секретаря Мамина отъ 4-го апрѣля о невѣрной справкѣ относительно лѣтъ новокрещеннаго Гавріілова, о сожженіи архивныхъ дѣлъ, о сокрытіи протоіереемъ Лепоринскимъ доноса на священника Агрова, и вообще о всѣхъ безпорядкахъ по консисторіи, все начатое производство, по несоблюденію законнаго порядка, какъ недѣйствительное, прекратить. 5) О всемъ томъ произвести новое подробное изслѣдованіе, которое и поручить московской св. синода конторы члену, ставропигіальнаго Донскаго монастыря архимандриту Теофану, съ предписаніемъ ему произвести оное отдѣльно по каждому изъ вышеупомянутыхъ дѣлъ со всею точностію, и, притомъ, обревизовать вообще за послѣдніе шесть лѣтъ дѣла консисторіи въ отношеніи порядка и успѣшности производства оныхъ, съ обращеніемъ вниманія и на составъ чиновниковъ канцеляріи въ отношеніи ихъ способности и нравственности, и затѣмъ произведенныя имъ слѣдствія представить св. синоду для разсмотрѣнія и дальнѣйшаго поступленія съ виновными по законамъ. Въ помощь ему, архимандриту Теофану, назначить ректора оренбургской семинаріи архимандрита Никодима, съ тѣмъ, чтобы они составляли присутствіе, вели журналъ своихъ дѣйствій, и потребныя къ дѣлу показанія отъ прикосновенныхъ лицъ брали въ своемъ присутствіи, не допуская, какъ допускаемо было прежде, медлить и писать по домамъ бумаги не по существу касающихся до каждого вопросовъ, съ примѣшеніемъ обстоятельствъ постороннихъ и отзывовъ оскорбительныхъ, а

по части писмоводства прикомандировать того чиновника, который определенъ будетъ въ консисторію секретаремъ» ¹⁾).

Дѣйствительно, единственнымъ исходомъ изъ того состоянія, до котораго дошли дѣла епархіальныя по оренбургскому управленію, была синодальная ревизія: домашними, мѣстными лицами и средствами нельзя было развязать того узла, который страстями, неумѣренностью и недобросовѣстностью былъ до нельзя запутанъ. Но, рассматривая вышеприведенный синодальный указъ, нельзя не замѣтить, что синодъ отчасти облегчилъ для ревизора развязку этого узла, безусловно обвинивъ маминскую партію, отставивъ отъ должности его и протоіерея Брѣва, и что такимъ образомъ указалъ ревизору направленіе, котораго онъ долженъ держаться при производствѣ слѣдствія. Сравнивая этотъ указъ съ другимъ, которымъ опредѣлялось произвести слѣдствіе о Маминѣ по доносу на него трехъ членовъ консисторіи, открывается рѣзкое различіе опредѣленій св. синода по одному и тому-же предмету: въ одномъ видна снисходительность къ поступкамъ Мамина, находящая въ нихъ только забвеніе приличія и нескромность, которыя заслуживаютъ лишь начальническаго замѣчанія и внушенія и, много-много, строгаго выговора, съ подтвержденіемъ впредь таковыхъ поступковъ остерегаться; а въ другомъ такая строгость, открывающая въ нихъ дерзость, за которую виновный отставляется отъ должности, не дожидаясь даже окончанія слѣдствія, производимаго надъ нимъ. Причину различія воззрѣній синода на одинъ и тотъ же предметъ можно объяснить, но только гадательно. Рассматривая подписи синодальныхъ членовъ подъ обоими опредѣленіями, находимъ, что подъ однимъ нѣтъ именъ митрополитовъ Серафима и Филарета, а подъ другимъ эти имена стоятъ; значитъ, опредѣленіе синода въ пользу Мамина состоялось болѣе подъ вліяніемъ синодской канцеляріи, а другое, невыгодное для него, было дѣйствіемъ іерархическаго вліянія: на немъ отпечатлѣлась, можетъ быть, мысль самихъ членовъ и, по всей вѣроятности, мысль московскаго митрополита, а слѣдовательно оно состоялось въ видахъ защищенія и огражденія іерархическихъ интересовъ и правъ. Можно, впрочемъ, дать и другое объясненіе этому противорѣчію: одинъ изъ племянниковъ Іоаннікія, когда составлялось позднѣйшее опредѣленіе синода, служилъ въ то время въ синодѣ, а слѣдовательно могъ ходатайствовать за своего дядю всѣми зависящими отъ него способами.

¹⁾ См. въ дѣлѣ объ удаленіи Мамина указъ св. синода, 27-го января 1837 года, № 313.

Ревизоры строго держались программы, данной имъ св. синодомъ, произвели слѣдствіе по всеѣмъ взаимнымъ доносамъ и обвиненіямъ членовъ и секретаря. Но прежде изложенія тѣхъ открытій и результатовъ, которые были добыты ревизіею, мы считаемъ нужнымъ предварительно замѣтить, что она была ведена съ должнымъ безпристрастіемъ и приличнымъ достоинствомъ. Мы не видимъ тутъ ни натяжекъ, ни потворства одной какой-либо сторонѣ, Маминъ является не такъ дурнымъ, какъ хотѣли представить его архіерей и члены консисторіи, которые, наоборотъ, не такъ хороши, какъ они себя выставляли предъ начальствомъ. Если-же при разсмотрѣніи этой ревизіи мы замѣчаемъ отсутствіе въ ней строгаго вниманія къ дѣйствіямъ преосвященнаго, то это не вина ревизоровъ. Синодъ программю, имъ данною, какъ-бы изъялъ лицо преосвященнаго отъ ревизіи. Впрочемъ, она коснулась и его, хотя глухо и робко. Касательно дѣйствій Мамина ревизія постановила заключеніе, что онъ не обличается въ злоупотребленіяхъ, а оказывается только въ нѣкоторой степени не-исправнымъ по должности, а именно: 1) въ позднемъ иногда приходѣ къ должности въ утренніе часы и рѣдкомъ хожденіи послѣ обѣда; 2) въ отлучкѣ, по его собственному признанію, изъ города за 40 верстъ въ Благовѣщенскій заводъ, на которую отлучку было-ли дозволеніе начальства, по дѣламъ консисторіи не видно; 3) въ недостаткѣ собственной дѣятельности и занятія существенною своею обязанностью, къ которой относится и выписка приличныхъ къ дѣламъ узаконеній, чѣмъ Маминъ самъ не занимался. Въ продолженіе трехъ съ половиною лѣтъ, въ кои былъ онъ секретаремъ, остались нерѣшенными семь дѣлъ, за неучиненіемъ выписки приличныхъ къ нимъ узаконеній. Одно дѣло остановилось въ ходѣ своемъ съ 1833 г. и лежало безъ всякаго движенія до самой ревизіи, по причинѣ неизготовленія имъ, Маминымъ, отношенія отъ лица преосвященнаго Михаила на имя г.-губернатора; 4) въ неведеніи имъ за всѣ четыре года, въ кои былъ онъ секретаремъ, общаго настольнаго реэстра; 5) въ непредставленіи св. синоду вѣдомостей о полученіи указовъ и объ исполненіи по нимъ съ августа 1834 г. по ноябрь 1836 г., какъ видно изъ побужденія отъ экзекуторскихъ дѣлъ, найденнаго консисторіею у Мамина и имъ не помѣченнаго, и въ неправильной отмѣткѣ въ вѣдомости о причинахъ неисполненія по указамъ св. синода. 6) Касательно бѣловыхъ журналовъ: а) въ несмотрѣніи за своевременною и исправною перепискою ихъ, и б) въ томъ, что большая часть ихъ не подписана членами консисторіи, къ чему побуждать ихъ въ свое время съ должною благопристойностію и законнымъ образомъ была его обязанность. 7) Въ скрѣпленіи имъ на дому, по небытію въ консисторіи, одной

исходящей бумаги, безъ удостовѣренія, состоялся-ли на нее журналъ. 8) Въ недостаткѣ должнаго смотрѣнія за столоначальниками и законнаго побужденія ихъ къ скорѣйшему исполненію своихъ обязанностей и даже въ прикрытіи медленности ихъ тѣмъ, что на справкахъ, требуемыхъ отъ нихъ къ дѣламъ, Маминъ не дѣлалъ помѣты, когда справки доложены. Кромѣ того, что справки, экстракты, выписки изъ законовъ и протоколы предлагались чрезъ полгода, чрезъ годъ, полтора и болѣе, самимъ дѣламъ рѣшеннымъ и нерѣшеннымъ не было у повѣтчиковъ описей, которыя были составлены уже во время ревизіи и по требованію ревизора. Побуждалъ-ли Маминъ нерадивыхъ повѣтчиковъ къ исправленію такихъ упущеній, по дѣламъ консисторіи не видно. 9) Въ дерзости Мамина противъ своего начальства, замѣченной и св. правительствующимъ синодомъ. «Затѣмъ, говорятъ ревизоры, въ другихъ пунктахъ доклада на него, Мамина, трехъ членовъ, какъ-то: въ отверженіи имъ якобы напominаній ихъ съ презрѣніемъ, называніи себя ревизоромъ и прокуроромъ, самъ онъ признанія не учинилъ и ничѣмъ по слѣдствію не изобличенъ. Что касается до причиняемыхъ якобы имъ, Маминымъ, грубыхъ, тяжкихъ и нестерпимыхъ обидъ тремъ членамъ, доносившимъ на него, то двѣ протоіереи Кантарицкимъ, по чувству христіанскаго долга, прощены ему, Мамину, а двѣ, представленныя протоіереемъ Лепоринскимъ, изъ коихъ послѣдняя случилась уже послѣ поданнаго на Мамина доклада спустя полгода, не доказаны. Іеромонахъ Владиміръ, подписавшій, вмѣстѣ съ двумя протоіереями докладъ, ни одной учиненной ему Маминымъ обиды не объявилъ. Совершенное якобы неповиновеніе Мамина своему епархіальному начальству, на которое ссылается Лепоринскій въ своихъ доказательствахъ, и по случаю котораго якобы постановленъ журналъ 20-го апрѣля 1836 г., также ничѣмъ не доказано и въ самомъ томъ журналѣ не сказано о немъ ни слова»¹⁾. По сообщенному въ рекрутское присутствіе неправильному свѣдѣнію о лѣтахъ новокрещеннаго Гавріилова Маминъ оказался виновнымъ въ невнимательности къ своей должности.

Но и въ беспорядкахъ по службѣ, замѣченныхъ ревизіею, Маминъ оправдывался тѣмъ, что не было возможности найти способныхъ чиновниковъ по малымъ окладамъ, а самъ онъ не могъ дѣйствовать съ надлежащею дѣятельностью по враждебнымъ отношеніямъ къ нему членовъ консисторіи. Сравнивая состояніе консисторіи при секретарствѣ Мамина съ положеніемъ ея при его предшественникахъ, ревизія открывала, что во

¹⁾ См. приложение къ дѣлу объ удаленіи Мамина, подъ лит. С, стр. 125—128.

время Мамина дѣла пришли въ лучшій порядокъ, было болѣе дѣятельности и движенія, нежели прежде, такъ что отсюда открывается справедливость словъ Мамина, что члены консисторіи не могли и не имѣли причины дѣлать ему напоминаній объ исправленіи безпорядковъ. Да и въ допущенныхъ Маминымъ неисправностяхъ по его должности, по мнѣнію ревизоровъ, виноваты сами-же члены, доносившіе на Мамина, во-первыхъ, потому, что не смотрѣли за исправностью его вообще по законамъ, и особенно по возложенной на нихъ указомъ св. правительствующаго синода отвѣтственности за него, и еще болѣе виновны, какъ члены отдѣленій, въ совершенномъ невниманіи и даже потворствѣ своимъ нерадивымъ столоначальникамъ. «Пропадаютъ дѣла (особенно у Агаѣнова) и находятся, если строго потребуютъ; не докладываются бумаги по году и по два, не доставляются требуемыя къ нимъ справки; не дѣлается исполненія по резолюціямъ консисторіи нѣсколько мѣсяцевъ, годъ и два. Посылались указы изъ канцеляріи прежде иногда вовсе безъ резолюцій присутствующихъ. Безпорядки сии особенно замѣчены въ 1831 и 1832 годахъ, въ отсутствіе Мамина. Когда они открывались присутствію, члены смотрѣли на нихъ хладнокровно: требуются объясненія—ихъ не даютъ; дѣлаютъ замѣчаніе виновному, а сами-же не хотятъ порядкомъ объявить его и взять росписку въ слышаніи. Опозорившіе себя пьянствомъ столоначальники Степановъ и Некрасовъ уволены—первый съ аттестатомъ въ поведеніи весьма хорошимъ, послѣдній съ хорошимъ». «Въ дѣлахъ шести лѣтъ, пишетъ далѣе Теофанъ, не замѣчено мною ни одного примѣра, чтобы хотя одинъ нерадивецъ или безпорядочный чловѣкъ изъ приказныхъ получилъ какое взысканіе или наказаніе. Даже не заведено было и книги для записыванія выговоровъ. Отъ сей ненаказанности безпечность въ исправленіи своей должности, дерзость въ нарушеніи порядка въ приказныхъ весьма усилилась. Ни одинъ членъ не хотѣлъ и знать, есть-ли описи рѣшеннымъ и нерѣшеннымъ дѣламъ по его отдѣленію. Наконецъ, какое обращали вниманіе члены консисторіи на своихъ столоначальниковъ и какъ судили о ихъ поступкахъ, консисторія, какъ-бы въ подтвержденіе истины сего моего донесенія, изъяснила въ послѣднемъ своемъ ко мнѣ отъ 30-го апрѣля сего года отношеніи объ Емельяновѣ. Консисторія и членъ отдѣленія въ продолженіи десяти лѣтъ не знали, и только нынѣ узнали, что Емельяновъ, по малымъ своимъ способностямъ, неспособенъ къ своей должности».

Самый доносъ членовъ консисторіи на Мамина ревизоръ считаетъ ковомъ, замышленнымъ однимъ изъ самыхъ неисправныхъ членовъ консисторіи, увлекшимъ на свою сторону и другихъ,—ковомъ, задуман-

нымъ съ черною цѣлью скрыть свои злоупотребленія, погубивши Мамина. «Оттого они, пишетъ Теофанъ, и не раскрывали его безпорядковъ, что съ ними были связаны ихъ собственные, а оттого и доносы ихъ были недоказательны и направлены на предметы посторонніе, какъ-то: на величаніе Мамина себя ревизоромъ и прокуроромъ. Такъ, протоіерей Кандарицкій не доказалъ и не могъ даже пояснить, въ чемъ именно состояли безпорядки и упущенія Мамина, а также не могъ ничѣмъ подтвердить и того, что отъ членовъ были напоминанія Мамину о исправленіи допущенныхъ имъ по консисторіи безпорядковъ, и что онъ отвергалъ эти напоминанія съ презрѣніемъ. Другой членъ, Лепоринскій, хотя приводилъ довольно доказательствъ на неисправность Мамина, но занималъ ихъ большею частію изъ своего только отдѣленія и потому неисправности и безпорядки своихъ столоначальниковъ приписывалъ Мамину несправедливо, и свое собственное несмотрѣніе за ними слагалъ на Мамина еще несправедливѣе, потому что за два первые года, въ которые собственно усилились безпорядки столоначальниковъ, Мамина не было при консисторіи, а напротивъ того, Лепоринскій постоянно былъ членомъ одного и того-же отдѣленія. Третій членъ, іеромонахъ Владиміръ, никакихъ безпорядковъ и упущеній Мамина по должности, ни обидъ отъ него себѣ не только не доказалъ, но и не объявилъ».

Что-же касается членовъ консисторіи, то ревизія оставила въ покоѣ тѣхъ изъ нихъ, которые уже были отставлены, какъ-то: іеромонаха Владиміра, протоіереевъ Брѣва и Несмѣлова, и главнымъ образомъ обратила вниманіе на оставшихся еще при консисторіи: протоіереевъ Кандарицкаго и Лепоринскаго. Кандарицкій прикосновенъ былъ къ дѣлу о безпорядкахъ, происшедшихъ при разборѣ консисторскаго архива въ 1836 году. Кандарицкому поручено было отъ преосвященнаго Аркадія въ 1831 году привести въ порядокъ архивъ и при этомъ доносить каждаго недѣлю объ успѣшномъ ходѣ этого дѣла. Чрезъ два съ половиною мѣсяца Кандарицкій донесъ, что дѣла съ 1800 по 1810 годъ имъ разобраны и приведены въ порядокъ. Но это донесеніе было несправедливо потому, что въ бывшій въ 1806 году пожаръ всѣ дѣла по тотъ годъ сгорѣли, а слѣдовательно и не могли быть приводимы въ порядокъ. Когда преосвященный Аркадій переведенъ былъ въ Пермь, то преемникъ его требовалъ свѣдѣнія о состояніи архива. Кандарицкій скрылъ о сдѣланномъ ему предмѣстникомъ преосвященнаго Михаила порученіи и, такимъ образомъ, не исполнилъ возложенной на него обязанности и архивъ остался въ прежнемъ хаотическомъ состояніи. Хотя, безъ сомнѣнія, въ этомъ безпорядкѣ виновны были болѣе или менѣе и другіе члены консисторіи, но Канда-

рицкій по преимуществу; по вышеизложенной причинѣ Лепоринскій найденъ былъ ревизіею не только неисправнѣйшимъ изъ всѣхъ членовъ оренбургской консисторіи, но и самымъ неблагонамѣреннымъ. Вотъ что писалъ о немъ ревизоръ: ...«само собою разумѣется, что первую причиною въ составленіи доклада на секретаря Мамина былъ тотъ изъ членовъ, который самъ зналъ за собою болѣе другихъ безпорядковъ и неисправности. По ревизіи замѣчено, что изъ пяти отдѣленій, на кои раздѣлена оренбургская консисторія, отдѣленіе протоіерея Лепоринскаго всѣхъ неисправнѣе. Изъ двухсотъ дѣлъ, оставшихся нерѣшенными къ 1837 году по всей консисторіи, 70 дѣлъ осталось по его только отдѣленію, и въ томъ числѣ 24 дѣла остановились собственно за нимъ. Замѣчено, что резолюціи давалъ онъ не въ свое время, а спустя мѣсяць, два, три и болѣе, и по многимъ дѣламъ писалъ ихъ не въ консисторіи, а у себя въ домѣ. Онъ показалъ пропавшими такія дѣла, которыя должны быть по его отдѣленію и не были показаны въ вѣдомости. Онъ также изобличается въ намѣренномъ сокрытіи у себя бумаги о священникѣ Агровѣ, обвиняемомъ въ произнесеніи дерзкихъ словъ противъ Высочайшей фамиліи. Опасаясь, чтобъ неисправность и упущенія его по должности не открылись сами собою, а касавшіяся до него дѣла не открылъ Маминъ, знавшій ихъ по долговременной службѣ въ консисторіи, онъ рѣшился предупредить его—составилъ на него докладъ, убѣдилъ къ тому и другихъ двухъ членовъ, конечно въ полной увѣренности, что дѣло по докладу окончится однимъ удаленіемъ Мамина отъ консисторіи по собственному распоряженію епархіальнаго начальства».

Послѣ заключенія о секретарѣ и членахъ консисторіи, ревизія произнесла судъ свой и надъ чиновниками консистореской канцеляріи. Всѣхъ ихъ виновнѣе и грязнѣе былъ помощникъ секретаря и врагъ его Агаѣоновъ. Вотъ какія злоупотребленія приписала ему ревизія: а) сожженіе бумагъ при разборѣ архива; б) безпорядки по дѣлу о новокрещенномъ мещерякѣ Гавріиловѣ, навлекающіе на него сильное подозрѣніе въ злоупотребленіи; в) участіе въ сокрытіи, вмѣстѣ съ протоіереемъ Лепоринскимъ доноса діакона Басаткина на священника Агрова; г) разстройство архива за время бытности его архивариусомъ, а по дѣламъ своего повѣтыя былъ болѣе другихъ неисправенъ; д) служилъ орудіемъ къ взаимнымъ по консисторіи несогласіямъ подачею несвоевременныхъ и неправдоушныхъ доносовъ, и наконецъ е) сильно подозрѣвается въ требованіи въ подарокъ часовъ у священника Орской крѣпости Василья Косьмина. Другіе канцелярскіе чиновники замѣчены въ безграмотности, невѣжествѣ, въ лодогѣ и пьянствѣ. Вотъ какъ, напр., ревизоръ отзывается о нѣкоторыхъ

изъ нихъ: 1) о чиновникѣ Емельяновѣ: «Наукамъ нигдѣ не обучался, почеркъ письма имѣеть очень плохой; по ревизіи особенно замѣченъ въ сокрытіи и удержаніи у себя дѣлъ, въ учиненіи подлоговъ, въ подчисткѣхъ и поправкѣхъ чиселъ въ журналахъ, на поступающихъ и исходящихъ бумагахъ»; 2) о коллежскомъ регистраторѣ Боголюбскомъ: «Наукамъ нигдѣ не обучался; по ревизіи въ исправленіи должности повѣтчика оказался неисправнымъ»; 3) о канцеляристѣ Поповѣ: «Наукамъ нигдѣ не обучался, почеркъ письма имѣеть плохой, а способности ума весьма посредственные; чиновникъ сей весьма виновенъ въ нерадѣніи объ архивѣ»; 4) «канцеляристъ Докинъ наукамъ нигдѣ не обучался; на службу вступилъ въ оренбургскую консисторію изъ Бугульминскаго духовнаго правленія, гдѣ замѣченъ былъ во многихъ безпорядкахъ»; 5) о подканцеляристѣ Бирюковѣ: «Замѣченъ въ нетрезвости и рваніи бумагъ». Всѣ эти лица замѣчены по ревизіи въ медленности и въ неимѣніи описи рѣшеннымъ и нерѣшеннымъ дѣламъ за шесть лѣтъ. Уже по прибытіи ревизора и по востребованію на ревизію дѣлъ, они принялись приводить ихъ въ порядокъ и составлять имъ описи.

Наконецъ, ревизія отчасти обратила вниманіе и на епархіальное начальство и произнесла свой судъ о характерѣ и образѣ управленія его. Здѣсь она замѣтила медленность въ дѣлахъ, занятіе не тѣмъ, чѣмъ надлежало ей заниматься; незнаніе обыкновенныхъ формъ судопроизводства, недостатокъ вниманія къ дѣлу, неумѣнье приняться за него, а оттого безпорядокъ въ дѣлопроизводствѣ. «Оренбургская епархія, пишетъ Теофанъ, имѣеть 316 церквей и 441 причтъ. Посему дѣла должны-бы производиться успѣшнѣе и нерѣшенныхъ не должно-бы оставаться отъ года къ другому въ такомъ количествѣ. Сіе побудило меня при ревизіи дѣлъ обратить вниманіе на причины толикой неуспѣшности. Онѣ суть слѣдующія: первая: принимались прошенія и чинилось производство по дѣламъ, духовному суду не принадлежащимъ, а чрезъ то не доставало времени и трудовъ для дѣлъ, собственно предоставленныхъ духовному вѣдомству. Столоначальники, обязанные знать законы и порядокъ, писали многія по такимъ дѣламъ прошенія, и на сіе ни отъ кого никакого не было обращено вниманія. Вторая причина: всѣ дѣла тяжёбныя, исковыя и по многимъ неудовольствіямъ начинались рапортами на простой бумагѣ обиженныхъ лицъ благочиннымъ, а отъ нихъ преосвященнымъ, и чрезъ сіе открывался свободный путь лбедѣ. По симъ рапортамъ наряжались и производились слѣдствія, для благочинныхъ въ оренбургской епархіи, за дальнимъ разстояніемъ одного отъ другаго селенія, весьма затруднительныя; канцелярія загружалась огромною перепискою. Дѣлопроизводство на-

чиналось, продолжалось и оканчивалось на простой бумагѣ, безъ взысканія за гербовую денегъ, съ потерю должнаго казнѣ дохода. Третья причина: наряжались слѣдствія по доносамъ и жалобамъ въ дѣлахъ маловажныхъ, для коихъ довольно было-бы разсмотрѣнія благочиннаго, или даже мѣстнаго священника, и многія неосновательныя по такимъ мелочнымъ дѣламъ прошенія писались чиновниками канцеляріи консисторской съ упущеніемъ своихъ по должности занятій. Четвертая причина: Оренбургская консисторія принимала на себя разсматривать и рѣшать все слѣдственные дѣла, вмѣсто того, чтобы предварительное разсмотрѣніе каждого предоставить мѣстному духовному правленію, въ вѣдомствѣ котораго оно производилось. Отъ сего присутствующіе въ духовныхъ правленіяхъ протоіереи и священники были весьма свободны, а члены консисторіи, при другихъ своихъ занятіяхъ, были весьма много обременены. Для консисторіи было-бы легче разсмотрѣть и, въ чемъ слѣдуетъ, исправить и дополнить, или только утвердить готовое мнѣніе духовнаго правленія, нежели самой заниматься по каждому слѣдствію составленіемъ экстракта, выпискою изъ законовъ и сочиненіемъ протокола, а лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу, ближе было-бы явиться для рукоприкладства, или для другихъ причинъ въ мѣстное духовное правленіе, нежели въ консисторію, отъ которой иные концы оренбургской епархіи отстоятъ около 800 верстъ. Пятая причина: невниманіе присутствующихъ къ дѣйствіямъ канцеляріи и даже потворство членовъ отдѣленій своимъ столоначальникамъ и непомѣрное списхожденіе епархіальнаго начальства къ благочиннымъ, изъ которыхъ одни не рапортуютъ на указы нѣсколько лѣтъ, другіе по многимъ указамъ не чиняютъ исполненія, за другими стоитъ по пяти и болѣе предписанныхъ слѣдствій. Со стороны епархіальнаго начальства не видно никакого побужденія симъ нерадивымъ благочиннымъ, а по причинѣ ихъ медленности и небреженія естественно стоятъ дѣла и въ самой консисторіи ¹⁾). Ревизія этимъ и ограничила свои дѣйствія. Что-же касается доносовъ секретаря на архіерея, то она не входила въ разсмотрѣніе ихъ, слѣдуя вѣрно и точно данной ей св. синодомъ программѣ.

Приговоръ св. синода о лицахъ, подвергшихся слѣдствію, состоялся такой: «1) Бывшаго секретаря оренбургской консисторіи Василія Мамина, какъ недоказаннаго въ самыхъ злоупотребленіяхъ, но оказавшагося не-исправнымъ, дерзкимъ противъ начальства и неблагонадежнымъ по безпечности и уклоненію отъ порядка и какъ уже отрѣшеннаго отъ должности,

¹⁾ См. въ дѣлѣ объ удаленіи Мамина рапортъ арх. Теофана св. синоду отъ 5-го августа 1838 г., за № 54.

и впредь къ подобнымъ должностямъ по духовному вѣдомству не допускать. 2) Протоіерея Лепоринскаго, по падающему на него сильному подозрѣнію въ сокрытіи доноса діакона Касаткина на священника Агрова въ продолженіе двухъ недѣль и особенной противъ другихъ неисправности и безпечности по должности присутствующаго, отрѣшить отъ консисторіи, не поручая ему впредь никакихъ должностей, съ управленіемъ соединенныхъ. 3) Протоіерея Кандарицкаго, за невыполненіе возложеннаго на него порученія по устройству консисторскаго архива, съ донесеніемъ, притомъ ложно, что дѣла архива приведены имъ въ порядокъ за 10 лѣтъ, съ 1800 по 1810, тогда какъ за первые 6 лѣтъ, по сторѣнію ихъ въ 1806 году, приводить было нечего, хотя-бы слѣдовало также удалить отъ должности по консисторіи, но какъ онъ въ замѣченныхъ по консисторіи безпорядкахъ менѣе виновенъ, чѣмъ Лепоринскій, то въ настоящемъ случаѣ сдѣлать ему строгій выговоръ за неисполненіе обязанностей по архиву, со внушеніемъ впредь быть исправнѣе, подѣ опасеніемъ взысканія по законамъ. 4) Помощника секретаря Агаѣнова, оказавшагося виновнымъ: а) въ жженіи бумагъ при разборѣ архива; б) въ безпорядкахъ по дѣлу о новокрещенномъ мещерякѣ Гавріиловѣ навлекающемъ на себя сильное въ злоупотребленіи по оному подозрѣніе; в) въ участіи къ сокрытію съ протоіереемъ Лепоринскимъ доноса діакона Касаткина; г) въ разстройствѣ архива за время бытности его архиваріусомъ, а по дѣламъ своего повѣстья болѣе другихъ неисправнаго, служащаго, притомъ, орудіемъ къ взаимнымъ по консисторіи несогласіямъ подачею несвоевременныхъ и неправодушныхъ доносовъ и д) по прикосновенности его, Агаѣнова, къ дѣлу въ сильномъ требованіи въ подарокъ часовъ, во избѣжаніе соблазна и вреднаго вліянія на другихъ чиновниковъ, отрѣшить отъ службы по консисторіи, предписавъ епархіальному начальству скорѣйшимъ окончаніемъ начатаго объ немъ о вымогательствѣ часовъ дѣла. Относительно-же прочихъ чиновниковъ консисторской канцеляріи, какъ-то: Емельянова, Боголюбскаго, Попова, Докина и Бирюкова, какъ рекомендуемыхъ малоспособными и нерадивыми къ службѣ, предоставить преосвященному, чтобы онъ на мѣсто ихъ, по мѣрѣ возможности, озаботился опредѣлить другихъ, болѣе полезныхъ для служенія». Сужденіе синода о преосвященномъ отличается мягкостью и снисходительностью. Доносы Мамина на него признаны синодомъ неосновательными, служащими къ одному лишь оскорбленію чести епархіальнаго архіерея, а дѣйствія преосвященнаго не заключающими въ себѣ ни для кого и ничего противозаконнаго и соблазнительнаго¹⁾. Синодъ

¹⁾ См. въ дѣлѣ объ удаленіи Мамина указъ св. синода 4-го ноября 1838 года, № 242.

позволили даже архіерею, несмотря на прежнее свое строгое предписаніе, воспитывать въ оренбургской семинаріи своихъ племянниковъ и держать ихъ при себѣ до окончанія семинарскаго курса¹⁾. Впрочемъ, нельзя-же было не замѣтить ничего преосвященному Іоанникію, и синодъ касательно его сдѣлалъ такого рода опредѣленіе: «Изъ представленной по настоящему дѣлу ревизіи видно, что оренбургское епархіальное начальство не обращало должнаго вниманія на порядокъ дѣлопроизводства и на побужденіе нерадивыхъ къ выполненію своихъ обязанностей, почему, поставя безпорядки сіи епархіальному начальству на видъ, во-1-хъ, строго подтвердить, чтобы впредь подобныхъ допускаемо не было, подь опасеніемъ подвергнуться за противное строгому сужденію по законамъ; во-2-хъ, чтобы дѣлопроизводство въ консисторіи соотвѣтствовало во всемъ предписаннымъ правиламъ; въ-3-хъ, приступить немедленно къ разсмотрѣнію всѣхъ остановившихся дѣлъ, открытыхъ при ревизіи, и дать имъ надлежащій ходъ по законамъ. О послѣдствіи-же исправленія всѣхъ опущеній донести св. синоду къ концу будущаго года. О приведеніи въ устройство консисторскаго архива, оказавшагося по ревизіи въ совершенномъ безпорядкѣ, епархіальному начальству предписать, чтобы оно устройствомъ оного особенно озабочилось, поручивъ дѣло сіе человѣку опытному, знающему и благонадежному, съ предоставленіемъ ему, по возможности, необходимыхъ для того занятія средствъ и съ откомандированіемъ къ нему въ помощь городскихъ діаконѣвъ и причетниковъ, къ сему способныхъ, съ тѣмъ, чтобы они симъ занимались въ свободное отъ службы и занятій по церквамъ время. Объ успѣхѣ-же приведенія въ порядокъ архива доносить св. синоду пополугодно²⁾». Но не успѣла еще кончиться ревизія, какъ въ синодѣ получено было извѣстіе о томъ, что Іоанникій оказываетъ поощреніе и поблажку раскольникамъ Дуванейскаго приказа, запретивши православнымъ священникамъ и благочинному увѣщевать совратившихся изъ православія и позволивъ этимъ совращеннымъ совершенно исключиться изъ списковъ православныхъ. Доносъ этотъ оказался вѣрнымъ. Племянники Іоанникія, несмотря на прямое и ясное предписаніе синода—отослать ихъ по окончаніи семинарскаго курса въ тверскую епархію, были оставлены въ оренбургской и одинъ изъ нихъ даже получилъ здѣсь священническое мѣсто въ кафедральномъ соборѣ (впрочемъ, одинъ отправился на службу въ С.-Петербургъ). Вообще Іоанникій, ободренный результатомъ ревизіи, сдѣлался смѣлѣе, свободнѣе и размахистѣе въ своихъ

¹⁾ Тутъ-же указъ 16-го мая 1838 года, № 156.

²⁾ Тамъ-же.

дѣйствіяхъ. Епархія была недовольна его управленіемъ и глухо роптала, а нѣкоторые, болѣе смѣлые, открыто жаловались графу Пратасову. Слѣдствіемъ этихъ жалобъ на дѣйствія Іоаннікія былъ переводъ его на кавказскую кафедру, но и здѣсь онъ остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ, и также подпалъ ревизіи.

Чтобы познакомиться съ характеромъ жалобъ на Іоаннікія, мы приводимъ здѣсь, для образца, одну изъ нихъ. Несмотря на то, что въ ней много желчи и преувеличеній, она можетъ служить доказательствомъ, до какой степени сильно было въ епархіи неудовольствіе на Іоаннікія. Жалоба эта, въ формѣ письма, принесена графу Пратасову въ 1849 году кафедральнымъ протоіеремъ Субботинымъ и содержитъ въ себѣ нѣкоторые факты, уже извѣстные изъ дѣла о Маминѣ. ...«Оренбургская епархія управлялась архипастырями, если не отличными умомъ, то добрыми по сердцу, соотвѣтствующими своему назначенію. Спокойствіе не было возмущаемо, духовенство было счастливо, въ возможной для него степени. Въ 1836 году, послѣ незабвеннаго преосвященнаго Михаила, изъ Вятки перемѣщенъ на оренбургскую паству преосвященный Іоаннікій, съ удержаніемъ перваго достоинства; онъ прибылъ, окруженный родственниками и приближенными къ нему; затѣмъ послѣдовали изъ Вятки и женщины. Настало время преобразованія. Это преобразование открылось смѣною эконома архіерейскаго дома. Настало время безпорядковъ. Первое воровство учинено въ архіерейскомъ домѣ, за открытіе, будто-бы, котораго прежній экономъ архіерейскаго дома удаленъ отъ должности и отъ присутствованія въ консисторіи и на мѣсто его опредѣленъ привезенный іеромонахъ Виталій, человѣкъ права самовластнаго и дурного. Вскорѣ затѣмъ похищена церковная сумма изъ Крестовой домовоі архіерейской церкви. Похищеніе сдѣлано изъ внутреннихъ покоевъ его преосвященства, какъ полагають съ вѣроятностію, однимъ изъ его племянниковъ. Дѣло объ этомъ похищеніи производилось въ уѣздномъ судѣ. Это дѣло истребовано было преосвященнымъ изъ уѣзднаго суда. Оно сдано было въ консисторію съ предложеніемъ, чтобъ быть ему прекращеннымъ, дабы избавить архіерейскій домъ отъ поношенія, но смыслъ этого предложенія, какъ несоотвѣтствующаго закону, по моему настоянію, былъ измѣненъ. Прежніе преосвященные, соблюдая предписанія правительства о производствѣ неполучившихъ полного образованія въ священники, доставили преосвященному Іоаннікію поводъ почти въ одинъ разъ произвести, большею частію совершенно безграмотныхъ и безнравственныхъ, до 90 человѣкъ. Все это сдѣлано по видамъ весьма неодобрительнымъ, хотя истолкованнымъ и въ хорошую сторону. Бывшій секре-

тарь Маминъ, получавшій въ годъ 300 руб., которые были достаточны только на одинъ проѣздъ его въ консисторію, видя, что всё выгоды, правда незаконныя, были сосредоточены въ архіерейскомъ домѣ, рѣшился возстать противу несправедливостей архіерейскаго дома. Изъ этого протівостанія произошло раздѣленіе членовъ консисторіи. Одни, подвергшіеся вліянію власти архіерейской, были на сторонѣ архіерея, другіе приняли сторону Мамина. Секретарь Маминъ самовластно былъ удаленъ отъ должностей и со всѣми, державшими его сторону. Дѣла были приведены въ ужасный хаосъ. Въ это-то время преосвященный Іоанникій убѣдилъ меня принять званіе члена консисторіи, и такъ какъ былъ присутствующимъ мой тесть, каѳедральный протоіерей Кандарицкій, то о несовмѣстности и нуждѣ опредѣленнаго мнѣ назначенія было представлено св. синоду, и св. правительствующимъ синодомъ нужда, несмотря на несовмѣстность, была признана. Я трудился одинъ за всѣхъ тѣхъ, которымъ должно было трудиться, трудился неуспѣшно, трудился тѣмъ болѣе, что былъ неопытенъ на новомъ поприщѣ, не имѣлъ ни образцовъ хорошихъ, ни руководства, ни сотрудниковъ. Пользуясь крайнимъ моимъ разумѣніемъ, привелъ я дѣла въ возможный порядокъ съ чиновниками канцеляріи, которые, поступивъ на мѣсто опытныхъ, своею неопытностію труды мои иногда дѣлали невыносимыми. Къ моему несчастію, померъ ключарь, протоіерей Лепоринскій; къ исполненію обязанностей его я былъ снова призванъ съ тѣмъ пожертвованіемъ, котораго отъ меня требовали: я долженъ былъ отказаться отъ службы по семинаріи и отъ всѣхъ ея выгодъ. Ябеда, что мы съ покойникомъ-тестемъ, заслуженнѣйшимъ протоіереемъ, засѣдая въ консисторіи, имѣли, будто-бы, вредное вліяніе на дѣла частныхъ просителей, была основаніемъ предложенія преосвященному Іоанникію, чтобы онъ того изъ насъ, коего находить полезнѣе для службы, оставилъ членомъ, а другаго удалилъ отъ присутствованія. Я за мою дѣятельность, несмотря на опытность старца, предпочтенъ былъ старцу и все продолжалъ служить одинъ за всѣхъ. Мой тесть, отецъ и покровитель меня и моего семейства, удрученный оскорбленіями тяжкими по службѣ, померъ; я изъ ключаря низведенъ былъ на степень каѳедрального протоіерея. Это выраженіе, графъ, удивляетъ, можетъ быть, потому, что вы не знаете самовластія Іоанникія, по которому онъ уважаетъ только облеченныхъ его довѣренностію, по которому онъ уничтожаетъ всякое значеніе подвластныхъ ему властей; по которому онъ на всѣхъ имѣетъ взглядъ какой-то царственный, смотритъ на бѣлое духовенство, какъ на рабовъ, презираетъ его болѣе, нежели рабовъ; отрехшись отъ міра, не щадитъ міра, владѣетъ міромъ деспотически. Давши обѣтъ смиренія предъ Богомъ, унижаетъ другихъ до послѣдней

степени. Безпорядки, связанные съ особою его преосвященства Іоанникія, начали развиваться: за отрѣшеніемъ отъ должности добросовѣтнаго расходчика, за увольненіемъ сторожей честныхъ, приказно-служителей, знающихъ свою обязанность, выкрадены были суммы изъ кладовой консисторіи—это первое воровство. Я сдѣлалъ постановленіе, съ согласія другихъ присутствующихъ, чтобы всѣ суммы для храненія отсылаемы были въ казначейство; объ этомъ было представлено св. синоду, но Іоанникій по какимъ-то видамъ попечительскія суммы допустилъ перенести для храненія въ соборъ; я, опасаясь за безопасность перенесенныхъ суммъ, сдѣлалъ докладъ его преосвященству съ перенесеніемъ тѣхъ ругательствъ, къ которымъ онъ такъ обыченъ, о дурномъ поведеніи сторожа Фалезова, но на этомъ докладѣ, къ моему удивленію, послѣдовала резолюція такая: если Фалезовъ не можетъ быть сторожемъ, то опредѣлить его звонаремъ. Послѣ сего суммы, перенесенныя въ соборъ, были украдены—это второе воровство. Его любимецъ, покойный Лелявскій, оставленный имъ противу указа св. синода, привезъ мнѣ въ мое отсутствіе чугунныя плиты, снятыя съ крылецъ собора и найденныя въ архіерейской конюшнѣ, какъ онъ послѣ мнѣ объяснился;—это третье воровство. По настоянію преосвященнаго Іоанникія, сдѣлано было распоряженіе объ образованіи особеннаго счетнаго стола и назначеніи, сверхъ расходчика, казначея, спасскаго протоіерея Несмѣлова; у этихъ двухъ нянекъ дитя осталось безъ глаза: оказалось недочета 4.700 руб.—это четвертое воровство. Я настоялъ, чтобы суммы соборныя хранились въ казначействѣ. Ключарь, нисколько не уважая меня и получая приказанія непосредственно отъ преосвященнаго, хранилъ суммы въ соборѣ и эти деньги были похищены—это пятое воровство. Преосвященный Іоанникій, желая совершенно уничтожить меня и управлять соборомъ чрезъ ключаря непосредственно, приказалъ мнѣ устроенныя чугунныя печи съ трубами отмѣнить и устроить другія къ измѣненію плана на соборъ, Высочайше утвержденнаго, и отъ того благоустройства въ день вошествія Государя Императора на престолъ многихъ изъ собора выносили за-мертво отъ угара. Соборъ совершенно оставленъ всѣми и по вышеписанному, и потому, что назначенный катехизаторъ въ своихъ поученіяхъ часто дозволяетъ себѣ оскорбительныя выходки; оставленъ потому, что племянникъ Іоанникія, Образцовъ, опредѣленный священникомъ къ собору, нерѣдко служить литургію пьяный; оставленъ потому, что преосвященный Іоанникій по какимъ-то своимъ видамъ рѣдко служить въ соборѣ; оставленъ потому, что въ немъ нѣтъ главнаго украшенія, нѣтъ преосвященнаго, который паству свою чему-бы нибудь училъ; оставленъ потому, что я

совершенно имъ уничтоженъ. Почтеннѣйшій графъ! есть-ли тѣло безъ головы? Бѣлое духовенство, хотя худую и слабую, но должно имѣть голову. Есть-ли справедливость тамъ, гдѣ уважаются не заслуги, не порода, а форма одежды, гдѣ мантия изъ раба дѣлаетъ господина, гдѣ ряса и съ достоинствами человѣка низводитъ на степень раба? Ректоръ Никодимъ былъ рѣзанъ послушниками его воли, приготовленными въ монастырь, людьми безнравственными, — людьми, которые приводили къ нему женщинъ въ мужской одеждѣ ¹⁾. Объ этомъ я, уважая подчиненность, доводилъ до свѣдѣнія преосвященнаго Іоанникія. Подвижнику Никодиму Іоанникій исходатайствовалъ Анну 2-й степени и достоинство, присвоенное архимандриту второкласснаго монастыря. Былъ и другой подвижникъ, смотритель уфимскихъ училищъ, іеромонахъ Филиппъ: онъ, между прочимъ, занимался растаѣніемъ ; я противу этого сильно возставалъ, а мнѣ объявили, что это въ монашествѣ не считается грѣхомъ: впрочемъ, это отвратительное существо, по крайней мѣрѣ, удалено изъ Уфы. Теперь, графъ, взгляните на управление оренбургской семинаріи монахами. Тутъ вы увидите чистое іезуитство, увидите искаженіе правильной методы; увидите, что они не руководствуютъ къ той цѣли, къ которой дѣти предназначены. Я не могу сообразить, почему изъ всѣхъ свѣтскихъ училищъ устранены монахи и почему они остаются доселѣ самовластными начальниками въ духовныхъ училищахъ? Вы заботитесь или содѣйствуете заботливости Царя о просвѣщеніи бѣлаго духовенства

¹⁾ Вотъ какъ записано это происшествіе въ синодальномъ протоколѣ 1840 г. 23-го декабря: «7-го декабря 1840 г., въ три четверти 7-го часа пополудни, вбѣжалъ въ комнаты эконома семинаріи, профессора Ипполита Подбѣльскаго, ректоръ семинаріи, архимандритъ Никодимъ, весь въ крови, сильно раненный въ горло ножомъ и еще внятнымъ, но слабымъ голосомъ проговорилъ ему, эконому, слѣдующія слова: «Меня зарѣзали, меня зарѣзалъ Елпидифорка» (жившій у ректора дворовый человѣкъ г-жи Степановой); это случилось во время отправляемаго въ семинарской залѣ всенощнаго бдѣнія, когда всѣ ученики семинаріи, а въ числѣ ихъ и живущій у ректора ученикъ, его племянникъ, находились у богослуженія. Когда экономомъ немедленно было оглашено сіе происшествіе въ семинарскомъ корпусѣ, то тотъ-же ректоръ, подтвердивъ прежде сказанное эконому, присовокупилъ, что въ преступленіи съ Елпидифоркою участвовалъ уфимскій мѣщанинъ Аполлонъ Алексѣевъ (прежде тоже у него, ректора, жившій). О какомъ несчастномъ случаѣ немедленно дано было знать градской полиціи, а для оказанія медицинской помощи приглашенъ былъ врачъ. Виновники вышеозначеннаго преступленія успѣли между тѣмъ скрыться; но мѣрами семинарскаго правленія одинъ изъ нихъ, именно Елпидифорка, былъ пойманъ, и въ присутствіи какъ семинарскихъ чиновниковъ, такъ и прибывшихъ въ семинарію гг. гражданскаго губернатора и полиціймейстера, представленъ былъ ректору, который и обозналъ въ немъ, Елпидифоркѣ, ви-

и потому предоставьте духовное юношество руководствовать не монахамъ, взыскующимъ не настоящего, а грядущаго, но самому-же бѣлому духовенству. Умъ нашъ дается въ одномъ только сѣмени, но возрастаетъ и укрѣпляется опытностію. Сидя на берегу, нельзя управлять кораблемъ на морѣ, изъ келіи монастыря нельзя управлять міромъ. Для соблюденія собственнаго величія аскетовъ нужно, чтобы они не имѣли власти надъ міромъ. Когда такъ будетъ, тогда благочестивѣе въ мірѣ почтутъ отречшихся отъ міра; тогда святость ихъ, нынѣ сомнительная, будетъ очевидна; тогда они будутъ прямыми руководителями другихъ къ небу; тогда они громы будутъ бросать противъ мірскихъ соблазновъ, а теперь они молчатъ, замѣшавшись въ суеты мірскія. Графъ! я по слуху уважаю въ васъ благородство души, и по моему мнѣнію, истинному или ложному, полагая всѣхъ просвѣщенныхъ людей, какъ-бы они ни были судьбою разбросаны по ступенямъ гражданской лѣстницы, равными между собою, вѣрю, что вы не оскорбитесь моею искреннею исповѣдію предъ вами. Спросите Іоаннікія, на какомъ основаніи онъ, оставляя діаконовъ въ числѣ 25-ти человекъ сверхъ штата съ двойными доходами, къ обидѣ причтовъ и къ междоусобнымъ ссорамъ, на открывшіяся вновь діаконскія вакансіи, производитъ причетниковъ; на какомъ основаніи возвышаетъ на степень священниковъ неученыхъ, производитъ въ священники исключенныхъ изъ семинаріи за дурное поведеніе, переводитъ непрестанно всѣхъ съ однихъ мѣстъ на другія. Почему ему неблагоугодно

новника своей раны, полученной отъ него въ горло. Онъ, Елпидифорка, обознанный самимъ ректоромъ и, сверхъ того, уличенный въ учиненіи преступленія кровавыми знаками на рукахъ и полшубкѣ, по приказанію самого гражданского губернатора чрезъ полицейскихъ служителей отправленъ въ полицію». Къ этому семинарское правленіе въ журналѣ своемъ, состоявшемся по сему случаю на другой день, т. е. 8-го декабря, присовокупило слѣдующее: «1) въ продолженіи ночи съ 7-го на 8-е число ректоръ, въ поясненіе дѣла, объявилъ находившимся при немъ безотлучно ученикамъ, что вышеупомянутые покусители на его жизнь, пришедши къ нему, сначала просили у него займы денегъ, но внезапно покушались накинуть на шею его веревочную петлю, которая, впрочемъ, оказалась мала; затѣмъ начали давить его кушакомъ и одинъ изъ нихъ, схвативъ лежавшій на столѣ перочинный ножъ, симъ послѣднимъ наносилъ ему удары въ горло, а другой, именно Аполлонъ Алексѣевъ, схватилъ ректора за языкъ, сился вытянуть оный, но ректоръ, стиснувъ его руку въ зубахъ, весьма сильно укусилъ его палецъ. Послѣ сего ректоръ, обезпамятѣвъ, упалъ въ крови на полъ. Злодѣи, почитая его мертвымъ, кинулись одинъ за огнемъ (поедику свѣча въ обоюдной борьбѣ была загашена), а другой къ комоду, гдѣ хранились деньги. Ректоръ, въ это время опаматовавшись нѣсколько и пользуясь темнотою, собравъ силы, вышелъ изъ комнаты въ другія двери на корридоръ и вбѣжалъ въ комнаты эконома, какъ выше упомянуто» (см. въ св. синодѣ протоколъ 23-го декабря 1840 года).

досмотрѣть за преподаваніемъ въ семинаріи, гдѣ преподается то, чего дѣти понять не могутъ, преподается то, что уже признано неправильнымъ въ мірѣ ученомъ. Графъ! я, угнетенный Іоанникиемъ, доведенный до крайности съ многочисленнымъ моимъ семействомъ, рѣшился представить вамъ пока малый очеркъ тѣхъ злоупотребленій, которыя совершаются въ оренбургской епархіи и которымъ нѣтъ подобныхъ въ другой. Въ городѣ Оренбургѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, во время свирѣпствованія холеры, былъ въ собственномъ смыслѣ страшный судъ: одни изъ священниковъ были жертвою смертоносной заразы, другіе были прикованы къ смертному одру. Но о сихъ послѣднихъ безъ всякаго основанія и тайно наряжено слѣдствіе преосвященнымъ Іоанникиемъ, потому что слѣдствіе надъ мертвыми было-бы уже бесполезно; слѣдователемъ назначенъ протоіерей Челноковъ, въ цѣлой епархіи извѣстный своимъ сумасбродствомъ, безстыдствомъ и наглостію. Противъ этого слѣдствія вооружается весь городъ, понимая всю неосновательность онаго; противу слѣдователя и его безумныхъ поступковъ, почти возмутительныхъ, нѣсколько разъ доводимо было до свѣдѣнія преосвященнаго официальнымъ и частнымъ образомъ, но преосвященный Іоанникій, по какимъ-то необъяснимымъ видамъ, вышеупомянутаго сумасброда, уполномочивая къ угнетенію заслуженныхъ священнослужителей, представилъ къ наперсному кресту. Вотъ, графъ, голова представляемыхъ: можете судить по ней о хвостѣ! Опытомъ я постигъ, какъ вредно для службы, когда награждаются незаслуживающіе того; судять уголовнымъ судомъ тѣхъ, которые крадутъ деньги; почему же не судить тѣхъ правителей, которые заслуги однихъ присвоиваютъ другимъ? Я, графъ, видя пристрастіе преосвященнаго къ людямъ его ордена, ихъ гордое обращеніе со мною, доходящее почти до невѣжества; видя похищеніе заслугъ и присвоеніе ихъ тѣмъ, которые нисколько не служили; видя слезы бѣлаго духовенства, извлекаемыя отшельниками отъ міра, желая лучше ничего не дѣлать, нежели дѣлать зло, началъ устраняться отъ сближенія съ преосвященнымъ, наказы котораго противосовѣстные стѣсняли свободу моей совѣсти. Преосвященный къ уничтоженію въ лицѣ моемъ всего бѣлаго духовенства и къ нарушенію Высочайшей воли предложилъ мнѣ послѣ сельскаго попа перейти въ городъ Троицкъ. Я, понимая, каедральнаго протоіерея, какъ защитника презрѣннаго и угнетеннаго бѣлаго духовенства, понимая по крайнему моему разумѣнію, что такое предложеніе самовластно, далъ ему отвѣтъ, который, вѣроятно, по его непріятной истинности скрытъ. Еще обращусь къ управленію: Благовѣщенскій женскій монастырь лишенъ существеннаго утѣшенія, поелику отъ надлежащаго надзора за построеніемъ храма

въ этомъ монастырѣ на сумму, завѣщанную г-жей Степановой и хранимую съ приращеніемъ въ мѣстномъ Приказѣ общественнаго призрѣнія, игуменья была удалена преосвященнымъ Іоанникиемъ, и этотъ надзоръ порученъ былъ безнравственному Стрѣлкову, моту и невоздержному. Когда игуменья Филарета отапортовала преосвященному Іоанникию о непрочномъ возведеніи дома Божія, преосвященный по своимъ какимъ-то видамъ приказалъ оставить вышеупомянутый рапортъ безъ всякаго вниманія. Куполъ церкви упалъ и церковь остается доселѣ въ развалинахъ, къ неизяснимой горести монастыря. Распоряженіями Іоанникия по построенію Ильинской церкви консисторія приведена была въ непріятное столкновеніе съ мѣстной строительной комиссіей и поставлена во враждебное положеніе съ г. Балкашинымъ, гражданскимъ губернаторомъ. Первымъ послѣдствіемъ чего была остановка постройки и совершенное прекращеніе добротныхъ пожертвованій на оную. Преосвященный Іоанникій, давъ обѣщаніе покойному Талызину, бывшему оренбургскому гражданскому губернатору, о перемѣщеніи протоіерея Агрова изъ города Бирска и не исполнивши своего обѣщанія, навлекъ на бѣлое духовенство гоненіе челоуѣка, въ свое время сильнаго, сопровождавшееся ужасными неустройствами. Когда въ уѣздѣ Челябинскомъ крестьяне возстали противъ мѣстныхъ властей, обманутые нелѣпыми слухами, Іоанникій оставался совершенно бездѣятельнымъ, между тѣмъ по ябедѣ бездушнаго попа бѣглеца, подкрѣпленной тѣмъ, о чемъ я стыжусь говорить, измучилъ священника Шмотина¹⁾ и довелъ его до смерти. Будучи недоволенъ приказаніемъ св. синода, чтобы преосвященный Михаилъ управлялъ епархіею оренбургскою во время увольненія его, Іоанникія, отъ такого управленія, онъ позволялъ себѣ многія интриги, и за возстаніе мое противъ этихъ интригъ, онъ началъ меня жестоко преслѣдовать. Крестьяне г-на Бенардаки, въ особенности моимъ тицаніемъ приведенные на нѣко-

¹⁾ Этотъ Шмотинъ оговоренъ былъ священникомъ Петровымъ и исправникомъ Челябинскаго уѣзда въ томъ, будто-бы онъ, вмѣстѣ съ священникомъ Милицынымъ, поддерживалъ возмущившихся казенныхъ крестьянъ Челябинскаго уѣзда въ вѣрованіи нелѣпыми слухамъ о передачѣ ихъ изъ казеннаго вѣдомства въ частное владѣніе какого-то Кульнева. Военный губернаторъ Обручевъ тотчасъ донесъ объ этомъ оберъ-прокурору св. синода. Обвиняемымъ прямо запрещено было священнодѣйствіе, наряжено слѣдствіе, они вызваны были въ пермской архіерейскій домъ; мѣста ихъ заняты другими священниками. Оказалось, что Шмотинъ не только не поддерживалъ волненія между означенными крестьянами, но выходилъ къ нимъ съ крестомъ и еще уговаривалъ ихъ, давалъ имъ изъ церковнаго архива для прочтенія указъ о сѣяніи картофеля, который (указъ) и былъ, между прочимъ, виною и началомъ всѣхъ послѣдующихъ волненій. Дознано было, что

тую степень сближенія съ правильнымъ священствомъ, имъ были разогорчены: онъ, давши имъ священника, ими избраннаго, или вѣрнѣе, ими принятаго по его-же рекомендаціи, потому что у этого священника жена раскольница,—этого Брѣва непрестанно вызывалъ въ Уфу и, вѣроятно, не выполнѣ достигая цѣли своихъ вызововъ, отстранилъ его самовластно отъ общества старообрядцевъ, въ которое, противъ правилъ о старообрядцахъ и единовѣрцахъ, самовластно рукоположилъ во священника ничтожнаго діакона по своимъ обычнымъ видамъ. Этому ново-рукоположенному и непринятому старообрядцами, что могъ предвидѣть преосвященный Іоанникій, дано хорошее мѣсто въ православномъ приходѣ. Слѣдствіемъ такихъ распоряженій, о причинѣ которыхъ я умолчу по уваженію къ святительскому сану, произошли многія неустройства. Священникъ Брѣвъ, какъ оказавшійся виновнымъ въ принятіи *исправы* (перепомазанія) по раскольническому обряду, подвергнутъ строжайшему осужденію по закону, но преосвященный Іоанникій, чѣмъ-то убѣжденный въ его правотѣ, далъ ему мѣсто при православной церкви, а нынѣ перевелъ его въ другое, лучшее. При обращеніи часовни города Уральска въ церковь, преосвященный Іоанникій допустилъ много распоряженій стѣснительныхъ, замѣченныхъ и св. синодомъ. Наконецъ, онъ новообращенныхъ ожесточилъ до того, что они совершенно оставили церковь; противъ Высочайшей воли, ихъ духовенство подчинилъ уральскому единовѣрческому благочинному Корчагину, по своимъ частнымъ видамъ. Разъѣздами своими по епархіи преосвященный Іоанникій заслужилъ невыгодное имя даже между иновѣрцами—татарами и другими,—возстановилъ противъ себя всѣ причты, довелъ себя до такого униженія, что нѣкоторые изъ священниковъ называли его въ глаза и грабителемъ, и человѣкомъ безнравственнымъ, и о подобныхъ оскорбленіяхъ лицу своему доселѣ молчитъ. Подобныя оскорбленія, или сцены самыя грубыя происхо-

эта клевета затѣяна была сослуживцемъ Шмотина, Петровымъ, который, испугавшись возмущенія крестьянъ, убѣжалъ не только изъ своего села, но даже и изъ своей епархіи. Преосвященный Іоанникій дѣйствительно велъ себя въ этомъ дѣлѣ такъ, что можно было легко замѣтить какое-то снисхожденіе къ Петрову; въ рапортахъ своихъ синоду онъ называлъ Петрова не злобнымъ доносителемъ, а малодушнымъ, который для своей защиты берется за все безразсудно. Св. синодъ назначилъ Шмотину другое священническое мѣсто, взамѣнъ прежняго. Но бѣднѣе отъ сильнаго пораженія горемъ лишился употребленія руки, ноги и языка и наконецъ умеръ (См. въ св. синодѣ дѣло 1843 года, подъ № 480, о священникахъ Іоаннѣ Милицынѣ и Іоаннѣ Шмотинѣ, оговоренныхъ въ участіи съ возмущившимися крестьянами Челябинскаго уѣзда).

дили у него и со священникомъ Алфеевымъ, нынѣ умершимъ священникомъ Евлампіевымъ и другими. Къ сокрытію всѣхъ этихъ сценъ преосвященный Іоанникій имѣлъ свои причины. Жена пьянаго его племянника, любимая Іоанникіемъ, позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ управленіе епархіею: она, лишенная всякаго образованія, на площадяхъ рассказываетъ, кто ея дядею назначенъ къ повышенію, или пониженію. Левковскій, священникъ села Березовки, родственникъ Іоанникію, женатый по избранію Іоанникія на дочери богатаго священника, чувствуя себя отравленнымъ, писалъ къ родному племяннику Іоанникію, Василю Образцову, не одно письмо, съ присовокупленіемъ ходатайства о различныхъ лицахъ у преосвященнаго Іоанникія, о доставленіи ему помощи противъ отравы. Преосвященный Іоанникій своему племяннику объ этихъ письмахъ велѣлъ умолчать по своимъ-же видамъ. Преосвященный Іоанникій ссорить членовъ консисторіи для ихъ обезсиленія; входитъ въ дружескія и довѣренныя совѣщанія съ приказнослужителями, каковою его фамиліарностію приказнослужители доведены до дерзкаго неповиновенія. Имъ все низведено на степень какой-то вульгарности: пѣніе дурно, соборная ризница истощена, сослужащіе съ нимъ по засаленнымъ облаченіямъ похожи болѣе на блинниковъ, чѣмъ на священниковъ; Іоанникій сумму на заведеніе соборной ризницы и на поправку старой удерживаетъ у себя, или въ своемъ архіерейскомъ домѣ. У насъ все продажно: мы продаемъ антимины по 15 рублей, что съ понятіями о производствѣ на высшія духовныя степени производитъ совершенный соблазнъ въ народѣ. Мы со всѣми ссоримся: преосвященный Іоанникій это дѣлаетъ по охотѣ, а прочіе по неволѣ, поелику и пишемся нижайшими послушниками его преосвященства и рекомендуемъ способными къ послушанію, въ тонѣ монашескаго безусловнаго повиновенія вышнимъ. Итакъ, графъ, чѣмъ мы виноваты, что грѣшимъ своимъ повиновеніемъ облеченному властію, почти неприкосновенною, грѣшащему такъ, что въ этомъ подвигѣ съ нимъ никто и сравниться не можетъ.

«Графъ! примите это письмо снисходительно, какъ на-скоро написанное. Я буду вамъ писать отчетливо, я объясню всю ложь, которую безстыдно доводятъ до св. синода, какъ истину. Я вамъ открою, что я былъ поборникомъ правды по моимъ силамъ, сжатый всегда могущественнымъ саномъ архіерейскимъ; можетъ быть, успѣю доказать, что мною не управляемъ былъ Іоанникій, что все то, что сколько-нибудь согласно было съ совѣстію и здравымъ смысломъ и съ желаніемъ общаго добра, есть собственность моя, а прочее долженъ принять на свою долю тотъ, кто,

смѣю вамъ сказать, и не рожденъ для того, чтобы, что-нибудь понимать, кромѣ собственныхъ интересовъ» ¹⁾).

IV. Ревизія тифлисской семинаріи.

Хотя ревизія семинаріи не составляетъ ревизіи епархіальнаго управленія, тѣмъ не менѣе мы отнесли ее къ отдѣлу послѣднихъ, по слѣдующимъ обстоятельствамъ, вызвавшимъ эту ревизію, сопровождавшимъ ее и за нею послѣдовавшимъ: 1) лицо, бывшее причиною ревизіи тифлисской семинаріи, состояло въ особыхъ, близкихъ отношеніяхъ къ экзарху и, злоупотребляя его къ себѣ довѣренностью и любовью, до такой степени связало свою судьбу съ его судьбою, что жалоба и нападеніе на одного были жалобою и нападеніемъ на другого. 2) Въ то самое время, когда къ графу Пратасову поступила отъ учениковъ тифлисской семинаріи жалоба на инспектора Порфирія, вслѣдствіе которой состоялась и самая ревизія семинаріи, исправлявшій тогда должность прокурора тифлисской синодальной канторы Дмитріевъ донесъ тому-же Пратасову, что въ поступкахъ, въ которыхъ ученики обвиняютъ своего инспектора, учаается и экзархъ. 3) Ревизія тифлисской семинаріи имѣла явною цѣлью изслѣдованіе поступковъ ея инспектора, а тайною повѣрку дѣйствій экзарха. 4) Результатъ этой ревизіи былъ неблагопріятенъ сколько для Порфирія, столько-же и для экзарха. Однимъ словомъ, ревизія тифлисской семинаріи

¹⁾ См. въ св. синодѣ секретное дѣло по доносу протоіерея Уфимскаго кафедральнаго собора Субботина о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по епархіальному управленію въ Оренбургской губерніи; началось 14-го января 1849 года. Доносъ Субботина признанъ св. синодомъ голословнымъ, выражающимъ стремленіе чернить своего архіерея, ибо въ доносѣ его помѣщены многія изъ такихъ обстоятельствъ, которыя относятся къ давнему времени, были въ виду св. синода и обсужены окончательно и которыхъ посему повторять не было никакой надобности. «Св. синодъ, такъ говорится въ синодальномъ указѣ, имѣя все сіе въ виду и принявъ во вниманіе, что протоіерей Субботинъ наполнилъ извѣстъ свой укоризнами не только на счетъ преосвященнаго, но и на все высшее монашествующее духовенство, и, сверхъ того, дозволилъ себѣ употребить въ ономъ такіа выраженія, которыя показываютъ въ немъ преобладающій духъ противленія и непокорности установленной надъ нимъ власти, заключилъ, что протоіерей Субботинъ, при такомъ несвойственномъ священнослужителю образѣ мыслей, неблагонадеженъ къ дальнѣйшему прохожденію занимаемыхъ имъ нынѣ должностей настоятеля кафедральнаго собора и члена консисторіи, и вслѣдствіе того опредѣляетъ: перевести его въ сосѣдственную съ оренбургскою вятскую епархію для опредѣленія на священническое мѣсто по усмотрѣнію преосвященнаго».

была вмѣстѣ и ревизією мѣстнаго епархіальнаго управленія. Если синодъ и отдѣлялъ дѣло Порфирія отъ дѣла экзарха, то не такъ смотрѣлъ на это графъ Пратасовъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ извѣстнымъ даннымъ. Вотъ причины, по которымъ ревизія тифлисской семинаріи заняла мѣсто въ отдѣлѣ ревизій епархіальныхъ управленій. Впрочемъ, самымъ лучшимъ оправданіемъ этому послужить изложеніе самой ревизіи.

Система управленія въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ никогда не отличалась мягкостью и кротостью; напротивъ, въ ней постоянно господствовали жестокость и суровость; власть въ этихъ заведеніяхъ, большею частью, понималась какъ право наказывать и карать, а не миловать, и потому внушала страхъ и трепеть, а не любовь и довѣріе. Подобная-же система управленія имѣла мѣсто и въ тифлисской семинаріи, съ тою только разницею, что она здѣсь достигла крайнихъ предѣловъ своего развитія ¹⁾; а между тѣмъ ни въ одной семинаріи она не была такъ неумѣстна, какъ въ тифлисской, и по недавнему ея учрежденію, и по особенному характеру ея воспитанниковъ, еще не привыкшихъ къ формамъ и дисциплинѣ нашихъ семинарій. Къ чести нѣкоторыхъ лицъ, начальствовавшихъ въ тифлисской семинаріи, нужно сказать, что они не одобряли этой системы, по крайней мѣрѣ, не прибѣгали къ ней при вся-

¹⁾ Приводимъ здѣсь наивное оправданіе игумена Порфирія на обвиненіе его въ жестокомъ обращеніи съ учениками тифлисской семинаріи, какъ доказательство господствующаго въ нашихъ семинаріяхъ воззрѣнія на систему воспитанія. «Я, говоритъ Порфирій въ объясненіи своемъ, пользуясь правомъ родителей, въ крайней нуждѣ, примѣняясь къ возрасту, классу и важности проступковъ, наказывалъ виновныхъ въ духѣ отеческомъ розгами; каковое наказаніе употребляемо было и прежними инспекторами; да и въ какихъ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ такая мѣра наказанія не употребляется? Это не было бесполезно и здѣсь до того времени, когда злоба неблагонамѣренныхъ людей и нѣкоторыхъ учениковъ не перетолковала таковыхъ наказаній въ худую сторону, называя оныя неумѣстными, строгими и даже жестокими. ... Мѣры, употребляемыя мною, были соединены съ отеческою любовію къ ученикамъ, какъ къ дѣтямъ своимъ, именно: лишеніе обѣда, стояніе на колѣняхъ въ столовой во время обѣда или ужина, содержаніе въ карцерѣ отъ 3-хъ до 8 часовъ, но на цѣлый день, особенно на ночь, никогда не простиралось, а иногда, но весьма рѣдко (?), учениковъ низшаго отдѣленія, за неуваженіе къ учителямъ и за проступки, требующіе большаго наказанія, слегка наказывалъ розгами, имѣя въ виду примѣръ первосвященника Ілія, и помня слова мудрейшаго изъ царей: «Розги и наказаніе дѣлаютъ людей умными который бо есть сынъ, его же не наказуетъ отецъ? (Евр. XII. 7). Любяй сына своего, да участитъ ему раны (Сирах. X.X.X.)». (См. въ св. синодѣ дѣло подъ № 122 по жалобѣ ученика тифлисской семинаріи Давида Тинникова на жестокое обращеніе съ нимъ инспектора той семинаріи, игумена Порфирія, и приложеній къ нему часть 2-ю, стран. 154—155, 56—57).

комъ случаѣ, и вина какъ введенія, такъ и особеннаго ея развитія въ тифлисской семинаріи, главнымъ образомъ падаетъ на ея инспектора, игумена Порфирія, и на покровителя его, экзарха Грузіи Евгенія. Въ интимной связи, существовавшей между этими двумя лицами и начавшейся уже давно, есть что-то таинственное. Еще будучи ректоромъ костромской семинаріи, Евгеній приблизилъ къ себѣ одного мальчика семинариста и оказывалъ ему особенное свое расположеніе. Въ 1830 году Евгеній назначенъ былъ епископомъ въ Тамбовъ. Отправляясь туда, онъ не хотѣлъ разстаться съ своимъ любимцемъ-семинаристомъ и вывезъ его изъ Костромы въ Тамбовъ, гдѣ онъ окончилъ семинарскій курсъ и получилъ мѣсто учителя Тамбовскаго уѣзднаго училища. Послѣ кратковременнаго управленія тамбовскою епархією, Евгеній былъ переведенъ въ Минскъ; любимецъ его переѣхалъ туда-же и занялъ постъ высшій, сравнительно съ прежнимъ, постригся въ монашество, произведенъ въ іеромонахи и сдѣланъ смотрителемъ минскихъ духовныхъ училищъ. Въ 1834 г. Евгеній назначенъ экзархомъ Грузіи, а въ 1835 г. является Порфирій, уже въ санѣ игумена, инспекторомъ и учителемъ тифлисской семинаріи. Черезъ нѣсколько времени по прибытіи, онъ былъ также назначенъ членомъ осетинской комиссіи и попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія тифлисской епархіи. Съ расширеніемъ круга его дѣятельности, росло и его вліяніе на духовныя дѣла въ экзархатѣ, и онъ вскорѣ сталъ играть здѣсь роль временщика, тѣмъ болѣе нестерпимаго, что по своему характеру былъ и грубъ, и подлъ. Не касаясь его вліянія вообще на духовное управленіе въ экзархатѣ, мы ограничимся здѣсь изображеніемъ его вліянія на дѣла семинаріи, въ которой онъ захватилъ въ свои руки всѣ должности: онъ былъ въ ней и ректоромъ, и экономомъ, и секретаремъ, и библіотекаремъ, и по всѣмъ этимъ должностямъ имѣлъ самое зловредное вліяніе. Пользуясь неограниченною довѣренностью и необыкновенною любовью экзарха, у котораго онъ обѣдалъ почти каждый день и просиживалъ за полночь, Порфирій сдѣлался главнымъ начальникомъ тифлисской семинаріи и совершенно отстранилъ отъ управленія ректора, который, больной душою и тѣломъ, безхарактерный, кроткій, запуганный экзархомъ, долженъ былъ уступить ему свои права ¹⁾. Самое пребываніе ректора внѣ семинаріи, въ монастырѣ, находящемся въ значительномъ отъ нея отдаленіи, какъ

¹⁾ Вотъ официальный отзывъ о Сергіи, сдѣланный въ одномъ рапортѣ синоду экзархомъ Грузіи: «Архимандритъ Сергій, по своимъ болѣзненнымъ припадкамъ иногда впадая въ задумчивость, забываетъ то, о чемъ было словесно разсуждаемо въ присут-

нельзя лучше содѣйствовало усиленію власти инспектора и расширенію ея за должные предѣлы. Инспекторъ самовластно и самъ собою распоряжался въ тѣхъ случаяхъ, которые могли быть рѣшаемы только правленіемъ, или, по крайней мѣрѣ, словеснымъ совѣщаніемъ съ ректоромъ. Резолюціи и опредѣленія составлялись инспекторомъ и все въ правленіи (семинарскомъ) дѣлалось по его мысли и волѣ; если-же иногда кто-нибудь изъ членовъ правленія осмѣливался возражать и противорѣчить Порфирію, то дерзновенный получалъ отъ него обыкновенно въ отвѣтъ: «Такъ приказано рѣшить это дѣло преосвященнымъ экзархомъ» и смѣлчакъ послѣ этого прикусывалъ языкъ. Дѣйствія его, какъ инспектора, ознаменованы были жестокостью и безчеловѣчіемъ: онъ сѣгъ мальчиковъ почти за всякій проступокъ, билъ ихъ даже до крови и въ запальчивости способенъ былъ заколотить до полусмерти; въ то-же время былъ пристрастенъ, несправедливъ, мстителенъ, имѣлъ любимцевъ и наущниковъ. Но несмотря на это жестокое обращеніе съ учениками, нравственное состояніе тифлисской семинаріи было далеко незавидное; инспектура Порфирія была близорукая и самая узкая: ученики не отличались трезвостью, и даже подъ носомъ инспектора развилось много гнусныхъ пороковъ ¹⁾. Жадный и корыстолюбивый, подозрѣваемый во взяточничествѣ ²⁾, одаренный особенными экономическими способностями, Порфирій совершенно завладѣлъ должностью эконома и предоставилъ лицу, официально носившему это званіе, только подписываться подъ бумагами и закупать дрова, въ которыхъ, по климатическому положенію, была самая ничтожная потребность. Семинарское хозяйство подъ его управленіемъ велось самымъ безотчетнымъ и скареднымъ образомъ: всѣ закупки производились безъ опредѣленія правленія семинаріи, въ которое, по окончаніи каждаго мѣсяца, подавались записки съ требованіемъ уплаты тѣмъ лицамъ, у которыхъ забраны были припасы; пища давалась ученикамъ не надлежащей доброты: говядина бывала тухлая, сыръ съ червями, масло горькое до

ствіи конторы» (см. рапортъ экзарха въ дѣлѣ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода подъ № 2037 объ исполненіи конторою журналовъ ея, безъ сообщенія оныхъ на прокурорскій просмотръ).

¹⁾ См. въ духовно-учебномъ управленіи при св. син. дѣло по отношенію прокурора грузино-имеретинской синодальной конторы. Здѣсь-же и о ревизіи оной по сему случаю, № 122, 1843 г.

²⁾ См. въ приб. къ дѣлу о Тинниковѣ, ч. II, стр. 186—187, гдѣ между прочимъ Мелитонъ Ооминъ показалъ, что Порфирій взялъ съ ученика Матафьева лошадь и довольно большой бурдюкъ вина.

того, что ученики страдали кровавою рвотою; нѣкоторые изъ воспитанниковъ, по недостатку кроватей, должны были спать по-двое на одной. Какъ наставникъ, Порфирій былъ самый плохой: преподаваніе его ограничивалось чтеніемъ по книгѣ и потомъ выслушиваніемъ по ней отвѣтовъ учениковъ. Негодный какъ начальникъ и наставникъ, онъ въ то-же время былъ и самымъ дурнымъ товарищемъ между сослуживцами: надменный любовью къ себѣ экзарха, онъ гордо и дерзко обращался съ ними и всегда говорилъ какъ-то повелительно; секретари семинарскаго правленія, имѣвшіе по своей должности болѣе случаевъ къ столкновеніямъ съ нимъ, отъ его дерзкихъ выходокъ выходили въ отставку послѣ самаго короткаго срока своей службы. Экзархъ зналъ о всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ своего любимца, но не останавливалъ его, а напротивъ какъ-бы поощрялъ, обращаясь подобнымъ-же образомъ съ подчиненнымъ ему духовенствомъ и преслѣдуя тѣхъ, которые осмѣливались возвышать свой голосъ противъ инспектора. Бѣдные воспитанники съ покорностію переносили жестокое обращеніе съ собою инспектора и, вѣроятно, никогда не подумали-бы открыто возстать противъ этого, еслибы не подали сигнала къ возстанію нѣкоторые изъ наставниковъ семинаріи и постороннихъ лицъ. Наставники, постоянно оскорбляемые грубымъ и наглымъ обращеніемъ Порфирія, болѣе и болѣе вооружались противъ него; злоба противъ инспектора росла въ нихъ вмѣстѣ съ глубокимъ презрѣніемъ къ его невѣжеству. Глухая, затаенная ненависть къ нему искала только случая обнаружиться явнымъ и открытымъ взрывомъ. Къ наставникамъ присоединились, по своимъ особеннымъ побужденіямъ: исправлявшій должность прокурора тифлисской синодальной конторы Дмитріевъ и бывший инспекторъ тифлисской семинаріи Дроздовъ. Дмитріевъ въ нападеніи на Порфирія видѣлъ случай еще разъ поразить экзарха, съ которымъ несогласіе у него дошло уже до бумажной переписки и сдѣлалось извѣстнымъ и синоду, и оберъ-прокурору ¹⁾. Дроздовъ ненавидѣлъ Порфирія, какъ своего преемника: ему пріятно было под-

¹⁾ Экзархъ тайно жаловался св. синоду на Дмитріева за то, будто-бы онъ укорительными словами выражался о присутствіи тифлисской синодальной конторы. Дмитріевъ, съ своей стороны, не пропускалъ нѣкоторыхъ журнальных статей синодальной конторы, по его мнѣнію противозаконныхъ, и жаловался оберъ-прокурору св. синода, что присутствіе синодальной тифлисской конторы запретило выдавать ему копій съ непропущенныхъ статей (см. въ канцеляріи оберъ-прокурора дѣло 1840 г., подъ № 2041, о медленности въ составленіи по синодальной конторѣ журналовъ, и дѣло 1840 г., подъ № 2047, объ исполненіи конторою журналовъ, безъ сообщенія оныхъ на прокурорскій просмотръ).

мѣчать и выводить наружу недостатки Порфирія и, такимъ образомъ, давать другимъ возможность сравнивать характеръ и образъ инспектуры Порфирія съ своею собственною. Дроздовъ, чтобы лучше слѣдить за дѣйствіями Порфирія, нарочно нанялъ для себя квартиру близъ семинарскаго дома, входилъ въ разговоры съ учениками семинаріи объ ихъ инспекторѣ и отъ нихъ узнавалъ о всѣхъ его дѣйствіяхъ. Общая антипатія названныхъ лицъ къ Порфирію скоро облизала ихъ другъ съ другомъ и между ними образовалось нѣчто въ родѣ союза. Къ побужденіямъ личнымъ, довольно эгоистическимъ, соединившимъ этихъ людей въ общей ненависти къ Порфирію, какъ кажется, превосходили побужденія и болѣе благородныя и возвышенныя: состраданіе къ ученикамъ, угнетеннымъ инспекторомъ, и ненависть къ его жестокости и самоуправству. По крайней мѣрѣ, одно изъ этихъ лицъ, именно преподаватель Иоселіани, видѣлъ въ Порфиріи тирана своихъ соотечественниковъ ¹⁾. Какъ-бы то ни было, только партія недовольныхъ Порфиріемъ ждала удобнаго случая, чтобы напасть на него. Отношенія Дмитриева къ экзарху и наставниковъ семинаріи къ Порфирію становились съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе напряженными. Ученики семинаріи, знавшіе объ этихъ отношеніяхъ частью отъ самихъ наставниковъ, а частью отъ Дроздова, съ одной стороны болѣе и болѣе теряли терпѣніе, съ другой, подстрекаемые Дроздовымъ, увѣренныя въ поддержкѣ наставниковъ, ненавидѣвшихъ Порфирія, дѣлались смѣлѣе и поползновеннѣе къ жалобамъ на Порфирія. Экзархъ и любимецъ его имѣли страсть бить своеручно и, притомъ жестоко; на этомъ-то и вздумала уловить ихъ враждебная имъ партія. 18-го февраля 1840 года одинъ изъ учениковъ тифлисской семинаріи, Давидъ Тинниковъ, пошелъ изъ семинарскаго дома въ гости къ своему товарищу Лонгину Борису, жившему на наемной квартирѣ: вечеромъ онъ возвратился домой, но нетрезвый, и, пришедши въ свою комнату, легъ спать. Инспекторъ Пор-

¹⁾ См. прибавл. къ дѣлу о Тинниковѣ, ч. II, стр. 155, гдѣ Порфирій въ объясненіи своемъ пишетъ, что одинъ изъ возмущившихся учениковъ, именно Григорій Павліевъ, былъ родственникъ Иоселіани. См. также тамъ-же стр. 116, гдѣ инспекторъ тифлискихъ духовныхъ училищъ Павлинскій въ объясненіи своемъ слѣдственной комиссіи пишетъ, что Иоселіани, въ квартирѣ Дроздова, когда зашла рѣчь объ ученикахъ тифлисской семинаріи, въ разговорѣ произнесъ слѣдующія слова: «Въ самомъ дѣлѣ, къ чему такіа нападки на учениковъ? Я никакъ не согласенъ на мнѣніе нѣкоторыхъ членовъ семинарскаго правленія; я подамъ отзывъ въ семинарское правленіе, протестъ противъ строгости наказаній, опредѣляемыхъ ученикамъ. Я по долгу моему буду стараться объ облегченіи наказаній: они мои соотчичи. И дѣйствительно поступлю безсовѣстно, противъ правилъ любви къ отечеству, если соглашусь на опредѣленіе строгаго наказанія».

фирій, осматривая того-же дня вечеромъ комнаты, заняты семинаристами, вошелъ въ ту, гдѣ спалъ Тинниковъ, который былъ въ ней старшимъ, и, замѣтивъ одного ученика, по фамиліи Татіева, пьянымъ, пришелъ въ такой гнѣвъ, что началъ бить его по щекамъ, таскать за волосы, волочить по полу и топтать ногами, а въ заключеніе высѣкъ его до крови. Тинниковъ во все время этой сцены лежалъ на своей кровати и спалъ. Но Порфирію показалось, что онъ притворяется только спящимъ и это еще болѣе его взбѣсило: въ азартѣ онъ бросился къ Тинникову съ такими, словами: «Такъ-то у васъ все скрытно!» и началъ бить его по щекамъ и таскать за волосы. Тинниковъ свалился на полъ съ кровати; у него хлынула кровь изъ носу и рта и запятнала его рубашку и полъ. Нападеніе инспектора было такъ быстро, что Тинниковъ въ первую минуту не могъ придти въ себя; но лишь только онъ опаматовался, какъ быстро вскочилъ съ пола и закричалъ въ бѣшенствѣ Порфирію: «Здѣсь не Россія, а Грузія!» Инспекторъ еще продолжалъ стращать его отдачею въ солдаты, но грозная мина Тинникова, который былъ юноша довольно рослый и здоровый ¹⁾, испугала Порфирія, и онъ бросился вонъ изъ комнаты; черезъ нѣсколько времени онъ вернулся въ нее уже со сторожами, чтобы связать Тинникова и посадить въ карцеръ. Но Тинниковъ, схвативъ желѣзную кочергу, грозилъ разможжить ею голову первому, кто осмѣлится подойти къ нему. Угроза подѣйствовала на инспектора и сторожей: они оставили Тинникова въ покоѣ и удалились изъ его комнаты. Тинниковъ, по удаленіи инспектора, выбѣжалъ на улицу и хотѣлъ куда-то идти, но былъ остановленъ своими товарищами и возвратился въ комнату. Между тѣмъ Порфирій, испуганный-ли неожиданнымъ отпоромъ, обнаружившимся между семинаристами въ лицѣ Тинникова, или желая соблюсти формальность, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, поѣхалъ къ ректору семинаріи съ доносомъ о буйствѣ Тинникова. Ректоръ пріѣхалъ въ семинарію въ половинѣ девятаго часа вечера и хотѣлъ видѣть Тинникова, но инспекторъ не допустилъ его, сказавши, что Тинниковъ уже спитъ. Окровавленный полъ въ ту-же ночь былъ тщательно вымытъ. На другой день Тинниковъ призванъ былъ въ присутствіе семинарскаго правленія, гдѣ онъ, рассказавъ о случившемся съ нимъ вчерашнемъ происшествіи, въ заключеніе прибавилъ, что «и змѣи не жалаятъ спящихъ». Послѣ этого онъ былъ посаженъ въ карцеръ на три дня ²⁾.

¹⁾ Тинниковъ по происхожденію былъ *Пшавецъ*, изъ полудикихъ горскихъ племенъ (см. мнѣніе экзарха въ приложеніи къ дѣлу Тинникова, стр. 5, на оборотѣ).

²⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1840 г., № 122, по жалобѣ ученика тифлисской се-

Событіе съ Тинниковымъ и Татіевымъ послужило для учениковъ началомъ къ явному возстанію противъ возмутительныхъ дѣйствій инспектора, а вмѣстѣ прекраснымъ случаемъ для враговъ его къ нападенію на него. Въ семинаріи между учениками и наставниками началось необыкновенное движеніе. Ученики сгруппировались въ одну партію подъ тайнымъ водительствомъ Дроздова, Иосселиани и другихъ наставниковъ; отъ имени Тинникова было послано прошеніе къ графу Пратасову о жестокостяхъ Порфірія, которое прошло чрезъ редакцію Дроздова; подъ прошеніемъ подписалось 35 учениковъ, частью по собственному желанію, частью по убѣжденію Тинникова; нѣкоторые-же были принуждены къ подписи угрозами, или склонены обманомъ. Тинниковъ въ своемъ прошеніи, описавъ жестокой съ нимъ поступокъ инспектора и тщательно скрывъ обстоятельства, невыгодныя для его репутаціи, какъ-то: нетрезвость и дерзкія слова, сказанныя Порфірію, доносилъ Пратасову, что «еслибы было изслѣдовано, въ какомъ бѣдственномъ положеніи содержатся казеннокоштные воспитанники, то было-бы узнано о такихъ жестокостяхъ и неприличномъ обращеніи, которыя можно видѣть только между рабами злаго владѣльца. Одинъ страхъ удерживаетъ учениковъ семинаріи отъ жалобъ на инспектора, покровительствуемаго экзархомъ. Отъ лица всѣхъ воспитанниковъ смѣю представить вашему сіятельству, что отъ настоящаго инспектора, если онъ еще надолго останется, здѣшняя семинарія можетъ совершенно разстроиться. Мы не привыкли до его пріѣзда видѣть, чтобы съ воспитанниками гдѣ-либо въ Грузіи было поступаемо такъ безчеловѣчно, жестоко и несправедливо, какъ съ нами онъ поступаетъ. Тѣмъ болѣе поразительно для насъ, что нашъ начальникъ, лицо духовное, бьетъ собственноручно своихъ питомцевъ до окровавленія, безъ всякой вины.

«Ваше сіятельство! я не смѣю докладывать о способѣ преподаванія инспекторомъ предмета церковной исторіи. Доселѣ мы еще не слышали ни разу, чтобы онъ хотя что-нибудь объяснилъ ученикамъ.

«Предполагая, что мечь инспектора на меня не ограничится сдѣланными мнѣ побоями и полагая одну надежду и защиту у вашего сіятельства, приѣмлю смѣлость всенижайше просить ваше сіятельство обратить благосклонное вниманіе на сіе дѣло и войти въ жалкое положеніе учениковъ здѣшней семинаріи и воззрѣть на насъ окомъ милости, а меня, если

минаріи Давида Тинникова на жестокое обращеніе съ нимъ инспектора той семинаріи, игумена Порфірія, и при этомъ дѣлѣ два приложенія, заключающія въ себѣ слѣдственное дѣло по жалобѣ Тинникова.

сей инспекторъ будетъ здѣсь, вовсе уволить изъ духовнаго званія съ надлежащимъ аттестатомъ, потребоуя отъ правленія тифлисской семинаріи и свѣривъ его съ отмѣтками въ вѣдомостяхъ, съ самаго вступленія моего въ училище, выдать мнѣ для вступленія въ службу по свѣтской части, чтобы тѣмъ доставить способъ къ содержанію».

Въ заключеніе своего прошенія Тинниковъ прибавилъ: «А что все это справедливо, въ томъ свидѣтельствуемъ собственноручнымъ подписомъ, и что вся семинарія находится въ смятеніи отъ жестокости инспектора; льется кровь учениковъ по всей семинаріи; часто предъ портретомъ Государя Императора ученики семинаріи безпощадно наказываются, предъ образами, гдѣ для нихъ инспекторъ совершаетъ всенощную»¹⁾. Дмитріевъ радовался въ душѣ этому пробужденію недовольства въ ученикахъ противъ инспектора и чрезъ Дроздова даже ободрялъ ихъ; въ то-же время онъ не могъ не воспользоваться случаемъ, чтобы, донося оберъ-прокурору св. синода, по обязанности своей, о поступкѣ Порфирія съ Тинниковымъ, не упомянуть о виновности въ подобныхъ-же дѣйствіяхъ и самого экзарха; такимъ образомъ, Дмитріевъ дѣло Порфирія тѣсно связывалъ съ дѣломъ экзарха. Рапортъ Дмитріева Пратасову былъ слѣдующаго содержанія: «Дошло въ частности до моего свѣдѣнія о неприличныхъ дѣйствіяхъ инспектора тифлисской семинаріи игумена Порфирія, включительно о дракѣ его, произведенной двумя ученикамъ въ семинаріи, и что подробности объ ономъ изложены учениками, якобы въ посланномъ чрезъ почту къ вашему сіятельству прошеніи; по видимости, для сохраненія порядка, подали жалобу и къ преосвященному экзарху, остающуюся и по нынѣ безъ дѣйствія. За симъ мнѣ не остается ничего болѣе пояснить, какъ только то, что если по упомянутому обстоятельству будетъ произведено по волѣ высшаго начальства законное слѣдствіе, и по которому, вѣроятно, игумень Порфирій не останется неподлежащимъ наказанію: то, по нахожденію его подъ близкимъ покровительствомъ нынѣшняго преосвященнаго экзарха Грузіи, можетъ породиться поводъ къ жалобамъ въ подобныхъ-же непозволительностяхъ и на самаго преосвященнаго, и кои, какъ мнѣ извѣстно, въ случаѣ обслѣдованій, едва-ли не подтвердятся, ибо они производились и съ немалыми неосторожностями, т. е. при тѣхъ, кои могутъ свидѣтельствовать. Таковая непозволительность была произведена преосвященнымъ экзархомъ, какъ до свѣдѣнія моего доходило, и въ концѣ прошедшей недѣли, о чемъ, при всей непріятности даже слышать, не смѣю умолчать предъ вашимъ сіятельствомъ, тѣмъ болѣе, что все то выходитъ

¹⁾ См. слѣдственнаго дѣла по жалобѣ Тинникова ч. I, стр. 4—7.

въ огласку народа и что я уже имѣлъ честь о подобномъ-же объяснять вашему сіятельству въ рапортѣ своемъ 22-го минувшаго февраля за № 50»¹⁾. Изъ рапорта Дмитріева видно, между прочимъ, что Тинниковъ, для соблюденія формальности, подалъ жалобу на Порфирія и экзарху. Вслѣдъ за этимъ подана была имъ жалоба семинарскому правленію, а потомъ и Дмитріеву, какъ прокурору синодальной канторы, которая уже содержала въ себѣ обвиненія не только Порфирія, но и всего семинарскаго начальства. Описавъ притѣсненія, претерпѣваемыя имъ отъ инспектора, ябеды и клеветы, взведенныя на него изъ угожденія Порфирію экономомъ семинаріи, и отказъ въ защитѣ, сдѣланный ему членами правленія, Тинниковъ въ концѣ прошенія говоритъ: «Видя, что месть инспектора на меня съ каждымъ днемъ усиливается, ибо онъ находится подъ защитою экзарха, и не видя никакого доселѣ удовлетворенія ни отъ правленія, ни отъ экзарха, на мое прошеніе, поданное 4-го марта о томъ, что инспекторъ прибилъ меня; не надѣясь также отъ его сіятельства г. оберъ-прокурора св. синода скорого разрѣшенія на мое прошеніе, по отдаленности края, вынужденнымъ нахожусь искать защиты у вашего высокоблагородія, всенижайше просить васъ обратить благосклонное вниманіе на стѣснительное мое положеніе, оказать милость, защитить меня отъ угнетенія и нападенія начальства»²⁾. Примѣръ Тинникова былъ заразителенъ; вслѣдъ за его жалобою получены были Дмитріевымъ жалобы на инспектора отъ двухъ еще учениковъ: Татіева и Мамацова, и, наконецъ, графомъ Пратасовымъ отъ 27-ми, въ числѣ коихъ 12 было изъ подписавшихся подъ прошеніемъ Тинникова, а 15 новыхъ³⁾. Такое движеніе не могло не по-

¹⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прок. св. синода дѣло 1840 года, подъ № 265, по доношенію исправляющаго должность прокурора грузино-имеретинской синодальной канторы о неприличныхъ дѣйствіяхъ инспектора тифлисской семинаріи, игумена Порфирія, и самого экзарха Грузинъ.

²⁾ См. слѣдств. дѣла по жалобѣ Тинникова ч. I, стр. 10—13.

³⁾ Вотъ эти прошенія: 1) прошеніе Татіева: «Сего 1840 г. апрѣля 18-го числа я, выѣстъ съ старшимъ моимъ, ученикомъ богословія Тинниковымъ, былъ уволенъ къ ученику богословія Лонгину Борису. Пообѣдавъ у него, мы вышли; Тинниковъ прямо ушелъ домой, а я пошелъ къ брату моему, для узнанія домашняго обстоятельства. Не заставъ брата въ квартирѣ, я пошелъ въ семинарію и часомъ позже Тинникова пришелъ. Взошедши въ комнату, я вижу весь полъ окровавленнымъ и учениковъ трясушихся отъ страха. Спрашивалъ я учениковъ: что это значитъ? Они, не говоря о происшествіи, только совѣтуютъ удалиться отъ взоровъ жестокаго инспектора, а то въ противномъ случаѣ убьютъ меня. Имѣя чистую совѣсть, я имъ отвѣчалъ: «Для чего онъ убьетъ меня? Я былъ уволенъ имъ самимъ». «Да, такъ, они отвѣчали; кажется, и Тинниковъ былъ уволенъ инспекторомъ, на это кровь его, и онъ, т. е. инспекторъ, такъ былъ озлобленъ, что ежели-бы могъ, убилъ-бы до смерти, а тебя, какъ меньшаго, кула-

ражать экзарха и Порфирія. Послѣдній, понявъ теперь всю опасность своего положенія, предлагалъ было Тинникову мировую; но когда это не удалось, тогда онъ прибѣгъ къ другой мѣрѣ: началъ хлопотать объ уменьшеніи числа возставшихъ противъ него учениковъ и при этомъ употре-

ками убѣтъ». На другой день призываетъ меня въ правленіе; призвавъ сторожей, запираетъ дверь семинарскаго правленія и, поваливъ меня, бьетъ меня розгами дотолѣ, покамѣстъ я отъ крика и испуга и въ отчаяніи замолчалъ и не могъ уже чувствовать. Едва пришедши въ чувство, я всталъ и поспѣшно удалился. Взошедши въ комнату, я не могъ сидѣть ни на минуту заднею; почему я отъ стыда принужденъ былъ удалиться изъ семинарскаго дома въ одну ночь, чтобы, поправясь гдѣ-нибудь, я могъ здоровымъ явиться въ семинарію; ибо я такъ былъ изуродованъ, что едва остановилъ кровь, происшедшую отъ розогъ. На другой день семинарское правленіе присылаетъ сторожа и съ великимъ трудомъ дошелъ до семинаріи (sic) и за отсутствіе я осужденъ стоять на колѣняхъ во время обѣда. Но этимъ не кончилось мое несчастіе и непрерывное бѣдствіе: я исключенъ изъ письмоводства инспекторомъ семинаріи, игуменомъ Порфиріемъ, и на мѣсто меня опредѣлилъ Ивана Уварова, который безпрестанно просилъ инспектора, дабы я былъ лишенъ письмоводства и онъ опредѣлился-бы на мѣсто меня. Я отъ инспектора лишенъ слуха; однажды, не заставъ меня дома и когда идущаго меня встрѣтилъ на улицѣ, кулаками бьетъ меня по щекамъ и ушамъ такъ больно, что, ежели-бы онъ не постыдился постороннихъ, тутъ-же-бы убилъ меня. Не насытись этимъ наказаніемъ, онъ призываетъ меня въ правленіе, запираетъ дверь, и такъ сильно и долго билъ меня, что покамѣстъ не заболѣли у него руки, пота не отступилъ отъ меня. Отъ сего жестокаго бѣненія у меня распухли виски и щеки и цѣлый мѣсяцъ болѣла голова, такъ что я едва уже на своемъ умѣ. А сколь много я страдалъ въ темницахъ безвинно голоднымъ и голымъ, когда вспоминаю, едва удерживаюсь отъ слезъ. Находясь еще письмоводителемъ, несмотря на то, что я, имѣя двухъ товарищей, дѣлалъ одинъ болѣе, нежели они оба, чему будутъ служить доказательствомъ записки инспектора, гдѣ онъ отмѣчалъ мою усердную службу. Порозовъ безпрестанно жаловался на меня и меня сажали въ карцеръ. Хотя у насъ назначено было каждому особенное дѣло и несмотря на то, что меня обидѣли и въ семь опредѣленій, назначивъ трудъ одному мнѣ болѣе, нежели имъ обоимъ, но Порозовъ заставлялъ переносить и свои труды, поелику былъ любимъ инспекторомъ, а когда я отказывался отъ его трудовъ, то страдалъ отъ жестокихъ наказаній; ибо что хуже, какъ въ зимнее время сидѣть въ карцерахъ холодныхъ, не ѣвши и голымъ? Кто можетъ выразить тѣ бѣдствія, которыя я претерпѣвалъ отъ инспектора и отъ наушниковъ! Сильная любовь къ наукѣ заставила терпѣть таковое бѣдствіе, а то-бы я лучше желалъ быть наемникомъ, нежели видѣть себя въ таковомъ жалкомъ положеніи. И нынѣ до той степени я обиженъ, что уже не въ силахъ переносить эти бѣдствія. Посему припадая подъ ноги, прошу воззрѣть на жалкое мое положеніе и защитить меня, и Богъ, который не оставляетъ ни одного добраго дѣла безъ награды, воздастъ вамъ за ваше милосердіе къ столь несчастному, каковъ я».

2) А вотъ содержаніе прошенія Мамацова: «1840 г. апрѣля 4-го числа вечеромъ, послѣ ужина большая часть учениковъ, такъ какъ не пускаютъ ихъ никуда, бываетъ (sic) на крышѣ семинарскаго дома, гдѣ и я былъ и пѣлъ тихо въ сіе время съ нѣсколькими учениками пѣсни, поемья на св. Пасху, т. е. *Да воскреснетъ Богъ и*

билъ въ дѣло ласки, обѣщанія, убѣжденія и, кажется, подкупъ. Мѣра эта отчасти произвела ожидаемое дѣйствіе; начали посылаться отъ нѣкоторыхъ изъ подписавшихся учениковъ письма графу Пратасову, въ кото-

расточатся врази его, и другія. На другой день кто-то донесъ инспектору семинаріи Порфирію, что я пѣлъ на крышѣ пѣсни. Послѣ сего въ седьмомъ часу утромъ инспекторъ призываетъ меня къ себѣ въ свою комнату и говоритъ громкимъ голосомъ и съ гнѣвомъ: «Зачѣмъ ты пѣсни пѣлъ? ты не знаешь, что это не позволено»? Въ отвѣтъ я говорю: когда? и какія? Онъ-же отвѣчаетъ мнѣ: «Въ солдаты тебя! развѣ не знаешь, какія пѣсни? Вѣдь ты послѣ ужина пѣлъ вчера на крышѣ!» Я желалъ оправдать себя; но онъ взялъ меня за волоса, вывелъ меня на дворъ и закричалъ: «Снимите съ него платье!»—и по окончаніи сихъ словъ, я самъ скинулъ сюртукъ и шаровары; послѣ чего онъ велѣлъ ученику Антону Өмину запереть меня въ карцеръ, гдѣ я и сидѣлъ по приказанію его въ рубашкѣ и подштаникахъ довольно долгое время, отъ чего я простудился отъ холода. Потомъ инспекторъ присылаетъ мнѣ чрезъ этого-же ученика разданный сюртукъ, а самъ пошелъ въ соборъ и служилъ, а меня не пустилъ ни въ церковь, ни обѣдать, оставивъ тамъ отъ седьмого часа утра до пятого пополудни. Выпустивъ меня изъ карцера, я пошелъ (sic) тотчасъ къ о. ректору и сказалъ подробно все случившееся и въ заключеніе сказалъ на его слова: «Все это у васъ нехорошо: «Я правъ, я правъ! и кажется, что онъ безъ васъ и правленія не можетъ посадить въ карцеръ голымъ, а тѣмъ болѣе безъ надлежащаго изслѣдованія, допросовъ и безъ малѣйшей причины, основываясь на однихъ только тайныхъ доносахъ своихъ наущниковъ». Но онъ сказалъ только то: «Иди; хорошо».

«На другой день въ правленіи зашедъ я къ о. ректору, гдѣ были еще инспекторъ и Климентъ Васильичъ (Каневскій), сказалъ: «За чтѣ посадилъ онъ меня вчера въ карцеръ»? Ректоръ отвѣчаетъ мнѣ: «За буйство». Я-же сказалъ: «За какое буйство, когда я правъ во всемъ этомъ случаѣ? Извольте изслѣдовать все это». Инспекторъ говоритъ мнѣ при семъ: «Что, ты развѣ не пѣлъ пѣсни»? Я говорю: «Пѣлъ пѣсни, но не свѣтскія, а духовныя, именно: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его, и т. далѣе,—притомъ весьма тихо; поелику мы хорошо знаемъ, что елибы громко запѣли, то слышно-бы было всѣмъ и повсюду». «Кто съ тобою былъ»? спрашиваетъ ректоръ. «Со мною были такіе-то ученики, коихъ призывая спрашивали: вчера послѣ ужина на крышѣ были вы? они говорятъ: были. «Пѣсни пѣли тамъ»? Пѣли: да воскреснетъ Богъ. «Этотъ ученикъ совсѣмъ не умѣетъ пѣть, говоритъ инспекторъ о. ректору, указывая рукою, и какъ-же онъ говоритъ: что и они пѣли? Я не говорю, сказалъ ему, именно, что этотъ ученикъ пѣлъ, а говорю, что эти были со мною и, разумѣется, кто изъ нихъ зналъ, пѣлъ, а кто не зналъ, сидѣлъ только. Потомъ, призывая другихъ учениковъ, на крышѣ семинарскаго дома бывшихъ, спрашиваютъ: «Вы тамъ были? Тамъ слышали, что эти ученики пѣли»? Нѣтъ. «А какъ-же вы тамъ были и не слышали»? Были, отвѣчаютъ они, но мы не слышали, что они пѣли что-нибудь; за ними я сказалъ имъ: мы не пѣли такъ громко, чтобы слышно было имъ, хотя и недалеко отъ насъ они ходили и прочимъ тамъ бывшимъ и разговаривающимъ. Далѣе инспекторъ говоритъ мнѣ: «Какъ вы тихо пѣли: вы на той сторонѣ крыши пѣли пѣсни»? указывая рукою на югъ. А я сказалъ ему: Не тамъ пѣли, а здѣсь», поднимая руку на верхъ—къ сѣверу. «Нѣтъ, ты врешь»? Я говорю: «Ежели я вру, то спросите этихъ учениковъ, не пѣлъ-ли я пѣсни духовныя

рыхъ они просили объ исключеніи себя изъ числа жаловавшихся на инспектора, такъ какъ они были склонены къ подписанію этихъ жалобъ обманомъ, или угрозами. Такого рода прошенія явились отъ учениковъ:

тихо и притомъ на этой сторонѣ. Притомъ могу сказать я, что ни одной пѣсни свѣтской я не знаю; если я не духовныя пѣсни пѣлъ, то какія-же именно пѣсни свѣтскія я пѣлъ? «Вотъ какія пѣсни пѣлъ», говоритъ мнѣ, и, сказавши сіе, онъ задумался долго, но послѣ, не могши сказать ничего, обращается рукою на письмоводителя Уварова и спрашиваетъ: «Какія пѣсни пѣлъ онъ»? Но онъ также, не смѣя сказать ничего ложнаго предо мною, поелику я не пѣлъ другой пѣсни, кромѣ вышесказанной пѣсни духовной, оба замолчали, а ректоръ, погодя немного, сказалъ мнѣ: «Иди, хорошо».

«На третій день опять позвали въ правленіе, гдѣ спросилъ ректоръ: «Что ты, Мамацовъ, не врешь въ томъ, что не пѣлъ пѣсни свѣтскія, а духовныя пѣсни»? Я говорю: нѣтъ; инспекторъ-же сказалъ мнѣ: «Свидѣтели есть на то, что ты пѣлъ свѣтскую пѣснь, именно: По улицѣ мостовой, тѣ самыя, которыя ты пѣлъ съ Тинниковымъ, Мревловымъ и Цицвіанидзевымъ». Вотъ я здѣсь, отвѣчалъ я: призовите ихъ сюда, и пусть скажутъ они, ежели это правда; я въ то время этой пѣсни не пѣлъ и не только не знаю, но и не слыхалъ никогда, сказалъ я; призовите ихъ, ежели со мною они пѣли, или, по крайней мѣрѣ, были. Но они сказали: «У тебя съ Тинниковымъ есть шайка»? У насъ никакой шайки нѣтъ; я другой и Тинниковъ другой. «Ступай, хорошо», сказалъ мнѣ ректоръ, и я вышелъ, пошелъ тотчасъ въ классъ. Потомъ призвавъ Цицвіанидзева, спросили: «Ты былъ и пѣлъ съ Мамацовымъ пѣсни»? Онъ-же отвѣчаетъ: «Нѣтъ, и если я пѣлъ пѣсни, то представьте здѣсь свидѣтелей; притомъ, гдѣ я пѣлъ? какія пѣсни? и кто видѣлъ? Я совѣмъ въ эту вечеръ не ходилъ туда». Теперь видя себя, что невинно безъ всякаго надлежащаго изслѣдованія, безъ допросовъ и безъ малѣйшей причины наказанъ строго, прошу ваше высокоблагородіе войти въ несчастное и жалкое мое положеніе, довести сіе до свѣдѣнія г. оберъ-прокурора св. синода и тѣмъ ускорить наше дѣло; поелику ежедневно мучать какъ меня, такъ и другихъ; эдакимъ образомъ и стараются какъ-нибудь испортить хорошихъ учениковъ».

3) Прошеніе 27 учениковъ: «Доведенные до послѣдней крайности униженія жестокостями и неприличнымъ обращеніемъ съ нами семинарскаго начальства и не находя ни въ комъ себѣ защиты, осмѣливаемся прибѣгнуть къ вашему сіятельству и покорнѣйше просить, дабы обращено было на насъ милостивое вниманіе и доставлены были намъ всѣ средства къ воспитанію и содержанію себя, съ избавленіемъ насъ отъ тиранства нѣкоторыхъ нашихъ начальниковъ».

«Состояніе наше до 1836 г. было самое лучшее въ отношеніи какъ къ образованію, такъ и содержанію нашимъ; всѣ средства были направляемы къ тому, чтобы воспитанники семинаріи принесли пользу отечеству и церкви въ свое время. Посему всѣ наставники тщательно старались внушать намъ просвѣщеніе, отъ того и умы наши, развиваясь подъ руководствомъ тогдашнихъ наставниковъ, обѣщали большіе успѣхи. Книги давались ученикамъ для чтенія; бумаги, перья, чернила и чернильницы и прочія нужныя вещи для ученика были также отпускаемы всегда столько, сколько нужно было на классическія потребности. Холодъ и голодъ не причиняли намъ никакого вреда, одежды у всякаго было довольно и постель чиста; комнаты чисты и прибраны; никто, какъ нынѣ, не шатался въ раздранномъ платьѣ; больница была чиста, пища и питье

Протопопова, Даникіева и Утнелова. Мы приведемъ здѣсь письма двухъ первыхъ. Вотъ что писалъ Протопоповъ къ Пратасову: «Ученикъ высшаго отдѣленія тифлисской духовной семинаріи Давидъ Тинниковъ, ко-

для больныхъ приготовлялись, какія только лекаръ приказывалъ. Никто не могъ, какъ нынѣ, въ городѣ обижать насъ. Главное, то было хорошо, что всѣ происшествія и жалобы на учениковъ до тонкости были изслѣдываемы и никто не наказывался безвинно; имѣли хорошіе ученики цѣну и достоинство; благополучіе и спокойствіе во всей семинаріи были въ полнотѣ. Пища была всегда естественная нашимъ сложениямъ и по перемѣнамъ различная, а въ праздничные дни по три кушанья. Также сказать и время было отдыхати, и время читати; словомъ, каждый почивалъ подъ своимъ виноградомъ, яко во дни Соломона Израильтяне.

«Но вскорѣ за симъ изсякла надежда и успѣхи на дальнѣйшее благосостояніе и просвѣщеніе ихъ (?). Съ прибытіемъ настоящаго инспектора Порфирія все образованіе наше состоитъ только въ одномъ заучиваніи уроковъ на память. Учители семинаріи, кромѣ ректора и Юсселиани, рѣдко объясняютъ ученикамъ предметы, коимъ они учатъ; но отъ инспектора доселѣ не слышали, чтобы онъ хотя что-либо объяснялъ намъ изъ церковно-библейской исторіи, отчего мы менѣе всего знакомы съ нею. Упражненія по части сочиненія хотя и заставляютъ дѣлать, но, кромѣ Юсселиани, не разбираютъ ихъ въ классѣ и не показываютъ ученикамъ ихъ ошибокъ и никогда не даютъ этихъ задачъ, а прямо относятъ къ экзарху. Поэтому ученики совершенно не знаютъ тѣхъ погрѣшностей, которыхъ должно избѣгать въ сочиненіяхъ. Учители татарскаго языка Ксенофоновъ и осетинскаго Хундуковъ, должно сказать, что они совершенно насъ не учатъ и въ продолженіе 4-хъ съ половиною лѣтъ не знаемъ отъ нихъ и 40 словъ, ибо они только занимаются пустяками и повѣстями о чемъ-нибудь. Не можемъ исчислить, сколькихъ они ложными своими доносами замарали учениковъ и подвергали невинно наказаніямъ начальства.

«Семинарская бібліотека не приноситъ намъ ни малѣйшей пользы. потому что не даютъ намъ книгъ для чтенія, и хотя мы неоднократно просили у инспектора и профессоровъ, съ тѣмъ условіемъ, если затеряемъ книги, которыя они дадутъ, то въ такомъ случаѣ мы заплатимъ за оныя, и что мы, читая сіи книги, дадимъ каждый отчетъ, что мы извлекли изъ такой-то книги; но всѣ таковыя условія наши были тщетны и безуспѣшны къ полученію книгъ. Даже инспекторъ не позволяетъ ученикамъ читать книги, кромѣ проповѣдей, когда они достанутъ со стороны. Однимъ словомъ, все наше ученіе заключается въ затверживаніи уроковъ наизусть, которыхъ большею частію ученики не понимаютъ, и въ писаніи задачъ такимъ образомъ, какъ кому вздумается. Изъ такового образа воспитанія учениковъ мы замѣчаемъ, что наставники наши не только не хотятъ развитъ наши способности и внушить намъ какія-либо свѣдѣнія, но, кажется, намѣренно стараются оставить насъ въ томъ-же состояніи невѣжества, въ какомъ мы пришли въ училище, и отбить всякую охоту къ ученію.

«Что-же касается до нравственнаго образованія нашего, то инспекторъ, Порфирій, на которомъ лежитъ эта обязанность, ни внушеніями, ни примѣромъ не назидаетъ насъ. Никогда не случалось, чтобы инспекторъ, приходя въ комнаты учениковъ, или призывая къ себѣ на домъ, далъ имъ какое-либо наставленіе и внушеніе, какъ себя вести безгрѣшно и прилично. Потому объ ученикахъ можно сказать, что они живутъ, не

торый принялъ смѣлость утруждать ваше сіятельство прошеніемъ отъ 29-го февраля сего года, обманомъ убѣдилъ меня подписаться на ономъ прошеніи свидѣтелемъ, увѣривъ меня, что содержаніе онаго не можетъ

зная правилъ, какъ надобно жить, и не получая отъ наставника руководства въ томъ, что хорошо, что худо, и почему. Даже въ случаѣ, когда ученики сдѣлаютъ какой-либо проступокъ, инспекторъ не внушаетъ имъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ отцы съ дѣтьми, но ограничивается однимъ наказаніемъ, которое обыкновенно начинается руганіемъ, продолжается посаженіемъ въ карцеръ и оканчивается или розгами, или даже исключеніями изъ казеннокоштнаго содержанія и изъ семинаріи, и все это дѣлается безъ изслѣдованія, безъ распросовъ ученика о причинахъ и обстоятельствахъ, которыя побудили его сдѣлать проступокъ, и часто основываясь на какихъ-то тайныхъ и ложныхъ доносахъ. Отъ того на инспектора мы смотримъ, не какъ на наставника доброй нравственности, но какъ на человѣка, у котораго власть въ рукахъ наказывать учениковъ. При томъ, при разборѣ этихъ проступковъ мы не видимъ справедливости: часто за одинаковые проступки одинъ ученикъ наказывается весьма строго, а другой совсѣмъ не наказывается или слабо.

«Что сказать объ обращеніи инспектора Порфірія съ воспитанниками семинаріи? Бѣдные воспитанники часто наказываются невинно розгами, не говоря о стояніи на колѣнахъ. Именно, онъ наказалъ розгами учениковъ богословія въ правленіи, Аполлона Размадзева и Георгія Надирова, которые нынѣ окончили курсъ семинарскихъ наукъ, за то, что армяне поссорились съ солдатами и они были съ ними, но не участвовали въ ссорѣ. Димитрія Іонина болѣе четырехъ разовъ побилъ собственноручно за то, что учитель осетинскаго языка напрасно жаловался на него, что онъ будто не уважаетъ его; также лишилъ его оный инспекторъ полнокоштнаго иждивенія на счетъ митрополита Іоны; заключилъ, между прочимъ, одинъ разъ въ карцеръ въ то время, когда онъ, по дозволенію о. ректора, долженъ былъ произнести въ церкви проповѣдь. Димитрія Мамацова, также, по донесенію того-же учителя, что онъ, Мамацовъ, будто-бы обижаетъ его, не слушаетъ, не уважаетъ и не учится, который хотя и не былъ таковымъ. За это по распоряженію инспектора, будучи записанъ въ журналъ, лишенъ былъ экзархомъ церковнаго содержанія. Мало того: во время экзамена, когда оный Мамацовъ мучился лихорадкою, несмотря на таковую болѣзнь его, онъ былъ приведенъ въ публику экзархомъ и наказанъ стояніемъ на колѣнахъ въ разстроенномъ положеніи и потѣ, и это, вѣроятно, было по донесенію инспектора. Оному Элизбарова два раза побилъ собственноручно за то, что онъ занимался ночью заучиваніемъ уроковъ и сочиненіемъ задачъ далѣе десяти часовъ. Ученика Исаака Вардіева, бывшаго тогда еще въ риторикѣ, презирая по какому-то побужденію, мучили его такъ одинъ годъ; ибо сей ученикъ просилъ принятія на церковное содержаніе, а на другой объявили ему, что онъ будто рожденъ тогда, когда еще отецъ его былъ дьячкомъ, несмотря на то, что церковнымъ иждивеніемъ пользуются дѣти разнаго званія, и другія какія-то ложныя причины, и выключили его изъ бурсы, говоря: «Учись на своемъ содержаніи». Когда-же онъ просилъ и увольненія вовсе изъ класса, поелику по сиротству и крайней бѣдности не въ состояніи содержать себя, то ему сказали: «Нельзя; куда ты хочешь идти»? Оный Вардіевъ, долго смотря, что не удовлетворяютъ его ничѣмъ, поступилъ въ писаря въ управу, чтобы пропитывать себя. Инспекторъ-же, узнавъ это, велѣлъ привести его, говоря: «Примемъ тебя

послужить вредомъ какъ мнѣ, такъ и никому, и что въ ономъ не заключаются никакія противныя начальству выраженія, а одно только ходатайство объ улучшеніи состоянія семинарскаго.

опять на церковное иждивеніе». Послѣ чего представляли его экзарху Грузіи, что оный Вардіевъ самовольно ушелъ и самъ-же пришелъ къ намъ и проситъ пріянія, полагая себя виновнымъ. Экзархъ велѣлъ наказать его тридневнымъ заключеніемъ въ карцеръ, и послѣ не приняли его на церковное иждивеніе, пока не согласился по окончаніи курса служить въ осетинской комиссіи. Павла Королевскаго, который никогда не ходитъ въ татарскіе классы, и, притомъ, не знаетъ даже азбуки татарской, не пишутъ въ экзаменическихъ вѣдомостяхъ и онъ не бываетъ на экзаменахъ; но когда составляютъ общіе списки въ академическое правленіе, записываютъ первымъ. Между прочимъ Цицвіанидзева, ученика философіи, обругалъ и побилъ линейкою 4-го апрѣля 1840 г., угрожая ему лишеніемъ церковнаго содержанія, отправилъ въ карцеръ со сторожами за то, что Цицвіанидзева, обучая нотному пѣнію учениковъ тифлискихъ духовныхъ училищъ, зашелъ въ канцелярію семинарскаго правленія за бумагою для составленія списка оныхъ. Ложно доносилъ письмоводитель Порозовъ, будто-бы обругалъ какъ его, такъ и всѣхъ наставниковъ, чего никогда не было (?). Оный инспекторъ, не спрося Цицвіанидзева, обращается къ нему съ этими словами: «Какъ ты смѣлъ взойти въ правленіе? ты знаешь, что и профессора не могутъ входить туда!» Но не видно, чтобы та комната была правленіемъ, потому что тамъ живутъ письмоводители, которые съ наушниками инспектора напиваются виномъ и нѣсколько разъ изъ нихъ Порозова рвало, котораго инспекторъ Порфирій видѣлъ однажды въ такомъ безчестномъ видѣ, и не только ничего не говорилъ ему, но еще взялъ его и положилъ на свое ложе, и потому что инспекторъ часто играетъ такъ въ шашки съ Порозовымъ и Уваровыми и дѣлаютъ тамъ сіи и прочія мерзости. Лашаурова, бывшаго тогда еще въ философіи, въ 1839 г. за греческимъ классомъ побилъ при всѣхъ ученикахъ собственноручно потому только, что онъ, Лашауровъ, во время сего класса занимался другимъ предметомъ. Побилъ Алексидзева Муханла, ученика высшаго отдѣленія уѣзднаго училища, въ канцеляріи правленія, такъ что у него изо рта и носу лилась кровь, за то, что оный Алексидзева, будто купивъ татарскую азбуку у инспектора, принесъ ему фальшивый абазъ. Но кто исчислитъ всѣ побои, нанесенные инспекторомъ ученикамъ какъ семинаріи, такъ и училищъ? Кромѣ вышеисчисленныхъ учениковъ, многіе ученики, исключая училищныхъ, за маловажную и ложную причину, иногда-же невинно, розгами предъ портретомъ помазанника Государя Императора Николая Павловича и зеркаломъ наказываются безпощадно. Не говоря о прошедшихъ временахъ, въ которыхъ наказывали учениковъ, представимъ для примѣра слѣдующихъ учениковъ семинаріи, которыхъ наказывали въ настоящемъ годѣ, въ мѣсяцѣ мартѣ: Ивана Микадзева, Спиридона Мтварелова, Ивана Абелова, Ивана Протопопова, Соломона Дидебулидзева, Захара Аладова, Георгія Еліосидзева, Іоуля Аладова. При образахъ въ залѣ, гдѣ самъ-же инспекторъ Порфирій совершаетъ всенощную и часы для насъ, выскъ: Θεодора Іосебадзева, Ивана Махарова, Ивана Цихистова, Димитрія и Евстафія Наскидовыхъ, Алексѣя Калубанскаго, Александра Гурисидзева и проч.

«Очень нерѣдко случается, что инспекторъ въ воскресенье и праздничные дни собственноручно бьетъ учениковъ семинаріи, ругаетъ,—и отправляется въ соборъ къ литургіи служить. Въ соборѣ, равно какъ въ залѣ, гдѣ самъ совершаетъ для учениковъ

«Спустя нѣсколько дней я узналъ о содержаніи того прошенія, содрогнулся и долго помышлялъ, какъ-бы поправить свою опрометчивость, но не нашелъ другаго средства, какъ только прибѣгнуть къ сто-

всенощную, начинаетъ мутить словами и пѣть такъ, что слушатели не могутъ удержаться часто отъ смѣха, и самъ смѣется. Этимъ онъ подаетъ намъ дурной примѣръ къ благоговѣнію во время молитвы. Наушники инспектора со всякими учениками низшими и высшими себя классами и успѣхами ссорятся и ругаютъ, полагая надежду на инспектора, который беретъ съ учениковъ подарки и для того возвышаетъ ихъ въ спискахъ учениковъ.

«Съ самаго пріѣзда инспектора Порфирія все испортилось въ бурсѣ: онъ, желая оставить много денегъ изъ положенной ученикамъ суммы, для одной только выгоды своей покупаетъ самъ для насъ что-либо нужное дешевой цѣны, несмотря на то, что то вредно намъ. Картофеля, капусты, пшена сарачинскаго, орѣховъ и прочаго, узнавши что дешево, покупаетъ много; почему оныя, сгнивши, составляютъ наше продовольствіе, такъ что многіе, наѣвшись, заболѣваютъ. Въ первые два года по простымъ днямъ было одно кушанье, а по праздничнымъ по два; послѣ-же по два по простымъ, а по три по праздничнымъ днямъ; но эти кушанья приготавливались такъ, что лучше желали имѣть одно, да хорошее. Вода до посѣщенія г. Гаевского воняла по причинѣ нечистыхъ бочекъ. Не дѣлаютъ и квасу, а если бываетъ, то непременно такой, котораго нельзя принять. Въ самый день Благовѣщенія не было у насъ рыбы, а когда-же мы спросили, отчего не было у насъ ея, то комиссаръ по наущенію инспектора говорилъ: «Не нашелъ и гдѣ нѣтъ»; но какъ вѣрить, чтобы въ Тифлисѣ не было рыбы? Въ масляницѣ кушанье наше состояло въ лобиѣ, которая приготавлилась съ немногимъ масломъ. Опасаясь вреда, кушанья худаго остается часто много, которое и на другой день съ прибавленіемъ немного свѣжаго подается ученикамъ. Пловъ, почти всегдашнее кушанье, дѣлается у насъ съ горькимъ масломъ, отъ чего двое умерли, а многіе заболѣли такъ, что кашель ихъ была кровь. Видя это и зная сіе, не ѣли плова; но комиссаръ, оклеветавъ ихъ предъ инспекторомъ, что они не ѣдятъ потому, что бунтуютъ, успѣлъ наказать ихъ. Хотя неоднократно просили перемѣнить кушанье, но тщетно. Въ столовой кувшины у насъ нечисты, развѣ только въ мѣсяцъ одинъ разъ помогаютъ, и столы также нечисты и ничѣмъ не покрыты; чашки и тарелки по пятницамъ, средамъ и въ постныхъ дняхъ также нечисты. Ножи и вилки до 1839 г. было по парѣ на четырехъ или пять учениковъ, а другимъ вовсе не было ихъ, и эти всѣ заржавѣлые и нечистые, а послѣ купили оныя вполнѣ, отнявши жаркое, котораго не было у насъ въ праздничныхъ дняхъ два раза. Также когда недостаетъ у насъ чашекъ или ложекъ, лишаютъ какого-либо кушанья и тѣмъ покупаютъ оныя. Старшіе вмѣсто сторожей стоятъ и раздаютъ ученикамъ кушанье и хлѣбъ; не видѣли никогда, чтобы экономя хотя-бы одинъ разъ зашелъ въ столовую и посмотрѣлъ, чтѣ тамъ дѣлается. Но что-же сказать болѣе о кушаньи, когда и хлѣба не даютъ весьма часто достаточно!

«Несмотря на то, и у больныхъ не бываетъ никогда пріятнаго кушанья, хотя и лекаръ много разъ говорилъ сдѣлать имъ такіа-то кушанья; чай и сахаръ не отпускается достаточно, и не для всѣхъ, а только для тѣхъ, кои весьма больны. Что касается до больницы, постели пахнутъ отъ нечистоты; больницами бываютъ иногда и погреба, гдѣ темно даже и днемъ, отъ чего тяжело выздоравливать больнымъ, тѣмъ

памъ вашего сіятельства и подъ высокое ваше покровительство, прося всеижайше исключить меня изъ списка подписавшихся на вышеупомянутомъ прошеніи, по тѣмъ уваженіямъ, что изложенныя въ ономъ обстоятельства для меня вовсе чужды и я не могу свидѣтельствовать объ

болѣе, что въ случаѣ идти на дворъ, одѣвается больной однимъ только тѣмъ сюртукомъ, какой онъ имѣетъ, чрезъ что часто вѣтеръ, разстроивая его, причиняетъ ему новое нездоровье. Подавая пищу больнымъ, всякой изъ нихъ долженъ поставить на постелю. Часто сторожъ и подлекарь, который обыкновенно бываетъ ученикъ, уходя, оставляютъ больныхъ, которые, томясь жаждою, или нуждаясь въ чемъ-либо, мучатся вмѣстѣ съ болѣзнію. Вообще, что лекарь приказываетъ, того не найдете въ больницѣ, ибо инспекторъ говоритъ: «О, нельзя: вредить вамъ»; послѣ чего нечего и говорить. Въ 1839 г. появилась въ семинаріи заразительная болѣзнь. Лекарь, видя, что это не прекращается въ долгое время, просилъ ректора и инспектора объ увольненіи учениковъ, пока прекратится эта заразительная болѣзнь, но тщетно. Потомъ вскорѣ за симъ умеръ одинъ, и еще тогда просилъ онъ ихъ, но и тогда напрасно, ибо они говорили въ отвѣтъ: «Богъ милостивъ, сама болѣзнь прекратится». Пять самыхъ хорошихъ умерли, а всѣ прочіе заболѣли. Ученики больные лежали безъ всякой помощи, потому что подлекарь былъ болѣнъ, сторожа также, а они лежали въ своихъ комнатахъ.

«Говоря объ одеждахъ, надобно сказать, что и онѣ несоразмѣрны при настоящемъ инспекторѣ, который самъ одинъ и инспекторъ, и экономъ, и ректоръ. Онъ съ самага пріѣзда своего въ Тифлисъ не сошилъ намъ кромѣ одной, но жилетки лишилъ, пары рубашекъ съ подштанниками; началъ шить намъ сюртуки изъ сукна сѣраго, гнилаго и худаго; говаривалъ портнымъ: «Верегитесь, чтобы много матеріи не пошло»; отчего узкіе и короткіе сюртуки суконные и нанковые. и отчего многіе претерпѣваютъ наготу, сами будучи не въ состояніи дать себѣ ни малѣйшаго даже пособія. Для рубашекъ и подштанниковъ, по причинѣ того, что инспекторъ велитъ шить слишкомъ узкіе, многіе берутъ у инспектора матерію, и кто въ состояніи, прибавляя свое, отсылаетъ домой для шитья полныхъ. Въ прибытіе г. Гаевского одѣяла, кои были дурны, сошили новыя, сколькимъ успѣли, а другимъ постилали вмѣсто ихъ покрывала; послѣ Гаевского спали давать намъ наволочки, простыни и опять дали прежде убавленную рубашку съ подштанниками; а до прибытія г. Гаевского ученики спали на одной кровати по двое; но кровати были такія, что часто въ полночи вставали нѣсколько разъ и занимались поправленіемъ ихъ, не имѣя покоя.

«Въ прибытіе Императора Николая Павловича вся Грузія торжественно ликовала, въ городѣ вездѣ слышенъ былъ тонъ радости; всѣ удостоились узрѣть Царя; но мы, будучи заперты въ домѣ, подобно какъ многія животныя, во время зимы запертыя въ пещерахъ и норахъ, составляли ни что иное, какъ одно только заключеніе арестантовъ. Въ такомъ состояніи бываемъ всегда, но тогда болѣе, ибо не видали, пока Государь не уѣхалъ, и дневнаго свѣту. Лучезарное наше солнце озарило нашу страну, но мы не чувствовали его теплоты; весь народъ, привѣтствуя Вѣнценосца сыновнею любовію, торжественно удовольствовался; но мы, сидя въ запертомъ домѣ, не слышали ни одного привѣтствія сего народа, съ которымъ-бы и мы смѣшали свое собственное о пріѣздѣ Государя. Что-же было причиною сего нашего огорченія?..... Вѣроятно, причиною сего

оныхъ ни въ какомъ случаѣ. Ваше сіятельство! воззрите на легковѣрнаго юношу и освободите его отъ отвѣтственности, какой онъ подвергнутъ обманомъ»¹⁾).

Данкіевъ писалъ, что онъ не обманомъ былъ вовлеченъ и склоненъ къ подписанію прошенія Тинникова, а принужденъ былъ угрозами и насиліемъ:

«Въ началѣ великаго поста сего 1840 г., когда уже велѣно было ученикамъ отъ начальства ходить въ семинарію за всенощную и заутреннюю, и я тоже ходилъ всегда въ оную семинарію молиться Богу, для

было то, что ученики, исключая наушниковъ и близкихъ инспектора, были несовсѣмъ одѣты, что можно видѣть и нынѣ. Осмѣлимся сказать, что инспекторъ, не чувствуя того, что онъ, какъ отецъ сиротъ, долженъ имѣть одинаковое объ ученикахъ попеченіе, заботится только объ тѣхъ, которые хороши только по наружнымъ видамъ. Онъ, подражая Нерону, лишаетъ незаконнымъ образомъ правъ хорошихъ и допускаетъ своихъ любовниковъ пользоваться ими. Это подаетъ намъ смѣлость докладывать вашему сіятельству нѣчто еще объ одеждахъ учениковъ. Однажды вмѣсто сюртуковъ сошили намъ халаты изъ такого холста, который не употребляется и на мѣшки; по этихъ халатовъ нельзя было надѣтъ, не услышавъ насмѣшки народа. Но недавно изъ Россіи пріѣхали двое, Иванъ и Михайлъ Уваровы, которые, еще не кончивъ курса риторики, были переведены въ философію. Ихъ, несмотря на то, что они имѣютъ отца священника здѣсь, брата учителя, получающаго изъ училища 200 руб. сер. и изъ экзаршеской канцеляріи также 200 руб., приняли на полное церковное содержаніе и въ скоромъ времени сошили имъ сюртуки и брюки изъ хорошаго сукна, котораго мы никогда не имѣли, сошили имъ сюртуки изъ нанки и еще дали имъ сюртуки суконные, не совсѣмъ старые.

«Подрядясь съ сапожникомъ за малую цѣну, шьютъ сапоги худые, которые недолжны бывать до назначеннаго срока. Кратко сказать: много у насъ худаго изъ того, что намъ дается, а еще чего намъ недостаетъ нужнаго и необходимаго намъ, можете видѣть въ проектѣ устава духовныхъ семинарій въ точности.

«Окончившіе курсъ семинарій, исключая немногихъ, должны служить въ осетинской духовной комиссіи. Изъ нихъ многихъ насильно отсылаютъ; въ случаѣ же несогласія, долженъ шататься безъ мѣста. Исключенные-же, хотя-бы были изъ философскаго класса, отсылаются большею частію насильно дьячками въ осетинскую духовную комиссію.

«Мы не такъ сильны въ русскомъ языкѣ, чтобы могли во всей подробности и ясности описать наше положеніе. Одна крайность дала намъ смѣлость выразить предъ вами такъ, какъ умѣемъ.

«Будьте нашимъ благодѣтелемъ, отцомъ, примите участіе въ нашемъ положеніи и избавьте насъ отъ тиранства нѣкоторыхъ нашихъ наставниковъ.

«Мы немногаго желаемъ и просимъ: мы просимъ и молимъ, чтобы наши наставники обучали насъ, какъ слѣдуетъ, и воспитывали не какъ сторожей; тогда мы не пожалѣемъ о своемъ прежнемъ невѣжествѣ».

¹⁾ См. слѣдствен. дѣла ч. I, стр. 5.

приготовленія къ св. Тайнамъ, нисколько не зная умысла учениковъ семинаріи. На прежней (?) день великаго поста я пришелъ въ семинарію къ утрени до начинанія оной. Сперва позвалъ меня ученикъ Давидъ Тинниковъ въ свою комнату и сказалъ мнѣ ласково подписать руку на прошеніи, котораго содержанія мнѣ вовсе не объявлялъ; но какъ я не согласился подписать руку, то онъ, Тинниковъ, оставилъ меня, и я вышелъ изъ комнаты и пошелъ къ утрени; а когда отошла утренья, призвалъ меня другой ученикъ, товарищъ онаго ученика Давида Тинникова, Аѳанасій Аммиранидзеу, въ классъ богословскій. Въ это время вошелъ опять и Давидъ Тинниковъ, гдѣ заперли меня въ комнату съ обѣихъ сторонъ и насильственнымъ образомъ заставили меня подписать какую-то бумагу насчетъ отца инспектора. Хотя вовсе не желалъ быть съ ними соучастникомъ и даже не зналъ ихъ намѣренія, но только по однимъ ихъ угрозамъ былъ принужденъ подписать составленное на о. инспектора прошеніе, котораго содержанія я вовсе не зналъ...» ¹⁾.

Въ то-же самое время началось систематическое преслѣдованіе какъ самого Тинникова, такъ и всѣхъ его соучастниковъ: отъ Порфирія былъ поданъ на нихъ цѣлый рядъ формальныхъ доносовъ. Во всѣхъ этихъ доносахъ намѣренно изображались такіе поступки, которые ослабляли силу и значеніе жалобъ ихъ, именно: дерзость, своевольство и непокорность начальству. Какъ-бы въ помощь и въ подкрѣпленіе доносовъ Порфирія, были поданы жалобы отъ другихъ наставниковъ семинаріи ²⁾, обвинявшихъ Тинникова и его товарищей въ тѣхъ-же проступкахъ, о какихъ представлялъ семинарскому правленію Порфирій. Наконецъ, чтобы, съ одной стороны, остановить дальнѣйшее развитіе начавшагося между семинаристами движенія и навести страхъ какъ на подписавшихся, такъ и на неподписавшихся, а съ другой представить зачинщиковъ этого движенія негодяями, которыхъ слова не заслуживаютъ вѣры, и такимъ образомъ формально осудить ихъ, назначено было по этому случаю чрезвычайное засѣданіе семинарскаго правленія. Вопреки всѣмъ правиламъ семинарскаго устава, въ это засѣданіе приглашены были лица, не принадлежавшія къ составу семинарскаго правленія, и именно тѣ самыя, которыя держали сторону учениковъ ³⁾. Можно съ вѣроятностью объяснить

¹⁾ См. слѣдств. дѣла ч. I, стр. 68 и 76.

²⁾ Эти наставники были учителя осетинскаго и татарскаго языковъ.

³⁾ Приглашенные наставники были слѣдующіе: Иоселіани, Соколовъ; Каневскій долженъ былъ быть въ этомъ засѣданіи ex officio, какъ секретарь семинарскаго правленія. Кромѣ этихъ лицъ, приглашенъ былъ ректоръ тифлискихъ духовныхъ училищъ, протоіерей Кульматицкій, тоже принадлежавшій къ партіи Дмитріева и Дроздова.

причины и цѣль такого страннаго приглашенія: экзарху и Порфирію хотѣлось показать Юсселіани, Каневскому и Соколову, что они защищаютъ людей, которые недостойны этой защиты, какъ всегдашніе грубіяны, дерзкіе и непокорные начальству. А можетъ быть, это была со стороны экзарха и Порфирія ловушка, поставленная означеннымъ наставникамъ. Они думали, что если наставники въ присутствіи цѣлаго правленія стали-бы защищать дѣло возмущившихся учениковъ, то явно показали-бы что они заодно съ ними, а это дало-бы возможность экзарху и Порфирію представить дѣло учениковъ вышему начальству совершенно въ другомъ видѣ, изобразить его заговоромъ наставниковъ противъ инспектора, дѣломъ партіи и интриги, въ которую были вовлечены ученики, наученные написать жалобу на инспектора и вымыслить небывалое происшествіе съ Тинниковымъ и другими учениками. Если-же, паче чаянія, наставники отказались-бы отъ защиты учениковъ, тогда они осудили-бы формально тѣхъ самыхъ, которые были орудіемъ ихъ плановъ; а ученики, оставленные людьми, которые подстрекали ихъ къ возстанію противъ инспектора, и раздраженные такимъ поступкомъ съ ними своихъ руководителей, безъ сомнѣнія, отказались-бы отъ своего дѣла и выдали-бы своихъ подстрекателей. Но экзархъ и Порфирій ошиблись въ своихъ разсчетахъ: наставники, не обинуясь, приняли сторону учениковъ и открыто стали защищать ихъ. Во время трехъ бывшихъ засѣданій, наставники явно протестовали противъ мнѣнія семинарскаго правленія ¹⁾. Первый подалъ протестъ Каневскій. Когда читанъ былъ докладъ, приготовленный для журнала правленія, о поступкахъ Тинникова, Татіева и другихъ его сообщниковъ, тогда Каневскій, какъ секретарь семинарскаго правленія, заявилъ, что докладъ этотъ составленъ инспекторомъ безъ его вѣдома и что изложенныя въ немъ обстоятельства никогда не существовали и, притомъ, представлены такъ, что прямо клонятся къ тому, чтобы учениковъ сдѣлать безотвѣтными. Къ такимъ обстоятельствамъ онъ относилъ слова учениковъ, произнесенныя въ присутствіи правленія въ духѣ кротости и уваженія къ своему начальству, но нѣкоторыми членами правленія, особенно инспекторомъ, принятые за грубость и дерзость. Юсселіани и Соколовъ присоединились къ Каневскому и представили вмѣстѣ съ нимъ объясненія, почему они несогласны съ мнѣніемъ семинарскаго правленія исключить Тинникова изъ семинаріи. «Тинниковъ, писалъ Каневскій, постоянно рекомендовалъ себя съ хорошей стороны, безъ особенной причины вдругъ поведенія своего измѣнить не могъ, и

¹⁾ Мнѣніе семинарскаго правленія было исключить Тинникова изъ семинаріи.

если подалъ въ правленіе жалобу на инспектора семинаріи, то это произошло не отъ дерзости противъ начальства, но, вѣроятно, отъ того, что онъ безъ всякаго изслѣдованія претерпѣлъ отъ инспектора незаслуженное наказаніе. Тинниковъ, какъ ученикъ прилежный, можетъ съ честію продолжать курсъ ученія и, при другихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ своихъ къ начальству, могущихъ возвратить ему надежду на благость и покровительство его, скоро можетъ загладить тѣ дѣтскія погрѣшности, которыя онъ, увлекаемый безнадежностію на помилованіе и забвеніе ихъ, успѣлъ надѣлать въ критическое для него время, и подмѣченъ былъ особенною бдительностію надъ нимъ инспектора семинаріи». Иосселиани подалъ мнѣніе въ томъ-же смыслѣ, прибавивъ, что въ запискѣ инспектора на Тинникова и Татіева написано много лишняго и преувеличеннаго и онъ, по долгу совѣсти и внутреннего убѣжденія, признаетъ Тинникова незаслуживающимъ исключенія изъ семинаріи. «Въ немъ, писалъ Иосселиани, есть большая надежда на исправленіе тѣхъ слабостей, которыя допущены имъ временною горячію, образовавшеюся не болѣе, какъ въ два или три мѣсяца и воспитавшеюся въ немъ записками многихъ лицъ въ этотъ краткій періодъ времени (?), тогда какъ нѣкоторыя погрѣшности можно-бы было удержать начальническими, отеческими и въ проектѣ семинаріи означенными мѣрами. Исключеніе же изъ семинаріи, не принося пользы церкви, можетъ имѣть вредныя и пагубныя слѣдствія для его жизни, еще неиспорченной по нравственности и ни мало не зараженной духомъ грубости и дерзости. Всякая другая мѣра послужить къ исправленію его и обрадуетъ тѣхъ наставниковъ, которыхъ онъ служилъ на экзаменахъ украшеніемъ. Таковымъ непомѣрнымъ наказаніемъ ученика перваго разряда за проступки, несовершенныя, а можетъ быть и допущенныя въ разстройствѣ мыслей, въ волненіи чувствъ отъ того затруднительнаго положенія, въ которое онъ, еще неопытный въ жизни, поставленъ непрерывными на него жалобами и допросами, подадимъ опасный примѣръ непомѣрной строгости начальства, ослабимъ въ нихъ силы физическія, посѣемъ страхъ рабскій, могущій заглушить въ нихъ всѣ благородныя чувства къ истинному, доброму и изящному и образующій всегда людей скрытныхъ и опасныхъ, а слѣдовательно бесполезныхъ церкви и правительству». Объясненіе Соколова отличается большею обстоятельностью и юридическою основательностію. «Изъ доклада въ журналѣ семинарскаго правленія, писалъ Соколовъ, видно, что ученикъ Тинниковъ нѣсколько разъ самовольно отлучался изъ семинарскаго дома, дѣлалъ грубости инспектору семинаріи и въ классѣ учителю осетинскаго языка Хунду-

кову, даже въ присутіи всего правленія говорилъ довольно грубо. Съ мнѣніемъ семинарскаго правленія—исключить Тинникова за означенные поступки изъ семинаріи—я несогласенъ: 1) самовольныя отлучки Тинникова изъ семинарскаго дома и грубости противъ инспектора семинаріи достойны наказанія (и наказаны), но не исключенія изъ семинаріи; 2) что Тинниковъ говорилъ довольно грубо въ присутствіи правленія, то это произошло отъ невѣдѣнія и неблагоразумія Тинникова; 3) что касается до того, въ какомъ духѣ и съ какимъ намѣреніемъ сдѣланы Тинниковымъ вышеозначенные поступки, объ этомъ знаетъ только тотъ, кто постоянно смотритъ за поведеніемъ учениковъ и слѣдовательно можетъ знать сколько-нибудь ихъ характеръ; 4) жалоба учителя Хундукова на грубости Тинникова, оказанная будто-бы ему въ классѣ, заслуживаетъ вниманія только потому, что есть жалоба учителя на ученика. Но какъ извѣстно, что Хундуковъ прежде обходился съ учениками по-дружески (что и долженъ былъ дѣлать, такъ какъ самъ онъ потому только не ученикъ, что знаетъ осетинскій языкъ), то оказанная строгость, конечно, не могла понравиться ученикамъ. А что это сдѣлалъ Тинниковъ, а не другой кто, такъ это, можетъ быть, потому, что онъ болѣе другихъ сознавалъ свое достоинство; 5) ученикъ Тинниковъ до сихъ поръ извѣстенъ былъ семинарскому правленію съ отличной стороны и по классамъ, и по поведенію; не болѣе, какъ три мѣсяца, онъ по какому-то случаю измѣнилъ свое поведеніе и нельзя думать, чтобы онъ навсегда остался таковымъ». А потому мнѣніе учителя Соколова таково: «употребить еще мѣры (строгія-ли то, или кроткія, а кажется, лучше послѣднія) къ исправленію Тинникова; если-же и эти послѣднія мѣры останутся тщетными, тогда уже поступить съ нимъ по всей строгости»¹⁾. Протоіерей Кульматицкій, сначала было согласившійся съ мнѣніемъ семинарскаго правленія, но потомъ увлеченный дружною оппозиціею трехъ вышепоименованныхъ нами наставниковъ семинаріи, взялъ свое мнѣніе назадъ и далъ другое, во всемъ согласное съ объясненіями Каневского Юсселіани и Соколова. Послѣ всего этого, ректоръ и инспекторъ поневолѣ должны были согласиться съ мнѣніемъ наставниковъ; но послѣдніе представили новое препятствіе къ соглашенію: они потребовали, чтобы ихъ отзывы были прописаны въ журналѣ, а такъ какъ ректоръ и инспекторъ не хотѣли допустить этого, то дѣло о Тинниковѣ и его сообщникахъ совершенно остановилось, произведя, впрочемъ, впечатлѣніе, невыгодное для семинарскаго начальства. Вслѣдъ за этимъ, Каневскій подалъ прошеніе

¹⁾ Слѣдственнаго дѣла по жалобѣ Тинникова ч. 1, стр. 249—255.

объ увольненіи его отъ должности секретаря, потому что, какъ выразился онъ, «при настоящихъ отношеніяхъ своихъ къ правленію онъ не можетъ съ успѣхомъ проходить этой должности, когда правленіе отнимаетъ у него послѣднія права его» ¹⁾). Определенный на мѣсто Каневского Соколовъ пробылъ секретаремъ только полторы недѣли и тоже вышелъ въ отставку. Однимъ словомъ, оппозиція со стороны нѣкоторыхъ наставниковъ противъ инспектора, бывшая до того времени тайною, теперь обнаружилась и заявила себя въ формальномъ протестѣ противъ его дѣйствій. Не имѣя нужды болѣе скрывать свои чувствованія, Иосселиани, Каневскій и Соколовъ явно стали въ ряды защитниковъ Тинникова и его сообщниковъ и рѣшились прямо и открыто дѣйствовать противъ инспектора и экзарха. Чтобы не отдѣлять своего дѣла отъ дѣла Тинникова и его сообщниковъ, они, подобно имъ, обратились теперь къ графу Пратасову съ жалобою на жестокое обращеніе инспектора съ учениками и на покровительство ему экзарха. «Говорить истину, писали они, и защищать ее похвально и необходимо во всякомъ случаѣ. Но говорить и защищать справедливость тамъ, гдѣ она теряетъ свою послѣднюю защиту у людей, отъ которыхъ зависитъ судьба ея, есть непремѣнный долгъ каждаго. Эта мысль была главнымъ побужденіемъ, которое заставило насъ расторгнуть долговременное наше молчаніе и вмѣстѣ съ истинною, объявленною нами ближайшему нашему начальству, укрыться подъ защиту вашего сіятельства. Съ другой стороны, опасность, которой нерѣдко подвергаются защитники истины отъ людей, отъ которыхъ зависитъ непосредственно судьба самой истины и защитниковъ ея, послужила новымъ побужденіемъ къ тому, что мы осмѣливаемся теперь объяснить вашему сіятельству тѣ неблагоприятныя отношенія наши къ ближайшему нашему начальству, въ которыя поставило насъ наше чистосердечіе и любовь къ справедливости. Все это въ совокупности даетъ намъ смѣлость представить на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства нижеслѣдующія обстоятельства.

«Юная тифлисская семинарія, укрѣпляемая въ силахъ своихъ отеческимъ вниманіемъ и попечительностію высшаго начальства, всегда отличалась повиновеніемъ къ ближайшимъ начальникамъ своимъ, и многіе ученики семинаріи получали отъ семинарскаго начальства лестное одобреніе за кроткое поведеніе. Наконецъ, самовластное и почти жестокое обращеніе съ учениками отца инспектора семинаріи, игумена Порфирія, который за всѣ дѣтскіе проступки учениковъ бьетъ ихъ собственными руками и самъ, безъ вѣдома семинарскаго правленія, наказываетъ ихъ

¹⁾ Тамъ-же.

розгами, вывело нѣкоторыхъ учениковъ изъ терпѣнія, но отнюдь не изъ повиновенія начальству, и одинъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія семинаріи, Давидъ Тинниковъ, принужденъ былъ подать въ семинарское правленіе прошеніе, въ коемъ приносить жалобу на инспектора семинаріи за то, что онъ билъ его собственными руками безъ всякой пощады. Это прошеніе ученика Тинникова, въ коемъ изложены подробно всѣ обстоятельства дѣла, до сего времени остается въ семинарскомъ правленіи безъ надлежащаго изслѣдованія, хотя секретарь Климентъ Каневскій въ самый день подачи прошенія докладывалъ его правленію.

«Послѣ того инспекторъ семинаріи, по обязанности-ли своей, или-же для того, чтобы оправдать дѣйствія свои предъ семинарскимъ правленіемъ, до котораго начали доходить неблагопріятныя о нихъ слухи, въ мартѣ мѣсяцѣ сего года подалъ въ правленіе семинаріи нѣсколько записокъ, коими доводилъ до свѣдѣнія правленія о нѣкоторыхъ неодобрительныхъ поступкахъ учениковъ семинаріи.

«Первою запискою инспекторъ семинаріи доносилъ правленію о томъ, что онъ однажды замѣтилъ ученика высшаго отдѣленія Давида Тинникова и ученика средняго отдѣленія Яссона Татіева въ нетрезвости; второю доносилъ правленію о томъ, что нѣкоторые ученики пѣли свѣтскія пѣсни въ классѣ и на крышѣ семинарскаго дома; прочими-же записками инспекторъ доносилъ правленію о томъ, что нѣкоторые ученики отлучались въ Ѳомино воскресенье на народное гулянье въ Тифлисъ, а другіе ученики замѣчены имъ въ другихъ самовольныхъ отлучкахъ. Вслѣдъ за инспекторомъ жаловался правленію особенною запискою эконому семинаріи, священникъ Басхаровъ, на ученика Тинникова за то, что онъ входилъ въ кухню, гдѣ какъ о немъ, Басхаровѣ, такъ и о прочихъ своихъ начальникахъ отзывался съ неуваженіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ о. ректоръ семинаріи, архимандритъ Сергій, входилъ въ правленіе съ запискою, коею доводилъ до свѣдѣнія правленія, что ученикъ Тинниковъ, противъ воли его высокопреосвященства, экзарха Грузіи, являлся для сказыванія проповѣди не въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, а въ Сіонскомъ соборѣ. Напоследокъ, жаловался на ученика Тинникова и учитель осетинскаго языка Евстафій Хундуковъ за то, что Тинниковъ отвѣчалъ урокъ нетвердо, сѣлъ на мѣсто безъ его приказанія и подходилъ къ столу, за которымъ сидѣлъ учитель, съ требованіемъ не жаловаться на него напрасно начальству. Вслѣдствіе записокъ инспектора всѣ ученики, замѣченные имъ, будто-бы, въ самовольныхъ отлучкахъ и нетрезвомъ видѣ, по опредѣленію семинарскаго правленія, понесли разнаго рода наказанія, равно и по запискамъ о. ректора и эконома семинаріи ученикъ Тинниковъ также понесъ, по опредѣленію

семинарскаго правленія, наказанія, сообразныя съ своими проступками; да еще прежде опредѣленія правленія, ученики Тинниковъ и Татіевъ домашнимъ образомъ, по волѣ инспектора семинаріи, понесли тѣлесное наказаніе: первый битъ былъ въ комнатѣ, а послѣдній не только въ комнатѣ, но и на улицѣ, оба собственными руками инспектора. Не довольствуясь симъ, семинарское правленіе, по настоянію инспектора, производило въ своемъ присутствіи формальное слѣдствіе по запискамъ инспектора объ отлучкѣ учениковъ на народное гулянье, о пѣніи свѣтскихъ пѣсенъ въ классѣ и на крышѣ, и по прошенію учителя осетинскаго языка на ученика Тинникова касательно неуваженія, оказаннаго имъ учителю въ классѣ; для сего всѣ ученики призываемы были въ правленіе, гдѣ спрашивали каждого изъ низъ порознь, записывали въ настольный журналъ ихъ показанія и заставляли учениковъ подлинность оныхъ свидѣтельствовать собственноручнымъ подписомъ. Плодомъ означеннаго слѣдствія было то, что ученики, показанные въ запискахъ инспектора отлучавшимися на народное гулянье, отлучались, какъ они сами показали, не на гулянье, а для молитвы къ развалинамъ одной древней церкви, къ которымъ всѣ жители Тифлиса въ Ѳомино воскресенье обыкновенно посѣщеніемъ своимъ свидѣлствуютъ религіозное уваженіе. Слѣдствіе, произведенное правленіемъ по запискѣ инспектора касательно пѣнія свѣтскихъ пѣсенъ, показало, что ученики пѣли въ классѣ болѣе духовныя, нежели свѣтскія пѣсни; и все это было 1-го мая, въ тотъ день, который, по волѣ начальства, въ прежніе годы ученики семинаріи посвящали на отдыхъ и гулянье, извѣстное въ семинаріяхъ подъ именемъ рекреации. Слѣдствіе-же, произведенное по прошенію учителя осетинскаго языка на ученика Тинникова, будто-бы неуваженіе оказавшаго учителю въ классѣ, вовсе не оправдало жалобы на него учителя Хундукова. Всѣ вышеозначенныя слѣдствія, произведенныя правленіемъ надъ учениками, не обнаружили въ ученикахъ такихъ проступковъ, о которыхъ слѣдовало-бы розыскивать формальнымъ дознаніемъ, но, напротивъ того, принесли ту невыгоду, что они обнаружили въ начальствѣ подозрѣніе къ собственнымъ донесеніямъ, а въ ученикахъ легко могли поселить недовѣрчивость къ начальству, которое за обыкновенныя дѣтскія шалости начало судить ихъ строгимъ судомъ гражданскимъ». Далѣе, описавши, какъ экзархъ назначилъ чрезвычайное засѣданіе семинарскаго правленія, куда приглашены были и они, какъ въ этомъ засѣданіи подали мнѣніе въ защиту Тинникова, вопреки опредѣленію правленія, и представили каждый по этому случаю свои объясненія, какъ отъ стѣсненія инспектора принуждены были оставить должность секретаря Каневскій и Соколовъ, въ заключеніе прибавили: «Все выше-

прописанное можно было-бы дополнить еще новыми обстоятельствами, гдѣ инспекторъ семинаріи, полагаясь на непосредственное покровительство экзарха Грузіи, злоупотребляетъ довѣренностію къ нему его высокопреосвященства и дѣйствуетъ къ ущербу благоденствія семинаріи. Но, желая сказать только то, что мы сами видѣли и достовѣрно знаемъ, мы осмѣливаемся теперь представить благоусмотрѣнію вашего сіятельства такія только обстоятельства, въ которыхъ мы сами принимали участіе. И изъ вышесказаннаго нами изволите усмотрѣть, ваше сіятельство, въ какомъ состояніи находится тифлисская семинарія, которая управляется, съ превышеніемъ власти, такимъ человѣкомъ, который или не можетъ, или не считаетъ нужнымъ обращать особеннаго вниманія на учебную и нравственную часть семинаріи. Съ своей стороны, мы считаемъ нужнымъ еще присовокупить и то, что инспекторъ семинаріи, дѣйствуя подъ защитою высшаго мѣстнаго духовнаго начальства, стѣсняетъ и прочихъ товарищей своихъ по службѣ, которые не всегда могутъ дѣйствовать ко благу семинаріи такъ, какъ-бы хотѣли и какъ долгъ повелѣваетъ. Съ другой стороны, инспекторъ, обращеніемъ своимъ съ учениками, однихъ изъ нихъ ожесточилъ до того, что многіе изъ лучшихъ учениковъ потеряли охоту къ ученію, а другіе въ характерѣ получили дурное направленіе. Вообще сказать можно, что мѣстное духовное начальство заботится болѣе о томъ, чтобы дать семинаріи одну только наружную форму порядка.

«Теперь извѣстны вашему сіятельству отношенія наши къ ближайшему нашему мѣстному начальству и можно предвидѣть, что истина, сказанная нами, не останется въ послѣдствіи времени безъ нареканій со стороны тѣхъ людей, для которыхъ она покажется непріятною, и, можетъ быть, защитники ея испытаютъ на себѣ участь тѣхъ, которые страдали за правду. Въ такомъ случаѣ, мы осмѣливаемся искать защиты у вашего сіятельства и предоставить благоусмотрѣнію вашему все наше будущее» ¹⁾).

Между тѣмъ синодъ, по выслушаніи предложенія Пратасова о жалобѣ Тинникова на инспектора, высказалъ свое неудовольствіе, какъ выражается синодскій указъ, «что въ тифлисской семинаріи, въ духовно-учебномъ заведеніи, которое, по назначенію своему, должно служить разсадникомъ достойныхъ служителей церкви Христовой, образуя ихъ съ дѣтства въ правилахъ строгой нравственности, кротости душевной, смиренія и уваженія къ начальствующимъ властямъ, проявился нынѣ

¹⁾ См. слѣдственнаго дѣла по жалобѣ Тинникова ч. I. стр. 246—258.

между воспитанниками небывалый примѣръ дерзости, съ которою они, въ числѣ 35 человекъ, рѣшились приносить высшему начальству жалобу свою на инспектора семинаріи, игумена Порфирія. Симъ случаемъ обнаруживаются: и несоблюденіе самимъ семинарскимъ начальствомъ лежащихъ на немъ обязанностей, чрезъ допущеніе между воспитанниками столь пагубнаго духа своеволія, и вредное направленіе нравственности воспитанниковъ тифлисской семинаріи, требующее строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ къ искорененію онаго» ¹⁾. Но, съ другой стороны, св. синодъ пораженъ былъ и патріархальною расправою съ учениками игумена Порфирія, а потому въ томъ-же указѣ не могъ не прибавить о дѣйствіяхъ Порфирія, что «тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе инспекторъ, на которомъ наиболѣе возлежить обязанность надзора и который подалъ поводъ къ настоящему случаю» ²⁾. Потому св. синодъ положилъ: «1) О прописанныхъ въ жалобѣ ученика Давида Тинникова обстоятельствахъ произвести строгое законное изслѣдованіе, на каковой конецъ составить на мѣстѣ особую комиссію изъ члена грузино-имеретинской св. синода конторы архимандрита Іоанна, одного лица изъ почетнѣйшаго тамошняго бѣлаго духовенства и исправляющаго должность прокурора Дмитриева; 2) комиссіи сей вмѣнить въ обязанность немедленно обревизовать тифлисскую семинарію со всею подробностію и раскрыть дѣйствительную причину столь дурнаго направленія нравственности въ ея воспитанникахъ; 3) по произведеніи комиссіей изслѣдованія и по составленіи объ открывшихся обстоятельствахъ дѣла надлежащаго заключенія, возложить на преосвященнаго ексарха Грузіи подробно рассмотреть сіе дѣло и, вмѣстѣ съ заключеніемъ комиссіи, представить и съ своей стороны по оному мнѣніе, принявъ мѣры, дабы то и другое не были рановременно оглашены; 4) на все время, въ которое будетъ производиться дѣло по жалобѣ Тинникова, игумена Порфирія отстранить отъ должности инспектора семинаріи, поручивъ исправленіе оной другому благонадежному изъ тамошнихъ семинарскихъ наставниковъ; 5) ректору рязанской семинаріи, архимандриту Аѳанасію, уволенному нынѣ по прошенію его на Кавказъ для пользованія минеральными водами, если, по окончаніи курса леченія, состояніе здоровья его не будетъ къ тому препятствовать, поручить на обратномъ пути обревизовать тифлисскую семинарію, причемъ, обративъ

¹⁾ См. въ дѣлѣ по жалобѣ ученика тифлисской семинаріи Давида Тинникова на жестокое обращеніе съ нимъ инспектора той семинаріи, игумена Порфирія, синодскій указъ отъ 6-го мая 1840 года.

²⁾ Тамъ-же.

вниманіе на происшествіе, возникшее по жалобамъ ученика Давида Тинникова, представить, вмѣстѣ съ донесеніемъ о ревизіи, и заключеніе свое по сему предмету»¹⁾). Опреѣленіе синода вообще было неблагопріятно для Порфирія и самого экзарха; устраненіе отъ должности инспектора Порфирія, назначеніе въ составъ слѣдственной комиссіи Дмитріева, явнаго врага экзарха и Порфирія и тайнаго покровителя семинаристовъ, самое назначеніе ревизоромъ тифлисской семинаріи ректора рязанской семинаріи Аѳанасія, извѣстнаго своею строгостью и дѣйствіями не въ видахъ защищенія правъ іерархическихъ,—все это предвѣщало мало добраго для Порфирія и экзарха и сильно ободряло и воодушевляло противную партію, которая теперь не скрывала своей радости и проявляла ее въ разныхъ выходкахъ и возгласахъ; число ея членовъ постоянно умножалось: даже самые робкіе и трусливые, не боясь уже болѣе экзаршескаго гнѣва, явно переходили на сторону враговъ экзарха и Порфирія. Къ числу такихъ относится ректоръ тифлисской семинаріи Сергій, который до этого времени покорно сносилъ свое зависимое и уничижительное положеніе и только втайнѣ одобрялъ возстаніе семинаристовъ²⁾). Каждое дѣйствіе, какъ ревизора Аѳанасія, такъ и слѣдственной комиссіи, было ударомъ для Порфирія: Аѳанасій явно сблизился съ Сергіемъ и наставниками Юсселианомъ, Каневскимъ и Соколовымъ; мало этого, Каневскій сдѣланъ былъ исправляющимъ должность инспектора семинаріи, вмѣсто Порфирія; Дмитріевъ зорко слѣдилъ за всѣми ухищреніями Порфирія, разбивалъ ихъ, обезоруживалъ всѣ его усилія парализовать дѣйствія слѣдственной комиссіи и велъ дѣло такъ, что каждое обстоятельство, открываемое слѣдствіемъ, было обвиненіемъ и осужденіемъ Порфирія. Порфирій употреблялъ всѣ зависящія отъ него средства отстранить Дмитріева отъ производства надъ нимъ слѣдствія и остановить на время производство самого слѣдствія. Для этого на Высочайшее имя подаль онъ слѣдующее прошеніе: «Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ посвятивъ себя единственно служенію Богу, я во все продолженіе онаго, по строгому убѣжденію чистой моей христіанской совѣсти, совершенно чуждъ былъ самонамалѣйшаго поползновенія къ чему-либо противозаконному и такимъ точно образомъ поступалъ во время служенія моего болѣе четырехъ лѣтъ инспекторомъ тифлисской семинаріи. Но, объясняя это, я не имѣю въ виду и не думаю представлять въ настоящее время какія-либо съ моей стороны противу

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Какъ показываетъ то обстоятельство, что діаконъ Урусовъ, жившій у Сергія, былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Тинниковымъ и другими.

жалобы Тинникова оправданія; напротивъ, желаю слѣдствія строгаго и безпристрастнаго, да оправдаюсь предъ начальствомъ и закономъ: ибо увѣренъ, что только злоба людей неблагонамѣренныхъ могла внушить Тинникову и другимъ молодымъ и неопытнымъ ученикамъ подать на меня подобную жалобу, доказательствомъ чего можетъ служить и сознание ученика Дмитрія Протопопова, въ особой просьбѣ къ г. оберъ-прокурору сдѣланное. Посему, возлагая надежду мою на слѣдствіе, я не могу не обратить вниманія на лица, коимъ поручено производство онаго. На безпристрастіе о. архимандрита Іоанна и протоіерея Дмитрія Алексѣева я совершенно полагаюсь; но не могу того-же сказать объ исправляющемъ должность прокурора г. Дмитріевѣ, по слѣдующимъ причинамъ: А) главный виновникъ подачи на меня учениками жалобы есть предмѣстникъ мой, бывшій инспекторъ тифлисской семинаріи, коллежскій ассессоръ Дроздовъ, который по неудовольствіямъ-же его съ духовнымъ начальствомъ, или по какимъ другимъ причинамъ, давно, какъ извѣстно, оказывалъ къ духовному и семинарскому началу нерасположеніе и вслѣдствіе того происками своими успѣлъ, наконецъ, склонить учениковъ къ несправедливымъ жалобамъ, самимъ имъ сочиняемымъ, или, по крайней мѣрѣ, исправляемымъ; доказательствомъ чего служитъ хранящаяся нынѣ у меня одна изъ таковыхъ жалобъ, исправленная и, по большей части, писанная рукою Дроздова, который на той-же жалобѣ написалъ подать ее г. Дмитріеву, съ которымъ Дроздовъ находится въ самыхъ короткихъ, дружественныхъ связяхъ, а со времени подачи учениками жалобъ Дмитріевъ и Дроздовъ еще чаще и почти безпрестанно бываютъ одинъ у другаго, какъ это я самъ видалъ по смежности квартиры моей съ квартирою Дроздова. Подобныя связи и духъ своевольства, оказавшійся между учениками со времени подачи ими жалобъ и еще болѣе усилившійся и часъ-отъ-часу возрастающій со времени порученія г. Дмитріеву производства по настоящему предмету слѣдствія, явно показываютъ ожидаемое жалобщиками, или подстрекателемъ ихъ Дроздовымъ, покровительство со стороны слѣдователя г. Дмитріева, который, сколько мнѣ извѣстно, и не упустилъ обѣщать имъ сего. Дерзость-же учениковъ усмотрѣна уже и св. правительствующимъ синодомъ изъ предложенныхъ оному г. оберъ-прокуроромъ помянутыхъ выше прошеній. Б) Не одно дружество съ Дроздовымъ заставляетъ г. Дмитріева поддерживать сторону дерзостныхъ учениковъ, или лучше сказать, стараться угождать Дроздову, но г. Дмитріевъ имѣетъ къ тому и другія, гораздо важнѣйшія побужденія, именно: со времени порученія г. Дмитріеву въ концѣ прошлаго года должности прокурора, онъ, сколько мнѣ вообще отъ другихъ и въ особенности отъ самого

его извѣстно, находится, не знаю, впрочемъ, почему, не въ хорошихъ отношеніяхъ съ преосвященнымъ экзархомъ Грузіи, о чемъ, какъ думаю, небезызвѣстно и св. прав. синоду и г. оберъ-прокурору онаго. Питая, такимъ образомъ, чувство неудовольствія къ экзарху, г. Дмитріевъ безъ сомнѣнія радъ случаю, гдѣ онъ можетъ излить свое мщеніе надъ однимъ изъ подчиненныхъ экзарха и особенно надъ тѣмъ, который ближе къ нему, нежели другіе: ибо я не могу скрыть, что какъ въ прежнее время службы моей, такъ и со времени перевода меня на службу въ Грузію, я всегда постоянно пользовался благорасположеніемъ пр. экзарха; слѣдственно нѣтъ ничего мудренаго, если г. Дмитріевъ питаемое имъ къ экзарху неудовольствіе станетъ теперь отмщать на мнѣ, къ чему, сколько я по самому началу дѣла вижу, онъ и стремится всѣми силами; ибо, вмѣсто того, чтобы открыть въ свое время повелѣнную св. прав. синодомъ комиссію и производить слѣдствіе въ ея присутствіи, или собирать нужныя откуда слѣдуетъ свѣдѣнія отъ всей комиссіи, г. Дмитріевъ началъ дѣйствовать и дѣйствуетъ отъ своего лица, безъ всякаго участія другихъ двухъ членовъ комиссіи, о. архимандрита Іоанна и протоіерея Алексѣева, такъ что комиссія понынѣ еще не открыта. Видя столь неправильныя и незаконныя дѣйствія г. Дмитріева, могу-ли надѣяться, что г. Дмитріевъ, при дальнѣйшемъ производствѣ настоящаго слѣдствія, можетъ быть менѣе безпристрастенъ и будетъ стараться открыть истину? Я заключаю это еще болѣе изъ того, что ученики, подписавшіеся на жалобѣ, не стыдятся въ классахъ семинаріи говорить, что они зависятъ теперь болѣе отъ прокурора, нежели отъ духовнаго начальства и, читая, въ классахъ-же, проектъ семинаріи, толковали оный въ укоризну начальству. В) Главнѣйшіе изъ учениковъ, участвовавшихъ въ подачѣ жалобы: Давидъ Тинниковъ, Михаилъ Элизбаровъ, Оома Элизбаровъ, Иванъ Лашауровъ, Аѳанасій Амранидзе, Александръ Мамацовъ, Іассонъ Татіевъ и Андрей Цицвіанидзе, какъ знаю я, неоднократно сами упрашивали г. Дмитріева поддержать ихъ и, наконецъ, просили его о томъ чрезъ своихъ наставниковъ, учителей семинаріи: Платона Юсселиани, Климента Каневского, Матѣя Соколова и смотрителя тифлискихъ духовныхъ училищъ, каѳедральнаго протоіерея Андрея Кульматицкаго: ибо всѣ сии четыре лица, будучи и прежде въ короткихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Дроздовымъ, а чрезъ него и съ г. Дмитріевымъ, присоединились нынѣ совершенно къ Дроздову и явно поддерживаютъ и настраиваютъ учениковъ противу меня одного. Всѣ сии обстоятельства убѣждаютъ меня совершенно, что отъ дѣйствій г. Дмитріева ни мнѣ, ни начальству нельзя ожидать истины и безпристрастія, столь необходимыхъ при всякомъ слѣдствіи для наказанія ви-

новныхъ и для оправданія невинныхъ, а тѣмъ болѣе важныхъ въ настоящемъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ спокойствіе и участь учениковъ семинаріи, кои въ своихъ наставникахъ видятъ теперь руководителей или подстрекателей къ несправедливому противу начальства своего жалобамъ. И хотя слѣдственная комиссія въ полномъ составѣ ея еще не открыта, однако, какъ я выше сказалъ, начальныя, столь неправильныя и напристрастіи лишь основанныя дѣйствія одного г. Дмитріева, даютъ уже мнѣ полное право просить объ устраненіи его отъ производства слѣдствія, о чемъ я, по открытіи комиссіи, и подалъ въ оную прошеніе и буду просить, дабы она, до полученія отъ св. прав. синода разрѣшенія, производствомъ слѣдствія приостановилась. Желая, такимъ образомъ, слѣдствія справедливаго и совершенно безпристрастнаго и полагаясь на святость законовъ, начертанныхъ въ 887 и 1297 статьяхъ XV тома Свода Законовъ уголовныхъ, представляющихъ обвиняемому всѣ средства къ его оправданію, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было, сіе мое прошеніе принявъ, записать и для достиженія въ этомъ, столь важномъ для меня и для учениковъ семинаріи, дѣлѣ истины, устранивъ исправляющаго должность прокурора грузино-имеретинской синодальной конторы г. Дмитріева отъ производства слѣдствія, поручить оное одному изъ состоящихъ при главноуправляющемъ въ Грузіи чиновниковъ, кому онъ доверитъ, или кому-либо другому, кромѣ чиновниковъ, служащихъ по духовной части въ Тифлисѣ и могущихъ болѣе или менѣе навлечь на себя съ той или другой стороны невыгодное мнѣніе. Что-же касается до духовныхъ лицъ, нынѣ въ комиссію назначенныхъ: архимандрита Іоанна и протоіерея Дмитрія Алексѣева, то къ дѣйствіямъ ихъ не имѣя теперь ни малѣйшаго съ моей стороны подозрѣнія, я предоставляю благоусмотрѣнію начальства, оставить-ли ихъ въ комиссіи, или съ назначеніемъ на мѣсто г. Дмитріева другаго лица назначить и съ духовной стороны другихъ особъ» ¹⁾).

Но несмотря на это самовосхваленіе, лицемѣріе и представленіе себя жертвою, страждущею невинно, по злобѣ неблагонамѣренныхъ людей, прошеніе это не произвело того дѣйствія, какого ожидалъ Порфирій. Точно также осталось безъ послѣдствій и другое прошеніе его, поданное имъ въ слѣдственную комиссію о приостановленіи производствомъ слѣдствія по дѣлу его. Напротивъ, это прошеніе Порфирія какъ-бы еще усилило

¹⁾ См. въ дѣлѣ по жалобѣ ученика Тинникова прошеніе на Высочайшее имя инспектора Порфирія, отъ 4-го іюля 1840 г., стр. 18—22.

энергію Дмитріева въ преслѣдованіи Порфірія и заставило его употребить всѣ средства предупредить и уничтожить усилія Порфірія освободиться изъ его рукъ. Препровождая въ копіи прошеніе Порфірія къ графу Пратасову, Дмитріевъ такими черными красками описалъ дѣйствія и ухищренія Порфірія и экзарха, что послѣ того оба они еще болѣе упали въ глазахъ Пратасова. «Главная цѣль, писалъ Дмитріевъ Пратасову, желанія игумена Порфірія объ остановленіи дѣйствій учрежденной надъ нимъ слѣдственной комиссіи состоитъ въ томъ, какъ имъ донынѣ замѣчено было, чтобы въ теченіи времени бездѣйствія комиссіи успѣть согласить болѣе число учениковъ семинаріи, подписавшихся на прошеніи ученика Тинникова, на подачу просьбы якобы о незнаніи ихъ существа подписаннаго ими того прошенія ученика Тинникова, кои уже и стали поступать въ комиссію, и предвидится сіе впредь, что послужить единственно только для большихъ комиссіи затрудненій, отъ коихъ едва-ли будетъ какая-либо и польза для игумена Порфірія, повидимости, имъ ожидаемая. Другая цѣль есть та, чтобы больше очернить учениковъ семинаріи; для чего со времени учиненныхъ игуменомъ Порфіріемъ побоевъ ученику Тинникову и другимъ, т. е. съ 18-го февраля сего года, начали подаваться въ семинарское правленіе записки о дурномъ поведеніи учениковъ, и по нынѣ непрекращающіяся, по поводу коихъ были чинимы въ правленіи и по нынѣ непрекращающіяся слѣдствія, съ видимыми неблагонамѣренностями игумена Порфірія, противъ коихъ, какъ значитъ изъ переданнаго на разсмотрѣніе комиссіи пр. экзархомъ Грузіи донесенія ему объ ономъ семинарскаго правленія съ подробною справкою, начавшеюся съ 20-го февраля сего года, три наставника семинаріи подали свои отзывы и, сверхъ сего, семинарія находится близко къ возмутительному состоянію, такъ что и ректоръ оной, архимандритъ Сергій, страдаетъ тягостію бремени, на немъ лежащаго и выводящаго его изъ терпѣнія, чтобы противостать дѣйствіямъ со стороны игумена Порфірія, не взирая ни на свое смиреніе и покорность къ начальству, и на могущій открыться гнѣвъ его на него. За симъ, для комиссіи предстоятъ занятія не по одному исполненію порученія, возложеннаго по опредѣленію св. синода, но и по разсмотрѣнію съ нужными, въ случаѣ надобности, преслѣдованіями производимыхъ семинарскимъ правленіемъ слѣдствій, коимъ окончанія тогда только можно ожидать, когда а) не будетъ видимаго покровительства со стороны пр. экзарха игумену Порфірію, донесеніямъ и мнѣніямъ коего онъ, пр. экзархъ, пребываетъ довѣрчивымъ; б) когда игуменъ Порфірій будетъ удаленъ отъ должности, занимаемой имъ по нынѣ, учителя семинаріи по церковной исторіи и будетъ выведенъ изъ занимаемой и по

нынѣ имъ инспекторской при семинаріи квартиры и изъ того прекратится вліяніе его на учениковъ и въ особенности стремящихся ему угодить, изъ коихъ составились двѣ противоположныя партіи; в) когда будетъ жить въ инспекторской квартирѣ исправляющій инспектора должность и тѣмъ дастся ему ближайшее средство въ надзорѣ за учениками и по исполненію всѣхъ по сей должности обязанностей; г) когда, по подаваемымъ въ семинарское правленіе запискамъ на учениковъ, слѣдствія не правленіе семинаріи, но слѣдственная коммиссія во время существованія ея будетъ производить; тѣмъ болѣе сіе нужно, что въ правленіи семинаріи почти некому стало и производить таковыя слѣдствія отъ разныхъ въ оной обстоятельствъ, о чемъ сія послѣдняя хотя и произвела требованіе къ первому, но пр. экзархъ, узнавъ о семъ, сего 10-го іюля ему, Дмитріеву, въ присутствіи конторы объявилъ нежеланіе свое на то». Въ этомъ-же донесеніи Дмитріевъ присовокупилъ, что въ учрежденной коммиссіи, исключая его, «другіе два члена туземцы, лица подчиненныя пр. экзарху, а можетъ быть и имѣющія своихъ родственниковъ, къ сему дѣлу прикосновенныхъ, и, какъ видно, или изъ боязни гнѣва, или изъ желанія угодить, пребываютъ либо въ молчаніи при его сужденіяхъ, или-же съ противопоставляющими желаніями своими къ отклоненію нужныхъ, строгихъ и скорыхъ дѣйствій коммиссіи, то неежедневнымъ хожденіемъ въ оную и маловременнымъ присутствіемъ въ ней подъ видомъ разныхъ надобностей и тягости отъ лѣтняго жара, то медленнымъ подписомъ журналовъ ея, то отзывомъ незнанія хорошо русскаго языка и требованіемъ переводчика, который для протоіерея Алексѣева необходимъ, ибо онъ читать и писать по-русски не знаетъ, да и говорить очень мало, а желаетъ обо всемъ имѣть понятіе, съ требованіемъ даже принятія его мнѣній, не вовсе для него (Дмитріева) понятныхъ. Члена сего легко можно было-бы замѣнить или русскимъ протоіереемъ Сіонскаго кафедральнаго собора Кульматицкимъ, умнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, или-же другимъ кѣмъ изъ духовенства, хорошо знающимъ русскій языкъ и могущимъ быть добрымъ его сотрудникомъ, ибо старшій членъ, отецъ архимандритъ Іоаннъ, хотя и говоритъ не вовсе исправно по-русски, но писать можетъ только на грузинскомъ языкѣ»¹⁾). Въ другомъ рапортѣ Пратасову Дмитріевъ доносилъ, что «по случаю распространившагося въ Тифлисѣ слуха о прибытіи на кавказскія воды архимандрита Аѳанасія, долженствующаго на обратномъ пути ревизовать семинарію, пр. экзархъ Грузіи, зная строгость дѣйствій сего архимандрита, убѣдилъ

¹⁾ См. вышеприведенное нами дѣло.

ректора семинаріи, архимандрита Сергія, по товариществу его съ ректоромъ Аѳанасіемъ, писать къ нему и просить увѣдомленія о времени прибытіи его въ Тифлисъ, каковое отъ него хотя и было прислано, но по распоряженію пр. экзарха перехвачено съ почты и отправлено имъ, или игуменомъ Порфиріемъ, въ С.-Петербургъ, съ тою, какъ предполагаю я, цѣлью, чтобы архимандритъ Аѳанасій отклоненъ былъ отъ исполненія возложеннаго на него порученія»¹⁾. По прошенію Порфирія не только ничего не было сдѣлано въ пользу его, но, напротивъ, какъ-бы нарочно все было сдѣлано наперекоръ ему и согласно желанію Дмитріева: ему велѣно было синодомъ выѣхать изъ семинарскаго дома; его удалили отъ учительской должности и положили перевести въ другую семинарію, но не прежде, какъ по окончаніи слѣдствія, а до того онъ былъ оставленъ въ Тифлисъ безъ всякаго содержанія, потому что синодомъ предоставлено было ему на содержаніе пользоваться доходами съ монастыря, будучи игуменомъ номинальнымъ. Самому экзарху сдѣланъ былъ отъ синода ясный намекъ на то, что онъ противодѣйствуетъ слѣдственной комиссіи и запрещено было принимать отъ учениковъ прошенія, заключающія къ себѣ отказъ отъ подписи подъ прошеніемъ Тинникова²⁾. По желанію Дмитріева, недѣятельный членъ комиссіи протоіерей Алексѣевъ былъ уволенъ и замѣненъ священникомъ Давидомъ Месхіевымъ. Такимъ образомъ, Дмитріевъ совершенно достигъ своей цѣли и могъ свободно, ничѣмъ не стѣсняясь, производить слѣдствіе. Онъ доносилъ Пратасову, что «изъ отвѣтовъ учениковъ, спрошенныхъ при слѣдствіи, открывается: 1) что движеніе, обнаружившееся въ тифлисской семинаріи, было слѣдствіемъ потери ими всякаго терпѣнія отъ производимаго Порфиріемъ своевольтва въ управленіи семинаріею, съ употребленіемъ многихъ неопозволительностей и что имъ чинилось отъ явнаго и даже мало обыкновеннаго покровительства ему нынѣшняго преосвященнаго экзарха Грузіи, доказательствомъ чего прежде служило невниманіе экзарха ни къ какимъ доходившимъ до него на игумена Порфирія жалобамъ и даже на самыя недостатки его, Порфирія, въ преподаваніи имъ въ семинаріи ученія по церковной исторіи, учителемъ чего едва-ли онъ имѣлъ право и быть, какъ неучившійся въ духовной академіи; 2) что Порфирій билъ учениковъ собственными своими руками; 3) наказывалъ ихъ розгами предъ портретомъ Государя и предъ святыми

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ См. въ томъ же дѣлѣ стр. 22, а также указъ синодскій отъ 23-го сентября 1840 года.

иконами, находящимися въ присутствіи семинарскаго правленія; 4) содержалъ худо учениковъ казеннокоштныхъ и больныхъ, потому что семинарская экономія находилась въ рукахъ его, а не эконома. Отъ дурной пищи, а главное отъ горькаго постнаго масла, ученики страдали кровавою рвотою, а нѣкоторые отъ этого, а равно и отъ другихъ небрежностей игумена Порфирія, померли».

Въ заключеніе своего донесенія о послѣдствіяхъ ревизіи, Дмитріевъ писалъ Пратасову: «По причинѣ взводимыхъ на игумена Порфирія преступленій, члены слѣдственной комиссіи хотя и полагаютъ, что онъ, по смыслу правилъ св. отецъ, впредь до окончанія дѣла подлежалъ-бы запрещенію (въ священнослуженіи); но какъ въ опредѣленіи св. синода онъ былъ назначенъ только къ устраненію отъ должности инспектора, то и они не рѣшаются сдѣлать заключенія о учиненіи запрещенія игумену Порфирію въ священнодѣйствіи и рукоблагословеніи» ¹⁾. Пораженіе

¹⁾ Донесеніе Дмитріева Пратасову почти буквально основано на показаніяхъ учениковъ, допрошенныхъ слѣдственною комиссіею. А показанія эти были почти всѣ въ родѣ слѣдующаго показанія ученика Мамацова, имѣвшаго отъ роду 16 лѣтъ: «Написанныя въ прошеніи Тинникова слова: «въ какомъ бѣдственномъ положеніи содержатся казеннокоштные воспитанники», означаютъ то, что намъ даются кушанья худыя, притомъ такія, что ѣвши эти кушанья, часто болѣемъ отъ этого; говядина иногда бываетъ гнилая, а сыръ полонъ червей; кваса у насъ не бываетъ, а если и бываетъ, то весьма худой; притомъ, также кушанья и хлѣбъ не даются намъ въ соразмѣрномъ количествѣ. Въ столовой, когда сидишь за столомъ, то отъ нечистоты столовъ и стульевъ и отъ того, что эти столы никогда не бываютъ ничѣмъ покрыты, развѣ во время посѣщенія какого-либо знаменитаго человѣка, все платье у насъ марается. Чашки, кувшины, вилки и ножи никогда не бываютъ чисты, развѣ въ недѣлю два раза помогаютъ, а вилки и ножи бываютъ заржавѣлы. Когда недостаетъ намъ чашекъ, ложекъ, вилокъ и ножей, то убавлялъ всегда отецъ Порфирій какое-либо кушанье и этими деньгами покупалъ. Но всѣ эти столовые приборы бывали нечисты и въ салѣ замараны, особенно по пятницамъ, четвергамъ и постнымъ днямъ. Отецъ Порфирій, увѣдомившись, что продаются дешево въ городѣ капуста, орѣхи и прочее, надѣваетъ священническую шляпу, пойдетъ вмѣстѣ съ комиссаромъ и покупаетъ оныхъ весьма много, которыя, сгнивши, составляютъ наше продовольствіе и не выбрасываютъ, пока не сгниется очень. Пловъ намъ дѣлаютъ съ весьма горькимъ постнымъ масломъ, особенно въ великомъ посту, отъ чего именно два ученика умерли, а прочіе заболѣли и кашляли кровью, а однажды по той причинѣ, чтобы не заболѣть когда ученики не ѣли плова, то комиссаръ Николай Одишильдзевъ, ученикъ философін, подалъ записку въ правленіе, что ученики не ѣли плова не потому, что они опасались вреда, но потому, что они сдѣлали между собою заговоръ и взбунтовались, за что и наказали нѣкоторыхъ учениковъ. Въ первые два года отецъ Порфирій давалъ намъ по простымъ днямъ одно кушанье, а по праздничнымъ по два, но послѣ по два по простымъ, а по праздничнымъ по три, а на ужинъ одно всегда, а

Порфирія было совершенное. Съ этого времени со стороны, поддерживавшей Тинникова, посыпались на противную сторону насмѣшки, угрозы и явныя оскорбленія; ученики стали своевольничать, а наставники и даже ректоръ семинаріи старались угождать имъ и занекивать ихъ благосклонность. Такъ, Іоссеіани открыто укорялъ священника Мжедлова за то,

теперь по два. Въ самой больницѣ кушанье и хлѣбъ бывали при немъ такіе-же, какіе у здоровыхъ, и хотя нѣсколько разъ лекаръ приказывалъ сдѣлать имъ такіа-то кушанья, но Порфирій не велѣлъ давать, развѣ только одинъ супъ. Чай и сахаръ не давались больнымъ, развѣ тѣмъ только, кои находились въ крайней болѣзни, и, притомъ, когда подносили имъ кушанья и хлѣбъ, они должны поставить все это въ свою постель и тамъ ѣсть. Когда ученики заболѣютъ, то они отсылаются въ больницу съ прежними платьями и тамъ должны свое платье носить всегда на себѣ, такъ какъ нѣтъ больше (?), и когда выздоравливаютъ, выносятъ съ собою замаранное лекарствомъ. Часто больной желая выдти на дворъ, долженъ разодранный сюртукъ надѣть на себя и такъ поидеть, отъ чего часто, простудившись, опять заболѣетъ. Постеля въ больницѣ всегда бываетъ нечиста и воняетъ; простынь и наволочекъ не было прежде вовсе ни въ больницѣ, ни въ комнатахъ, а только дали намъ во время прибытія г. Гаевского. Одинъ разъ отецъ Порфирій выгналъ изъ больницы, неизвѣстно за что, больного ученика философіи Іоссора Матулова, которому лекаръ давалъ лекарства. Сторожа часто уходять куда-нибудь послѣ подлекаря, который уходитъ въ классъ; остаются одни больные, кои, томясь жаждою, или въ чемъ-либо другомъ нуждаясь, должны терпѣть вмѣстѣ съ болѣзнію до ихъ пришествія. Въ іюнѣ мѣсяцѣ отецъ Порфирій не имѣлъ у себя прислужника, взялъ больничнаго сторожа къ себѣ, и онъ, служа у него, оставлялъ ихъ безъ человѣка, и съ ученикомъ богословія Аѳанасіемъ Амиранидзевицъ въ это время сдѣлался обморокъ и долгое время находился въ такомъ положеніи, тогда какъ тутъ не было никого. Въ такомъ положеніи находясь, ученики больные, равно какъ и здоровые, какъ я выше сказалъ, хотя просили, чтобы перемѣнить кушанья, но онъ, т. е. о. Порфирій, не принималъ ихъ прошенія. Въ доказательство всего этого, что сказалъ я на счетъ больницы, я самъ находился (вѣроятно, въ больницѣ) и переносилъ все это. Платье намъ дается для зимы суконный сюртукъ съ брюками изъ сѣраго сукна и гнилаго, на три года, а для лѣта нанковой сюртукъ и шаровары, и однажды вмѣсто лѣтняго сюртука и шароваръ сошилъ намъ халаты изъ полосатаго холста, которыхъ никогда не видѣли на одеждѣ и не могли носить внѣ семинаріи, въ городѣ, не услышавъ насмѣшки отъ людей. Жилетку Порфирій сошилъ намъ только одну въ продолженіе четырехъ лѣтъ, а другую предъ экзаменомъ сего 1840 года. Рубашекъ и подштанниковъ прежде давалъ намъ по двѣ пары, а теперь по три. Но когда шить намъ платье, тогда Порфирій, желая оставить денегъ изъ положенной суммы для семинарскихъ воспитанниковъ, говоритъ портнымъ, которыхъ самъ выбираетъ, эти слова: «Берегись, чтобы матеріи пошло мало»; и потому намъ шьютъ платье весьма узкое и коротенькое, особенно рубашки и подштанники, которыхъ не бываетъ намъ достаточно до назначеннаго срока, равно какъ и сюртуки съ шароварами и брюками. Потому многіе ученики выпрашиваютъ у о. Порфирія матерію для платья и прибавляютъ еще свое, кто въ состояніи, и шьютъ просторное платье себѣ. 1839 г. въ семинаріи появилась повальная болѣзнь и лекаръ, видя, что долго

что онъ держитъ не сторону учениковъ, а сторону инспектора, промѣнялъ грузинъ на русскаго монаха, и угрожалъ ему жалобою на него оберъ-прокурору св. синода; а по случаю назначенія Каневского исправляющимъ должность инспектора семинаріи, бѣгая по базару, съ восторгомъ сообщалъ торговцамъ, что «теперь инспекторомъ Каневскій и что

не прекратится эта болѣзнь, просилъ у о. Порфирія и о. ректора въ залѣ предъ учениками, чтобы уволить, но они не согласились на это и чрезъ нѣсколько дней померъ одинъ (ученикъ), и онъ еще просилъ ихъ, но и тогда не уволили, и потомъ пять учениковъ умерли, а прочіе заболѣли и лежали по комнатамъ, не имѣя никакой помощи отъ сторожей, лежали и находились въ такомъ жалкомъ положеніи, что имъ если понадобится вставать или выходить на дворъ и принести имъ хлѣба, должны были просить учениковъ, а если не было ихъ дома и находились въ классахъ, должны были переносить все это до ихъ прихода, потому что не было у нихъ сторожей. Во всемъ вышеизложенномъ экономя семинаріи не участвуетъ—онъ занимается только покунками дровъ.

«Что игуменъ Порфирій находится подъ покровительствомъ экзарха Грузинъ, то доказывается тѣмъ: въ правленіи духовной семинаріи онъ дѣйствуетъ самовольно и наказываетъ онъ учениковъ, какого-бы класса ни было, безъ изслѣдованія и безъ распоряженія семинарскаго правленія, и часто невинныхъ; весьма строго содержитъ учениковъ и весьма худо, какъ выше я написалъ, и все это дѣлаетъ онъ, какъ ему хочется, и, что вѣроятно, не безъ извѣстія его высокопреосвященства. Во время поправленія и составленія списковъ для отосланія въ академическое правленіе онъ Павла Королевскаго пишетъ по языку татарскому первымъ, который хотя никогда не ходитъ въ классъ и не знаетъ азбуки, а въ экзаменическихъ вѣдомостяхъ его никогда не бываетъ и прочихъ своихъ любимцевъ, *къ коимъ онъ расположенъ соблазнительно для насъ*; въ случаѣ же, если не согласятся члены онаго правленія на то, какъ онъ составляетъ списки, то онъ пойдетъ къ экзарху Грузинъ жаловаться и въ одно время въ правленіи, не согласясь подписаться на какой-то бумагѣ, всталъ на срединѣ присутствія и сказалъ членамъ: «Велѣно всѣмъ подписаться», гдѣ были и ученики на счетъ слѣдствія Тинникова, на котораго осетинскій учитель внесъ въ правленіе записку. О. Порфирій весьма часто, иногда и цѣлый день, бываетъ у его высокопреосвященства.

«Игуменъ Порфирій билъ собственноручно, какъ я самъ видѣлъ, учениковъ семинаріи, именно: Гавріила Татіева, Давида Тинникова, Ивана Лашаурова, Герасима Кикодзева въ канцеляріи правленія и на балконѣ, Іассона Татіева, Виссаріона Хавшидзева на улицѣ, Оому Элизбарова въ комнатѣ, Ефрема Хміадова, Димитрія Протопопова, Михаила Бухановскаго, Аванасія Виноградова и Михаила Алексѣева...

«Ученики семинаріи по распоряженію игумена Порфирія посредствомъ сторожей, имя и фамилію коихъ, по частой перемѣнѣ ихъ, теперь не помню, были наказываемы розгами предъ портретомъ Государя, слѣдующіе: Алексѣй Двалишвили, Спиридонъ Мтвареловъ, Захарій Копиновъ, Георгій Еліосидзевъ, Цихистовъ, Алодовъ. Предъ св. образами, гдѣ совершается всенощная, были наказываемы слѣдующіе: Иванъ Махаровъ, Иванъ Протопоповъ, Ѳеодоръ Іосебадзеъ, Симеонъ Лагуровъ. Я не былъ очевидцемъ сихъ наказываемыхъ, а только отъ самыхъ этихъ-же слышалъ» (см. ч. 1 прибавленій къ дѣлу по жалобѣ Тинникова, стр. 108—112).

вскорѣ смѣнимъ и эконома» ¹⁾. Каневскій, ободряя Тинникова и его товарищей, однажды обратился къ нимъ съ такою рѣчью: «Мирные люди! спасибо вамъ! Не бойтесь, господа, выйдемъ какъ-нибудь, лишь были бы здоровы мы, намъ знакомы въ Россіи» ²⁾. Тотъ-же Каневскій ученикамъ партіи Тинникова, чрезвычайно обижавшей учениковъ противной имъ стороны, давалъ такіе совѣты: «Зачѣмъ вы явно обижаете учениковъ, противныхъ вашей партіи? обижайте ихъ, но только такъ, чтобы начальство не могло замѣтить слѣдовъ вашихъ обидъ, а то, по надлежащемъ разслѣдованіи оныхъ, вы всегда останетесь виновными и должны терпѣть наказаніе; впрочемъ, не теряйте надежды на насъ; наше сердце всегда съ вами» ³⁾. Всѣ ученики партіи Тинникова были отмѣчены Каневскимъ въ поведеніи лучше неподписавшихся; Тинниковъ сдѣланъ былъ старшимъ надъ тремя комнатами. Угодливость ректора Сергія предъ учениками партіи Тинникова дошла до самаго унижительнаго раболѣбства: онъ позволялъ имъ шататься по городу до полуночи, приказывалъ эконому семинаріи давать ученикамъ деньги на вино въ каждый воскресный день и самъ отъ себя посылалъ деньги на вино и фрукты ⁴⁾. Ученики, видя такую поблажку себѣ со стороны ректора, инспектора и наставниковъ, конечно, не преминули по-своему выразить свое превосходство надъ противной партіей: они не клаялись прежнему своему инспектору и отворачивались при встрѣчѣ съ нимъ, колотили своихъ непріятелей-учениковъ, забрасывали и портили ихъ вещи, завели у себя свой домашній судъ и расправу, гдѣ Тинниковъ былъ предсѣдателемъ и главнымъ судьей ⁵⁾, принималъ прошенія и клалъ на нихъ свои резолюціи ⁶⁾. Приводимъ здѣсь описаніе своевольства возмущившихся учениковъ, сдѣланное врагомъ ихъ—игуменомъ Порфиріемъ и официально представленное въ слѣдственную комиссію: «Возмущившіеся ученики, пишутъ онъ, съ надеждою на защитниковъ, предались совершенному своеволію, кричали повсюду, что по ихъ прошеніямъ, безъ всякаго разбирательства, отрѣшати епархіальное, и семинарское начальства, читали въ классахъ, особенно въ среднемъ отдѣленіи, семинарскій проектъ, извращая оный въ укориизну начальства, скакали безобразно, дѣлая изъ сюртуковъ родъ фраковъ и приговаривая, что съ этого времени

¹⁾ См. приложенія къ этому дѣлу, ч. II, стр. 74—78.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 71.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 156—157, а также заключеніе слѣдственной комиссіи.

⁶⁾ См. прибавленій къ дѣлу по жалобѣ Тинникова ч. II, стр. 163.

имъ будутъ шить фракъ; учениковъ, не соглашающихся съ ними, особенно русскихъ, поносили срамными словами и угрожали имъ мщеніемъ; невозможно было безъ сокрушенія сердца смотрѣть на всѣ своевольства, которымъ предались ученики послѣ подачи прошеній высшему начальству, особенно послѣ открытія слѣдственной комиссіи, съ участіемъ въ оной г. Дмитріева. У бунтующихъ учениковъ самый видъ человѣческій отъ дерзости и злобы измѣнился какъ-бы въ звѣрскій: ибо сердце человѣческое, по словамъ Сираха, измѣняетъ лицо его на добро или на зло, смотря по направленію сердца. Всѣ дерзости учениковъ возмущившихся могутъ открыть ученики, съ терпѣніемъ и сокрушеніемъ сердца взиравшіе на дѣйствія защитниковъ возмущенія и на своевольства учениковъ и при всѣхъ нападеніяхъ устоявшіе въ правдѣ и сохранившіе свое сердце непорочнымъ въ сію годину искушенія» ¹⁾).

Самая крайность тѣхъ формъ, въ какихъ выражалось торжество партіи, враждебной Порфирію, было вредно для нея и весьма полезно для ея враговъ, которые, конечно, въ это время не дремали, а дѣйствовали усиленно; они не замедлили воспользоваться всѣми ошибками своихъ противниковъ и довести о нихъ, хотя косвеннымъ путемъ, до свѣдѣнія синода, гдѣ у нихъ были покровители и защитники. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что экзархъ во время производства слѣдствія велъ дѣятельную переписку съ нѣкоторыми изъ синодальныхъ и что Дмитріевъ принужденъ былъ жаловаться Пратасову на то, что экзархъ получаетъ изъ Петербурга увѣдомленія, предварающія его о распоряженіяхъ синода ²⁾. Очень можетъ статься, что обо всѣхъ промахахъ противной партіи экзархъ донесилъ неофициально тѣмъ изъ членовъ синода, которые своимъ вліяніемъ могли дать иное направленіе дѣлу Порфирія. Какъ-бы то ни было, только въ ходѣ дѣла тифлисскихъ семинаристовъ произошелъ поворотъ, но не въ ихъ пользу. Ректоръ Сергій былъ смѣненъ; Дмитріевъ уволенъ и на его мѣсто поступилъ Измайловъ; Дроздовъ [выѣхалъ изъ Тифлиса. Первый ударъ партіи Тинникова нанесъ новый ректоръ семинаріи Флавіанъ, который въ своемъ донесеніи кievскому академическому правленію о состояніи тифлисской семинаріи, о нравственности учени-

¹⁾ См. прибавленій ч. II, стр. 156—157.

²⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода секретное дѣло 1840 года, подъ № 44, по рапорту Дмитріева о подозрѣніи его, что экзархъ Грузіи имѣетъ съ кѣмъ-либо изъ синодскихъ переписку и получаетъ увѣдомленія, предварающія его о распоряженіяхъ св. синода. На дѣлѣ этомъ карандашемъ сдѣлана слѣдующая отмѣтка неизвѣстной рукою: «*Рапортъ сей приказано держать въ секретъ и потому онъ не внесенъ въ общій реестръ*».

ковъ сдѣлать отзывъ, не совсѣмъ для нихъ выгодный, именно что «ученики 1) грубы и расположены къ своевольству: въ нихъ замѣчается какая-то азійская гордость, соединенная съ невѣжествомъ, незнаніемъ приличія и тѣхъ благородныхъ навыковъ, коими отличается благоспитанное духовное юношество русское; 2) непочтительны къ начальству; выражаются предъ нимъ съ какимъ-то презрѣніемъ и надменностію, отнюдь несвойственную подчиненнымъ. Если входить записками въ правленіе за каждыя ихъ огорчительныя для начальства выраженія, то не останется и бумаги, чтобъ писать на нихъ записки; 3) любятъ въ пустякахъ жаловаться и крайне настойчивы въ томъ, чтобъ ихъ непремѣнно удовлетворяли.

«Содержаніе ученикамъ производилось и производится хорошее. Пища всегда бываетъ хорошая и сытная, приготовляемая по русскому обычаю. Но ученики, получивъ привычку при прежнемъ начальствѣ къ излишнимъ требованіямъ, напр., вина за столомъ и разныхъ фруктовъ, выказываютъ и теперь ропотливость» ¹⁾.

За этимъ первымъ ударомъ послѣдовалъ рядъ поражений партіи Тинникова. Измайловъ, продолжавшій послѣ Дмитріева слѣдствіе, далъ ему совершенно другое направленіе. Настроенный-ли въ Петербургѣ, или руководимый своимъ собственнымъ воззрѣніемъ, Измайловъ смотрѣлъ на обнаружившееся волненіе учениковъ тифлисской семинаріи, какъ на явленіе, произведенное частью начальствующими лицами въ семинаріи, а частью людьми посторонними, которые, по личностямъ къ мѣстному училищному начальству, воспользовавшись неважнымъ происшествіемъ съ ученикомъ Тинниковымъ, постарались образовать въ семинаріи партію недовольныхъ изъ учащихся и учащихся. Однимъ словомъ, по мнѣнію Измайлова, это былъ заговоръ противъ Порфірія и экзарха, подготовленный Дроздовымъ и профессорами семинаріи: Иоселіаномъ, Каневскимъ и Соколовымъ, и для осуществленія коего было выдуманно происшествіе съ Тинниковымъ, которому они приказали подать Пратасову жалобу на Порфірія, а нѣкоторымъ изъ его товарищей подъ ней подписаться; что же касается другихъ жалобъ семинаристовъ, въ которыхъ они писали разныя нелѣпыя клеветы на Порфірія, никогда не обращавшагося съ ними жестоко, а только строго, да и то принужденнаго къ тому слабостью ректора, слишкомъ потакавшаго ученикамъ, то онѣ также были написаны подъ вліяніемъ Дроздова и упомянутыхъ выше трехъ профессоровъ.

¹⁾ См. въ дѣлѣ по жалобѣ Тинникова предложеніе св. синоду Пратасова отъ 26-го августа 1842 года.

При такомъ взглядѣ, слѣдствіе ведено было къ тому, чтобы оправдать Порфирія и обвинить Тинникова. Съ этою цѣлью, спрашиваемы были такіе ученики, которые не были очевидцами происшествія съ Тинниковымъ и которые, естественно, должны были сказать, что они не видали того, какъ Порфирій билъ Тинникова, вслѣдствіе чего Измайловъ заподозрѣлъ и отвергъ самый фактъ избіенія Тинникова Порфириемъ. Напротивъ, преднамѣренно не были спрошены тѣ ученики, которыхъ подсылалъ къ Тинникову Порфирій съ предложеніями помириться; не обращено было также вниманія на то, что ученики спали по двое на одной койкѣ; признаны были недоказательными свидѣтельства и наставниковъ, и учениковъ о покровительствѣ Порфирію экзарха Грузіи. Такимъ образомъ, подъ перомъ Измайлова явилось все это дѣло въ слѣдующемъ видѣ: «Тинниковъ до 18-го февраля 1840 г. не питалъ неудовольствія противъ инспектора Порфирія и питать было не за что; равно и Порфирій не имѣлъ къ нему невыгоднаго предубѣжденія, постоянно выставлялъ его по поведенію отличнымъ. 18-го февраля Тинниковъ, виноватый, оказалъ Порфирію въ присутствіи учениковъ грубость и дерзость, непростительныя въ ученикѣ предъ инспекторомъ, за что, призванный въ правленіе, въ первый разъ наказанъ, и по суду, лишеніемъ старшинства и заключеніемъ въ карцеръ; послѣ таковыхъ наказаній, вредныхъ для наказаннаго въ послѣдствіи, Тинниковъ, лучший ученикъ, питавшійся надеждами о себѣ, впалъ въ уныніе и сталъ искать средствъ поправить свои обстоятельства. Въ началѣ онъ думалъ оправдать себя или въ правленіи, или предъ экзархомъ (это слѣдуетъ изъ того, что Тинниковъ въ тотъ-же вечеръ, послѣ происшествія съ нимъ, пошелъ куда-то изъ комнаты и былъ остановленъ уже на улицѣ своими товарищами, и изъ черноваго его прошенія съ титуломъ къ экзарху (!?), что, вѣроятно и сдѣлалъ-бы, еслибы не случилось втеченія въ его обстоятельства обстоятельствъ другихъ. Случай этотъ слѣдующій: инспекторъ Порфирій имѣлъ непріязненныхъ къ себѣ людей виѣ и внутри семинаріи: въ семинаріи нѣкоторыхъ учениковъ, коихъ онъ одинъ только и наказывалъ, и нѣкоторыхъ наставниковъ, коимъ непріятно было видѣть, что администрація семинарская опиралась преимущественно на инспекторѣ, не имѣющемъ, притомъ, степени академической; виѣ семинаріи, предмѣстника своего, чиновника Дроздова, который почему-то недоброжелательствовалъ Порфирію, и діакона Урусова, чловѣка сомнительнаго поведенія, жившаго у ректора семинаріи, архимандрита Сергія. Тинниковъ встрѣтился съ таковыми людьми, которые, внушивъ ему, что ни правленіе, въ коемъ дѣйствуетъ одинъ инспекторъ, ни экзархъ, который инспектору покровительствуетъ, дѣла его не попра-

вать (къ таковой догадкѣ приводить прошеніе наставниковъ и то-же черновое прошеніе Тинникова, исправленное Дроздовымъ (?!)), обратили его, неопытного, съ жалобою къ г. оберъ-прокурору св. синода, и симъ положено было начало возмущенію учениковъ противъ семинарскаго начальства. Но чтобы осмѣлиться на жалобы къ г. оберъ-прокурору, надобно было происшествію Тинникова съ инспекторомъ придать важность и достоверность; для этого вымыслено жестокое избитіе Тинникова инспекторомъ (невѣроятное, кромѣ бездоказательности, и потому, что а) Тинниковъ человекъ рослый и мочный, а Порфирій слабый и невидный; б) Каневскій, защищающій Тинникова, объяснился слѣдственной комиссіи, что Тинниковъ 19-го февраля, при спросѣ его въ правленіи, не упоминалъ объ окровавленіи его инспекторомъ и признаковъ отъ побоевъ никакихъ на немъ замѣтно не было ¹⁾ и приговорено къ свидѣтельству много учениковъ, частію точно недовольныхъ Порфиріемъ и дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ Тинниковымъ къ составленію партіи противъ него и къ подкрѣпленію замысла; таковы преимущественно: Іассонъ Татіевъ, Александръ Мамацовъ, Андрей Цицвіанидзе, Иванъ Лашауровъ и Михаилъ Элизбаровъ, бывший у ректора Сергія келейникомъ, первый подписавшій жалобу Тинникова и участвовавшій въ составленіи доноса, а большею частію склоненныхъ къ тому недовольными и соблазнительнымъ покровительствомъ имъ нѣкоторыхъ наставниковъ, какъ это слѣдуетъ заключить изъ защиты возмущившихся учениковъ наставниками, изъ собственныхъ показаній нѣкоторыхъ подписавшихся подъ жалобою и доносомъ, изъ поступка въ слѣдственной комиссіи ученика Іоанна Еліозидзева и изъ обслѣдованія по отказной просьбѣ ученика Гвимрадзева). На жалобу Тинникова долго не было отзыва; Порфирій, между тѣмъ, сталъ строже наблюдать за учениками и о проступкахъ ихъ доводить до свѣдѣнія правленія формально; затѣявшіе дѣло могли думать, что жалоба оставлена безъ вниманія, какъ поданная помимо мѣстнаго начальства, или потому, что содержаніе ея не очень важно, а съ тѣмъ вмѣстѣ могли опасаться мщенія отъ инспектора, начавшаго дѣйствовать строго и по формѣ. Какъ Тинниковъ рѣшился на жалобу къ г. оберъ-прокурору не столько самъ собою, сколько по внушенію наставниковъ и Дроздова, то, боясь съ соучастниками своими послѣдствій такового поступка, безъ сомнѣнія обращался для совѣтовъ къ нимъ-же, наставни-

¹⁾ Слич. объясненіе ректора Сергія, который сказалъ, что Тинниковъ въ правленіи прямо жаловался на то, что инспекторъ Порфирій *прибилъ его, соннаго, до крови* (См. прил. къ дѣлу о Тинниковѣ, ч. II, стр. 54—55).

камъ п Дроздову, а можетъ быть и просить участія ихъ не на однихъ словахъ, а и на дѣлѣ. Чтобы дать силу и движеніе жалобѣ, придумано: а) сдѣлать доносъ отъ учениковъ, хотя, главнымъ образомъ, на инспектора Порфирія, но касающійся вообще управленія семинарскаго (что не есть дѣло однихъ учениковъ, ибо доносъ этотъ по плану и изложенію покаявается сочинителя больше смышленнаго, нежели ученика семинаріи); б) дать жалобѣ Тинникова правильный ходъ подачею отъ него прошеній въ семинарское правленіе и исправляющему должность прокурора синодальной конторы; в) подкрѣпить эту жалобу частными жалобами другихъ учениковъ: это сдѣлали Татіевъ и Мамацовъ и намѣревался сдѣлать Цицвіанидзе, и наконецъ г) защищать жалующихся и доносчиковъ въ правленіи формально, и это приняли на себя Каневскій, Юсселіани и Соколовъ, которые, неизвѣстно по какому случаю, присутствовали при разбирательствѣ поступковъ по майскимъ запискамъ Порфирія и участвовали въ сужденіи о нихъ. Словомъ, придумано вести дѣйствія противъ семинарскаго начальства открыто. Наставники, защищая учениковъ при разбирательствѣ поступковъ ихъ по помянутымъ запискамъ, не могли не согласить членовъ правленія на свое мнѣніе объ уменьшеніи наказанія виновнымъ, чѣмъ, конечно, были-бы возстановлены порядокъ и спокойствіе въ семинаріи, хотя на это время; но какъ цѣль предпріятія наставниковъ была другая, а совсѣмъ не защита учениковъ, то согласенное мнѣніе они тогда-же подписать отказались безъ причины и этимъ поступкомъ, утвердивъ волненіе въ семинаріи, лишили семинарское начальство силы дѣйствовать на взволновавшихся учениковъ совершенно. Приведя въ такое состояніе семинарію, они, наставники, дерзнули наконецъ и сами послать прошеніе къ г. оберъ-прокурору св. синода, гдѣ, изложивъ дѣйствія семинарскаго правленія и свои, въ защиту учениковъ, сдѣлали доносъ хотя также на инспектора Порфирія, *но касающійся уже мѣстнаго архіерея, экзарха Грузіи*. Такимъ образомъ, жалоба Тинникова на одного инспектора семинаріи обратилась въ прошеніи 27 учениковъ въ доносъ на семинарское правленіе вообще, а въ прошеніи наставниковъ въ доносъ на мѣстнаго архіерея. Вскорѣ затѣмъ наряжено слѣдствіе и игуменъ Порфирій удаленъ отъ должностей при семинаріи; взволновавшіеся ученики отнесли это къ успѣху своего дѣла и стали своевольствовать явно, помимо правленія подѣлали себя старшими, начали распоряжаться бурсачнымъ столомъ, завели между собою какую-то расправу и, какъ извѣстно всѣмъ членамъ комиссіи, много обижали учениковъ не ихъ партіи. Наставникъ Каневскій, сдѣланный исправляющимъ должность инспектора, былъ, при болѣзненномъ состояніи

ректора Сергія, одинъ дѣйствующимъ членомъ семинарскаго правленія; но онъ, соучастникъ въ дѣлѣ, полагалъ своевольствовавшимъ, ободряя ихъ и дѣломъ, и совѣтами, выставляя въ ежемѣсячныхъ запискахъ отличающимися въ поведеніи и прикрывая своевольные ихъ поступки (этотъ выводъ утверждается, между прочимъ, и на слѣдующихъ обстоятельствахъ: а) на вопросъ слѣдственной комиссіи, что сдѣлано семинарскимъ правленіемъ по запискѣ исправлявшаго предъ Каневскимъ инспекторскую должность Марсова о своевольномъ принятіи на себя нѣкоторыми учениками должности старшихъ, правленіе отвѣтствовало, что тогда-же, т. е. 30-го іюня, эти ученики смѣнены, между тѣмъ какъ Тинниковъ продолжалъ быть старшимъ послѣ и даже въ началѣ 1841 года; б) на требованіе о закупкѣ учениками провизіи, правленіе объяснилось отзывомъ ректора Сергія, даннымъ имъ въ небытность свою въ Тифлисѣ, гдѣ онъ со времени требованія пробылъ около двухъ мѣсяцевъ, а посланнымъ по выѣздѣ, съ дороги; в) ученикъ Іассонъ Татіевъ, лишенный при Порфиріи полного содержанія, бывшій въ маѣ 1840 года предметомъ распри между членами правленія и наставниками, и какъ по сему обстоятельству, такъ и по другимъ много прикосновенный къ настоящему дѣлу, принять въ январѣ сего 1841 года опять на полное содержаніе). Когда-же въ слѣдственной комиссіи стало обнаруживаться, что жалоба Тинникова бездоказательна, что доносъ 27 учениковъ частью несправедливъ, частью преувеличенъ и что цѣль прошенія наставниковъ совѣстная, а не любовь къ истинѣ и порядку; когда открылось, что въ управленіи семинаріею при Порфиріи были слабости и упущенія, а не было злоупотребленій, какъ то показала ревизія, и что Порфирій, членъ правленія, дѣйствовавшій съ большимъ предъ прочими усиліемъ, хотя вмѣшивался въ части другихъ членовъ, но не ко вреду семинаріи, и хотя обращался съ учениками самоуправно, но больше строго, нежели жестоко, или тирански; и когда, между тѣмъ, въ управленіе семинаріею вступилъ новоопредѣленный ректоръ, съ отбытія ректора Сергія не стало вблизи семинаріи діакона Урусова и чиновникъ Дроздовъ выѣхалъ изъ Тифлиса:—тогда комиссія усмотрѣла, что къ водворенію должнаго порядка и спокойствія въ тифлисской семинаріи нужны только мѣры обыкновенныя, т. е. дѣятельность и присутствіе власти ректора, занятіе собственнымъ дѣломъ cadaго члена въ правленіи и усердіе къ своей должности, при добромъ примѣрѣ отъ наставниковъ. Каковое усмотрѣніе оправдалось и на самомъ дѣлѣ: ибо съ удаленіемъ отъ семинаріи постороннихъ лицъ и по принятіи показанныхъ мѣръ спокойствіе между

учениками и порядокъ въ управленіи семинарскомъ тотчасъ возстановились и понынѣ не нарушаются» ¹⁾).

Чтобы довершить поражение партіи, враждебной Порфирію, Измаиловъ представилъ Сергія, Иосселиани и Каневского неспособными къ наставнической должности и отозвался самымъ невыгоднымъ образомъ о преподаваніи ими наукъ въ семинаріи. «1) Ученики богословія не только не получили образованія (богословіе преподавалъ Сергій), нужнаго проповѣдникамъ для обращенія въ христіанство горскихъ здѣсь народовъ, но даже не сообщено имъ понятія ни о Мессіи, ни о должности и обязанностяхъ миссіонерскихъ; 2) ученикамъ средняго отдѣленія (преподавалъ Иосселиани) читана философія по произволу наставника, а не по предписанному какому-либо руководству, или разсмотрѣнному предварительно конспекту, и изъ отвѣтовъ учениковъ нельзя было уразумѣть ни начала, ни системы, ни цѣли философскаго ученія въ здѣшней семинаріи; 3) ученики низшаго отдѣленія (наставникъ Каневскій), слушавшіе курсъ словесности, очень слабо знаютъ необходимыя для первоначальныхъ школъ правила риторики и поэзіи» ²⁾). Когда дѣло Тинникова представлено было экзарху на окончательное заключеніе, то экзархъ, утвердивъ заключеніе слѣдственной комиссіи въ главныхъ его чертахъ, сдѣлалъ отъ себя къ нему прибавленіе, состоявшее изъ нѣсколькихъ частныхъ, съ цѣлью еще болѣе усилить вину учениковъ и защитниковъ ихъ и доказать невинность Порфирія, а вмѣстѣ съ тѣмъ выставить Дмитріева, своего врага, главнымъ виновникомъ возмущенія семинаристовъ. «Инспекторъ, писалъ онъ, поступалъ съ учениками строго, но не грубо; пристрастія особеннаго къ кому-нибудь не оказывалъ и власти у членовъ правленія не предвосхищалъ; напротивъ, каждый членъ правленія дѣйствовалъ сообразно семинарскому уставу; экзархъ особеннаго покровительства инспектору не оказывалъ, потому что онъ экзарху ни съ какой стороны не родственникъ. Доносъ на Порфирія есть извѣтъ, составленный профессорами семинаріи: Иосселиани, Каневскимъ, Соколовымъ и чиновникомъ Дроздовымъ; но главнымъ дѣятелемъ въ заговорѣ противъ Порфирія былъ Дмитріевъ, подъ вліяніемъ котораго образовалась и окрѣпла партія изъ наставниковъ и учениковъ. До того времени, пока Дмитріевъ не исправлялъ должности прокурора грузино-имеретинской синодальной конторы, какъ по епархіи тифлисской, такъ и по семинаріи, все было тихо и спокойно; начальники и наставники семинаріи жили между собою въ согласіи, кромѣ Иосселиани, который, будучи природою грузинъ, несмотря на

¹⁾ См. при дѣлѣ по жалобѣ Тинникова заключеніе слѣдственной комиссіи.

²⁾ См. при дѣлѣ Тинникова записку слѣдственной комиссіи, стр. 154—161.

образование его въ духовной академіи, всегда чуждался русскихъ и велъ себя двусмысленно въ отношеніи къ начальству. Въ продолженіе пятилѣтней службы инспектора Порфирія при тифлисской семинаріи, ученики никогда не жаловались на него ни семинарскому правленію, ни экзарху; не жаловались также никогда на содержаніе ихъ пищею и одеждою, что оказалось справедливымъ и по слѣдствію, а напротивъ, всѣ были довольны и спокойны. Но 18-го февраля 1840 г. (а недавно предъ этимъ временемъ вступилъ въ управленіе должности прокурора г. Дмитріевъ) составила партія изъ учениковъ, подавшая жалобу на инспектора Порфирія къ г. синодальному оберъ-прокурору, котораго и титула не знали ученики, какъ обнаружено и слѣдственною комиссіею. Эта партія, во всю бытность г. Дмитріева въ должности прокурора, усиливалась и распространялась болѣе и разстраивала семинарію. Но съ отбытіемъ его, Дмитріева, изъ Тифлиса и съ поступленіемъ на мѣсто его прокурора г. Измайлова, семинарія опять успокоилась. Дмитріевъ былъ и есть глава сей партіи, на котораго надѣялись и наставники, и возмущившіеся ученики, въ успѣхъ своего заговора¹⁾. Въ заключеніе своего мнѣнія по дѣлу Тинникова, экзархъ произнесъ и приговоръ надъ наставниками и учениками, составившими, по его мнѣнію, заговоръ противъ Порфирія. Вотъ этотъ суровый приговоръ, въ которомъ такъ и слышится *«да погибнутъ»* всѣ поднявшіе руку на Порфирія! «Зная общее нерасположеніе грузинъ къ русскимъ, а равно и къ тому порядку, который старается завести русское начальство, отъ чего всякое должное взысканіе за отступленіе отъ порядка кажется для грузинъ стѣсненіемъ; зная также общую съ азіатскимъ народомъ склонность грузинъ къ составленію партій, не исключая даже духовенства и юношества духовнаго; зная особенную легкомысленность еще младенчествующаго въ Грузіи народа, по которой онъ на все готовъ склониться, а если присоединится къ тому подстрекательство и возбужденіе другихъ лицъ, а особенно каковы: Дмитріевъ, Дроздовъ и наставники юношества: то въ неопытныхъ воспитанникахъ вдругъ откроется (какъ и на самомъ дѣлѣ открылось) волненіе и родится такой духъ своеволія и непокорности къ мѣстному начальству, который впослѣдствіи трудно будетъ искоренить, ежели не принять строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ; зная еще и то, что тифлисская семинарія хотя и успокоилась съ отбытіемъ изъ Тифлиса ректора Сергія, Дроздова и Дмитріева, но порывы дурнаго направленія въ нѣкоторыхъ воспитанникахъ ея и теперь еще выказываются, а въ тѣхъ ученикахъ, которые

¹⁾ См. при дѣлѣ Тинникова мнѣніе экзарха, стр. 21—22 и 34.

были первыми зачинщиками возмущенія въ семинаріи, и теперь духъ противленія къ мѣстному училищному начальству остается во всей силѣ, что ясно доказывается: произведеннымъ уже и при нынѣшнемъ ректорѣ Флавіанѣ 14-го апрѣля 1841 года шумомъ въ столовой, показанною 18-го декабря того-же года учениками Тинниковымъ и Михаиломъ Элизбаровымъ необыкновенною дерзостію лично самому ректору Флавіану; зная и то, что такое худое и до 18-го февраля 1840 г. вовсе небывалое направленіе въ воспитанникахъ тифлисской семинаріи произошло наипаче отъ того, что они г. Дмитриевымъ были направлены обращаться съ прошеніями къ высшему начальству помимо своего епархіальнаго и семинарскаго начальства; удаленіе-же инспектора Порфирія отъ семинаріи относя къ успѣху своего дѣла, нѣкоторые изъ учениковъ, а особенно изъ бывшихъ зачинщиковъ возмущенія, сдѣлались болѣе своевольными и дерзкими; зная также и то, что остатки дурнаго направленія въ воспитанникахъ семинаріи и теперь еще поддерживаются наставникомъ Иосселианомъ, который, какъ грузинъ, всегда питая ненависть къ русскимъ, и теперь разстраиваетъ учениковъ, заводя партіи между учениками-грузинами и русскими и даже вредныя дѣлаетъ подстрекательства въ духовенствѣ,—я полагаю, съ своей стороны, нужнымъ для искорененія такового зла поступить *примерно строго* съ тѣми, которые оказались виновными въ возмущеніи тифлисской семинаріи, а именно: 1) наставниковъ: Платона Иосселиани и Матвѣя Соголова, какъ вредныхъ для семинаріи и которыхъ образъ жизни и поведенія замѣтила и слѣдственная коммиссія не совѣтъ назидательнымъ для учащихся, нынѣ-же вовсе отрѣшнить отъ должностей, занимаемыхъ ими при семинаріи, безъ аттестатовъ; сверхъ того, для спокойствія семинаріи, впредь полагать-бы я удалить наставника Иосселиани вовсе изъ Грузіи; иначе-же онъ, хотя и удаленный отъ семинаріи, но живя въ Грузіи, по склонности своей къ смутамъ и партизанству, не престанетъ разстраивать учениковъ и подстрекать духовенство; 2) діакона Урусова, какъ порочнаго и котораго, притомъ, и слѣдственная коммиссія признала челоувѣкомъ сомнительнаго поведенія, снявъ съ него санъ діаконскій, исключить вовсе изъ духовнаго званія и отослать къ гражданскому начальству на его разсмотрѣніе; 3) первыхъ зачинщиковъ возмущенія, учениковъ: Давида Тинникова, Михаила Элизбарова, Иассона Татіева, Александра Мамацова, Андрея Цицвианидзева, Ивана Лашаурова и Мелитона Оюмина, исключить изъ семинаріи и отдать въ военную службу; 4) а о наставникѣ Каневскомъ, перемѣщенномъ уже въ псковскую семинарію, о бывшемъ ректорѣ архимандритѣ Сергіѣ, переведенномъ въ тверскую епархію, о чиновникѣ Дроздовѣ, слу-

жащемъ по гражданскому вѣдомству, и о коллежскомъ ассесорѣ Дмитріевѣ, служащемъ при св. синодѣ, не входя, съ моей стороны, ни въ какое сужденіе, предоставляю разсмотрѣнію высшаго начальства. Наконецъ и о бывшемъ инспекторѣ семинаріи, игуменѣ Порфиріи, на котораго жалоба Тинникова и доносы другихъ учениковъ и наставниковъ оказались по слѣдствію неосновательными и бездоказательными, котораго, притомъ, преимущественную предъ прочими членами правленія дѣятельность усмотрѣла и слѣдственная коммиссія, а обращеніе его съ учениками нашла строгимъ, но не жестокимъ, и который однако за всеѣмъ тѣмъ оказался въ нѣкоторыхъ поступкахъ неправымъ и который уже полтора года, бывъ совершенно удаленъ отъ тифлисской семинаріи, состоитъ безъ должности, также не входя ни въ какое сужденіе, предоставляю благоразсмотрѣнію высшаго начальства» ¹⁾).

Неотрадная участь готовилась ученикамъ и наставникамъ, осмѣлившимся возстать противъ Порфирія. Слухи о приговорѣ экзарха достигли до подсудимыхъ. Семинаристы, не видѣвшіе никакого для себя исхода изъ своего положенія, съ мрачнымъ отчаяніемъ ожидали окончанія дѣла. Но не таково было дѣйствіе этого приговора на наставниковъ семинаріи, и особенно на Іосселиани. Въ виду страшной будущности, которая грозила ему изгнаніемъ не только изъ родного города, но и изъ отечества, разлукою съ престарѣлымъ отцомъ, уже стоявшимъ одною ногой въ гробу, вѣчнымъ пятномъ для чести какъ его самого, такъ и единственного его сына, Іосселиани не могъ равнодушно ждать окончанія своей участи и рѣшился испытать все находившіяся въ его рукахъ средства для своего спасенія. Единственная надежда въ этомъ случаѣ оставалась на графа Пратасова: Іосселиани обратился къ нему съ просьбою позволить ему пріѣхать въ Петербургъ для личныхъ объясненій по дѣлу, — и получилъ это позволеніе.

Экзархъ, хорошо знавшій цѣль этой поѣздки, старался всеѣми мѣрами отклонить отъ нея Іосселиани: онъ то ласкалъ его, то предлагалъ мировую черезъ посредство его отца, престарѣлаго тифлискаго протоіерея; но все было напрасно—Іосселиани былъ непреклоненъ. «Ну, сказалъ ему отецъ его, по крайней мѣрѣ простить съ экзархомъ и получи отъ него благословеніе на дорогу». «Не хочу я видѣть, отвѣчалъ Іосселиани, и прощаться съ этимъ злодѣемъ. Но чтобы сдѣлать угодное вамъ, иду къ экзарху, хотя знаю напередъ, что онъ не дастъ мнѣ своего благословенія и я уѣду безъ него». Дѣйствительно, такъ и случилось. «Платонъ, спросилъ Іосселиани

¹⁾ См. при дѣлѣ Тинникова мнѣніе экзарха.

экзархъ, зачѣмъ ты ѣдешь въ Петербургъ? жаловаться на меня?» «Да», отвѣчалъ Іосселиани. «Нѣтъ тебѣ моего благословенія», сказалъ экзархъ. «Я уѣду и безъ него», отвѣчалъ съ грубостью горца Іосселиани и уѣхалъ. Въ Москвѣ Іосселиани былъ у митрополита Филарета и въ разговорѣ съ нимъ рѣзко и безцеремонно выражался объ экзархѣ и его дѣйствіяхъ. Мнѣніе митрополита объ экзархѣ какъ-бы колебалось отъ словъ Іосселиани и знаменитый іерархъ произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: «Жаль, что преосвященный такъ дѣйствуетъ, а вѣдь предостерегалъ его отъ такихъ поступковъ одинъ изъ нашихъ іерарховъ и писалъ къ нему два письма, отъ которыхъ и камни-бы растаяли» ¹⁾. Еще безцеремоннѣе, еще рѣзче Іосселиани говорилъ объ экзархѣ предъ графомъ Пратасовымъ и совершенно убѣдилъ его въ справедливости своего отзыва объ экзархѣ и Порфиріи. Нужно замѣтить, что Пратасовъ еще и прежде былъ нерасположенъ къ экзарху и предубѣжденъ противъ Порфирія; но слѣдствіе Измайлова колебало мнѣніе оберъ-прокурора св. синода и перемѣнило его не въ пользу семинаристовъ и наставниковъ. Приѣздъ Дмитріева, бывшаго защитника семинаристовъ, въ Петербургъ и личное объясненіе его съ Пратасовымъ; прибытіе туда-же Іосселиани и раскрытіе ему-же со всею подробностью этого дѣла; наконецъ, отчетъ о ревизіи тифлисской семинаріи, представленный въ св. синодъ архимандритомъ Аѳанасіемъ, совершенно противорѣчившій донесеніямъ Измайлова и заключенію экзарха — все это расположило Пратасова принять сторону наставниковъ и семинаристовъ. Аѳанасій, вопреки Измайлову, донесъ, что фактъ избіенія Тинникова инспекторомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, равно какъ и жестокое его обращеніе съ учениками, скверное ихъ содержаніе, вѣзательство инспектора во всѣ части семинарскаго управленія и покровительство ему со стороны экзарха. Тогда какъ слѣдственная коммиссія представила наставниковъ Іосселиани, Каневского и другихъ дурными преподавателями, Аѳанасій нашелъ ихъ достойными и способнѣйшими. «Профессоръ словесности Каневскій, писалъ Аѳанасій, весьма способенъ и отлично дѣятеленъ, почему и заслуживаетъ полную признательность начальства. Уроки словесности, читанные ученикамъ, сами по себѣ очень удовлетворительны, какъ по полнотѣ, такъ и по порядку... Философія преподается по запискамъ, составленнымъ учителемъ изъ грузинъ, кандидатомъ Платономъ Іосселиани, который весьма способенъ и усерденъ и заслуживаетъ полную благодарность начальства. Записки сами по себѣ очень

¹⁾ Этотъ предостерегатель былъ самъ преосвященный Филаретъ.

достаточны и усердіе наставника заслуживаетъ совершенную похвалу» ¹⁾. Общій взглядъ на тифлисскую семинарію, сдѣланный Аѳанасіемъ, даетъ о ней выгодное понятіе. «Тифлисская семинарія, писалъ онъ, по недавности ея заведенія, сдѣлала быстрые успѣхи на пути къ совершенству. Введенный только въ 1835 году новый порядокъ вещей въ ней прочно утвердился. Ревизоръ нашелъ въ наставникахъ усердіе къ своему дѣлу, въ ученикахъ вниманіе и любовь къ наставникамъ, преданность вѣрѣ, престолу и отечеству. Нѣкоторые воспитанники такъ свободно владѣютъ русскимъ языкомъ, что наблюдатель, бесѣдуя съ ними, забываетъ что онъ среди дѣтей иноязычныхъ. Если есть какіе недостатки, то въ заведеніи, столь юномъ, какова тифлисская семинарія, они неизбежны... Ученики-грузины кротки и послушны, даже робки и боязливы» ²⁾.

Отзывъ Аѳанасія имѣлъ большое значеніе въ глазахъ Пратасова, несмотря на то, что экзархъ употреблялъ все усилія заподозрить его предъ синодомъ. «Не знаю—такъ писалъ экзархъ—что онъ, о. Аѳанасій, донесъ св. синоду по ревизіи тифлисской семинаріи, а только изъ дѣйствій его, о. Аѳанасія, тогда-же мною замѣчено, что онъ во всю бытность свою въ Тифлисъ, живя въ домѣ архимандрита Сергія и бывъ постоянно окруженъ наставниками: Иоселіани, Каневскимъ и Соколовымъ—главными возмутителями спокойствія въ семинаріи,—весьма пристрастно смотрѣлъ на сихъ наставниковъ, а на возникшую отъ нихъ партію въ семинаріи едва-ли обратилъ онъ какое-либо вниманіе» ³⁾. Съ этого времени Пратасовъ уже болѣе не измѣнялъ составленнаго имъ взгляда на дѣло тифлисскихъ семинаристовъ. Какъ-бы на зло экзарху, все лица, враждебныя ему, явились въ Петербургъ, были обласканы и повышены Пратасовымъ. Дмитріевъ уже давно служилъ при синодѣ, Иоселіани назначенъ сперва чиновникомъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ, а потомъ помощникомъ прокурора тифлисской синодальной конторы (послѣднее было сдѣлано съ явнымъ намѣреніемъ уколоть экзарха), Аѳанасій былъ опредѣленъ ректоромъ с.-петербургской духовной академіи, Каневскій получилъ каѳедру бакалавра въ той-же академіи. Общія усилія этихъ лицъ по дѣлу имѣли слѣдствіемъ то, что опредѣленіе синода, состоявшееся по немъ, не заключало въ себѣ той жестокости и суровости, какими было проникнуто мнѣніе экзарха. «Изъ разсмотрѣнія слѣдственнаго дѣла, говоритъ синодальный указъ, произведеннаго особо

¹⁾ См. въ дѣлѣ по жалобѣ Тинникова предложеніе графа Пратасова св. синоду, отъ 24-го августа 1842 г., за № 11058.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ См. при дѣлѣ Тинникова мнѣніе экзарха, стр. 7, на оборотѣ.

наряженной комиссією о безпорядкахъ, оказавшихся по тифлисской семинаріи, открывается, что таковыя безпорядки произошли отъ своевольтва и неовиновенія нѣсколькихъ учениковъ семинаріи, отъ принятія нѣкоторыми наставниками и другими лицами на себя защиты тѣхъ учениковъ, отъ того, что бывшій инспекторъ семинаріи, игумень Порфирій, поступалъ съ учениками жестоко и вообще выходилъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти и, наконецъ, отъ того, что бывшій ректоръ семинаріи, архимандритъ Сергій, дѣйствовалъ слабо. Открывшіяся по слѣдствію обстоятельства заключаются въ слѣдующемъ: 1) неодобрительные поступки учениковъ семинаріи состояли въ своевольствѣ и неовиновеніи ихъ; изъ числа учениковъ болѣе виновными выставляются: Тинниковъ, Татіевъ, Мацовъ, Цицвіанидзе, Лашауровъ и Элизбаровъ; 2) проступки и своевольтво учениковъ нашли себѣ защиту въ наставникахъ семинаріи и бывшемъ инспекторѣ оной, чиновникѣ Дроздовѣ. Наставники, поддерживавшіе сторону недовольныхъ учениковъ, суть: Каневскій, Лосселіани и Соколовъ; 3) инспекторъ семинаріи, игумень Порфирій, подалъ поводъ къ безпорядкамъ по семинаріи и жалобамъ нижеслѣдующими дѣйствіями: а) самоуправствомъ, ибо онъ, не доводя до свѣдѣнія семинарскаго правленія, наказывалъ учениковъ розгами, какъ въ правленіи, такъ и въ жилыхъ комнатахъ, а иныхъ учениковъ билъ своими руками; б) вмѣшательствомъ въ части ректорскую, экономическую и секретарскую, а также и въ обязанности библіотекаря; в) опущеніемъ собственныхъ его обязанностей, ибо онъ не доносилъ правленію о предосудительныхъ поступкахъ учениковъ до самаго происшествія. 4) Безпорядки по семинаріи не могли-бы происходить въ такомъ видѣ, еслибы бывшій ректоръ семинаріи, архимандритъ Сергій, дѣйствовалъ; по своей обязанности, по своему долгу, съ твердостію и благоразуміемъ; но онъ, напротивъ того, когда открылось слѣдствіе, привлекалъ на свою сторону недовольныхъ инспекторомъ учениковъ средствами унижительными, какъ-то: посылалъ имъ вино и даже водку. 5) Прикосновенными къ дѣлу выставляются: чиновникъ Дроздовъ и діаконъ Урусовъ: на перваго падаетъ явное подозрѣніе въ томъ, что онъ давалъ совѣты ученикамъ жаловаться на мѣстное начальство высшему начальству и исправлялъ черновое прошеніе учениковъ собственноручно. 6) Бывшій діаконъ Урусовъ, жившій у ректора, архимандрита Сергія, уличается по дѣлу въ томъ, что онъ виновныхъ учениковъ нерѣдко принималъ къ себѣ, особенно ученика Тинникова, чѣмъ содѣйствовалъ къ неовиновенію ихъ. 7) Хотя по замѣчаніямъ экзарха Грузіи выставляется прикосновеннымъ къ дѣлу коллежскій ассесоръ Дмитріевъ, исправлявшій должность прокурора сино-

дальной конторы, но слѣдствіемъ онъ оправданъ. По внимательномъ соображеніи обстоятельствъ дѣла сего съ мнѣніемъ по оному экзарха Грузіи, св. синодъ опредѣляетъ: 1) учениковъ, виновныхъ въ своевольствѣ и неповиновеніи, какъ-то: Тинникова, Татіева, Мамацова, Цицвіанидзева, Лашаурова и Элизбарова, хотя-бы слѣдовало исключить изъ духовнаго вѣдомства, но, принимая во вниманіе, во-первыхъ, что нѣкоторые изъ нихъ считались до возникшаго происшествія лучшими учениками, во-вторыхъ, молодость ихъ и неопытность, и въ-третьихъ, что безпорядки, произведенные ими, произошли болѣе отъ подстрекательствъ наставниковъ, притѣсненій инспектора семинаріи и необращенія должнаго вниманія на положеніе ихъ ректора семинаріи,—полагаетъ, въ предотвращеніе подобныхъ безпорядковъ на будущее время, оставить ихъ въ епархіальномъ вѣдомствѣ, съ предоставленіемъ мѣстному начальству дать имъ со временемъ назначеніе, сообразное поведенію ихъ, предоставивъ имъ, впрочемъ, право перейти въ другую епархію, или-же выйти изъ духовнаго званія, если того сами пожелаютъ. 2) Какъ изъ числа прикосновенныхъ къ настоящему дѣлу учениковъ остаются нѣкоторые нынѣ въ тифлисской семинаріи, какъ-то: Алексѣй Коліевъ, Иванъ Бешкеновъ, Симеонъ Харбысадзевъ, Георгій Цицкѣевъ, Петръ Машисовъ, Гавріилъ Татіевъ, Ростамъ Іаевъ, Тимошей Багаевъ, Василій Еліасидзевъ и Малказъ Лашауровъ; то вмѣнить семинарскому начальству въ обязанность имѣть неослабный надзоръ за поведеніемъ ихъ. 3) О бывшемъ инспекторѣ Дроздовѣ, наставникахъ: Каневскомъ, Іосселианѣ и Соколовѣ въ сужденіе не входитъ, такъ какъ они уже выбыли изъ тифлисской семинаріи. 4) Бывшаго діакона Урусова, съ коего, по прошенію его, снятъ уже діаконскій санъ по опредѣленію св. синода 1842 года, и уволенъ онъ изъ духовнаго званія, оставить безъ дальнѣйшаго преслѣдованія по настоящему дѣлу. 5) Бывшаго инспектора семинаріи, игумена Порфирія, подавшаго поводъ къ безпорядкамъ по семинаріи своимъ неблагоразумнымъ управленіемъ, не опредѣлять впредь въ училищную службу, а помѣстить его въ одинъ изъ монастырей астраханской епархіи, съ тѣмъ, чтобы преосвященный епархіальный учредилъ за нимъ особенный надзоръ и объ образѣ жизни его доносилъ св. синоду ежегодно. 6) Бывшаго ректора семинаріи, архимандрита Сергія, оставить настоятелемъ монастыря до усмотрѣнія, объявивъ ему строгое замѣчаніе за допущеніе во время управленія тифлисской семинаріей вышеозначенныхъ безпорядковъ. 7) Надворнаго совѣтника Дмитріева, исправлявшаго должность прокурора, какъ по слѣдствію нисколько не обвиненнаго, оставить свободнымъ отъ сего дѣла. 8) Бывшаго эконома семинаріи, священника

Басхарова, оказавшагося малоспособнымъ къ таковой должности и нынѣ уволеннаго уже отъ оной, не опредѣлять впредь къ подобнымъ должностямъ. 9) Семинарскому начальству поставить въ непремѣнную обязанность, съ строгимъ подтвержденіемъ, чтобы оно обратило особенное вниманіе на избраніе старшихъ изъ такихъ учениковъ, которые-бы своимъ поведеніемъ подавали добрый примѣръ нравственности, а никакъ не допускали-бы инспектору семинаріи распорядиться самому по себѣ въ наказаніяхъ, безъ донесенія семинарскому правленію своевременно о поступкахъ учениковъ, и приняло-бы дѣйствительныя мѣры къ водворенію покорности и доброй нравственности въ ученикахъ».

До какой степени снисходительно смотрѣлъ Пратасовъ на движеніе учениковъ тифлисской семинаріи, всего лучше открывается изъ того, что главные зачинщики этого движенія—Тинниковъ, Мелитонъ Ооминъ и другіе—приняты были въ духовныя академіи, гдѣ и окончили академическій курсъ и съ честью теперь служатъ—кто въ духовномъ, кто въ гражданскомъ вѣдомствѣ, между тѣмъ какъ Порфирій помѣщенъ былъ въ число братства Николаевской Чурканской пустыни, находящейся въ астраханской епархіи. Впослѣдствіи и самого экзарха постигло низведеніе. По случаю смерти кишиневскаго архіепископа Дмитрія были перемѣщены въ 1844 году нѣкоторые архіереи, въ томъ числѣ и экзархъ. На мѣсто Дмитрія назначенъ былъ изъ Вологды Иринархъ, а на его мѣсто изъ Орла Евлампій; на мѣсто Евлампія изъ Астрахани переведенъ Смарагдъ, а на его мѣсто изъ Грузіи Евгений. Смарагдъ, въ письмѣ своемъ къ Пратасову, не скрылъ досады по случаю низведенія его съ высшей епархіи на низшую, а Евгений даже прямо укорялъ за это Пратасова ¹⁾. «Честь имѣю довести до свѣдѣнія вашего, писалъ онъ Пра-

¹⁾ Чтобы имѣть понятіе о письмахъ архіереевъ къ Пратасову и чтобы видѣть, какъ много было въ нихъ рабобія приводимъ здѣсь для образца: 1) письмо Анастолія, назначеннаго въ это-же время изъ волынскихъ викаріевъ на могилевскую кафедру: «Сіятельныйшій графъ, милостивый государь! Сколько разъ ни удостоиваюсь получать относящіяся къ земной судьбѣ моей ваши писанія, столько разъ получаю новыя доказательства милости и благодѣяній, изливаемыхъ на меня вашимъ сіятельствомъ. Взысканный, избавленный благотворною десницею вашею отъ тѣсноты и скорби, вскорѣ милостивымъ предстательствомъ вашимъ у всероссійскаго Престола я призванъ въ сонмъ святителей церкви Христовой, возведенъ на екатеринбургскую архіерейскую епархію, сопричисленъ къ ордену св. Анны I степени, а теперь возведенъ на могилевскую кафедру, славную прежними своими святителями. Чѣмъ-же я воздамъ вашему сіятельству за толикія благодѣянія? Къ прискорбію, земныя выраженія благодарности такъ слабы, безжизненны, что я не нахожу въ нихъ ни одного слова

тасову, что я 22-го числа минувшаго февраля прибылъ въ Астрахань и вступилъ въ управленіе ввѣренной мнѣ астраханской епархіею. При семъ считаю неизлишнимъ присовокупить, что грузинское духовенство, привыкшее ко мнѣ въ продолженіи 10-лѣтняго моего управленія грузинскимъ экзархатомъ, *весьма опечалилось переводомъ меня изъ Грузии*. А когда совершалъ я послѣднее служеніе въ тифлисскомъ кафедральномъ соборѣ и говорилъ прощальное слово, тогда духовенство и народъ плакали и рыдали по мнѣ. А при выѣздѣ моемъ изъ Тифлиса грузинское духовенство сопровождало меня за заставу города и тамъ со мною простилось со слезами и рыданіемъ. При семъ случаѣ особенно замѣчательно было то, что даже армянское духовенство въ день отъѣзда моего изъ Тифлиса приходило въ соборъ проститься со мною и принять отъ меня благословеніе. И вообще отъ всѣхъ сословій народовъ Грузіи 10-лѣтнимъ тамъ служеніемъ моимъ приобрѣлъ я себѣ уваженіе и любовь» ¹⁾). Низведеніе Евгенія сопровождалось, сверхъ того, слѣдующимъ обстоятельствомъ, которое еще болѣе усиливало это наказаніе и еще болѣе говорило о не-

къ изъявленію благодарныхъ ощущеній, исполняющихъ теперь мое сердце. Посему, утѣшаясь единственно тою мыслию, что въ Богѣ есть конечно воздаянія, достойныя великихъ подвиговъ вашихъ для блага церкви святой и вашихъ благодѣяній, не престану возносить теплѣйшихъ моленій Подателю всѣхъ благъ, да воздастъ вамъ за изливаемые на меня благотворенія неисчерпаемыми своими щедротами» (см. въ дѣлѣ о назначеніи архіереевъ на новыя кафедры) и 2) письмо Иринарха: «Новый знакъ милости, явленной мнѣ всемилостивѣйшимъ Монархомъ въ назначеніи меня въ начальники кишиневской епархіи, исполняя меня чувствомъ благоговѣнія къ имѣющему въ рукахъ своихъ сердце Цареву и уклонившему оное столь милостиво на мое недостойнство, побуждаетъ меня въ то-же время обратиться къ вашему сіятельству, какъ къ главному орудію, посредствомъ котораго явлена мнѣ сія милость, чтобы принести вамъ искреннѣйшую мою признательность. Будьте увѣрены, что я вполне понимаю, до какой степени обязанъ я вашему ходатайству и содѣйствію настоящимъ моимъ перемѣщеніемъ въ лучшій климатъ, въ которомъ здоровье мое начинаетъ чувствовать великую нужду. Благодѣяніе, которое вы оказали мнѣ въ семъ случаѣ, будетъ самымъ пріятнѣйшимъ чувствомъ въ моемъ сердцѣ и непрестаннымъ напоминаніемъ обязанности приносить о васъ Господу Богу моленія: да вѣнчаетъ васъ новыми милостями и щедротами! да облакаетъ васъ новою силою и славою свыше ко благу своей церкви!

«Благоволите, милостивый государь, принять нелестное увѣреніе въ чувствахъ глубокаго почтенія и совершенной преданности, съ каковыми имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Иринархъ, епископъ кишиневскій и хотинскій».

¹⁾ См. въ дѣлѣ, находящемся въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, подъ № 66, о назначеніи преосвященныхъ: Смарагда архіепископомъ орловскимъ, Исидора экзархомъ Грузіи, Иринарха епископомъ кишиневскимъ, Апатолія епископомъ могилевскимъ, Евгенія архіепископомъ астраханскимъ и Евлампія епископомъ вологодскимъ, письмо Евгенія къ Пратасову за № 31, отъ 1-го марта 1845 года.

расположеніи къ экзарху Пратасова: всѣмъ перемѣщеннымъ архіереямъ выданы были, кромѣ прогоновъ, денежные пособія на подъемъ и путевыя издержки; только одному Евгенію отказали въ пособіи, что было для него обидою, тѣмъ чувствительнѣйшею, что онъ былъ очень скупъ и сребролюбивъ. Онъ не снесъ равнодушно этого и написалъ Пратасову слѣдующее письмо: «Указомъ св. правительствующаго синода отъ 31-го декабря 1844 года, за № 16403, дано мнѣ знать, что г. управляющій министерствомъ финансовъ, по содержанию сообщенныхъ ему опредѣленій св. синода отъ 21-го минувшаго ноября, увѣдомилъ васъ, что по ввѣренному ему министерству сдѣлано распоряженіе объ отпускѣ перемѣщаемымъ изъ одной епархіи въ другую архіереямъ, поименованнымъ въ тѣхъ опредѣленіяхъ, назначенныхъ имъ денегъ на подъемъ и путевое содержаніе, сверхъ прогоновъ. Но я, перемѣщенный изъ грузинской въ астраханскую епархію, доселѣ не получалъ на подъемъ и путевое содержаніе ни изъ тифлискаго, ни изъ астраханскаго уѣздныхъ казначействъ. Между тѣмъ, какъ я имѣлъ труднѣйшій переѣздъ чрезъ Кавказскія горы, а не доѣзжая до Астрахани за 140 верстъ оставилъ изломанную свою карету на почтовой станціи, да вообще подъемъ и проѣздъ мой отъ Тифлиса до Астрахани былъ сопряженъ съ значительными издержками. Почему покорнѣйше прошу ваше сіятельство учинить распоряженіе объ отпускѣ, или объ исходатайствованіи мнѣ денегъ на подъемъ и путевое содержаніе, подобно прочимъ архіереямъ, перемѣщеннымъ въ ноябрѣ прошлаго года изъ одной епархіи въ другую»¹⁾.

Евгеній получилъ отказъ въ довольно жесткихъ выраженіяхъ: синодъ, опредѣленіемъ своимъ отъ 20-го—30-го іюня 1845 г., заключилъ: «Объявить указомъ астраханскому архіепископу Евгенію на его просьбу объ удовлетвореніи его по случаю перемѣщенія съ экзаршеской каѳедры Грузіи на каѳедру архіепископа астраханскаго, подъемными и путевыми деньгами, подобно другимъ, перемѣщаемымъ съ однихъ каѳедръ на другія, архіереямъ, что такія выдачи производятся по особымъ соображеніямъ св. синода, и всегда тѣмъ лицамъ, которыя, по ограниченности личныхъ способовъ содержанія по прежнимъ мѣстамъ служенія ихъ, не могутъ имѣть особенныхъ средствъ къ перемѣщенію; онъ-же, архіепископъ, получавшій по каѳедрѣ экзарха и званію пресѣдательствующаго въ грузино-имеретинской конторѣ св. синода однихъ окладовъ 6.200 руб. серебромъ, не могъ быть въ подобномъ тѣмъ затруднительномъ положеніи при своемъ перемѣщеніи, а слѣдовательно и имѣть нужду въ равномъ съ ними пособіи.

¹⁾ Тамъ-же.

Если-же онъ испрашиваетъ онаго въ видѣ награды себѣ, то и она по общему закону, каковъ постановленъ въ 1088 ст. 3 т. Уст. о служ. (изд. 1842 г.), зависитъ отъ усмотрѣнія начальства, а не отъ собственныхъ каждаго просьбъ и ходатайствъ; что по всему этому св. синодъ въ просьбахъ ему отказывается» ¹⁾. Рѣзче и жестче этого отказать было нельзя. Видно, въ лицѣ Пратасова, судьба хотѣла явиться Евгению правосудною мстительницею; впрочемъ, она-же послала ему и утѣшеніе въ горѣ: онъ получилъ въ управленіе ту епархію, въ которую еще прежде его былъ посланъ синодомъ любимецъ его—Порфирій; такимъ образомъ, два друга снова свидѣлись и опять могли жить вмѣстѣ...

У. Ревизія костромского епархіальнаго управленія.

Поводъ къ этой ревизіи былъ поданъ преосвященнымъ Виталіемъ, епископомъ костромскимъ. Трудно представить себѣ человека съ болѣе неприятными и отталкивающими качествами, какъ Виталій. Толстый, угреватый, неповоротливый, надутый, презрительно обращающійся съ низшими, изгибавшійся въ дугу передъ высшими, упрямый, недѣятельный, чрезвычайно требовательный въ отношеніи къ другимъ, грубый до цинизма съ подчиненными—таковъ былъ этотъ іерархъ. Изобрѣтательность его грубости нерѣдко удивляла даже людей, привыкшихъ съ малолѣтства къ самому спартанскому съ ними обращенію, какъ, напримѣръ, воспитанниковъ нашихъ духовныхъ академій. Такъ, во время бытности Виталія ректоромъ с.-петербургской духовной академіи, студенты ея весьма часто бывали свидѣтелями самыхъ возмутительныхъ съ его стороны поступковъ, изъ числа которыхъ приведемъ здѣсь слѣдующій: при чтеніи лекцій Виталій сидѣлъ, по большей части, обратившись къ студентамъ спиною; когда-же кто-нибудь изъ смѣльчаковъ студентовъ рѣшался въ это время возражать ему противъ его тезисовъ, тогда онъ обыкновенно дѣлалъ полуоборотъ на профессорскихъ креслахъ, и, какъ можно больше набравъ во рту слюны, харкалъ въ ту сторону и по тому направленію, гдѣ сидѣлъ дерзкій возражатель. Конечно, подобный способъ рѣшенія возраженій могъ быть небезопасенъ для физіономіи возражателей, но на это ученый о. ректоръ мало обращалъ вниманія. Ректура Виталія въ с.-петербургской духовной академіи совпала съ эпохою вступленія въ должность оберъ-прокурора св. синода графа Пратасова, на котораго неповоротливая и безобразно-толстая фигура

¹⁾ См. въ этомъ-же дѣлѣ указъ отъ 13-го іюля 1845 года.

ректора, при первомъ-же его представленіи, произвела очень непріятное впечатлѣніе. Такое безотчетное чувство нерасположенія нашло, впрочемъ, себѣ вскорѣ оправданіе послѣ перваго посѣщенія Пратасовымъ академіи. Беспорядокъ и неряшество, въ ней господствовавшіе, сильно его поразили и такъ какъ главною виною всего этого былъ ректоръ, то Пратасовъ поставилъ ему это на видъ. Съ этого времени ни одно посѣщеніе оберъ-прокуроромъ академіи не обходилось безъ такъ-называемыхъ сценъ. Но чѣмъ прогрессивнѣе и откровеннѣе выражалось неблаговоленіе Пратасова къ Виталію, тѣмъ сильнѣе и открытѣе росло расположеніе къ нему московскаго митрополита Филарета. Острияки объясняли послѣднее тѣмъ, что «крайности сходятся» и физическимъ закономъ, по которому «два противоположныя электричества взаимно притягиваются». «Тучная фигура Виталія—говорили они—должна привлекать и притягивать къ себѣ тщедушную, сухую и подвижную фигуру Филарета». Но такое расположеніе московскаго митрополита къ Виталію гораздо естественнѣе объясняется слѣдующимъ психологическимъ закономъ: «враги моего врага мои друзья; преслѣдуемые моимъ врагомъ имѣютъ право на мое покровительство и защиту, и если хочешь сдѣлать непріятное своему врагу, то люби и покровительствуй тѣхъ, коихъ онъ преслѣдуетъ». Какъ-бы то ни было, только Виталій, гонимый Пратасовымъ, сдѣлался любимцемъ Филарета и изъ ректоровъ с.-петербургской духовной академіи былъ назначенъ викаріемъ въ Москву, откуда, по рекомендаціи того-же Филарета, былъ переведенъ въ Кострому самостоятельнымъ епископомъ. Здѣсь вполнѣ обнаружилась недѣятельность Виталія: отекавшій отъ водяной, едва передвигавшій ноги, оттолкнувшій отъ себя грубымъ обращеніемъ и недовѣрчивостью членовъ консисторіи, требовавшій отъ нихъ какого-то непогрѣшительнаго и безошибочнаго сужденія о дѣлахъ, онъ совсѣмъ запутался въ нихъ и почти остановилъ всякое ихъ движеніе. На бѣду Виталія, секретарь костромской консисторіи, Архаровъ, не отличался ни добросовѣстностью, ни уваженіемъ къ архіерейскому сану. Это была одна изъ тѣхъ личностей, о которыхъ говорятъ, что они «сорвались съ цѣпи и бѣжали изъ каторги».

Узнавши, что Виталій мнителенъ и боится дѣлъ, особенно ихъ численности, секретарь нарочно представлялъ ему дѣла огромными связками. Въ Костромѣ Виталій не кутилъ, а между тѣмъ слухи, имѣвшіе о спованіи въ прежней его жизни, приписывали его недѣятельность именно этому пороку; по крайней мѣрѣ, Пратасовъ былъ такого мнѣнія. Вызванный тогда на чреду священнослуженія въ Петербургъ, ректоръ костромской семинаріи Наѡанаилъ своими разсказами о Виталіи еще болѣе утвердилъ Пратасова въ прежнемъ его мнѣніи о немъ. Поэтому, при первомъ

донесеніи секретаря костромской консисторіи, что Виталій изъ дѣлъ, представляемыхъ къ нему отъ консисторіи, сдаетъ въ нее только самыя мало-сложныя, и что онъ не передаетъ въ нее бумагъ, присылаемыхъ къ нему отъ разныхъ мѣстъ и лицъ черезъ почту и подаваемыхъ ему лично, а часть клировыхъ вѣдомостей и послужныхъ списковъ, представленныхъ ему нѣкоторыми благочинными и монастырскими настоятелями въ январѣ мѣсяцѣ 1843 по 1844 гг., сдалъ въ консисторію только 15-го января 1844 года ¹⁾, Пратасовъ подумалъ, что все это происходитъ отъ излишняго употребленія преосвященнымъ спиртныхъ напитковъ. Подозрѣніе Пратасова находило какъ будто подтвержденіе въ самыхъ поступкахъ Виталія. Когда по новому доносу секретаря костромской консисторіи, что «изъ числа дѣлъ, которыя по роду своему требуютъ разсмотрѣнія и утвержденія костромскаго преосвященнаго, не сданы имъ въ консисторію по 16-е января 1845 года 473 дѣла» ²⁾, сдѣлано было синодомъ второе подтвержденіе Виталію «обратить на замедленіе хода дѣлъ по костромскому епархіальному управленію, столь несомвѣстное съ порядкомъ службы, особенное свое вниманіе и принять начальственные мѣры къ устраненію сего и, между тѣмъ, въ началѣ сего 1845 года представить св. синоду перечневую вѣдомость съ означеніемъ, сколько именно дѣлъ остается въ нерѣшеніи» ³⁾, то Виталій упорно молчалъ и бездѣйствовалъ. Пратасовъ не хотѣлъ прямо назначить формальную ревизію, а между тѣмъ ему было очень желательно имѣть вѣрныя и положительныя свѣдѣнія о состояніи епархіальныхъ дѣлъ въ Костромѣ, а главное—о самомъ архіереѣ. Для этого онъ избралъ другое средство, болѣе дѣйствительное и болѣе идущее къ цѣли, именно посредствомъ довѣреннаго лица, частнымъ образомъ, безъ всякихъ формальностей, собрать на мѣстѣ и получить всѣ нужныя свѣдѣнія. Выборъ Пратасова палъ на архимандрита Софонія, который въ это время былъ переведенъ изъ ректоровъ каменецъ-подольской семинаріи въ ректоры ярославской и, слѣдовательно, могъ какъ-бы по дорогѣ

¹⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 1844 года подъ № 252, по рапорту секретаря костромской консисторіи о причинѣ медленнаго теченія дѣлъ по костромскому епархіальному управленію, и въ немъ доносъ секретаря Архарова отъ 12-го сентября 1844 года.

²⁾ Тамъ-же, а также дѣло св. синода объ устраненіи медленности по костромскому епархіальному управленію и объ увольненіи отъ управленія онаго, за болѣзнію, пр. Виталія и объ опредѣленіи костромскимъ епископомъ викарія с.-петербургской епархіи Іустина.

³⁾ См. синодскую справку въ приведенномъ выше дѣлѣ объ устраненіи медленности по костромскому епархіальному управленію и проч.

къ мѣсту новаго назначенія захватъ въ Кострому, хотя, слѣдуетъ замѣтить, Софонія отправлялся въ Ярославль не изъ Каменецъ-Подольска, а изъ Петербурга, гдѣ онъ находился тогда на чредѣ священнослуженія. Софонія отправлялся въ Кострому для исполненія возложеннаго на него порученія съ крайнимъ неудовольствіемъ. Это неудовольствіе, несмотря на всю сдержанность Софоніи, высказывается и въ письмѣ его къ Пратасову. Приведемъ здѣсь въ подлинникѣ это, интересное по многимъ отношеніямъ, письмо. Послѣ вступленія, въ которомъ онъ поздравляетъ Пратасова съ наступающимъ праздникомъ свѣтлаго Христова Воскресенія въ которомъ такъ много высказано ему лести и угодливости, Софонія пишетъ слѣдующее: «Порученіе, которое угодно было вашему сіятельству возложить на меня касательно преосвященнаго костромскаго, исполнено мною, сколь было возможно, о чемъ пространнѣе честь имѣю доложить слѣдующее: прибывъ въ Ярославль 4-го апрѣля, на другой-же день я отправился въ Кострому. Тамъ остановился у купца Солодовникова, коего спрашивая о Костромѣ и сущихъ въ ней, непримѣтнымъ образомъ узналъ очень много относящагося къ цѣли моей поѣздки. Почтенный старикъ Солодовниковъ извѣстенъ своею честностію, умомъ и преданностію истинѣ и вѣрѣ. Нельзя сомнѣваться въ его сказаніяхъ, тѣмъ паче, что въ тотъ день онъ готовился къ исповѣди и потомъ къ св. причастію. Затѣмъ, давъ видъ дѣлу, будто пріѣхалъ для поклоненія Пресвятой Богородицѣ Феодоровской, я отправился въ соборъ, гдѣ, слушая литургію, имѣлъ возможность и случай познакомиться съ протоіереемъ и іереями собора, и между прочимъ со старцемъ Груздевымъ. Разказы ихъ о консисторіи и ея дѣйствіяхъ много дали свѣта тому предмету, о которомъ нужно было мнѣ знать. Изъ собора ѣздивъ къ преосвященному, у коего пробылъ около пяти часовъ. Послѣ того былъ въ Богоявленскомъ монастырѣ и семинаріи; тамъ видѣлся съ управляющимъ монастыремъ и нѣкоторыми профессорами, съ коими, разговаривая о нихъ самихъ, естественно и непримѣтно я наводилъ рѣчь на епархіальное управленіе и визнавалъ, что было нужно. На обратномъ пути изъ Костромы заѣзжалъ я въ Игрицкій Богородицкій монастырь, гдѣ послѣ литургіи (7-го числа, въ субботу Лазареву) заходилъ къ игумену Порфирію (старецъ при всей толстотѣ своей довольно тонокъ и уменъ), а потомъ останавливался въ двухъ селеніяхъ, чрезъ кои проѣзжалъ, и въ продолженіе перемѣны лошадей имѣлъ случай говорить наединѣ съ двумя священниками. Сумма всѣхъ свѣдѣній, которыя я такимъ образомъ успѣлъ собрать отъ постороннихъ, заключается въ слѣдующемъ: преосвященный Виталій съ первыхъ дней прибытія въ Кострому сталъ слабѣть въ здоровьѣ, которое бо-

лѣе и болѣе разстроивалось по мѣрѣ того, какъ онъ усугублялъ свою дѣятельность и сидячія занятія. Въ нынѣшнюю зиму и особенно въ началѣ проходящаго поста былъ при смерти, но теперь чувствуетъ себя лучше и наканунѣ моего пріѣзда служилъ въ своей домово́й церкви. По консисторіи дѣла идутъ медленно; особенно это замѣтно для ставлениковъ, по причинѣ рѣдкаго служенія преосвященнаго. Впрочемъ, никто не ставитъ сего ему въ вину. Рѣшительно никто не предполагаетъ касательно его болѣзни ничего, что могло-бы наводить какую-либо тѣнь подозрѣнія на его образъ жизни, а напротивъ, всѣ болѣе или менѣе намекають на душевныя непріятности, и причину ихъ полагають въ непріязненномъ противу преосвященнаго дѣйствованіи консисторіи и особенно секретаря. Нельзя не замѣтить, что всѣ до одного, не исключая и самихъ членовъ консисторіи, съ коими говорилъ я, отъ души одобряють благоразуміе, особенную доброту души, заботливость и стараніе владыки устроить благо епархіи и весьма соболѣзнуютъ о его разстроенномъ здоровьѣ, а о секретарѣ всѣ отзываются съ худой стороны, съ тѣмъ только различіемъ, что иные (его стороны) высказываютъ свои мысли неопредѣленно, а другіе (большая часть) прямо говорятъ о немъ, какъ о человѣкѣ дурномъ, мздоимномъ и коварномъ интриганѣ.

«О свиданіи съ преосвященнымъ, какъ о существеннѣйшемъ предметѣ моего порученія, имѣю честь доложить вашему сіятельству особо. Преосвященный дѣйствительно поправляется въ здоровьѣ, можетъ уже ходить и говорить, хотя то и другое дѣлаетъ очень медленно и тихо. По его словамъ, подтвержденнымъ пользующимъ его медикомъ, онъ страдаетъ отъ заваловъ въ печени (медикъ увѣряетъ, что можетъ скоро выздороветь). Предложеніе, которое я выразилъ ему отъ имени вашего сіятельства касательно временнаго увольненія себя отъ занятій по епархіи, принято было имъ съ глубокимъ и живымъ чувствомъ благодарности къ особѣ вашей за такое благотѣльное участіе въ его положеніи. За всѣмъ тѣмъ, нельзя было не примѣтить, что его преосвященству хотѣлось-бы продолжать службу не прерывая, еслибы только перемѣнили секретаря и *дали благонамѣреннаго ректора*; но рѣшительное мнѣніе о семъ онъ хотѣлъ изложить предъ вашимъ сіятельствомъ въ особомъ письмѣ. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ нимъ, я увидѣлъ ясно то, о чемъ говорили другіе намеками. Болѣзнь его подлинно произошла отъ напряженной дѣятельности, сопровождаемой постоянными душевными огорченіями. Кромѣ множества текущихъ дѣлъ, ему на третій день по пріѣздѣ представлено было три воза нерѣшенныхъ дѣлъ, изъ коихъ нѣкоторыя восходили своимъ началомъ къ прошедшему столѣтію, между тѣмъ предшественникомъ его,

преосвященнымъ Владиміромъ, предъ самымъ выѣздомъ изъ Костромы доносило св. синоду о цвѣтущемъ состояніи консисторіи, съ при-
 совокупленіемъ ходатайства о награжденіи членовъ ея и особенно секретаря, который выставленъ былъ съ превосходной стороны, тогда какъ о немъ-же за два мѣсяца предъ симъ тотъ-же преосвященный Владиміръ относился къ вашему сіятельству, какъ о человѣкѣ мздоимномъ и неблагонадежномъ. Вотъ первое, что возмутило духъ преосвященнаго Виталія и поставило его въ положеніе самое затруднительное. Далѣе, настоятельное домогательство секретаря о повтореніи ходатайства предъ св. синодомъ о наградѣ его, оставленное преосвященнымъ Виталіемъ безъ уваженія, вооружило противъ него сначала секретаря, а потомъ, за него и за себя, и всѣхъ членовъ консисторіи, оставшихся также безъ награды. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ произошло странное и для управленія епархіальнаго весьма вредное раздѣленіе между консисторіею и преосвященнымъ. Секретарь пересталъ ходить ко владыкѣ и доселѣ присылаетъ къ нему дѣла съ служителемъ консисторскимъ. Увлеченные имъ члены также вышли изъ повиновенія и, дѣйствуя заодно между собою и съ секретаремъ, составили изъ себя родъ конфедераціи, дѣйствующей независимо отъ преосвященнаго, и какъ-бы съ намѣреніемъ повредить ему во мнѣніи начальства, а можетъ быть съ желаніемъ ускорить его рѣшимость просить увольненія отъ епархіи. Вотъ вторая причина, наиболѣе разстроившая здоровье преосвященнаго и наиболѣе препятствующая успѣшному теченію дѣлъ консисторскихъ. Къ сему должно присовокупить, что изъ членовъ консисторіи *одинъ только понимаетъ ходъ дѣлъ консисторскихъ; за то сей единый сколько смысленъ, столько-же или даже болѣе нерасположенъ ко владыкѣ;* прочіе, при меньшей нерасположенности къ преосвященному, суть трости, удобопреклоняющіяся по направленію воли секретаря. Всѣ опредѣленія и рѣшенія составляются подъ его вліяніемъ столоначальниками, которые, пользуясь видимымъ разстройствомъ консисторіи, почти всѣ свои сужденія основываютъ на мздѣ. Явная по-
 блажка секретаря, происходящая изъ желанія привязать ихъ къ себѣ, крайне усилила въ нихъ и во всемъ причтѣ канцелярскомъ своеволие и лихоимство. Тѣ только дѣла идутъ къ докладу, у коихъ есть двигательныя металлическія пружины. Само собой разумѣется, что и рѣшеніе ихъ зависитъ отъ достоинства и количества сихъ пружинъ. Преосвященный показывалъ мнѣ нѣсколько таковыхъ рѣшеній. При такомъ порядкѣ, или лучше, безпорядкѣ, ему остается или измѣнять большую часть рѣшеній своими резолюціями, или соглашаться на явную несправедливость. Первое требуетъ усиленнаго дѣйствованія и здоровья неразстроеннаго; второе

болѣзненно и невыносимо для совѣсти. Владыка нѣсколько разъ выражалъ, что при немъ, къ крайнему его прискорбію, нѣтъ рѣшительно человѣка, который-бы сколько-нибудь содѣйствовалъ ему въ трудахъ. Все это докладываю вашему сіятельству, какъ самое вѣрное соображеніе и непосредственный результатъ того, что я слышалъ изъ устъ преосвященнаго. При семъ долгомъ считаю присовокупить его отзывъ о секретарѣ, высказанный прерывающимся отъ внутренняго волненія голосомъ и со слезами на глазахъ; вотъ собственныя слова его: «Человѣкъ каторжный и отъявленный злодѣй болѣе имѣеть совѣсти, нежели этотъ секретарь». Справедливы ли, и до какой степени справедливы этотъ отзывъ, судить не могу. Но у преосвященнаго есть бумага (я ее видѣлъ) за подписомъ членовъ консисторіи; содержаніе сей бумаги есть показаніе предъ зеркаломъ домового писмоводителя владыки о томъ, что якобы секретарь сначала ласкою, а потомъ угрозами склонялъ его къ разнымъ поступкамъ противу преосвященнаго, самымъ коварнымъ и низкимъ. Если это правда, то отзывъ владыки вполне справедливъ. Но я доселѣ не упоминаю о моемъ свиданіи съ секретаремъ: это потому, что я не видѣлся съ нимъ. Какъ это ни странно, но случилось такимъ образомъ: возвратившись отъ владыки, я двукратно приглашалъ его къ себѣ, но первому посланному сказали, что его нѣтъ дома, а предъ вторымъ онъ отказался, отзываясь позднимъ временемъ (а это былъ 8-й часъ въ началѣ) и обѣщаясь быть у меня рано утромъ. Угрожаемый явную опасностію скорого разлитія Волги, я вовсе не располагался ночевать въ Костромѣ, однако-же въ надеждѣ обѣщаннаго свиданія остался до утра. Но и это было напрасно. Я ждалъ до 8-ми часовъ; г. секретарь не явился; между тѣмъ вода поднималась, Волга чуть держалась, и потому, боясь, чтобы не остаться въ Костромѣ надолго, я рѣшился отправиться домой, не выдавшись съ нимъ. Опасеніе мое было не напрасно. Волга тронулась въ тотъ-же самый день.

«Заключая мое покорнѣйшее донесеніе вашему сіятельству, грѣхомъ считаю утаить, что преосвященный показался мнѣ малодушнымъ, нерѣшительнымъ и робкимъ. Есть-ли это случайное въ немъ явленіе, временной припадокъ, слѣдствіе разстроеннаго здоровья, или всегдашнее свойство—судить не могу, ибо прежде не имѣлъ чести знать его. Но еслибы ваше сіятельство позволили мнѣ высказать мое мнѣніе, то я полагалъ-бы, что во всякомъ случаѣ для возстановленія въ консисторіи надлежащаго порядка надобенъ иной владыка, съ болѣею энергіею, съ лучшимъ здоровьемъ и съ сильнѣйшею волею: самъ преосвященный, какъ кажется, очень желалъ-бы перемѣститься въ другую епархію, и если онъ будетъ просить ваше сіятельство о перемѣнѣ только секретаря и нѣкоторыхъ чле-

новъ, то это потому лишь, что не надѣется, чтобы воля его о перемѣщеніи была уважена св. синодомъ» ¹⁾).

Но такъ какъ дознаніе, произведенное Софоніею, не было облечено въ официальные формы, можетъ быть даже не было извѣстно и членамъ св. синода, и такъ какъ, основываясь на немъ, нельзя было постановить формальнаго опредѣленія о Виталіи, то по полученіи письма Софоніи къ Пратасову, по его предложенію, было наряжено формальное слѣдствіе надъ Виталіемъ и ревизоромъ былъ назначенъ ярославскій преосвященный Евгений. Въ синодальномъ указѣ говорилось, что «синодъ слушалъ предложеніе г. оберъ-прокурора графа Пратасова о запусненіи дѣлъ по костромскому епархіальному управленію и приказалъ: къ предупрежденію дальнейшей медленности и самого безпорядка въ дѣлахъ костромскаго епархіальнаго управленія, признаеть необходимымъ поручить преосвященному архіепископу ярославскому Евгению отправиться лично въ Кострому и, по надлежащемъ объясненіи съ преосвященнымъ и консисторіею, вникнувъ въ причины, останавливающія своевременное разрѣшеніе поступающихъ къ нему, преосвященному, дѣлъ и бумагъ, донести о томъ св. синоду въ возможной скорости, съ присовокупленіемъ соображеній своихъ къ приведенію всего запущеннаго въ должный порядокъ и съ представленіемъ реэстра остающимся безъ движенія бумагамъ и дѣламъ» ¹⁾. Евгений, всегда дѣйствовавшій въ видахъ охраненія и защищенія іерархическихъ правъ и открыто выражавшій свое нерасположеніе къ преобладанію въ синодѣ свѣтскаго элемента, и теперь усиливался вину Виталія раздѣлить между имъ, консисторіею и секретаремъ, и старался доказать, что число нерѣшенныхъ Виталіемъ дѣлъ гораздо менѣе показаннаго въ рапортѣ секретаря, злонамѣренно увеличившаго ихъ количество, и что нерѣшенные дѣла обязаны своею неподвижностью болѣе консисторіи и секретарю, чѣмъ недѣятельности архіерея. Консисторія своимъ невѣжествомъ, незнаніемъ законовъ и неправильнымъ рѣшеніемъ дѣлъ, а секретарь безпорядочнымъ ихъ веденіемъ и безвременнымъ внесеніемъ, по мнѣнію Евгения, основанному на словахъ Виталія, останавливали ихъ ходъ. Но управленіе Виталія

¹⁾ См. въ дѣлѣ (1844 года, № 252), находящемся въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, по рапорту секретаря костромской консисторіи о причинѣ медленнаго теченія дѣлъ по костромскому епархіальному управленію, письмо Софоніи къ Пратасову отъ 14-го апрѣля 1845 года.

¹⁾ См. въ дѣлѣ св. синода объ устраненіи медленности по костромскому епархіальному управленію и объ увольненіи отъ управленія оною, за болѣзнію, пр. Виталія, и объ опредѣленіи костромскимъ епископомъ викарія с.-петербургской епархіи Іустина, указъ св. синода отъ 28-го мая 1845 года.

епархією, видно, было до того безпорядочно, что и Евгеній, въ заключеніе своего рапорта св. синоду о результатѣ произведенной имъ ревизіи, долженъ былъ сознаться, что «несумнительною причиною накопившихся у преосвященнаго дѣлъ почитаетъ онъ непрерывающіяся болѣзни, иногда доходящія до отчаянія, а вѣроятною причиною накопленія, согласно его самого мнѣнію (т. е. Виталія), полагаетъ непорядочное веденіе секретаремъ и рѣшеніе консисторіею дѣлъ, что его (Виталія) непрестанно огорчало по его пастырской ревности и почти на каждой строкѣ останавливало по его внимательности и аккуратности, и что онъ не видитъ надежды и возможности къ ихъ ускоренію, если останется на костромской епархіи Виталій, по его болѣзни и небезосновательной недовѣрчивости» ¹⁾.

Изъ словъ самого Евгенія видно, что Виталій, по своей болѣзни и физическимъ немощамъ, не былъ способенъ ни къ какой дѣятельности. Присутствіе ревизора и побужденія, дѣлаемые имъ Виталію, на время какъ будто пробуждали въ немъ энергію, но она опять вскорѣ засыпала, и затѣмъ начиналась снова обычная апатія. Вотъ что, на примѣръ, пишетъ Евгеній: «9-го іюня я письменно отнесся къ преосвященному, съ приложеніемъ копій съ указа св. синода, прося сообщить мнѣ, сколько находится у него дѣлъ и бумагъ, точно-ли столько, сколько значится въ указѣ, и по какой причинѣ не сданы, и приложить онымъ реестръ, каковъ долженъ я представить св. синоду по силѣ того указа.

«Я просилъ каждодневно преосвященнаго поспѣшить реестромъ; но онъ повторялъ: «Пусть прежде внесетъ консисторія». Черезъ пять дней консисторія представила мнѣ при докладѣ два реестра. Тотъ и другой реестры того-же числа препроводилъ я къ преосвященному при отношеніи, прося повѣрить оныя или сличить съ находящимися у него подлинными дѣлами и возвратить ко мнѣ въ возможной скорости, присовокупя выписку или реестръ тѣмъ, которые-бы, сверхъ чаянія, не оказались у его преосвященства, или не окажется-ли сверхъ тѣхъ реестровъ дѣламъ, кои внесены ранѣе 30-го марта сего года. А какъ онъ не довѣрялъ консисторскимъ приказнымъ, то я предлагалъ и самого себя въ помощь, и моего письмоводителя съ его письмоводителемъ. Моего содѣйствія преосвященный не принималъ и, несмотря на свою болѣзнь, самъ съ нимъ неутомимо занимался переборкою дѣлъ. Прошло двѣ недѣли въ переборкѣ, и мой письмоводитель увѣрялъ меня, что почти всѣ дѣла отысканы по реестру, но преосвященный не довѣрялъ, считая реестры фальшивыми, ибо нашелъ три дѣла

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ нами дѣлѣ св. синода рапортъ синоду Евгенія отъ 20-го іюля 1845 года.

вдвойнѣ написанными и два такихъ, кои уже сданы, и одинъ журналъ якобы внесеннымъ къ нему, котораго и не бывало вовсе. А при журналахъ нашелъ болѣе 200 рапортовъ, кои названы дѣлами, дабы-де увеличить накопленіе дѣлъ, какъ и другіе рапорты при копіяхъ съ докладнаго реэстра внесенные, не составляющіе особыхъ дѣлъ, но относящіеся къ прежде внесеннымъ протоколамъ. Сколько ни просилъ я преосвященнаго, чтобы показанныя недоумѣнія изложилъ онъ мнѣ на бумагѣ, а также и поспѣшили реэстрами имѣющихся у него дѣлъ и бумагъ, или хотя возвращеніемъ консисторскаго съ повѣркою, но не получалъ ни того, ни другаго. А время длилось.

«Въ слѣдующій день (5-го іюля) просилъ преосвященнаго отношеніемъ, чтобы увѣдомилъ меня, по крайней мѣрѣ, о полученіи прежнихъ моихъ отношеній съ приложениями, а если можно, и о причинѣ неотвѣтствованія. Въмѣсто письменнаго отвѣта явился ко мнѣ самъ и просилъ съ глубокимъ чувствомъ потерпѣть, прибавя: «Вы хотите подвергнуть меня суду въ неповиновеніи. Неужели-же, думаете, легко отвѣтствовать, а особливо въ болѣзненномъ моемъ положеніи и тѣла, и духа»? Я долженъ былъ замолчать и еще ждать» ¹⁾).

Секретарь костромской консисторіи Архаровъ, увидѣвъ изъ образа дѣйствій Евгенія, что онъ имѣетъ намѣреніе сдѣлать его и членовъ консисторіи участниками въ винѣ Виталія, въ рапортѣ къ Пратасову протестовалъ противъ дѣйствій ревизора въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Требованія Евгенія клонятся не къ той цѣли, чтобы донести св. синоду о дѣйствительной причинѣ запусценія упомянутыхъ дѣлъ и бумагъ и представить надлежащее мнѣніе св. синоду о приведеніи запущеннаго въ порядокъ, но чтобы ввести нѣкоторымъ образомъ въ отвѣтственность и консисторію» ²⁾).

Синодъ хотя не отрицалъ, основываясь на ревизіи Евгенія, что запусценіе въ дѣлахъ по костромскому епархіальному управленію отчасти произошло отъ неисправности членовъ консисторіи и ея секретаря, но въ то-же время призналъ, что главнымъ виновникомъ этого запусценія былъ Виталій, который, по выраженію синодскаго указа, «имѣя своимъ назна-

¹⁾ См. въ дѣлѣ св. синода объ устраниніи медленности по костромскому епархіальному управленію, и объ увольненіи отъ управленія оною, за болѣзнію, пр. Виталія и объ опредѣленіи костромскимъ епископомъ викарія с.-петербургской епархіи Іустина, рапортъ Евгенія св. синоду отъ 20-го іюль 1845 года.

²⁾ См. въ дѣлѣ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода по рапорту секретаря Архарова о причинѣ медленнаго теченія дѣлъ по костромскому епархіальному управленію, рапортъ Архарова Пратасову отъ 25-го іюля 1845 года.

ченіемъ управлять епархією и начальствовать надъ консисторією, требовалъ отъ консисторіи непогрѣзительнаго по всѣмъ дѣламъ сужденія и соблюденія всѣхъ формъ, не принимая никакихъ зависѣвшихъ отъ него мѣръ къ надлежащему устройству консисторіи и не представляя св. синоду ни о своихъ затрудненіяхъ, ни о своей болѣзни, которая и есть существенная причина накопленія дѣлъ. Изъ отзывовъ медицинскихъ видно, продолжаетъ синодъ, что болѣзнь преосвященнаго Виталія принимаетъ весьма сильный характеръ, а преосвященный Евгеній свидѣтельствуетъ, что преосвященный не можетъ оставаться на настоящемъ мѣстѣ. По симъ обстоятельствамъ св. синодъ полагаетъ: 1) преосвященнаго епископа Виталія уволить отъ управления костромскою епархією и опредѣлить членомъ московской канторы св. синода; 2) по уваженію къ его достоинствамъ и понесеннымъ имъ учебнымъ и пастырскимъ трудамъ, обезпечить въ средствахъ содержанія и возможности продолжать леченіе, слѣдующимъ образомъ: а) опредѣлить ему изъ казны въ пенсію по 850 руб. сер. въ годъ; б) мѣстопребываніе ему назначить въ московскомъ ставропигіальномъ Симоновомъ монастырѣ, гдѣ предоставить пользоваться лучшимъ помѣщеніемъ съ отопленіемъ, нужною прислугою и экипажемъ на выѣздъ во всякое время; 3) оставить ему полную свободу совершать тамъ по своему усмотрѣнію и распоряженію богослуженіе съ мѣстными монастырскими властями и братією, которыхъ и подчинить ему въ семъ отношеніи; 4) о мѣрахъ къ законному направленію и окончанію накопившихся въ костромской консисторіи дѣлъ имѣть особое сужденіе» ¹⁾).

Вслѣдствіе этого особаго сужденія предписано было синодомъ преемнику Виталія разсмотрѣть безотлагательно задержанные послѣднимъ дѣла и дать всѣмъ имъ законный ходъ, донеся о распоряженіяхъ своихъ по сему предмету своевременно св. синоду, а также поручено было ему удостовѣриться ближайшимъ образомъ въ томъ, до какой степени справедливы жалобы преосвященнаго Виталія на членовъ и секретаря костромской консисторіи и о первыхъ представить мнѣніе св. синоду, а о послѣднемъ сообщить г. оберъ-прокурору св. синода ²⁾).

Іустинъ, вслѣдствіе этого указа, представилъ свой отзывъ о членахъ консисторіи, совершенно противорѣчившій мнѣнію о нихъ, выраженному Виталиемъ, Софонією и Евгеніемъ. «Разсмотрѣвъ, писалъ Іустинъ, всѣ нерѣшенные дѣла, переданные мнѣ преосвященнымъ Виталиемъ, я не на-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ объ устраниніи медленности по костромскому епархіальному управленію и о проч. указъ синода отъ 8-го августа 1845 г.

²⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ синодскій отъ 10-го сентября 1845 г.

шелъ между ними такихъ, которыя прямымъ образомъ указывали-бы на нераченіе и невнимательность членовъ консисторіи. Хотя съ нѣкоторыми опредѣленіями консисторіи и я не могъ согласиться, найдя ихъ не вполне соответствующими обстоятельствамъ дѣла, но изъ этого нельзя еще безошибочно заключать объ отсутствіи должнаго вниманія въ членахъ консисторіи. И при полномъ вниманіи весьма легко не объять иногда мыслию всѣхъ обстоятельствъ дѣла, особенно многосложнаго и запутаннаго, и чрезъ то дать направленіе оному, не вполне соответствующее его сущности. Если пр. Виталій находилъ рѣшенія консисторіи неудовлетворительными, онъ обязанъ былъ давать по онымъ свои резолюціи, какъ предписывается уставомъ духовныхъ консисторій, а не удерживать у себя. И потому жалоба преосвященнаго Виталія на членовъ консисторіи, по моему мнѣнію, не имѣетъ достаточнаго основанія. Такого мнѣнію я держусь тѣмъ тверже, что члены консисторіи, при моемъ управленіи епархією, производятъ и рѣшаютъ дѣла, несмотря на ихъ многочисленность, съ удовлетворительною отчетливостію, которою я остаюсь доволенъ. Донося о семъ св. синоду, обязанностію моею почитаю покорнѣйше просить не вмѣнять въ вину членамъ консисторіи жалобы, изъявленной на нихъ покойнымъ ¹⁾ преосвященнымъ Виталіемъ, и тѣмъ поддержать ихъ усердіе къ службѣ, которая особенно для нихъ трудна, потому что всѣ они, исключая священника Надеждина, живутъ въ довольно дальнемъ разстояніи отъ консисторіи» ²⁾).

Отзыва Іустина о секретарѣ Архаровѣ въ дѣлахъ синодскихъ нѣтъ; но, вѣроятно, онъ былъ для него не совсѣмъ благопріятенъ, потому что спустя нѣсколько времени Архарова перевели изъ Костромы въ Пермь ³⁾).

VI. Ревизія псковскаго епархіальнаго управленія.

Бываютъ люди, которые, при своей безукоризненной частной жизни, при благихъ, повидимому, намѣреніяхъ, при благородныхъ стремленіяхъ,

¹⁾ Виталій умеръ 29-го января 1846 года въ Костромѣ, какъ выражается Пратасовъ въ докладѣ Государю, послѣ тяжелой болѣзни, воспрепятствовавшей ему даже выѣхать оттуда къ новому мѣсту служенія (См. докладъ Пратасова отъ 4-го февраля 1846 года).

²⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапортъ синоду Іустина отъ 28-го марта 1846 года.

³⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1849 года по жалобѣ служившаго писцомъ въ костромской консисторіи Александра Владимірова на оказанныя будто-бы ему секретаремъ консисторіи *Васильевымъ* притѣсенія.

распространяють въ сферѣ, ихъ окружающей, лишь одно зло, сѣютъ безпорядки и плодятъ злоупотребленія; надъ всѣми ихъ дѣйствіями какъ-бы тяготѣетъ злая судьба, разрушающая всѣ ихъ благія намѣренія и обра-щающая въ ничто всѣ ихъ добрыя дѣйствія. Конечно, если ближе и пристальнѣе всмотрѣться въ характеръ этихъ людей, то нельзя будетъ не замѣтить, что источникъ и причина безуспѣшности и даже положительной вредности ихъ дѣятельности заключаются въ нихъ самихъ, въ ихъ административной неспособности, въ отсутствіи въ нихъ строгихъ и твердыхъ самостоятельныхъ убѣжденій, въ ихъ практической близорукости и, наконецъ, въ неумѣнн вѣрно и прямо понимать и цѣнить людей, къ нимъ близкихъ. Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и Наѡанаилъ, архіепископъ псковской. Самый строгій монахъ ¹⁾, чуждавшійся не только общества женщинъ, о которыхъ онъ имѣлъ довольно оригинальное понятіе ²⁾, но и всякаго, кромѣ общества крестьянъ, съ которыми охотно разговаривалъ, любившій уединеніе и уединенныя прогулки, врагъ всякой роскоши и излишества ³⁾, довольствовавшійся въ пищѣ любимую трескою ⁴⁾, зеленью и овощами, а въ питьѣ водою и рюмкою водки, настоянной трюфолію, исполненный цѣломудрія, другъ всѣхъ бѣдныхъ, готовый имъ отдать послѣднюю копейку, страдавшій частыми головокруженіями отъ солитера, недалъновидный, довѣрчивый, слабохарактерный, способный привязываться до ослѣпленія къ лицамъ, какъ постоянно окружавшимъ его, такъ и случайно умѣвшимъ завладѣть его вниманіемъ ⁵⁾—вотъ какимъ былъ архіепископъ Наѡанаилъ. Такого рода люди обыкновенно подчиняются постороннему вліянію и находятся всегда подъ опекою лицъ, сѣумѣвшихъ подладиться подъ ихъ характеръ. Такъ и Наѡанаилъ въ домашней жизни находился въ рукахъ своего келейника Семѣна, а въ официальной—подъ опекою кафедральнаго протоіерея Знаменскаго.

¹⁾ Инокство и дѣвство, по понятію Наѡанаила, не могли существовать одно безъ другого.

²⁾ Онъ почиталъ нечистыми всѣхъ женщинъ, какого-бы возраста и званія онѣ ни были.

³⁾ По смерти Наѡанаила осталось съ полсотни рублей денегъ, небольшая библіотека, золотая медаль въ память воссоединенія униатовъ и нѣсколько паръ платья, до того, впрочемъ, поношеннаго, что затруднялись опредѣлить его стоимость. Вслѣдствіе всего этого, для покрытія расходовъ по погребенію Наѡанаила былъ сдѣланъ сборъ по подпискѣ добродѣтельныхъ дателей.

⁴⁾ Наѡанаилъ родомъ былъ изъ Архангельской губерніи.

⁵⁾ Въ рапортахъ синоду онъ предлагалъ себя, какъ жертву, за своихъ любимцевъ и былъ готовъ брать на себя тѣ взысканія, коимъ подвергались они по синодскимъ опредѣленіямъ.

Знаменскій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, часто встрѣчающихся въ русскомъ духовенствѣ, которые подъ внѣшнимъ благоприличіемъ, подъ видимымъ смиреніемъ и кажущимся усердіемъ къ общественному благу, искусно умѣютъ скрывать нравственное безобразіе: ненасытную жадность, непомерное честолюбіе, неприступную гордость, и вмѣстѣ съ тѣмъ низость раба, наглость и дерзость временщика, мстительность и жестокость деспота. Этотъ-то человѣкъ до того завладѣлъ Наѳанайломъ, что въ продолженіе многихъ лѣтъ всемошно распоряжался въ псковской епархіи и дѣлалъ въ ней все по своимъ намѣреніямъ и желаніямъ. Лучшія мѣста въ епархіи Знаменскій раздавалъ или своимъ родственникамъ, или лицамъ, имъ покровительствуемымъ, а когда вышелъ новый штатъ для псковскаго духовенства и Наѳанайлъ поручилъ ему заняться распредѣленіемъ духовныхъ по мѣстамъ, то онъ лучшія предоставилъ своимъ родственникамъ, а часть продалъ съ молотка. Къ сожалѣнію, большая часть людей, получившихъ такимъ образомъ мѣста, не отличалась нравственностью. Никакое преступленіе, ими совершенное, ни одинъ явный ихъ порокъ не находили себѣ ни наказанія, ни судебнаго преслѣдованія; даже приносить на нихъ жалобы было опасно, потому что за нихъ стоялъ Знаменскій съ своимъ мщеніемъ и преслѣдованіемъ. Другое зло, распространившееся по псковской епархіи подъ покровительствомъ Знаменскаго, было святотатство, которое онъ привелъ, такъ сказать, въ систему и которому придалъ видъ какой-то законности; вся свѣчная операція по епархіи была имъ буквально захвачена въ свои руки. Протоіерен, священники и церковные старосты платили ему нѣкотораго рода оброкъ съ продажи церковныхъ свѣчъ, а за это получали полномочіе и право распоряжаться церковнымъ имуществомъ по своему усмотрѣнію. Злоупотребленій отъ этого безпорядка было множество: книги церковныя писались на-обумъ, священники и старосты расхищали церковныя деньги, сдирали и обращали въ свою пользу жемчугъ и драгоценныя камни съ окладовъ; старосты продавали съ церковными свѣчами свои собственныя, и послѣднихъ всегда въ большемъ количествѣ. Знаменскій, какъ кафедральный протоіерей, служилъ образцомъ для другихъ, и у себя въ соборѣ, на глазахъ архіерея, сдѣлался церковнымъ старостою, удаливъ дѣйствительнаго; для лучшаго-же сбыта церковныхъ свѣчъ, онъ поручилъ это дѣло нѣсколькимъ женщинамъ, которыя, сидя на улицахъ и въ переулкахъ, вели розничную торговлю свѣчами и выручку послѣ каждого дня представляли Знаменскому, отъ котораго получали за это по 10 коп. съ рубля, въ видѣ жалованья.

Псковская консисторія была послушнымъ орудіемъ Знаменскаго: въ

ней всё, отъ ректора семинаріи до послѣдняго сторожа, внимали ему безпрекословно. Только однажды консисторія, при всей своей безгласности и робкой покорности Знаменскому, протестовала противъ него (по дѣлу діакона Рудакова) и вошла къ архіерею съ такого рода докладомъ, что «Знаменскій дѣйствуетъ въ консисторіи противно истинѣ, съ натяжкою и обидою противъ пользы нѣкоторыхъ служителей церкви и усваиваетъ себѣ, къ обидѣ прочихъ членовъ консисторіи, какую-то власть, по которой будто-бы всё члены должны напередъ относиться къ нему съ докладами и испрашивать соизволенія на рѣшеніе дѣла такъ или иначе, и такимъ образомъ наносить оскорбленіе сослужащимъ съ нимъ»¹⁾. Наѡанаилъ, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него этимъ протестомъ, какъ будто обнаружилъ чувство негодованія на самовластіе Знаменскаго въ консисторіи и написалъ на протестъ членовъ консисторіи такую резолюцію: «Прискорбно. Прежде этого не было. Надобно, чтобы протоіерей Знаменскій объяснился противу прописаннаго въ докладѣ четырехъ членовъ консисторіи и объясненіе свое представилъ мнѣ»²⁾. Но дѣйствіе, произведенное оппозиціею на Наѡанаила, было непродолжительно. Знаменскій представилъ архіерею изворотливое объясненіе, исполненное негодованія противу нанесенной ему другими членами обиды, и все было забыто: Наѡанаилъ совершенно склонился на сторону Знаменскаго по тому самому дѣлу, по которому протестовали прочіе члены консисторіи. Напрасно возвышали свой голосъ нѣкоторые смѣльчаки, угнетенные и придавленные Знаменскимъ; Наѡанаилъ не внималъ имъ, или находилъ ихъ жалобы неосновательными и писалъ на ихъ прошеніяхъ такого рода резолюціи: «Вразумить неосновательнаго просителя»³⁾. Такимъ образомъ, безпорядки и злоупотребленія по псковской епархіи росли и плодились, и она по нравственности духовенства стала на самую низкую степень, сравнительно съ другими епархіями, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что нерѣдко, вмѣстѣ съ архіереемъ, служили пьяные діаконы. Но синодъ и Пратасовъ, имѣя выгодное мнѣніе о Наѡанаилѣ и оказывая особенное къ нему вниманіе, смотрѣли сквозь пальцы на всё эти безпорядки и даже вызвали его для присутствованія въ синодѣ, гдѣ его рекомендація составила карьеру для нѣкоторыхъ лицъ. Но вскорѣ борьба, обнаружившаяся между Филаретомъ и Пратасовымъ и кончившаяся уда-

¹⁾ См. въ синодѣ дѣло о безпорядкахъ по псковскому епархіальному управленію, докладъ членовъ псковской консисторіи отъ 19-го мая 1844 года.

²⁾ См. вышеприведенный докладъ.

³⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ прошеніе діакона Рудакова и резолюцію на немъ Наѡанаила.

леніемъ перваго изъ синода и торжествомъ послѣдняго, естественно должна была отдалить отъ Пратасова также и Наѡанаила, благоговѣшнаго предъ московскимъ митрополитомъ и раздѣлявшаго всѣ его взгляды и убѣжденія. Съ этого времени отношенія между ними начинаютъ мѣняться. Наѡанаилу стали давать чувствовать, что имъ недовольны, и вотъ начинается рядъ оскорбленій, повидимому, мелкихъ, но тѣмъ не менѣе чувствительныхъ. Противъ воли Наѡанаила, берутъ отъ него консисторскаго секретаря и назначаютъ новаго. Новый секретарь, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ Сербиновичу, который главнымъ образомъ и участвовалъ въ его назначеніи во Псковъ, былъ лицо болѣе полномочное, чѣмъ прежній, а потому и болѣе опасное для архіерея, и, кромѣ секретарской должности, могъ исполнять еще обязанность и прокурора. Наѡанаиль понялъ это, вознегодовалъ и сталъ презрительно обращаться съ секретаремъ. Какъ на бѣду Наѡанаила и Знаменскаго, Сварацкій-Сварикъ—такъ назывался новый секретарь—пріѣхалъ во Псковъ въ самый разгаръ злоупотребленій, совершавшихся Знаменскимъ, именно въ то время, когда разбиралось духовенство псковской епархіи и происходило распредѣленіе его на мѣста по вновь утвержденнымъ штатамъ. Мы уже знаемъ, какъ добросовѣстно производилось это дѣло. Съ перваго-же дня начались столкновенія у Сварацкаго съ Наѡанаиломъ и Знаменскимъ, но, впрочемъ, не Сварацкій былъ зачинщикомъ, а Наѡанаиль, который при первомъ приѣмѣ секретаря выказалъ ему свое неудовольствіе, а потомъ, подъ предлогомъ, что Сварацкому далеко ѣздить къ нему съ докладами и что у него есть человѣкъ опытный по дѣламъ епархіальнымъ, именно протоіерей Знаменскій, приказалъ не принимать секретаря, когда онъ явится къ нему съ бумагами ¹⁾. Отношенія Наѡанаила и Знаменскаго къ Сварацкому отозвались на всѣхъ членахъ консисторіи и на ея канцеляріи. Члены дѣйствовали наперекоръ секретарю, а канцелярія, за немногими исключеніями, подражала членамъ и оттого дѣла въ консисторіи шли медленно. Сварацкій, какъ лицо, стоявшее въ особенныхъ отношеніяхъ къ Сербиновичу, обнаруживалъ въ своихъ дѣйствіяхъ смѣлость, увѣренность и сознаніе своихъ правъ и безстрашно поднималъ брошенную ему перчатку. Замѣтимъ также, что эту официальную, письменную борьбу опять началъ Наѡанаиль, а не Сварацкій, который только отражалъ удары, наносимые ему архіереемъ, и, притомъ, весьма ловко и съ большимъ вредомъ для своего противника. Настроенный Знаменскимъ, Наѡанаиль 28-го февраля 1845 года,

¹⁾ См. въ дѣлѣ св. синода о безпорядкахъ по псковскому епархіальному управленію рапортъ Сварацкаго къ Пратасову отъ 6-го февраля 1845 года, № 14.

помимо Пратасова, отъ котораго, какъ оберъ-прокурора св. синода, непосредственно зависѣло опредѣленіе и увольненіе консисторскихъ секретарей, вошелъ рапортомъ прямо въ синодъ объ удаленіи Сварацкаго отъ должности. Въ этомъ рапортѣ, заключающемъ въ себѣ много скрытой горечи и много намековъ, непріятныхъ для Пратасова, Наѡанаилъ излагаетъ сначала факты: превышеніе власти секретаремъ, вмѣшательство его въ сужденія членовъ консисторіи, споры его съ ними, задерживаніе исполненія резолюцій, далѣе обвиняетъ его во взяточничествѣ, о которомъ, будто-бы, при трехъ прежде бывшихъ секретаряхъ псковской консисторіи: Черепнинѣ, Верецагинѣ и Маньковскомъ, и слуховъ не было, а въ заключеніе пишетъ: «Умоляю св. синодъ избавить меня отъ секретаря Сварацкаго, толь небрежнаго по должности своей и явно препятствующаго мнѣ благоустраивать ввѣренную въ управленіе мое епархію» ¹⁾. За этимъ рапортомъ послѣдовалъ другой, также обвинявшій Сварацкаго. Воспользовавшись тѣмъ поводомъ, что синодъ потребовалъ объясненія по дѣлу іеромонаха Святогорскаго Троицкаго монастыря Макарія, жаловавшагося синоду на неправильное наложеніе на него епархіальнымъ начальствомъ взысканія за время исправленія имъ казначейской должности въ Никандровой пустыни, Наѡанаилъ написалъ, что медленность по этому дѣлу произошла единственно отъ небрежности и невнимательности секретаря консисторіи, который будто-бы «2½ мѣсяца приготавлиалъ одинъ рапортъ, тогда какъ этотъ рапортъ, весь умѣстившійся на 6-ти листахъ, могъ быть заготовленъ въ три дня, и секретарю стоило только распорядиться о перепискѣ опредѣленія, потому что опредѣленія приготавливаются членами консисторіи всегда полныя и секретарь помѣщаетъ ихъ въ рапорты безъ всякаго измѣненія» ²⁾. Къ этому Наѡанаилъ прибавилъ, что и «всѣ вообще дѣла при поступленіи настоящаго секретаря въ консисторію исполняются съ такою-же небрежностью и медленностью; самыя обыкновенныя справки и отношенія заготавливаются мѣсяца по два и по три», и что, при всей неутомимости и благонадежности членовъ консисторіи, онъ не можетъ ручаться на будущее время за исправность дѣлъ, если нынѣшній секретарь не будетъ замѣненъ другимъ, болѣе дѣятельнымъ и лучше свое дѣло знающимъ. Сварацкій, вынужденный оправдываться въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ, раскрылъ передъ Пратасовымъ характеръ и образъ управленія въ псковской епархіи и синодъ тогда въ первый разъ услышалъ о

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапортъ Наѡанаила въ св. синодъ отъ 28-го февраля 1845 года.

²⁾ См. тамъ-же предложеніе Пратасова синоду, 31-го мая 1845 года.

той порчѣ, которая въ ней развилась. Вотъ что писалъ Сварацкій въ своихъ объясненіяхъ Пратасову: «1) Читая сдѣланный на меня доносъ и не сознавая себя ни въ чемъ прописанномъ виновнымъ, полагалъ, нѣтъ-ли здѣсь какой-либо вины со стороны столоначальника, завѣдывающаго дѣломъ о іеромонахѣ Макаріѣ. По сему поручилъ моему помощнику отобрать отъ него подробное объясненіе о ходѣ дѣла, и отчего такъ долго длилось заготовленіе въ св. синодѣ рапорта. Но изъ прилагаемаго при семъ въ подлинникъ объясненія столоначальника, титулярнаго совѣтника Мutowозова, повѣреннаго прежде помощникомъ, а потомъ мною съ самимъ дѣломъ, оказалось, что въ движеніи дѣла не было ни малѣйшей медленности ни со стороны моей, ни со стороны столоначальника; проволочка въ писаніи рапорта зависѣла, какъ и я знаю, отъ случайности, именно отъ стеченія множества занятій и торопливости чрезъ то писца, который долженъ былъ три раза переписывать обширный рапортъ, и за всеѣмъ тѣмъ прошло въ этихъ перепискахъ только полторы недѣли, остальное-же время, т. е. отъ послѣднихъ чиселъ мая до половины іюня, бѣловый рапортъ находился у его высокопреосвященства, или его письмоводителя, неизвѣстно; но достоверно, что въ тотъ-же день, когда рапортъ, подписанный преосвященнымъ, принесенъ письмоводителемъ въ консисторію, записанъ оный въ исходящую книгу и съ первою почтою отправленъ въ св. синодъ.

«Въ отношеніи (преосвященнаго) сказано, что членами консисторіи опредѣленія приготавливаются всегда полныя и секретарь помѣщаетъ ихъ въ рапорты безъ всякаго измѣненія. Не упоминая о важнѣйшихъ резолюціяхъ, требующихъ большей внимательности и осторожности членовъ, приведу въ примѣръ самыя простыя изъ нихъ и легкія резолюціи. Священникъ, нынѣ протоіерей, Милевскій, на прошеніи о выдачѣ метрическаго свидѣтельства о рожденіи далъ резолюцію о выдачѣ свидѣтельства о бракѣ. Протоіерей Пятницкій, вмѣсто записи поступившихъ денегъ въ приходъ и храненія ихъ въ кассѣ, сряду и въ одинъ день написалъ резолюціи: «Записать деньги въ приходъ и расходъ и хранить въ казначеихъ». Подобныхъ резолюцій весьма много и у священника, нынѣ протоіерея, Кудрявцева, и у всѣхъ ихъ, по важнѣйшимъ дѣламъ. Сосчитавъ однихъ резолюцій, которыя гг. члены, кромѣ архимандрита Митрофана, всегда осторожнаго и основательнаго, и прот. Знаменскаго, пишущаго мало и, по сорту дѣлъ его стола, резолюціи форменныя, полагаютъ, спѣша къ другимъ обязанностямъ, въ консисторіи, безъ совѣщанія со мною о законахъ и не вникая въ обстоятельства дѣлъ и чрезъ то заставляютъ меня назначать ихъ къ передокладу; таковыхъ, по замѣчанію моему, передоложенныхъ и исправленныхъ резолюцій, среднимъ

числомъ, оказалось изъ 10—6, а это служить доказательствомъ, что резолюціи часто требуютъ измѣненій и смыслъ въ нихъ бываетъ неудобопонятный и сбивчивый.

«Далѣе пишутъ, что «все вообще дѣла, при поступленіи моемъ въ консисторію, исполняются съ такою-же, какъ рапортъ въ св. синодъ о іеромонахѣ Макаріѣ, небрежностью и медленностью; самыя обыкновенныя справки и отношенія заготавливаются мѣсяца по два и по три». Вообще движеніе дѣлъ въ мое время нисколько не медленнѣе, но быстрѣе противъ прошедшихъ лѣтъ, ибо при меньшемъ числѣ чиновниковъ канцеляріи консисторіи (прежде было до 22 и болѣе, а нынѣ только 15, исключая помощника секретаря) болѣе дѣятельности, а чрезъ то и успѣха въ рѣшеніи и исполненіи дѣлъ и бумагъ, какъ свидѣлствуетъ представленный вашему сіятельству отчетъ мой о дѣлахъ за 1844 г., котораго точная копія, за подписомъ тѣхъ-же членовъ консисторіи, представлена отъ его высокопреосвященства въ св. синодъ. Слѣдовательно несправедливо приписываютъ мнѣ медленность въ дѣлахъ, происходящую якобы отъ небрежности и невнимательности.

«Не могу при семъ случаѣ умолчать, что, при невнимательности къ дѣламъ гг. членовъ (кромѣ оо. архимандритовъ), многіе чиновники канцеляріи консисторіи въ дѣлопроизводствѣ неопытны и нерадивы, а потому первые излишне заставляютъ меня быть осторожнымъ, а послѣдніе требуютъ усиленнаго надзора, что мною и исполняется, а безъ него я не могъ-бы имѣть большаго противу прежнихъ годовъ успѣха въ дѣлопроизводствѣ.

«Объяснивъ несправедливость сдѣланнаго на меня доноса, я обязанъ изложить причины онаго. Причины слѣдующія: 1) до прибытія моего въ Псковъ, его высокопреосвященство, бывъ недоволенъ перемѣщеніемъ секретарей, отзывался, что, вопреки предствательства, отняли у него приготовленнаго имъ для себя секретаря Маньковского, а на мѣсто его назначили меня, и когда я, по пріѣздѣ во Псковъ, первый разъ представлялся ему, онъ принялъ меня холодно, и потомъ, подъ предлогомъ дальней и невыгодной дороги, рекомендовалъ не ѣздить къ нему съ докладами по дѣламъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ, какъ новому человѣку, неизвѣстна епархія и ея обстоятельства, а у него есть очень опытный по дѣламъ епархіальнымъ членъ консисторіи, протоіерей Знаменскій, о чемъ преосвященнѣйшій владыка напоминалъ мнѣ три раза чрезъ нарочито пріѣзжавшаго отъ имени его члена консисторіи, священника, нынѣ протоіерея, Милевского.

«2) Предубѣжденный такъ заранѣе обо мнѣ, преосвященный могъ

видѣть меня предъ собою съ дѣлами въ продолженіе всего служенія моего въ исковской консисторіи не болѣе шести разъ, потому что, неся при семъ случаѣ какъ-бы должность простаго канцеляриста или сторожа—привозить и вручать бумаги, съ оставленіемъ ихъ до завтрашней присылки съ письмоводителемъ, скоро я наскучилъ самъ себя такими поѣздками, сопряженными съ потерей времени, и рѣшился исполнить непреодолимое желаніе владыки, занялся только службою по консисторіи, въ надеждѣ, что усердіе мое откроетъ мнѣ путь къ архинастырю, но въ надеждѣ ошибся. Протоіерей Знаменскій, принявъ къ себѣ помощникомъ священника, нынѣ протоіерея, Кудрявцева, успѣлъ вмѣстѣ съ нимъ отдалить архинастыря отъ меня и положить преграду милостивому ко мнѣ вниманію начальника, который по сей, а не иной, причинѣ, представляя въ св. синодъ и герольдію формулярные списки о службѣ моей, отмѣтилъ въ оныхъ, что способности и достоинства мои еще усматриваются. Я просилъ его высокопреосвященство лично объяснить причину такой сомнительной, во всю службу первый разъ встрѣченной мною отмѣтки, но онъ отвѣчалъ: «Худого для васъ здѣсь ничего нѣтъ; я не порочу васъ, но еще не успѣлъ усмотрѣть».

«3) Занимаясь службою въ консисторіи по долгу данной мною присяги, я всегда старался выказать это чувство на самомъ дѣлѣ, судя обо всемъ нелицепріятно, безпристрастно, по крайнему моему разумѣнію и не имѣя ни малѣйшаго помысленія кого-либо этимъ обидѣть. Но вотъ случаи, подавшіе нѣкоторымъ гг. членамъ поводъ къ негодованію на меня: а) при распредѣленіи, въ началѣ здѣшней службы моей, по новымъ штатамъ духовенства, я просилъ гг. членовъ предварительно дать время канцеляріи составить списокъ всѣмъ духовнымъ лицамъ въ епархіи, съ означеніемъ ихъ званія, лѣтъ отъ роду, семейства, образованія и нравственности, времени служенія, заслугъ и подсудности, дабы общими силами всѣ члены могли справедливѣе посудить, кого оставить или исключить изъ штата и тѣмъ избѣгнуть самимъ и избавить канцелярію отъ многихъ лишнихъ хлопотъ на будущее время. Но они на это не согласились и, раздѣливъ между собою (кромѣ архимандритовъ) по своему выбору уѣзды, распредѣлили духовенство, какъ имъ хотѣлось, и потомъ утвердили всѣ общимъ своимъ подписомъ. Правда, дѣло обработано въ мѣсяцъ съ небольшимъ, но вышло то, что недовольныхъ распредѣленіемъ явилось множество: въ теченіе года поступило болѣе 500 просьбъ, и большая часть просителей распредѣлены вновь по причинамъ, болѣе уважительнымъ, а избранные членами исключены изъ штата. Это неустройство подало поводъ нѣкоторымъ членамъ, въ особенности Знаменскому,

имѣть притязаніе ко мнѣ и къ чиновникамъ канцеляріи въ мнимои медленности дѣлопроизводства; между-же членами появились диспуты и несогласія во мнѣніяхъ, въ согласованіи конхъ хотя я и принималъ участіе, но Знаменскій и Кудрявцевъ сочли эти дѣйствія мои за грубость, вмѣшательство въ права ихъ и сужденія, въ которыхъ будто-бы по закону не смѣю участвовать, а долженъ слѣпо имъ повиноваться, исполняя въ точности всѣ ихъ приказанія.

«б) Протоіерей Знаменскій, состоя при каѳедральномъ соборѣ старшимъ протоіереемъ, живя въ соборномъ домѣ и не имѣя въ семействѣ своемъ, кромѣ жены, никого, нуждающагося въ его пособіи, выпросилъ у преосвященнаго въ февралѣ прошлаго года разрѣшеніе пользоваться жалованьемъ и доходами, слѣдующими на часть третьяго священника великолукскаго Богоявленскаго собора, всего 130 руб. сер. въ годъ, тогда какъ въ епархіи много есть заштатныхъ священниковъ, достойныхъ того мѣста и крайне нуждающихся въ пропитаніи своего семейства. Посему, при удобномъ случаѣ, я склонялъ его уступить это мѣсто священнику, къ которому самъ онъ изъявлялъ на словахъ состраданіе, но вмѣсто состраданія на дѣлѣ, онъ принялъ мое предложеніе себѣ въ обиду.

«в) Получая отъ свѣтскихъ лицъ замѣчанія, что въ праздничные дни отъ начальства каѳедральнаго собора дозволяется продавать церковныя свѣчи не при соборѣ или дворѣ онаго, а на отдѣльномъ и отдаленномъ консисторскомъ дворѣ, у воротъ, смежныхъ съ рынкомъ, и что женщины, продающія свѣчи, стоя съ лотками по обѣ стороны воротъ въ длинныхъ рядахъ, кричатъ на проходящихъ и покупающихъ свѣчи неприлично, выхваляя каждая свои свѣчи, я счелъ нужнымъ посоветовать протоіерею Знаменскому, какъ исправляющему старостинскую должность при соборѣ, отмѣнить эту свѣчную продажу, но онъ разгнѣвался на вмѣшательство мое якобы въ его права и нападки на обычай, освященный древностію. Такихъ продавцовъ свѣчъ бываетъ до десятка и болѣе, и каждый изъ нихъ получаетъ награды по 10 коп. съ рубля. Присмотра за ними во время продажи нѣтъ никакого.

«г) Многіе жаловались мнѣ на обиды, неприличія и шалости отъ праздно пребывающихъ въ Псковѣ пріѣзжихъ штатныхъ и заштатныхъ священно- и церковнослужителей, а смотрѣніе за ними поручено протоіерею Знаменскому; я каждый разъ напоминалъ ему и докладывалъ начальству, что лучше-бы эту власть передать консисторіи, которая, по запискѣ въ книгу явившагося, и зная его нужду, старалась-бы скорѣе его успокоить и наблюсти, чтобы не жилъ нарочно ни одного часа. Тогда-бы и консисторія, какъ присутственное мѣсто и начальственное, имѣла

болѣе себѣ вѣсу между ея подчиненными. Протоіерей Знаменскій и Кудрявцевъ сочли это предложеніе за обиду, грубое и наглое вмѣшательство въ права другихъ и въ этомъ-же видѣ представили его высокопреосвященству, не требующему отъ меня никакихъ объясненій. Подобныхъ причинъ, бывшихъ поводомъ епархіальному начальству къ негодованію на меня, нельзя описать по множеству, но вѣтъ онѣ есть не что иное, какъ чистое, безпристрастное и некорыстное усердіе мое къ Государю и отечеству; но, къ сожалѣнію, это усердіе люди, толкуя превратно, обращаютъ мнѣ во зло» ¹⁾).

Новое объясненіе Сварацкаго по новымъ обвиненіямъ Наонаила въ неправильныхъ и замедляющихъ ходъ дѣлъ распоряженіяхъ еще ярче раскрыло безпорядки псковскаго епархіальнаго управленія. Въ этомъ объясненіи Сварацкій, сказавъ, что Знаменскій пользуется неограниченнымъ довѣріемъ архіерея и управляетъ имъ по своему произволу, продолжаетъ такъ: «Послѣ сего удивительно-ли, что секретари, служившіе при такихъ, можно сказать, временникахъ Знаменскихъ, или соглашаясь на все имъ предложенное, были чтимы и уважаемы, или, подобно мнѣ, должны терпѣть за свою правдивость. Такъ, секретарь, видя превосходство силы, стремящейся къ нарушенію законовъ, изъ видовъ частнаго самосохраненія почиталъ себя въ такомъ страдательномъ состояніи, что долженъ былъ согласиться навсегда замолчать о многихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ по дѣламъ, изъ коихъ, для примѣра, приведу два случая: а) сынъ священника боровской Троицкой церкви Иванъ Петровъ Добряковъ, родившійся, какъ видно изъ метрической книги той церкви, 25-го января 1821 года, впослѣдствіи времени, именно 20-го іюля 1839 г., былъ исключенъ изъ низшаго отдѣленія псковскаго духовнаго уѣзднаго училища за великовозрастіе и совершенную безнадѣжность къ продолженію ученія по весьма слабымъ способностямъ къ наукамъ. 8-го марта 1840 года, по собственной его просьбѣ, онъ опредѣленъ въ псковскій Іоанно-Богословскій Крыпецкій монастырь послушникомъ и показанъ по клировой (вѣдомости) за 1840 годъ 19 лѣтъ отъ роду; но въ таковой-же вѣдомости за слѣдующій 1841 годъ написано, противно дѣлу, несправедливо, что онъ исключенъ изъ училища не въ 1839 году, а въ 1829 (ровно десять лѣтъ прибавлено), опредѣленъ въ монастырь не марта 8-го, а октября, не 1840 года, а 1830, и не 20, а 30 лѣтъ отъ роду. Основываясь на семъ неправильномъ показаніи о Добряковѣ въ клировой вѣдомости, настоятель Крыпец-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапортъ Сварацкаго графу Протасову отъ 6-го февраля 1845 года.

каго монастыря, игуменъ Веніаминъ (пользующійся довѣренностію преосвященнаго и всегда при немъ живущій), представилъ въ іюлѣ 1842 года его высокопреосвященству, а преосвященнѣйшій ходатайствовалъ предъ св. синодомъ, и указомъ онаго отъ 10-го августа того-же года, № 12.023, на основаніи духовнаго регламента и Высочайше утвержденныхъ 29-го мая 1832 года правилъ, разрѣшено постричь Добрякова въ монашество. Консисторія предписала о семъ настоятелю Веніамину 28-го числа того-жъ мѣсяца. Но настоятель за два дня предъ симъ, т. е. 26-го числа, взошелъ къ преосвященному съ представленіемъ, въ которомъ, дозволивъ себѣ подтверждать неправду (называя Добрякова уже монахомъ Іероооемъ, находящимся въ его монастырѣ 12 лѣтъ), просилъ, въ воздаяніе оказываемыхъ имъ по монастырю трудовъ и примѣрное поведение и въ поощреніе къ тому на будущее время, рукоположить во іеродіакона. Означенный Іероооей, неизвѣстно когда постриженный въ монашество, произведенъ во іеродіакона 28-го августа (въ день предписанія консисторіи о постриженіи въ монашество), а черезъ день, т. е. 30-го числа того-жъ мѣсяца произведенъ въ іеромонаха и донынѣ находится въ Крыпецкомъ-же монастырѣ казначеемъ. Такимъ образомъ Добряковъ, въ противность правилъ церкви и законамъ Государя, произведенъ безъ должнаго искуса на 21 году отъ роду въ монашество, въ одинъ и тотъ-же мѣсяць пріобрѣлъ вышія иноческія достоинства не по лѣтамъ и заслугамъ своимъ, и этимъ обязанъ могуществу временщиковъ, въ числѣ коихъ былъ и Знаменскій. б) На отношеніе вашего сіятельства отъ 5-го ноября 1841 года составленъ отзывъ отъ 9-го апрѣля 1842 года, коимъ ваше сіятельство неправильно заспокоены въ томъ, что священникъ Михайловскаго погоста Василій Смирновъ за доказанныя чрезвычайныя притѣсненія крестьянъ супруги сенатора, тайнаго совѣтника Новосильцова, достойно наказанъ, тогда какъ священникъ сей, по завѣренію многочисленныхъ свидѣтелей, на коихъ онъ самъ ссылался, и по выраженію утвержденного преосвященнымъ протокола консисторіи, имѣя характеръ немиролюбивый, неприступный, грубый, вепыльчивый, горячій, строптивый, склонный къ ссорамъ, неуступчивый, придирчивый и вздорный, при постоянномъ обращеніи въ пьянствѣ, за тѣ чрезвычайныя свои поступки, послѣ извѣщенія вашего сіятельства, пробылъ въ каѳедральномъ соборѣ на испытаніи въ причетникахъ только два мѣсяца (если не меньше, ибо въ дѣлѣ нѣтъ опредѣленія срока, а ходъ дѣла и время заставляютъ сомнѣваться, не меньше-ли пробылъ на испытаніи) и, по рекомендаціи только одного Знаменскаго, разрѣшенъ въ священнослуженіи.

«Кромѣ многихъ примѣровъ, извѣстныхъ вашему сіятельству изъ

прежнихъ моихъ рапортовъ и того, что опишу въ настоящемъ донесеніи, посянія дѣла и дѣйствія мои (sic), которыхъ превратными толкованіями такъ сильно стараются нѣкоторые гг. члены очернить непорочную мою службу, приведу въ доказательство моей ревности къ соблюденію присяги слѣдующіе недавніе случаи: а) указомъ св. синода отъ 10-го минувшаго августа переведены изъ рижскаго викаріатства въ псковскую епархію два рижскіе священника: родной сынъ протоіерея Знаменскаго Иванъ Знаменскій и Юнаковскій. Первый изъ нихъ, бывъ въ лѣтахъ и заслугахъ гораздо млаже противъ Юнаковскаго, по предстательству отца, тотчасъ опредѣленъ священникомъ въ кафедральный соборъ, гдѣ отецъ его протоіереемъ, и другой родственникъ, протоіерей Александръ Лебедевъ, ключаремъ, а Юнаковскій еще долго послѣ того не имѣлъ мѣста. б) Протоіерей Кудрявцевъ неправильно доложилъ преосвященному дѣло объ уплатѣ подрядчику Архипову за исправленіе въ его благочиніи Рюжской церкви, вовлекъ архипастыря дать резолюцію противъ условій контракта для усугубленія разоренія жаловавшагося подрядчика. Не желая заводить на бумагѣ переписку и выставять ошибку форменно, я объяснилъ 28-го іюня преосвященному дѣло и, получивъ согласіе къ перемѣнѣ рѣшенія, сдѣлалъ на черновомъ докладѣ письменное указаніе для передоклада, но Кудрявцевъ, жестоко обидѣвъ меня въ канцеляріи предъ подчиненными, обидѣлъ меня и въ присутствіи, назвавъ замѣчаніе мое *курячею помаркою*...

«На протоіереевъ Знаменскаго и Кудрявцева не одинъ подрядчикъ жаловался на терпимыя отъ нихъ членовъ консисторіи притѣсненія при расплатѣ за произведенныя ими постройки и исправленія церквей и зданій, или при заключеніи на подѣлки контракта, о чемъ еще и нынѣ производится по консисторіи дѣла...

«Знаменскій, съ самаго возвращенія преосвященнаго изъ С.-Петербурга, пользуясь въ высшей степени его расположеніемъ и довѣріемъ, всячески старался выискивать себѣ разныя полномочія, относящіяся къ частному и общему вліянію на епархію, и вскорѣ дошелъ до того, что ему стало не нравиться, когда встрѣчается что-либо находящимся внѣ полной его власти. Въ такомъ состояніи ничтожества предъ неограниченною властію Знаменскаго найдена мною консисторія, а болѣе всего въ этомъ отношеніи отвѣчали закономъ данныя ея секретарю права, которыми обычно не секретарь владѣлъ, а воплію владѣлъ Знаменскій. Эту власть свою надъ секретаремъ онъ надѣялся поддержать и при мнѣ, для чего принималъ и мѣры предосторожности. Конечно, опытность въ знаніи правъ секретарскихъ и увѣренность, что чрезъ соблюденіе оныхъ, при защитѣ тѣхъ-же законовъ, могу возстановить упавшій порядокъ въ дѣлопроиз-

водствѣ и уроненное значеніе секретаря, обязаннаго сохранять правду и силу законовъ, хотя помогли мнѣ установить порядокъ по консисторіи, дать направленіе нѣкоторымъ служащимъ въ консисторіи стараться сохранять миръ и правду; но такъ какъ это послѣ разстройства первый я предпринялъ, то, кромѣ многихъ преградъ, подвергся и преслѣдованію отъ властолюбія сильнаго епархіальнаго временщика, протоіерея Знаменскаго. Онъ съ неразлучнымъ помощникомъ своимъ, прот. Кудрявцевымъ, встрѣчая отъ меня препятствія въ исполненіи ихъ незаконныхъ желаній, вознамѣрился, вопреки законнаго порядка, помимо вѣдома моего, опредѣлить сперва помощникомъ секретаря, или, по крайней мѣрѣ, журналистомъ, самымъ преосвященнымъ признаннаго сомнительнымъ въ нравственности, кончившаго курсъ семинарскаго ученія, нынѣ Лемзальскаго священника, Меньшикова, а потомъ въ сторожа совершенно излишняго и порочнаго человѣка, родственника Знаменскаго, исключеннаго за безуспѣшность и худое поведеніе изъ учебнаго заведенія, аттестованнаго въ монастырѣ сомнительнымъ и удаленнаго за худую нравственность изъ штата Качановской церкви, гдѣ находился на отцовскомъ мѣстѣ, пономаря Якимъ Барсова, дабы чрезъ нихъ (судя по похваламъ ихъ) завести смуты и разстройство законнаго порядка, заведеннаго мною по канцеляріи и съ трудомъ удерживаемаго въ присутствіи консисторіи; они желали и желаютъ, разрушивъ подчиненіе и порядокъ по канцеляріи, всю свою вину заведеннаго ими разстройства въ консисторіи и у преосвященнаго опрокинуть на меня и, вытѣснивъ съ униженіемъ, восторжествовать съ болѣею противъ прежняго силою. За дѣйствительность этого ихъ намѣренія достаточно ручаются: а) внушеніе служащимъ въ канцеляріи не слушаться меня; б) завладѣніе правами секретаря докладывать преосвященному дѣла, принимать поступающія отъ него въ консисторію бумаги, исправленіе или, точнѣе сказать, заготовленіе отъ имени его въ св. синодъ и вашему сіятельству исходящихъ бумагъ; в) испрошеніе Знаменскимъ и Кудрявцевымъ у преосвященнаго такихъ резолюцій и предложеній, по которымъ-бы, какъ по прямымъ требованіямъ архипастыря, не могло быть въ консисторіи сужденія изъ боязни къ неминуемымъ неприємностямъ противорѣчія, чѣмъ премного стѣсняется свобода прочихъ членовъ и секретаря въ сужденіяхъ по дѣламъ.

«При такихъ служебныхъ обстоятельствахъ секретарей здѣшней консисторіи, я въ необходимости долженъ былъ поступить въ дѣлѣ Барсова о предоставленіи ему сторожевой должности такъ, какъ поступилъ, а не иначе, сколько для обезпеченія собственной моей чести, столько и для ускоренія къ сохраненію мира и порядка на службѣ; ибо приближа-

лось то время—январь мѣсяцъ,—когда умышляющему на честь мою и служащихъ въ канцеляріи консисторіи протоіерею Знаменскому, по расчетамъ его умысла, надлежало имѣть въ консисторіи надежнаго для него человѣка Барсова, который-бы, научая и подстрекая священно- и церковнослужителей, приносящихъ метрическія и росписныя книги, къ клеветамъ, и самъ-бы клеветалъ на меня, будто я, по выраженію его въ докладѣ, виновенъ въ притѣсненіяхъ и корыстолюбивыхъ вымогательствахъ. Неожиданная протоіереемъ Знаменскимъ неудача въ опредѣленіи Барсова сторожемъ канцеляріи консисторіи и открытіе мною вмѣшательства его въ канцелярскій порядокъ, съ утайкою принадлежащаго консисторіи пакета полиціи и самаго арестанта Барсова, родили въ немъ, Знаменскомъ, весьма явное для всѣхъ, непримиримое ко мнѣ мщеніе.

«Пономарь Барсовъ, доказанный въ худомъ поведеніи—незначительное лицо, но Знаменскій сдѣлалъ, что на мѣстномъ судѣ признанъ мало-виновнымъ и значительнымъ лицомъ по заступленію за него, ради Знаменскаго, епархіальнымъ архіереемъ; потому что не только я за него сталъ больше гонимъ, но и всѣ тѣ, которые болѣе или менѣе прикосновенны къ дѣламъ о немъ, терпятъ такую-же участь... Вѣрно и извѣстно, что два эти лица—Знаменскій и Кудрявцевъ—причиною нѣкоторыхъ частныхъ неустройствъ въ епархіи и появленія лицъ, частію право, а частію неправо жалующихся правительству на дѣйствія епархіальнаго начальства, тогда какъ преосвященный готовъ дѣлать добро; но эти любимцы его, запутанные въ разныхъ дѣлахъ, доказывающихъ ихъ сребролюбіе, мѣшаютъ ему, и онъ силится защищать ихъ, по словамъ его, во что-бы ни стало» ¹⁾).

Объясненія Сварацкаго имѣли слѣдствіемъ то, что Наѳанаилъ изъ обвинителя сталъ обвиненнымъ. Напрасно писалъ онъ синоду, что у него всѣ члены консисторіи люди прекрасные и самые благонамѣренныя, а особенно Знаменскій, «на котораго, по словамъ Наѳанаила, никто изъ подвѣдомственнаго ему духовенства не приносилъ ему жалобы и который совсѣмъ не такихъ свойствъ, чтобъ сталъ дѣлать кому-либо притѣсненія и во зло употреблять довѣріе, каковымъ отъ меня, равно впрочемъ съ другими членами, пользуется» ²⁾); напрасно Наѳанаилъ умолялъ св. синодъ удалить изъ псковской консисторіи Сварацкаго, служеніе съ которымъ становилось, по выраженію его, тягостнымъ ³⁾—синодъ мало внималъ

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапортъ Сварацкаго Пратасову отъ 23-го ноября 1845 года.

²⁾ См. тамъ-же рапортъ Наѳанаила синоду отъ 21-го іюля 1845 года.

³⁾ Тамъ-же.

и объясненіямъ, и просьбамъ Наанаила; напротивъ, во всемъ обвинилъ преосвященнаго, тѣмъ болѣе что онъ устранилъ секретаря, при самомъ поступленіи его въ должность, отъ исполненія прямыхъ и существенныхъ его обязанностей, и возложилъ это на нѣкоторыхъ членовъ консисторіи и въ особенности на протоіерея Знаменскаго, вопреки установленному порядку, а отъ того произошли и слѣдующіе безпорядки: «1) по личному настоянію нѣкоторыхъ изъ членовъ консисторіи, замѣщались штатныя мѣста лицами безъ наблюденія правосудія и безъ вниманія къ службѣ и нравственности размѣщаемыхъ; 2) протоіерею Знаменскому предоставлены жалованье и доходы отъ празднаго мѣста при другой, въ иномъ уѣздѣ, церкви, тогда какъ нуждающіеся, напр., діаконъ Рудаковъ, по настоянію сего-же протоіерея, лишены прежнихъ правъ на жалованье и доходы по службѣ; предоставлено-же пользоваться оными лицамъ, которыя въ поведеніи не одобрялись и сей милости не заслуживали, какъ, напр., бывшему при каѳедральномъ соборѣ діакону, опредѣленному на мѣсто Рудакова съ тѣми самыми правами, въ которыхъ сему послѣднему было отказано; 3) допущена при консисторскомъ дворѣ, въ смежности съ рынкомъ, неумѣстная и весьма неприличная продажа церковныхъ свѣчъ въ пользу каѳедрального собора, безъ надлежащаго надзора за продажей и съ платою по 10 коп. съ рубля продающимъ свѣчи; 4) при общемъ несогласіи членовъ консисторіи между собою и съ секретаремъ, нерѣдко за-замедляется движеніе дѣлъ единственно оттого, что они позволяютъ себѣ дѣлать неприличные для судебного мѣста раздоры по полагаемымъ ими по дѣламъ резолюціямъ; такъ, напр., протоіерей Знаменскій по дѣлу Рудакова позволилъ себѣ обидныя для прочихъ членовъ дѣйствія, свидѣтельствующія о его самонадѣянности, безъ особыхъ на то правъ со стороны закона и съ одною увѣренностію въ защитѣ преосвященнаго, именемъ котораго онъ и другой протоіерей, Кудрявцевъ, распоряжаются дѣлами консисторіи съ явнымъ оскорбленіемъ для секретаря, коему наблюденіе за симъ предоставлено закономъ. Сообразивъ все сіе, заключаетъ синодъ, и не усматривая никакихъ основаній къ обвиненію секретаря, св. синодъ опредѣляетъ: поручить преосвященному Наанаилу обозрѣть ближайшимъ образомъ ходъ дѣлъ въ псковской духовной консисторіи, ввести въ оныя порядокъ на точномъ основаніи закона, и о послѣдующемъ донести св. синоду, съ присовокупленіемъ мнѣнія и о томъ, можетъ-ли консисторія оставаться при нынѣшнемъ ея составѣ членовъ» ¹⁾).

Въ этомъ указѣ, несмотря на явное его стараніе оставить Наана-

¹⁾ Тамъ-же синодальный указъ 21-го декабря 1845 года.

наила, такъ-сказать, въ сторонѣ, было все-таки много довольно не-
 пріятныхъ для него намековъ. Уже необходимость писать объясненія
 противъ обвиненій Сварацкаго выводила Наанаила изъ себя. Но его
 ожидало еще большее несчастье; у него явился обличитель, болѣе без-
 пощадный, чѣмъ Сварацкій. На что послѣдній указывалъ съ нѣкоторою
 сдержанностью, соблюдая въ описаніи злоупотребленій епархіальнаго
 начальства умѣренность тона, то подъ перомъ новаго доносителя
 рисовалось самыми яркими и густыми красками, съ необыкновен-
 ною смѣлостью, безпощадною правдивостью и откровенностью. Если
 рапорты Пратасову Сварацкаго вызвали архіерея на объясненія предъ
 св. синодомъ, то доносы второго обличителя подвергли Наанаила ре-
 визіи, и даже не одной. Этотъ новый доносчикъ былъ псковской свя-
 щенникъ Василій Лебедевъ. Лицо это приобрѣло такую громкую извѣст-
 ность не только въ псковской, рижской, тверской и владимірской епар-
 хіяхъ, но и во всемъ духовномъ вѣдомствѣ, своими нападеніями на
 епархіальное начальство, что мы не можемъ не остановиться на немъ.
 Тогда какъ одни лица спокойно привыкають къ той удушливой средѣ,
 въ которой суждено имъ жить и дѣйствовать, другія, напротивъ, по-
 добныя Лебедеву, всячески стремятся вырваться изъ этой среды, и если
 ихъ не выпускають изъ нея, то они начинаютъ кричать и волноваться.
 На бѣду этихъ людей, ихъ не только не слушаютъ, но еще оскорбляютъ
 и уничижаютъ. Рожденные съ огромнымъ запасомъ гордости и само-
 любія, а, между тѣмъ, видя, что пошлость и бездарность стоятъ выше
 ихъ и что вопиющее беззаконіе пользуется почетомъ, они теряють по-
 степенно спокойствіе духа и терпѣніе и начинаютъ борьбу съ окружаю-
 щими безпорядками и злоупотребленіями. Встрѣченныя въ этой борьбѣ
 препятствія не только не останавливаютъ ихъ, но еще болѣе раздра-
 жаютъ. Убѣжденные въ чистотѣ и правотѣ своихъ стремленій, они ста-
 новятся, наконецъ, мучениками своей идеи, за которую терпятъ всякаго
 рода лишенія и страданія. Но потому-ли, что зло бываетъ могуще-
 ственно, а силы нападателей на него слишкомъ слабы и разѣединены,
 или потому, что въ нападателяхъ слишкомъ много страстности, увле-
 ченія и промаховъ, конечнымъ результатомъ дѣятельности такихъ людей
 являются горькое разочарованіе, малоутѣшительное сознаніе, что они
 слишкомъ много сдѣлали вреда для себя и слишкомъ мало пользы для
 общественной нравственности. Вотъ наводящія грусть на душу каж-
 даго, слова Лебедева, сказанныя имъ въ одномъ изъ писемъ къ оберъ-
 прокурору Карасевскому: «У меня теперь нѣтъ ни силъ трудиться, ни
 родительскихъ крошекъ и крупницъ—все ушло по милости псковскаго

епархіального начальства; едва только одна вѣра и надежда на Христа Спасителя осталась, любви-же къ ближнему какъ самъ не вижу ни въ комъ, то не знаю, что о ней сказать: любить или не любить» ¹⁾). А между тѣмъ, еслибы имѣли терпѣніе прислушаться къ голосу этихъ людей и еслибы лучше поняли и оцѣнили ихъ стремленія, тогда общество приобрѣло-бы въ нихъ весьма полезныхъ дѣятелей.

Содержаніе доносовъ Лебедева представляетъ, за немногими исключеніями, весьма много сходнаго съ доносами Сварацкаго. Во всѣхъ доносахъ и жалобахъ Лебедева Государю, св. синоду и оберъ-прокурору синода постоянно встрѣчаются слѣдующіе предметы: притѣсненіе епархіальнымъ начальствомъ единовѣрцевъ, развратъ духовенства, святотатство, производимое подъ покровительствомъ епархіального начальства старостами и настоятелями церквей, злоупотребленія членовъ консисторій. Но прежде, нежели Лебедевъ обратился съ своими жалобами къ Государю, въ синодъ и къ оберъ-прокурору, онъ велъ войну за то-же самое дома съ архіереемъ, консисторією и духовнымъ правленіемъ. Эту домашнюю борьбу Лебедевъ началъ почти съ первыхъ годовъ своего служенія въ званіи священника, и къ жалобамъ и доносамъ Государю, синоду и оберъ-прокурору онъ перешелъ уже только тогда, когда принудила его къ тому крайность: запрещеніе въ священнослуженіи и преданіе суду уголовной палаты. Первое начало своей оппозиціи мѣстному начальству Лебедевъ обнаружилъ въ 1833 году по слѣдующему обстоятельству: бывший тогда псковскимъ архіереемъ Меѳодій предписалъ, чтобы всѣ священно- и церковнослужители дали въ консисторіи подписки въ томъ, что они не будутъ посѣщать свѣтскихъ зрѣлищъ, «гдѣ нѣкоторые изъ нихъ примѣчались въ позорѣ, къ посяржанію своего сана и народному соблазну» ²⁾). Когда всѣ священно- и церковнослужители исполнили приказаніе архіерея, Лебедевъ, не сознававшій за собою этого преступленія, отказался отъ дачи подписки и просилъ позволенія объясниться лично съ архіереемъ по этому случаю. Консисторія сочла это прошеніе Лебедева «безчиннымъ и соблазнительнымъ поступкомъ» ³⁾), записала его въ журналъ и положила взыскать съ Лебедева, не выпуская его изъ консисторіи, 10 руб. асс. Лебедевъ денегъ

¹⁾ См. въ дѣлѣ св. синода по всеподданнѣйшей жалобѣ священника г. Пскова Василя Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ письмо Лебедева къ Карасевскому отъ 5-го августа 1855 года.

²⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ стр. 21—22.

³⁾ Тамъ-же, стр. 22 и слѣдующія.

не далъ и продолжалъ настаивать на своемъ прошеніи. Отказъ Лебедева уплатить штрафъ и упорство въ просьбѣ снова сочтены за преступленіе и снова записаны въ журналъ. Личное объясненіе съ архіереемъ, наконецъ, было дозволено Лебедеву, и его претензія при этомъ объясненіи не показалась преосвященному поступкомъ безчиннымъ, какъ консисторіи.

Въ 1835 году мы уже видимъ Лебедева членомъ псковской консисторіи, правою рукою архіерея, дѣйствующимъ неутомимо и честно, преслѣдующимъ мздоимство, приводящимъ въ порядокъ консисторское дѣлопроизводство и сражающимся съ святотатствомъ. Строгій къ себѣ, трезвый, благоговѣйный въ служеніи, энергическій въ исполненіи своихъ обязанностей, ревнивый къ пользамъ и славѣ церкви, Лебедевъ былъ украшеніемъ псковскаго духовенства. Архіерей ласкалъ его, отличалъ и представлялъ къ наградамъ; но онъ, будучи бѣденъ, сравнительно съ другими своими товарищами, добивался не отличій, а матеріальнаго обезпеченія. Архіерей этого не хотѣлъ понять; Лебедевъ далъ ему разумѣть, но слишкомъ оригинально: онъ подалъ ему прошеніе, въ которомъ, описавъ проходимыя имъ разныя должности, говорилъ, что при отправленіи всѣхъ этихъ должностей, онъ «избѣгалъ всеми силами неправильныхъ приобрѣтеній, дабы не потерять честнаго имени. Нынѣ, притупивъ зрѣніе, ослабивъ нервы въ головѣ отъ сильнаго занятія дѣлами по возлагаемымъ должностямъ, онъ достигъ крайней границы и, не обинуясь, можетъ сказать, что онъ бѣденъ. Прохожденіе имъ должностей показало ему, отчего можно сдѣлаться неспособнымъ продолжать оныя. Честное и усердное прохожденіе оныхъ проложило ему путь къ бѣдности и, ослабивъ силы, привело къ послѣдней крайности, отъ которой избавиться и имѣть ему съ семействомъ своимъ безбѣдный кусокъ хлѣба предлежитъ для него два пути: одинъ—заглушить гласъ совѣсти и страха Божія, но онъ безъ сихъ не живалъ и жить не можетъ, ибо вѣрить, что долженъ явиться предъ сердцевѣдца Бога; другой путь, чтобъ бѣдность далѣе не мучила его—оставить духовное званіе. Сей путь хотя и незнакомъ для него, и страненъ, и въ глазахъ его не безопасенъ, но отъ крайности и съ прискорбіемъ души онъ избираетъ послѣдній. Надѣясь, что отецъ Небесный приметъ душу его, хотя онъ въ здѣшнемъ странствованіи и не будетъ носить одѣянія, духовнымъ лицамъ принадлежащаго, лишь-бы не погасъ свѣтильникъ души его, просить по симъ причинамъ, на основаніи существующихъ законовъ, уволить его изъ духовнаго званія для поступленія туда, гдѣ-бы онъ съ семействомъ своимъ могъ имѣть насущный хлѣбъ безъ отягощенія

ближняго и безъ заглушенія гласа совѣсти»¹⁾). Это прошеніе заключало въ себѣ и затаенное неудовольствіе Лебедева къ Нааанаилу, и тонкій намекъ, что послѣдній честныхъ дѣятелей только ласкаетъ, но не грѣшетъ. Псковская консисторія, которой Лебедевъ успѣлъ порядочно насолить, рада была его прошенію: она увидѣла въ немъ капризь вѣбальмошнаго челоѣка, назвала его чуть не богачемъ, и опредѣлила прошеніе отослать въ синодъ, а самого его лишить отличія, установленнаго для бѣлаго духовенства, и права засѣданія въ консисторіи. Но Нааанаиль не вполнѣ согласился съ мнѣніемъ консисторіи. «На рѣшительное удаленіе отъ консисторіи священника Лебедева я согласиться пока не могу. Устранить его отъ присутствованія до окончанія только дѣла сего. А въ донесеніи св. синоду включить, между прочимъ, что священникъ Лебедевъ, сколько могъ я замѣчать, всегда имѣлъ образъ мыслей религіозный, и опредѣленъ мною присутствующимъ (въ консисторіи) по отличной его способности, что онъ совершенно оправдалъ сіе избраніе, весьма много способствовалъ къ исправленію упущеній и непорядковъ, происшедшихъ отъ болѣзни и бездѣйствія секретаря, равно какъ и невнимательности прежнихъ членовъ консисторіи. Присовокупить также въ донесеніи, что священникъ Лебедевъ и при настоящемъ, нѣсколько улучшенномъ, его состояніи, содержаніе дѣйствительно имѣетъ небогатое, какъ и большая часть псковскихъ священниковъ, но я не имѣю въ рукахъ способовъ улучшить его состояніе»²⁾).

Лебедевъ остался въ духовномъ званіи, получивъ довольно богатое мѣсто при Благовѣщенской церкви въ Ригѣ. Нааанаиль отпустилъ его изъ Пскова съ самымъ лестнымъ для него отзывомъ. «Я со скорбію разлучаюсь съ челоѣкомъ, толь умнымъ, дѣятельнымъ и общепользнымъ; утѣшаю-же себя тѣмъ, что отецъ Василій весьма благодотребенъ для рижской церкви»³⁾). Рига, подобно Пскову и всей псковской епархіи, страдала расколомъ и святотатствомъ. Старосты церковные, сообща съ настоятелями церквей и благочинными, злоупотребляли церковными суммами. Лебедеву хорошо были извѣстны эти двѣ язвы и онъ началъ противъ нихъ борьбу. Первый ударъ былъ нанесенъ Лебедевымъ цер-

¹⁾ См. ч. I приложеній къ донесенію въ св. прав. синодъ, по исполненію указовъ онаго отъ 17-го декабря 1847 г. за № 14.252 и отъ 31-го того-же декабря за № 15.248, стр. 131—133.

²⁾ См. въ вышеприведенныхъ приложеніяхъ.

³⁾ См. въ св. синодѣ дѣло по доносамъ священника Лебедева о злоупотребленіяхъ свѣчными доходами по псковской епархіи и въ немъ вопросные пункты Лебедеву и отвѣты его на эти вопросы.

ковному старостѣ Благовѣщенской церкви, рижскому купцу Несодомову. Но этимъ онъ оскорбилъ, въ лицѣ Несодомова, не только все рижское купечество, но и духовенство, а особенно представителей его—духовное правленіе. Дѣло приняло оборотъ, неблагоприятный для Лебедева; Несодомовъ былъ опытный и, притомъ, богатый воръ, а противникъ его—болѣе горячій, чѣмъ искусный нападающій. Лебедевъ горячился, говорилъ грубости въ духовномъ правленіи, самому викарію, и этимъ только портилъ дѣло. Онъ подпалъ суду своего начальства за дерзости и вооружилъ противъ себя прихожанъ, которые, настроенные вліятельнымъ Несодомовымъ, подали прошеніе о томъ, чтобы вывести отъ нихъ Лебедева, за беспокойныя его качества, своеправіе и нестерпимую для нихъ сварливость ¹⁾. Хотя впоследствии открылось, что прошеніе прихожанъ рижской Благовѣщенской церкви было только голосомъ одной партіи, а не всѣхъ прихожанъ, тѣмъ не менѣе, Лебедева перевели отъ богатой Благовѣщенской церкви къ бѣдной замковской Успенской. Тщетно потомъ Наанаиль, узнавши свою ошибку, хотѣлъ, чтобы Лебедевъ оставался на прежнемъ своемъ мѣстѣ; напрасно писалъ онъ, что «заклячая изъ слѣдственнаго, недавно сданнаго мною въ консисторію дѣла о непорядкахъ и злоупотребленіяхъ по Благовѣщенской церкви, открытыхъ священникомъ Лебедевымъ, что поданная на него ко мнѣ отъ нѣкоторой части прихожанъ благовѣщенскихъ просьба дѣйствительно, какъ жалуется священникъ, могла быть слѣдствіемъ исканій тамошняго причта, для котораго служитель, толь исправный и непорядковъ не терпящій, конечно, тяжель, я рекомендую консисторіи, не стѣсняясь прежде положенною мною резолюціею, рассмотреть внимательнѣе прошеніе сіе, предписавъ, между тѣмъ, лифляндскому духовному правленію, чтобы до особаго отъ епархіальнаго начальства распоряженія священникъ Лебедевъ оставался при Благовѣщенской церкви по-прежнему» ²⁾. Но лифляндское духовное правленіе нашло неблаговременнымъ дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла по жалобѣ прихожанъ Благовѣщенской церкви на Лебедева по разнымъ причинамъ, въ числѣ которыхъ была и та, что онъ уже перемѣщенъ къ другой церкви и слѣдовательно теперь уже поздно перевершать дѣло. Наанаиль, по безхарактерности своей, не возражалъ противъ мнѣнія духовнаго правленія. Обиженный Лебедевъ бѣсился, выходилъ изъ себя, а недоброжелательное къ нему лифляндское духовное

¹⁾ См. въ дѣлѣ по всеподданнѣйшей жалобѣ священника Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ стр. 26—27.

²⁾ См. въ томъ-же дѣлѣ стр. 28—30.

правленіе пользовалось этимъ ненормальнымъ его состояніемъ духа и безпрерывно подвергало его новымъ оскорбленіямъ: то выговорамъ въ правленіи, то штрафамъ, то поклонамъ, то грозило подначаліемъ. Нужно замѣтить, что Лебедевъ подвергся-бы за свои поступки еще большому униженію, еслибы его не защищалъ Нааанаилъ отъ нападеній лифляндскаго духовнаго правленія. Но натискъ недоброжелателей Лебедева на Нааанаила былъ такъ силенъ, что и онъ долженъ былъ уступить имъ. Такъ, по дѣлу о непредставленіи Лебедевымъ прихода-расходныхъ по рижской Замковской церкви книгъ Нааанаилъ хотя не согласился подвергнуть Лебедева мѣсячному подначалію, какъ положила псковская консисторія, однако-же долженъ былъ написать, что онъ «выходитъ изъ предѣловъ умѣренности. Уважая его строгую жизнь, его талантъ и ревность по службѣ, я не могу однако-жъ долѣе щадить его. Сдѣлать ему строгій выговоръ въ духовномъ правленіи, со внесеніемъ въ послужный списокъ и съ назначеніемъ ему въ церковныхъ собраніяхъ низшаго предъ всѣми рижскими священниками мѣста, исключая самыхъ младыхъ: Свѣтлова и Поспѣлова» ¹⁾. Лебедевъ такую резолюцію приписалъ вліянію на Нааанаила членовъ консисторіи, а потому призванный въ рижское духовное правленіе для выслушанія ея, подалъ свой отзывъ, который наполнилъ выраженіями, оскорбительными для чести членовъ консисторіи, называя ихъ «покровителями святотатства и потворщиками раскола». Вслѣдъ за этимъ поступила отъ самого архіерея Принарха жалоба на Лебедева въ томъ, что «онъ порочить честь его сана и представляетъ его покровителемъ святотатства и раскола». За такую дерзость Лебедевъ былъ запрещенъ въ священнослуженіи, а потомъ хотя оно и было ему разрѣшено, но его перевели изъ Риги въ Псковъ къ Покровской-отъ-торга церкви. И здѣсь онъ вскорѣ началъ борьбу съ церковнымъ старостою и съ причтомъ. Староста, по обычаю всѣхъ псковскихъ старость, считалъ церковное хозяйство своимъ собственнымъ и, вмѣстѣ съ церковными свѣчами, продавалъ свои, а причтъ, состоявшій изъ людей сомнительной нравственности, вслѣдствіе особыхъ побужденій, смотрѣлъ на это снисходительно. Лебедевъ, отобравъ церковные ключи отъ старосты, взялся самъ распоряжаться церковнымъ хозяйствомъ, но дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ самоуправно, съ превышеніемъ власти, и далъ поводъ подозревать себя въ недобросовѣстности и притѣсненіи другихъ. Причтъ подалъ жалобу на Лебедева, что онъ обижаетъ ихъ въ раздѣлѣ доходовъ и что безотчетно распоряжается церковнымъ хозяйствомъ. У него велѣно было отобрать церковные ключи, церковныя прихода-расходныя книги и

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ стр. 34—35.

хлѣбъ. Къ участию въ этомъ дѣлѣ призвана была даже мѣстная полиція. Въ то-же время на него былъ сдѣланъ начетъ по рижской Замковской церкви, на сумму 483 р. 42³/₄ коп. сер., и когда потребовали у него уплаты этихъ денегъ, то онъ не хотѣлъ ни отдавать ихъ, ни подписываться подъ указомъ. Псковская консисторія опредѣленіемъ своимъ отъ 1-го марта 1843 года предала Лебедева за ослушаніе и упорство суду уголовной палаты, а между тѣмъ, независимо отъ этого, въ консисторіи производились дѣла по разнымъ на него доносамъ и его то-и-дѣло призывали туда для выслушанія разныхъ опредѣленій о немъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, именно 7-го декабря 1843 года, Лебедевъ долженъ былъ дать отвѣты на вопросы по дѣлу объ упущеніяхъ и злоупотребленіяхъ по приходо-расходнымъ и сборнымъ книгамъ Покровской церкви, и когда ему читали опредѣленіе консисторіи по этому дѣлу, то онъ, раздраженный несправедливостью опредѣленія, дѣлалъ во время чтенія возраженія, какъ выражается псковская консисторія, «злбныя и укоризненныя», а по выслушаніи опредѣленія, отъ дачи отвѣтовъ отказался и, подавъ заранѣе приготовленное имъ объясненіе, съ поясненіемъ на словахъ, что въ объясненіи его заключаются всѣ отвѣты, вопросы положилъ въ пазуху. Когда-же члены и секретарь консисторіи начали вразумлять его, что «вопросы даны ему не для того, чтобы онъ пряталъ ихъ въ пазуху, а чтобы на нихъ отвѣчалъ кратко и ясно, не примѣшивая ничего посторонняго», то онъ, вынувъ оныя изъ пазухи, съ необыкновеннымъ озлобленіемъ и раздраженіемъ, написалъ на первой страницѣ противъ вопросовъ такимъ образомъ: «Отвѣтъ далъ въ объясненіи, поданномъ 7-го числа декабря 1843 года, покровскій священникъ Василій Лебедевъ» ¹⁾. Злобу свою онъ выразилъ, какъ говоритъ консисторія, «не только на словахъ, но и въ самомъ почеркѣ написаннаго имъ» ²⁾. На вопросъ консисторіи, какъ онъ могъ приготовить отвѣты, когда вопросы ему еще не были объявлены, онъ отвѣчалъ «съ тою-же злобою и укоризнами», что онъ «слѣдилъ и слѣдитъ за дѣйствіями консисторіи и всегда предварительно оныя знаетъ, но чрезъ кого, не объяснилъ, присовокупивъ только, что онъ это откроетъ не консисторіи, а повыше кому знаетъ. Наконецъ, придя въ какое-то изступленіе, началъ разсуждать съ крикомъ, и неоднократно называлъ членовъ и секретаря покровителями воровъ и святотатцевъ. Когда-же протоіерей

¹⁾ См. обо всемъ этомъ въ дѣлѣ по всеподданнѣйшей жалобѣ священника города Пскова Василя Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ стр. 43—44.

²⁾ Тамъ-же.

Знаменскій, указывая ему на именный Высочайшій указъ 1724 года января 27-го дня, началъ напоминать Лебедеву объ обязанностяхъ, какъ подсудимые должны обращаться въ присутствіяхъ и какой отвѣтственности подвергаются они за нарушение порядка въ такихъ мѣстахъ за крикъ и укоризну: то Лебедевъ въ томъ-же изступленіи и съ тѣмъ-же озлобленіемъ сказавъ, что онъ со всѣми членами и секретаремъ консисторіи имѣетъ личности, и самъ не безъ заслугъ и не хуже другихъ знаетъ законы, самовольно ушелъ изъ присутствія, *не сдѣлавъ ни къ кому никакого отношенія* ¹⁾. Мы буквально приводимъ этотъ обвинительный актъ противъ Лебедева изъ журнала псковской консисторіи, чтобы дать вѣрное понятіе о внутреннемъ состояніи духа Лебедева и точнѣе изобразить отношенія къ нему членовъ консисторіи ²⁾, которые очень оскорблены были, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ не сдѣлалъ ни къ кому изъ нихъ «никакого отношенія», т. е. ушелъ, не поклонившись имъ. Послѣ такихъ дѣйствій Лебедева, въ псковской консисторіи началось сужденіе о поступкѣ его. Состоявшееся по этому случаю консисторское опредѣленіе, утвержденное и архіереемъ, гласило такъ: «Какъ дерзкій поступокъ упорно злаго противъ начальства и совершенно вышедшаго изъ повиновенія законной власти священника Василия Лебедева принадлежитъ по силѣ 3-го пункта 159-й статьи Устава духовныхъ консисторій, суду свѣтскому, то и передать дѣло о немъ въ псковскую палату уголовного суда для сужденія и приговора на основаніи уголовныхъ законовъ, съ прописаніемъ для соображенія въ семъ дѣлѣ оной палатѣ всѣхъ справокъ изъ дѣлъ консисторій о неповиновеніи и дерзости его, Лебедева, противъ начальства. А между тѣмъ, чтобы какъ между прихожанами, такъ и иноувѣрцами, живущими въ Псковѣ, не было соблазна отъ допущенія къ священнослуженію сего самоуправнаго человѣка, вовсе не хотящаго знать никакой власти, то запретить ему теперь-же священнослуженіе» ³⁾. Съ этого времени Лебедевъ совсѣмъ пересталъ давать отвѣты консисторіи, прекратилъ всѣ отношенія къ своему епархіальному архіерею и началъ жаловаться на злоупотребленія епархіальнаго начальства Государю, синоду и оберъ-прокурору синода. Первая жалоба на Высочайшее имя послана была Лебедевымъ 9-го іюня 1844 года. Вотъ ея содержаніе: «Вслѣдствіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Вели-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ.

²⁾ Впослѣдствіи этотъ поступокъ, приписанный Лебедеву консисторіею, былъ имъ формально опровергаемъ.

³⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ стр. 43—44.

чества соизволенія, кроткими мѣрами возростающій во псковской епархіи тайный и явный расколъ склонить къ единовѣрію, открыта въ 1836 году, именно мною, въ псковскомъ Загорскомъ яму единовѣрческая церковь, и тамошніе два наставника съ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества утвержденія произведены—главный въ іеромонаха, а помощникъ его во священника. Церковь эта, за невозможностью мнѣ тогда, какъ члену псковской духовной консисторіи, обремененному сильно дѣлами, поручена подручному мнѣ священнику Іакову Кудрявцеву, и всѣ сосѣдственные съ тою единовѣрческою Загорскою церковью погосты, зараженные особенно явнымъ и тайнымъ расколомъ, ввѣрены ему-же, священнику Кудрявцеву, какъ благочинному, съ тѣмъ, чтобы онъ предохранялъ юную единовѣрческую церковь и склонялъ въ подвѣдомственныхъ ему погостахъ раскольниковъ къ единовѣрію. Священникъ Кудрявцевъ, по выбытіи моемъ изъ консисторіи, а вмѣстѣ и изъ Пскова въ Ригу, занялъ вмѣсто меня судейскій стулъ въ псковской духовной консисторіи, и вмѣсто покровительства единовѣрческой церкви допустилъ въ ней соблазны и началъ тѣснить ту до того, что поколебались тысячами присоединившіеся къ единовѣрію и отпали опять въ расколъ: вслѣдствіе этого открылись дѣла, — и люди доселѣ томятся въ тюремномъ заточеніи.

«По переводѣ меня изъ Риги вторично во Псковъ, епархіальный архіерей въ дѣлѣ единовѣрія опять обратился ко мнѣ, первоначально рассказывая мнѣ съ сожалѣніемъ и прискорбіемъ о положеніи единовѣрцевъ въ псковской епархіи, а потомъ предписывая мнѣ и форменно чрезъ консисторію. Предписаніе епархіальнаго архіерея мною исполнено въ точности, т. е. мною исходатайствована тѣснимымъ во Псковѣ единовѣрцамъ церковь, и епархіальный архіерей на рапортъ моемъ о исполненіи предписанія предписалъ консисторіи такъ: «Отецъ Василій Лебедевъ порученіе мое исполнилъ прекрасно. Изъявить ему благодарность за его безкорыстное усердіе и ревность къ дому Божію». Загорскія единовѣрческія церкви іеромонахъ, главное лицо единовѣрцевъ въ псковской епархіи, и псковской единовѣрческой церкви попечитель, купецъ Агаѣонъ Дервинъ, подали епархіальному архіерею 2-го августа прошеніе, въ которомъ просили епархіальнаго архіерея, чтобы дѣло обращенія раскольниковъ и самую единовѣрческую церковь въ Псковской губерніи, вмѣсто священника Кудрявцева, семь лѣтъ тѣснившаго ихъ единовѣрческую церковь, поручить мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я имъ способствовалъ въ обращеніи къ единовѣрію всѣхъ во псковской епархіи раскольниковъ и защищалъ-бы единовѣрцевъ и церковь ихъ во всѣхъ случаяхъ и словомъ, и дѣломъ явно, а не тайно

уже, какъ это было съ самаго открытія церкви. Епархіальный архіерей на прошеніи ихъ отъ 2-го числа августа предписалъ консисторіи такъ: «Священникъ Лебедевъ дѣйствительно полезенъ для единовѣрцевъ и дѣйствуетъ безкорыстно; пусть псковская единовѣрческая церковь будетъ въ завѣдываніи его, какъ благочиннаго. Со временемъ для церквей единовѣрческихъ можно будетъ устроить особое благочиніе». Слово: «безкорыстно», въ обѣихъ резолюціяхъ епархіальнымъ архіереємъ помѣщенное, ясно свидѣтельствуешь, что всѣ дѣйствія священника Кудрявцева и его соучастниковъ, тѣснящихъ единовѣрческую церковь, основаны на корысти, а не на пользѣ отечества и спасеніи душъ человѣческихъ. За симъ вслѣдъ, чрезъ весь августъ, сентябрь и октябрь, утѣсняемые единовѣрцы неоднократно ходили къ епархіальному архіерею съ письменными и словесными просьбами и неотступно просили, чтобы удалить священника Кудрявцева вообще отъ всѣхъ дѣлъ по единовѣрію и отъ самаго благочинія, ему для единовѣрческой церкви порученнаго, и поручить все это дѣло мнѣ; ибо они увѣрены, что безкорыстное мое усердіе и ревность къ дому Божію и попеченіе о пользѣ единовѣрческой церкви сдѣлають въ одинъ годъ значительныя перемѣны въ мнѣніяхъ народа, расколѣмъ зараженнаго; но на ихъ прошенія и по сіе время ничего нѣтъ. А между тѣмъ членъ консисторіи, священникъ Кудрявцевъ, видя, что долженъ лишиться дѣлъ о единовѣріи и расколѣ, а вмѣстѣ и благочинія, а это-то для него суть аренда, а не должности, не имѣющія жалованья, составилъ противу меня заговоръ, вслѣдствіе котораго объявлена погибель не одному мнѣ, но и всему моему семейству. Епархіальный архіерей сталъ какъ-бы безсиленъ противу заговорщиковъ, въ консисторіи судейскіе стулы занимающихъ, что, при всей его ко мнѣ и единовѣрческой церкви расположенности, по собственному его лично мнѣ сознанію, не въ состояніи удержатъ противозаконныя дѣйствія заговорщиковъ противу меня и единовѣрческой церкви. Опасаясь обременить Ваше Императорское Величество многосложностью моего всеподданиѣйшаго прошенія, не прилагаю собственноручныхъ епархіальнаго архіерея ко мнѣ писемъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что дѣломъ единовѣрія и обращенія раскольниковъ съ 1836 года по настоящее время, согласно волѣ епархіальнаго архіерея, занимался я и занимаюсь, и тѣмъ навлекъ на себя негодованіе отъ тѣхъ, для которыхъ единовѣрческая церковь нетерпима, какъ не приносящая корысти; но расколъ потаенный чрезъ обильныя ихъ приношенія покровительствуется.

«Всеавгустѣйшій Монархъ, чадолюбивѣйшій отецъ отечества! Миновавъ св. правительствующій синодъ, я всеподданиѣйше обращаюсь и припадаю къ престолу вашего Императорскаго Величества, потому что дѣло

это по важности своей, возросшему уже злу и обратившемуся какъ-бы въ мѣстный законъ, требуетъ средствъ къ пресѣченію, не отъ св. синода зависящихъ, но отъ мощной десницы Вашего Императорскаго Величества: ибо раскольники, видя нестроеніе въ православной церкви псковской епархіи, слыша хуленія отъ духовенства православной церкви на единовѣрческую, а вмѣстѣ встрѣчая и сами въ той и другой соблазны, не идутъ ни въ ту, ни въ другую церковь, но сильно волнуются, видя все публичныя ихъ молебни въ Псковской губерніи уничтоженными. Единовѣрцы, заботящіеся о наклоненіи раскольниковъ къ себѣ, съ сильнымъ затрудненіемъ выхаживаютъ въ свою единовѣрческую церковь святые иконы и утварь, взятые изъ молебенъ раскольниковыхъ; ибо заговорщики, тѣснящіе единовѣрческую церковь и помогающіеся того, чтобы въ Псковской губерніи не единовѣрческая церковь, но потаенный расколъ, много корысти приносящій, существовалъ, не даютъ единовѣрцамъ святыхъ иконъ и утвари прямо изъ молебенъ раскольниковыхъ, но для видовъ своихъ забираютъ тѣ въ соборъ и держать тамъ. Соблазны-же и буйства въ православной церкви умножились до того, что самъ епархіальный архіерей нынѣ, въ день Рождества Христова, во время божественной литургіи, стоя передъ престоломъ Всевышняго, плакалъ и жаловался вслухъ, что исправляющій должность протодіакона діаконъ не почтилъ толь великаго дня, но явился къ божественной литургіи пьянъ; да это и весьма часто бываетъ въ кафедральномъ соборѣ, а о приходскихъ церквахъ и не говорю. Буйство-же отъ пьянства діаконѣ, и причетниковъ до того усилилось, что діаконъ и дьячки рѣшаются бить въ церкви и даже во святомъ алтарѣ не только другъ друга, но и священниковъ до крови, и даже протоіереевъ. Объ иныхъ имѣются дѣла въ консисторіи, а о другихъ и дѣлъ нѣтъ; и все это остается безъ должнаго, хотя для предосторожности другимъ, вразумленія. И самъ епархіальный архіерей изъяснялъ консисторіи на бумагѣ, что Покровскія-отъ-торга церкви діаконъ Петръ Образскій оскорбилъ его лично, но и то оставлено. При производствѣ слѣдствія помимо духовной власти чрезъ посланныхъ отъ лица Вашего Императорскаго Величества, откроется больше нежели сколько я написалъ во всеподданнѣйшемъ моемъ прошеніи, а чрезъ то ясно обнаружатся причины существованія раскола» ¹⁾).

Спустя 10 дней послѣ подачи этого прошенія, Лебедевъ подалъ

¹⁾ См. въ дѣлѣ св. синода по всеподданнѣйшей жалобѣ священника г. Пскова Василія Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ всеподданнѣйшее прошеніе его отъ 9-го іюня 1844 года.

прошеніе въ св. синодѣ, въ которомъ коснулся другого зла, господствующаго въ псковской епархіи—святотатства. «Ища погубить меня, писалъ онъ въ этомъ прошеніи, безвинно, не силою закона, но, при противозаконныхъ дѣйствіяхъ, силою власти, за то, первое, что я, желая прекратить противозаконную, во Псковѣ открытую съ фабрики мелочную продажу свѣчъ восковыхъ, дѣлающую подрывъ казнѣ, по крайней мѣрѣ, ежегодно на 10.000 руб. серебромъ, подаль прошеніе о выдачѣ приходо-расходныхъ книгъ въ свѣчную церковную лавку, открываемую мною; второе, за то, что я пресѣкъ злоупотребленія, кроющія святотатство по псковогородской Покровской-отъ-торга церкви, покровительствуемые благочиннымъ, членами консисторіи и секретаремъ; третье, за то, что я, вопреки желанію и цѣли членовъ консисторіи, согласно волѣ его высокопреосвященства, исходатайствовалъ у покровскихъ прихожанъ для единовѣрцевъ во Псковѣ церковь и въ 17 дней все окончилъ и богослуженіе открылъ, тогда какъ 17 мѣсяцевъ единовѣрцы чрезъ происки членовъ консисторіи, а паче священника Іакова Кудрявцева, что нынѣ протоіерей, томились надъ Ильинскою церковію и не освятили, издержавъ много денегъ на передѣлку ея, причемъ и самъ преосвященный не зналъ, что слѣдуетъ дѣлать, видя противодѣйствіе членовъ консисторіи; и наконецъ, четвертое, за то, что единовѣрческій іеромонахъ Михаилъ и псковскіе единовѣрцы подали прошеніе, чтобы протоіерея Кудрявцева удалить вовсе отъ дѣлъ единовѣрія и обращенія раскольниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ благочинія, какъ дѣйствующаго во вредъ единовѣрію, но къ покровительству расколу тайному и даже явному, и просили, чтобы все дѣло обращенія раскольниковъ къ единовѣрію и самая ихъ церковь съ единовѣрцами были поручены мнѣ, какъ безкорыстно и съ пользою для единовѣрія дѣйствующему,—члены псковской духовной консисторіи и секретарь, несмотря на мои прошенія о передачѣ дѣлъ въ гражданское присутственное мѣсто по подсудности, не хотятъ передать дѣлъ и не передаютъ, потому что, при передачѣ дѣлъ, откроется: первое, что злоупотребленія въ экономическомъ церковномъ управленіи, кроющія святотатство, допущены благочинными и самими членами консисторіи и секретаремъ не въ одной Покровской церкви, но и во всей епархіи, а потому ими и покровительствуются, на крайній вредъ церкви; второе, откроется то, что благочинные и члены консисторіи съ секретаремъ скрываютъ и явное святотатство по церквамъ, и преступниковъ; третье, откроется то, что они-же потворствуютъ и прикрываютъ расколъ тайный и явный, противодѣйствуютъ единовѣрію и тѣснятъ ихъ церковь и ихъ самихъ; четвертое, откроется и то, что они-же попустили ужасное пьянство въ

духовенствѣ, буйство по церквамъ и соблазны, чинимые лицами духовными, которымъ и покровительствуютъ, и пятое, откроется также и то, что всѣхъ тѣхъ, которые рѣшаются донести о вышеписанномъ, или противостанутъ преступнымъ дѣйствіямъ, благочинные, члены консисторіи и секретарь тѣснятъ, порочатъ и наконецъ приближаютъ къ гибели, а вмѣстѣ съ тѣмъ тѣснятъ и тѣхъ, которые ведутъ жизнь строгую, усердную и ревностную по службѣ. Такъ точно стѣснили меня и даже дѣтей моихъ до того, что я потерялъ всякое терпѣніе и возможность къ терпѣнію. Сынъ-же мой, кончившій курсъ ученія въ псковской семинаріи Иванъ Лебедевъ, служившій съ похвалою отъ епархіальнаго архіерея въ консисторіи и исправляющій должность столоначальника, подалъ вонъ изъ духовнаго званія, а зять мой, Псковоградскія Пороменскія церкви священникъ Іоаннъ Кудрявцевъ, видя и себя въ совершенной опасности, не знаетъ, что съ собою дѣлать» ¹⁾).

За этимъ прошеніемъ поступило третье прошеніе Лебедева въ св. синодъ, въ которомъ онъ, сказавъ объ увеличеніи имъ свѣчной прибыли при Покровской церкви съ 70 р. до 200 р. сер., писалъ, что «если-бы епархіальное начальство не тѣснило тѣхъ, которые заботятся о благѣ общемъ и церкви, и о умноженіи свѣчныхъ доходовъ, тогда-бы каждая церковь въ епархіи къ 70 р. прибавила 130 р.». Но епархіальное начальство, вмѣсто благодарности и награды, разорило его до того, что онъ долженъ просить милостыни, онъ «стѣсненъ и убитъ въ духѣ до отчаянія; тяжесть креста, который я несу, превышаетъ силы терпѣнія моего. Съ 1837 года, въ девять этихъ лѣтъ, я потерпѣлъ убытковъ и разоренія до 5109 р. сер.; сверхъ того, заслуженныхъ мною еще въ 1836 и 1837 гг. 498 р. сер. и 15 коп. по постройкѣ теплой во Псковѣ соборной церкви епархіальное начальство исходатайствовать мнѣ не хочетъ, тогда какъ деньги эти еще въ 1838 году отпущены были изъ казны, но, по распоряженію комиссіи построенія, съ утвержденія епархіальнаго архіерея, израсходованы на постройку вмѣсто ремонтной суммы, за нахожденіемъ моимъ тогда въ Ригѣ. Стѣсненія-же епархіальнаго начальства ко мнѣ столь тяжки, что 8-го ноября 1843 года весь хлѣбъ ржаной и яровый, въ числѣ 135 четвериковъ ржи и 135 четвериковъ овса, приготовленный мною, сыномъ моимъ, тогда служившимъ въ консисторіи и исправлявшимъ должность столоначальника, и зятемъ, Пораменскія церкви священникомъ, на годовое семействъ нашихъ содержаніе, по распоряже-

¹⁾ См. тамъ-же прошеніе Лебедева отъ 16-го іюня 1845 года.

нію членовъ консисторіи, весь обобранъ, такъ, что засѣки въ амбарѣ метлою вымели и обыскали всѣ мельницы, нѣтъ-ли гдѣ намъ принадлежащаго хлѣба. И съ того числа по настоящее время, при неурожаѣ хлѣба, я долженъ былъ и дѣти покупать для себя хлѣбъ, продавая послѣднее движимое имущество, необходимое для домашняго обзаведенія.

«Не довольствуясь таковою мнѣ дѣлаемою тѣснотою, придумали члены консисторіи и секретарь оклеветать меня, будто-бы я имъ въ присутствіи консисторіи наговорилъ или надѣлалъ, того не зная, 7-го числа декабря 1843 года, дерзостей. Извѣтъ этотъ отъ тѣхъ людей, которыхъ я изобличалъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ и съ которыми я съ 1837 года постоянно имѣю судебныя дѣла, принять за достовѣрный и безъ слѣдствія; въ противность 166 и 169 ст. Устава консисторій, запрещено мнѣ священнодѣйствіе, а чтобы еще усилить тѣсноту мнѣ, опредѣленъ второй священникъ къ Покровской церкви, которому, вопреки ст. 1494 и 1562 XV т. Св. Зак., дозволено пользоваться половиною денежныхъ моихъ выгодъ. Дѣло это безъ производства слѣдствія, къ вѣщшему обремененію меня, передано въ исковую палату уголовного суда, съ присовокупленіемъ къ нему справки мнимо касавшихся до меня дѣлъ. Конечно, бывши невиненъ совершенно, но еще заслуживая по дѣламъ награду и благодарность, я обвиненъ быть не могу, но тяжело, что разоренъ и оставленъ ожидать рѣшенія совершенно безъ куса хлѣба, ибо на бумагахъ хотя и написано, чтобы я отъ удержаннаго за мною при Покровской церкви священническаго мѣста пользовался половиною частию доходовъ денежныхъ отъ требъ и полнымъ жалованьемъ и поземельными вполнѣ выгодами, но, по дѣйствіямъ благочиннаго и членовъ консисторіи, вотъ уже два мѣсяца не получаю доходовъ ни одной копѣйки, а жалованья—уже три мѣсяца; о поземельныхъ-же доходахъ и думать не могу, ибо всѣ мои распоряженія отвергнуты, и пустоши ввѣрены въ управленіе развратнымъ діаконамъ. Таковъ у насъ издавна въ епархіи порядокъ, и онъ поддерживается; доброе-же, какъ противное цѣлямъ членовъ консисторіи, опровергается и уничтожается. Слѣдствія-же производятся намѣренно не съ цѣлію открыть истину и пресѣчь зло, но чтобы запутать добро и увѣковѣчить зло. Противу сего-то не порядка 1835 и 1836 годы я боролся, занимая сѣудейскій стулъ въ консисторіи, и тѣмъ, услуживъ епархіальному архіерею, возстановилъ противу себя членовъ, секретарей и канцелярію консисторіи, измѣняемыхъ въ лицахъ, но не измѣняемыхъ въ духѣ и качествахъ; дѣла въ консисторіи суть свидѣтели того, что я пишу истину. Добродѣтельные и со способностями, подобно мнѣ, ручьями проливаютъ отъ обидъ слезы ко Всевышнему, а нерѣдко

случается, что слабый въ духѣ, совершивши доброе и получивши за него зло, ослабѣваетъ и наконецъ гибнетъ.

«Я отъ глубокой горести и сильнаго стѣсненія покорнѣйше осмѣливаюсь изъяснить предъ св. правительствующимъ синодомъ, что я никогда не былъ хуже членовъ консисторіи изъ бѣлаго духовенства. Они хотя и ознаменованы наградами, но не могутъ никакихъ своихъ заслугъ поставить на виду—одно лишь время служенія и количество занимаемыхъ должностей; но ни время, ни количество должностей чести не приносятъ человѣку, а точное исполненіе одной, ознаменованное общемою пользою, дѣлаетъ человѣка отличнѣйшимъ. Пусть они скажутъ, что они сдѣлали добраго, занимая судейское стулье въ консисторіи и проходя должности? При открытыхъ мною дѣлахъ и при другихъ фактахъ, имѣющихъ придти въ явленіе и при имѣющихся уже дѣлахъ въ консисторіи, архивѣ и на чердакѣ подъ крышею, сила пунктовъ 13 ст. XV т. Св. Зак. (sic) докажетъ, что они за люди. Къ описанному мною довольно одного Порховскаго уѣзда Пажеревицкаго погоста дѣлъ о потворствѣ расколу и святотатству, а вмѣстѣ и дурнымъ качествамъ духовенства. А если присовокупить къ тому пріемку документовъ, поддѣлку актовъ метрическихъ въ архивѣ и самый архивъ, тогда неопибочно и непогрѣшительно могу сказать, что дѣйствія членовъ консисторіи, секретарей и канцеляріи послужатъ позоромъ для каждаго. По клеветѣ сихъ-то запрещено мнѣ священнодѣйствіе и лишенъ я дневнаго пропитанія...

«Я не накопилъ богатства, держа руки чистыми отъ лихоимства и отъ торговли за требы, но для общей пользы прожилъ все то, что получилъ отъ родителей и за женою, изнуряемъ и разоряемъ бывъ членами консисторіи» ¹⁾.

Всѣ эти три прошенія не имѣли никакого полезнаго результата для Лебедева. Пратасовъ въ это время былъ за-границей; должность его исправлялъ Карасевскій, который, по самому своему положенію, не могъ дѣйствовать такъ, какъ-бы поступилъ въ этомъ случаѣ Пратасовъ. Синодъ, воспользовавшись отсутствіемъ своего оберъ-прокурора, удовольствовался отобраніемъ объясненій отъ преосвященнаго Наанаила по всѣмъ обвиненіямъ, взведеннымъ Лебедевымъ на псковское епархіальное начальство и совершенно успокоился этими объясненіями, въ которыхъ доказывалось, что всѣ доносы Лебедева клевета и ложь, что члены псковской консисторіи люди самые благонамѣренныя, что церковь единовѣрческая совсѣмъ не въ такомъ положеніи, чтобы можно было сожалѣть о

¹⁾ Тамъ-же, стр 10—14.

ней, и что нравственность духовенства въ прекрасномъ состояніи, хотя діаконъ Образскій дѣйствительно лично оскорбилъ архіерея, за что и получилъ надлежащее вразумленіе ¹⁾).

Напрасно Лебедевъ подавалъ снова жалобы оберъ-прокурору синода и самому синоду на дѣйствія епархіальнаго начальства—онѣ были оставлены синодомъ *безъ дѣйствія* ²⁾). Но когда Лебедевъ узналъ, что Пратасовъ возвратился изъ-за границы, онъ началъ осаждать его своими прошеніями. Въ нихъ въ десятый разъ онъ повторялъ о злоупотребленіяхъ свѣчною суммою по псковской Покровской церкви и по всей псковской епархіи, о распутствѣ духовенства и о покровительствѣ, оказываемомъ консисторіею и епархіальнымъ архіереємъ расколу и святотатству. Пратасовъ взглянулъ на это дѣло болѣе серьезно, и въ синодѣ тотчасъ состоялось опредѣленіе о посылкѣ въ Псковъ ревизора, для дознанія истины описываемыхъ Лебедевымъ злоупотребленій. Съ этою цѣлью былъ командированъ ректоръ астраханской семинаріи, архимандритъ Аполлиарій, которому предписано было синодомъ: «а) повѣрить при псковской Покровской-отъ-торга церкви по книгамъ и документамъ всю свѣчную операцію съ 1843 по 1845 г., и если обстоятельства потребуютъ большаго розысканія, въ такомъ случаѣ требовать, отъ кого будетъ слѣдовать, всѣхъ нужныхъ поясненій и самыхъ отвѣтовъ; б) обратить вниманіе на состояніе прихода-расходныхъ книгъ нынѣшняго года при нѣсколькихъ церквахъ города Пскова и уѣзда его въ томъ отношеніи, всѣ-ли приходы и расходы записываются въ оныя въ свое время, и нѣтъ-ли такихъ, которыя пишутся по прошествіи уже полугода, а также сами-ли причты церковные оныя составляютъ, или-же пишутся индѣ и благочинными, какъ доносить священникъ Лебедевъ, и на какихъ условіяхъ» ³⁾). Назначеніе ревизора поразило и опечалило псковское епархіальное начальство, но воодушевило Лебедева и сдѣлало его еще смѣлѣе и краснорѣчивѣе,—и вотъ онъ не замедлилъ отпрать еще три прошенія на имя Пратасова, синода и даже Государя. Въ первомъ онъ говоритъ о плачевномъ состояніи единоувѣрцевъ во Псковѣ отъ зазорнаго поведенія даннаго имъ епархіальнымъ начальствомъ священника, который постоянно пьянъ, куритъ табакъ и выдаетъ, пьяный, метрическія свидѣтельства, а также отъ потворства епархіальнаго начальства расколу ⁴⁾). Во вто-

¹⁾ См. въ дѣлѣ по всеподданнѣйшей жалобѣ священника г. Пскова Василя Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ рапортъ Нааанаила въ синодѣ отъ 28-го августа 1844 года.

²⁾ Тамъ-же два указа св. синода отъ 26-го апрѣля и 31-го декабря 1844 г.

³⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ синода отъ 14-го мая 1845 года.

⁴⁾ Тамъ-же прошеніе Лебедева къ Пратасову отъ 23-го февраля 1846 года.

ромъ прошеніи Лебедевъ обвиняетъ своего архіерея во-лжи, называетъ его клеветникомъ и рабомъ членовъ консисторіи, находящимся отъ нихъ въ такой зависимости, что онъ противъ своей воли и своего сознанія дѣлаетъ угодное имъ. «Епархіальный архіерей, пишетъ Лебедевъ въ этомъ прошеніи, неоднократно плакавшій предо мною и сознававшійся предъ многими сторонними въ невольномъ членами консисторіи увлеченіи себя въ дѣло, столь противное закону, въ простомъ, келейномъ разговорѣ выражается такъ: «Мыѣ на горло становятся члены консисторіи и требуютъ»¹⁾. Въ третьемъ прошеніи, поданномъ на имя Государя, уже по пріѣздѣ ревизора во Псковъ и по произведеніи имъ слѣдствія, Лебедевъ жалуется, что до сего времени, когда уже «вполнѣ развернулись предъ о. ревизоромъ всѣ злоупотребленія и обнаружили святотатство, сопровождаемое пьянствомъ въ духовенствѣ и сопряженными съ пьянствомъ поступками дерзости до такой степени, что самъ о. ревизоръ не избѣжалъ дерзостей, написанныхъ ему на бумагѣ, и лично оказаннаго непослушанія»²⁾, онъ еще не разрѣшенъ въ священнослуженіи и не получилъ облегченія въ своихъ страданіяхъ.

Обстоятельства, обнаруженныя ревизією Аполлинарія, были не въ пользу псковскаго епархіальнаго начальства и, по большей части, подтверждали доносы Лебедева. Такъ, открылось: 1) что изъ псковской Покровской-отъ-торга церкви покупка и продажа свѣчъ записывались въ книги не счетомъ по извѣстной цѣнѣ каждаго сорта свѣчъ, а вѣсомъ, прибыль отъ свѣчъ показывалась произвольная, а самыя книги ведены съ отступленіемъ отъ установленныхъ на то формъ. 2) Со времени поступленія въ эту церковь священника Василя Лебедева, понеченіемъ его и принятыми противъ злоупотребленій мѣрами, какъ-то: сдѣланными 3-го мая замѣчаніями на шнуровыхъ книгахъ, составленіемъ акта о накопленіи церковныхъ долговъ и найденныхъ по церкви безпорядкахъ, допущенныхъ церковнымъ старостою, мѣщаниномъ Латкинымъ, и отобраніемъ отъ него церковнаго хозяйства въ непосредственное распоряженіе священно-и церковнослужителей, свѣчные доходы значительно увеличились. 3) Хотя упомянутый актъ объявленъ былъ состоявшему тогда въ должности благочиннаго, священнику Александру Лебедеву, но онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ учету старосты Латкина, книгъ не повѣрилъ и оставилъ ихъ безъ засвидѣтельствованія, вопреки 16 пункту старостинской инструкціи, по которой онъ обязанъ былъ неотложно повѣрить ихъ и засвидѣтель-

¹⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ прошеніе Лебедева отъ 17-го января 1847 года.

²⁾ Тамъ-же прошеніе отъ того-же года и числа.

ствовать, въ какомъ положеніи найдено имъ хозяйство церковное. 4) Приходъ и расходъ за октябрь и 17-е ноября записаны въ книгахъ діакономъ Арсеніемъ Карцовымъ, безъ согласія и вѣдома священника Лебедева, какъ объяснилъ сей послѣдній. 5) Между тѣмъ, по указу псковской духовной консисторіи отъ 17-го того-же ноября, опять ввѣрены были старостѣ Латкину свѣчи и суммы церковныя безъ всякаго ихъ учета, а священникъ Василій Лебедевъ, по донесенію нынѣшняго псковскаго благочиннаго, протоіерея Пятницкаго, о сдѣланныхъ имъ на шнуровыхъ книгахъ замѣчанійхъ, преданъ 20-го мая 1844 года сужденію палаты уголовного суда. 6) Причтъ Покровской церкви со старостою, по показанію священника Лебедева, хотѣли утаить 30 фунт. огарковъ, оставшихся къ 1-му января 1844 года, и записали оныя въ приходъ не прежде, какъ по обличеніи ихъ въ томъ Лебедевымъ. 7) Въ книгахъ за 1844 годъ приходы и расходы писаны несвоевременно, а выручка въ январѣ, февралѣ и мартѣ того года свѣчной суммы свидѣлствуетъ, что свѣчная продажа въ Покровской церкви была не безъ злоупотребленій, ибо въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1844 года выручено на свѣчахъ 151 руб. 95¹/₂ коп. сер., тогда какъ въ тѣ-же мѣсяцы предшествовавшихъ лѣтъ было только отъ 27 до 35 руб. 53 коп. сер., да и въ 1845 году, какъ полагаетъ слѣдователь, записано по примѣру прежнихъ лѣтъ только 27 руб. 62 коп., а съ удаленіемъ священника Василя Лебедева отъ должности, съ 1-го іюня 1844 года, свѣчные доходы видимо начали упадать и приближаться къ доходамъ предшествовавшихъ лѣтъ; въ шнуровыхъ-же книгахъ, коихъ благочинный, протоіерей Пятницкій, не повѣрялъ и оставилъ безъ засвидѣтельствванія, замѣчены разныя невѣрности. 8) При свидѣтельствѣ приходо-расходныхъ книгъ за 1845 годъ, какъ по Покровской, такъ и по другимъ церквамъ города Пскова и уѣзда его, найдено, что приходы и расходы въ нихъ записываются несвоевременно и невѣрно, а именно: а) по Покровской церкви, кромѣ вышеупомянутыхъ безпорядковъ и упущеній, открылось, что купленные поступившимъ вмѣсто Латкина старостою Оедотовымъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1845 года 2¹/₂ пуда свѣчъ ни въ приходъ, ни въ расходъ по книгамъ не записаны; когда-же Оедотовъ узналъ, что объ этомъ обстоятельствѣ сдѣлалось извѣстно слѣдователю, то 1-го іюня внесъ въ церковь такое-же количество свѣчъ и записалъ оныя по книгѣ; б) по Покровской-съ-пролома церкви книги не были писаны съ 1-го января до конца мая; в) по Новоуспенской церкви тоже, въ чемъ можно было удостовѣриться свѣжестью письма; г) по Успенской Бутырской тоже; д) по Варлаамовской приходы и расходы записаны невѣрно и также не въ свое время; е) по Богоявленской книги пишутся

несвоевременно; ж) по Иоанно-Богословской тоже, и, притомъ, въ расходѣ значится 314 руб. на покупку колокола, по словесному, будто-бы, разрѣшенію преосвященнаго, но благочинный Пятницкій отозвался о томъ невѣдѣніемъ; з) по Космо-Даміанской—книги, выданныя въ 1822 году, отъ давности избились и шнуръ перетерся, что, однако-же, по распоряженію консисторіи, исправлено, но о семъ распоряженіи въ книгахъ не отмѣчено, и огарочнаго воска ни за одинъ мѣсяцъ не показано; и) по Дмитріевской кладбищенской церкви книги пишетъ не причтъ, а діаконъ Старовознесенскаго монастыря Утречкій, получая за то отъ старосты церковнаго по 3 руб. сер. въ годъ; і) по церквамъ Псковскаго уѣзда: 1) по Матвѣевской, Негожскаго погоста, 2) Ильинской, Полонскаго погоста, и 3) Георгіевской, Рюскаго погоста, приходо-расходныя книги пишетъ помощникъ благочиннаго Кудрявцева, священникъ Лебятовскаго погоста Полипинъ, съ вѣдома благочиннаго, по просьбѣ, будто-бы, священнослужителей тѣхъ церквей, получая за труды добротное ихъ даваніе не выше 3 руб. сер. въ годъ; кромѣ того, онъ-же, Полипинъ, пишетъ книги въ погосты: Прудскій, Прощанскій и Окладнецкій за такую-же плату; 4) по Михайло-Архангельской, Рожицкаго погоста, книги пишетъ тамошній дьячекъ, по приказанію, будто-бы, благочиннаго Кудрявцева, который однако-жъ сего не подтвердилъ, и тотъ-же дьячекъ ведетъ книги по Успенской церкви, Савиновскаго погоста, несмотря на то, что при этой церкви три священника, изъ коихъ одинъ окончившій курсъ наукъ въ семинаріи; 5) по Георгіевской церкви, погоста Косина; 6) Георгіевской, погоста Сенина; 7) Ильинской, Вибутскаго погоста и 8) Христорождественской, Чирскаго погоста, книги пишутся благочиннымъ псковскаго кафедральнаго собора священникомъ Васильевымъ, по просьбѣ, будто-бы, причтовъ и старостъ тѣхъ церквей, съ полученіемъ за труды отъ старостъ по ихъ усердію; 9) по Петропавловской церкви, Сиретинскаго погоста, книги пишутся несвоевременно и по многимъ статьямъ расхода нѣтъ росписокъ получателей и самого благочиннаго Раевского; 10) по Николаевской, Устиновскаго погоста, также нѣтъ росписокъ получателей на 123 руб. сер., въ томъ числѣ и самого благочиннаго Раевского въ полученіи имъ 64 руб. 60 коп. сер.; 11) по Миновской церкви, Кусовскаго погоста, продажа свѣчъ во всѣхъ мѣсяцахъ 1844 г. по іюнь мѣсяцъ 1845 года записана въ каждомъ по равной части, чего дѣйствительно быть не можетъ и потому падаетъ подозрѣніе на злоупотребленія церковнаго причта и старосты; благочинный-же сей церкви Раевскій ведетъ жизнь нетрезвую и даже по вызову слѣдователя являлся къ нему несвоевременно и, притомъ, не совсѣмъ въ исправномъ видѣ;

12) по Николаевской церкви, Тапловскаго погоста, книги пишетъ мѣстный священникъ Малиновскій; но при освидѣтельствovanіи оныхъ 2-го іюня 1845 года оказалось, что приходы и расходы писаны въ нихъ недавно, начиная съ 1-го января того года и, притомъ, наугадъ, по соображенію съ прежними годами, ибо за іюнь мѣсяцъ, только-что тогда наступившій, приходы и расходы были уже написаны и засвидѣтельствованы всѣмъ причтомъ и церковнымъ старостою; въ расходной книгѣ нѣтъ росписокъ получателей за все время съ 1-го января 1845 года и при сличеніи книгъ съ наличностью найдено свѣчь и денегъ болѣе, чѣмъ по книгамъ значится ¹⁾. Синодъ, по разсмотрѣніи ревизіи Апостоларія, вмѣнилъ псковскому епархіальному начальству: 1) чтобы оно строго и непремѣнно приказало всѣмъ причтамъ и старостамъ церковнымъ вести отчетность по свѣчной операціи и вообще по церковному хозяйству на точномъ основаніи старостинской инструкціи и особо установленныхъ для сего правилъ и формъ, а высылку денегъ за проданныя свѣчи, равно и повѣрку самыхъ свѣчь и суммъ производить неотложно въ свое время и съ точностью записывать все въ приходе-расходныя книги; консисторіи-же имѣть за симъ неослабное наблюденіе. 2) Благочиннымъ воспретить заниматься письмоводствомъ по церквамъ, ввѣреннымъ ихъ надзору съ подтвержденіемъ, дабы они сколь возможно чаще производили ревизію книгъ о свѣчномъ сборѣ, повѣряя въ то-же время при священно-и церковнослужителяхъ и при старостахъ со всею точностью счетъ денегъ и воска и о послѣдствіяхъ такой повѣрки каждый разъ собственноручно дѣлали надписи на книгахъ, съ строгою въ противномъ случаѣ за неисполненіе сего отвѣтственностью. 3) Обязать благочинныхъ послѣ каждой такой повѣрки доносить консисторіи о томъ, что найдено ими будетъ при осмотрѣ ввѣренныхъ имъ церквей, дабы въ случаѣ открытія неисправностей или злоупотребленій, могли быть въ то-же время приняты нужныя мѣры къ прекращенію оныхъ. 4) Какъ обнаружено, что выдаваемые церквамъ свѣчныя шнуровыя книги въ свое время не повѣрялись, а нѣкоторые и вовсе не свидѣтельствовались, то возложить на обязаность консисторіи строго и неослабно наблюдать, дабы какъ повѣрка, такъ и свидѣтельствованіе сихъ книгъ производимы были неупустительно и о послѣдствіяхъ того и другого составлялись надлежащіе акты. 5) Обстоятельства объ усмотрѣнныхъ невѣрностяхъ въ шнуровыхъ свѣчныхъ книгахъ предоставить хозяйственному управ-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ нами дѣлѣ синодальный указъ отъ 9-го іюля 1847 года.

ленію при св. синодѣ принять въ соображеніе при ревизіи свѣчныхъ отчетовъ. Притомъ св. синодъ предписалъ сдѣлать учетъ бывшему старостѣ псковской Покровской церкви, мѣщанину Латкину, за время его службы, для обнаруженія изъясненнаго въ актѣ священника Василия Лебедева злоупотребленія, а также преемнику Латкина, купцу Ѳедотову. Дѣйствія причта и старосты Николаевской Таиловской церкви, по которой приходы и расходы писались впередъ наугадъ, по соображенію съ свѣчными книгами прежнихъ лѣтъ, синодъ подвергнулъ особому разсмотрѣнію консисторіи, съ тѣмъ, чтобы о послѣдствіяхъ этого разсмотрѣнія было донесено св. синоду. Съ причта и старосты Богословской церкви, употребившихъ безъ дозволенія начальства изъ свѣчной суммы 314 руб. сер. на покупку колокола, а равно съ благочинаго Пятницкаго, допустившаго такое самоуправство въ распоряженіи церковнымъ достояніемъ, по слабости надзора за ввѣренными ему церквами, синодъ полагалъ взыскать эту сумму. Поступокъ благочиннаго Александра Лебедева, который, зная о дѣлахъ и не порядкахъ по церкви Покровской, обнаруженныхъ священникомъ Василиемъ Лебедевымъ, изъ акта 3-го мая 1843 года объ освидѣтельствованіи суммъ и свѣчъ церковныхъ, никакого учета старостѣ Латкину не дѣлалъ и даже по окончаніи первой половины того года книгъ прихода-расходныхъ не повѣрялъ и оставилъ ихъ безъ засвидѣтельствованія, св. синодъ поручилъ разсмотрѣнію псковскаго епархіальнаго начальства, съ тѣмъ, чтобы о послѣдующемъ донесено было ему. Благочинный Пятницкій былъ удаленъ св. синодомъ отъ благочиннической должности, какъ изблеченный по слѣдствію въ слабому смотрѣнію за веденіемъ отчетности о свѣчныхъ деньгахъ по ввѣренному ему благочинію, въ явномъ и предосудительномъ упущеніи лежащихъ на немъ обязанностей, и какъ неблагонадежный. Мало того: Пятницкаго велѣно было устранить даже отъ присутствія въ консисторіи въ продолженіе всего того времени, какъ псковская консисторія будетъ разсматривать и обсуждать поступки церковныхъ старостъ и причтовъ по замѣченнымъ по благочинію Пятницкаго безпорядкамъ и упущеніямъ. Благочинный Раевскій, оказавшійся по слѣдствію неисправнымъ въ отправленіи лежащихъ на немъ обязанностей и замѣченный лично производившимъ ревизію, архимандритомъ Аполлинаріемъ, нетрезвымъ, былъ также удаленъ синодомъ отъ должности благочиннаго. Псковской консисторіи было поставлено на видъ слабое смотрѣніе ея вообще за благочинными, а въ особенности неразборчивость ея при назначеніи неблагонадежныхъ лицъ въ эти должности, а за то, что она въ своихъ опредѣленіяхъ неправильно обвиняла священника Лебедева,

сдѣланъ строгій выговоръ. Что-же касается самого Лебедева, то хотя онъ былъ объявленъ невиннымъ по настоящему дѣлу, но ему было сдѣлано замѣчаніе за надпись на шнуровыхъ книгахъ. Просьба-же его о разрѣшеніи ему священнослуженія оставлена безъ удовлетворенія до окончанія о немъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ дѣлъ ¹⁾).

Хотя въ синодескомъ указѣ не заключалось прямого выговора архіерею и синодѣ, повидимому, не затрогивалъ его, но у Наѡанаила было на столько догадливости, чтобы понять, какъ много этотъ указъ содержалъ въ себѣ намековъ, прямо относившихся къ нему, и какимъ обличеніемъ служило ему это молчаніе. Наѡанаилъ былъ не въ состояніи сдержать своего гнѣва и поторопился излить его, повидимому, на ревизорѣ, а въ сущности на синодѣ, назначившемъ такого ревизора. «Я не могу думать, писалъ Наѡанаилъ синоду, по полученіи имъ упомянутого указа, чтобы слѣдователь самъ отъ себя рѣшился вымышлять и писать ложь, толь очевидную; здѣсь должна быть шутка надъ легковѣріемъ его, можетъ быть, тѣмъ-же кляузникомъ Лебедевымъ сыгранная... Непріятнѣе всего то, что слѣдователь обнесъ предъ св. синодомъ добраго и почтеннаго священнослужителя, бывшаго благочиннымъ, Раевского, написавъ въ донесеніи своемъ, что Раевскій явился къ нему въ нетрезвомъ видѣ. Слѣдователь сдѣлалъ такое заключеніе о священникѣ Раевскомъ, какъ самъ онъ въ тотъ-же день изъяснился протоіерею каѡедральному, потому единственно, что Раевскій при явкѣ къ нему трясся и насилу говорилъ (это подлинныя слова слѣдователя), впрочемъ виннаго запаху отъ него не слышалъ. Надобно знать, что священникъ Раевскій, при отличнo хорошихъ качествахъ и способностяхъ, человѣкъ чрезвычайно робкій и притомъ косноязыченъ. Онъ каждый разъ, какъ является и ко мнѣ, трясется и, по косноязычію, съ трудомъ объясняется. Но отецъ слѣдователь, видно, еще не научился отличать природныхъ недостатковъ отъ нравственныхъ слабостей.

«Ревизія болѣе строгая и болѣе умная, безъ сомнѣнія, была-бы гораздо полезнѣе и раскрыла-бы дѣло въ лучшемъ видѣ, нежели ревизія толь поверхностная, сопровождающаяся одними лишь огорченіями людей честныхъ и заслуженныхъ, которыхъ честь теперь должна страдать невинно» ²⁾).

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ св. синода отъ 9-го іюля 1847 г.

²⁾ См. въ дѣлѣ по доносамъ священника Василя Лебедева о злоупотребленіяхъ свѣчными доходами по псковской епархіи рапортъ синоду Наѡанаила отъ 24-го октября 1847 года.

Ревизія Аполлинарія не только не исправила зла, но еще болѣе ожесточила Наѡанаила и псковскую консисторію. Синодскій указъ какъ-бы намѣренно не исполняли. Псковское епархіальное начальство ничего не предпринимало для пресѣченія тѣхъ злоупотребленій, о которыхъ было доведено до свѣдѣнія синода, и не стыдилось даже дѣлать явный подлогъ. Такъ, напр., благочинный Пятницкій, который долженствовалъ быть удаленъ отъ должности по синодальному указу, псковскимъ епархіальнымъ начальствомъ былъ уволенъ по его прошенію, въ то самое время, когда уже полученъ былъ синодскій указъ объ его удаленіи; въ консисторію на мѣсто Пятницкаго назначили соборнаго священника Іоанна Васильева, изобличеннаго по ревизіи архимандрита Аполлинарія въ безпорядкахъ по церковному хозяйству. Церковное воровство продолжалось по-прежнему. Такъ, Лебедевъ доносилъ, что «протоіерей Кудрявцевъ подъ предлогомъ обветшанія и измѣненія многихъ церковныхъ вещей, выпросивъ позволеніе перемѣнить описи, укралъ много серебра, каменьевъ и жемчугу и даже самыхъ иконъ. Жемчугъ протоіерей Кудрявцевъ показалъ проданнымъ за 10 руб. серебромъ, тогда какъ того невозможно было продать и за 800 руб. серебромъ. Иконы Кудрявцевъ показалъ отданными въ псковскую единовѣрческую церковь, но туда ни одна икона не поступала»¹⁾. Кромѣ того, Лебедевъ никакъ не соглашался допустить кого-либо изъ членовъ псковской консисторіи произвести учетъ мѣщанину Латкину, «потому-что все занимающіе судейскія стулья въ псковской консисторіи суть тѣ лица, которыя, ясно видѣвъ виновность Латкина, его оправдали, а Лебедева обвинили; начеть на Латкина, имъ оглашенный, оставили не приведеннымъ въ ясность и намѣренно своевременнаго учета не произвели»²⁾. Синодъ пораженъ былъ тою наглостью, съ которою псковское епархіальное начальство обращалось съ его указомъ, а потому онъ пересталъ церемониться съ Наѡанаиломъ: назначенъ былъ новый ревизоръ для новаго изслѣдованія справедливости жалобъ Лебедева, «доказывающаго очевидными фактами разныя неправильныя дѣйствія членовъ псковской консисторіи, а также для дознанія справедливости возраженій преосвященнаго псковскаго противъ произведеннаго архимандритомъ Аполлинаріемъ слѣдствія, требующихъ, впрочемъ, точнѣйшаго и ближайшаго удостовѣренія въ справедливости оныхъ». Новый ревизоръ былъ ректоръ

¹⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ письмо Лебедева къ Пратасову отъ 24-го октября 1847 года.

²⁾ См. тамъ-же рапортъ Наѡанаила св. синоду отъ 29-го ноября 1847 года.

черниговской семинаріи Симеонъ, которому синодъ приказалъ обратить строгое вниманіе на порядокъ производства и на рѣшеніе по консисторіи дѣлъ о безпорядкѣ по свѣчной продажѣ, а также касающихся священника Лебедева¹⁾. Синодъ, извѣщая Наванаила о назначеніи новой ревизіи, въ то-же время сдѣлалъ ему замѣчаніе за то, что онъ опредѣлилъ членомъ консисторіи на мѣсто протоіерея Пятницкаго священника Іоанна Васильева, прикосновеннаго къ дѣлу о безпорядкахъ по свѣчной продажѣ, и предписалъ ему устранить послѣдняго отъ присутствованія въ консисторіи. Далѣе, въ этомъ-же указѣ синодъ писалъ, что «онъ не можетъ оставить безъ вниманія оскорбительныя для архимандрита Аполлинарія объясненія преосвященнаго псковскаго въ рапортѣ отъ 24-го октября за № 38, а потому, замѣтивъ и сіе преосвященному, предписать ему, чтобы онъ на будущее время въ донесеніяхъ своихъ высшему начальству соблюдалъ должное приличіе»²⁾. Ревизія архимандрита Симеона вполне подтвердила доносъ Лебедева. Пятницкій дѣйствительно былъ уволенъ, по прошенію, уже по полученіи синодальнаго указа объ удаленіи его отъ должности. «При разсмотрѣніи дѣла объ увольненіи Пятницкаго отъ должности благочиннаго, усмотрѣно было мною, писалъ ревизоръ, что Пятницкій уволенъ 22-го сентября, въ самое число, коимъ помѣченъ указъ св. синода объ удаленіи его отъ должности»³⁾. Злоупотребленія по свѣчной продажѣ существовали по-прежнему и, при разсмотрѣніи 20-ти прихода-расходныхъ книгъ, найдено ревизоромъ, что: 1) запись восковыхъ свѣчъ производится не однообразно, вопреки синодскому указу отъ 12-го сентября 1847 года. 2) Благочинные не производятъ ревизіи церковныхъ книгъ, а потому въ нихъ найдено много несправностей, опущеній и даже злоупотребленій; священники даже не имѣли копій съ синодальнаго указа отъ 12-го сентября 1847 года. 3) Священники и старосты, объясняя малозначительность свѣчной выручки, жаловались на продажу свѣчъ въ раздробъ, производимую во Псковѣ псковскимъ мѣщаниномъ Ѳеодоромъ Барзовымъ. 4) Самъ кафедральный протоіерей самовольно взялъ на себя должность соборнаго церковнаго старосты, выдавалъ крестьянамъ и звонарямъ жалованье за свѣчную

¹⁾ См. въ дѣлѣ по доносамъ священника Василія Лебедева о злоупотребленіяхъ свѣчными доходами по псковской епархіи указъ синодальный отъ 10-го декабря 1847 года.

²⁾ См. вышеприведенный указъ синода отъ 10-го декабря 1847 года.

³⁾ См. въ этомъ-же дѣлѣ письмо архимандрита Симеона къ Пратасову отъ 13-го января 1848 года.

продажу и кошелевый сборъ и позволялъ женщинамъ продажу въ часовняхъ свѣчъ съ выдачею имъ за это десятого процента съ рубля. 5) Псковская консисторія, имѣя въ дѣлахъ своихъ донесеніе Знаменскаго отъ 4-го октября 1839 года о злоупотребленіяхъ соборнаго старосты купца Смоленскаго и получивъ въ началѣ 1841 года донесеніе того-же Знаменскаго объ усердномъ и ревностномъ прохожденіи означеннымъ Смоленскимъ въ теченіи 9-ти лѣтъ сряду старостинской должности съ ощутительною пользою для церкви, вошла въ синодъ съ представленіемъ объ исходатайствованіи Смоленскому награды. 6) Та-же консисторія дѣлала распоряженіе о собраніи денегъ со всѣхъ церквей псковской епархіи на доставку св. мѣра. 7) При разсмотрѣніи рапортовъ причта и старосты Космо-Даміанской церкви о перемѣнѣ въ 1837 и 1844 годахъ описей церковнаго имущества, консисторія не произвела надлежащей повѣрки новыхъ описей и несправедливо заключила, что изъ старой описи и реестра прибылого имущества внесены въ новую опись всѣ вещи, а противъ тѣхъ, которыя не внесены по ветхости, сдѣланы надлежащія отмѣтки, между тѣмъ какъ таковыхъ отмѣтокъ, особенно на описи 1837 года, совершенно нѣтъ, и изъ старыхъ описей не внесено въ новыя много вещей съ богатыми украшеніями, хранящихся въ кладовой. 8) По дѣлу о неблагонадежныхъ поступкахъ пономаря Кудрявцева, консисторія оставила безъ вниманія, что послѣдній изобличалъ сторожа Степанова съ женою въ продажѣ церковныхъ свѣчъ и въ высылкѣ свѣчныхъ денегъ изъ ящичковъ, что подтвердили священникъ и староста. 9) Протоіерей Знаменскій изобличается въ недобросовѣстности, какъ дозволившій себѣ сдѣлать епархіальному начальству о бывшемъ церковномъ старостѣ два донесенія, совершенно противорѣчащія одно другому. 10) Протоіерей Кудрявцевъ, находясь при Космо-Даміанской церкви, допустилъ, при перемѣнѣ въ ней описей церковнаго имущества, совершенные безпорядки, не внесе въ новую опись много вещей съ драгоценными украшеніями, позволялъ себѣ продажу церковнаго серебра и передѣлку оного на разныя вещи безъ разрѣшенія епархіальнаго начальства и тѣмъ обнаружилъ самоуправство въ распоряженіи церковною собственностью, навлекая на себя по разнымъ допущеннымъ при семъ случаѣ дѣйствіямъ даже подозрѣніе въ расхищеніи ¹⁾).

¹⁾ См. въ дѣлѣ св. синода по доносамъ священника Василія Лебедева о злоупотребленіяхъ свѣчными доходами по псковской епархіи донесеніе въ синодъ архимандрита Симеона отъ 21-го іюня 1849 года.

Еще архимандритъ Симеонъ не кончилъ своей ревизіи, какъ новое обстоятельство, случившееся съ Лебедевымъ, возбудило въ Пратасовѣ и синодѣ особенное участіе къ его судьбѣ и нерасположеніе къ дѣйствіямъ псковскаго епархіальнаго начальства: получено было официальное извѣщеніе въ синодѣ, что Лебедевъ 7-го февраля 1847 года заключенъ, по опредѣленію палаты уголовного суда, въ псковской тюремный замокъ. Обстоятельство это поразило синодъ и раздражило Пратасова. Псковская палата уголовного суда нашла Лебедева виновнымъ въ дерзостяхъ и грубостяхъ противъ епархіальнаго начальства, въ неповиновеніи законной власти и въ произнесеніи ругательствъ въ присутствіи консисторіи на членовъ ея, за что, на основаніи 156, 292, 298, 309, 310, 312, 365 и 424 ст. Уложенія о наказаніяхъ, опредѣлила, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать его въ Сибирь на поселеніе. Начальникъ Псковской губерніи, представляя дѣло о Лебедевѣ на ревизію сената, въ рапортѣ своемъ смягчилъ жестокость приговора палаты такимъ образомъ: «лишивъ Лебедева всѣхъ особенныхъ, личныхъ и по состоянію присвоенныхъ ему правъ, сослать на житье въ Томскую или Тобольскую губернію»¹⁾. Такимъ образомъ Лебедевъ, какъ уголовный преступникъ, попалъ въ тюрьму. Синодъ, подвигнутый состраданіемъ къ нему, призналъ распоряженіе псковской консисторіи о преданіи его уголовному суду неправильнымъ и недѣйствительнымъ, во-первыхъ, потому что всѣ взводимыя на него преступленія, еслибы они даже были и доказаны, не подходятъ ни къ одному изъ случаевъ, подвергающихъ лица духовнаго званія свѣтскому суду; во-вторыхъ, потому что главнѣйшій фактъ, на которомъ основаны взводимыя на Лебедева обвиненія, есть журнальное постановленіе псковской консисторіи 7-го декабря 1843 года, въ коемъ описаны противозаконные поступки Лебедева, оказанные имъ въ присутствіи консисторіи, въ чемъ онъ, впрочемъ, не сознался и достаточнымъ образомъ законно не уличенъ, а напротивъ, наводя съ своей стороны, сомнѣніе на своевременное и правильное составленіе означенной журнальной статьи консисторіи, указываетъ въ ней разныя упущенія, лишающія, по мнѣнію его, документъ сей законной силы. Пратасовъ заключеніе синода довелъ до свѣдѣнія сената и просилъ его распоряженія, чтобы дѣло о Лебедевѣ, производившееся въ гражданскомъ вѣдомствѣ, какъ возникшее отъ неправильнаго распоряженія консисторіи,

¹⁾ См. въ дѣлѣ по всеподданнѣйшей жалобѣ священника г. Пскова Василя Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ указъ 10-го іюня 1848 года.

было предоставлено по принадлежности дальнѣйшему разсмотрѣнію св. синода, самъ-же Лебедевъ былъ переданъ по-прежнему въ епархіальное вѣдомство¹⁾. За этимъ послѣдовали запросы отъ синода псковской консисторіи, по какимъ уваженіямъ она, вопреки 158 ст. Уст. консист., подвергла Лебедева суду гражданскаго вѣдомства. Нааанаилъ на эти запросы взялся самъ отвѣчать синоду за консисторію. Въ рапортѣ своемъ синоду отъ 29-го ноября 1848 года онъ объяснялъ, что священникъ Лебедевъ преданъ свѣтскому суду на основаніи 3-го пункта 159 ст. Устава духовныхъ консисторій, гдѣ сказано, что лица духовнаго званія подлежатъ свѣтскому суду въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ. Поступокъ Лебедева, который въ присутствіи консисторіи, отказываясь отъ дачи отвѣтовъ, съ крайнею наглостью и крикомъ неоднократно называлъ членовъ и секретаря консисторіи покровителями воровъ и свято-татцевъ, консисторія могла сочестъ, такъ какъ и онъ самъ, по крайнему своему разумѣнію закона, счелъ, принадлежащимъ къ тяжкимъ уголовнымъ преступленіямъ, сообразуясь особенно съ мѣрою наказанія, за поступки такого рода закономъ опредѣляемую. Ибо въ 309 ст. Улож. о наказ. уголовн., изд. 1845 года, между прочимъ, изображено: «Если кто до такой дерзости дойдетъ, что въ присутственномъ мѣстѣ дозволить себѣ ругательства на присутствіе или составляющихъ оное членовъ, таковой подвергается ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а буде по закону не изыять отъ тѣлеснаго наказанія, и наказанію плетьюми чрезъ палачей»²⁾.

Синодъ, не обращая вниманія на отзывъ Нааанаила, снова предписалъ уже ему самому представить подробное объясненіе: по какимъ уваженіямъ псковская консисторія, вопреки 158 ст. Устава духовныхъ консисторій, подвергла священника Лебедева суду гражданскаго вѣдомства; были-ли предварительно со стороны епархіальнаго начальства приняты надлежащія мѣры для обращенія его къ долгу подчиненности, и по какому поводу преосвященный въ своемъ донесеніи, въ основаніе распоряженія епархіальнаго начальства о преданіи Лебедева уголовному суду, ссылается на Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, тогда какъ это уложеніе издано уже послѣ означеннаго распоряженія, учиненнаго еще въ іюнь мѣсяцѣ 1845 года³⁾. Это предписаніе до того

¹⁾ См. вышеприведенный указъ 10-го іюня 1848 года.

²⁾ См. въ дѣлѣ по всеподданнѣйшей жалобѣ священника г. Пскова Василя Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ рапортъ Нааанаила св. синоду отъ 29-го ноября 1848 г.

³⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ синодскій указъ отъ 10-го декабря 1848 г.

обидѣло Наѡанаила, что онъ въ рапортѣ своемъ синоду на предложенные ему вопросы отвѣчалъ, что «какъ о ругательствахъ Лебедева въ присутствіи консисторіи, такъ и о преданіи его по сему случаю уголовному суду въ свое время было имъ доносимо св. синоду и донесеніе сіе принято св. синодомъ безъ всякаго замѣчанія» ¹⁾. Въ этихъ словахъ преосвященнаго псковскаго слышится не только упрекъ синоду, но и иронія надъ его опрометчивостью, несамостоятельностью и шаткостью мнѣній и убѣжденій. Такія объясненія естественно должны были еще болѣе раздражить Пратасова, вслѣдствіе настояній котораго синодъ опять потребовалъ у Наѡанаила и псковской консисторіи, чтобы они, независимо отъ прежнихъ объясненій, доставили новое: по какимъ уваженіямъ, вопреки 158 ст. Устава духовныхъ консисторій, подвергли Лебедева суду гражданскаго вѣдомства ²⁾? Послѣ того какъ вопросъ уже былъ поставленъ такъ категорически, отвѣтъ на него сдѣлался невозможнымъ. Наѡанаилъ и консисторія замолчали. Тогда послѣдовалъ изъ синода грозный указъ, въ которомъ высказано много горькаго и колкаго для Наѡанаила. «Святѣйшій синодъ, говорится въ этомъ указѣ, рассмотрѣвъ въ подробности дѣло, совокупно съ истребованными отъ псковской консисторіи объясненіями о причинахъ и основаніяхъ, по коимъ священникъ Лебедевъ подвергнутъ былъ уголовному суду, находитъ: 1) что, на основаніи примѣч. къ 888 ст. Св. Зак. и 158 ст. Устава духовныхъ консисторій, всѣ лица духовнаго званія за проступки и преступленія противъ должности, благочинія и благоповеденія подлежатъ суду епархіальнаго начальства, и потому псковская консисторія, для обращенія священника Лебедева къ своему долгу, обязана была употребить мѣры исправленія и взысканія, указанныя въ 187 ст. того-же устава; но въ отношеніи къ Лебедеву правило сіе не исполнено, ибо онъ подвергнутъ былъ лишь выговору и потомъ запрещенію въ священнослуженіи, а за симъ преданъ уголовному суду, тогда какъ епархіальное начальство имѣло возможность принять для вразумленія Лебедева болѣе строгія мѣры, въ вышеприведенной статьѣ Устава духовныхъ консисторій поименованныя; 2) что если консисторія приписываемыя Лебедеву противозаконныя дѣйствія признавала подлежащими уголовному суду, то и въ такомъ случаѣ, на основаніи 160 ст. Устава, первоначальное изслѣдованіе должно было произвестъ въ духовномъ вѣдомствѣ порядкомъ, установленнымъ въ законахъ; но и сіе правило не исполнено, и Лебедевъ преданъ уголовному

¹⁾ Тамъ-же рапортъ Наѡанаила синоду отъ 14-го декабря 1848 года.

²⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ синодскій указъ отъ 22-го декабря 1848 г.

суду безъ производства въ духовномъ вѣдомствѣ означеннаго изслѣдованія; 3) что по существу самаго дѣла о священникѣ Лебедевѣ, главнѣйшимъ фактомъ къ обвиненію его представляется выставленный консисторіею 7-го декабря 1843 года журналъ, въ которомъ описаны дерзкія выраженія, произнесенныя Лебедевымъ въ присутствіи консисторіи; но актъ сей не можетъ быть принятъ за неопровержимое доказательство къ совершенному обвиненію подсудимаго въ приписываемыхъ ему поступкахъ; ибо Лебедевъ, не сознаваясь въ таковыхъ поступкахъ, въ объясненіяхъ своихъ наводитъ сомнѣніе на своевременное и правильное составленіе означенной журнальной статьи консисторіи и указываетъ въ ней разныя упушенія, лишающія, по мнѣнію его, документъ сей законной силы; стороннихъ-же свидѣтелей къ изобличенію Лебедева по дѣлу никого не указано, а на членовъ и секретаря консисторіи, участвовавшихъ въ составленіи помянутаго журнала, Лебедевъ объявляетъ подозрѣніе, изъясняя, что они взвели на него обвиненія изъ личнаго къ нему неудовольствія за открываемыя имъ злоупотребленія по продажѣ въ псковской епархіи церковныхъ свѣчъ, о чемъ по доносамъ его, Лебедева, производится въ св. синодѣ особое дѣло; 4) что взводимыя на Лебедева обвиненія въ упушеніяхъ по церковнымъ приходу-расходнымъ книгамъ восходили уже на разсмотрѣніе св. синода и, по опредѣленію онаго, послѣдовавшему въ іюль мѣсяцѣ 1847 года, онъ отъ суда по сему предмету освобожденъ. Изъ всего вышеизложеннаго открывается, что псковская консисторія, какъ уже признано и правительствующимъ сенатомъ, неправильно передала Лебедева уголовному суду за такіе поступки, которые подлежали сужденію духовнаго начальства, и чрезъ то подвергла его крайнему стѣсненію; но, съ другой стороны, и самъ Лебедевъ, въ раздраженіи своемъ считая себя утѣсняемымъ за ревность его къ открытію злоупотребленій, вышелъ изъ границъ должнаго приличія и послушанія мѣстному своему начальству и въ данныхъ имъ уголовной палатѣ на бумагахъ объясненіяхъ дозволилъ себѣ употребить дерзкія выраженія, оскорбляющія начальствующихъ надъ нимъ лицъ и строго воспрещаемыя законами. Св. синодъ, сообразивъ все сіи обстоятельства и имѣя въ виду, что Лебедевъ постоянно остается недоволенъ всеми распоряженіями объ немъ епархіальнаго начальства и, почитая себя утѣсненнымъ, отказывается отъ выполненія требованій онаго, а потому дальнѣйшее оставленіе Лебедева въ псковской епархіи представляется неудобнымъ, опредѣляетъ: 1) членамъ псковской консисторіи, подписавшимъ неправильное и несогласное съ законами опредѣленіе о преданіи священника Василія Лебедева уголовному суду, имѣвшее послѣдствіемъ для него стѣсненіе и заключе-

ніе въ тюремномъ замѣ, сдѣлать строжайшій выговоръ со внушеніемъ, чтобы на будущее время въ дѣйствіяхъ своихъ были осмотрительнѣе и соблюдали въ точности преподанныя въ руководство правила; 2) по оглашенію Лебедева въ неуважительномъ обращеніи въ присутствіи консисторіи и произнесеніи оскорбительныхъ словъ къ членамъ ея, за неимѣніемъ въ виду твердыхъ доказательствъ къ обвиненію его въ таковыхъ дѣйствіяхъ, оставить по сему предмету въ подозрѣніи, а за помѣщеніе имъ въ данныхъ уголовной палатѣ объясненій дерзкихъ выраженій на счетъ начальствующихъ надъ нимъ лицъ, вмѣнить ему въ наказаніе бытность его подѣ запрещеніемъ священнослуженія, подѣ судомъ и содержаніе въ теченіи 9 мѣсяцевъ въ тюремномъ заключеніи, внушивъ, притомъ, ему, чтобы впредь не выходилъ изъ повиновенія установленной власти и не дозволялъ себѣ поступковъ, запрещаемыхъ законами, подѣ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности; и 3) какъ дальнѣйшее пребываніе Лебедева въ псковской епархіи при настоящихъ обстоятельствахъ оказывается несовмѣстнымъ, то перевести его въ тверскую епархію, предоставивъ тамошнему преосвященному дать ему священническое мѣсто по своему усмотрѣнію» ¹⁾).

Но Лебедевъ, на зло Наананіу, не думалъ ѣхать въ тверскую епархію; онъ послалъ прошеніе къ Пратасову, въ которомъ умолялъ его ходатайствовать предъ св. синодомъ, чтобы ему было позволено, по болѣзненному его состоянію, остаться въ Псковѣ заштатнымъ священникомъ, съ правомъ отправлять богослуженіе, когда позволить ему его здоровье. «Не состоя въ кругу дѣйствительной службы, писалъ онъ Пратасову, я не буду видѣть того, о чемъ я прежде писалъ вашему сіятельству; не буду имѣть обязанности и видѣвъ отвѣтствовать за молчаніе, но буду имѣть насущный кусокъ хлѣба. Въ случаѣ же совершеннаго лишенія зрѣнія, которымъ угрожаетъ мнѣ постоянная болѣзнь головы моей и частые припадки, нерѣдко отнимающіе всю возможность къ зрѣнію и даже при посредствѣ стеколъ,—уголъ, на часть мою доставшійся въ домѣ родителя моего, будетъ мнѣ пріютомъ, а кусокъ хлѣба и чаша студеной воды, поданные мнѣ и женѣ моей дѣтьми моими, будутъ мнѣ наградою тѣхъ праведныхъ трудовъ моихъ, безкорыстной ревности и усердія моего, съ которыми я, при строгой моей и безукоризненной жизни, въ продолженіи 33 лѣтъ трудился для пользы церкви, епархіи и ближняго, и въ трудахъ тѣхъ потерялъ здоровье, зрѣніе и самую честь, едва

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ синодскій указъ отъ 8-го іюня 1849 года.

удержавъ санъ, 30 лѣтъ носимый и честно охраняемый мною» ¹⁾). Синодъ, по предложенію Пратасова, согласился на просьбу Лебедева. Это обстоятельство не только раздражило Наѡанаила, но и сдѣлало его больнымъ, а слухи, дошедшіе до него изъ Петербурга, что результатъ и второй ревизіи будетъ такъ-же неблагопріятенъ ему, какъ и первой, окончательно сложили его въ постель. Оставалось, впрочемъ, еще средство успокоить себя и помириться съ Пратасовымъ, именно: выдать головою своихъ любимцевъ, особенно Знаменскаго. На этотъ единственно возможный способъ примиренія дѣлаемы были намеки изъ Петербурга; прибѣгнуть къ этому средству совѣтовали Наѡанаилу и ректоръ псковской семинаріи архимандритъ Антоній, и секретарь псковской консисторіи Алякринскій, но преосвященный, считая предательствомъ оставить своихъ любимцевъ въ самую критическую для нихъ минуту, отвѣчалъ на предложеніе вышеозначенныхъ лицъ, что онъ уже слишкомъ далеко зашелъ, что ему трудно вернуться и что онъ рѣшился до конца вытерпѣть мученія. Между тѣмъ, Наѡанаилъ сталъ страдать бессонницею, у него начали появляться частые приливы крови къ головѣ, и хотя въ августѣ 1849 года пустили ему кровь изъ руки, но это ни мало не облегчило его страданій; напротивъ, черезъ нѣсколько дней послѣ кровопусканія онъ почувствовалъ сильную лихорадку и давленіе подъ ложечкой. Въ послѣднихъ числахъ августа, ведомый подъ руки, онъ вышелъ въ свой садъ; во время этой прогулки былъ очень разговорчивъ съ окружавшими его, но въ словахъ больного архипастыря уже слышалось предчувствіе близкой смерти и другой жизни. Любуясь зрѣlostью и красотою плодовъ, онъ сказалъ: «Все это хорошо только на время, и ничто въ здѣшнемъ мірѣ не стоитъ постоянной привязанности, и самая настоящая жизнь не стоитъ того, чтобы жить для нея одной», и потомъ, взглянувъ на солнце, прибавилъ: «и я скоро приближусь къ тебѣ». Черезъ два дня послѣ этого, въ 10 часовъ утра, страшная агонія овладѣла имъ и послѣ получасоваго боренія съ жизнію онъ скончался ²⁾).

Результаты второй ревизіи узналъ не Наѡанилъ, но его преемникъ, которому пришлось быть свидѣтелемъ кары, постигшей любимцевъ Наѡанаила, и слышать, что доносы Лебедева на клевета, а правда. Вслѣдствіе этой ревизіи, синодъ опредѣлилъ: 1) предписать преосвященному Платону,

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ письмо Лебедева къ Пратасову отъ 19-го іюля 1849 года.

²⁾ См. секретную записку, подъ заглавіемъ: «Псковская епархія съ 1840 по 1849 годъ».

управлявшему тогда псковскою епархією, о подтвержденіи всѣмъ причтамъ и старостамъ церквей, чтобы отчетность по свѣчной операціи и вообще по церковному хозяйству ведена была на точномъ основаніи старостинской инструкціи и особо установленныхъ для сего правилъ и формъ, а высыпка денегъ за проданныя свѣчи, равно какъ и повѣрка самыхъ свѣчъ и суммъ производилась непременно въ свое время и съ точностью записывалось все въ приходо-расходныя книги, за чѣмъ консисторіи имѣть неослабное наблюденіе; 2) подтвердить благочиннымъ, чтобы они ни подъ какимъ предлогомъ не занимались письмоводствомъ по церквамъ, ввѣреннымъ ихъ надзору, но сколько возможно чаще производили ревизіи книгъ о свѣчномъ сборѣ, повѣряя въ то-же время при священно-и церковнослужителяхъ и при старостахъ со всею точностью счетъ денегъ и воска и о послѣдствіяхъ таковой повѣрки каждый разъ собственноручно дѣлали надписи на книгахъ; о томъ-же, что ими будетъ найдено при осмотрѣ ввѣренныхъ имъ церквей, доносили безъ малѣйшаго отлагательства консисторіи, дабы, въ случаѣ открытія какихъ-либо неисправностей или злоупотребленій, можно было своевременно принять нужныя мѣры къ отвращенію оныхъ. При семъ предварить благочинныхъ, что въ случаѣ несоблюденія съ ихъ стороны вышеописаннаго порядка, всѣ могущія произойти упущенія останутся на непосредственной ихъ отвѣтственности¹⁾; 3) протоіереевъ: Знаменскаго и Кудрявцева, употреблявшихъ во зло довѣріе къ нимъ епархіальнаго начальства и дозволившихъ себѣ дѣйствія, превышающія права предоставленной имъ власти, съ обнаруженіемъ, притомъ, своей неблагонадежности, отъ присутствія въ консисторіи удалить, предоставивъ преосвященному Платону на мѣсто ихъ избрать другихъ, благонадежныхъ членовъ и объ утвержденіи ихъ представить св. синоду; а между тѣмъ, обратить бдительное вниманіе на порядокъ производства дѣлъ въ псковской консисторіи и принять зависящія отъ него законныя мѣры къ приведенію оной въ надлежащее устройство; 4) поручить консисторіи въ новомъ составѣ войти въ разсмотрѣніе обстоятельства относительно увольненія протоіерей Пятницкаго отъ благочиннической должности, по прошенію, въ то время, какъ уже полученъ былъ указъ св. синода объ удаленіи его отъ означенной должности и, постановивъ по сему предмету опредѣленіе на законномъ основаніи, представить св. синоду²⁾. Дѣйствіе этого указа на псковское епархіаль-

¹⁾ Эти два пункта были также помѣщены въ синодскомъ указѣ, состоявшемся послѣ первой ревизіи.

²⁾ См. въ дѣлѣ по всеподданнѣйшей жалобѣ священника г. Пскова Василія Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ указъ отъ 10-го февраля 1850 года.

ное начальство и на все духовенство было подобно дѣйствию пронесшагося урагана. Духовенство, болѣе или менѣе причастное къ тѣмъ-же злоупотребленіямъ, въ какихъ были обвинены нѣкоторые изъ членовъ консисторіи и изъ священниковъ, начало дѣйствовать законнѣе, изъ боязни, чтобы и его не постигло достойное наказаніе. Для него въ это время и смерть Наанаила казалась какимъ-то многозначительнымъ явленіемъ, хотя, въ сущности, она служила примирительною жертвою. Съ преемникомъ его, Платономъ, у Пратасова не было угловатыхъ отношеній; напротивъ, онъ имѣлъ особенныя побужденія ласкать его и ему угождать, потому что Платонъ, находившійся въ весьма хорошихъ отношеніяхъ къ князю Суворову и рекомендованный имъ съ отличной стороны Государю, былъ удостоенъ аудіенціи и произвелъ на Императора Николая I самое выгодное впечатлѣніе. Теперь Пратасову уже болѣе не былъ нуженъ тотъ человѣкъ, который послужилъ для него такимъ прекраснымъ орудіемъ къ раскрытію безпорядковъ псковскаго епархіальнаго начальства и къ его наказанію; Лебедеву слѣдовало-бы молчать, но онъ опять заговорилъ. Впрочемъ, къ своимъ новымъ доносамъ онъ былъ подвигнутъ поступками Платона. Преемнику Наанаила было непріятно имѣть вблизи себя такого неугомоннаго и страшнаго цензора епархіальнаго начальства, каковъ былъ Лебедевъ, и онъ, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что Лебедевъ посредствомъ Пратасова домогался получить штатное священническое мѣсто при псковской Никитской церкви, донесъ синоду, что «самое это домогательство Лебедева ясно показываетъ, что болѣзнь, по которой Лебедевъ получилъ дозволеніе остаться въ псковской епархіи за штатомъ, была временною, отъ которой онъ теперь выздоровѣлъ, или послужила ему только предлогомъ испросить дозволеніе остаться въ псковской епархіи, вопреки опредѣленію св. синода о перемѣщеніи его въ тверскую. Но, оставаясь въ псковской епархіи и внѣ штата, онъ, Лебедевъ, вреденъ для сей епархіи, ибо наущеніемъ и составленіемъ несправедливыхъ просьбъ производитъ разстройство въ епархіи, возбуждаетъ непокорность епархіальному начальству и вмѣстѣ подаетъ поводъ къ напрасному производству такихъ дѣлъ, которыя отнимаютъ только время отъ другихъ полезнѣйшихъ занятій, навлекаютъ нареканіе на духовенство и унижаютъ начальство»¹⁾. Въ доказательство того, что Лебедевъ дѣйствительно занимается составленіемъ бумагъ для другихъ, Платонъ приложилъ при своемъ рапортѣ черновыя просьбы, писанныя рукою

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапортъ преосвященнаго Платона синоду отъ 11-го мая 1853 года.

Лебедева, отъ имени торопецкаго священника Воздвиженскаго, столоничальника консисторіи Протопопова и бывшаго славковскаго діакона Косьмы Семенова, а также привелъ отзывъ о Лебедевѣ благочиннаго Кунинскаго¹⁾, который, несмотря на близкое родство съ Лебедевымъ, отзывался о немъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ за 1852 годъ слѣдующимъ образомъ: «Трезвъ, но неблагодаренъ бываетъ къ ближнимъ, и не только имѣетъ страсть судить и осуждать другихъ, но и способствовать другимъ къ сутяжничеству»²⁾. Кромѣ явнаго покровительства Платона протоіереемъ Знаменскому, Кудрявцеву и Пятницкому, открытымъ врагамъ Лебедева, его особенно оскорбило еще то обстоятельство, что преосвященный, неизвѣстно по какому побужденію и для какой цѣли, началъ производить полуоффиціальное дознаніе о томъ, дѣйствительно-ли отецъ Лебедева, бывший священникъ Гавріилъ Буржскій, былъ священникомъ и имѣлъ истинное рукоположеніе³⁾. Представленіе преосвященнаго Платона, къ довершенію несчастія Лебедева, было уважено синодомъ, который велѣлъ перемѣстить его въ тверскую епархію, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ тверскому архіепископу послать его, немедленно по прибытіи въ Тверь, въ монастырь на мѣсяцъ, для обращенія его къ долгу подчиненности, а затѣмъ дать ему священническое мѣсто, по своему усмотрѣнію, съ учрежденіемъ за нимъ особаго надзора чрезъ благочиннаго⁴⁾. Когда Лебедеву было объявлено это опредѣленіе синода, то онъ, повидимому, принялъ его равнодушно и даже говорилъ, что ему очень пріятно быть перемѣщеннымъ въ тверскую епархію, потому что три рубля въ мѣсяцъ онъ вездѣ получить можетъ, но тутъ-же, впрочемъ, объявилъ, что ранѣе первыхъ чиселъ ноября (синодальный указъ о перемѣщеніи Лебедева въ Тверь по-

¹⁾ Личность Кунинскаго была самая фальшивая и грязная, и такой отзывъ о немъ основанъ на его характеристикѣ, сдѣланной преосвященнымъ Филаретомъ рижскимъ. Сказавъ въ отчетѣ, что всѣ священники его викаріатства ведутъ себя съ примѣрнымъ усердіемъ къ исполненію своихъ обязанностей, съ благоговѣніемъ совершаютъ богослуженія и духовныя требы, между собою сохраняютъ миръ, и что вообще ихъ исправность въ дѣлахъ и нравственная безукоризненность должны быть признаны достойными изумленія, онъ продолжаетъ: «Исключеніемъ изъ общаго положенія духовенства служить протоіерей Кунинскій, сварливый, непокорный, гордый и интригантъ» (См. въ отчетахъ епархіальныхъ архіереевъ за 1847 годъ отчетъ о состояніи рижскаго викаріатства).

²⁾ См. вышеприведенный рапортъ преосвященнаго Платона синоду отъ 11-го мая 1853 года.

³⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ письмо Лебедева къ Пратасову отъ 10-го ноября 1853 года.

⁴⁾ Тамъ-же синодскій указъ отъ 16-го сентября 1853 года.

сланъ былъ 16-го сентября 1853 года) онъ изъ Пскова выѣхать не можетъ, какъ потому, что имѣетъ обзаведеніе, которое долженъ продать, такъ и потому, что нужно заняться изготовленіемъ теплой одежды для себя и жены. Когда-же наступилъ срокъ выѣзда, то Лебедевъ, несмотря на то, что уже получилъ паспортъ, не поѣхалъ въ Тверь и на понужденія консисторіи, являсь въ нее, подалъ объясненіе, что не можетъ отправиться изъ Пскова, во 1-хъ, потому, что паспортъ и указъ, полученные имъ 6-го ноября, онъ, при особомъ прошеніи, препроводилъ къ оберъ-прокурору св. синода, а во 2-хъ, потому, что переводъ свой въ тверскую епархію, сдѣланный по одному голословному домогательству архіерея, признаетъ для себя весьма стѣснительнымъ и за несостоявшеюся продажей дома невозможнымъ къ исполненію, и что обо всемъ этомъ онъ послалъ 10-го ноября всеподданнѣйшее на четырехъ листахъ Его Императорскому Величеству прошеніе¹⁾. Чтобы выслать Лебедева изъ Пскова, Платонъ даже готовъ былъ прибѣгнуть къ полицейскимъ мѣрамъ и испрашивалъ на то позволеніе у синода, который, въ отвѣтъ, прислалъ указъ, извѣщавшій архіерея, что, по случаю порученнаго св. синодомъ архимандриту Софоніи изслѣдованія по новымъ доносамъ Лебедева о разныхъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ псковской епархіи, священникъ Лебедевъ долженъ оставаться въ городѣ Псковѣ впредь до окончанія сего дѣла и дальнѣйшаго о немъ распоряженія²⁾. Лебедевъ въ своихъ доносахъ Государю и Протасову писалъ, между прочимъ, слѣдующее: 1) «Съ самаго вступленія Платона въ управленіе псковскою епархіею, употреблены и употребляются всѣ усилія къ тому, чтобы проектъ его о свѣчной продажѣ не возымѣлъ дѣйствія и, чтобы доходы свѣчные не могли съ 10.000 возвыситься на 135.000 руб. сер.; 2) Платонъ ходатайствуетъ о возстановленіи чести протоіереевъ Знаменскаго и Кудрявцева, обвиненныхъ синодомъ въ важныхъ преступленіяхъ, и облагодѣтельствовалъ всѣхъ виновныхъ въ расхищеніи суммъ изъ духовной консисторіи; 3) попустилъ въ церквахъ епархіи церковнымъ старостамъ открыто злоупотреблять должностію и расхищать церковные и свѣчные доходы, ни малѣйшаго не обращая вниманія не только на дѣла, возникающія о семъ, но даже жестоко стѣсняя и преслѣдуя открывающихъ такіа дѣла священно-и церковнослужителей; а потому дѣла такого рода въ псковской духовной консисторіи рѣшительно всѣ лежатъ безъ рѣшенія и указы св. синода безъ исполненія. 5) Торжественно попустилъ пьянство въ духовен-

¹⁾ См. рапортъ преосвященнаго Платона синоду отъ 4-го декабря 1853 года.

²⁾ См. указъ синода отъ 14-го мая 1854 года.

ствѣ псковской епархіи, усилившееся до того, что во время проѣздовъ его по епархіи свита его необязанно и безнаказанно производить буйства и драки. Настоятели двухъ монастырей: великолукскаго Небина и опочецкаго Святогорскаго, записали въ монастырскія экономическія книги на расходъ, первый 30 р. сер., а второй 49 р., употребленныхъ на вина, при угощеніи его преосвященства во время обзора епархіи и монастырей. Послѣ такихъ проѣздовъ по епархіи, сильно зараженной расколомъ, остаются впечатлѣнія, крайне плачевныя для церкви. Раскольники при бесѣдахъ со мною обливаются слезами о томъ, что не причащаются св. Христовыхъ Таинъ, но не идутъ ни въ православную, ни въ единовѣрческую церковь, потому что не видятъ къ себѣ любви апостольской и трезвости въ духовенствѣ.—Для обращенія раскола необходимы не строгость и крутыя мѣры, но любовь и безкорыстіе... 6) Духовенство псковской епархіи, сколько отъ испорченной нравственности, а болѣе изъ отчаянія, предалось пьянству до такой степени, что священникъ, совершенно пьяный, рѣшается служить даже божественную литургію, и горе тому, кто осмѣлится о семъ донести; ибо пьянство, состоя подъ покровительствомъ, признается болѣзнію. Словомъ, духовенство псковской епархіи, не говоря о младшемъ, но даже и старшее злоупотребленіемъ власти псковскаго епархіальнаго начальства доведено до такого положенія, что одинъ изъ членовъ консисторіи, священникъ Цвиневъ, 31-го числа декабря 1851 года, въ объясненіи его преосвященству написалъ, что если и членъ консисторіи не хочетъ прослыть ябедникомъ и клеветникомъ и подвергнуться за то отвѣтственности, лишиться чести присутствовать въ консисторіи, лишиться даже честнаго имени, то что-бы ни видѣлъ противное закону, о всемъ долженъ, скрѣпя сердце, молчать. 7) Стѣняются священники честные и прикрываются развратные; такъ, напримѣръ, священникъ, чрезъ распутную жизнь впавшій въ венерическую болѣзнь, обезображенный ею, въ нетрезвомъ видѣ совершавшій божественную литургію, падавшій при совершеніи божественной литургіи и оставившій ее безъ окончанія, при пристрастномъ донесеніи епархіальнаго начальства, вышелъ оправданъ въ св. синодѣ, а донесшій о такомъ пьянствѣ священникъ подвергся четырехмѣсячному подначалію. Это обстоятельство тѣмъ замѣчательнѣе, что оба священника: Орловъ и Щекинъ, находясь въ пригородѣ Изборскѣ, по частому проѣзду его преосвященства чрезъ Изборскъ, извѣстны лично его преосвященству, извѣстна и самая нетрезвость Орлова... Священникъ Раевскій, удаленный св. синодомъ отъ должности благочиннаго за пьянство и безпорядки по церквамъ, его смотрѣнію ввѣреннымъ, а сверхъ того уличаемый куче-

ромъ архіерейскаго дома Никитою Алексѣевымъ въ держаніи зазорнаго поведенія дѣвицъ въ архіерейскомъ домѣ и его собственномъ, его преосвященствомъ утвержденъ депутатомъ въ псковскую палату гражданскаго суда и опредѣленъ къ церкви Никитской во Псковѣ, а потомъ перемѣщенъ въ городъ Опочку къ Покровской церкви. 8) Нынѣ, въ день Богоявленія Господня, діаконъ, исправляющій должность иподіакона и живущій въ домѣ архіерейскомъ, Павелъ Троицкій, до того былъ пьянъ, что, облачая его преосвященство къ божественной литургіи въ соборѣ кафедральномъ, едва не сбиль съ ногъ самого архіерея, и къ чтенію Евангелія до того разслабъ, что началъ видимо падать, и архіерей приказалъ вывести его изъ церкви... Изъ подобныхъ Троицкому составляется свита, сопровождающая архіерея въ проѣздахъ по епархіи. Эта свита и проѣзды оставляютъ по себѣ въ епархіи заразу, а не образецъ доброй нравственности въ духовенствѣ, на торжество расколу. Нынѣ, въ день Пятидесятницы, Порховскаго уѣзда, Ясенскаго погоста священникъ Тимошей Дружининъ, въ деревнѣ праздновавшій день Пятидесятницы, сгорѣлъ вмѣстѣ съ домомъ, сгорѣвшимъ въ числѣ 8-ми домовъ. Ни престарѣлый, ни дѣти и никто, еще не склонившуся дню къ вечеру, не спалъ и не сгорѣлъ, но священникъ спалъ толь крѣпкимъ сномъ, что не могъ спасти жизнь свою отъ огня. Въ псковской епархіи въ разныхъ видахъ, но обычай одинъ, чтобы въ гостяхъ или при гостяхъ, при отправленіи требъ въ приходѣ или молебствій, непременно быть пьянымъ всему причту наповалъ, или, если еще въ силахъ, то завести ссору и драку. Въ 1853 году посланъ въ отдаленныя губерніи дьячекъ Псковскаго уѣзда Горыстинскаго погоста за то, что священникъ, дьячекъ и пономарь въ праздновавшей деревнѣ, ходя съ животворящимъ крестомъ и со святыми иконами, до того напились пьяны, что въ домѣ церковнаго старосты той-же деревни завели между собою ужасную драку и на шумъ ихъ сбѣжалась вся деревня. Отъ такихъ пастырей въ погостахъ и отъ такого духовенства, что могутъ заимствовать прихожане православные и что услышнѣтъ расколь? Много нужно удивляться тому, на что во время проѣздовъ, толь частыхъ по епархіи псковской, а паче по уѣздамъ Псковскому, Порховскому, Новоржевскому и Островскому, бываетъ обращено вниманіе архіерея! Его преосвященство не обращаетъ вниманія на то, что у священниковъ молодыхъ лѣтъ трясутся руки при богослуженіи до того, что съ немалой опасностію держать потиръ въ рукахъ. И эти-то незамѣчаемые священники съ трясущимися руками награждаются набедренниками, получаютъ должность благочинныхъ и даже членовъ псковской консисторіи!... Въ псковскомъ кафедральномъ

соборъ служащихъ и живущихъ есть довольно пьянствующихъ, и тѣ въ немаломъ уваженіи и довѣріи. Архіерей жившаго въ кафедральномъ соборѣ, въ должности иподіакона, діакона Павла Троицкаго взялъ на жителство въ архіерейскій домъ, и за то, что онъ въ толь высокостепенный день къ архіерейскому служенію явился пьяный, не подвергъ его суду, но перевелъ просто безъ всякаго суда и вразумленія въ Никандрову пустынь. И это, конечно, потому, что архіерей опасается завести судное дѣло съ человѣкомъ, жившимъ съ его преосвященствомъ въ одномъ домѣ и видѣвшимъ все то, о чемъ, слышавъ и видѣвъ, плачутъ многіе изъ православныхъ псковской епархіи, а раскольники радуются и укоряютъ православныхъ. Другой, исправляющій должность иподіакона, соборный-же діаконъ, Сырковскій, еще при покойномъ архіерей, идя съ архіерейскимъ посохомъ отъ богослуженія въ Богоявленской церкви и въ пьяномъ видѣ произнося ругательства, къ лицу архіерея относящіяся, на колѣнѣ сломалъ посохъ на части и бросилъ съ ругательствомъ среди улицы, ругая архіерея и любимцевъ его. Сырковскій и нынѣ точно такъ-же пьянствуетъ и буйствуетъ, ѣздя по епархіи съ архіереемъ, за то получаетъ въ соборѣ за должности діакона и иподіакона въ сложности едва-ли не болѣе протоіерейскаго жалованья и бываетъ членомъ комиссій. Вотъ причина, почему пьянство въ псковской епархіи усиливается и почему его преосвященство Платонъ, архієпископъ рижскій и митавскій, управляющій псковскою епархією, поблажаетъ пьянству и другимъ порокамъ, гонитъ людей трезвыхъ, строгой жизни и ревностныхъ по службѣ, т. е. имѣющихъ чрезвычайную ревность къ точному исполненію всего святаго и законнаго въ мірѣ, ладитъ съ церковными старостами и подбираетъ въ должности благочинныхъ и членовъ консисторіи людей, подобныхъ протоіерею Кунинскому, помнящихъ пословицы: «всего міра на свой ладъ не передѣлаешь» и «плетью обуха не перебьешь», а потому уступчивыхъ обстоятельствамъ, т. е. не обращая даже вниманія на то, святы-ли и законны-ли тѣ обстоятельства, или противны законамъ Божиимъ и государственному.

«Нравственность духовенства до того испорчена, что испорченность ея видна и въ семейной жизни и общественной. Два брата, священники Алексѣй и Димитрій Орловы, первый постоянно въ Изборкѣ совершалъ богослуженіе и даже божественную литургію въ совершенномъ опьяненіи, падалъ и не доканчивалъ божественной литургіи, а другой держалъ подъ жертвенникомъ во святомъ алтарѣ пѣнное вино, отъ чего также не могъ доканчивать божественной литургіи, и оба ведутъ жизнь супру-

жескую весьма тяжелую, подавая и тѣмъ, и другимъ недобрый примѣръ прихожанамъ. Нынѣ по лѣту изъ псаломщиковъ кафедральнаго собора, тоже окончившій курсъ ученія въ семинаріи, Демянницкій, произведенъ во діакона за 12 верстъ отъ Пскова въ погостъ Рюха. Жизнь его супружеская столь тяжела, что никто изъ духовныхъ не осмѣливается дать ему квартиру, — живетъ въ домѣ у крестьянина, — постоянно между женою и мужемъ отчаянные бои и ссоры. Демянницкій жилъ немалое время съ женою своею въ квартирѣ соборнаго дома при глазахъ главнаго начальства, но на такую его жизнь вниманія не обращено...

«Священникъ Метлинскій пьянъ въ церкви, пьянъ внѣ дома своего и въ домѣ, а сверхъ того буенъ въ семейной жизни, а между тѣмъ Платонъ наградилъ его набадренникомъ. Торопецкій игумень Варлаамъ оговаривается и уличается въ развратной жизни, а преосвященный Платонъ изъ бѣднѣйшаго Торопецкаго монастыря перевелъ его въ богатѣйшій Святгорскій. Тогда вся псковская епархія удивилась и захохотала; порокъ восторжествовалъ, а любящіе все святое и законное въ мірѣ отъ печали опустили свои головы и закрыли себѣ глаза. Пусть хотя нынѣ его преосвященство пояснить, за какія услуги и за какое терпѣніе священникъ Метлинскій получилъ набадренникъ, а игумень Варлаамъ — богатѣйшій Святгорскій монастырь въ управленіе»¹⁾?

Въ своихъ доносахъ Лебедевъ, кромѣ нападеній на безнравственность духовенства, помѣстилъ извѣстія и о томъ, что злоупотребленія по свѣчной продажѣ продолжаютъ еще существовать по церквамъ: Покровской, Алексіевской, Пороменской, Богоявленской, Мишаринской, Успенской и другимъ; что имѣющіяся въ производствѣ дѣла о злоупотребленіяхъ и расхищеніяхъ церковныхъ доходовъ не только не получаютъ окончанія, но даже не принимается никакихъ мѣръ къ пресѣченію злоупотребленій; что обнаруживаются поблажка и покровительство злоупотребителямъ и явное стѣсненіе людямъ честнымъ, и что учета старостамъ Латкину и Федотову, несмотря на указы св. синода, до сихъ поръ еще не сдѣлано консисторією, хотя со времени полученія синодальнаго указа протекло шесть съ половиною лѣтъ²⁾.

Прежде изложенія результатовъ ревизіи Софонія, слѣдуетъ замѣтить,

¹⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ всеподданнѣшее прошеніе священника Лебедева отъ 10-го ноября 1853 года, а также письмо его къ Пратасову отъ 23-го февраля 1854 года.

²⁾ См. письмо Лебедева къ Пратасову отъ 23-го февраля 1854 года.

что онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Платону и былъ весьма предубѣжденъ противъ Лебедева. Но, несмотря на все это, Софонія принужденъ былъ сказать, что доносъ Лебедева вполне справедливъ относительно безпорядковъ по Алексіевской церкви, нетрезвости священниковъ Орловыхъ и Метлинскаго и неподвижности нѣкоторыхъ дѣлъ въ продолженіе шести лѣтъ, но преувеличенъ касательно ссоры пѣвчихъ въ дорогѣ и ненамѣреннаго поврежденія посоха иподіакономъ Сырковскимъ, и извращенъ весьма во многомъ относительно времени и обстоятельствъ приводимыхъ происшествій. *Относительно времени:* о священникѣ Раевскомъ сказано, что онъ опредѣленъ преосвященнымъ Платономъ къ Никитской церкви во Псковѣ, тогда какъ опредѣленіе его къ сей церкви послѣдовало еще при покойномъ Наваинаѣ. Гористинскій дьячекъ Назаретскій, учинившій въ деревнѣ буйство и драку со священникомъ и пономаремъ, приведенъ въ подкрѣпленіе доноса объ усиленіи въ епархіи пьянства при преосвященномъ Платонѣ, но этотъ буйственный поступокъ былъ совершенъ Назаретскимъ до вступленія въ управленіе епархіею преосвященнаго Платона. *Относительно обстоятельствъ:* преосвященный Платонъ не далъ студенту Утрехтскому отцовскаго діаконскаго мѣста въ погостѣ, потому что имѣлъ въ виду сдѣлать его учителемъ и потомъ священникомъ, а Лебедевъ указываетъ на отказъ Утрехтскому, какъ на продолженіе негодованія преосвященнаго къ отцу его за доносъ ¹⁾. Затѣмъ все прочее, составляющее доносъ Лебедева, голословно и даже вовсе ложно(?).

Въ заключеніе отчета о своей ревизіи, Софонія помѣщаетъ нѣсколько замѣчаній о жизни и качествахъ Лебедева. «Жизнь священника Лебедева, пишетъ Софонія, какъ общественная, такъ и семейная, неукоризненна. Онъ не имѣетъ никакихъ открытыхъ и грубыхъ слабостей и пороковъ: умѣренъ, трезвъ и исполнителенъ въ своихъ обязанностяхъ служебныхъ и домашнихъ. Онъ живетъ въ домѣ, оставшемся послѣ отца и принадлежащемъ ему, двумъ братьямъ его и сестрѣ. Семейство его состоитъ изъ трехъ душъ: онъ самъ, жена его и сынъ, служащій по гражданскому вѣдомству въ самомъ Псковѣ. Но съ нимъ-же живетъ и зять

¹⁾ Бываютъ священническія мѣста хуже дьяческихъ. Страненъ капризъ преосвященнаго, даваго Утрехтскому священническое мѣсто, котораго онъ не искалъ, а отказавшаго ему въ отцовскомъ діаконскомъ, котораго онъ всѣми силами помогая. Это заставляетъ смотрѣть на поступокъ Платона совсѣмъ не съ той оптимистической точки зрѣнія, съ которой на него смотрѣлъ Софонія, старавшійся защитить во что-бы то ни стало Платона.

его, священникъ Кудрявцевъ, съ женою и шестилѣтнимъ сыномъ. Лебедевъ живетъ скромно, но не скудно; пріятельскихъ сязей почти ни съ кѣмъ не имѣетъ, а ограничивается, большею частію, кругомъ семейнымъ. Будучи крѣпкаго духа, смышленъ отъ природы и начитанъ, обладая довольно твердымъ и выразительнымъ словомъ и не утомляясь трудами, Лебедевъ могъ-бы, при вышесказанныхъ качествахъ, проходить должность пастыря церкви съ ощутительною пользою, еслибы не слишкомъ увлекался духомъ самомечтательности, усиливаемой пылкимъ и раздражительнымъ характеромъ.

«Самомечтательность Лебедева, происходя изъ сознанія, что онъ не имѣетъ такихъ слабостей, какъ другіе, что онъ лучше многихъ понимаетъ сущность всякаго дѣла, что онъ дѣйствуетъ усерднѣе, живѣе и безпристрастнѣе, и слѣдственно съ большею, чѣмъ другіе, пользою могъ-бы занимать высшія должности, породила въ немъ духъ излишняго довѣрія къ себѣ, ослабила должное уваженіе къ другимъ и силою обстоятельствъ развила прирожденную склонность пререкать и противляться власти.

«Довѣріе Лебедева къ себѣ такъ велико, что онъ едва-ли считаетъ себя погрѣшимымъ. Однажды, въ разговорѣ со мною, взглядъ свой на дѣйствія консисторіи назвалъ онъ святымъ. Изъ таковой самоувѣренности естественно образовались въ немъ настойчивость и упрямство, съ коими онъ обыкновенно защищаетъ свои мнѣнія, хотя-бы несправедливость ихъ была доказана фактически. Что протоіерей Кудрявцевъ былъ въ Ригѣ благочиннымъ, въ этомъ Лебедевъ убѣжденъ донинѣ, по крайней мѣрѣ, не хочетъ сознаться, что онъ ошибся. Пререкать ему въ подобныхъ случаяхъ небезопасно: онъ скоро выходитъ изъ себя и становится грубъ и обидчивъ.

«Неуваженіе Лебедева къ другимъ, равнымъ себѣ, выражается въ его смѣлыхъ сужденіяхъ, въ его отзывахъ и заключеніяхъ, сколько неосновательныхъ иногда, столько-же и оскорбительныхъ. Простая, быть можетъ, по началу склонность судить и осуждать, со временемъ перешла въ страсть къ злословію и развилась до такой степени, что Лебедевъ въ настоящее время не щадитъ ни родственниковъ, ни умершихъ. Каѳедраальный протоіерей Куниинскій родной шуринъ Лебедеву, священникъ Дружининъ покойникъ уже; но Лебедевъ никого столько не поноситъ, какъ Куниинскаго, а несчастный Дружининъ послужилъ для него примѣромъ усилившагося въ псковской епархіи пьянства. Злословіе сдѣлалось какъ-бы любимымъ занятіемъ Лебедева и пищею духа его. Онъ не довольствуется сказать о комъ-либо худое однажды, но повторять

одно и то-же нѣсколько разъ. Протоіерей Знаменскій и священникъ Орловъ выводятся имъ на среду позора, первый три, а другой четыре раза.

«Духъ пререканія и противленія власти былъ всегда въ Лебедевѣ; но въ первые годы его священства въ Псковѣ онъ проявлялся рѣже и не въ такомъ объемѣ. По перемѣщеніи-же въ Ригу, неповиновеніе начальству подъ разными предлогами стало повторяться чаще и сопровождаться уже дерзостію и оскорбленіями. Преосвященный Принархъ (1841 года) формально жаловался преосвященному Наѡаналу, что Лебедевъ порочить честь его сана. Но въ послѣднее десятилѣтіе, со времени заключенія его въ тюремномъ замкѣ, неблагопокорливость Лебедева получила новый видъ; Лебедевъ вступилъ въ открытую судебную прію съ епархіальнымъ начальствомъ и съ сего времени открылась въ немъ страсть къ доносамъ на мѣстное управленіе и отъ доносовъ перешла къ кляузамъ.

«Кляузническій духъ обнаруживается въ Лебедевѣ тѣмъ, что онъ не истиненъ въ словѣ и явно фальшивъ въ совѣсти; почти ни одного факта не излагаетъ съ опредѣленною точностію и всему даетъ видъ не настоящій. И въ словѣ, и въ дѣлѣ всюду видны чрезмѣрные преувеличенія или уменьшенія; обстоятельства, раздѣленные значительнымъ временемъ, сблизаетъ намѣренно и соединяетъ такъ, что они представляются современными и ведутъ совсѣмъ къ другому заключенію, нежели какое-бы слѣдовало; явную ложь, а иногда и клевету, смѣшиваетъ съ истинною, и наконецъ, частыми повтореніями одного и того-же и отступленіями отъ сущности дѣла до того затемняетъ истину и запутываетъ ходъ рѣчи, что трудно понять, что онъ хочетъ сказать.

«Страсть къ доносамъ и кляузамъ сдѣлалась въ Лебедевѣ господствующею. Лебедевъ пишетъ не только за себя, но и за другихъ. Зять его, священникъ Кудрявцевъ, неспособенъ писать ничего, и все, что извѣстно подъ его именемъ, пишется перомъ Лебедева. Священники Доріомедовъ и Херасковъ, Синскій діаконъ Лебедевъ и Корельскій дьячекъ Кудрявцевъ принадлежатъ къ школѣ священника Лебедева и пишутъ, какъ слышно, по его возбужденію и наставленію. Угрожая-ли только, или выражая истинное положеніе духа своего, Лебедевъ лично говорилъ предо мною, что одна могила можетъ удержать его отъ доносовъ при видѣ зла; это-же частію выражаетъ онъ и въ прошеніи, говоря: «Я долженъ оставаться во Псковѣ на страхъ злымъ».

«Впрочемъ, при опредѣленіи свойствъ Лебедева въ настоящее время, не должно упускать изъ виду нынѣшняго его положенія, которое не есть нормальное, но болѣе или менѣе случайное. Нынѣшнее положеніе Лебедева есть положеніе человѣка, сильно раздраженного, оскорбленного и

униженного, по его понятію, несправедливо. Многое изъ того, что предпринимается имъ нынѣ, предпринимается, быть можетъ, не совсѣмъ по расположенію и по сознанію,—предпринимается, быть можетъ, какъ усиленная и послѣдняя мѣра поддержать честь и жизнь. Онъ на это намекалъ неоднократно, давая знать, что еслибы начальство, оставивъ всѣ дѣла, поддержало его нравственно и, указавъ новое поприще дѣятельности, обезпечило его средствами жизни и не раздражало слишкомъ крутыми мѣрами, то онъ съ готовностію и всецѣло посвятилъ-бы себя служенію церкви и сталъ-бы всѣми силами подвизаться во благо ея, чтобы оправдать снисхожденіе и милость, еслибы они были ему оказаны.

«Взявъ при семъ во вниманіе, съ одной стороны, что Лебедевъ дѣйствительно служилъ нѣкогда съ ощутительною пользою (особенно по дѣламъ раскольническимъ), какъ это видно изъ своеручной рекомендаціи о немъ преосвященнаго Нағананла въ послужномъ спискѣ за 1836 годъ, а съ другой, что онъ еще бодръ духомъ и довольно крѣпокъ силами, можно надѣяться, что онъ былъ-бы не бесполезенъ, особенно тамъ, гдѣ наиболѣе нуженъ примѣръ правильной, трезвой и даже строгой жизни. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя надѣяться, чтобы Лебедевъ, оставшись въ псковской епархіи, могъ совершенно успокоиться и успокоить другихъ. Въ псковской епархіи онъ имѣетъ множество знакомыхъ и даже агентовъ, чрезъ коихъ дѣйствуетъ такъ искусно, что знаетъ болѣе или менѣе вѣрно почти все, что дѣлается въ епархіальномъ управленіи, начиная отъ консисторіи до послѣдняго благочиннаго, знаетъ качества, образъ жизни и взаимное отношеніе большей части духовенства и самое положеніе многихъ церквей градскихъ и сельскихъ. Посему трудно предположить, чтобы онъ, оставаясь въ прежнемъ мѣстѣ, удержался отъ искушенія писать доносы, если не за себя, то за другихъ. Кромѣ сего, непокойный духъ Лебедева распространился между многими и образовалъ въ духовенствѣ какъ-бы особую партію, во всякомъ отношеніи вредную для общественнаго спокойствія. Зло сіе не перестанетъ существовать въ епархіи дотолѣ, пока будетъ оставаться въ предѣлахъ ея Лебедевъ» ¹⁾).

Вслѣдствіе этой ревизіи, Лебедеву сдѣланъ строгій выговоръ за неуваженіе къ епархіальному начальству и приказано ѣхать въ тверскую епархію; псковская консисторія, за медленное производство дѣлъ и за до-

¹⁾ См. въ дѣлѣ по всеподданнѣйшій жалобѣ священника города Пскова Василія Лебедева на злоупотребленія и стѣсненія его епархіальнымъ начальствомъ донесеніе Софоніи въ св. синодъ отъ 3-го августа 1854 года.

пущеніе безпорядковъ по Алексіевской церкви, получила также выговоръ, а преосвященному Платону предписано: а) имѣть строгій надзоръ за его пѣвчими, не допуская съ ихъ стороны такихъ поступковъ, которые оглашали-бы ихъ въ епархіи съ невыгодной стороны; б) донести св. синоду, исполненъ-ли указъ св. синода отъ 31-го декабря 1853 года по дѣлу объ отрѣшеніи протоіерея Пятницкаго отъ должности благочиннаго, такъ какъ, по донесенію архимандрита Софонія, дѣла сего въ псковской консисторіи не находится ¹⁾).

Но Лебедевъ не ѣхалъ въ Тверь подъ разными предлогами: то по случаю болѣзни, то по неимѣнію способовъ къ путешествію, то по причинѣ накопившихся и неуплаченныхъ имъ долговъ. Между тѣмъ, псковское епархіальное начальство всячески старалось скорѣе избавиться отъ него и выпроводить его изъ Пскова. Такъ, оно просило псковскую врачебную управу освидѣтельствовать Лебедева, которая нашла его дѣйствительно страдающимъ отъ ревматизма въ головѣ. Такъ, псковское епархіальное начальство даже предлагало Лебедеву отъ себя деньги на поѣздку, но онъ отказался отъ нихъ, остался во Псковѣ и послалъ новыя жалобы на Платона и просилъ чрезъ исправляющаго должность оберъ-прокурора св. синода Карасевскаго о переслѣдованіи своего дѣла. Синодъ оставилъ безъ послѣдствій какъ жалобы Лебедева, такъ и прошеніе его, а ассигновалъ ему 120 р. сер. на переѣздъ изъ Пскова въ Тверь. Лебедевъ отвѣчалъ, что этой суммы ему недостаточно на его путешествіе и для уплаты его долговъ, и вслѣдъ за тѣмъ послалъ на высочайшее имя жалобу, въ которой въ сотый разъ повторялъ свои обвиненія епархіальнаго начальства и въ заключеніе которой писалъ, что «на уплату его долговъ, на одежду, подводы, на содержаніе въ пути и на обзаведеніе на новомъ мѣстѣ ему нужно 1.500 руб. сер. и что если законъ не дозволяетъ изъ казны выдавать такого количества, то тотъ-же законъ воспрещаетъ дѣлать стѣснительные и затѣйливые переводы людей изъ мѣста въ мѣсто. «Переводъ меня въ тверскую епархію, равно и зятя моего, священника Кудрявцева, есть только одна противозаконная прихоть псковскаго епархіальнаго начальства, и прихоть, направленная ко вреду псковской епархіи и церкви. Посему не казна, но епархіальное начальство пусть выдастъ мнѣ деньги 1.535 рублей серебромъ» ²⁾. Помимо рѣзкихъ выходокъ и желчныхъ выраженій, помѣщен-

¹⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ указъ св. синода отъ 18-го октября 1854 года.

²⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ всеподданнѣйшее прошеніе Лебедева на имя Государя отъ 12-го іюля 1855 года, а также письма его къ Карасевскому отъ 12-го іюля 1855 года отъ, 5-го августа 1855 года и отъ 16-го августа 1855 года.

ныхъ въ этихъ доносахъ Лебедева, встрѣчается въ нихъ много такихъ мѣстъ, которыя невольно наводятъ какую-то грусть на душу и рожаютъ самое тягостное чувство, какъ, напримѣръ, слѣдующія: «я нищъ до наготы... я не имѣю подрясника и долженъ рясу надѣвать на рубашку... шесть лѣтъ я питался во Псковѣ милостынею ¹⁾... Священникъ если станетъ защищаться и доказывать свою невинность на бумагахъ, то не найдетъ ни правосудія, ни защиты. Священника никто не хочетъ защищать, а когда самъ станетъ защищаться, говорятъ: сутяга, безпкойный человѣкъ, убирайся изъ епархіи, дай покой епархіальному начальству» ²⁾).

Вслѣдствіе этихъ доносовъ послѣдовала трагическая развязка: Лебедеву запрещено было священнослуженіе, ношеніе рясы и рукоблагословеніе, и онъ отосланъ въ суздальскій Спасо-Евѣмievъ монастырь, настоятелю котораго велѣно было имѣть строжайшій за нимъ надзоръ, не позволять ему писать доносовъ и, по истеченіи года, донести объ образѣ жизни его св. синоду. Причиною такой мѣры синодъ выставилъ въ указѣ своемъ неуваженіе Лебедева къ начальству, дерзость и ослушаніе отправиться въ тверскую епархію ³⁾).

Послѣ годичнаго пребыванія въ суздальскомъ монастырѣ, Лебедевъ, какъ рапортовалъ архимандритъ этого монастыря, «не оказалъ ни малѣйшаго раскаянія въ прежнихъ своихъ дерзкихъ противу епархіальнаго начальства поступкахъ», а потому синодъ оставилъ его впредь до усмотрѣнія въ монастырѣ, преосвященному-же владимірскому Іустину предписалъ продолжать, чрезъ настоятеля монастыря, неослабный надзоръ за Лебедевымъ и, въ случаѣ его исправленія, донести о томъ синоду ⁴⁾). Монастырское заключеніе сломило, наконецъ, эту гордую натуру: 14-го ноября 1857 года владимірскій архіерей донесъ св. синоду, что «Лебедевъ, чистосердечно раскаяваясь во всѣхъ его неумѣстныхъ доносахъ и судебныхъ жалобахъ, обязуется и клятвою и священствомъ утверждаетъ: 1) что переписокъ или жалобъ въ псковской епархіи, гдѣ онъ жительствовалъ и на службѣ состоялъ, впредь не только возобновлять на бумагахъ ни чрезъ себя, ни чрезъ родныхъ его не будетъ, но и на словахъ нигдѣ въ частныхъ разговорахъ не упомянетъ; посему съ сего времени съ синовною покорностію умоляетъ благомилостивое начальство виновность

¹⁾ См. вышеприведенныя письма Лебедева.

²⁾ См. письмо Лебедева отъ 16-го августа 1855 году.

³⁾ См. тамъ-же, указъ синодскій отъ 26-го августа 1855 года.

⁴⁾ См. синодальный указъ отъ 6-го февраля 1857 года.

его, въ тѣхъ словахъ и въ дерзкихъ выраженіяхъ имъ сдѣланную, простить, отъ жительства въ арестантскомъ отдѣленіи и въ монастырѣ освободить и дать ему приличное и соотвѣтственное бѣдности его мѣсто при приходской церкви; 2) на будущее время, когда получить мѣсто, безъ архипастырскаго благословенія не только не откроетъ никакой переписки, но ниже словесно кому объявлять будетъ и даже благочинному о томъ, еслибы что онъ и встрѣтилъ въ кругу его обязанностей по службѣ противное законамъ въ причтѣ-ли, въ храмѣ-ли Божіемъ, или между прихожанами, но прежде объявить словесно своему архипастырю, и какъ благословлено будетъ, такъ и поступить. Буде-же въ чемъ нарушена будетъ имъ сія подписка, то осуждаетъ себя за нарушение своего обязательства клятвеннаго и священству сдѣланнаго въ здѣшней жизни строжайшей отвѣтственности и въ будущей суду Божию» ¹⁾).

Синодъ, получивъ это донесеніе объ обращеніи на путь истины заблудшей овцы, приказалъ освободить Лебедева отъ заключенія въ арестантскомъ отдѣленіи Спасо-Евѣмьева монастыря и помѣстить его временно для окончательнаго испытанія нравственности между монастырскою братією, а преосвященному владимірскому предписалъ о послѣдствіяхъ такого испытанія войти съ надлежащимъ представленіемъ въ св. синодъ въ концѣ будущаго 1858 года, или ранѣе, если дальнѣйшее поведеніе Лебедева окажется безукоризненнымъ и раскаяніе искреннимъ. Но еслибы въ теченіе сего времени Лебедевъ снова обнаружилъ прежнюю свою наклонность къ ложнымъ доносамъ и непокорность начальству, то въ такомъ случаѣ синодъ уполномочивалъ преосвященнаго немедленно распорядиться о заключеніи его опять въ арестантское отдѣленіе ²⁾).

Несчастливая жена Лебедева, переселившаяся изъ Пскова въ Суздаль, чтобы ближе быть къ своему мужу и, по возможности, облегчать тяжесть его заключенія, выразила участіе свое къ его судьбѣ болѣе дѣятельнымъ образомъ и подала прошеніе на имя Государыни Императрицы Маріи Александровны о помилованіи ея мужа; но прошеніе это, переданное въ синодъ, осталось безъ всякихъ послѣдствій. Только 3-го ноября 1858 года, вслѣдствіе рапорта владимірскаго преосвященнаго о безукоризненномъ поведеніи Лебедева, св. синодъ освободилъ его отъ дальнѣйшаго пребыванія въ суздальскомъ монастырѣ, разрѣшилъ ему священнослуженіе, рукоблагословеніе и ношеніе рясы, а также дозволилъ

¹⁾ См. тамъ-же рапортъ Іустина, епископа владимірскаго, отъ 14-го ноября 1857 года.

²⁾ См. тамъ-же синодскій указъ отъ 8-го декабря 1857 года.

отправиться во Псковъ. Псковскому-же преосвященному предписано было сдѣлать Лебедеву, по прибытіи его на мѣсто, приличное пастырское наставленіе о томъ, какъ онъ долженъ вести себя на будущее время, и затѣмъ помѣстить его на священническое мѣсто по собственному своему усмотрѣнію ¹⁾).

VII. Ревизія пензенскаго епархіальнаго управленія.

Распоряженіе ввѣреннымъ вѣдомствомъ, какъ помѣстьемъ, въ которомъ можно хозяйничать по своему произволу и раздавать значительныя должности и хлѣбныя мѣста своимъ родственникамъ, знакомымъ и кліентамъ, къ сожалѣнію, явленіе довольно обыкновенное въ нашей общественной жизни. Этого порока не чужды и архіереи, которые, несмотря на отреченіе свое отъ міра и родныхъ по плоти, страждутъ, какъ и міряне, nepотизмомъ и любостыжаніемъ. Одни изъ такихъ духовныхъ администраторовъ соблюдаютъ при этомъ нѣкотораго рода приличіе и какъ-бы сдерживаютъ себя, другіе-же, напротивъ, смотрятъ на эти злоупотребленія какъ на право, соединенное съ званіемъ, узаконяютъ и доводятъ ихъ до самой наивной патріархальности. Къ числу послѣднихъ лицъ принадлежалъ и пензенскій преосвященный Амвросій. У него до такой степени было развито чувство любви къ роднымъ, что онъ готовъ былъ вызвать во ввѣренную ему епархію и помѣстить на лучшія мѣста не только самыхъ близкихъ родныхъ, но и всѣхъ троюродныхъ и четвероюродныхъ и даже тѣхъ, которыхъ самъ не признавалъ родственниками, но которые утверждали, что они ему приходится въ родствѣ; готовъ былъ для нихъ отнимать безъ всякой вины мѣста у другихъ, даже быть жестокимъ, не будучи такимъ по природѣ. Амвросій считалъ себя счастливымъ только въ кругу своихъ родныхъ и потому его архіерейское жилище болѣе походило на домъ семьянина, чѣмъ на келью монаха. Впрочемъ, онъ обнаружилъ такія стремленія не на первыхъ порахъ своего архіерействованія. Во время управленія волынскою епархіею, Амвросій ничѣмъ не проявилъ своего nepотизма, впрочемъ не потому, чтобы онъ тогда былъ чуждъ этого порока, а потому, что его родные не хотѣли переселиться въ епархію, столь отдаленную и, притомъ, по своему народонаселенію столь непохожую на наши великорусскія; но лишь только его перевели изъ Житомира въ Нижній-Новгородъ, онъ

¹⁾ См. указъ св. синода отъ 10-го декабря 1858 года.

тотчасъ вызвалъ туда своего родного брата со всѣмъ его семействомъ, бывшаго священникомъ при бѣжецкомъ соборѣ. Преимущественно-же и во всей полнотѣ непотическія стремленія Амвросія обнаружилась въ Пензѣ. Здѣсь прибыла къ нему цѣлая колонія его племянниковъ и мужей его племянницъ, которые всѣ заняли самыя выгодныя мѣста и должности, а одинъ изъ его племянниковъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ дяди и вліяніемъ на епархіальныя дѣла, Моревъ, даже получилъ два мѣста: должность писмоводителя при архіереѣ и должность помощника секретаря въ консисторіи.

Извѣстно, что непосредственнымъ результатомъ непотизма бываетъ страсть къ пріобрѣтенію для обезпеченія своихъ родныхъ и система поборовъ и подарковъ, изъ чего естественно вытекаетъ еще новое зло—несправедливый и пристрастный взглядъ на людей, которыхъ достоинства оцѣниваются родственниками начальника по количеству подарковъ, получаемыхъ ими отъ нихъ, и по степени оказываемаго имъ подобострастія. Слѣдствіемъ всего этого является система угнетенія и преслѣдованія людей честныхъ и достойныхъ, но бѣдныхъ и благородныхъ душою, возвышеніе людей ничтожныхъ и безнравственныхъ, но тароватыхъ и щедрыхъ на подарки, наконецъ патріархальность въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ, пренебреженіе къ законности и формѣ при веденіи дѣлъ и владычество произвола. Всѣ эти недостатки совмѣстило въ себѣ и непотическое управленіе Амвросія пензенскою епархіею и, притомъ, въ самыхъ отвратительныхъ формахъ, потому что родственники его были люди въ высшей степени невѣжественные, алчные и завистливые, которыхъ вся дѣятельность ограничивалась тѣмъ, что они оспаривали другъ у друга любовь и расположеніе Амвросія, постоянно плакали передъ нимъ о своей бѣдности и недостаткахъ, сплетничали ему, ссорились между собою и перебивали другъ у друга приходившихъ къ архіерею просителей, чтобы сорвать съ нихъ взятку. Совершенно опутанный своими родными, Амвросій сдѣлался правителемъ несправедливымъ, корыстолюбивымъ и жестокимъ. Такъ, чисто изъ корыстныхъ видовъ, онъ отдалъ въ аренду частнымъ лицамъ продажу церковныхъ свѣчъ и выдумалъ награждать священниковъ черными скуфьями, которыя позволяли имъ употреблять даже во время богослуженія. Такъ, всѣ поѣздки преосвященнаго по епархіи сопровождались постоянно огромными поборами. Протоіереи уѣздныхъ соборовъ и сельскіе благочинные старались въ этомъ случаѣ превзойти другъ друга въ усердіи къ интересамъ архипастыря, за что получали отъ него особыя льготы и права злоупотреблять своею властью и дѣлать поборы собственно для себя. Нерѣдко по

наговору племянниковъ, безъ всякаго суда и слѣдствія, люди достойные лишались мѣстъ и потомъ безъ куска хлѣба бродили по епархіи. На ихъ должности опредѣлялись люди недостойные и безнравственные, но богатые или состоявшіе въ родствѣ съ родными Амвросія. Случалось даже, что лица, замѣшанные въ уголовныхъ преступленіяхъ, напримѣръ въ кражѣ съ почты казенныхъ денегъ, были тщательно отстаиваемы архіереемъ и получали увольненіе съ чистымъ аттестатомъ. Взяточничество изъ архіерейскаго дома перешло въ консисторію, въ духовныя правленія, къ протоіереямъ уѣздныхъ соборовъ и къ благочиннымъ. Между послѣдними особенно отличался протоіерей саранскаго собора Смирновскій. Много лѣтъ пензенская епархія находилась подъ этимъ незаконнымъ и безправнымъ управленіемъ и еще долго пришлось-бы ей терпѣть это зло, еслибы особенныя обстоятельства не произвели необыкновеннаго движенія и воодушевленія во всѣхъ недовольныхъ Амвросіемъ. Эти особенныя обстоятельства были слѣдующія: до Пензы донесся слухъ о назначеніи на петербургскую метрополію варшавскаго архіепископа Антонія. Съ этимъ слухомъ достигли и вѣсти о нѣкоторыхъ частностяхъ изъ его жизни въ бѣломъ духовенствѣ, которыя тѣмъ болѣе интересовали пензенскихъ духовныхъ, что онѣ касались прежнихъ отношеній къ нему ихъ архипастыря. Быстро распространилась въ пензенской епархіи молва, что Амвросій былъ врагомъ и гонителемъ Антонія и его зятя, а вмѣстѣ съ этимъ разошлись и анекдоты о томъ, какъ однажды Амвросій билъ Антонія палкою и какъ въ другой разъ наплеваль ему въ глаза. Самъ преосвященный былъ или такъ неостороженъ, или такъ напуганъ назначеніемъ Антонія на петербургскую метрополію, что не скрывалъ своихъ опасеній за свое благосостояніе и наивно рассказывалъ въ кругу родныхъ о прежнихъ своихъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ новому петербургскому митрополиту; родные Амвросія сообщили все это по секрету своимъ друзьямъ, а эти своимъ, и такимъ образомъ объ этой враждѣ скорѣ узнала вся пензенская епархія, гдѣ было очень много недовольныхъ и обиженныхъ Амвросіемъ. Немедленно противъ него образовалась оппозиція, которой, какъ можно предполагать, былъ данъ сигналъ изъ Петербурга, что уже наступило время обнаружить ей свое недовольство.

Въ синодской канцеляріи стали поговаривать о безпорядкахъ, господствующихъ въ пензенскомъ епархіальномъ управленіи. Эти разговоры дошли до свѣдѣнія и секретаря пензенской консисторіи, который понялъ, что онъ сдѣлаетъ не только пріятное нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ въ синодѣ, но даже и одолжить ихъ, если пришлетъ доносъ на Амвросія и

доставить имъ поводъ къ нему привязаться и начать формальное изслѣдованіе; и вотъ, на основаніи этихъ побужденій, секретарь, до сего времени находившійся въ хорошихъ отношеніяхъ къ архіерею, вдругъ совершенно перемѣнилъ тонъ своего обращенія съ нимъ. Перемѣна эта поразила Амвросія; но, вмѣсто того, чтобы быть болѣе осторожнымъ и благоразумнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своихъ сношеніяхъ съ Ошанинымъ—такъ прозывался секретарь—онъ сталъ горячиться, привязываться къ нему и, дождавшись формальнаго на себя доноса секретаря, самъ первый подалъ на него Пратасову жалобу въ томъ, что «Ошанинъ бываетъ нетрезвъ и по сей причинѣ, равно и отъ недостатка способностей, уклоняется отъ составленія срочныхъ вѣдомостей, задерживаетъ бумаги, замедляетъ ходъ дѣлъ, возбуждаетъ посему многія жалобы просителей, на требованія членовъ консисторіи въ семь случаевъ не обращаетъ вниманія, дѣлопроизводствомъ во все почти время занимались и занимаются члены консисторіи, протоіерей Островидовъ, и помощникъ секретаря Моревъ, а самъ Ошанинъ до того неопытенъ, что, вмѣсто экстракта, приказываетъ переписывать дѣло отъ слова до слова, законовъ къ дѣламъ не подводитъ, выписокъ изъ нихъ и справокъ изъ дѣлъ не подписываетъ; копіи съ журналовъ вносить къ нему никѣмъ не засвидѣтельствованныя въ вѣрности съ подлинными, а протоколы представляетъ безъ означенія на нихъ времени подписанія и причины неподписанія другими членами, съ приписками, никѣмъ неговоренными; многократнымъ замѣчаніямъ его, что подобныя упущенія дадутъ поводъ къ злонамѣреннымъ разнымъ злоупотребленіямъ, не внималъ, такъ что, замѣтивъ изъ принесенныхъ затѣмъ къ нему девяти дѣлъ и другихъ бумагъ тѣ-же самыя упущенія, онъ долженъ былъ объявить Ошанину, что станеть требовать отъ него объясненія на бумагахъ; но Ошанинъ съ явнымъ неуваженіемъ отъ него ушелъ и прислалъ вслѣдъ за тѣмъ прошеніе объ исходатайствованіи ему перемѣщенія на службу въ канцелярію св. синода»¹⁾.

Тогда Ошанинъ, какъ-бы защищаясь отъ нападеній Амвросія, повелъ на него уже явную и сильную атаку. Въ рапортѣ своемъ оберъ-прокурору, секретарь доносилъ, что Амвросій перемѣнился въ своихъ отношеніяхъ къ нему послѣ доклада имъ преосвященному двухъ дѣлъ большой важности: «1) о постриженіи въ малый образъ монашества изъ военнаго вѣдомства, изъ нижнихъ чиновъ, не выслужившаго лѣтъ, безъ разрѣшенія военнаго вѣдомства, Михаила, и 2) о самовольномъ распространеніи церкви въ г. Саранскѣ безъ разрѣшенія св. синода, и съ симъ

¹⁾ См. протоколъ св. синода, 31-го августа 1844 года, № 294.

докладомъ затмились всѣ его заслуги» ¹⁾). Противъ обвиненій въ пьянствѣ, лѣности и неспособности къ службѣ, Ошанинъ отозвался слѣдующимъ образомъ: «1) настоящему невыгодному мнѣнію о немъ преосвященнаго нельзя дать вѣры, потому что до сего времени онъ рекомендовалъ его высшему начальству какъ отличнаго чиновника; 2) постоянно быть нетрезвымъ, какъ преосвященный позволилъ себѣ назвать его, неестественно, и онъ давно-бы, по освидѣтельствованіи врачебною управою, отправленъ былъ въ домъ умалишенныхъ; 3) безпорядки въ отношеніи къ секретарской обязанности происходятъ не отъ него, а отъ помощника его, Морева, который, какъ самовольный молодой человѣкъ, съ дерзостію схватываетъ съ его стола бумаги и уноситъ ихъ къ преосвященному, а преосвященный дѣлаетъ ему, Ошанину, замѣчанія и велитъ отбирать объясненія; а вообще, если бываетъ остановка въ дѣлахъ консисторіи, то это по одному столу того-же Морева, который, какъ родной племянникъ преосвященнаго, ссылается во всемъ на волю дяди; 4) что здоровье его, Ошанина, разстроилось отъ ежедневныхъ оскорбленій преосвященнаго и грубыхъ насмѣшекъ и дерзостей членовъ консисторіи, а особенно протоіерея Островидова, любимца преосвященнаго, и помощника секретаря Морева, которые, при громкомъ смѣхѣ, въ присутствіи консисторіи, употребляютъ оскорбительныя для его чести выраженія; 5) отъ своевременнаго составленія срочныхъ вѣдомостей онъ, Ошанинъ, самовольно не уклонялся, какъ можно усмотрѣть изъ дѣлъ канцеляріи оберъ-прокурора» ²⁾). Дѣло разгорѣлось. По заведенному порядку, синодъ потребовалъ отъ Амвросія въ подлинникѣ дѣла о постриженіи въ малый образъ монашества солдата Михаила Кутырева, не выслужившаго срочныхъ лѣтъ въ военномъ вѣдомствѣ, и о самовольномъ распространеніи въ г. Саранскѣ Успенской церкви. Амвросій, въ свой чередъ, въ письмѣ къ Пратасову жаловался на Ошанина, какъ на чиновника неблагонадежнаго и неисправнаго и приложилъ при этомъ выписку изъ 17-ти дѣлъ, по которымъ онъ требовалъ у секретаря оффиціального объясненія о томъ: а) почему нѣкоторые журналы имъ не скрѣплены, одни выписки вовсе не подписаны, другія подписаны поздно, а на иныхъ не обозначено времени подписанія? почему на дѣлахъ нѣтъ нумераціи и копій въ вѣрности ихъ съ подлинниками не засвидѣтельствованы? б) почему секретарь задерживаетъ у себя такія бумаги, которыя должны сдаваться тотчасъ по скрѣпѣ его? в) почему Ошанинъ ушелъ изъ консисторіи и, такимъ образомъ, ослу-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ См. вышеприведенный протоколъ св. синода.

шался преосвященнаго, который приказалъ ему очистить въ одинъ день всѣ бумаги, по которымъ дождаются просители? г) на какомъ основаніи секретарь вошелъ канцелярскою запискою къ преосвященному о томъ, слѣдуетъ-ли исполнить его резолюцію по дѣлу объ опредѣленіи къ семейству умершаго дьячка опекуномъ священника Трофимова, и гдѣ секретарь нашелъ законъ, который позволялъ-бы ему дѣлать возраженія преосвященному? Вслѣдъ за этимъ Ошанинъ донесъ, что при повѣркѣ рѣшенныхъ дѣлъ съ описями, онъ нашелъ дѣло объ удержаніи архіерейскимъ письмоводителемъ, титулярнымъ совѣтникомъ Вознесенскимъ, казенныхъ денегъ 1.490 руб. 50 коп. сер. и о подложномъ составленіи имъ бумаги. Въ этомъ доносѣ Ошанинъ обнаружилъ, что пензенская консисторія освободила Вознесенскаго отъ суда за утайку казенныхъ денегъ и выдала ему при увольненіи его отъ службы надлежащій аттестатъ. Наконецъ, взаимное озлобленіе архіерея и секретаря консисторіи выразилось въ слѣдующемъ: Ошанинъ не только отказался отъ денежной награды, назначенной ему пензенскою консисторіею изъ суммы, опредѣленной синодомъ чиновникамъ, занимавшимся дѣлами по свѣчной операціи, но и внесъ докладъ преосвященному такого рода: «Съ кого слѣдуетъ взыскать неправильно выданныя консисторіею ему и помощнику его Мореву деньги изъ числа опредѣленныхъ св. синодомъ занимавшимся по свѣчной-суммѣ чиновникамъ, такъ какъ ни Моревъ, ни самъ Ошанинъ этою частію за прошедшій (1843 годъ) не занимались». Амвросій-же, взбѣшенный всѣми этими выходками Ошанина, предалъ его суду уголовной палаты за непредъявленіе консисторіи полученнаго имъ рапорта отъ столоначальника саранскаго духовнаго правленія о самовольномъ устройствѣ при Успенской церкви придѣла.

Когда, такимъ образомъ, взаимныя обвиненія Амвросія и Ошанина представили факты, обратившіе на себя вниманіе синода и даже требовавшіе принятія со стороны его мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, тогда положено было назначить ревизію пензенскаго епархіальнаго управленія. Въ синодскомъ протоколѣ, составленномъ по этому случаю, явно видно стремленіе заранѣе оправдать Ошанина и обвинить Амвросія, и потому всѣ дѣйствія послѣдняго по отношенію къ секретарю подвергнуты синодомъ осужденію. «Изъ всего вышеизложеннаго (т. е. изъ взаимныхъ обвиненій Амвросія и Ошанина), говорится въ протоколѣ, видно, что настоящее дѣло, въ которомъ пензенскій преосвященный Амвросій и члены тамошней духовной консисторіи обвиняютъ секретаря Ошанина въ безпорядкахъ, нерадѣніи по службѣ и даже неспособности къ оной, а секретарь жалуется на стѣсненія, присовокупляя донесенія о безпорядкахъ по епар-

хіяльному управленію, не имѣло въ самомъ началѣ своемъ достаточныхъ основаній и получило ходъ внѣ порядка, законами опредѣленнаго. Такъ, 1) со времени опредѣленія Ошанина секретаремъ до марта текущаго года какъ самъ преосвященный, такъ и члены консисторіи, одобряя службу Ошанина, не поставляли ему въ вину донесеній его о невозможности явиться къ должности по болѣзненнымъ припадкамъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ преосвященный, по собственному предположенію о поведеніи Ошанина и постороннимъ слухамъ о нерадѣніи и безпорядкахъ, производимыхъ якобы имъ, поручилъ членамъ консисторіи о всѣхъ дѣйствіяхъ секретаря записать въ журналъ и, собравшись вмѣстѣ, сдѣлать, сообразно обстоятельствамъ на законномъ основаніи постановленіе; 2) консисторія, рассмотрѣвъ пять рапортовъ, въ которыхъ Ошанинъ разновременно доносилъ о болѣзненныхъ своихъ припадкахъ и послѣ подачи которыхъ онъ вскорѣ являлся къ должности, объяснилась объ Ошанинѣ слѣдующимъ образомъ: «онъ нерѣдко одержимъ болѣзнію, и болѣзнь сія приходитъ къ нему болѣе въ то время, когда со стороны его бываетъ нужна особенная дѣятельность по дѣламъ срочныхъ отчетностей. Такъ, сдѣлался больнымъ и при составленіи отчетовъ о свѣчныхъ и церковныхъ доходахъ. Подававши доклады о болѣзни своей, онъ или на другой-же день, или чрезъ нѣсколько сутокъ являлся въ консисторію въ такомъ состояніи, что никакой болѣзни въ немъ не замѣчалось, а примѣтны были только раздражительность и азартъ; между тѣмъ, онъ ничѣмъ не занимался и на предложенія членовъ заниматься отвѣчалъ одно и то-же, что онъ боленъ. И какъ все это ведетъ къ прямому заключенію, что секретарь подаваемыми докладами о болѣзни своей и тѣмъ, якобы онъ нынѣ боленъ отъ оскорбленій, старается прикрыть явную уклончивость отъ обязанностей, которая, въ случаѣ продолженія, можетъ повести къ самой остановкѣ дѣла, то консисторія просила его преосвященство такіа дѣйствія Ошанина сообщить г. оберъ-прокурору св. синода. Не касаясь уже того, что на подобное обвиненіе секретаря, исполненное какъ-бы насмѣшекъ, консисторія не имѣла права, самая форма, данная сему дѣйствію, противна узаконенному порядку. Журналъ есть дневная записка того, что происходило въ тотъ именно день въ присутствіи. Слѣдственно изъясненіе въ журналѣ одного дня всего того, что замѣчалось будто-бы прежде, безъ всякихъ на это доказательствъ, или предшествовавшихъ журналовъ, отъ-емлетъ отъ сего акта свойственную ему силу и обращаетъ оный въ актъ обвинительный, безъ спроса и объясненій обвиняемаго; 3) при сообщеніи сего журнала его сіятельству, преосвященный Амвросій присовокупилъ къ оному: а) такіа обвиненія, которыя падаютъ не столько на служебныя

отношенія, сколько на частную жизнь Ошанина, и которыя могли составиться не иначе, какъ отъ частныхъ слуховъ, ничѣмъ не подтвержденныхъ, и б) официальные оглашенія о поведеніи Ошанина, которыя несовмѣстны съ порядкомъ и достоинствомъ службы, тѣмъ болѣе, что они, съ другой стороны, обнаруживаютъ какъ-бы преслѣдованіе, подтверждающееся собственнымъ отзывомъ преосвященнаго, угрожавшаго Ошанину за каждую неисправность отдавать его подъ судъ; 4) наконецъ, когда все это дѣло, со всѣми обвиненіями на Ошанина, доведено было до святѣйшаго синода, епархіальное начальство предало его суду уголовной палаты за непредъявленіе консисторіи полученнаго имъ, Ошанинымъ, рапорта отъ столоначальника саранскаго духовнаго правленія на счетъ самовольнаго устройства при церкви придѣла, тогда какъ надлежало истребовать предварительно объясненіе, изъ котораго открылось-бы, что рапортъ былъ на имя секретаря, а имъ представленъ его сіятельству г. оберъ-прокурору»¹⁾. Ревизоромъ былъ первоначально назначенъ московской Троицкой на Арбатѣ церкви протоіерей Платоновъ, а въ помощники ему данъ одинъ изъ чиновниковъ синодальной канцеляріи. Но какъ Платоновъ, по болѣзни, отказался отъ этого порученія, то вмѣсто него назначили кіевскаго викарія Варлаама, человѣка правдиваго, но съ фанатическими стремленіями. Ревизору было приказано: а) обревизовать за послѣдніе шесть лѣтъ все движеніе дѣлъ по времени, производству и исполненію ихъ, сообразно-ли оно съ тѣми правилами, какія постановлены въ уставѣ духовныхъ консисторій и въ общихъ законахъ Имперіи; нѣтъ-ли въ чемъ-либо медленности или отступленія отъ предписаннаго порядка, формъ и обрядовъ, и отъ чего они произошли; б) освидѣтельствовать консисторскія денежныя суммы по книгамъ и другимъ документамъ какъ за настоящее время, такъ и за то, когда обнаружилось удержаніе Вознесенскимъ 1.490 руб. 50 коп. сер., и, пересмотрѣвъ все дѣло о сей суммѣ, дѣйствительно-ли оно такъ произведено и окончено, какъ показалъ секретарь Ошанинъ, раскрыть, если это справедливо, почему такъ поступлено? взысканы-ли удержанныя деньги? почему не было донесено о томъ св. синоду и кто причиною всего такого безпорядка и упущенія? в) особо, безъ огласки, рассмотреть дѣло по обвиненію секретаря и оправданія его, и заключеніе свое по этому предмету представить отдѣльно отъ ревизіи; г) исполнивъ, такимъ образомъ, порученіе, представить въ св. синодъ свои разысканія съ вѣрными соображеніями и заключеніями.

¹⁾ См. вышеприведенный синодскій протоколъ.

Ревизія начиналась при самыхъ грозныхъ предзнаменованіяхъ для Амвросія: племянника его, Морева, велѣно было удалить отъ должности помощника секретаря; членамъ пензенской консисторіи сдѣлано замѣчаніе; преданіе Амвросіемъ Ошанина суду уголовной палаты найдено неправильнымъ. Въ синодѣ все было противъ него; самая личность и внутреннія качества ревизора мало предвѣщали хорошаго для Амвросія. Но къ чести Варлаама нужно сказать, что онъ показалъ себя вполне безпристрастнымъ въ этомъ дѣлѣ: онъ не скрывалъ недостатковъ Ошанина, не пощадилъ членовъ консисторіи и сказалъ всю правду объ Амвросіи. Вотъ какіе безпорядки замѣчены имъ были по консисторской канцеляріи: 1) журналы присутствія консисторіи ведены не въ узаконенномъ порядкѣ; такъ, напр., въ 1837 году, болѣе нежели за полгода, совсѣмъ не оказалось бѣловыхъ журналовъ, а журналовъ по освидѣтельствованію суммъ консисторіи составлено въ томъ году только пять, тогда какъ ихъ должно было составлять ежемѣсячно. Журналы представлялись на утвержденіе преосвященнаго только по 8-е марта 1839 года, далѣе-же не видно, чтобы они были вносимы къ нему, потому что на нихъ нѣтъ никакихъ его отмѣтокъ и резолюцій. Въ слѣдующихъ за тѣмъ годахъ, хотя не обнаружено такихъ безпорядковъ, какіе выше показаны, но однако-же найдено, что журналы ведены были ненадлежащимъ образомъ, потому что ихъ составлялось въ годъ отъ 150 до 175, т. е. не болѣе, какъ на двѣ трети присутственныхъ дней въ году. Въ графѣ журналовъ объ исполненіи рѣшеній рѣдко были выставляемы, гдѣ нужно, надлежащія отмѣтки. Требующіяся-же формою журнальныя примѣчанія подъ дневнымъ журналомъ о числѣ выслушанныхъ утвердительныхъ резолюцій преосвященнаго и о дняхъ подписанія протоколовъ и журналовъ прежнихъ засѣданій не всегда писались какъ должно, а во многихъ журналахъ ихъ вовсе нѣтъ. Въ докладныхъ реестрахъ открыто еще болѣе безпорядковъ, нежели въ бѣловыхъ журналахъ: всѣ они оказались перенумерованными по листамъ, со множествомъ вложенныхъ листовъ, полулистовъ и даже четвертушекъ разнородной бумаги съ помарками, перепутанными до крайности. Содержаніе дѣлъ вносилось въ докладные реестры несоответственно существу ихъ, весьма сбивчиво и безъ нужныхъ справокъ. Вообще, во всѣхъ графахъ докладныхъ реестровъ или вовсе нѣтъ надлежащихъ отмѣтокъ, или-же онѣ не въ должномъ порядкѣ и съ ненадлежащею ясностью изложены.

О дѣятельности членовъ консисторіи и ихъ способностяхъ Варлаамъ отзывался такъ: «Не всѣ члены консисторіи достаточно приготовлены къ несенію возложенныхъ на нихъ обязанностей, и нѣкоторыхъ изъ

нихъ можно было-бы замѣнить другими, болѣе способными и имѣющими академическія степени. При таковой неспособности членовъ консисторіи, при ревизіи дѣлъ обнаружено весьма много сужденій и рѣшеній неосновательныхъ, неполныхъ, нетвердыхъ, и иногда даже противорѣчащихъ законамъ. Сіе въ особенности замѣчено по дѣламъ бракоразводнымъ, раскольническимъ, объ опредѣленіи по разнымъ случаямъ эпитиміи, о выдачѣ метрическихъ свидѣтельствъ, о свѣчномъ сборѣ и вообще по дѣламъ слѣдственнымъ. Большая часть дѣлъ по симъ предметамъ производилась безъ соблюденія узаконеннаго порядка и получала болѣе или менѣе неправильное окончаніе. Вообще, въ производствѣ дѣлъ и исполненіи состоявшихся по онымъ рѣшеній обнаружена непростительная медленность, простиравшаяся до того, что нѣкоторыя изъ нихъ оставались по два и по три года безъ всякаго движенія, а также и то, что консисторія, разсматривая иныя дѣла, судить пристрастно и рѣшаетъ неправильно собственно потому, чтобы исполнить желаніе епархіальнаго преосвященнаго, какъ сіе обнаружено по дѣлу о выдачѣ метрическаго свидѣтельства о рожденіи полковницы Винтербергерь отъ чиновника Руссова. Дѣло сіе производилось и разсматривалось два года, наконецъ въ полномъ присутствіи консисторіи рѣшено тѣмъ, что означенная Винтербергерь не признана закономъ дочерью Руссова, потому что на это не было достаточныхъ доказательствъ. Составленный по сему дѣлу протоколъ утвержденъ былъ подписомъ всѣхъ членовъ консисторіи, исключая одного. Преосвященный, разсмотрѣвъ таковой протоколъ, въ резолюціи своей выразился такъ: «Представить мнѣ дѣло съ новымъ мнѣніемъ». Консисторія, не имѣвъ въ виду никакихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ собранныхъ ею прежде по сему дѣлу, чрезъ три дня отмѣняетъ прежнее свое мнѣніе и составляетъ журналъ, излагая въ ономъ новое мнѣніе; по которому полковница Винтербергерь признается законною дочерью чиновника Руссова»¹⁾.

Далѣе ревизоръ описываетъ небрежность членовъ въ веденіи дѣлъ. «Консисторія, пишетъ онъ, съ представленій, сообщеній и отношеній своихъ къ разнымъ мѣстамъ и лицамъ, оставляла при дѣлахъ черновые отпуски по немногимъ только дѣламъ, по всѣмъ-же прочимъ не оставляла таковыхъ при дѣлахъ, а отмѣчалось только: «Предписано духовному правленію, благочинному» или: «сообщено туда-то». Отъ сего важнаго упущенія произошло то, что невозможно было ревизовавшимъ повѣрить, какіе именно даны были консисторіею отвѣты

¹⁾ См. въ синодальномъ архивѣ указъ св. синода отъ 30-го декабря 1846 года.

разнымъ мѣстамъ и лицамъ по различнымъ дѣламъ; что консисторія не могла и сама себя повѣрить въ прежнихъ своихъ дѣйствіяхъ, не могла опредѣлительно отвѣчать разнымъ мѣстамъ и лицамъ, когда возникли въ послѣдствіи требованія о доставленіи копій съ того или другаго отпуска консисторій, а сіе самое нерѣдко порождало напрасную переписку, возбуждало сомнѣніе на дѣйствія консисторіи и вообще замедляло ходъ дѣлъ. Срочныя свѣдѣнія, получаемыя консисторіею отъ духовныхъ правленій о получаемыхъ изъ консисторіи указахъ, о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ и о доставленіи разныхъ свѣдѣній отъ монастырей и архіерейскаго дома, почти всегда оставались безъ повѣрки съ документами и съ данными на то предписаніями, въ противность 309 ст. Устава духовныхъ консисторій; отъ такового безпорядка произошло то, что нѣкоторые духовныя правленія не доставляли своевременно разныхъ отчетовъ въ денежныхъ суммахъ и въ казенныя палаты, и въ самую консисторію. Изъ монастырей отчетность представляется не въ одинаковомъ видѣ, не по одинаковой формѣ и несогласно послѣдовавшимъ на то предписаніямъ высшаго начальства. Дѣла всякаго рода, иногда даже подряды на значительную сумму, въ совершенную противность 320, 321 и 322 ст. Устава духовныхъ консисторій, рѣшались по однимъ докладнымъ реестрамъ, такъ что дѣлъ рѣшенныхъ по докладнымъ реестрамъ въ годъ найдено 4 части, а иногда и болѣе противъ одной части таковыхъ рѣшенныхъ по журналамъ и протоколамъ. Отъ сего весьма естественно происходили разныя упущенія въ дѣлопроизводствѣ, по неимѣнію полныхъ справокъ и неприведенію приличныхъ законовъ къ рѣшаемымъ дѣламъ, а главное отъ того, что рѣшенія, писанныя въ докладномъ реестрѣ однимъ членомъ, не всегда подвергались общему сужденію, а послѣ уже усмотрѣнію и утвержденію епархіальнаго архіерея, за невнесеніемъ къ нему всѣхъ таковыхъ дѣлъ и за ненаблюденіемъ ни со стороны преосвященнаго, ни со стороны самой консисторіи правилъ о томъ, чтобы таковыя дѣла подвергаемы были повѣркѣ и срочной періодической отчетности. Въ консисторіи не имѣется правильной описи дѣламъ, а общихъ описей дѣламъ вовсе не составлялось, да и тѣ описи, какія имѣются въ консисторіи, составлены весьма неисправно, съ ошибками, перемарками, безъ должныхъ отмѣтокъ, а потому многія дѣла остаются на нѣсколько лѣтъ безъ всякаго движенія и какъ-бы въ неизвѣстности» ¹⁾).

Но самая главная доля обвиненій въ епархіальныхъ безпорядкахъ

¹⁾ См. вышеприведенный синодскій указъ отъ 30-го декабря 1846 г.

пала на Амвросія. Такъ какъ консисторія, по своему положенію и отношенію къ архіерею, всегда бываетъ слѣпою исполнительницею его воли, потому что никакой протестъ со стороны ея противъ распоряженій епархіальнаго архіерея невозможенъ, то Варлаамъ былъ совершенно правъ, назвавъ въ отчетѣ о своей ревизіи синоду главнымъ виновникомъ безпорядковъ по пензенскому духовному управленію Амвросія, о которомъ онъ писалъ слѣдующее: «1) Преосвященный въ дѣлахъ епархіальнаго управленія весьма часто не только начиналъ, но и продолжалъ и оканчивалъ разнаго рода дѣла даваемыми по онымъ резолюціями. Отъ сего произошло, что почти четыре части дѣлъ въ каждомъ изъ обревизованныхъ шести годовъ заканчивались по однимъ докладнымъ реестрамъ. При таковомъ образѣ дѣйствованія преосвященнаго Амвросія, во всѣхъ обнаруженныхъ упущеніяхъ и безпорядкахъ по дѣламъ консисторія нерѣдко въ оправданіе свое ссылалась на личные распоряженія преосвященнаго, которыя она только приводила въ исполненіе. Дѣйствуя такимъ образомъ по всѣмъ дѣламъ консисторіи, преосвященный не озабочивался о дальнѣйшемъ теченіи ихъ собственно по консисторіи, не требовалъ для повѣрки и своихъ соображеній формальной и опредѣлительной отчетности въ дальнѣйшемъ ходѣ или исполненіи оныхъ. Отъ сего произошло то, что бѣловые журналы не на всѣ присутственные дни писались, и внесеніе дѣлъ въ докладные реестры расширено было болѣе надлежащаго, ибо весьма многія изъ таковыхъ дѣлъ, по силѣ 321 и 322 ст. Устава духовныхъ консисторій, должны были быть вносимы въ бѣловые журналы, а другія и въ самые протоколы. Изъ этого-же начала произошло и то, что онъ, преосвященный, послѣ своихъ первоначальныхъ дѣйствій по дѣламъ ограничивался разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ только того, что консисторія сама сочтетъ за нужное внести къ нему. Слѣдствіемъ сего было то, что въ 1839 г. журналы помѣчены и утверждены преосвященнымъ только по 8-е марта, всѣ-же прочіе, сколько ихъ было тогда, не были вносимы къ нему, да и въ самой консисторіи ихъ не было за полгода и цѣлые мѣсяцы. Несмотря на таковыя весьма важные безпорядки, со стороны преосвященнаго не было обращено на сіе ни малѣйшаго вниманія. Сосредоточивая, такимъ образомъ, теченіе дѣлъ въ своемъ лицѣ и рѣшая ихъ нерѣдко по первому доносу и взгляду, онъ естественно дѣйствовалъ иногда скоро и взгляды не всегда были вѣрны и полны. Консисторія-же, получивъ дѣла съ опредѣлительными резолюціями преосвященнаго, не пересматривала ихъ вновь, не пополняла нужными справками или узаконенными для дѣлопроизводства формами, а приводила только ихъ въ исполненіе.

2) По дѣламъ слѣдственнымъ слѣдователи назначались самимъ преосвященнымъ, и нерѣдко тѣ самые, кои первоначально доносили о тѣхъ дѣлахъ. Часто не было требуемо депутатовъ съ гражданской стороны, а таковыя замѣнялись сельскими старшинами, большею частію людьми неграмотными. Подсудимыя и прикосновенныя къ дѣламъ лица не всегда допускались къ прочтенію слѣдствія и рукоприкладству. Отъ сего самаго всѣ слѣдственныя дѣла производились съ нарушеніемъ многихъ формъ и законовъ, для подобныхъ дѣлъ существующихъ, а сіе самое подавало поводъ къ непрерывнымъ и справедливымъ жалобамъ и къ тому, что весьма многія дѣла по нѣскольکو разъ были переслѣдываемы и дополняемы. 3) При ревизіи обнаружено, что во многихъ дѣлахъ и случаяхъ преосвященный Амвросій расширялъ права іерархическія дѣла предѣловъ, законами постановленныхъ. Это въ особенности замѣчено: а) въ наградахъ священниковъ скуфьями чернаго бархата, для употребленія оныхъ и въ церкви, и во время всѣхъ священнослуженій, во всемъ подобно съ скуфьями фіолетовыми, всемилостивѣйше жалуемыми по удостоенію св. синода; б) въ даваемыхъ священникамъ разрѣшеніяхъ снимать съ мѣстъ святыя престолы, по случаю перемостки церковныхъ половъ и послѣ опять поставлять оныя на свои мѣста безъ установленнаго чиноположенія церкви; в) въ перемѣнѣ съ престоловъ срачицъ также безъ чиноположенія; г) въ положеніи одной дѣвки, блудившей два года съ роднымъ своимъ отцомъ, эпитиміи, тогда какъ для таковой грѣшницы нѣтъ даже и закона въ каноническихъ правилахъ христіанской церкви, почему ему и слѣдовало о дѣлѣ еемъ представить на разрѣшеніе высшему начальству; д) въ напечатаніи въ типографіи пензенскаго губернскаго правленія правилъ для руководства благочинныхъ и всѣхъ священно-и церковнослужителей безъ пропуска оныхъ узаконенною цензурою и безъ испрошенія на то разрѣшенія вышшаго начальства и съ употребленіемъ на отпечатаніе тѣхъ правилъ церковной кошельковой суммы. 4) Кромѣ того, обнаружены многія дѣйствія преосвященнаго, несогласныя съ узаконенными формами управленія, какъ-то: въ удаленіи священнослужителей отъ приходовъ безъ слѣдствія и суда, по одной его, преосвященнаго, резолюціи; въ частомъ перемѣщеніи съ мѣста на мѣсто священно-и церковнослужителей, иногда даже вдругъ цѣлыхъ причтовъ безъ судебнаго приговора консисторіи; въ предоставленіи діаконскихъ мѣстъ дячкамъ, пономарямъ и послушникамъ, совсѣмъ не учившимся въ семинаріи; въ увольненіи изъ духовнаго вѣдомства канцелярскихъ служителей прежде окончанія слѣдственныхъ о нихъ дѣлъ. Сверхъ того, по дѣлу объ удержаніи бывшимъ при епископѣ

Амвросіи письмоводителемъ, титулярнымъ совѣтникомъ Вознесенскимъ, казенныхъ денегъ, оказалось: 1) что деньги, бывъ получаемы разновременно, и начиная съ 1836 года, дѣйствительно были удерживаемы упомянутымъ Вознесенскимъ (умершимъ въ 1844 году) до 1839 года, но въ концѣ сего года нѣкоторые изъ тѣхъ лицъ, коимъ часть изъ оныхъ слѣдовала въ выдачу, явились къ преосвященному Амвросію, желая узнать о назначеніи имъ денежнаго пособія; по поводу сему были отысканы имъ, преосвященнымъ, при членѣ консисторіи, протоіерѣѣ Островидовѣ, и бывшемъ секретарѣ Миловскомъ, въ занимаемой Вознесенскимъ квартирѣ въ домѣ-же его, преосвященнаго, и частію представлены самимъ Вознесенскимъ; послѣ сего, по запискѣ ихъ на приходѣ въ книги, розданы въ 1839 и 1840 годахъ по принадлежности съ росписками въ книгахъ. 2) Вслѣдъ за симъ, по предложенію преосвященнаго, Вознесенскій уволенъ отъ должности письмоводителя на службѣ въ консисторіи, и во исполненіе резолюцій преосвященнаго, состоявшихся на отысканныхъ у Вознесенскаго отношеніяхъ г. оберъ-прокурора, разновременно взяты отъ Вознесенскаго объясненія, въ коихъ онъ показалъ, что таковое удержаніе денегъ сдѣлано имъ безъ всякаго намѣренія, а собственно по одной забывчивости, происходившей отъ болѣзненныхъ припадковъ, нерѣдко съ нимъ случавшихся. Консисторія, при рѣшеніи по сему предмету дѣла, хотя и не приняла сихъ объясненій въ оправданіе, опровергая оныя тѣмъ, что ежели Вознесенскій чувствовалъ себя часто больнымъ, то могъ-бы и не брать на себя обязанности получать съ почты деньги; но какъ удержанныя имъ деньги были всею сполна отысканы, то, не подозрѣвая (Вознесенскаго) въ намѣренномъ злоупотребленіи, нашла его виновнымъ и подлежащимъ сужденію по законамъ только за безпечность по должности, а потому, за силою всемилостивѣйшаго манифеста 16-го апрѣля 1841 года, съ утвержденія преосвященнаго Амвросія, опредѣленіемъ 6-го іюня 1841 года, отъ всякаго дальнѣйшаго суда его освободила и, по увольненіи отъ службы по духовному вѣдомству, выдала ему надлежащій аттестатъ безъ прописанія производившагося о немъ, Вознесенскомъ, дѣла. 3) Св. синоду не было о семъ донесено, какъ объясняетъ преосвященный Амвросій, потому, что не сочтено сіе за нужное, ибо деньги и даже самыя бумаги, при которыхъ оныя были присланы, найдены все въ цѣлости, и весь беспорядокъ въ несвоевременной сдачѣ денегъ произошелъ собственно отъ болѣзни письмоводителя Вознесенскаго и составлялъ одно только упущеніе по должности его, а не преступленіе особой важности» ¹⁾.

¹⁾ См. вышеприведенный синодскій указъ отъ 30-го декабря 1846 г.

Когда ревизія Варлаама была разсмотрѣна въ синодѣ, тогда состоялся слѣдующій указъ: «По производившемуся въ святѣйшемъ синодѣ дѣлу (такъ начинается указъ) о безпорядкахъ, открывшихся по производству дѣлъ въ пензенской духовной консисторіи и вообще по управленію пензенскою епархіею, какъ со стороны тамошней консисторіи, такъ и со стороны самого епархіальнаго архіерея, святѣйшій синодъ приказали: изъ дѣлъ святѣйшаго синода видно, что со времени управленія пензенскою епархіею епископомъ Амвросіемъ безпрестанно доходили до синода жалобы на необыкновенную медленность въ теченіи дѣлъ епархіальнаго управленія, на разные болѣе или менѣе важные безпорядки и даже злоупотребленія лицъ, входящихъ въ составъ управленія. Для исправленія всего сего принимаемы были со стороны святѣйшаго синода нужныя мѣры, но какъ всѣ допущенныя по управленію пензенскою епархіею безпорядки, при невнимательности къ онымъ епархіальнаго архіерея, не могли быть исправлены предписываемыми святѣйшимъ синодомъ мѣрами, то оный въ необходимости нашелся поручить бывшему викарію кievской метрополіи, епископу Варлааму, обревизовать въ подробности всѣ дѣла по управленію пензенскою епархіею за послѣдніе шесть лѣтъ, т. е. начиная съ 1839 по 1845 годъ, и объ оказавшемся представить синоду». Потомъ, исчисливъ всѣ тѣ безпорядки, которые были замѣчены Варлаамомъ и которые приведены выше въ извлеченіи изъ его ревизіи, и приказавъ епархіальному пензенскому начальству исправить ихъ, синодъ произноситъ свой судъ надъ Амвросіемъ и его консисторіею. «1) Преосвященный Амвросій (такъ выражается синодскій указъ), имѣя назначеніемъ своимъ управлять пензенскою епархіею и начальствовать надъ консисторіею, не только не принималъ зависящихъ отъ него мѣръ къ надлежащему благоустройству консисторіи и вообще ввѣреннаго ему управленія епархіи, но, большею частію, самъ разстраивалъ таковое управленіе присвоеніемъ себѣ ненадлежащей власти. Поставивъ всѣ вышеизложенные безпорядки, упущенія и противозаконныя дѣйствія на видъ пензенскому епархіальному начальству, предписать ему наблюдать, чтобы на будущее время приняты были надлежащія мѣры къ отвращенію замѣченной въ производствѣ дѣлъ по консисторіи непростительной медленности, и чтобы оныя рѣшаемы были правильно и безпристрастно. Что-же касается до дѣйствій епископа Амвросія, открывшихся при ревизіи и обращающихъ на себя особенное вниманіе начальства, то объ ономъ святѣйшій синодъ будетъ имѣть сужденіе особо. 2) Такъ какъ при обревизованіи дѣлъ пензенской консисторіи и при личномъ посѣщеніи епископа Варлаама присутствія оной, замѣчено, что не всѣ настоящіе члены консисторіи достаточно

приготовлены къ несенію возложенныхъ на нихъ обязанностей, что подтверждаютъ исполнѣ вышеизложенные безпорядки по производству дѣлъ въ консисторіи, то святѣйшій синодъ, принимая, съ одной стороны, въ соображеніе, что безпорядки эти, при настоящемъ составѣ консисторіи, не могутъ быть исправлены, а съ другой, что нельзя ожидать правильнаго и успѣшнаго производства дѣлъ и на будущее время, признаетъ необходимымъ и полезнымъ уволить отъ должности членовъ пензенской духовной консисторіи протоіереевъ: Θεодора Островидова, Маркелла Бурлуцкаго, Θεодора Мошкова, и священниковъ: Козьму Романова и Симеона Эмпедоклова, а на мѣсто ихъ назначить членами консисторіи протоіереевъ; Андрея Овсова, Θεодора Пантелеевскаго, Іоанна Почелмовскаго, Іоанна Студейскаго и Михаила Мидова. Затѣмъ вмѣнить консисторіи въ обязанность, чтобы въ дѣлопроизводствѣ соблюдаемы были въ точности узаконенныя въ Уставѣ духовныхъ консисторій правила, изложенныя въ главѣ III, отдѣленіи 1, 2, 3, 4 и 5; чтобы журналы присутствія консисторіи ведены были въ надлежащемъ порядкѣ и непременно каждому присутствію, съ надлежащими отмѣтками въ оныхъ, и представляемы были, по точной силѣ 328 ст. Устава духовныхъ консисторій, на утвержденіе епархіальнаго преосвященнаго; чтобы докладные реестры по консисторіи составляемы были установленнымъ порядкомъ, съ надлежащею ясностію и отчетностію и съ сообразными съ существомъ дѣлъ отмѣтками» ¹⁾ и т. д., что уже извѣстно намъ изъ ревизіи Варлаама.

Увольненіе членовъ пензенской консисторіи, бывшихъ только исполнителями воли своего архіерея, выговоръ, сдѣланный синодомъ Амвросію въ весьма жесткихъ выраженіяхъ, наконецъ угроза, высказанная въ концѣ синодскаго указа,—все это предвѣщало для него мало утѣшительнаго и какъ-бы давало знать, что ему слѣдуетъ отказаться отъ управленія епархіею и просить покоя. Притомъ-же, партія недовольныхъ управленіемъ Амвросія, ободренная исходомъ дѣла съ Ошанинымъ, явно теперь возстала противъ архіерея и чаще начала обращаться съ своими доносами на него въ синодъ. Во главѣ этой партіи стоялъ архимандритъ саранскаго Петропавловскаго монастыря Θεофилъ, а вліятельными членами ея были священники города Саранска: Охотинъ, Малининъ, Соколовъ и Колпиковъ. У Θεофила начались личности съ любимцемъ Амвросія, саранскимъ протоіереемъ Дмитріемъ Смирновскимъ. Смирновскій довелъ до свѣдѣнія архіерея о разныхъ безпорядкахъ по саранскому Петропавловскому монастырю и о безпутной жизни настоятеля этого монастыря,

¹⁾ См. вышеприведенный указъ св. синода отъ 30-го декабря 1846 года.

архимандрита Теофила. Теофилъ, съ своей стороны, жаловался Амвросію на Смирновскаго, какъ на человѣка дерзкаго, корыстолюбиваго и клеветника. Амвросій донесъ на Теофила синоду, а Теофилъ, въ свою очередь, донесъ синоду о безпорядкахъ по епархіальному управленію. Въ то-же время нѣкто Баредниковъ, принадлежавшій къ партіи Теофила, жаловался св. синоду на протоіерея Смирновскаго и, между прочимъ, обвинялъ его въ томъ, что онъ собиралъ съ духовенства деньги для угощенія Амвросія, во время посѣщенія имъ Саранска. Синодъ потребовалъ по жалобѣ Баредникова объясненія отъ Амвросія, который не замедлилъ его представить, но оно послужило обвинительнымъ противъ него актомъ. Амросій сознавался, что «духовные города Саранска два раза подносили ему хлѣбъ-соль; въ первый разъ онъ принялъ, но на будущее время предварилъ, дабы этого не было. Архимандритъ Антоній, сопровождающій всегда его по епархіи и завѣдывающій въ пути свитою, объяснялъ ему, что духовенство саранское выпрашивало у него всегда свиту преосвященнаго на свое содержаніе, считая за униженіе уступить эту честь дворянству и купечеству, всегда готовому съ особеннымъ удовольствіемъ принять и накормить всѣхъ бывшихъ съ нимъ. Таковое радушіе и хлѣбосольство, не воспрещаемое законами, ни божескими, ни гражданскими, составляетъ искони лучшую черту характера русскаго народа; поэтому, можетъ быть, если на сей предметъ и сдѣлало духовенство какія-либо складки, то эти складки были чисто добровольныя, безъ всякаго принужденія, и могли проистекать изъ общаго желанія угостить гостей, доставившихъ имъ столько пріятныхъ часовъ своимъ стройнымъ пѣніемъ во время служенія его, но ни въ какомъ случаѣ не могли имѣть вида налога или побора, хотя нѣкоторые священники: Соколовъ, Малининъ и Охотинъ въ показаніяхъ своихъ приписываютъ такой сборъ личной корысти протоіерея Смирновскаго». Въ заключеніе объясненія своего, Амвросій просить св. синодъ разрѣшить ему «принять мѣры къ искорененію зловредныхъ плевелъ, насѣянныхъ возмутителемъ архимандритомъ Теофиломъ, и оградить пастырей стада отъ дальнѣйшихъ покушеній людей, зараженныхъ вредными правилами—священниковъ: Соколова, Колпикова, Охотина и Малинина»¹⁾. Но синодъ не думалъ ограждать пастырей стада отъ покушеній такихъ «зловредныхъ людей», каковы были Охотинъ, Соколовъ и подобные имъ, но сдѣлалъ Амвросію выговоръ «за допущеніе Смирновскому производить противозаконные сборы, дабы впредь подоб-

¹⁾ См. въ св. синодѣ протоколъ 25-го ноября 1846 года, № 393.

ныхъ сборовъ отнюдь терпимо не было, подѣ опасеніемъ строжайшаго взысканія по законамъ» ¹⁾).

Между тѣмъ, по дѣлу Теофила присланъ былъ отъ св. синода въ Саранскъ ревизоръ, архимандритъ арзамасскаго Спасскаго монастыря Амфилохій. Его ревизія была неблагопріятна и для Смирновскаго, и для самого Амвросія. Теофиль найденъ правымъ, а Смирновскій признанъ интриганомъ и высланъ изъ города Саранска въ село. Сверхъ того, ревизія Амфилохія сопровождалась такими обстоятельствами, которыя еще болѣе уронили Амвросія въ глазахъ синода. Преосвященному, по нѣкоторымъ причинамъ, не хотѣлось, чтобы при производимомъ слѣдствіи находился Охотинъ, исправлявшій должность оффиціального депутата духовенства города Саранска, а потому онъ еще заранѣе назначилъ вмѣсто него другого депутата. На бѣду этотъ депутатъ по требованію ревизора не явился, и Амфилохій, побуждаемый необходимостью, долженъ былъ пригласить Охотина, который и принялъ участіе въ слѣдствіи. Амвросій призналъ этотъ поступокъ Охотина своеволіемъ и пензенская консисторія удалила его за это отъ депутатской должности и сдѣлала ему строгій выговоръ; но преосвященный не удовольствовался этимъ: онъ отрѣшилъ Охотина и отъ должности увѣщателя, со внесеніемъ всего этого въ послужный списокъ. Охотинъ подалъ на архіерея жалобу въ св. синодъ, прося въ ней изъавить его отъ притѣсненій своего архипастыря. Синодъ потребовалъ отъ Амвросія, объясненій и по этому дѣлу. ²⁾ Представленные преосвященнымъ объясненія были неловки и обидны для слѣдователя, а потому синодъ снова послалъ выговоръ Амвросію въ такомъ видѣ: «Пензенское епархіальное начальство не имѣло никакого основанія къ обвиненію священника Охотина за исполненіе вышеизъясненнаго требованія Амфилохія, облеченнаго отъ св. синода особымъ довѣріемъ, который самъ-бы и подлежалъ отвѣтственности въ такомъ случаѣ, еслибы распоряженіе его признано было неправильнымъ, а не священникъ Охотинъ. Сверхъ того, епархіальное начальство вошло въ сужденіе о дѣйствіяхъ Охотина по такому дѣлу, которое принадлежало разсмотрѣнію святѣйшаго синода, а не епархіальнаго начальства. Посему святѣйшій синодъ опредѣляетъ: отмѣнивъ рѣшеніе пензенскаго епархіальнаго начальства объ удаленіи священника Охотина отъ депутатской и увѣщательской должностей и объ учиненіи ему строгаго выговора, и исключивъ сіе изъ послужнаго его списка, оставить его при прежнихъ должностяхъ, а

¹⁾ См. тамъ-же.

²⁾ См. въ св. синодѣ протоколъ за 1847 годъ, № 200.

епархіальному начальству за неумѣстное и неправильное его распоряженіе сдѣлать строгое замѣчаніе» ¹⁾).

Между тѣмъ и Ошанинъ, даже по окончаніи ревизіи, не переставалъ жаловаться синоду на Амвросія, который, еще не вразумленный данными ему уроками, неправильно удержалъ у него жалованье за все время его болѣзни и передалъ его суду уголовной палаты по дѣлу Штерна. Дѣло Штерна состояло въ томъ, что его въ одинъ прекрасный день напояли пьянымъ до безпамятства и, когда онъ проснулся, объявили ему, что онъ повѣнчанъ на дочери коллежскаго ассесора Александрѣ Зайцевой. Нужно замѣтить, что Штернъ былъ больной, дряхлый и почти дошедшій до идиотизма старикъ, который скончался черезъ мѣсяць послѣ свадьбы, именно 16-го іюня 1845 года, въ помѣстьѣ Зайцевыхъ, передавъ женѣ все свое имѣніе. Родственники Штерна, негодуя на такое его распоряженіе, стали опровергать дѣйствительность его брака съ Зайцевой и успѣли доказать, что при совершеніи этого брака не было ни обысковъ, ни поручителей, однимъ словомъ, что его слѣдуетъ считать мнимымъ ²⁾). По протесту родственниковъ Штерна, въ пензенской консисторіи производились справки о бракѣ его съ Зайцевою. Но пусть самъ Ошанинъ говоритъ объ этомъ: «Я, писалъ онъ Пратасову, являсь по полученіи нѣкотораго облегченія отъ болѣзни въ консисторію, обратилъ первое мое вниманіе на дѣло жены писца 1 разряда Штернъ, по которому, вопреки закона, принялъ на себя власть отдачи меня въ уголовную палату его преосвященство, и это дѣло я нашелъ въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ онаго уже выписка составлена и законы подведены исправляющимъ должность мою, столоначальникомъ Карпинскимъ, который, желая вовлечь меня въ невинную отвѣтственность, сдѣлалъ по сей выпискѣ опущенія, зная, что на основаніи ст. 2461 ст. X т. Св. Зак. лежитъ все сіе на отвѣтственности секретаря, и по этому случаю въ необходимости я былъ подать докладъ въ пензенскую духовную консисторію, съ котораго копію имѣю честь представить вашему сіятельству и просить покорнѣйше избавить консисторію отъ столоначальника Карпинскаго, какъ отъ чиновника неблагонамѣреннаго и небрежнаго къ своей обязанности» ³⁾). Пратасовъ предложилъ прошеніе Ошанина синоду, который на-

¹⁾ См. указъ св. синода, 28-го февраля 1846 года, также указы 30-го октября и 4-го мая того-же года.

²⁾ См. въ св. синодѣ протоколъ 25-го сентября 1846 года № 394.

³⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 1845 года подъ № 33, по жалобѣ секретаря пензенской духовной консисторіи Ошанина на неповиновеніе ему чиновниковъ и на преданіе его преосвященнымъ уголовному суду.

шелъ дѣйствія Амвросія неосновательными и предписалъ ему «немедленно отнестись къ кому слѣдуетъ, чтобы переданное имъ на разсмотрѣніе уголовной палаты дѣло о медленности, допущенной по дѣлу вдовы Штернъ, было возвращено, и затѣмъ, по внимательномъ и подробномъ разсмотрѣніи и опредѣленіи степени вины прикосновенныхъ къ дѣлу тому лицъ, представить оное съ заключеніемъ св. синоду» ¹⁾. Распоряженіе Амвросія объ удержаніи жалованья у Ошанина за все время его болѣзни также признано синодомъ неправильнымъ ²⁾. Однимъ словомъ, что ни дѣлалъ Амвросій—на него жалоба въ синодъ, что ни жалоба—ему замѣчаніе, выговоръ, или угроза отъ синода. А между тѣмъ изъ Петербурга ему явно давали знать, что для него наступила пора отказаться отъ своей должности. Но это грозило Амвросію разлукою съ родными и потому представлялось ему такимъ бѣдствіемъ, что для избѣжанія его онъ рѣшился лучше прибѣгнуть къ великодушію своего врага. Племянникъ Амвросія, Моревъ, отправился съ письмомъ отъ него къ митрополиту Антонію и, какъ намъ уже извѣстно изъ біографіи послѣдняго ³⁾, Амвросій не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Гордость и месть Антонія при видѣ своего врага, умоляющаго о пощадѣ, были достаточно удовлетворены и потому петербургскій митрополитъ началъ разыгрывать роль великодушнаго защитника Амвросія: одинъ только его голосъ раздавался въ синодѣ въ защиту пензенскаго архипастыря и только ему одному онъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Съ этого времени синодъ пересталъ преслѣдовать Амвросія; его оставилъ въ покоѣ и Ошанинъ, вышедшій въ отставку, о которой еще во время варлаамовской ревизіи онъ подавалъ прошеніе Пратасову. «Страданія мои, писалъ онъ оберъ-прокурору, по должности секретаря пензенской духовной консисторіи превосходятъ все терпѣніе человѣка; преосвященнѣйшій Амвросій съ полнымъ присутствіемъ консисторіи продолжаетъ оскорблять меня и на бумагахъ, и на словахъ, и эти тяжкія оскорбленія не даютъ поправляться разстроенному здоровью, а съ другой стороны мое небогатое имѣніе почти полтора года безъ моего личнаго хозяйственнаго надзора приходитъ въ упадокъ; специальное размежеваніе земли, за неприбытіемъ моимъ, остановилось; я просилъ объ увольненіи меня въ отпускъ или въ

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Дѣло той-же канцеляріи и того-же года подъ № 38, по рапорту секретаря пензенской консисторіи о неправильномъ удержаніи у него епархіальнымъ начальствомъ жалованья за время бытности въ болѣзни.

³⁾ См. въ этихъ матеріалахъ біографію с.-петербургскаго митрополита Антонія.

отставку, но не удостоился получить начальственного разрѣшенія» ¹⁾. Но ему было отказано въ его просьбѣ по той причинѣ, что его присутствіе въ Пензѣ считалось необходимымъ по случаю назначеннаго св. синодомъ изслѣдованія о безпорядкахъ по пензенскому епархіальному управленію и консисторіи ²⁾. Ошанинъ, несмотря на этотъ отказъ, послалъ другое прошеніе къ Пратасову объ увольненіи его отъ службы и писалъ: «При опредѣленіи моемъ въ секретари, я имѣлъ счастье слышать начальственныя ваши наставленія, какъ долженъ вести себя въ назначенной вашимъ сіятельствомъ должности, и вы изволили обѣщать, сіятельнѣйшій графъ, если я содѣлаюсь достойнымъ вашей высокой начальственной милости, наградить меня чинами, орденами и деньгами. Я употребилъ, съ своей стороны, всѣ возможные усилія уничтожить зло и прекратить беззаконіе по пензенской духовной консисторіи и уже годъ исполнился таковымъ моимъ дѣйствіямъ, за которыя я ежеминутно былъ преслѣдуемъ мщеніемъ членовъ пензенской духовной консисторіи и пресвященнымъ Амвросіемъ съ его роднымъ племянникомъ Моревымъ. Это преслѣдованіе совершенно лишило меня силъ и здоровья къ продолженію службы моей, и четыре мѣсяца ревизующіе консисторію съ меня брали вопросныя пункты, не выпуская изъ присутствія, какъ будто-бы государственнаго преступника. Сіятельнѣйшій графъ, когда-же настанетъ минута избавленія моего? Вы одни, ваше сіятельство, изволите избавить несчастнаго страдальца отъ руки гонителей. Неужели мнѣ избрать Пензу могилою своею? Умоляю у ногъ вашего сіятельства дозволить мнѣ пріѣхать въ С.-Петербургъ для поправленія разстроеннаго моего здоровья; тѣмъ болѣе я имѣю право просить объ этомъ, что ревизующія лица приступаютъ къ разсмотрѣнію послѣдняго шестого года и отчетность, слѣдующая до должности моей за 1844 годъ, вся отправлена. Я надѣюсь, что просьба страдальца, гонимаго за истину, будетъ ходатайствовать у вашего сіятельства» ³⁾. Послѣ этихъ двухъ прошеній, Ошанинъ подавалъ еще два, 27-го іюля 1845 года и 24-го октября того-же года. Наконецъ, 14-го января 1846 года, по милости Пратасова, принимавшаго живое участіе въ судьбѣ Ошанина, онъ былъ признанъ совершенно невиннымъ и по-

¹⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 1844 года подъ № 215 по просьбамъ секретаря пензенской консисторіи Ошанина объ увольненіи его отъ службы.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 1844 года, подъ № 215 по просьбамъ секретаря пензенской консисторіи Ошанина объ увольненіи его отъ службы.

лучилъ увольненіе. Замѣчателенъ синодскій указъ, данный по этому случаю. «Святѣйшій синодъ, сказано въ указѣ, разсмотрѣвъ во всей подробности обстоятельства настоящаго дѣла и сообразивъ объясненія той и другой стороны (т. е. Амвросія и Ошанина), истребованныя при ревизіи съ подходящими къ нему законами, находятъ, что донесенія секретаря Ошанина во многомъ подтвердились, и въ особенности о безпорядкахъ по консисторіи и по слѣдующимъ дѣламъ: о Вознесенскомъ, кантонистѣ Кутыревѣ, о распространеніи въ г. Саранскѣ Успенской церкви. Что-же касается до обвиненій, взводимыхъ пензенскимъ епархіальнымъ начальствомъ на секретаря Ошанина, то оныя совершенно теряютъ свою силу, если принять во вниманіе во-первыхъ, что нѣкоторыя изъ нихъ по слѣдствію вовсе не подтвердились, по другимъ оказалось, что они основаны только на однихъ показаніяхъ, безъ всякихъ ясныхъ и законныхъ доказательствъ; во-вторыхъ, что епископъ Амвросій началъ взводить разныя обвиненія на секретаря Ошанина послѣ того, какъ онъ донесъ о распространеніи въ г. Саранскѣ Успенской церкви безъ разрѣшенія св. синода и о постриженіи Михаила Кутырева изъ военныхъ чиновъ въ малый монашескій чинъ безъ соизволенія на то высшаго начальства; въ-третьихъ, что до начатія сихъ дѣлъ епископъ Амвросій не дѣлалъ Ошанину ни выговоровъ, ни замѣчаній, и въ консисторіи никакихъ бумагъ относительно неисправностей его, Ошанина, и образа жизни его нѣтъ, а сіе и доказываетъ, что взводимыя на Ошанина обвиненія суть слѣдствія личныхъ неудовольствій къ нему епархіальнаго архіерея и членовъ консисторіи; въ-четвертыхъ, что, сверхъ вышепоказанныхъ обвиненій секретаря Ошанина, ревизовавшіе дѣла пензенской консисторіи не представили никакихъ другихъ дѣлъ до него относящихся (?), и наконецъ, въ-пятыхъ, что Ошанинъ самъ и давно уже настоятельно проситъ объ увольненіи его отъ должности секретаря пензенской консисторіи по болѣзненному его состоянію, почему святѣйшій синодъ, основываясь на семъ, опредѣляетъ: по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ не признавая Ошанина виновнымъ въ какихъ-либо влекущихъ за собою отвѣтственность дѣлахъ по пензенской консисторіи, просьбу его объ увольненіи отъ настоящей должности представить предварительному разсмотрѣнію г. оберъ-прокурора св. синода и дѣло считать поконченнымъ» ¹⁾).

¹⁾ См. вышеприведенное дѣло подъ № 215.

VIII. Ревизія пермского епархіального управленія.

Борьба между Аркадіемъ, архіепископомъ пермскимъ, и секретаремъ пермской консисторіи Архаровымъ—лицами уже намъ знакомыми—послужила поводомъ къ ревизіи мѣстнаго епархіального управленія. Начало ихъ взаимной ненависти восходитъ ко времени назначенія Архарова секретаремъ пермской консисторіи, и можно сказать, что эти два лица, еще не издавши другъ друга, стали питать самую полную и искреннюю ненависть одно къ другому. Архаровъ, отличавшійся постояннымъ нерасположеніемъ ко всѣмъ архіереямъ вообще и бывший въ открытой враждѣ съ тѣми изъ нихъ, съ которыми приходилось ему служить, въ особенности терпѣть не могъ Аркадія, котораго считалъ самымъ деспотическимъ и двоедушнымъ изъ архіереевъ, самымъ пристрастнымъ и несправедливымъ правителемъ, наконецъ самымъ незаконнымъ nepотистомъ. Сверхъ того, Архаровъ былъ убѣжденъ, что его перевели изъ Костромы въ Пермь за то, что онъ не поладилъ съ костромскимъ епископомъ Виталіемъ, а потому его прежняя вражда къ архіереямъ еще болѣе усилилась. Аркадій, съ своей стороны, ненавидѣлъ Архарова за то, что онъ явился ему помѣхою къ осуществленію его плановъ и намѣреній и что отъ него надлежало охранять іерархическія права, такъ какъ новому пермскому секретарю, занявшему мѣсто, которое предназначалъ Аркадій своему любимцу, помощнику секретаря пермской консисторіи Топоркову, предшествовала молва, что онъ погубилъ и довель до смерти преосвященнаго Виталія, и что онъ, будучи покровительствуемъ Пратасовымъ, посланъ отъ него въ Пермь въ видѣ соглядатая за Аркадіемъ. Не совсѣмъ чистому въ своихъ дѣйствіяхъ пермскому архіерею тотчасъ представилось, что Архаровъ легко можетъ вынести соръ за домашній порогъ, а этого сору, благодаря таинственности и самовластію, господствовавшимъ въ патріархальномъ управленіи Аркадія, было слишкомъ много. Итакъ, еще до встрѣчи этихъ двухъ лицъ уже существовало у нихъ достаточно причинъ къ взаимной ненависти. Непосредственные, личные отношенія еще болѣе усилили это нерасположеніе: Архаровъ не думалъ насиловать своихъ чувствъ, а Аркадій—сдерживать своей злобы. Съ перваго пріема секретаря, преосвященный началъ рядъ тѣхъ выходокъ, на избрѣтеніе которыхъ онъ былъ такъ способенъ. Каждое слово, сказанное Аркадіемъ Архарову, было оскорбленіемъ послѣдняго; каждое движеніе руки владыки были выраженіемъ самаго уничижительнаго презрѣнія къ секретарю; наконецъ, въ каждомъ поступкѣ Аркадія было видно желаніе уязвить самолюбіе Арха-

рова. Душа пермского архипастыря такъ была переполнена злобою и ненавистью къ Архарову, что онъ при выраженіи ихъ не стѣснялся никакими виѣшними приличіями и даже отступилъ отъ обычнаго своего правила — замаскировывать свои чувствованія и прикрывать внутреннее движеніе страстей личиною виѣшной благопристойности. Такъ, благословляя всѣхъ правою рукою, Аркадій одного Архарова благословлялъ лѣвою и, притомъ, не съ глазу на глазъ, а въ присутствіи постороннихъ лицъ ¹⁾; приказавъ ему приходить къ себѣ три раза въ день съ консисторскими бумагами, самъ отъ него ихъ не принималъ, а высылалъ всегда за ними въ переднюю келейника ²⁾. Если-же иногда случалось Архарову лично видѣть Аркадія, то послѣдній намеками давалъ знать первому, что совершенно въ немъ не нуждается. Но всему этому слѣдуетъ прибавить еще и то, что за частною и семейною жизнью Архарова строго слѣдили люди, преданные преосвященному, и этого обстоятельства онъ не только не считалъ нужнымъ скрывать отъ него, но, напротивъ, при каждомъ удобномъ случаѣ доводилъ до его свѣдѣнія. Непріязненные отношенія архипастыря къ Архарову естественно отразились и на его служебной дѣятельности въ консисторіи, гдѣ самое законное его требованіе не исполнялось потому только, что это было требованіе лица, ненавистнаго архіерею; самая неотлагательная бумага оставалась безъ всякаго движенія, если только архіерей и его агенты замѣчали, что секретарь торопится исполнить ее. Члены пермской консисторіи, какъ послушныя орудія воли Аркадія, старались превзойти другъ друга въ грубостяхъ Архарову и тѣмъ дѣятельнѣе стремились дѣлать все наперекоръ ему, чѣмъ болѣе были увѣрены въ пріобрѣтеніи за то особеннаго расположенія архіерея. Злоба Аркадія на секретаря была такъ сильна, что простиралась на все, что только имѣло къ нему какое-нибудь отношеніе ³⁾. Всякій другой на мѣстѣ Архарова

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло по доносамъ секретаря пермской консисторіи Архарова о существующихъ въ тамошней консисторіи безпорядкахъ и о произвольныхъ — неправильныхъ распоряженіяхъ преосвященнаго Аркадія по управленію епархіею, и по жалобамъ Архарова на притѣсненія, дѣлаемые ему преосвященнымъ и проч., и въ этомъ дѣлѣ рапорты Архарова графу Пратасову отъ 11-го и 27-го іюля 1848 года.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Учитель пермской семинаріи Вешняковъ былъ аттестованъ Аркадіемъ въ послужныхъ спискахъ неодобрительно за то, что былъ вхожъ въ домъ Архарова. Здѣсь, кстати, расскажем о стараніяхъ Аркадія запятнать его въ общественномъ мнѣніи и повредить его репутаціи, чтобы видѣть, до какой степени преосвященный былъ изобрѣтателенъ и искусенъ въ наукѣ мщенія. Однажды пріѣзжаетъ къ Аркадію съ обыкно-

или палъ-бы подъ тяжестью этого положенія, или отказался-бы отъ мѣста, или сталъ-бы сносить всѣ оскорбленія отъ архіерея, чтобы безусловною своею покорностью пріобрѣсть его милость. Такъ и было съ предшественниками Архарова: Тарховъ, раболѣпно исполнявшій волю Аркадія, пользовался за то его расположеніемъ, а Лазаревъ, болѣе самостоятельный, принужденъ былъ бѣжать отъ нападеній Аркадія въ другое вѣдомство. Но Архарова такое положеніе, напротивъ, только еще болѣе озлобляло и раздражало, и онъ за презрительное съ собою обращеніе сталъ платить Аркадію грубостями и дерзостями: во 1-хъ, пересталъ самъ ходить къ нему съ докладами, а сталъ посылать дѣла съ консисторскими чиновниками и, притомъ, съ самыми худшими; во 2-хъ, открыто началъ смѣяться надъ незаконными дѣйствіями Аркадія, смѣло разоблачая это виды; въ 3-хъ, показывалъ полное презрѣніе къ фаворитамъ архіерея и къ его родственникамъ, а особенно къ архимандриту Павлу, любимцу преосвященнаго и лицу самому довѣренному у него, однимъ словомъ его фактотуму. При такомъ напряженномъ состояніи взаимныхъ отношеній Аркадія и Архарова, нельзя было ожидать, чтобы они не выразились въ доносахъ и жалобахъ другъ на друга высшему начальству, тѣмъ болѣе, что у каждаго изъ нихъ, вслѣдствіе систематическаго подсматриванія другъ за другомъ, накопилось довольно матеріаловъ для того, чтобы выставить своего противника съ дурной стороны. Первый послалъ доносъ Архаровъ, вынужденный, впрочемъ, къ тому обидными выраженіями,

венною рапортчикомъ о состояніи семинаріи ея инспекторъ. Аркадій съ печально-таинственнымъ видомъ спрашиваетъ инспектора, знаетъ-ли онъ о распространившемся въ городѣ слухѣ, что учитель семинаріи Вешняковъ боленъ дурною болѣзнію? Тотъ отвѣчаетъ, что не знаетъ. Аркадій удивляется, показываетъ видъ, что не вѣритъ словамъ инспектора, и съ самымъ, повидимому, простодушнымъ смѣхомъ говоритъ: «Что вы, что вы, отецъ инспекторъ, притворяетесь незнайками? Я сегодня уже отъ троихъ свѣтскихъ людей слышалъ объ этомъ. Да вы спросите-ка отца ректора и своихъ товарищей, такъ и тѣ вамъ скажутъ это!» Инспекторъ пріѣзжаетъ въ семинарію и тоже съ таинственнымъ видомъ начинаетъ спрашивать о Вешняковѣ профессоровъ семинаріи и ректора. Такимъ образомъ слухъ, выдуманный Аркадіемъ, расходится по всей Перми и возвращается къ своему источнику—къ Аркадію, который выслушиваетъ его, какъ новость для себя. А между тѣмъ Вешняковъ куда ни явится къ знакомымъ, вездѣ на него смотрятъ какъ-то двусмысленно. Наконецъ, друзья сообщаютъ ему о молвѣ, распространившейся въ городѣ на его счетъ. Вешняковъ запирается въ своей квартирѣ и не является въ обществѣ, а Аркадій, уже на основаніи общей молвы, считаетъ себя теперь совершенно вправѣ говорить вслухъ всѣмъ объ его болѣзни. Мало того, онъ считаетъ своею обязанностью, на основаніи слуха, пущеннаго имъ въ ходъ, аттестовать неодобрительно Вешнякова въ формулярномъ спискѣ.

написанными о немъ Аркадіемъ на мѣсячномъ консисторскомъ реестрѣ и его распоряженіемъ объ убавкѣ жалованья у нѣкоторыхъ чиновниковъ пермской консисторіи. Дѣло было такъ: за іюнь мѣсяць 1848 года пермскою консисторіею представленъ былъ преосвященному реестръ съ росписаніемъ жалованья служащимъ въ ней чиновникамъ. Аркадій, вмѣсто того, чтобы утвердить это росписание, убавилъ у нѣкоторыхъ чиновниковъ часть ихъ жалованья, что въ общей сложности, составило до 6 р. сер., и на томъ-же реестрѣ выразилъ свое мнѣніе о дѣятельности консисторской канцеляріи вообще и, главнымъ образомъ, о дѣятельности ея секретаря. Мнѣніе это было весьма нелестно для служебной репутаціи Архарова. «Секретарь, написалъ Аркадій, не исполняетъ резолюцій моихъ касательно нехожденія и поздняго хожденія консисторскихъ чиновниковъ къ должности, относительно ослабленія дѣятельности консисторской канцеляріи, да и самъ не ходитъ послѣ обѣда къ должности, и я опасаясь большаго разстройства по канцеляріи и обязываюсь принять рѣшительныя мѣры къ отвращенію сего, если не увижу должнаго вниманія по всѣмъ своимъ напominаніямъ и замѣчаніямъ; прежніе гг. секретари сами получали отъ меня и сами представляли ко мнѣ дѣла, а нынѣшній г. секретарь не слѣдуетъ примѣру сему: дѣла представляются ко мнѣ различными лицами, иногда даже Державинымъ, а въ иные почтовые дни бываетъ даже некому и бумагъ сдать, слѣдующихъ въ правительствующій синодъ, отъ того бумаги останавливаются до слѣдующей почты. То, что, по симъ обстоятельствамъ, прежніе гг. секретари, постоянно ходившіе и послѣ обѣда къ должности и тѣмъ подававшіе прочимъ примѣръ къ дѣятельности и исправности по должности и поведенію, исполняли сами лично, (то я принужденъ былъ) поручить г. помощнику секретаря, который, какъ всегда видимый на должности, уже и исправляетъ многое по сему»¹⁾. Архаровъ тотчасъ донесъ рапортомъ Пратасову о распоряженіи Аркадія касательно вычета жалованья у нѣкоторыхъ чиновниковъ пермской консисторіи и испрашивалъ его разрѣшенія: какъ ему поступить съ оставшимися отъ вычета 6 р. серебромъ. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ, въ томъ-же рапортѣ, оправдывался во взведенныхъ на него Аркадіемъ обвиненіяхъ, раскрывалъ передъ Пратасовымъ всѣ неблаговидныя дѣйствія пермского архіерея: «Выставленные, пишетъ Архаровъ, его преосвященствомъ въ вышепронисанной резолюціи опасенія на счетъ разстройства по канцеляріи, есть одно только притизаніе ко мнѣ за то, что начальству не угодно было уважить пред-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапортъ Архарова Пратасову отъ 11-го іюля 1848 года.

ставленій его объ опредѣленіи секретаремъ консисторіи особенно покровительствуемаго имъ помощника секретаря Тоноркова, за что онъ и предѣстника моего, г. Лазарева, довелъ до самой крайности и заставилъ перемѣститься въ гражданское вѣдомство, и за то еще, что я, по перемѣщеніи въ пермскую консисторію, завожу здѣсь законный порядокъ въ дѣлопроизводствѣ и открылъ важныя злоупотребленія, о чемъ съ будущею почтою имѣеть поступить отъ меня къ вашему сіятельству подробный рапортъ, вслѣдствіе предписанія вашего отъ 21-го прошлаго мая за № 3383. Его преосвященство собственно чрезъ себя и чрезъ приверженцевъ своихъ разные разглашаетъ обо мнѣ слухи и угрожаетъ, что меня, какъ неблагонадежнаго чиновника, въ Перми не будетъ, что они меня голодомъ отсюда прогонять, что сдѣлають безумнымъ, что лишатъ меня пряжки, и проч., и проч. Въ надеждѣ на Господа, защищающаго правду, и уповая на покровительство вашего сіятельства, какъ начальника, желающаго, чтобъ подчиненные ваши дѣйствовали въ должности по законамъ совѣсти и присяги, я не боюсь несправедливыхъ угрозъ его преосвященства и надѣюсь, что начальство мое меня не обидитъ напрасно. Канцелярія консисторіи не разстраивается, а направляется, сколько возможно къ совершенству. Одно слѣдующее обстоятельство есть сему доказательствомъ: въ пермской консисторіи въ трехъ только годахъ—въ 1845, 1846 и 1847—опущено запискою въ докладные реестры входящихъ дѣлъ и бумагъ 11, 896, а съ секретными одного 1847 года 12,677; теперь-же всѣ вообще бумагивносятся во всѣ консисторскіе документы и ни одно дѣло, ни одна бумага изъ виду консисторіи не теряется. Я къ должности являюсь ежедневно, приходя къ оной въ 7, 8 и никогда не позже 9-го часа, такъ что иногда ни одного приказнаго не бываетъ въ канцеляріи. Выхожу отъ должности послѣ членовъ консисторіи и по исполненіи всѣхъ приготовленныхъ для меня бумагъ. Хожу къ должности, когда нужно, и послѣ обѣда. По субботамъ хотя и не бываетъ присутствія, но я хожу постоянно. Когда его преосвященство присылаетъ въ свое время ко мнѣ въ консисторію слѣдующія отъ него бумаги, я всегда ихъ принимаю и росписываюсь въ его реестрѣ. Самъ носилъ къ нему послѣ присутствія дѣла, которыя представляются къ нему отъ консисторіи, но когда преосвященный приказывалъ принимать ихъ отъ меня въ передней своему лакею; когда лакей объявлялъ мнѣ, что преосвященный или въ саду, или кушаетъ, или почиваетъ; когда самъ онъ, принимая отъ меня дѣла въ сонмѣ всякихъ лицъ и благословляя меня лѣвою рукою, не говорилъ со мною ни слова, и когда я, вникнувъ въ положеніе дѣйствій пермскаго епархіальнаго начальства, возымѣлъ сомнѣніе, какъ-бы не впасть мнѣ невольно въ искушеніе,—

я началъ поручать дѣла, для представленія къ его преосвященству, регистратору, какъ это водилось и во всѣхъ консисторіяхъ, гдѣ я служилъ прежде. Регистраторы въ таковыя дѣла вносили въ особый реестръ и отдавали ихъ подъ росписку письмоводителя архіерейскаго, а также принимали отъ нихъ съ роспискою и сдаваемые отъ епископовъ бумаги, чѣмъ самымъ я и спасся во время управленія костромскою епархіею покойнаго преосвященнаго Виталія. Пермскій-же преосвященный письмоводителя при себѣ не имѣетъ, говоря, что никому не вѣрить и что будто-бы знаетъ о семъ и св. синодъ, а ведетъ входящій свой реестръ самъ. Но какъ онъ владыка, то я и не смѣю доложить, сколь неприличенъ тотъ реестръ. Еслибы занимался имъ письмоводитель, то онъ былъ-бы и чистъ, и аккуратенъ, и удоборазборчивъ. Я принимаю бумаги по реестру его преосвященства только по нумерамъ, а самой сущности никакъ не могу разобратъ, да и во всей канцеляріи не болѣе двухъ или трехъ человѣкъ могутъ, и то съ трудомъ, разбирать резолюціи его преосвященства, хотя онъ другое что отлично пишетъ, а онѣ большею частію слишкомъ велики и ихъ очень нерѣдко бываетъ въ дѣлѣ половина и болѣе противу листовъ, въ ономъ находящихся. Канцелярскіе чиновники и служители также ходятъ къ должности неупустительно и занимаются дѣломъ каждый по способностямъ, какъ слѣдуетъ. Впрочемъ, есть и нерадивые, но ихъ образумить мнѣ, находящемуся одному въ кругу исполняющихъ мановеніе воли его преосвященства, нѣтъ возможности. Его преосвященство указываетъ въ означенной резолюціи своей на прежнихъ секретарей. Изъ нихъ прежде бывшій Тарховъ былъ за-одно съ епархіальнымъ начальствомъ и дѣлали они такія дѣла, за которыя всякій другой, кажется, на самомъ краю свѣта не нашелъ-бы мѣста; а предметникъ мой, г. Лазаревъ, былъ, смѣю выразиться, какъ онъ и самъ объяснялъ мнѣ, загнанъ епархіальнымъ начальствомъ. Желаніе преосвященнаго есть такое, чтобы я утромъ, послѣ присутствія, и вечеромъ былъ у него вмѣсто дежурнаго, и чтобы находился безвыходно въ консисторіи, но я человѣкъ, имѣю домъ, имѣю семейство» ¹⁾. Вѣрный своему обѣщанію—подробно писать съ слѣдующею почтою о безпорядкахъ по пермскому епархіальному управленію—Архаровъ, вслѣдъ за первымъ рапортомъ, послалъ Пратасову второй, состоящій изъ 16-ти листовъ убористаго письма, гдѣ онъ уже не оправдывается, а безпощадно обвиняетъ въ безпорядкахъ пермское епархіальное начальство. Безпорядки эти, по доносу Архарова, состояли въ слѣдующемъ: 1) Дѣла въ консисторіи раздѣлены по четыремъ столамъ не согласно

¹⁾ См. вышеприведенный рапортъ Архарова Пратасову отъ 11-го іюля 1848 г.

съ Уставомъ духовныхъ консисторій, а по прихоти Аркадія. 2) Дѣла и бумаги, поступающія въ консисторію, записывались въ докладные реестры и докладывались не всеѣ, а по выбору, такъ что въ теченіе только трехъ лѣтъ 11,896 дѣлъ и бумагъ частью утрачено, частью исполнено безъ всякаго участія консисторіи, частью-же получило незаконное окончаніе; даже указы св. синода скрываются пермскимъ епархіальнымъ начальствомъ. 3) Дѣла о единовѣрцахъ и раскольникахъ производятся тайно отъ консисторіи и извѣстны только преосвященному, его родственнику архимандриту Павлу и покровительствуемому ими помощнику секретаря Топоркову. 4) Поступавшія въ консисторію бумаги записывались во входящія и докладные реестры несвоевременно и не по порядку вступленія, а по произволу и чрезъ долгое время. 5) Исполненія по дѣламъ и бумагамъ производятся такъ: которыя бумаги слѣдуетъ исполнять по журналамъ, тѣ исполняются по докладнымъ реестрамъ; которыя слѣдуетъ исполнять, вслѣдствіе важности ихъ содержанія, по протоколамъ, тѣ исполняются почти всеѣ по журналамъ; по протоколамъ-же или опредѣленіямъ исполняется самая малая часть; даже слѣдственные дѣла, по которымъ рѣшается участь подсудимыхъ лицъ, и дѣла о построеніи новыхъ церквей получаютъ окончаніе по краткимъ журналамъ. 6) Резолюціи членовъ консисторіи, по которымъ производились исполненія по докладному реестру, подписаны большею частью только однимъ членомъ и рѣдко двумя или тремя. 7) Указы св. синода за нѣсколько лѣтъ не переплетены и хранятся не у регистратора, а у Топоркова, безъ всякаго порядка, что доказывается уже и тѣмъ, что многіе указы подшиты подлинниками къ дѣламъ. 8) Съ давняго времени ни съ одного изъ протоколовъ и опредѣленій не снято копій и всеѣ они не сданы въ регистратуру для переплета и надлежащаго затѣмъ храненія, и остаются подлинниками подъ дѣлами. 9) Въ архивѣ нѣтъ ни хронологическаго реестра дѣламъ и актамъ, ни алфавитнаго указателя, ни книги для вписыванія выдаваемыхъ изъ архива дѣлъ столоначальникамъ для справокъ. Въ архивныхъ комнатахъ помѣщаются не всеѣ дѣла и акты, но огромное ихъ число лежитъ въ безпорядкѣ въ неприличной комнатѣ подъ каедральною колокольнею. Въ архивѣ пермской консисторіи находится множество нерѣшенныхъ дѣлъ, къ обнаруженію которыхъ никто не рѣшается приступить изъ боязни епархіальнаго архіерея, который готовъ употребить самыя несправедливыя и нехристіанскія мѣры, чтобы погубить и уничтожить того, кто не захочетъ за-одно дѣйствовать съ нимъ и съ разсѣянною по всей епархіи кучею родныхъ его и переходцевъ изъ владимірской епархіи и кто рѣшится вывести наружу ихъ дѣянія. 10) Медленное производство дѣлъ по перм-

скому епархіальному управленію непростительно; напр., а) дѣло о выдачѣ канцелярскому служителю главной конторы Богословскихъ заводовъ Эриксу метрическаго свидѣтельства началось въ пермской консисторіи 13-го ноября 1846 года, а кончено 24-го марта 1848 года; б) несовершеннолѣтняя круглая сирота, дочь чертежника Бѣляева, Анастасія, прислала въ консисторію изъ Москвы прошеніе о метрическомъ свидѣтельствѣ 28-го октября 1846 года, а опредѣленіе по сему прошенію состоялось 7-го іюля 1847 года. Пермской архіепископъ дозволяетъ себѣ не приводить въ исполненіе даже Высочайшія повелѣнія, какъ, напр.: чтобы благочинные не стѣсняли внутренняго богослуженія единовѣрческихъ церквей, чтобы въ отношеніи къ завѣдыванію сихъ церквей преосвященные сообразовались въ точности съ Высочайше утвержденными въ 1800 году правилами митрополита Платона о единовѣрцахъ, чтобы раскольники вѣнчаны были въ православныхъ или единовѣрческихъ церквахъ безъ требованія присоединенія къ православію, и чтобы священники, повѣнчавъ раскольниковъ, не считали ихъ своими прихожанами и не простирали къ нимъ въ отношеніи исправленія требъ никакихъ требованій... «Раскольники, зная указъ св. синода, пишетъ Архаровъ, и изображенное въ немъ Высочайшее повелѣніе, какъ должны вѣнчать ихъ приходскіе священники, но не видя со стороны приходскихъ священниковъ исполненія по означенному Высочайшему повелѣнію, по необходимости должны были допустить и допустили между себя сводные браки въ чувствительномъ множествѣ, и зло сіе доселѣ усиливается, такъ какъ духовенство и раскольники и теперь формально не знаютъ оной Высочайшей воли. Дѣйствія преосвященнаго, чрезъ неисполненіе воли правительства, не сокращаютъ, но умножаютъ расколъ въ пермской епархіи и приводятъ раскольниковъ въ совершенное ожесточеніе противъ православія. Самыя увѣщанія, производимыя при мнѣ въ присутствіи пермской консисторіи лицамъ по сводному браку, согласны (иначе и быть не можетъ) съ дѣйствіями самого преосвященнаго; имъ говорено было: «Повѣнчайтесь въ церкви и послѣ того исполняйте всѣ ея требованія», но они рѣшительно не согласились на сіе. Хотя донесенія преосвященнаго пермского св. синоду о присоединяющихся изъ раскола къ православію и о самыхъ дѣйствіяхъ его и учрежденныхъ здѣсь миссій и миссіонеровъ и очень громки, но на самомъ дѣлѣ они есть одинъ только видъ, или предлогъ выказать себя предъ правительствомъ въ похвальномъ видѣ, быть у него на хорошемъ счету и получать одобренія и награды. Преосвященный доноситъ, что столько-то въ такомъ-то году обратилось раскольниковъ къ православію и едино-вѣрію, но документы церковные говорятъ совсѣмъ не то, напримѣръ:

Оханскаго уѣзда въ селѣ Сепычевскомъ по духовной росписи за 1847 годъ значится изъ обращенныхъ православныхъ прихожанъ обоого пола 2225 человекъ, но изъ нихъ въ томъ году было исповѣди 34, а у святаго причастія только 8 человекъ, и то, вѣроятно, тѣ только были, которые въ томъ году или около онаго, судя по лѣтамъ, повѣнчаны бракомъ... Осмѣливаюсь къ сему пункту присовокупить еще два обстоятельства, по моему разумѣнію, заключающія въ себѣ великій грѣхъ предъ Богомъ и правительствомъ: а) Указомъ св. синода отъ 21-го августа 1846 года велѣно преосвященному пермскому, между прочимъ, рассмотреть: не слѣдуетъ-ли удалить священника Каменскаго завода Ивана Яковкина въ другое мѣсто и о семъ донести св. синоду. Его преосвященство, вслѣдствіе сего указа, рапортомъ отъ 1-го ноября того 1846 года за № 9458, донесъ св. синоду, что священникъ Яковкинъ переведенъ въ Мехонскую слободу. Рапортъ этотъ утвержденъ указомъ св. синода отъ 31-го декабря 1846-же года, за № 18.387. Между тѣмъ, Яковкинъ резолюціею его преосвященства, данною еще 21-го октября того 1846 года на прошеніе его, опредѣленъ (и нынѣ находится) Камышловскаго уѣзда въ Ертарскій винокуренный заводъ къ одноклирной Троицкой церкви, гдѣ приходскихъ дворовъ 276 и прихожанъ обоихъ половъ 2.829 душъ и гдѣ сверхъ того, производится священнику жалованья 300 руб. асс., назначена казенная квартира и есть довольное количество земли; а въ Мехонской слободѣ онъ, Яковкинъ, совершенно не былъ; слѣдовательно означенный рапортъ преосвященнаго св. синоду за № 9458 былъ несправедливый. б) По дѣлу о постройкѣ каменнаго корпуса для помѣщенія пермской консисторіи, его преосвященство, рапортомъ отъ 23-го января 1845 года за № 515, испрашивалъ у св. синода разрѣшенія о назначеніи въ жалованье архитектору Мейснеру 2.000 руб. асс.; но указомъ св. синода отъ 2-го августа 1845 года, за № 9880, объяснено пермскому епархіальному начальству, что за оптовою отдачею постройки зданія для помѣщенія консисторіи на подрядъ, св. синодъ не имѣетъ основанія назначать особаго жалованья архитектору, приглашенному для наблюденія за постройкою, и что при всѣхъ подобныхъ случаяхъ прочность, правильность и всѣ условія по постройкѣ ограждаются силою контракта съ подрядчиками, также и самую плату получаютъ по учиненіи надлежащаго удостовѣренія въ прочности и правильности зданія. Между тѣмъ, изъ отношенія строительной комиссіи въ пермскую консисторію отъ 20-го октября 1844 года, за № 140, видно, что архитектору Мейснеру въ сентябрѣ еще мѣсяцѣ 1844 года выдано денегъ 500 р. асс., которыя у него и остались. 11) Великое множество дѣлъ по разнымъ предметамъ, которыя

по роду своему должны производиться на гербовой бумагѣ, начинаются по резолюціямъ преосвященнаго и производятся въ консисторіи на бумагѣ простой. 12) Дѣла ставленическія вообще почти производятся безъ всякаго участія присутствія консисторіи, даже такъ, что требуется изъ консисторіи и составляется въ ней справка, а проситель произведенъ уже во священника или діакона. 13) Дѣла о перемѣщеніи духовныхъ лицъ съ одного мѣста на другое, большею частію, дѣла *слезныя*: если кто его преосвященству и члену консисторіи (уроженцу владимірскому, родственнику преосвященнаго, съ самаго послушническаго званія при немъ пребывающему и, какъ говорятъ въ Перми, бывшему у него прежде кучеромъ и переѣздившему съ нимъ все до одного мѣста, гдѣ преосвященный находился—и въ училищныхъ должностяхъ, и въ епископскомъ санѣ), настоятелю Верхотурскаго монастыря, проживающему постоянно въ пермскомъ архіерейскомъ домѣ, архимандриту *Павлу*¹⁾, по извѣстнымъ только имъ причинамъ, не понравится, то таковыхъ приказывается благочиннымъ или рекомендовать невыгодно, или заводить о нихъ дѣла, или-же резолюціями преосвященнаго назначаются они за штатъ, или перемѣщаются верстъ за 100, 200, 300, за 400 и болѣе, и въ этомъ случаѣ ни просьбы перемѣщаемого, ни плачь семейства, ни разореніе, ничто не умилоствуетъ его преосвященства, и многіе отъ того переходятъ въ другія епархіи или увольняются сами за штатъ. Онъ кучами перемѣщаетъ и оставляетъ за штатомъ безъ всякихъ прошеній и не имѣющихъ къ численію за штатъ узаконенныхъ лѣтъ... Въ пермской епархіи только почти и пользуются благами жизни и спокойствіемъ священнослужители, поступившіе изъ владимірской епархіи, изъ коихъ, кажется, большая часть родственниковъ его преосвященства и архимандрита Павла, и тѣ изъ пермскихъ уроженцевъ и изъ другихъ епархій, которые сроднились съ владимірскими. Его преосвященство и архимандритъ Павелъ отправляли нѣкоторыхъ (одного съ архіерейскимъ даже келейникомъ) изъ Перми кончившихъ курсъ ученія въ семинаріи во владимірскую епархію жениться на своихъ родственникахъ—на внучкахъ и на племянникахъ, и они, женившись тамъ, получили и занимаютъ теперь самыя отличнѣйшія мѣста, а привезенныя съ женами ихъ сестры, выйдя въ Перми замужъ, тоже предоставили мужьямъ своимъ, своимъ братьямъ и другимъ родственникамъ самыя лучшія мѣста. Въ пермской епархіи Шадринскій и Ирбитскій уѣзды счи-

¹⁾ Ненависть пермского духовенства къ этому архимандриту Павлу была всеобщая и сильная.

таются, по продовольствіямъ жизни, самые лучшіе и богатые, и въ сихъ-то однихъ двухъ уѣздахъ болѣе 30 человекъ владимірскихъ, а нѣтъ сомнѣнія, что гораздо и болѣе, такъ какъ многіе, подобно двумъ роднымъ братьямъ благочиннымъ, молодымъ еще священникамъ Димитрію и Ивану Спасскимъ, въ клировыхъ вѣдомостяхъ не показываютъ, что они изъ владимірской епархіи. Владимірскіе вообще занимаютъ и лучшія священническія и протоіерейскія мѣста, и благочинническія, и другія почетныя должности, и получаютъ ихъ въ столь короткое время, что не-владимірскіе и не-родственники не смѣли-бы и подумать о томъ, исключая самой малой части какъ-нибудь попавшихъ въ милость. Напримѣръ, означенные Спасскіе занимаютъ и отличные приходы, и благочинническія должности и имъ—двумъ роднымъ братьямъ—ввѣренъ по благочинію надзоръ вообще за всѣмъ Оханскимъ уѣздомъ, между тѣмъ какъ они оба люди нетрезвые. Родной братъ архимандрита Павла, Иванъ Смирновъ, протоіеремъ въ отличномъ приходѣ—въ селѣ Пещанскомъ. Благочинный Стефанъ Груздевъ, изъ одного села съ архимандритомъ Павломъ и свойственникъ его—протоіереемъ въ г. Кунгурѣ. Ирбитской Срѣтенской церкви протоіерей Александръ Діомидовскій, будучи священникомъ, перемѣщенъ изъ владимірской въ пермскую епархію 2-го марта 1839 года и въ то-же самое время опредѣленъ въ ирбитское духовное правленіе присутствующимъ, 29-го іюня того-же года учителемъ крестьянскихъ дѣтей, 26-го августа того-же года награжденъ набедренникомъ, 2-го октября того-же года опредѣленъ духовникомъ, 24-го декабря 1840 года, по закрытіи ирбитскаго духовнаго правленія, опредѣленъ по 2-му округу, а 27-го ноября 1841 года и по 1-му округу благочиннымъ, сотрудиномъ попечительства и членомъ оспеннаго комитета, 20-го января 1843 года цензоромъ проповѣдей, 25-го октября 1844 года цензоромъ катехизическихъ поученій, 14-го января 1845 года произведенъ въ протоіерея, и сверхъ того, два раза объявлена ему благодарность епархіальнаго начальства. И теперь сей Діомидовскій надъ всѣмъ Ирбитскимъ уѣздомъ—надъ 28 или 30 церквами—одинъ благочинный! Верхотурскаго уѣзда, слободы Тагильской священникъ Василій Ястребовъ — владимірскій-же. На сего священника судьба излила также щедроты свои вполне: онъ, по окончаніи въ семинаріи курса, произведенъ 18-го января 1839 года во священника, 22-го октября опредѣленъ благочиннымъ и сотрудиномъ попечительства, 29-го августа того-же года награжденъ набедренникомъ, 4-го апрѣля 1840 года опредѣленъ присутствующимъ верхотурскаго духовнаго правленія, отстоящаго отъ слободы Тагильской, гдѣ онъ, Ястребовъ, и теперь проживаетъ, въ 70-ти верстахъ. Сверхъ сего, къ прежнимъ церквамъ его

благочинія причислены и градскія верхотурскія церкви и возложены на него должности въ городѣ постоянного присутствующаго при испытаніяхъ въ Законѣ Божіемъ въ верхотурскихъ училищахъ и въ алапаевскихъ заводскихъ училищахъ и члена верхотурскаго комитета попечительнаго общества о тюрьмахъ. Камышловскаго уѣзда, Пышминской слободы священникъ Иванъ Скворцовъ перемѣщенъ изъ владимірской епархіи и опредѣленъ на настоящее мѣсто 25-го іюля 1839 года, 7-го іюля 1840 года опредѣленъ благочиннымъ, 17-го декабря 1842 года награжденъ набедренникомъ, 13-го апрѣля пожалованъ скуфьею, 14-го марта 1847 года опредѣленъ присутствующимъ въ камышловское духовное правленіе, отстоящее отъ слободы Пышминской—отъ мѣстожителства его, Скворцова—въ 35-ти верстахъ; 7-го мая того-же года перемѣщенъ къ камышловскому Покровскому собору, на протоіерейское мѣсто, 12-го декабря того-же года паки перемѣщенъ въ Пышминскую слободу, 14-го ноября того-же года, назначенъ цензоромъ проповѣдей. Сей отличенный священникъ тѣмъ замѣчателенъ, что нѣсколько уже лѣтъ совершенно глухой. Впрочемъ, этотъ священникъ уволенъ отъ присутствія въ духовномъ правленіи и на его мѣсто опредѣленъ также владимірецъ, села Галкинскаго священникъ Яковъ Миртовъ, живущій отъ города въ 8-ми верстахъ, и это свое распоряженіе преосвященный основываетъ на томъ, что по собору начинаются дѣла и ихъ разсматриваютъ въ духовномъ правленіи сами члены соборнаго причта, присутствующіе духовнаго правленія,—соборные священники. Но, кажется, для одного собора, который въ отношеніи дѣлъ можно удобно подчинить самой консисторіи, опредѣлять сельскихъ священниковъ присутствующими духовнаго правленія не слѣдуетъ, особенно изъ родныхъ своихъ и владимірцевъ, которыхъ туземцы пермскіе за ихъ дѣянія, за предоставляемые имъ во всѣхъ отношеніяхъ преимущества и за то, что всякій изъ нихъ хвалится родствомъ съ преосвященнымъ и съ архимандритомъ Павломъ (архимандритъ Павелъ лично говорилъ мнѣ, что угодникъ Божій Митрофанъ, епископъ воронежскій, есть предокъ преосвященнаго пермскаго Аркадія, въ чемъ я готовъ принять самую страшную присягу), ненавидятъ не простою только ненавистію, а ненавистію самыхъ злѣйшихъ враговъ. Господь милостивъ, что у нихъ таковая ненависть скрывается еще доселѣ въ сердцахъ. Впрочемъ, докладываю вашему сіятельству, по совѣсти христіанина, что многіе туземцы пермскіе дѣтямъ своимъ, обучающимся въ семинаріи, запряцаютъ имѣть всякое соотношеніе съ владимірцами, а особливо заводить съ ними родство по бракамъ, подъ обѣщаніемъ за противное объявленія родительскаго проклятія, и сін юные воспитанники, кромѣ того,

объявляютъ, что отцы ихъ, причетники, когда упоминается въ церкви во время богослуженія на эктеніяхъ имя пермскаго преосвященнаго, не поютъ: Господи помилуй! Я все это слышалъ отъ самихъ наставниковъ семинаріи... Законны-ли таковыя дѣйствія пермскаго архіепископа, объ этомъ въ Перми изъ духовныхъ никто говорить не смѣетъ, а только свѣтскіе все удивляются, сколько рѣшителенъ и пристрастенъ къ своимъ его преосвященство». Далѣе Архаровъ приводитъ нѣсколько случаевъ въ доказательство того, какъ Аркадій жестоко преслѣдовалъ тѣхъ, которые осмѣливались доносить ему о проступкахъ его родственниковъ, земляковъ и вообще покровительствуемыхъ имъ, и прибавляетъ, что «если преосвященный имѣетъ на кого особые виды и ему покровительствуетъ, то требуетъ, чтобы никто уже его, каковъ-бы онъ ни былъ, не трогалъ и къ защитѣ таковаго и оправданію самъ употребляетъ разные извороты.

14) Кромѣ предоставленія Аркадіемъ своимъ роднымъ и землякамъ почетнѣйшихъ по всей епархіи должностей и отличныхъ мѣстъ, онъ, по извѣстнымъ только ему и архимандриту Павлу причинамъ, допустилъ при многихъ церквахъ и приходахъ между священно-и церковнослужителями значительное, противное закону родство. Въ самомъ даже архіерейскомъ домѣ между первенствующими лицами есть родство: преосвященный Аркадій архимандриту Павлу, который постоянно проживаетъ въ архіерейскомъ домѣ и управляетъ имъ, консисторіею и всею епархіею, родственникъ, хотя они и скрываютъ это, а экономъ архіерейскаго дома, іеромонахъ Мисаилъ, владимірскій уроженецъ, былъ женатъ на сестрѣ родной или двоюродной—неизвѣстно—архимандрита Павла.

15) Канцелярія пермской консисторіи самая плохая и едва-ли есть хуже ея въ другой какой-либо консисторіи. Въ ней не болѣе двухъ человѣкъ, довольно опытныхъ, и не болѣе двухъ-же человѣкъ имѣютъ самую слабую опытность, а прочіе изъ исключенныхъ учениковъ и до того плохи, что я не могу и изъяснить вашему сіятельству. Перепискою на-бѣло бумагъ въ св. синодъ и къ вашему сіятельству могутъ заниматься только двое или почти одинъ, и потому бумаги отъ его преосвященства переписываются у него учениками семинаріи. Здѣсь не могутъ быть терпимы такіе люди, которые понимаютъ дѣло, которые опыты въ томъ и, слѣдовательно, могутъ имѣть за себя хоть какой-нибудь голосъ. Говорятъ и видно изъ дѣлъ, что въ пермской консисторіи были очень опытные чиновники, но они все вытѣснены и даже съ обидою для нихъ. Здѣсь секретарю консисторіи ни отъ кого изъ канцелярскихъ чиновниковъ нельзя имѣть помощи. Помощникъ секретаря Топорковъ, обязанный, по 345 статьѣ Устава

духовныхъ консисторій, исполнять порученія секретаря, занять другими разными должностями, именно: онъ есть столоначальникъ консисторіи, секретарь Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія и письмоводитель Комитета по секретнымъ дѣламъ. Я покорнѣйше просилъ его преосвященство или снять съ помощника секретаря Топоркова упомянутыя должности, или дать мнѣ право избрать другаго помощника, но онъ приказалъ мнѣ молчать. Этотъ Топорковъ есть явный примѣръ для всѣхъ въ запущеніи и безпорядкахъ и по управляемому имъ столу въ канцеляріи, и въ особенности по секретнымъ дѣламъ; но за то, что онъ безусловно уже исполняетъ всякую волю властей пермскаго епархіальнаго управленія и дѣйствуетъ, какъ они ему приказываютъ, состоитъ подъ сильною ихъ защитою и покровительствомъ и получаетъ разныя поощренія и награды, и нѣсколько разъ преосвященный ходатайствовалъ объ опредѣленіи его секретаремъ консисторіи. А какъ ему не удалось до сего достигнуть, то онъ, кажется, рѣшился до конца преслѣдовать секретарей, опредѣляемыхъ сверхъ его воли. Что-же касается до членовъ консисторіи, то они по разнымъ случаямъ состоятъ въ совершенной зависимости отъ преосвященнаго и потому не могутъ и не приучены такъ дѣйствовать по дѣламъ епархіальнаго управленія, какъ законъ повелѣваетъ, а дѣйствуютъ они во всякомъ дѣлѣ по приказаніямъ преосвященнаго, или лично имъ самимъ объявляемымъ, или, большею частію, чрезъ архимандрита Павла, который для того только и проживаетъ въ Перми, чтобы раздавать по епархіи приказанія преосвященнаго объ исполненіи угоднаго ему, передавать консисторіи таковыя-же и доносить его преосвященству благовременно и безвременно, кто именно что говорить и что даже думаетъ. Если-же кто изъ членовъ рѣшится дѣйствовать по дѣламъ по своему разумѣнію, то его преосвященство сначала различно задѣваетъ ихъ и пишетъ на счетъ ихъ, какъ и въ отношеніи секретарей, различные оскорбительныя резолюціи, наконецъ, приказываетъ подать прошеніе объ увольненіи по какимъ-либо причинамъ отъ должности членовъ консисторіи. Упоминаемый архимандритъ Павелъ, управляющій первымъ столомъ и завѣдывающій по оному всѣми вообще секретными дѣлами, такъ недальновиденъ, что иногда стыдно и участвовать въ писанныхъ имъ резолюціяхъ, а онъ не терпитъ, чтобы исправлять ихъ. Рѣшительную недальновидность его можете усмотрѣть, ваше сіятельство, изъ слѣдующаго случая: въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего 1848 года священникъ Андрей Прощекальниковъ, въ присланномъ въ пермскую консисторію на Высочайшее имя прошеніи изъяснивъ, что архимандритъ Павелъ доставлялъ ему, Прощекальникову, нѣсколько лѣтъ чай фунтами,

получалъ съ него за то пудами медъ, просилъ сдѣлать между ними въ томъ расчетъ, такъ какъ архимандритъ переслалъ Прощекальникову чаю 30 фунтовъ, а Прощекальниковъ передалъ ему меду 25 пудовъ. Пермская консисторія постановила (иначе и быть не могло) отказать Прощекальникову въ просьбѣ, какъ бездоказательной, и возвратить ее ему съ надписью. По сему постановленію заготовлено было опредѣленіе и представлено къ подписанію. Скрѣпивъ это опредѣленіе, я доложилъ его для подписи членамъ консисторіи; по полученіи-же онаго для представленія къ преосвященному, я увидѣлъ, что оно и самимъ отвѣтчикомъ, архимандритомъ Павломъ, подписано. Я обязанностию послѣ сего поставилъ доложить ему, архимандриту, что ему не слѣдовало подписывать о самомъ себѣ опредѣленія, и онъ на это отвѣчалъ мнѣ именно сими словами: «Вѣдь я дуракъ, нигдѣ не учился, оттого-то это и случилось»... Здѣсь увѣряютъ, что архимандритъ Павелъ, закупая въ большомъ количествѣ чай, разсылаетъ оный по всей епархіи къ извѣстнымъ ему духовнымъ лицамъ и получаетъ за него выручку разными вещами, что самое и подтверждается означенною просьбою Прощекальникова».

Далѣе Архаровъ пишетъ, что Аркадій вмѣшивается во внутреннее управленіе консисторской канцеляріи, къ ослабленію власти ея секретаря, самъ опредѣляетъ канцелярскихъ служителей, даже сторожей, не обращая вниманія на ихъ способности и на ихъ нравственные качества, вслѣдствіе чего поступили въ консисторскую канцелярію Чечулинъ, Бирюковъ и Поповъ, уличенные въ воровствѣ и даже грабительствѣ. Въ заключеніе доноса, Архаровъ говоритъ, что метрическія, обыскныя, исповѣдныя и приходо-расходныя книги по пермской епархіи пишутся фальшиво и небрежно, а особенно о присоединившихся къ православію, и что эти книги никогда не свидѣтельствуются консисторіею, несмотря на всѣ усилія секретарей, потому, что такія свидѣтельствванія были-бы непріятны преосвященному, который всѣми мѣрами возстаетъ противъ нихъ.

Доносъ Архарова, при сильномъ развитіи шпіонства въ пермскомъ духовенствѣ, при извѣстной услужливости губернскихъ почтмейстеровъ провинціальнымъ властямъ и при существованіи у всѣхъ архіереевъ корреспондентовъ въ синодской и оберъ-прокурорской канцеляріяхъ, не могъ остаться тайною для Аркадія. Онъ счелъ неумѣстнымъ теперь молчать объ Архаровѣ и поэтому написалъ къ Пратасову письмо, въ которомъ, по изложеніи всѣхъ неблагонамѣренныхъ дѣйствій секретаря, просилъ объ его смѣнѣ. Письмо это само говоритъ за себя, а потому и не нуждается въ какихъ-либо комментаріяхъ. Вотъ оно: «Ваше сіятельство, милостивый государь! переведенный изъ костромской въ нашу пермскую

консисторію Иванъ Архаровъ болѣе и болѣе выказываетъ себя неблагонамѣреннымъ и опаснымъ. Первымъ дѣломъ его, по прїѣздѣ въ Пермь, было пустить молву, что онъ прїѣхалъ ревизоромъ: онъ-де уже трехъ архіереевъ упекъ. Затѣмъ началъ въ присутствіи консисторіи дивиться, что члены сидятъ подолгу, началъ соглашать ихъ сократить часы засѣданій, и, какъ онъ сталъ выходить изъ присутствія раньше членовъ, нынѣ уже и члены сидятъ не до двухъ часовъ пополудни, а до перваго только. Предмѣстники его постоянно занимались дѣлами въ консисторіи и послѣ обѣда: г. Архаровъ послѣ обѣда совсѣмъ не является въ консисторію. Ни за дѣлами, ни съ дѣлами, по примѣру своихъ предмѣстниковъ, ко мнѣ ни поутру, ни пополудни не приходитъ; въ охраненіе цѣлости дѣлъ и канцелярской тайны, принужденъ я былъ дать предложеніе консисторіи, чтобы за дѣлами и съ дѣлами приходилъ ко мнѣ помощникъ секретаря. По необходимости давалъ я предложенія, что не въ полной формѣ составляются для доклада записки (308 ст. Уст. дух. конс.), не просматриваются приготовленныя бумаги (339 ст. Уст. дух. кон.), не повѣряется еженедѣльно настольный докладный реестръ (345 ст.), рѣдкую бумагу, даже въ св. правительствующій синодъ, не переписываютъ въ другой разъ, вслѣдствіе замѣченныхъ мною ошибокъ, невѣрностей,

«Началъ дивиться, что члены консисторіи ничѣмъ не пользуются отъ консисторіи и поодинокѣ ихъ соглашать пытался, чтобы дѣйствовали съ нимъ *за-одно*, обѣщая доходъ по 3.000 руб. въ годъ каждому. Члены консисторіи лично объясняли мнѣ таковыя неблагонамѣренныя дѣйствія г. Архарова и хотѣли было даже составить журналъ объ оныхъ, считая его весьма опаснымъ для нихъ и для епархіи. Возбуждаетъ являющихся къ нему жаловаться на начальство; въ числѣ обольщенныхъ имъ и тотъ священникъ Андрей Прощекальниковъ, по прошенію котораго сегодня за № 853 представляются отъ меня въ св. правительствующій синодъ свѣдѣнія. Этотъ молодой священникъ даже явно хвалится покровительствомъ г. Архарова. Самое прошеніе, думаю, сочинено подъ руководствомъ Архарова и съ пособіемъ земляка его, столь много зла надѣлавшаго у насъ и по консисторіи, и по попечительству, бывшаго столоначальника и секретаря Флавіева. Духъ у того и другого одинъ. Прошеніе переписано служителемъ графа Строганова, живущимъ въ Перми,—очевидно, что и сочинено въ Перми. Разсуждая въ присутствіи консисторіи о прошеніи, г. Архаровъ спросилъ: ужели можно вѣнчать раскольниковъ безъ присоединенія? Когда миссіонеръ, протоіерей Протасовъ, сказалъ, что есть на это особое разрѣшеніе, г. Архаровъ сказалъ: «А я не зналъ». Ему и другу его Флавіеву не былъ извѣстенъ секретный указъ ко мнѣ за

№ 5, отъ 31 го декабря 1839 года, а священникъ Прощекальниковъ или не читая подписалъ прошеніе, или былъ совершенно отуманенъ обольщеніями. Громки слова г. Архарова: «Пиши,—я напишу г. оберъ-прокурору; все будетъ по нашему».

«Самъ не занимаясь дѣлами, другихъ отвлекая отъ занятій, вовлекая другихъ въ противленіе начальству, между тѣмъ имѣя столько случаевъ и способовъ вредить епархіальному управленію, не можетъ не быть признаваемъ за чиновника самаго неблагонамѣреннаго и опаснаго. Покорнѣйше прошу ваше сіятельство, *для огражденія нашего спокойствія служебнаго*, перевести г. Архарова изъ Перми куда-либо: служить съ нимъ, какъ вреднымъ человѣкомъ, не могу..

«Члены консисторіи доселѣ были съ чистыми руками, со взаимнымъ другъ къ другу уваженіемъ; не увлекаются еще ни обольщеніями, ни угрозами врага мира и порядка. Когда онъ успѣетъ перелить свой духъ въ другихъ, тогда трудно будетъ исправлять испорченное. Когда медленнымъ производствомъ дѣлъ, или еще притязаніями оттолкнемъ отъ себя православныхъ, которые просятъ, напримѣръ, о построеніи церквей или о поправленіи ихъ, можемъ разстроить и ихъ довѣренность къ епархіальному начальству, охладить ихъ къ церкви. Покорнѣйше прошу ваше сіятельство перевести отъ насъ г. Архарова: *онъ для насъ вреденъ*» ¹⁾.

Но какъ ни усиливался Аркадій своимъ письмомъ произвести впечатлѣніе на Пратасова, онъ ошибся въ своихъ надеждахъ—Пратасовъ ему не повѣрилъ. А потому синодъ—конечно, подъ вліяніемъ оберъ-прокурора—удалилъ изъ Перми архимандрита Павла ²⁾, а также приказалъ Аркадію уволить отъ присутствія въ консисторіи временно имъ назначенныхъ ея членами: іеромонаха Мисаила, ключаря Луппова и игумена Соликамскаго монастыря Алексея, поставивъ на видъ преосвященному такое отступленіе отъ законнаго порядка и запретивъ показывать въ послужныхъ спискахъ этихъ трехъ лицъ, что они присутствовали въ консисторіи. Хотя Архарову синодскимъ указомъ дано было разумѣть, что онъ неправъ, и было строго предписано, чтобы онъ отнюдь не отваживался уклоняться отъ точнаго исполненія своихъ обязанностей, т. е. отъ своевременнаго хожденія въ консисторію, представленія дѣлъ лично пре-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ письмо преосвященнаго Аркадія къ Пратасову отъ 22-го августа 1848 года.

²⁾ Павелъ переведенъ былъ изъ Перми въ пензенскій Спасопреображенскій третьеклассный монастырь настоятелемъ 22-го сентября 1848 года (См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло подъ № 51 объ отпускѣ прогонѣ назначеннымъ настоятелями монастырей архимандритамъ Павлу и Герасиму).

освященному и строгаго исполненія всѣхъ установленныхъ для дѣлопроизводства правилъ; но, тѣмъ не менѣе, изъ того-же указа было видно, что доносу Архарова даютъ въ синодѣ значеніе: отъ Аркадія этимъ-же самымъ указомъ требовали представленія подробнаго и обстоятельнаго объясненія по всѣмъ обвинительнымъ пунктамъ, изложеннымъ въ рапортахъ Архарова.

Объясненія Аркадія въ высшей степени обнаружили нравственный характеръ этого человѣка. Въ нихъ вполне высказались его умѣнье обходить тѣ вопросы, отвѣты на которые были трудны и опасны, его изворотливость, ловкость, лживость, злость и мстительность. Такъ, напримѣръ, у него не дрогнула рука написать въ этихъ объясненіяхъ, что родственниковъ его и земляковъ въ пермской епархіи немного (всего только 77 чело-вѣкъ!), что земляки его, владимірцы, занимаютъ, большею частью, худшія сравнительно съ другими мѣста и что онъ не имѣетъ пристрастія ни къ кому изъ своихъ подчиненныхъ. Вотъ образчикъ увертки Аркадія: «Гдѣ болѣе, пишетъ онъ въ своихъ объясненіяхъ, почетныя мѣста и должности, какъ не въ епархіальномъ губернскомъ городѣ? Но собственно въ городѣ Перми нѣтъ ни протоіереевъ, ни священниковъ, ни діакона, ни даже причетника и сторожа изъ владимірцевъ». Чтобы понять все безстыдство этихъ словъ, нужно припомнить, что ими Аркадій защищается противъ взведеннаго на него Архаровымъ обвиненія въ томъ, что онъ раздаетъ богатые мѣста въ епархіи своимъ родственникамъ и землякамъ и преимущественно помѣщаетъ ихъ въ уѣздахъ Ирбитскомъ и Шадринскомъ, считающихся самыми богатыми. Какъ ловко Аркадій отводитъ отъ себя этотъ ударъ Архарова, утверждая, что въ самой Перми нѣтъ владимірцевъ! Или еще: Аркадій отвѣчаетъ синоду, что въ пермской консисторіи нѣтъ членовъ изъ владимірцевъ, тогда какъ архимандритъ Павелъ, игравшій главную роль въ консисторіи, былъ уроженецъ Владимірской губерніи. Или вотъ еще уловка: Архаровъ пишетъ, что Аркадій принималъ у него бумаги черезъ лакея, а Аркадій на это отвѣчаетъ, что при немъ нѣтъ лакеевъ, а есть только одинъ штатный служитель, занимающій должность келейника. Потомъ продолжаетъ: «Былъ только одинъ случай, времени которому, впрочемъ, не припомню, былъ случай, когда былъ у меня кто-то изъ свѣтскихъ чиновниковъ, по должности (имени его не помню—не думалъ я замѣчать имена посѣтителей, дни и случаи, не предполагая столь злостныхъ дѣйствій секретаря); въ это время приходилъ ко мнѣ секретарь Архаровъ и, не дождавшись моего къ нему выхода, втеръ дѣла служителю келейнику, который о приходѣ секретаря мнѣ совсѣмъ не докладывалъ, почитая неприличнымъ, можетъ быть, войти

въ ту комнату, въ которой былъ у меня тогда тотъ чиновникъ... Разъ, или много два приносилъ мнѣ дѣла секретарь Архаровъ и при другихъ, т. е. при просителяхъ, но въ такое время приходитъ зависѣло отъ воли самого секретаря. При просителяхъ говорить съ нимъ о пустякахъ неприлично, а о дѣлахъ незаконно. Молчанія моего при семъ случаѣ не считалъ я и никто не почтетъ за оскорбленіе секретарю Архарову, съ которымъ въ свиданіяхъ и наединѣ говорить должно очень, очень осторожно: люди, къ началству или должности являющіеся съ *духами* (sic) и съ лицомъ краснымъ, иногда позволяютъ себѣ дерзости. Раза два или три приходилъ онъ ко мнѣ при кафедральномъ протоіерей Михаилѣ Протасовѣ, членѣ консисторіи. Одинъ такой случай объясненъ мною въ представленіи св. синоду за № 1022, отъ 5-го октября минувшаго года, во 2 пунктѣ. Благословеніе лѣвою рукою не только не противозаконно, а въ нѣкоторомъ отношеніи бываетъ даже полезно и нужно. Архіереи, имѣя право благословлять обѣими руками, могутъ благословлять и лѣвою рукою: сего благословенія никто изъ православныхъ не оуждалъ и не оуждаетъ» ¹⁾).

Но за то щедрою рукою разсыпалъ Аркадій въ своихъ объясненіяхъ всякаго рода наговоры Архарову, называя его то «клеветникомъ, усиливающимся полагать преграды до крайней возможности безпристрастнымъ дѣйствіямъ епархіальнаго архіерея и производить разстройство между мирно живущими туземцами и переселенцами», то «живымъ доносчикомъ и неимовѣрно зложелательнымъ къ пермскому епархіальному управленію, которое подъ Божіимъ покровительствомъ неуклонно идетъ къ цѣли, указуемой оному высшимъ правительствомъ», то «защитникомъ раскольниковъ, опаснымъ и вреднымъ для пермской миссіи, для пермской епархіи, по полугоду удерживающимъ выдачу указовъ ставленикамъ», то «ябедникомъ», то «человѣкомъ, стремящимся поколебать вѣрность подчиненныхъ по службѣ и покорить себѣ умы ихъ».

Пока Аркадій писалъ такого рода объясненія, Архаровъ представилъ на него Протасову нѣсколько новыхъ доносовъ, въ которыхъ выставилъ злоупотребленія преосвященнаго по епархіальному управленію, его мстительность и жестокость, пристрастіе и безчеловѣчіе; такъ, напр., онъ діакона Ушакова въ продолженіе 11-ти лѣтъ 7 разъ перевелъ съ мѣста на мѣсто. Аркадій не обращалъ вниманія на то, что въ консисторскомъ домѣ во время морозовъ въ трехъ углахъ присутственной

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапорты преосвященнаго Аркадія синоду отъ 22-го января, 22-го и 26-го февраля, 7-го марта, 9-го августа и 5-го октября 1849 года.

комнаты выступаетъ ледъ и держится тамъ по нѣсколько дней, а въ комнатахъ канцеляріи, кромѣ такого-же холода, бываетъ жесточайшій угаръ, такъ что чиновники занимаются въ шубахъ, шинеляхъ и теплыхъ сапогахъ, а отъ угара дневальные и сторожа доходятъ иногда до безумія.

Въ хаосѣ взаимныхъ обвиненій и доносовъ синодъ не могъ ничего разобрать и опредѣлить: кто правъ и кто виноватъ? Ему оставалось одно средство для узнанія истины и степени виновности взаимно обвиняющихъ лицъ — назначить ревизію пермского епархіальнаго управленія, и онъ рѣшился на эту мѣру. «Какъ дѣйствія секретаря Архарова, писалъ по этому случаю синодъ, выставляются преосвященнымъ пермскимъ въ такомъ видѣ, что они не могутъ быть оставлены безъ строгаго законнаго преслѣдованія, а между тѣмъ безъ формальнаго дознанія на мѣстѣ нельзя положить рѣшительнаго заключенія о степени вины его въ приписываемыхъ ему опущеніяхъ по должности и неблагонамѣренномъ дѣйствованіи по оной; съ другой стороны, и содержащіяся въ донесеніяхъ секретаря Архарова указанія на безпорядки по епархіальному управленію также обращаютъ на себя особенное вниманіе, то св. синодъ опредѣляетъ: всѣ выставляемыя въ донесеніяхъ преосвященнаго Аркадія обвиненія на секретаря Архарова, а равно и объясняемые секретаремъ Архаровымъ безпорядки по епархіальному управленію подвергнуть мѣстной повѣркѣ и обслѣдованію, возложивъ таковую на ректора казанской академіи архимандрита Григорія, протоіерея Верхо-Спасскаго придворнаго собора въ Москвѣ Покровскаго и чиновника особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ св. синода, надворнаго совѣтника Пашковскаго, съ тѣмъ, чтобы обо всемъ, что ими будетъ обнаружено, представили они въ св. синодъ свои соображенія» ¹⁾. Но протоіерей Покровскій, по болѣзни и за старостью лѣтъ, отказался отъ возложеннаго на него порученія, и на мѣсто его, по указанію московскаго митрополита Филарета, назначенъ былъ серпуховской протоіерей Левицкій, «какъ человѣкъ, дознанный въ способности къ правильному, разборчивому и безпристрастному изслѣдованію и производству дѣлъ, и какъ такой священнослужитель, который не одинъ при церкви, а слѣдовательно отъ назначенія его ревизоромъ не можетъ произойти затрудненія въ мѣстномъ исполненіи должностей» ²⁾. Если, по этому отзыву Филарета, былъ такъ способенъ для производства ревизіи протоіерей Левицкій, то не уступалъ ему въ

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ св. синода отъ 24-го октября 1849 г.

²⁾ См. рапортъ преосвященнаго Филарета синоду отъ 15-го декабря 1849 г.

аккуратности, трудолюбіи и въ знаніи юридическихъ пріемовъ ректоръ Григорій, хотя, можетъ быть, не имѣлъ его разборчивости. Даже Пашковскій былъ небезполезенъ, потому что обладалъ въ нѣкоторой степени способностями, необходимыми для ревизора. Вообще нужно сказать, что ревизіонная коммиссія была составлена удачно. Слѣдствіе, произведенное ею, за весьма немногими исключеніями, было правильно и вѣрно. Вотъ ея мнѣніе о степени виновности лицъ, подвергшихся ея изслѣдованію: 1) касательно секретаря Архарова: «а) Обвиненіе секретаря Архарова, доносила коммиссія синоду, не во всегдашнемъ хожденіи въ консисторію на должность хотя и доказывается членами оной, но настоящее удовлетворительное теченіе дѣлъ консисторскихъ *довольно оправдываетъ его въ этомъ*. б) Обвиненіе Архарова въ соглашеніи членовъ на сокращеніе часовъ засѣданія *не доказано*, а тѣ ранніе выходы, въ коихъ сознается Архаровъ, *оправдываются указанными имъ причинами*. в) Въ нехожденіи къ преосвященному съ дѣлами, даже послѣ внушенія отъ св. синода, Архаровъ не оправдывается представленными имъ причинами, тѣмъ болѣе, что и внушеніе св. синода толкуеть по-своему. г) Обвиненіе, будто Архаровъ склонялъ членовъ консисторіи дѣйствовать съ нимъ за-одно и обѣщаль доходъ, *бездоказательно*. д) Доказательства по предмету возбужденія Архаровымъ духовенства къ жалобамъ на епархіальное начальство недостаточны, какъ по несовершенной опредѣлительности оныхъ, такъ и потому, что жалобы на пермское епархіальное начальство высшему бывали и гораздо прежде, а во время пребыванія коммисіи въ Перми никто не обнаруживалъ такого возбужденія. е) Въ умышленной проволочкѣ дѣлъ Архаровъ *не изобличается*. ж) Разстройства въ канцеляріи консисторіи въ настоящее время *не видно, равно и признаковъ прежняго разстройства, которое-бы произошло отъ Архарова*. з) Въ замедленіи свидѣтельствванія казны консисторской въ августъ минувшаго 1849 года Архаровъ оправдывается обстоятельствами, а въ замедленіи таковомъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ оказывается неправымъ. и) Вину несвоевременнаго составленія списковъ формулярныхъ за 1848 г. Архаровъ слагаетъ частію на преосвященнаго, у котораго прошлагодніе черновые списки находились до 21-го сентября, а частію на консисторію, которая представленіемъ новыхъ списковъ преосвященному безъ скрѣпы и вѣдома секретаря обличаетъ себя въ несогласномъ дѣйствованіи съ послѣднимъ; но обстоятельства эти не вполне оправдываютъ Архарова въ незаботливости его по сему предмету. і) Хотя 1) секретарь Архаровъ не безъ основанія представляетъ членовъ пермской консисторіи неблагорасположенными къ себѣ, какъ состоящему въ приказной ссорѣ съ епар-

хіяльнымъ начальствомъ, и 2) хотя журналъ консисторіи 28-го сентября 1849 года о шумномъ его въ тотъ день спорѣ съ членами относительно единовѣрцевъ не былъ предъявленъ ему, Архарову, надлежащимъ образомъ, но поелику 1) журналъ этотъ подписанъ пятью членами и двумя чиновниками, исправлявшими должность столоначальниковъ, и 2) есть единственный въ своемъ родѣ, ибо нѣтъ никакого другого журнала, составленнаго членами пермской консисторіи на секретаря Архарова, то нельзя не признать за дѣйствительное событія, поставленнаго причиною къ составленію вышеупомянутаго журнала, а потому слѣдуетъ дать оному полную вѣру, тѣмъ болѣе, что мысли, приписываемыя Архарову означеннымъ журналомъ, хотя не съ такою силою, выражены въ разныхъ его объясненіяхъ по сему дѣлу; поэтому Архаровъ почитается виновнымъ въ шумномъ спорѣ съ членами, воспрещаемомъ ст. 60 т. II. Св. Зак. Что-же касается до шума, крика и оскорбленій, приписываемыхъ членами консисторіи Архарову въ другія времена, то обвиненіе въ оныхъ, какъ неопредѣлительное и бездоказательное и, притомъ, дѣлаемое несвоевременно, не признается заслуживающимъ уваженія».

2) Касательно преосвященнаго:

«I) Хотя Архаровъ не безъ основанія пишетъ, что дѣйствія преосвященнаго Аркадія въ отношеніи къ протоіереямъ Инсарскому и Ганимедову, къ священникамъ Прощекальникову и Пономареву (подвергшіяся разсмотрѣнію св. синода, — впрочемъ, лишь нѣкоторыя) были стѣснительны для означенныхъ лицъ, равно какъ и не безобидны безвинныя перемѣщенія нѣкоторыхъ священно-и церковнослужителей съ однихъ мѣстъ на другія; не безъ основанія также почитаетъ онъ, Архаровъ, обидными и вредными для себя дѣйствія преосвященнаго и членовъ консисторіи, состояція въ непредставленіи его, Архарова, къ знаку отличія безпорочной службы, въ оставленіи безъ аттестаціи въ послужномъ спискѣ, въ нѣкоторыхъ укоризненныхъ для него резолюціяхъ, въ наименованіи его ложнымъ и злобнымъ доносчикомъ, противникомъ, врагомъ зависимости, и въ нѣкоторыхъ недоказательныхъ доносахъ; однако-же Архаровъ признается виновнымъ: а) въ употребленіи выраженій, слишкомъ дерзкихъ и оскорбительныхъ для преосвященнаго, которыхъ излишество и самъ онъ (Архаровъ) признаетъ, б) въ бездоказательномъ извѣтѣ, будто-бы преосвященный вооружилъ противъ него духовенство и канцелярію консисторіи, а также будто преосвященный давалъ приказанія рекомендовать невыгодно не нравившихся ему духовныхъ лицъ, или заводить объ нихъ дѣла.

«II) Доносъ Архарова относительно пристрастія преосвященнаго Аркадія къ духовнымъ, переселившимся изъ владимірской епархіи, и

особенно къ родственникамъ его, въ большой части обстоятельствъ справедливъ, именно въ томъ, что а) изъ владимірской епархіи перемѣстилась (въ Пермь) значительная часть—77 священно-и церковнослужителей; что б) въ числѣ ихъ были и родственники преосвященнаго, впрочемъ *не большая часть* ¹⁾, а 13 человекъ, кромѣ 5-ти племянницъ; что в) упомянутые владимірскіе переселенцы помѣщены преимущественно въ уѣздахъ Шадринскомъ и Камышловскомъ, кои, по общему отзыву мѣстныхъ жителей, превосходятъ другіе уѣзды жизненными благами; что г) въ сихъ только уѣздахъ родственниковъ преосвященнаго нынѣ состоитъ 22 человекъ, въ числѣ коихъ заключаются нѣкоторые и изъ вышеупомянутыхъ; что д) владимірскіе переселенцы живутъ спокойнѣе другихъ, не подвергаясь частымъ произвольнымъ перемѣщеніямъ, и е) что представленные Архаровымъ лица дѣйствительно скорѣе другихъ получили почетныя должности и отличія. Что-же касается до вражды между духовенствомъ, перемѣстившимся изъ владимірской епархіи и природнымъ пермскимъ, то обстоятельство сіе, судя по отзывамъ наставниковъ пермской семинаріи, можно почитать вѣроятнымъ только, особенно въ отношеніи къ прошедшему; а посему выраженіе Архарова о семъ предметѣ слишкомъ преувеличено.

«III) Допущеніе родства между причтами при нѣкоторыхъ церквяхъ подтверждается доказательствами.

«IV) Доносъ Архарова о томъ, будто-бы преосвященный Аркадій не совершенно выполнилъ Высочайшее повелѣніе относительно вѣнчанія сводныхъ раскольническихъ браковъ и будто-бы отъ сего сводные браки не уменьшаются, а умножаются, оказывается вовсе несправедливъ; относительно-же того, что протоіерей Протасовъ исправлялъ миссіонерскую должность по Оханскому уѣзду вопреки указу св. синода, подтверждается самимъ преосвященнымъ и дѣломъ о семъ; вѣрно также и то, что преосвященный Аркадій не согласился на распоряженіе консисторіи касательно содѣйствія Архарову по предмету предписанія г-на оберъ-прокурора св. синода на счетъ донесенія ему о происшествіяхъ по духовенству. Задержаніе указовъ отъ 22-го апрѣля 1839 года съ Высочайшимъ повелѣніемъ бездоказательно относить Архаровъ къ вліянію преосвященнаго; но то, что не донесено о семъ обстоятельствѣ св. синоду, почитается опущеніемъ со стороны епархіальнаго начальства.

«V) Донесеніе преосвященнаго Аркадія св. синоду: 1) относительно

¹⁾ Впослѣдствіи самъ св. синодъ не согласился съ такимъ воззрѣніемъ слѣдственной комиссіи на этотъ предметъ.

присоединяющихся изъ раскола къ православію и, въ частности, относительно сепычевскихъ прихожанъ, Архаровъ ложно представилъ не соотвѣтствующими дѣйствительности; но что жители Сепычей и нѣкоторыхъ другихъ православныхъ селеній не усердны къ св. церкви и мало расположены къ исполненію христіанскаго долга—исповѣди и приобщенія св. Таянъ и къ исправленію требъ,—это весьма ясно доказывается собранными свѣдѣніями и признается самимъ преосвященнымъ, въ отвѣтъ коего высказано и защищеніе означеннаго недостатка въ сепычевскихъ прихожанахъ. То-же видно изъ дѣла и относительно единовѣрцевъ пермской епархіи, присоединеніе коихъ консисторія подтверждаетъ подписками о семъ, и сама признаетъ, что требуются еще особенныя и долговременныя занятія съ ними. 2) Донесеніе относительно священника Яковкина не соотвѣтствовало современному положенію дѣла о семъ священникѣ, а 3) донесенія относительно 500 руб. асс., взятыхъ изъ Петропавловскаго собора, вовсе не было, посему извѣтъ Архарова о семъ неоснователенъ.

«VI) Доносъ Архарова относительно перемѣщеній кучами и касательно увольненій за-штатъ священно-и церковнослужителей, безъ прошеній и съ стѣсненіемъ для перемѣщаемыхъ и не по требованію обстоятельствъ, хотя неточенъ въ отношеніи къ числу лицъ, показанныхъ въ іюль 1848 года, но въ отношеніи къ содержанію своему подтверждается и объясненіемъ самого преосвященнаго, и полученными изъ консисторіи копіями съ предложеній послѣдняго по сему предмету, и свѣдѣніями о діаконахъ Ушаковѣ и Максимовѣ; сверхъ сего, видно изъ обстоятельствъ, что преосвященный Аркадій не принималъ въ соображеніе наставленія, изложеннаго въ указѣ св. синода отъ 1-го ноября 1846 года, за № 14.515.

«VII) Сдача преосвященнымъ Аркадіемъ секретныхъ бумагъ въ консисторію во множествѣ, по исполненіи оныхъ, оправдывается предоставленнымъ ему отъ св. синода правомъ; оставленіе-же многихъ изъ такихъ бумагъ безъ доклада консисторіи составляетъ неизвинительную неисправность канцеляріи консисторіи и бывшихъ секретарей оной. А то, что преосвященный Аркадій допускалъ произволъ въ производствѣ нѣкоторыхъ ставленическихъ дѣлъ, даже съ устраненіемъ консисторіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подтверждается достаточно представленными примѣрами.

«VIII) Доносъ секретаря Архарова, что преосвященный убавилъ 6 руб. сер. изъ жалованья канцелярскихъ чиновниковъ пермской консисторіи за іюнь 1848 года въ запасъ для лицъ, предполагавшихся къ увеличенію канцеляріи, основанъ на резолюціи преосвященнаго; но убавка

эта не составляет дѣйствія противозаконнаго; высказанныя-же Архаровымъ, по поводу оной, мысли обнаруживаютъ въ немъ, Архаровъ: 1) непріязненное расположеніе къ своему начальству, по которому онъ мѣру временной предосторожности представилъ противодѣйствіемъ себѣ и какимъ-то противозаконнымъ намѣреніемъ; 2) недѣвольство законнымъ способомъ къ содержанію и склонность къ способамъ особымъ, представляемымъ подъ именемъ дозволенныхъ, а между тѣмъ не основаннымъ ни на какомъ законѣ, и 3) важную клевету, взведенную на архимандрита Павла, имѣвшаго, будто-бы, въ рукахъ своихъ всѣ способы, именуемые позволенными, которыхъ между тѣмъ самъ-же Архаровъ не находитъ въ Перми и послѣ упомянутаго архимандрита».

3) Касательно консисторіи:

«1) Доносъ Архарова о несоблюденіи пермскою консисторіею казеннаго интереса при производствѣ дѣлъ, доказанъ вполне, и члены оной мало извиняютъ себя ссылкою на молчаніе о томъ секретарей. 2) Размѣщеніе консисторскихъ дѣлъ по четыремъ столамъ хотя и не соотвѣтствуетъ порядку Устава духовныхъ консисторій, но причины, изложенныя въ отвѣтъ преосвященнаго по сему предмету, оправдываютъ оное. 3) Въ отступленіи отъ установленнаго законами порядка въ производствѣ дѣлъ члены пермской консисторіи частію сами сознаются, говоря, что инныя дѣла бываютъ отслушиваемы и тремя членами, безъ отвлеченія другихъ отъ ихъ занятій, а еще болѣе обличаются въ этомъ выставленными примѣрами, которые подтверждаютъ доносъ Архарова касательно сего предмета и заставляютъ предполагать въ членахъ недостатокъ должнаго вниманія даже къ указамъ св. синода. Дѣйствіе консисторіи по предмету переплета документовъ оной явно противозаконно. 4) Недостатки, указанные Архаровымъ по настольнымъ реестрамъ, по журналамъ, по протоколамъ консисторіи и относительно исполненія резолюцій, подтверждаются частію признаніемъ самихъ столоначальниковъ консисторіи, частію примѣрами тѣхъ недостатковъ, которые остаются и донынѣ, и частію дѣлами о переплетѣ документовъ и по доносамъ Флавіева. 5) Недостатки относительно храненія указовъ св. синода и протоколовъ консисторіи хотя и исправлены многіе, но и теперь остаются еще таковыя въ немаломъ количествѣ. 6) Оставленіе церковныхъ документовъ почти всѣхъ безъ должнаго свидѣтельства подтверждается самими документами, какъ не имѣющими надписей о свидѣтельствѣ, такъ и предложеніями преосвященнаго, данными въ ноябрѣ 1847 года по сему предмету, которыя и донынѣ не приведены въ исполненіе; этими-то предложеніями опровергается и извѣтъ Архарова, будто преосвященный препятство-

валъ свидѣтельствуванію церковныхъ документовъ. 7) Замедленіе по дѣламъ о выдачѣ первыхъ трехъ метрическихъ свидѣтельствъ оправдывается достаточно; прочіе-же примѣры замедленія не оправдываются представленными причинами; общія причины медленности по производству дѣлъ, указанныя Архаровымъ, справедливы, кромѣ той, которую поставляетъ онъ въ неисполненіи нѣкоторыхъ журналовъ, во время отбытія преосвященнаго въ епархію; ибо это было непродолжительно и не безъ исключеній. Должность миссіонера по уѣздамъ Пермскому и Осинскому съ должностями благочиннаго и члена консисторіи въ лицѣ каедральнаго протоіерея Михаила Протасова почитается неудобосовмѣстимою, какъ требующая немаловременныхъ занятій и для сего нерѣдкихъ отлучекъ изъ города. 8) Въ недостаткахъ по архиву консисторіи сознается и пермское епархіальное начальство. 9) Существованіе въ архивѣ пермской консисторіи нерѣшенныхъ дѣлъ доказано Архаровымъ и не подлежитъ сомнѣнію. 10) Невнесеніе многихъ бумагъ во входящіе реестры доказано примѣрами, а невнесеніе въ докладные настольные реестры многихъ-же бумагъ и записанныхъ во входящіе подтверждено самою консисторіею, съ таковымъ только несправедливымъ объясненіемъ, будто всѣ тѣ бумаги не требовали никакого разсужденія и распоряженія».

«11) Относительно распубликованія Высочайшаго повелѣнія, изображеннаго въ указѣ св. синода отъ 19-го декабря 1838 года, и 12) о пятистахъ рубляхъ, взятыхъ въ 1837 году изъ пермскаго Петропавловскаго собора на выписки церковныхъ плановъ,—очевидны сами по себѣ. Но они были до Всемиловѣйшаго манифеста 16-го апрѣля 1841 г. 13) По соображенію какъ значущихся въ дѣлѣ (?), такъ и нѣкоторыхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, есть основаніе думать, что члены пермской консисторіи выполняли иногда волю преосвященнаго Аркадія съ отступленіемъ отъ порядка, требуемаго законами; сказанное-же Архаровымъ, будто-бы они и не могутъ дѣйствовать, какъ законъ повелѣваетъ, есть чрезмѣрное преувеличеніе, ничѣмъ не доказанное. Особенное снисхожденіе преосвященнаго Аркадія къ протоіерею Іакову Пономареву обнаруживается тѣмъ, что, при извѣстности объ его запоѣ, оставленъ онъ членомъ консисторіи и доставлены ему отличія, по обличеніи его въ самой консисторіи въ нетрезвости, не удаленъ отъ присутствія въ консисторіи, а также отзывомъ преосвященнаго, что онъ былъ терпимъ по уваженію къ его опытности и неутомимости въ дѣлахъ. 14) Невѣрность въ счетѣ службы Шастина показываетъ недостатокъ вниманія производившихъ это дѣло, оказавшееся несогласнымъ съ дѣйствительностію. Донесеніе членовъ консисторіи о томъ, будто-бы свидѣствованы были церковные

документы, какъ несогласное съ дѣйствительностію, подаетъ поводъ заключать о намѣренномъ желаніи ихъ закрыть неискренность свою несправедливостію» ¹⁾).

Синодъ, вслѣдствіе этого донесенія ревизіонной комиссіи и взгляда ея на дѣйствія Архарова и епархіальнаго пермскаго управленія, составилъ такого рода опредѣленіе по этому дѣлу: «1) Секретарю Архарову, за несоблюденіе долга подчиненности, за уклоненіе отъ представленія преосвященному дѣлъ и бумагъ, за нерѣдкое нехождение къ должности, за замедленіе ревизіи консисторскихъ суммъ въ сентябрѣ 1849 года, за неприличность и преувеличеніе доноса въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ оный по слѣдствію не оправданъ, сдѣлать строгое замѣчаніе со внушеніемъ, что впредь за подобныя поступки подвергнется сужденію по законамъ. 2) Членамъ пермской консисторіи за все вышеизложенныя упущенія и безпорядки по дѣлопроизводству, въ которыхъ они оказываются виновными, сдѣлать строгій выговоръ, со внушеніемъ, что за подобныя дѣла подвергнутся строжайшей отвѣтственности по законамъ; допущенные-же безпорядки по дѣлопроизводству и по архиву немедленно исправить, за чѣмъ особенное наблюденіе поручить преосвященному Аркадію, съ тѣмъ, чтобы о введеніи порядка по замѣченнымъ частямъ доносилъ св. синоду чрезъ каждые полгода, доколѣ все замѣченное въ безпорядкѣ не исправится, и 3) преосвященному Аркадію объяснить, что св. синодъ съ крайнимъ прискорбіемъ обозрѣвалъ распоряженія его, которыя оказываются выходящими изъ порядка, а по своему примѣру и послѣдствіямъ вредны службѣ и нравственному благу порученной ему епархіи. Произвольное и стѣснительное, безъ законной причины, перемѣщеніе духовенства съ однихъ мѣстъ на другія составляетъ собою дѣйствіе, крайне стѣснительное для подчиненныхъ и вредное для паствы. Вызовъ изъ одной владимірской епархіи столь значительнаго числа духовенства и въ особенности родственниковъ, съ предоставленіемъ симъ послѣднимъ выгодныхъ мѣстъ и незаслуженныхъ повышеній и отличій, составляя несправедливость и стѣсненіе для мѣстнаго духовенства, обнаруживаетъ такое въ лицѣ его пристрастіе, которое противно законамъ и, притомъ, крайне неприлично для его сана. Показаніе-же значительнаго числа раскольниковъ присоединившимися къ церкви, тогда какъ они продолжаютъ чуждаться ея, какъ противное истинѣ и представляющее столь

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ донесеніе слѣдственной комиссіи св. синоду отъ 2-го марта 1849 года.

важное дѣло въ превратномъ видѣ, можетъ вредить самому дѣлу и вводить высшее начальство, основывающееся на такихъ донесеніяхъ, въ неправильное заключеніе и даже могло-бы послужить основаніемъ къ неправильнымъ донесеніямъ Государю Императору, а потому, сдѣлавъ за все сіе строгій выговоръ ему, преосвященному, предписать: 1) отъ неправильнаго передвиженія духовенства воздержаться; 2) впредь изъ владимірской епархіи въ пермскую лицъ духовныхъ и воспитанниковъ не переводить; 3) о присоединившихся раскольникахъ къ церкви доносить по одной истинѣ, не считая ихъ присоединенными дотолѣ, доколѣ сіе не оправдается исполненіемъ съ ихъ стороны устава церкви; 4) принять всѣ мѣры, чтобы о происшествіяхъ въ духовномъ вѣдомствѣ и среди духовенства доставлялись г. оберъ-прокурору свѣдѣнія своевременно и вѣрно для доклада Государю Императору; 5) не допускать никакихъ неправильныхъ распоряженій, подобныхъ вышеизложеннымъ, и для прекращенія сего на будущее время въ случаяхъ несогласія его, преосвященнаго, съ консисторією, не приводя своихъ заключеній въ исполненіе, представлять дѣла на разрѣшеніе св. синода, и 6) поставить себя строго въ предѣлы закона и порядка, такъ, чтобы св. синодъ не былъ вынуждаемъ принять какія-либо рѣшительныя мѣры въ отношеніи къ нему, преосвященному»¹⁾.

Въ 1851 году Аркадій былъ перемѣщенъ изъ Перми въ Петрозаводскъ и съ этого времени до того измѣнились непріязненные къ нему отношенія св. синода, что его даже вызвали въ Петербургъ для присутствованія въ немъ, а друга его, архимандрита Павла, перевели въ Олонецкую епархію. Самъ Пратасовъ, враждовавшій прежде противъ Аркадія, въ послѣдствіи оказывалъ вниманіе къ нему и охотно исполнялъ его просьбы. Такъ, когда владимірскій епископъ Іустинъ не согласился опредѣлить въ село Черкутино—родину покойнаго графа Михаила Михайловича Сперанскаго—на мѣсто протоіерея Михаила Ѳедоровича Третьякова, женатаго на сестрѣ покойнаго Сперанскаго, внука его, окончившаго курсъ наукъ во владимірской семинаріи, Павла Киржачскаго, на томъ основаніи, что Киржачскій былъ второго разряда, а черкутинскій приходъ, по средствамъ, представляемымъ имъ къ содержанію священнослужителей, могъ быть занятъ перворазряднымъ воспитанникомъ семинаріи, тогда Аркадій, какъ родной братъ протоіерея Третьякова, обратился съ просительнымъ письмомъ къ Пратасову объ опредѣленіи въ Черкутино означен-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ св. синода отъ 31-го декабря 1850 года.

наго Киржаческаго ¹⁾). Пратасовъ съ жаромъ взялся за это дѣло и, отозвавшись съ чувствомъ негодованія о поступкѣ Іустина при предложеніи письма Аркадія св. синоду, успѣлъ склонить его членовъ удовлетворить просьбу Аркадія ²⁾). Можетъ быть, на перемѣну отношеній синода и Пратасова къ Аркадію имѣло большое вліяніе обаятельное имя его родственника—Михаила Михайловича Сперанскаго, а можетъ быть этому много помогло и присущее Аркадію искусство очаровывать людей и располагать ихъ въ свою пользу. Нѣкоторые-же объясняютъ измѣненіе отношеній къ Аркадію тѣмъ, что Пратасовъ, чувствуя въ послѣдніе годы своей жизни утомленіе отъ постоянной борьбы съ архіереями, сталъ примиряться съ тѣми изъ нихъ, которыхъ ему приходилось прежде учить порядку и сдержанности.

¹⁾ Вотъ письмо Аркадія къ Пратасову:

«Сіяте́льнѣйшій графъ, милостивѣйшій государь! Владимірской епархіи села Черкутина протоіерей Михаилъ Ѳеодоровъ и жена его, родная и единственная сестра покойнаго графа Михаила Михайловича Сперанскаго, оба слишкомъ семидесятилѣтніе, имѣютъ нужду въ призрѣніи. Протоіерей свое священническое мѣсто желаетъ сдать своему внуку, сыну вдовы-дочери, окончившему курсъ во владимірской семинаріи Павлу Киржаческому; но такъ какъ сей внукъ кончилъ семинарскій курсъ во второмъ разрядѣ, то владимірскій архипастырь отказалъ протоіерею въ просьбѣ, предлагая протоіерею помѣняться мѣстомъ съ перворазряднымъ священникомъ, чтобы на мѣсто сего священника произвести помянутаго внука. Протоіерей Михаилъ, мой родной братъ, поступилъ въ село Черкутино на мѣсто родителя, графа Михаила Михайловича; графъ, изъ признательности къ протоіерею за успокоеніе родителей, и зная скудость его, выстроилъ для него въ селѣ Черкутинѣ каменный домикъ; протоіерею оставить Черкутино, и особенно изъ признательности къ покойнымъ родителямъ и высокому благодѣтелю—тяжело; притомъ-же, протоіерей въ нынѣшнемъ году лишился единственнаго сына, статскаго совѣтника Петра Сперанскаго, который волею Божіею умеръ; имѣетъ двухъ дочерей съ сиротами, оставшихся послѣ священниковъ; вдовы и сироты многочисленныя, доселѣ питаются пріютомъ у престарѣлыхъ родителей, которые образецъ добродѣтелей супружескихъ и родительскихъ.

«Сіяте́льнѣйшій графъ! изъяснивъ горькія обстоятельства престарѣлыхъ сестры и зятя покойнаго графа Михаила Михайловича Сперанскаго, осмѣливаюсь обратиться къ вамъ, милостивѣйшій государь, съ моею покорнѣйшею просьбою—не соблаговолили вы и нынѣ обратить ваше милостивое вниманіе на тяжкое положеніе поминаемыхъ родныхъ покойнаго графа и найти возможнымъ, чтобы сестра и зять его могли провести послѣдніе дни своей жизни въ селѣ Черкутинѣ, при родномъ призрѣніи внука, поминаемаго воспитанника семинаріи Павла Киржаческаго, съ опредѣленіемъ его на священническое мѣсто, занимаемое теперь протоіереемъ». (29-го августа 1853 года).

²⁾ См. въ св. синодѣ дѣло о производствѣ семинариста Павла Киржаческаго во священника въ село Черкутино на мѣсто протоіерея Михаила Третьякова, годъ 1853 № 1313.

IX. Ревизія олонецкаго епархіальнаго управленія.

Ревизія олонецкаго епархіальнаго управленія была вызвана дѣйствіями архіепископа олонецкаго Венедикта, человѣка больного физически и нравственно, оригинала до странностей, мизантропа, мало вѣровавшаго въ благородство побужденій и чувствъ и сухого формалиста. Подозрительный и мрачный взглядъ Венедикта на людей образовался въ немъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ въ его жизни, еще прежде, чѣмъ онъ былъ назначенъ петербургскимъ викаріемъ. Столичная жизнь и ея обстановка не только не измѣнили, но еще болѣе усилили мрачное настроеніе души Венедикта. Въ Петербургѣ онъ увидѣлъ лицомъ къ лицу многія неустройства нашей высшей духовной администраціи, которыя вдали отъ правительственнаго центра были имъ вовсе не замѣчаемы. Въ Петербургѣ-же онъ былъ пораженъ разладомъ между словами и дѣйствіями, который представляется тѣмъ отвратительнѣе, чѣмъ болѣе люди, подверженные этому пороку, предъявляютъ правъ на общественное къ себѣ уваженіе. Онъ порывался срывать маску съ такихъ людей, пытался, во время самостоятельнаго, за слабостью митрополита Серафима, управленія петербургскою метрополіею, выводить на позоръ этихъ общественныхъ лицедѣевъ и преслѣдовать ихъ формальнымъ судомъ; но они, оградивъ себя, какъ каменною стѣною, протекціею и будучи защищаемы секретаремъ Серафима Сусловымъ, не потерявшимъ и въ то время своего значенія, были всегда оправдываемы. Самая продолжительность времени пребыванія его въ должности петербургскаго викарія, выходившая далеко за обычные предѣлы (Венедиктъ былъ петербургскимъ викаріемъ почти 10 лѣтъ, съ 1-го мая 1833 г. по 16-е ноября 1842 г.), частыя столкновенія его съ препятствіями въ исполненіи своихъ намѣреній, постоянная борьба противъ вторженія свѣтской власти въ дѣла петербургскаго епархіальнаго управленія,—все это болѣе и болѣе раздражало его и развивало въ немъ мизантропію. Отъ людей бѣжалъ онъ къ дѣламъ консисторскимъ и хотѣлъ забыться въ нихъ, но и здѣсь встрѣчалъ онъ снова людей въ самыхъ непривлекательныхъ образахъ. Единственнымъ мѣстомъ успокоенія его, гдѣ онъ отдыхалъ душою и тѣломъ, гдѣ среди душевныхъ разговоровъ успокоивалась у него желчь и исчезала хандра, были семейства родныхъ его братьевъ: протоіерея І. Григоровича и чиновника Константиновскаго дворца Н. Григоровича. Изъ писемъ Венедикта къ братьямъ изъ Петрозаводска видно, какъ горячо онъ любилъ ихъ и какъ близко принималъ къ сердцу все касавшееся до нихъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько

отрывковъ изъ этихъ писемъ. Вотъ, напр., что онъ писалъ, между прочимъ, къ о. протоіерею Григоровичу отъ 29-го октября 1849 года: «Почтеннѣйшій, любезный братецъ, отецъ протоіерей Іоаннъ Іоанновичъ, письма ваше отъ 28-го сентября, и братцево отъ 29-го, получилъ я исправно. Читая и перечитывая ихъ, вижу ихъ даже во снѣ и благодарю за извѣщеніе отъ всего сердца. Но, за всѣмъ тѣмъ, не могу ясно постигнуть, что это за бѣды собираются на мою голову; что я сдѣлалъ худого имъ? въ чемъ я виноватъ предъ ихъ милостями?» А вотъ другое его письмо къ нему-же, отъ 20-го апрѣля 1850 года:

«Почтеннѣйшій, любезный братецъ, отецъ протоіерей Іоаннъ Іоанновичъ!

«Воистину воскресе Христосъ! Душевно благодарю васъ со всею домашнею церковію вашею и за благожеланія съ свѣтлымъ днемъ Господа и Искупителя, и за праздничную посылку. Ихъ получилъ я своевременно въ самый день.

«Къ Александру Ивановичу (старшій сынъ о. Григоровича, поступившій въ военную службу) въ Ямбургъ написалъ я въ первый разъ только нынѣ, 25-го числа, или лучше сказать, со вторичною почтою на Свѣтлой недѣлѣ; приложилъ по настоящей своей возможности и на красное яичко или, лучше сказать, на солдатскіе зубы, 25 р. Дай Богъ, чтобъ былъ хорошимъ солдатомъ, тогда будетъ и хорошимъ капраломъ. Кланяйтесь братцу Николаю Ивановичу. Да утѣшитъ его самъ Господь. Постараюсь написать къ нему съ слѣдующею почтою и самъ, что Богъ пошлетъ. Нынѣшнія суеты одолеваятъ у меня (sic).

«Прощайте покамѣстъ. Да благопоспѣшитъ вамъ Господь во всемъ.

«Вамъ душевно преданный братъ и слуга А. В—тъ».

Но посѣщенія Венедиктомъ семействъ своихъ братьевъ не могли долго поддерживать въ немъ хорошаго настроенія духа, потому что, во-первыхъ, при многочисленности епархіальныхъ дѣлъ ему нельзя было часто посѣщать ихъ, а во-вторыхъ, хандра и мизантропія слишкомъ далеко пустили корни въ его душѣ.

Послѣ почти десятилѣтняго викаріатствованія въ Петербургѣ, за два мѣсяца до смерти митрополита Серафима, Венедиктъ былъ назначенъ олоонецкимъ архіепископомъ и присутствующимъ въ св. синодѣ. Новое назначеніе, какъ и всякая новость, на первыхъ порахъ если не произвело перемѣны въ характерѣ Венедикта, то, по крайней мѣрѣ, какъ-бы оживило его, тѣмъ болѣе, что при этомъ возбуждены были въ немъ надежды на повышеніе и на переводъ въ высшую и болѣе выгодную для

него епархію, и ему было прямо сказано, что на настоящее свое назначеніе онъ долженъ смотрѣть какъ на временное и переходное. Но время, между тѣмъ, шло, а новаго назначенія Венедикту не давали, хотя держали его въ Петербургѣ и не отпускали въ свою епархію. Такъ прошло около пяти лѣтъ. Надежды Венедикта постепенно испарялись и онъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удостовѣрялся въ томъ, что его обманываютъ, и въ синодѣ держатъ потому только, что въ немъ чувствуютъ нужду, какъ въ опытномъ юристѣ; и дѣйствительно, какъ скоро эта нужда въ немъ миновалась, ему предписали указомъ отправиться въ Петрозаводскъ, а предшественника его по управленію олонецкою епархіею, донского архіепископа Игнатія, вызвали на его мѣсто въ синодъ. Венедиктъ пріѣхалъ въ свою епархію съ чувствами, проникнутыми желчью, а встрѣча съ тамошними лицами и дѣлами настроили его на самый грустный ладъ. Весь отдавшись мрачнымъ впечатлѣніямъ, лишенный утѣшенія своихъ братьевъ, съ тупою ненавистью и злобою къ своему предшественнику, Венедиктъ въ его учрежденіяхъ хотѣлъ преслѣдовать его самого, уничтожалъ все полезное, устроенное имъ, и возобновлялъ все, уничтоженное имъ Мало обращая вниманія на общественное мнѣніе, брюзгливый, неблагообразный въ служеніи, не строгій къ себѣ, не слишкомъ мягкій къ другимъ, больной, безъ любви къ своей паствѣ, онъ произвелъ на нее неблагопріятное впечатлѣніе, которое было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ живѣе и яснѣе носился передъ нею образъ прежняго ея дѣятельнаго пастыря, благоговѣйнаго въ служеніи, доступнаго для всѣхъ, внимательнаго ко всѣмъ. Чтобы судить о внутреннемъ состояніи души Венедикта, мы приведемъ здѣсь письмо его къ о. протоіерею Григоровичу отъ 15-го ноября 1847 года: «Душевно благодаренъ вамъ, писалъ онъ, за письмо отъ 1-го ноября. Взаимно написалъ-бы и о здѣшнихъ духовныхъ особенностяхъ, но онѣ, по начально положеннымъ на нихъ клеймамъ, такъ тягостны мнѣ, что ни самъ не могу смотрѣть на нихъ равнодушно, ни людямъ похвалиться нелѣпостями. Лучше, разсуждаю, помолчать». Другое письмо, отъ 29-го октября, еще лучше характеризуетъ внутреннее состояніе его. «Если позволять вамъ обстоятельства, писалъ онъ къ тому-же своему брату, и ваша служба, Бога ради пріѣзжайте ко мнѣ, хотя дня на три или четыре. Мнѣ очень-бы желательно раздѣлить съ вами свои мысли и чувстваванія. Ихъ никто другой не можетъ принять отъ меня». Потомъ онъ постоянно просилъ своихъ братьевъ чаще писать къ нему и обращался къ нимъ съ такого рода мольбою: «Бога ради, радуйте меня при досугахъ своими письмами; они для меня утѣшеніе, какого-бы ни были содержанія» (письмо отъ 8-го

апрѣля 1850 года). Недовольство своимъ состояніемъ выражалось и въ его епархіальныхъ дѣлахъ, которыя хотя двигались, но медленно, носили печать апатіи и были болѣе разрушительнаго свойства, чѣмъ устроющаго. Онъ чувствовалъ всю безысходность своего положенія и съ безотраднымъ отчаяніемъ покорился своей судьбѣ. Братья хорошо понимали состояніе души его, а потому хлопотали въ Петербургѣ о переводѣ его въ другую епархію и ни мало не вѣрили его фразѣ слѣдующаго содержанія: «Возьмите себѣ *за и на нотабене*, что я не думаю и рѣшительно не хочу никуда отсюда, хотя-бы то было на самое лучшее мѣсто. Здѣсь я пришелся ко двору. При случаѣ поговорите объ этой моей новости и съ Василиемъ Борисовичемъ (Бажановымъ), прося отъ меня-же, чтобы въ надлежащихъ случаяхъ благоволили онъ закинуть по этому за меня свое словечко. Я не ищѣю ничего на свѣтѣ и ни о чемъ не думаю, кромѣ того, на что единожды поставленъ. Даль-бы Богъ и это сдѣлать, какъ должно и какъ хочется». Въ постскриптѣ этого письма онъ прибавляетъ: «Мартовская и апрѣльская погода здѣсь такая отличная, какой въ Петербургѣ не видывано и не слыхано. Благость и премудрость Господа на сѣверѣ для человѣка такова-же, какъ и на благодатномъ югѣ. Дивны дѣла Твоя, Господи, и ни едино-же слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ!» (письмо отъ 8-го апрѣля 1850 года). Примирившись, повидимому, съ средою, Венедиктъ съ полнымъ невниманіемъ къ синоду, открытымъ невниманіемъ къ его предписаніямъ и указамъ и явною оппозиціею его распоряженіямъ. Вынеся изъ Петербурга полное и глубокое къ нему нерасположеніе, онъ въ Петрозаводскѣ не исполнялъ его предписаній. Такъ, остались неисполненными Венедиктомъ слѣдующіе синодальные указы: 1) по жалобѣ на него синоду священника олонецкаго собора Александра Прилежаева на неправильное удаленіе его изъ города Олонца въ г. Вытегру; 2) о разсмотрѣніи поступковъ священника Повѣнецкаго уѣзда, Паданскаго погоста Ильи Егорова, учиненныхъ въ православной часовнѣ, въ противность узаконеніямъ объ образѣ поведенія въ отношеніи къ раскольникамъ; 3) по дѣлу о сравненіи содержанія причта въ селѣ Рубежѣ съ причтами другихъ церквей; 4) о построеніи церкви въ Верховскомъ приходѣ; 5) по прошенію воспитанника олонецкой семинаріи Ѳедора Ладвинскаго на проволочку съ 1844 года дѣла о производствѣ его въ духовный санъ; 6) о недоставленіи срочныхъ донесеній за цѣлый годъ объ училищахъ при монастыряхъ и приходскихъ церквяхъ, о бывшихъ и не бывшихъ на исповѣди и у св. причастія, о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ, и 7) о недоставленіи отвѣта министру финансовъ о возвращеніи въ капиталъ Александроневской церкви,

состоящей въ вѣдѣніи Олонецкихъ заводовъ, билета Сохранной казны въ 1250 руб. асс., а равно и другихъ принадлежащихъ ей суммъ ¹⁾). Но большой бѣды еще не было-бы, еслибы Венедиктъ не исполнилъ только этихъ указовъ; самъ синодъ, чувствуя свое неловкое положеніе по отношенію къ нему, боялся раздражать его настоятельными напоминаніями о неисполненныхъ указахъ. Къ несчастію Венедикта, въ числѣ неисполненныхъ имъ синодальныхъ указовъ находилось одно высочайшее повелѣніе. Въ 1846 году Императоръ Николай повелѣлъ министру юстиціи графу Панину удалить отъ службы по вѣренному ему министерству чиновниковъ, не только явно неблагонадежныхъ, но и тѣхъ, которые навлекаютъ на себя сильное подозрѣніе въ неблагонамѣренности дѣйствій; вмѣстѣ съ этимъ, повелѣно было Панину представить и проектъ о мѣрахъ къ приведенію въ надлежащее устройство состава гражданскихъ чиновниковъ и по другимъ вѣдомствамъ, кромѣ министерства юстиціи. Такъ какъ безпорядки и упущенія замѣчены были Государемъ преимущественно по губернскимъ учрежденіямъ, то поэтому проектъ Панина направленъ былъ, главнымъ образомъ, къ улучшенію состава губернскихъ чиновниковъ. По проекту Панина предполагалось отправить въ разныя губерніи членовъ консултанціи, снабдивъ ихъ особымъ наставленіемъ, по силѣ котораго они должны будутъ ревизовать губернскія и уѣздныя судебныя мѣста, для узнанія степени благонадежности губернскихъ чиновниковъ и для удаленія отъ должности тѣхъ изъ нихъ, которые не далѣе пяти лѣтъ тому назадъ заслужили явное порицаніе своимъ поведеніемъ или сильное подозрѣніе, а также и для приведенія въ ясность и отстраненія, по мѣрѣ возможности, на мѣстѣ тѣхъ главныхъ безпорядковъ, которые обнаружены произведенными донинѣ ревизіями, и въ особенности медленности или бездѣйствія въ производствѣ дѣлъ и слѣдствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по проекту Панина, предоставлялось этимъ ревизорамъ право увольнять отъ должности тѣхъ неблагонадежныхъ чиновниковъ по вѣдомству министерства юстиціи, которые опредѣлены на службу не по указамъ Государя или сената. Удаленныхъ такимъ образомъ чиновниковъ Панинъ полагалъ не опредѣлять ни въ какую должность безъ разрѣшенія главнаго начальства. Наконецъ, для достиженія, по его выраженію, во всей полнотѣ воли Государя, онъ предлагалъ пересмотрѣть весь уставъ о гражданской службѣ, со всѣми его приложеніями и дополненіями. Пересмотромъ устава, по предположенію

¹⁾ См. въ дѣлѣ св. синода объ увольненіи отъ службы неблагонадежныхъ чиновниковъ, начавшемся 18-го декабря 1846 года, указъ синодскій отъ 8-го іюня 1849 года.

его, долженъ былъ заняться особый комитетъ, составленный изъ товарищей министровъ и начальника штаба, и изъ директоровъ департаментовъ тѣхъ главныхъ управленій, въ коихъ нѣтъ лицъ первыхъ двухъ званій. Государь одобрилъ проектъ Панина, но съ нѣкоторыми ограниченіями, выраженными въ слѣдующей резолюціи: «Согласенъ; но неблагонадежныхъ чиновниковъ не опредѣлять вновь на службу по другому вѣдомству безъ Моего распоряженія; комитетъ составить изъ товарищей министровъ подъ предѣдательствомъ А. С. Танъева» ¹⁾. Новое распоряженіе касалось и гражданскихъ чиновниковъ, служащихъ по духовному вѣдомству. Синодъ, по выраженію его, «соображаясь съ существующимъ по духовному вѣдомству порядкомъ завѣдыванія всѣхъ епархіальныхъ и присутственныхъ мѣстъ и учебныхъ заведеній, соединенныхъ съ іерархическою властію епархіальныхъ архіереевъ, которымъ подчинены гражданскіе чиновники оныхъ, положилъ: взамѣнъ мѣръ, принятыхъ по министерству юстиціи, исполнить сіе высочайшее повелѣніе по духовному вѣдомству слѣдующимъ образомъ: для ближайшаго узнанія степени благонадежности служащихъ въ епархіяхъ гражданскихъ чиновниковъ, для удаленія отъ должности тѣхъ, кои прежнею подсудимостію въ недавнее еще время, т. е. не далѣе пяти лѣтъ тому назадъ, или дурнымъ поведеніемъ заслужили явное порицаніе, или навлекли на себя сильное подозрѣніе, въ послѣднемъ званіи не ослабившееся, поручить епархіальнымъ архіереямъ, также оберъ-священникамъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ и арміи и флотовъ обратить нынѣ-же, неукоснительно, строжайшее вниманіе на службу и поведеніе всѣхъ чиновниковъ ихъ вѣдомства, кромѣ секретарей духовныхъ консисторій, и о томъ, кого они признаютъ неблагонадежнымъ къ оставленію при настоящей должности, представитъ къ увольненію, съ изъясненіемъ побудительныхъ къ тому причинъ, на разрѣшеніе св. синода, а по духовно-учебному вѣдомству установленнымъ для сего порядкомъ. За симъ предписать къ повсемѣстному наблюденію по духовному вѣдомству, чтобы чиновники, уволенные отъ должностей, какъ неблагонадежные, также бывшіе подъ судомъ и приговоромъ суда не оправданные, даже и въ тѣхъ случаяхъ, хотя-бы лица сіи не имѣли еще класснаго чина или права на оный, не были опредѣляемы ни къ какимъ должностямъ, безъ представленія о томъ предварительно на усмотрѣніе св. синода» ²⁾. Вслѣдствіе

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ копію съ выписки изъ журналовъ комитета министровъ 19-го ноября и 3-го декабря 1846 года.

²⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ синода отъ 20-го декабря 1846 года.

этого, архіереи должны были рапортовать св. синоду о неблагонадежных чиновникахъ, служащихъ по духовному вѣдомству. Одни изъ архіереевъ донесли, что у нихъ нѣхъ такихъ чиновниковъ, другіе представили къ увольненію нѣкоторые, но третьи въ продолженіе цѣлаго года не присылали никакихъ исполнительныхъ донесеній ¹⁾, а потому снова циркулярнымъ указомъ св. синода подтверждено было послѣднимъ о скорѣйшемъ исполненіи указа касательно неблагонадежныхъ чиновниковъ. Наконецъ, всѣ архіереи доставили донесенія по этому предмету, какъ умѣли, кромѣ Венедикта. Пратасовъ самъ писалъ къ нему, чтобы онъ позаботился объ исполненіи высочайшаго повелѣнія, но Венедиктъ не удостоилъ отвѣтомъ оберъ-прокурора. Тогда Пратасовъ въ вѣдомости о неисполненныхъ высочайшихъ повелѣній за 1848 годъ черезъ Танѣева доложилъ Государю, что Венедиктъ уже болѣе года не исполняетъ высочайшаго повелѣнія о неблагонадежныхъ чиновникахъ. Государь на этой вѣдомости написалъ: «Спросить». Синодъ спросилъ Венедикта, но онъ ему не отвѣтилъ. Тогда синоду ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ послать отъ себя довѣренное лице въ Петрозаводскъ для истребованія отъ Венедикта отчета не только въ этомъ поступкѣ, но и въ другихъ, и для обозрѣнія образа его управленія. Въ указѣ синода по случаю назначенія надъ Венедиктомъ ревизіи, многознаменательно сначала перечислялись всѣ тѣ случаи, въ которыхъ онъ не исполнилъ его предписаній, а потомъ говорилось, что «онъ съ сожалѣніемъ усматриваетъ крайній недостатокъ дѣятельности архіепископа Венедикта въ исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей и заботливости не только указовъ св. синода, но и высочайшихъ повелѣній, такъ что ни побужденія начальства, ни обращеніе на его медленность по первому показанному здѣсь дѣлу вниманія Государя Императора, не возбудили его донинѣ къ исполненію долга, а потому, считая себя въ непремѣнной обязанности употребить всѣ крайнія мѣры, какъ къ наискорѣйшему исполненію высочайшей Его Императорскаго Величества воли о мѣрахъ къ устраненію отъ службы неблагонадежныхъ чиновниковъ по духовному вѣдомству, такъ и окончанію прочихъ вышепрписанныхъ дѣлъ, опредѣляетъ: 1) командировать въ г. Петрозаводскъ одного изъ находящихся въ С.-Петербургѣ архимандритовъ, поручивъ ему, по пріѣздѣ туда, отнестись лично къ архіепископу Венедикту, чтобы онъ благоволилъ поспѣшить въ присутствіи его окончаніемъ всѣхъ помянутыхъ дѣлъ, а особенно о чиновникахъ, и

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ предложеніе графа Пратасова синоду отъ 10-го декабря 1847 года.

вручилъ ему требуемыя отъ него свѣдѣнія для представленія въ св. синодъ. 2) Еслибы при семъ преосвященный и затруднился въ нѣкоторыхъ такими обстоятельствами, которыя легко могутъ быть устранены, то предложить ему, ни мало не медля, принять къ тому нужныя мѣры и съ такою-же поспѣшностію положивъ конецъ тѣмъ дѣламъ, передать ему, что нужно св. синоду, для представленія въ оный. 3) Если-же на-противъ, въ окончаніи какихъ-либо изъ тѣхъ дѣлъ примѣчено будетъ со стороны преосвященнаго одно безосновательное уклоненіе, въ такомъ случаѣ просить у него самыхъ дѣлъ тѣхъ для просмотра, принявъ тѣ изъ нихъ, кои не получили еще окончанія по консисторіи, или и получили, но имѣютъ въ составѣ своемъ какіе-либо недостатки, предложить ей окончить въ самоскорѣйшемъ времени, и получивъ оныя отъ нея обратно, представить въ св. синодъ подлинниками. 4) Въ случаѣ какихъ-либо препятствій и затрудненій доносить объ оныхъ св. синоду. Вмѣстѣ съ симъ, предписать самому архіепископу Венедикту непремѣнно и безъ малѣйшаго замедленія выполнить все требованія командимаго по изложеннымъ дѣламъ и съ нимъ-же донести о томъ св. синоду» ¹⁾).

Въ этомъ указѣ заключались и программа дѣйствій для ревизора, и выговоръ и угроза для Венедикта, и боязнь синода, чтобы Венедиктъ не сдѣлалъ какой-либо отчаянной выходки. Ревизоромъ назначенъ былъ Антоній, ректоръ кievской семинаріи, человекъ тонкій, хитрый, самостоятельный и твердый. Венедиктъ принялъ Антонія не очень мягко и любезно; но онъ повелъ дѣло такъ ловко, что преосвященный исполнилъ почти все предписанія синода, за исключеніемъ только двухъ, именно: 1) касательно вновь строящейся каменной церкви Олонецкаго уѣзда въ Верховскомъ погостѣ и 2) возвращенія въ капиталъ Александровской церкви билета Сохранной казны въ 1250 руб. асс., несмотря на то, что онъ въ это время былъ очень нездоровъ, такъ что съ нимъ дѣлались припадки даже во время отправленія богослуженій. Такъ, 22-го іюля, какъ рапортовалъ секретарь олонцкой консисторіи, случилось слѣдующее происшествіе съ Венедиктомъ во время отправленія имъ богослуженія въ кафедральномъ соборѣ: по освященіи св. Даровъ, онъ упалъ на руки сослужащихъ съ нимъ и потомъ спущенъ былъ на полъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи и оставался въ безпамятствѣ до прибытія медиковъ около 25-ти минутъ. Священнодѣйствіе dokonчили и положенный на этотъ день царскій молебенъ совершилъ уже Антоній — реви-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ св. синода отъ 15-го іюня 1849 года.

зорь¹⁾. Что-же касается исполненія высочайшаго повелѣнія о неблагонадежныхъ чиновникахъ, то Венедиктъ рапортовалъ и объ этомъ синоду, но объяснилъ причину своей медленности по этому дѣлу чрезвычайно темно и уклончиво; впрочемъ, изъ этого рапорта можно было видѣть, что онъ недоволенъ своею консисторіею. «Возвратясь на епархію, писалъ онъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1847 г. и озабочиваясь тѣмъ, что около пяти минувшихъ не имѣлъ я къ служащимъ въ консисторіи чиновникамъ личныхъ по службѣ отношеній, ниже непосредственныхъ съ ними занятій дѣлами, поручалъ я для безошибочности своей разсмотрѣть это присутствіемъ епархіальной консисторіи и дать мнѣ отзывъ свой. На это консисторія, протоколомъ 8-го іюня 1848 года, представила: 1) что на службѣ въ оной состоятъ четыре чиновника: коллежскіе секретари — столоначальникъ и казначей Стефанъ Моминскій и столоначальникъ Александръ Троицкій, архиваріусъ губернскій секретарь Иванъ Намочскій и коллежскій регистраторъ Игнатій Соколинъ. Изъ нихъ архиваріусъ Намочскій 19-го мая 1848 года подалъ въ консисторію на высочайшее имя объ увольненіи отъ службы по разстроенному здоровью; прошеніе то не разрѣшено еще въ консисторіи; и 2) что чиновники, служащіе въ консисторіи олонецкой, признаются ею способными къ прохожденію своихъ должностей и причинъ къ увольненію ихъ не предвидится. По содержанію этого отзыва разсуждая, что о качествахъ присяжнаго чиновника надлежало-бы судить по опытамъ проведеннаго уже на службѣ времени, и посему не позволяя себѣ ожидать причинъ къ такому удостовѣренію въ будущемъ времени, между тѣмъ замѣчая, что-есть въ консисторіи денежныя дѣлопроизводства, какъ-то: о суммѣ около 34.000 руб. асс., отпущенной въ 1831 году въ пособіе церквамъ и причтамъ Повѣнецкаго уѣзда, о суммѣ антиминсной съ открытія епархіи, о суммѣ вѣнчиковой, о заимообразныхъ въ долгъ отпускахъ, каковыя дѣлопроизводства должны-бы и очищаться повременно, — давалъ я многократно предложенія и побужденія объ ускореніи представленіемъ дѣлъ таковаго рода, имѣя въ виду какъ то вообще, что чѣмъ далѣе будетъ длиться, тѣмъ болѣе окончательная отчетность по симъ можетъ затрудняться, а при самомъ разсматриваніи и соображеніи таковыхъ отчетныхъ дѣлъ могли-бы быть виднѣе какъ должностная заботливость каждаго чиновника о порядкѣ и правильности въ состоящемъ на рукахъ его дѣлѣ, такъ и подготовительныя мѣры къ безостановочной, когда тре-

¹⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 1849 года, подъ № 30, по рапорту секретаря олонецкой консисторіи о болѣзни преосвященнаго олонецкаго Венедикта.

буется, отчетности, слѣдовательно и сужденія о нравственныхъ качествахъ лица безопаснѣе. Изъ предложеній и побужденій послѣднее было касательно антиминсной суммы 8-го апрѣля 1849 года по случаю, что предстоитъ нужда въ новомъ запасѣ антиминсовъ, съ назначеніемъ въ ономъ, какъ въ седьмомъ уже касательно этой суммы побужденіи, непремѣннаго срока на изготовленіе отчета въ двѣ недѣли; но, не получая ни сего, ни дѣлъ о другихъ суммахъ изъ консисторіи, равно не получая свѣдѣній отъ г. секретаря оной, хотя-бы то подручныхъ (?), какія были-бы причины этому запущенію; къ тому-же, видя, что и архивъ консисторіи не приведенъ въ назначенный уставомъ порядокъ, а иные изъ членовъ, при настоятельныхъ, непосредственныхъ развѣданіяхъ моихъ, поставляли не разъ въ виду, что промедленія долговременныя происходятъ съ ихъ стороны то за недоставленіемъ справокъ канцелярскихъ, либо архивныхъ, то за невозможностію отыскать потребныя къ рѣшенію извѣстнаго денежнаго обстоятельства бумаги, по нахожденію ихъ при дѣлахъ другаго рода, по не дѣлавшимся въ свое время отмѣткамъ о томъ, по неснятію принадлежныхъ копій, по бывшимъ иногда назначеніямъ расхода или прихода не на бумагахъ, а словесно, по неимѣнію въ свое время достаточнаго числа писцовъ, по опасеніямъ нынѣ ошибки въ присутственныхъ сужденіяхъ отъ неполноты и неточности въ дѣлопроизводствахъ своего времени, допущенной по неопытности канцеляріи на службѣ новаго рода и необычной съ другими мѣстами губерскими.

«Въ какой-бы степени все то ни было, но я, многократно разсуждая, что тѣмъ, кои позволяли себѣ въ минувшемъ высказанныя по настоянію моему (?) упущенія въ важнѣйшихъ предметахъ должности, надлежало-бы и возмѣстить ихъ впослѣдствіи, на что довольно было и времени, а не оставлять безъ заботы, какъ-бы не относящіяся уже къ нимъ,—не могу я, съ одной стороны, не опасаться того, чтобъ подтвержденія прописанному отзыву консисторіи касательно непредусматриванія въ будущемъ причинъ за чиновниками ея къ увольненію, съ другой—не могу пропустить безъ вниманія того, что, въ случаѣ увольненія, совершенно нельзя будетъ замѣстить здѣсь кого-либо другими лицами, и напослѣдокъ, на случай оставленія какъ виновныхъ (?) для изготовленія всѣхъ, какія слѣдуютъ, отчетностей, и какъ долженствующихъ знать бывшее за ихъ время болѣе и удобнѣе, чѣмъ всякой другой, осмѣливаюсь смиреннѣйше доложить то-же, что докладывалъ я въ 1843 году рапортомъ 13-го декабря за № 2714, съ добавленіемъ въ особенности съ штатовъ 1844 года денежнымъ дѣламъ людей и окладовъ на два еще стола (?), примѣняясь въ чемъ приличествуетъ и необходимо къ учрежденію 2-го января 1845 года

для губернскихъ правленій, либо дозволить войти особымъ представленіемъ¹⁾».

Синодъ радъ былъ, что получилъ хоть какое-нибудь объясненіе отъ Венедикта, а потому болѣе и не тревожилъ его своими требованіями и выговорами; но, при всемъ томъ, отказалъ ему въ увеличеніи штата олонецкой консисторіи. Венедиктъ также былъ радъ, что такъ легко отдѣлался отъ ревизіи. Въ дѣлахъ синодскихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о результатѣ этой ревизіи, вѣроятно, потому, что синоду было извѣстно болѣзненное состояніе Венедикта, а послѣдовавшая вскорѣ потомъ его смерть пріостановила синодъ въ произнесеніи приговора объ его администраціи.

Послѣ ревизіи Венедиктъ жилъ недолго. Еще со второго года пребыванія своего въ Петрозаводскѣ онъ началъ жаловаться на состояніе своего здоровья; сначала писалъ, что у него худо стали служить глаза и руки²⁾ и что всякое напряженіе приводитъ его въ изнеможеніе; потомъ, что у него болятъ и ноги, и руки, и грудь³⁾. Болѣзнь—какъ видно, водяная—все болѣе и болѣе усиливалась и съ 1849 года, послѣ описаннаго выше припадка, здоровье его болѣе не поправлялось, какъ видно изъ письма его отъ 30-го сентября 1850 года къ своему брату, протоіерею Григоровичу, въ которомъ онъ писалъ слѣдующее: «Опишу вамъ, братецъ, о себѣ очень невеселое: съ половины прошлаго 1849 года сталъ я очень слабѣть въ силахъ своихъ; глаза тупѣютъ, ноги часто подкашиваются, одышка одолеваетъ часто. Отъ послѣдней, которая особенно безпокоила меня до половины минувшаго августа, сталъ я отпиваться, какъ теленокъ, сливками парными и чувствую себя посвѣжѣе, въ дышаніи посвободнѣе. Что Богъ дастъ далѣе, да будетъ Его святая воля! Мѣстныхъ болей въ тѣлѣ нигдѣ и никакихъ не ощущаю, благодареніе Господу, но часто находящее ослабленіе, изнеможеніе въ общихъ силахъ обезпокоиваетъ тѣмъ не менѣе. Значить, вѣкъ изжить уже, пора и честь знать. Остается отечески звать: Господи Боже, Творче и Искупителю мой, помилуй меня, грѣшнаго». Еще 3-го ноября того-же 1850 года написалъ онъ весьма короткое письмо къ протоіерею Григоровичу, въ которомъ выражалъ досаду свою на секретаря олонецкой консисторіи Гиляровскаго за то, что тотъ въ письмѣ своемъ къ одному изъ петербургскихъ пріятелей сообщилъ извѣстія о его болѣзни

¹⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ объ увольненіи отъ службъ неблагонадежныхъ чиновниковъ рапортъ преосвященнаго Венедикта отъ 7-го августа 1849 года.

²⁾ См. письмо его къ о. протоіеререю І. І. Григоровичу отъ 29-го октября 1849 года.

³⁾ Письмо къ тому-же протоіерею Григоровичу отъ 8-го апрѣля 1850 года.

и слабости; въ заключеніе своего письма, Венедиктъ сказалъ: «Пою Богу моему, дондеже есмь». Но это было, если можно такъ выразиться, хвастовство тѣмъ, чего уже не было; смерть была близка къ нему. Спустя мѣсяцъ послѣ этого письма, Венедикта уже не существовало. Олонецкій гражданскій губернаторъ увѣдомилъ графа Пратасова о кончинѣ преосвященнаго Венедикта слѣдующимъ донесеніемъ: «Долгомъ поставляю почтеннѣйше донести вашему сіятельству, что сего числа (7-го декабря 1850 года), въ первомъ часу пополудни скончался олонецкій архіепископъ Венедиктъ отъ водяной болѣзни. Только нѣсколько дней тому назадъ показались признаки этой болѣзни, но его преосвященство чувствовалъ себя въ силахъ, такъ что думалъ еще служить вчерашняго числа. Прошедшею ночью болѣзнь усилилась, сегодня утромъ архіепископъ исповѣдался, причастился, особорованъ масломъ и, затѣмъ, простясь со всѣми у него бывшими, тихо окончилъ жизнь» ¹⁾).

Х. Ревизія кавказскаго епархіальнаго управленія.

Преосвященный Іоанникій, оказавшійся, какъ мы уже видѣли ²⁾, неспособнымъ и вреднымъ на оренбургской каѳедрѣ, былъ наказанъ перемѣщеніемъ изъ Уфы въ Ставрополь. Но съ перемѣною мѣста не измѣнился нравственный характеръ Іоанникія, который и на новой каѳедрѣ сохранилъ всѣ свои старыя, не весьма нравственныя, привычки. Изъ Уфы онъ вывезъ своего родственника Альбанова, который въ Ставрополѣ получилъ мѣсто помощника секретаря консисторіи и сдѣлался повѣреннымъ во всѣхъ дѣлахъ архіерея; съ Альбановымъ близко сошелся каѳедральный ставропольскій протоіерей Крастилевскій, начавшій вскорѣ играть роль посредника между просителями и архіереемъ. Опираясь на этихъ двухъ лицъ, Іоанникій управлялъ ввѣренною ему епархіею, а они, сильные довѣріемъ къ себѣ преосвященнаго, а можетъ быть, связанные съ нимъ тайными и темными отношеніями, опредѣляли на мѣста, наказывали и награждали, брали и продавали все, что только можно было взять и продать. Духовенство кавказское, убѣдившись на опытъ, что посредствомъ денегъ можно

¹⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 1850 года подъ № 971, о кончинѣ архіепископа олонецкаго Венедикта и объ избраніи на его мѣсто другого.

Венедиктъ умеръ на 61 году. Государь на докладѣ графа Пратасова о смерти Венедикта написалъ только: «Избрать другаго» (См. тамъ-же докладъ оберъ-прокурора).

²⁾ См. ревизію уфимскаго епархіальнаго управленія.

приобрѣтать мѣста и награды и избѣгать наказаній, предалось корыстолюбію, пьянству и недѣятельности, и вообще начало отличаться буйствомъ, развратомъ и цинизмомъ. Обличителемъ управленія Іоаннікія явился секретарь кавказской консисторіи Васильевъ—личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ перѣдкихъ во времена Пратасовскія выкидышей изъ новосозданной оберъ-прокурорской канцеляріи, которые, надменные какими-то связями съ директорами синодальныхъ управленій, обнадѣженные ихъ протекціею, снабженные отъ нихъ тайными словесными инструкціями, невѣжды почти во всемъ, а преимущественно въ юриспруденціи, являлись на секретарскія должности въ провинціальныя консисторіи съ огромными претензіями и корчили изъ себя оберъ-прокуроровъ. Васильевъ былъ самонадѣянъ и дерзокъ, но неостороженъ и неблагоразуменъ, золъ и властолюбивъ, но неопытенъ и непрактиченъ, мстителенъ, но неоснователенъ, и если онъ не могъ ужиться въ Одессѣ, Пензѣ и Костромѣ, то тѣмъ менѣе могъ остаться спокойнымъ въ Ставрополѣ. Характеръ епархіальнаго кавказскаго управленія, особенно то вліяніе, какое имѣли на дѣла епархіальныя Альбановъ и Крастилевскій, сильно волновали Васильева, который хотѣлъ играть въ консисторіи роль начальника надъ ея членами, позволялъ себѣ обращаться съ ними какъ съ лакеями¹⁾ и не хотѣлъ ни въ чемъ подчиняться своему архіерею. Но годы, проведенные Васильевымъ въ разныхъ перемѣщеніяхъ съ одного мѣста на другое и формальное слѣдствіе, которому онъ подвергся за свое властолюбіе, жестокость и самоуправство въ костромской консисторіи²⁾, прошли для него не даромъ и обогатили его нѣкоторою опытностью. Въ эти годы Васильевъ узналъ, что дѣйствовать можно только тогда, когда имѣешь сообщниковъ, а потому, начиная борьбу съ Іоаннікіемъ, онъ старался образовать себѣ партію изъ нѣкоторыхъ членовъ кавказской консисторіи. Эти члены были: ректоръ кавказской семинаріи Іоаннікій и протоіерей ставропольскаго Троицкаго собора Макарій Знаменскій, которыхъ

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло по доносамъ секретаря кавказской духовной консисторіи Васильева на тамошнее епархіальное начальство о безпорядкахъ по управленію, и въ этомъ дѣлѣ рапортъ членовъ кавказской консисторіи Крастилевскаго и Граникова, въ которомъ они жалуются Іоаннікію, что секретарь Васильевъ 13-го іюня 1857 года называлъ въ присутствіи консисторіи протоіерея Гремяченскаго «торгашомъ, шабаемъ, кулакомъ» и доказывалъ, что «ему приличнѣе торговать съ бабами ломанымъ желѣзомъ и съ цыганами лошадьми, нежели присутствовать въ консисторіи».

²⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1849 года по жалобѣ служившаго писцомъ въ костромской консисторіи Александра Владимірова на оказанныя, будто-бы, ему секретаремъ консисторіи Васильевымъ притѣсненія.

оппозиція епархіальному архіерею проявлялась, впрочемъ, самымъ робкимъ образомъ и не шла далѣ несоглашенія съ какимъ-нибудь консисторскимъ опредѣленіемъ или пересуда какого-либо слишкомъ рѣзкаго поступка преосвященнаго. Оградивъ себя этою партією, Васильевъ началъ доносить на Іоанникія. Въ своихъ рапортахъ, разновременно посланныхъ имъ графу Пратасову и Карасевскому, онъ описывалъ слѣдующія злоупотребленія по кавказскому епархіальному управленію: 1) Оно допускаетъ намѣренную медленность въ рѣшеніи нѣкоторыхъ дѣлъ и, въ доказательство этого, Васильевъ приводитъ слѣдующій фактъ: бывший казачьяго войска въ станицѣ Убѣжинской священникомъ Григорій Ливановъ въ 1840 году былъ преданъ новочеркасскимъ епархіальнымъ начальствомъ суду за служеніе въ февралѣ мѣсяцѣ въ пьяномъ видѣ литургіи и за буйство, а въ августѣ того-же года за воровство изъ церкви денегъ; въ 1843 году, по учрежденіи кавказской епархіи, Ливановъ перешелъ въ вѣдѣніе кавказскаго епархіальнаго начальства, а 2-го іюля того-же года преосвященнымъ Іеремією, бывшимъ епископомъ кавказскимъ, уволенъ за штатъ. Между тѣмъ, по рѣшенію новочеркасской консисторіи, 11-го января 1843 года Ливановъ за благословеніе казачьихъ дѣтей Ермолаева, Кряхина и Куркина жить съ невѣстами блудно, былъ присужденъ къ отсылкѣ на смиреніе въ Черноморскую пустынь, впредь до окончанія о немъ другихъ дѣлъ, куда, впрочемъ, былъ высланъ не ранѣ 20-го марта, а до того времени спокойно проживалъ въ Убѣжинской станицѣ, предавался всевозможнымъ порокамъ и, несмотря на то, что запрещенъ былъ въ священнослуженіи, исправлялъ требы. Въ январѣ 1845 года Ливановъ бѣжалъ изъ Черноморской пустыни. По отчисленіи церквей и духовенства линейнаго казачьяго войска изъ кавказской епархіи въ вѣдѣніе оберъ-священника отдѣльнаго кавказскаго корпуса, всѣ дѣла о священникѣ Ливановѣ были переданы оберъ-священнику Михайловскому, который, послѣ продолжительной переписки, отказался отъ него и всѣ дѣла о немъ прислалъ обратно въ кавказскую консисторію. Такимъ образомъ, священникъ Ливановъ, шатаясь по станицамъ линейнаго казачьяго войска, присталъ къ раскольникамъ вѣтковскаго толка, которые, исправивъ его по своимъ правиламъ, взяли къ себѣ въ попы, и онъ совершалъ у нихъ всѣ требы. Наконецъ, 23-го сентября, по распоряженію наказнаго атамана князя Эристова, присланъ былъ Ливановъ въ консисторію подъ карауломъ, какъ бродяга. 2) Каѳедральный протоіерей Крастилевскій, пользуясь особеннымъ довѣріемъ Іоанникія, позволяетъ себѣ противозаконныя и стѣснительныя дѣйствія не только для духовенства, но и для самаго присутствія консисторіи; такъ, напр., оста-

навливаютъ рѣшенія многихъ дѣлъ и даетъ имъ направленіе, согласное съ своими корыстолюбивыми видами¹⁾. 3) Епархіальное начальство злоупотребляетъ денежными суммами — свѣчною и отпускаемою на наемъ помѣщеній для епархіальнаго управленія. 4) Священнослужительскія мѣста раздаются не по заслугамъ, а большею частью изъ видовъ корысти; въ подтвержденіе этого, Васильевъ приводитъ Попова, который изъ казаковъ, нигдѣ не учившихся, былъ назначенъ священникомъ въ хорошій приходъ. 5) Перемѣщенный изъ оренбургской консисторіи въ кавказскую коллежскій регистраторъ Альбановъ, сопутствуя преосвященному во время разѣздовъ его по епархіи, дѣлаетъ поборы съ духовенства. 6) Духовенство кавказской епархіи ведетъ жизнь зазорную, а преосвященный Іоанникій оказываетъ ему послабленіе; въ доказательство этого Васильевъ указываетъ на дѣло о священникѣ села Петровскаго Василиѣ Алексѣевѣ, который за дурные поступки приговоренъ былъ къ низведенію въ причетники, но преосвященный, взявъ съ него 600 или 700 руб. сер., отмѣнилъ рѣшеніе консисторіи и назначилъ его только на мѣсяць въ архіерейскій домъ. 7) Духовенство кавказское, не видя строгаго преслѣдованія преступленіямъ, дошло до такого нерадѣнія о своихъ обязанностяхъ, что заставляетъ привозить больныхъ для исповѣди и св. причастія въ церковныя ограды, и это дѣлается не только въ селахъ, но даже въ губернскомъ городѣ, на глазахъ епархіальнаго начальства, а умершихъ хоронить безъ отпѣванія, которое совершается на могилахъ уже по прошествіи нѣсколькихъ недѣль²⁾.

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ по доносамъ секретаря кавказской консисторіи Васильева на тамошнее епархіальное начальство о безпорядкахъ по управленію рапортъ его оберъ-прокурору св. синода объ истязаніяхъ, причиненныхъ протоіереемъ Іаковомъ Преображенскимъ дячку Моздокскаго собора Петру Спиридонову, а также о злоупотребленіяхъ его по сему собору и значительной растратѣ церковной суммы, гдѣ, между прочимъ, Васильевъ доноситъ, какъ Преображенскій предлагалъ ему подарки и увѣрялъ его, что въ рѣшеніи дѣла въ пользу его Васильевъ на встрѣтитъ препятствія ни со стороны преосвященнаго, ни со стороны консисторіи, и какъ все дѣло повернулось въ пользу Преображенскаго, хотя и составленъ былъ уже протоколъ, совершенно его обвинявшій.

²⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапорты секретаря Васильева оберъ-прокурору графу Пратасову, Карасевскому, Сербиновичу и графу Толстому о звонарѣ Аонасіѣ Лашкѣ, укравшемъ 67 руб. изъ соборной кружки, о побояхъ, нанесенныхъ Троицкаго собора протоіереемъ Гремяченскимъ крестьянину Тамбовской губерніи Θεоктисту Свищеву, о священникѣ Песчанскомъ, замѣченномъ въ дурномъ поведеніи о священникѣ Михайловѣ, преданномъ пьянству и отправленномъ на два мѣсяца въ монастырь, о повѣнчаніи протоіереемъ Петровымъ противозаконныхъ браковъ, о священникѣ Григоріѣ Лавровѣ, вѣнчавшемъ браки въ избѣ, притомъ несовершеннолѣтнихъ, и бросившемъ самовольно свой приходъ, и пр.

По всѣмъ этимъ доносамъ св. синодъ потребовалъ отъ Іоанникія объясненій. Въ доставленныхъ объясненіяхъ преосвященный утверждалъ, что все, доведенное секретаремъ до свѣдѣнія синода, ложь и клевета, и доказывалъ что самъ Васильевъ, напротивъ, допускаетъ слѣдующія противозаконныя дѣйствія: а) замедляетъ и ослабляетъ дѣйствія консисторіи, являясь на службу поздно, иногда даже по окончаніи присутствія, а между тѣмъ запрещаетъ чиновникамъ давать членамъ дѣла до его прихода, забираетъ дѣла къ себѣ на-домъ и удерживаетъ ихъ по полугоду и болѣе; б) произвольно составляетъ опредѣленія отъ имени консисторіи, дѣлаетъ въ подлинныхъ протоколахъ подчистки и скрываетъ данныя резолюціи; в) распоряжается своевольно; такъ, между прочимъ, въ 1851 г. велѣлъ взять подъ арестъ двухъ іеромонаховъ и продержалъ ихъ въ консисторіи два дня, составивъ предварительно опредѣленіе, будто-бы по доносу на нихъ эконома архіерейскаго дома, и убѣдивъ трехъ членовъ подписать оное; г) отговаривается во взятіи съ содержавшаго подъ надзоромъ священника Образцова 40 руб. сер. за освобожденіе изъ-подъ ареста и отпускъ къ раскольникамъ. Въ заключеніе всѣхъ своихъ объясненій, Іоанникій просилъ синодъ удалить отъ него секретаря Васильева, для возстановленія надлежащаго порядка и спокойствія въ его епархіи»¹⁾

Такъ какъ сущность доносовъ Іоанникія и Васильева не могла быть иначе повѣрена, какъ посредствомъ ревизіи, то синодъ и прибѣгнулъ къ этой мѣрѣ; онъ назначилъ одного изъ своихъ членовъ, астраханскаго архіепископа Евгенія, произвести на мѣстѣ дознаніе обо всемъ, что доносили Іоанникій и Васильевъ другъ на друга св. синоду и его оберъ-прокурорамъ. Въ указѣ, данномъ по этому случаю, между прочимъ, находилось одно, достойное примѣчанія, наставленіе Евгенію: «Производить слѣдствіе самымъ тщательнымъ образомъ и, притомъ, по возможности, безъ излишнихъ формальностей, во избѣжаніе вредной огласки»²⁾.

Прежде изложенія результатовъ произведенной преосвященнымъ Евгеніемъ ревизіи, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ она была исполнена, и о томъ лицѣ, которое уполномочено было синодомъ для ея производства. Обстоятельства эти были вообще неблагоприятны для Васильева. Онъ писалъ свои доносы на Іоанникія при графѣ Пратасовѣ, Карасевскомъ и Сербиновичѣ, а ревизія по этимъ доносамъ была произведена уже при графѣ Толстомъ; между тѣмъ, въ теченіе этого времени въ синодѣ многое измѣнилось: и лица, и порядокъ дѣлъ,

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ рапорты св. синоду преосвященнаго Іоанникія.

²⁾ Тамъ-же, секретный указъ синода Евгенію, отъ 30-го апрѣля 1855 года.

и воззрѣнія на лица и дѣла, влѣдствие чего на іерархическія права архіереевъ стали уже смотрѣть тамъ совершенно иначе, чѣмъ при графѣ Пратасовѣ. Сверхъ того, личность самого ревизора не обѣщала ничего хорошаго для Васильева: это было лицо, до крайности недовольное Пратасовымъ и въ высшей степени проникнутое понятіями о неприкосновенности іерархическихъ правъ. И дѣйствительно, надо сознаться, что ревизія произведена до такой степени пристрастно, что преосвященный Евгений даже не почелъ нужнымъ спросить тѣхъ, на кого ссылался Васильевъ, какъ на свидѣтелей, и явно и намѣренно не обратилъ вниманія на самыя поразительныя явленія, говорившія не въ пользу преосвященнаго Іоанникія. Такъ, не спрошены были ревизоромъ ректоръ кавказской семинаріи Іоанникій и протоіерей ставропольскаго Троицкаго собора Макарій Знаменскій, на томъ основаніи, какъ доносилъ синоду ревизоръ, что «они не принадлежатъ къ архіерейской партіи и могутъ показать не въ пользу его». Такъ точно не обращено было вниманія ревизоромъ на слѣдующее происшествіе: когда онъ вмѣстѣ съ Іоанникіемъ пошелъ осматривать мѣсто, будто-бы приобретенное послѣднимъ для построенія консисторскаго зданія, и когда они стали измѣрять его саженьями, то владѣтельница этого мѣста, пораженная тѣмъ, что два архіерея его мѣряютъ и, вообразивши, что хотятъ отнять ея достоиніе, выбѣжала на улицу и, подошедши къ преосвященному Евгению, при всѣхъ сказала ему, что это мѣсто принадлежитъ ей, а не кому-нибудь другому. При такомъ образѣ производства ревизіи, неудивительно, что Васильевъ оказался безусловно и во всемъ виноватымъ, а Іоанникій почти во всемъ правымъ. Ревизія или, лучше, отчетъ о ревизіи, у Евгения состоитъ изъ сужденія 1) о лицахъ и 2) о дѣлахъ. Лица, надъ которыми онъ произноситъ свой приговоръ—Васильевъ, члены кавказской консисторіи и преосвященный Іоанникій. Вотъ что доносилъ онъ синоду о Васильевѣ:

«а) Секретарь Васильевъ считаетъ себя лицомъ самостоятельнымъ и никому по епархіальному вѣдомству не подчиненнымъ. Къ своему епархіальному преосвященному онъ вовсе не является съ дѣлами, а отсылаетъ ихъ къ нему чрезъ консисторскаго сторожа. Также не является онъ къ преосвященному въ высокаторжественные и великіе праздничные дни для должнаго почтенія. Да и вообще къ православному духовенству не имѣетъ онъ не только никакого уваженія, но и питаетъ къ нему какую-то непонятную ненависть и злословитъ его всегда, и къ обезславію его изыскиваетъ даже злонамѣренныя выдумки и огласки.

«б) Характера онъ немиролюбиваго и весьма безпокойнаго, а потому и вся дѣятельность его по службѣ преимущественно направлена къ со-

ставленію протестовъ и доносовъ начальству, нежели къ благонамѣренному сотрудничеству съ епархіальнымъ начальствомъ. Да и по другимъ епархіямъ, гдѣ онъ прежде служилъ, вездѣ, кажется, заводилъ онъ безпокойства по своему безпокойному характеру.

«в) Къ тому-же, онъ чрезвычайно раздражителенъ и вспыльчивъ и весьма дерзокъ не только на словахъ, но и въ официальныхъ бумагахъ противъ членовъ консисторіи и даже противъ особы самого епархіальнаго преосвященнаго. Также онъ, Васильевъ, необыкновенно упрямъ и при слушаніи дѣлъ въ присутствіи консисторіи, въ случаѣ несогласія членовъ съ его мнѣніемъ, онъ, увлекаясь духомъ запальчивости, часто выходитъ изъ границъ благопристойности. А къ двумъ старшимъ членамъ консисторіи: кафедральному протоіерею Крастилевскому и протоіерею Гремяченскому, питаетъ сильную и непримиримую вражду за то, что они, какъ болѣе опытные въ дѣлахъ, противодействуютъ деспотическому преобладанію его, Васильева, въ рѣшеніи дѣлъ.

«г) Секретаря Васильева ненавидятъ всѣ чиновники и канцелярскіе служители кавказской духовной консисторіи, по худому обращенію его съ ними. Ненавидитъ его и духовенство кавказской епархіи за безпокойный его характеръ.

«д) Секретарь Васильевъ ведетъ жизнь разгульную: каждый день или онъ въ гостяхъ, или у него гости, съ которыми просиживаетъ цѣлыя ночи. Просыпается онъ не ранѣе 11-го часа утра, а оттого и въ консисторію приходитъ онъ всегда поздно. Нѣтъ сомнѣнія, что и отъ такой разгульной жизни секретаря Васильева дѣла по кавказской консисторіи идутъ неуспѣшно.

«е) Секретарь Васильевъ, и въ костромской консисторіи служивши, какъ видно изъ дѣла, производившагося тамъ о немъ, также поздно ходилъ въ духовную консисторію и множество забиралъ къ себѣ дѣла на квартиру и удерживалъ у себя на долгое время и чрезъ то останавливалъ теченіе дѣлъ консисторскихъ. Отъ этой худой и вредной для службы привычки онъ, Васильевъ, и теперь не отсталъ.

«ж) Съ другой стороны, обращая вниманіе на подлинныя объясненія секретаря Васильева, представленные мнѣ по истребованнымъ мною изъ кавказской духовной консисторіи разнымъ дѣламъ, я нахожу въ этихъ объясненіяхъ совершенное отсутствіе здравой логики, несвязность, бессмыслицу, пустословіе и примѣсь всякой всячины, къ дѣлу не принадлежащей, и хотя я неоднократно и словесно напоминалъ ему, Васильеву, и письменно подтверждалъ, чтобы онъ на всѣ запросы, отъ меня ему предлагаемые, отвѣчалъ ясно, кратко и безъ всякихъ околичностей,

но онъ продолжалъ наполнять свои объясненія разными разностями не-связанными, голословными, окольными и посторонними; а потому невольно прихожу къ той мысли и къ такому заключенію, что онъ, Васильевъ, не-способенъ даже къ порядочному составленію дѣловыхъ бумагъ, тѣмъ ме-нѣе къ прохожденію секретарской должности» ¹⁾).

О членахъ консисторіи, за исключеніемъ тѣхъ, которые не принад-лежали къ партіи Іоаннікія, Евгенийъ отзывается совершенно иначе. «Все члены кавказской духовной консисторіи, пишетъ онъ далѣе въ своемъ рапортѣ синоду, кромѣ ректора семинаріи, въ судейскихъ дѣлахъ свѣдущи, а особенно отличается опытностію въ дѣлахъ кафедральный протоіерей Константинъ Крастилевскій; но, къ сожалѣнію, между чле-нами консисторіи нѣтъ единодушія. Нѣкоторые изъ нихъ, а именно: ректоръ семинаріи архимандритъ Іоаннікій, и протоіерей Макарій Зна-менскій, пристали къ партіи секретаря Васильева. Изъ нихъ первый, по-видимому, держится стороны епархіальнаго преосвященнаго, но тайно потворствуетъ враждебнымъ видамъ секретаря Васильева противъ епар-хіальнаго начальства; а второй, т. е. Знаменскій, возсталъ явно про-тивъ своего архипастыря, будучи оскорбленъ тѣмъ, что преосвященный подвергъ его слѣдствію и суду за утайку кружечныхъ братскихъ дохо-довъ. Ректоръ-же присталъ къ партіи секретаря Васильева изъ опасенія, чтобы Васильевъ, какъ привязчивый ко всему и всегда готовый къ до-носамъ, не очернилъ и его предъ высшимъ начальствомъ и не повре-дилъ службъ его. И сія-то неблагонамѣренная партія, которой главнымъ коноводомъ есть секретарь Васильевъ, дѣлала мнѣ немало затрудненій, при производствѣ порученнаго мнѣ слѣдствія» ²⁾).

Что касается Іоаннікія, то ревизоръ написалъ ему просто па-нигирикъ. «Кавказскій преосвященный Іоаннікій, имѣя отъ роду 65 лѣтъ, неусыпно занимается дѣлами епархіальнаго управленія. По всемъ дѣламъ, къ нему представляемымъ, не только даетъ онъ своевременныя резолюціи, но и весьма часто дѣлаетъ по онымъ напомниманія, настоянія и подтверж-денія консисторіи и секретарю. Онъ знаетъ хорошо законный порядокъ и опытенъ въ дѣлахъ; онъ твердаго ума и воли и самъ подробно вникаетъ во всякое дѣло и не позволяетъ никому изъ своихъ подчиненныхъ вла-дѣть собою въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ, и еслибы секретарь Ва-сильевъ благонамѣренно содѣйствовалъ епархіальному начальству, то

¹⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ рапортъ Евгенія св. синоду, отъ 20-го іюня 1856 года.

²⁾ Въ томъ-же рапортѣ.

дѣла епархіальнаго управленія текли-бы безостановочно и успѣшно. Преосвященный Іоанникій ведетъ жизнь благочестивую и строгую. У всѣхъ онъ въ большомъ уваженіи и любимъ своею паствою» ¹⁾).

Въ заключеніе этого рапорта, ревизоръ предлагаетъ слѣдующія мѣры къ возстановленію законнаго порядка въ кавказскомъ епархіальномъ управленіи: «1) Назначить въ кавказскую духовную консисторію другаго секретаря, благонамѣреннаго и дѣятельнаго; 2) секретаря Васильева, по неспособности и ненадежности къ прохожденію секретарской должности, вовсе уволить отъ службы по духовному вѣдомству; 3) члена консисторіи, протоіерея Макарія Знаменскаго, какъ имѣющаго постоянную и непримиримую вражду къ членамъ-же консисторіи: каедральному протоіерею Крастилевскому и протоіерею Гремяченскому, и составляющаго съ секретаремъ Васильевымъ одну враждебную партію противъ епархіальнаго начальства и по качествамъ не одобряемаго епархіальнымъ преосвященнымъ, вовсе отрѣшить отъ присутствія и званія члена консисторіи. И нѣтъ никакого сомнѣнія, заключаетъ преосвященный Евгений, что съ удаленіемъ этихъ двухъ лицъ—Васильева и Знаменскаго—возстановится законный порядокъ и совершенное спокойствіе въ кавказской епархіи и дѣла епархіальнаго управленія пойдутъ успѣшно» ²⁾).

Сужденіе ревизора о дѣлахъ, или точнѣе, о безпорядкахъ по кавказскому епархіальному управленію совершенно соотвѣтствуетъ отзыву его о вышепоказанныхъ лицахъ. Все то, что Васильевъ называлъ безпорядкомъ, подъ перомъ Евгенія является или чистою клеветою или преувеличеніемъ. Такимъ образомъ, въ рапортѣ своемъ синоду Евгений называлъ клеветою оговоръ Васильева во взятіи Іоанникіемъ со священника Алексѣева 600 или 700 р. сер. «Вслѣдствіе такового оговора, доносилъ онъ синоду, чрезъ состоящаго при немъ члена астраханской духовной консисторіи, протоіерея Василя Мартинова, подъ строжайшимъ секретомъ спрошены были 18-го ноября 1855 года порознь члены консисторіи, протоіереи: Крастилевскій, Граниковъ, Сухаревъ и Гремяченскій, а села Петровскаго священникъ Василій Алексѣевъ—28-го ноября. Первый изъ нихъ, протоіерей Крастилевскій, по сану священства объяснилъ, что священникъ Алексѣевъ состоялъ подъ судомъ и дѣло о немъ рѣшено консисторіею сообразно обстоятельствамъ, которое и представлялось на утвержденіе, но говорилъ-ли протоіерей Гремяченскій, что по сему дѣлу были даваемы кому-либо деньги, и сколько, онъ того не слы-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

халъ и не зналъ, и самъ въ этомъ обстоятельствѣ дѣйствующимъ лицомъ не былъ. Второй, протоіерей Граниковъ, что онъ никогда ни отъ кого не слышалъ, будто-бы взято преосвященнымъ Іоанніемъ за милостивое рѣшеніе со священника Василя Алексѣева 600 или 700 руб. Третій, Сухаревъ, что протоіерей Димитрій Гремяченскій дѣйствительно проговаривался о 600 руб. по дѣлу священника Алексѣева, но онъ не сказалъ ему, что эти деньги получилъ архипастырь или протоіерей Крастилевскій, а выражался, что это дѣло ему, Алексѣеву, обошлось до 600 р. сер. въ консисторіи, что, будто-бы, въ селѣ Петровскомъ высказывалъ самъ Алексѣевъ, а кому, тоже не сказалъ ему Гремяченскій; а разговоръ ихъ объ этомъ былъ не въ консисторіи, а на улицѣ. Четвертый, протоіерей Гремяченскій, что онъ не только торжественно, но и тайно не говорилъ, что преосвященный Іоанніиъ взялъ отъ священника Василя Алексѣева 600 или 700 руб. сер. за отмѣну рѣшенія консисторіи о немъ, Алексѣевѣ, и что дѣйствителемъ въ семъ дѣлѣ былъ, будто-бы, протоіерей Крастилевскій; но признается, что протоіерей Макарій Знаменскій неоднократно говорилъ ему о семъ. Зная его сильную неприязнь къ особѣ его преосвященства Іоанніиъ, онъ всякій разъ при навѣтѣ Знаменскаго устранился отъ него съ презрѣніемъ, равно и въ присутствіи консисторіи, когда тотъ-же протоіерей Знаменскій началъ оглаговольствовать преосвященнаго (это было при секретарѣ Васильевѣ и болѣе никого тогда въ присутствіи не было), онъ отвѣтилъ ему презрительными улыбками и внутренно посмѣивался безсильной его клеветѣ. Самъ священникъ Василій Алексѣевъ, съ коего, будто-бы, взято было 600 или 700 рублей сер., по священству объяснилъ такъ, что онъ, за отмѣну опредѣленія консисторіи, его преосвященству Іоанніию ни одной копѣйки не давалъ, а воспользовался его милостію собственно для своихъ дѣтей, коихъ у него въ то время было восьмеро. Ректоръ-же семинаріи, архимандритъ Іоанніиъ, и членъ консисторіи протоіерей Знаменскій не были спрошены,—первый потому, что находится въ неприязненномъ отношеніи къ преосвященному Іоанніию, въ которое онъ поставилъ себя при спросѣ о поведеніи инспектора семинаріи, архимандрита Алипія, а второй, протоіерей Знаменскій, какъ единомышленникъ секретаря Васильева и также питающій неудовольствіе къ преосвященному за то, что подвергъ его слѣдствію и суду за утайку братскихъ кружечныхъ доходовъ.

«По соображенію вышеизложенныхъ объясненій, пишетъ Евгеній, членовъ консисторіи и самого священника Василя Алексѣева, оговоръ секретаря Васильева есть не что иное, какъ злонамѣренная выдумка его, Васильева, съ единомышленникомъ своимъ протоіереемъ Знаменскимъ, на

преосвященнаго Іоаннікія, дабы чѣмъ-нибудь повредить чести своего архипастыря. Ибо самъ священникъ Алексѣевъ по священству объяснилъ, что онъ преосвященному не давалъ за это дѣло ни одной копѣйки, а воспользовался милостію его собственно для осьмерыхъ дѣтей; протоіерей-же Гремяченскій ссылку на него секретаря совершенно отвергъ, а эту злостную огласку на преосвященнаго Іоаннікія относить прямо къ протоіерею Знаменскому, который и говорилъ это въ присутствіи консисторіи при секретарѣ Васильевѣ. Хотя-же протоіерей Сухаревъ и объяснилъ, что протоіерей Гремяченскій, будто-бы, проговаривался ему, что дѣло священнику Алексѣеву обошлось до 600 или 700 руб. сер., но опредѣленно ничего не сказалъ, а болѣе вопреки оговору секретаря: а) что протоіерей Гремяченскій говорилъ ему о сѣмъ не въ присутствіи, а на улицѣ, и б) что не архипастырь взялъ деньги и не протоіерей Крастилевскій, а обошлось ему во столько въ консисторіи; в) что въ селѣ Петровскомъ, будто-бы, высказывалъ объ этомъ самъ священникъ Алексѣевъ, а кому именно, не сказалъ. А напротивъ, священникъ Алексѣевъ лично и по священству объяснилъ, что онъ преосвященному не давалъ ни одной копѣйки. Слѣдовательно таковое неопредѣленное объясненіе протоіерея Сухарева и не можетъ быть принято за справедливое, тѣмъ болѣе, что протоіерей Гремяченскій объяснился такъ, что онъ не только торжественно, но и тайно объ этомъ не говорилъ» ¹⁾).

Съ такой-же точки зрѣнія смотрѣлъ Евгений и на прочіе доносы Васильева, которые всѣ нашелъ неосновательными. «1) Доносъ Васильева, продолжаетъ онъ, что коллежскій регистраторъ Альбановъ, сопутствуя преосвященному въ разъѣздахъ по епархіи, взымаетъ поборы съ духовенства, равномѣрно ничѣмъ не доказывается, не имѣетъ никакого основанія и произошелъ отъ личной неприязни Васильева къ Альбанову. 2) По свѣчной и отпускаемой на наемъ помѣщеній для консисторіи суммамъ не открыто никакихъ злоупотребленій за время управленія преосвященнымъ Іоаннікіемъ ввѣренною ему епархією; неправильный о сѣмъ доносъ секретаря Васильева обнаруживаетъ одну только злонамѣренность его очернить епархіальное начальство предъ высшимъ начальствомъ и послѣдовалъ уже послѣ возникшихъ между Васильевымъ и членами консисторіи взаимныхъ несогласій. 3) Причиною медленнаго производства дѣлъ по консисторіи есть недостатокъ опытныхъ чиновниковъ, но и при всемъ томъ оно шло-бы гораздо успѣшнѣе, еслибы самъ секретарь Васильевъ не полагалъ къ тому препятствій. Незаконнаго направленія дѣлъ

¹⁾ См. тамъ-же рапортъ Евгенія синоду отъ 20-го іюня 1856 года.

консисторією и безопасности въ рѣшеніи оныхъ, кромѣ того, что относится къ личнымъ дѣйствіямъ самого Васильева, не оказалось. 4) Между членами консисторіи протоіерей Крастилевскій не только трудился по ввѣренному ему столу, но и писалъ резолюціи и по другимъ столамъ, а нѣкоторыя бумаги собственноручно записывалъ и въ докладный реестръ; извѣтъ-же Васильева, что онъ останавливаетъ рѣшенія большей части дѣлъ и даетъ имъ согласное съ своими видами направленіе, не имѣетъ никакого основанія. 5) По собраннымъ свѣдѣніямъ о духовенствѣ открылось, что дѣйствительно и въ селахъ, и въ самомъ городѣ Ставропольѣ иногда привозятъ больныхъ къ церквамъ, но эти случаи весьма рѣдки. Причиною этого не нерадѣніе священниковъ, а закоренѣлые обычаи мѣстныхъ жителей, или отчасти это бываетъ и случайно, когда прѣзжаютъ сторонніе люди на ярмарки, или проѣзжаютъ мимо и заболѣваютъ; дѣлаютъ-же это въ той надеждѣ, что, обратившись къ церкви, они удобнѣе и скорѣе могутъ отыскать священника и исполнить долгъ христіанскій. Есть также обычай хоронить безъ священниковъ, а послѣ поютъ погребеніе; но этотъ обычай болѣе существуетъ въ Черноморіи и на отдаленныхъ хуторахъ и при одноштатныхъ церквахъ. Если-же встрѣчались нѣкоторые случаи, что священники, какъ, напр., Гиренко, изъ корыстныхъ видовъ не отпѣвали умершихъ, или по нерадѣнію, то таковыя были судимы и подвергаемы законному взысканію. 6) Секретарь Васильевъ въ 1852 году доносилъ бывшему оберъ-прокурору св. синода, что въ кавказской епархіи много подсудимыхъ за дурное поведеніе лицъ духовнаго званія; что они, оставаясь долгое время ненаказанными, вдаются въ еще большіе пороки, позорятъ носимый ими санъ и унижаютъ духовное состояніе не только въ глазахъ православныхъ прихожанъ, но и иновѣрныхъ азіатцевъ, которые съ презрѣніемъ указываютъ на нихъ на базарахъ и ярмаркахъ, и, въ доказательство справедливости сего, указывалъ на количество дѣлъ, въ теченіе трехъ лѣтъ рѣшенныхъ, о преступленіяхъ духовенства, и на количество дѣлъ, производящихся о безнравственности и пьянствѣ, такъ что въ одномъ 1852 году болѣе 60 человекъ подвергнуто взысканію въ кавказской епархіи, имѣющей только 160 церквей. По разсмотрѣніи мною вѣдомостей о лицахъ, подвергшихся взысканію въ 1852 году и состоявшихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ по 15-е сентября 1855 года, оказалось, что секретарь Васильевъ въ первую вѣдомость включилъ 87 священно- и церковнослужителей, подвергнутыхъ взысканію въ 1852 году за разные проступки, но эти проступки были учинены не въ одинъ годъ, а въ теченіе 10 лѣтъ; по второй вѣдомости (о состоявшихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ по 15-е сен-

тября 1855 года) показано секретаремъ Васильевымъ 117 человекъ, но въ числѣ ихъ заключаются военнаго вѣдомства 5 человекъ, исключенныхъ изъ духовнаго званія 3, умершихъ 5 и лишенныхъ духовнаго сана 2; двое показаны вдвойнѣ, нѣсколько лицъ показаны состоящими подъ судомъ за такіе проступки, какъ, напр., отлучка отъ прихода безъ дозволенія благочиннаго, а одинъ благочинный показанъ состоящимъ подъ судомъ потому, что въ его благочиніи живетъ священникъ, повѣнчавшій бродягъ; за вымогательства по требамъ отъ прихожанъ 13, за повѣнчаніе незаконныхъ браковъ 17, въ томъ числѣ священники, діаконы и причетники; затѣмъ, собственно за проступки противъ благоповеденія, 48 лицъ священно-и церковнослужительскаго званія. Всѣхъ-же священно-и церковнослужителей, монашествующихъ и послушниковъ, исключая заштатныхъ, въ кавказской епархіи считается 795 человекъ. Число лицъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ за проступки противъ благоповеденія, въ сравненіи съ означенною общею цифрою, хотя не такъ велико, если принять во вниманіе, что дѣла эти возникли въ разное время, начиная съ 1843 года по 15-е сентября 1855 года, однако и довольно значительно. Предосудительные проявляются болѣе въ духовенствѣ Черноморскаго войска, потому что тамошнее духовенство, образовавшееся изъ казацкаго сословія, находится на низкой степени просвѣщенія; впрочемъ, нынѣ вакантныя мѣста и въ Черноморіи замѣщаются окончившими курсъ семинарскаго ученія воспитанниками. Нѣтъ сомнѣнія, что подсудимые, оставаясь долгое время ненаказанными, могутъ вдаваться еще въ большіе пороки, но причиною медленности въ рѣшеніи дѣлъ судныхъ и происходящаго отъ нея зла служить не дурная организація присутствія консисторіи и не грѣховность равнодушія епархіальнаго архіерея (какъ секретарь Васильевъ выразился въ объясненіи отъ 30-го ноября 1855 года), но самъ-же Васильевъ, который не только не печется о своевременномъ докладѣ дѣлъ съ полными свѣдѣніями, но какъ-бы намѣренно задерживаетъ ихъ у себя, и изъ показанныхъ въ вѣдомости дѣлъ 34 давно-бы были кончены, еслибы секретарь не запрещалъ столоначальникомъ подавать въ присутствіе бумагъ безъ предварительнаго своего просмотра¹⁾).

Послѣ такой ревизіи нечего было ожидать Васильеву и его сторонникамъ. Указъ синода, состоявшійся по этому случаю, дышалъ противъ нихъ угрозою и карою. «Секретарь Васильевъ, говоритъ онъ, доносившій о разныхъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по дѣламъ кавказской кон-

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указы синода отъ 12-го октября 1856 года и 17-го мая 1857 года.

систеріи и епархіальному управленію и важностію своихъ доносозъ вынудившій къ повѣркѣ оныхъ особымъ порядкомъ, чрезъ личное на мѣстѣ изслѣдованіе и обзорѣніе дѣлъ синодальнымъ членомъ, преосвященнымъ архіепископомъ Евгеніемъ, бывшимъ астраханскимъ, оказывается главнымъ виновникомъ всѣхъ безпорядковъ, допущенныхъ по производству дѣлъ въ консисторіи; что отъ его собственно дѣйствій происходятъ и медленность, и неправильное направленіе дѣлъ; онъ вышелъ изъ всякаго подчиненія мѣстному епархіальному архіерею, не оказываетъ ему должнаго уваженія и составилъ противъ него враждебную партію, склонивъ на свою сторону двухъ членозъ консисторіи; что, вмѣсто исполненія существенныхъ своихъ обязанностей, онъ вдалься въ составленіе доносозъ, большею частію вовсе несправедливыхъ, вопреки долгу службы, во вредъ и безпокойство въ епархіи и къ напрасному обремененію высшаго начальства; что онъ даже дозволилъ себѣ дерзкую клевету на епархіальнаго своего архіерея, приписавъ ему безъ всякаго основанія неправильныя распоряженія, по вліянію на него, будто-бы, нѣкоторыхъ подчиненныхъ лицъ, потворство порочному духовенству и самое даже лихоимство; что Васильевъ не удержался отъ безпорядковъ, своеволія и злословія и послѣ перемѣщенія его изъ костромской консисторіи въ кавказскую, вслѣдствіе оглашенія его въ разныхъ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, и что изъ членозъ кавказской консисторіи архимандритъ Іоанникій и протоіерей Знаменскій, постыдно присоединясь на сторону Васильева во враждебныхъ его замыслахъ, потеряли чрезъ то довѣріе къ нимъ начальства и подлежатъ осужденію за возстаніе противъ іерархической власти. По таковымъ основаніямъ и уваженіямъ, св. синодъ опредѣляетъ: I) секретаря кавказской духовной консисторіи, коллежскаго секретаря Александра Васильева, какъ неблагонадежнаго къ дальнѣйшему прохожденію занимаемой имъ должности, на основаніи 3-го примѣч. къ 1203 ст. Уст. о служ., въ XV продолж. III т. Св. Зак., изд. 1842 г., отъ службы по духовному вѣдомству уволить съ аттестатомъ; предоставить г-ну оберъ-прокурору св. синода, графу Александру Петровичу Толстому, сообщить о семъ установленнымъ порядкомъ инспекторскому департаменту гражданскаго вѣдомства. II) Ректора кавказской духовной семинаріи, архимандрита Іоанникія, уволить какъ отъ присутствованія въ консисторіи, такъ и отъ лежащихъ на немъ по семинаріи должностей и назначить настоятелемъ третьекласснаго Щацкаго Чернѣева Николаевскаго монастыря тамбовской епархіи, предоставивъ распоряженіе о снятіи съ него училищныхъ должностей духовно-учебному управленію при св. синодѣ. III) Настоятеля ставропольскаго Троицкаго собора, протоіерея Макарія

Знаменскаго, устранивъ отъ должности члена консисторіи, перевести изъ города Ставрополя на другое мѣсто, по усмотрѣнію преосвященнаго» ¹⁾).

Но такъ какъ было-бы совершенно неприлично, еслибы синодъ вовсе оставилъ безъ вниманія безпорядки по кавказскому епархіальному управленію, то поэтому онъ сдѣлалъ легкія замѣчанія членамъ консисторіи и предложилъ нѣкоторые наставленія преосвященному Іоанникію. «При семъ—продолжаетъ указъ—св. синодъ не можетъ оставить безъ вниманія, что безпорядки въ дѣлопроизводствѣ кавказской консисторіи происходятъ не отъ одного секретаря Васильева, но виновниками таковыхъ оказываются и члены консисторіи, коими не соблюдается даже узаконенный порядокъ присутствованія: такъ, одни изъ нихъ приходятъ въ консисторію ранѣе, а другіе позже узаконеннаго времени, и уходятъ изъ оной несвоевременно, по собственному произволу; влѣдствіе сего поручить преосвященному кавказскому, чтобы онъ обратилъ особенное вниманіе на дѣлопроизводство консисторіи, какъ на важнѣйшее основаніе епархіальнаго управленія, и наблюдалъ-бы, чтобы присутствіе консисторіи начиналось въ 9 или 10 часовъ утра, согласно существующему на сей предметъ закону, и продолжалось-бы смотря по теченію дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ члены консисторіи являлись въ присутствіе и выходили изъ онаго въ одно время и отнюдь не дозволяли-бы себѣ удаляться изъ присутствія, когда кому вздумается.

«По поводу замѣченнаго недостатка нравственныхъ качествъ во многихъ изъ духовныхъ лицъ кавказской епархіи, поставить въ обязанность преосвященному Іоанникію: 1) войти въ ближайшее соображеніе, не представится-ли возможнымъ нынѣшніе обширные округа благочиній, для удобнѣйшаго надзора за поведеніемъ приходскаго духовенства, раздѣлить на меньшія пространства, или-же опредѣлить къ благочиннымъ, гдѣ окажется нужнымъ, особыхъ помощниковъ; 2) рассмотреть непосредственно и съ должнымъ вниманіемъ, всѣ-ли благочинные способны и благонадежны къ прохожденію своихъ должностей, съ тѣмъ, что ежели окажутся между ними такіе, которые сами, по нетвердымъ нравственнымъ правиламъ, служатъ дурнымъ примѣромъ и соблазномъ подчиненному имъ духовенству, то таковыхъ неотложно удалять отъ должностей, и 3) при обзорѣ епархіи обращать тщательное вниманіе на нравственную сторону и образъ жизни приходскаго духовенства, собирая нужныя для того свѣдѣнія о каждомъ лицѣ *секретнымъ образомъ подъ рукою* и свои личныя наблюденія и мѣстныя познанія повѣрять

¹⁾ См. вышеприведенный указъ синода.

впослѣдствіи съ аттестаціею благочинныхъ; въ случаѣ-же, когда дойдутъ до него, преосвященнаго, неблагопріятныя слухи о поведеніи кого-либо изъ духовныхъ лицъ, не оставляютъ оныя безъ вниманія, а поручаютъ въ то-же время ближайшему изъ надежныхъ священнослужителей повѣрить эти слухи на мѣстѣ и донести объ оказавшемся по сущей справедливости, или-же вызывать таковыхъ въ архіерейскій домъ для личнаго усмотрѣнія въ поведеніи» ¹⁾).

Наконѣцъ, указъ обращается и къ приходскому духовенству съ словомъ внушенія такого рода: «Подтвердить всему приходскому духовенству съ подписками, чтобы они, во-первыхъ, безъ крайней нужды и безъ вѣдома мѣстныхъ благочинныхъ отъ своихъ приходовъ отнюдь не отлучались, а получивъ на то дозволеніе благочинныхъ, поручали исправленіе по своимъ приходамъ требъ ближайшимъ священникамъ и о томъ оповѣщали въ то-же время и своихъ прихожанъ; во-вторыхъ, тѣла умершихъ погребали по церковному чиноположенію и своевременно, подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности за противное, и въ-третьихъ, существующій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай привозить больныхъ къ церкви для напутствованія св. Тайнами и погребать безъ священниковъ старались исправлять исподоволь благоразумными пастырскими внушеніями» ²⁾).

Въ заключеніе, синодъ предписывалъ Іоанникію: 1) производящимся по консисторіи дѣламъ о неблаговидныхъ поступкахъ духовенства дать успѣшное и правильное теченіе; 2) имѣть строгое наблюденіе, чтобы, при повѣркѣ приходо-расходныхъ книгъ и при свидѣтельствованіи суммъ, непремѣнно находились всѣ члены консисторіи и ректоръ семинаріи, назначивъ для этого предварительно извѣстные часы, и чтобы какъ въ храненіи суммъ, такъ и въ освидѣтельствваніи ихъ, поступаемо было во всемъ согласно съ существующими на сей предметъ правилами и постановленіями ³⁾).

ХІ. Слѣдствіе надъ архангельскимъ епископомъ Варлаамомъ.

Слѣдствіе надъ преосвященнымъ Варлаамомъ было вызвано не церковно-административною его дѣятельностію, но личными его отношеніями

¹⁾ См. вышеприведенный указъ.

²⁾ Въ томъ-же указѣ.

³⁾ Въ томъ-же указѣ.

къ архангельскому военному губернатору Бойлю, и на этомъ основаніи оно помѣщается непосредственно за ревизіями епархіальныхъ управленій. Своеобразная личность Варлаама и обстоятельство, подавшее поводъ къ производству надъ нимъ слѣдствія, представляютъ много любопытнаго. Грубый, своенравный, религіозный фанатикъ, готовый положить на костры и плахи всѣхъ, не раздѣляющихъ его убѣжденій ¹⁾, суевѣръ ²⁾, вѣряющій снамъ, врагъ всякой новизны, какъ-бы она ни была полезна, видящій въ каждомъ отступленіи отъ рутины вольнодумство и ересь ³⁾, а между тѣмъ самъ обличенный синодомъ въ нѣкоторыхъ неправославныхъ мнѣніяхъ, смотрящій на просвѣщеніе, какъ на заразу и порчу нравственности, совѣтующій прибѣгать къ насилію и полицейскимъ мѣрамъ для распространенія и утвержденія православія, запальчивый, любящій вмѣшиваться не въ свои дѣла, упрямый до смѣшного ⁴⁾, готовый идти на ножъ изъ-за своихъ убѣжденій, хотя-бы они были ошибочны—вотъ портретъ Варлаама.

¹⁾ Когда производилось здѣсь въ Петербургѣ дѣло о налитографированіи русскаго перевода Библіи, тогда Варлаамъ, будучи членомъ слѣдственной комиссіи по этому дѣлу, открыто говорилъ, что о. Павскаго, какъ главнаго виновника этого еретическаго беззаконнаго перевода, слѣдовало-бы сжечь въ срубѣ.

²⁾ Однажды на тропинкѣ, ведущей изъ архіерейскаго дома въ баню, Варлаамъ увидѣлъ такъ-называемый гашникъ отъ портковъ, что привело его въ смущеніе и неистовство. Началось розысканіе о томъ, кому принадлежитъ эта вещь. По слѣдствію открылось, что владѣтель этой вещи былъ пѣвчій изъ архіерейскаго хора, который, распарывая свои износившіеся портки, бросилъ гашникъ отъ нихъ на тропинку, какъ вещь ему болѣе ненужную. Бѣднякъ и не думалъ, что эта ветошь будетъ причиною его несчастія и что на него взведутъ обвиненіе въ намятвеніи «испортить» архіерея. А между тѣмъ это случилось: Варлаамъ, подозрѣвая, что пѣвчій хотѣлъ его «испортить», приказалъ подъ розгами допрашивать несчастнаго, съ какою цѣлью онъ бросилъ свой гашникъ на тропинку, по которой, зналъ, что будетъ проходить архіерей. Безвиннаго преступника сѣкли по три раза въ день розгами, но не могли этимъ вынудить признанія и наконецъ оставили его въ покоѣ.

³⁾ Профессоръ пензенской семинаріи Рязановъ заподозрѣвъ былъ Варлаамомъ и ректоромъ семинаріи Евпсихіемъ въ вольнодумствѣ и еретичествѣ за то, что выпустилъ изъ риторики Бургія *хрім*, обращался человѣчно съ семинаристами и давалъ имъ темы для сочиненій изъ жизни дѣйствительной, какъ, напримѣръ, описаніе святокъ, лѣта и т. под., а не изъ свящ. Писанія.

⁴⁾ Во время нахожденія Варлаама викаріемъ въ Кіевѣ, ему однажды, послѣ обѣдни, вздумалось заѣхать къ тамошнему генераль-губернатору Бибикову, съ которымъ онъ уже успѣлъ поссориться и даже серьезно. Докладываютъ Бибикову, что преосвященный викарій хочетъ его видѣть.

«Не могу принять, скажи ему», кричитъ Бибиковъ своему лакею. Лакей букваль-

Съ такимъ характеромъ Варлаамъ нигдѣ не могъ снискать себѣ расположенія. Покойный кievскій митрополитъ Филаретъ, у котораго онъ въ санѣ викарія началъ свое архіерейское служеніе, былъ чрезвычайно радъ, когда наконецъ его назначили въ Архангельскъ: такъ надобѣлъ онъ ему своими выходками и упрямствомъ. Приобрѣти самостоятельность, Варлаамъ сдѣлался свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Рѣзкія выраженія въ годовыхъ отчетахъ о состояніи ввѣренной ему епархіи, грубая правдивость, а болѣе всего нелѣпыя и сумасбродныя требованія вывели изъ терпѣнія синодъ, который сдѣлалъ ему выговоръ въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ. «Св. синодъ, говорится въ указѣ, посланномъ къ Варлааму, разсмотрѣвъ все его требованія и предположенія, опредѣляетъ: 1) Увѣдомить преосвященнаго, что онъ можетъ, если признаетъ нужнымъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ управляемой имъ епархіи, войти по узаконенному порядку съ особыми представленіями о постройкѣ зданій для духовныхъ правленій, объ открытіи уѣзднаго училища и объ увеличеніи числа причтовъ, съ яснымъ доказаніемъ представляющейся необходимости и приложеніемъ всехъ нужныхъ для подробнѣйшаго обозрѣнія каждаго предмета справокъ; а по предположенію о требованіи раскольниковъ въ секретномъ циркулярномъ указѣ св. синода отъ 5-го апрѣля 1845 года. 2) По предположенію его, преосвященнаго, касательно пересмотра и исправленія богослужебныхъ церковныхъ книгъ, изъяснить ему, что св. синодъ съ крайнимъ прискорбіемъ усматриваетъ, что онъ, преосвященный, коснувшись предмета исправленія книгъ, обнаружилъ въ себѣ уклоненіе отъ исторіи, невниманіе къ іерархическому порядку,

но передаетъ Варлааму слова господина. «Скажи, что мнѣ непремѣнно нужно видѣть его высокопревосходительство», говоритъ Варлаамъ. Лакей идетъ въ кабинетъ Бибикова и передаетъ ему сказанное Варлаамомъ. «Такъ скажи ему, что я въ одномъ халатѣ, а слѣдовательно не могу его принять». Несмотря на это, Варлаамъ почти насильно проталкиваетъ лакея въ кабинетъ Бибикова и опять съ тѣмъ-же требованіемъ. Взбѣшенный такою назойливостью, генераль-губернаторъ кричитъ въ бѣшенствѣ: «Такъ поди и скажи ему, что я нагой и, если онъ хочетъ, такъ пусть идетъ сюда», и, съ этими словами, снимаетъ съ себя все платьѣ, даже рубашку, приказываетъ подать себѣ сигару и въ такомъ положеніи ложится на диванъ. Когда лакей пересказалъ Варлааму, какой пріемъ готовится ему въ кабинетѣ генераль-губернатора, онъ возразилъ, что это его, какъ монаха, не соблазнить, и спокойно вошелъ въ кабинетъ Бибикова, сѣлъ противъ него на кресла и началъ съ нимъ разговаривать. И Бибиковъ, и Варлаамъ выдержали свои роли во время разговора, продолжавшагося около получаса; одинъ, нагой, лежалъ и курилъ, а другой сидѣлъ противъ него, какъ-бы не замѣчая этого.

неуваженіе къ соборамъ, признаннымъ нашею церковію, и неразумительность о печальныхъ послѣдствіяхъ, какія испытала наша церковь чрезъ расколъ суетумудрыхъ и несмыслящихъ людей. Онъ, преосвященный, долженъ былъ представить себѣ, съ какою тщательностію и благонамѣренностію приступлено было къ исправленію книгъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; положено было собрать всѣ древнія книги и рукописи, и это сдѣлано было съ особеннымъ тщаніемъ; положено было достать въ самой Греціи древнѣйшія книги и для сего послано было туда лицо опытное, облеченное довѣріемъ. Преосвященному должно быть вполнѣ извѣстно, сколько было прислано рукописей изъ Аѳонскихъ монастырей, сколько доставлено книгъ изъ Болгаріи, вѣрныхъ и несомнѣнныхъ. Такой приступъ къ дѣлу, столь важному, былъ самый благоразумный и полезный. Затѣмъ, самая повѣрка и исправленіе книгъ происходили со всею разумительностію и благонамѣренностію, ибо производились подъ неусыпнымъ смотрѣніемъ цѣлаго сонма святителей и другихъ опытныхъ мужей, руководимыхъ одними благонамѣренными видами и страхомъ Божиимъ; а предъ сею предусмотрительною точностію должна исчезнуть та мнимая здравая критика, которой рѣшился желать преосвященный. Послѣ всего этого, какъ могла придти преосвященному грѣховная мысль, что исправители были люди несвѣдующіе, или управляемые западнымъ духомъ? Извѣстно, что къ дѣлу сему взяты были изъ Кіева два свѣдующіе челоѣка, какъ основательно знавшіе языки греческій и славянскій. Но развѣ они заражены были латинскимъ духомъ? Да и кто-бы имъ дозволилъ внести въ книги латинское ученіе и какъ-бы они могли сдѣлать это, когда всѣ смотрѣли съ величайшею осторожностію, дабы чего-либо не было привнесено неправого, а тѣмъ болѣе латинскаго? Имѣя все это въ виду, преосвященный однакожь увлекся разсужденіемъ до того, что будто Греція, потерявши политическое свое бытіе, потеряла и знаніе догматовъ богословскихъ, какъ будто книги церкви греческой исчезли въ то время съ лицами, какъ будто и теперь нѣтъ древнѣйшихъ писаній святыхъ отцевъ церкви, и какъ будто церковь греческая лишилась всѣхъ своихъ пастырей, тогда какъ, напротивъ, они постоянно были и, пріѣзжая въ Россію, приносили свои знанія и укрѣпляли союзъ церкви російской съ греческою. Что касается до примѣровъ, представленныхъ преосвященнымъ въ подтвержденіе разногласія новоисправленныхъ книгъ съ старыми и съ самими собою, то примѣры сии ничего болѣе не доказываютъ, какъ то, что преосвященный, замѣтивши несогласіе въ словахъ, не умѣлъ сдѣлать примиренія въ сущности. Преосвященному надобно было обратиться къ

здравому разсужденію, къ благо разумію, къ опытной заботливости о чадахъ церкви, дабы обращать ихъ въ нѣдра церкви кроткими совѣтами, добрымъ ученіемъ, мирнымъ дѣйствованіемъ, а не предлагать средства, которыми можно разодрать одежду церкви. Гдѣ-же послѣ сего та вѣра, то повиновеніе, которыя каждый православный христіанинъ, а особенно пастырь, долженъ оказывать соборнымъ постановленіямъ? Гдѣ та заботливость, та святительская ревность и любовь, которыми должно врачевать, а не растравлять раны, должно предотвращать печальные раздоры въ членахъ церкви, а не возобновлять ихъ? Все сіе поставить на видъ преосвященному, съ присовокупленіемъ, что св. синодъ надѣется не встрѣтить ничего подобнаго въ дальнѣйшихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ его, преосвященнаго, и что онъ будетъ поступать впредь какъ пастырь разсудительный и благо разумный» ¹⁾).

Къ несчастію Варлаама, война 1853—1856 г.г. застала его въ Архангельскѣ. На такого фанатика и энтузіаста, каковъ былъ онъ, военные событія произвели-бы сильное впечатлѣніе даже и тогда, когда театръ ихъ находился-бы вдали отъ него, а тутъ непріятельскіе корабли начали крейсировать на Бѣломъ морѣ, въ предѣлахъ епархіи Варлаама; монастырь Соловецкій подвергся бомбардированію англо-французовъ, около Колы явились англійскіе пароходы, непріатели дѣлали промѣры въ рѣкахъ, выходили на берегъ, въ двухъ мѣстахъ входили въ храмы Божіи, снимали колокола, похищали изъ церквей деньги. Всѣ эти происшествія въ совокупности сильно подѣйствовали на живое воображеніе Варлаама; онъ закидалъ вопросами мѣстное гражданское начальство, завалилъ приказаніями подчиненное ему духовенство и возмечталъ, будто только онъ одинъ и можетъ спасти Архангельскій край. Но въ то время, когда Варлаамъ былъ весь движеніе и безпокойство, въ военномъ и гражданскомъ мѣстныхъ начальствахъ царствовали, по его понятію, совершенная апатія, преступная и подозрительная недѣятельность. Отъ чего-же происходитъ это? спрашивалъ онъ себя, и отвѣчалъ на этотъ вопросъ такъ: «Бойль по происхожденію англичанинъ, а по вѣрѣ не православный, слѣдовательно онъ естественно долженъ сочувствовать своимъ соотечественникамъ и единовѣрцамъ-англичанамъ, а не русскимъ, желать успѣха нашимъ врагамъ и ясно, что Бойль измѣняетъ: вотъ онъ оставляетъ безъ защиты монастыри, не извѣщаетъ его о своихъ распоряженіяхъ, не приказываетъ крестьянамъ защищать церкви и спасать церковное имущество, а оттого крестьяне, при первомъ появленіи непріятельскихъ кораблей, бѣгутъ, забравши свое иму-

¹⁾ См. въ св. синодѣ секретный указъ 2-го декабря 1846 года за № 125.

щество, въ лѣсъ, а не хотѣть ни защищать храмовъ Божіихъ, ни спасать церковнаго достоянія». Мысль объ измѣнѣ Бойля сдѣлалась господствующею въ умѣ Варлаама, превратилась въ кошмаръ, который не давалъ ему покоя ни днемъ, ни ночью. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, думалъ Варлаамъ, медлить нечего, каждая минута дорога, и на этомъ основаніи онъ послалъ доносъ военному министру на Бойля въ томъ, что со стороны его не принято никакихъ мѣръ къ оборонѣ монастырей: Соловецкаго, Онежскаго, Крестнаго и Никольскаго Корельскаго, и что ружья у архангельскихъ гарнизонныхъ батальоновъ и инвалидов командъ прибрежныхъ пунктовъ никуда не годятся ¹⁾. Катенинъ, управлявшій въ то время военнымъ министерствомъ за Чернышева, просилъ Бойля сдѣлать нужныя распоряженія къ удовлетворенію ходатайства преосвященнаго Варлаама и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказать освидѣтельствовать ружья, какъ архангелогородскихъ гарнизонныхъ батальоновъ, такъ и инвалидов командъ прибрежныхъ пунктовъ Архангельской губерніи и, въ случаѣ негодности оныхъ, замѣнить ихъ изъ числа доставленныхъ въ Архангельскъ для вооруженія прибрежныхъ жителей 3669 ружей ²⁾. Доносъ Варлаама задѣлъ за живое Бойля. Отвѣчая или, лучше, оправдываясь предъ военнымъ министромъ, онъ не считъ за нужное щадить Варлаама и писалъ, что преосвященный, «разстраиваетъ себя тѣмъ, что, предаваясь напрасной и непомѣрной боязни непріятельскаго нападенія, вѣрять происходящимъ отъ этого страха тревожнымъ снамъ и вступаетъ въ откровенную бесѣду о настоящихъ политическихъ дѣлахъ съ людьми, до такой-же степени боязливыми и такъ же мало понимающими военное и морское дѣло, какъ самъ преосвященный. Въ этихъ бесѣдахъ епископъ Варлаамъ и съ своей стороны высказываетъ свои, ни на чемъ не основанныя, опасенія, и даже въ произносимыхъ въ церквахъ проповѣдяхъ, увлекаясь своими ошибочными убѣжденіями, бываетъ такъ неостороженъ, что словами своими не ободряетъ слушателей, какъ-бы слѣдовало пастырю, но, напротивъ приводитъ въ уныніе и внушаетъ недовѣріе къ начальству, какъ передано мнѣ объ этомъ нѣкоторыми почетнѣйшими лицами Архангельска, заслуживающими полное довѣріе.

«Я всѣми мѣрами стараюсь урезонить и успокоить преосвященнаго, прошу его чаще видѣться со мною и самъ бываю у него, причемъ объ-

¹⁾ См. въ св. синодѣ секретное дѣло о принятіи мѣръ къ отвращенію вредныхъ послѣдствій по случаю военныхъ обстоятельствъ, и въ немъ предложеніе синоду графа Пратасова отъ 23-го августа 1854 года.

²⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ копію съ рапорта архангельскаго военнаго губернатора Бойля военному министру, отъ 4-го августа 1854 года.

ясяю ему, какія мѣры приняты къ защитѣ края отъ непріятеля и какъ эти мѣры надежны. Но все это для него недостаточно, и главная причина его сокрушенія заключается въ томъ, что находящійся при одномъ изъ устьевъ р. Двины Никольскій монастырь, котораго онъ настоятелемъ, не защищенъ гарнизономъ и орудіями, между тѣмъ, какъ этотъ монастырь защищенъ самою природою, да и по бѣдности своей, можно быть увѣреннымъ, не привлечетъ непріятеля, и вообще укрѣплять находящіеся на берегахъ Бѣлаго моря монастыри было-бы совершенно бесполезно.

«Вашему сіятельству извѣстно, что все высочайше одобренныя мѣры къ оборонѣ здѣшняго края, а также и Соловецкаго монастыря своевременно приняты. Между тѣмъ, преосвященному и монашествующимъ изъ статистическихъ описаній извѣстно, что въ 1801 году въ Соловецкомъ монастырѣ находилось 1500 солдатъ съ полевой артиллеріею подъ начальствомъ генерала Дохтурова, да и въ Архангельскѣ войска было гораздо болѣе, нежели нынѣ, а потому въ настоящее время что-бы ни было сдѣлано для монастыря и для монашествующихъ, будетъ казаться, по сравненію съ 1801 годомъ, недостаточнымъ»¹⁾).

Отношеніе Бойля доложено было военнымъ министромъ Императору Николаю и онъ приказалъ графу Пратасову принять мѣры къ устраненію того вреднаго вліянія, которое опасенія Варлаама могутъ имѣть на умы жителей²⁾. Пратасовъ, 23-го августа 1854 года, предложилъ отношеніе военнаго министра съ изложеніемъ высочайшаго повелѣнія св. синоду, который, послѣ совѣщаній о томъ, что нужно дѣлать и какъ поступить съ Варлаамомъ, положилъ немедленно командировать въ Архангельскъ присутствовавшего тогда въ синодѣ архіепископа олонецкаго Аркадія. Государь утвердилъ эту мѣру. Въ синодскомъ указѣ, данномъ Аркадію по этому случаю, предписывалось, чтобы онъ, «вникнувъ на мѣстѣ въ причины недоразумѣнія между архангельскимъ преосвященнымъ и тамошнимъ военнымъ губернаторомъ, поставилъ преосвященнаго Варлаама наставленіями своими въ надлежащія миролюбивыя отношенія къ военному губернатору, что и во всякомъ случаѣ, особенно-же въ настоящемъ времени, необходимо, и съ тѣмъ вмѣстѣ, если усмотритъ надобность, далъ-бы образу мыслей и дѣйствій преосвященнаго направленіе, сообразное требованіямъ нынѣшнихъ обстоятельствъ. О семъ дать преосвящен-

¹⁾ См. въ томъ-же дѣлѣ копію съ письма вице-адмирала Бойля къ военному министру отъ 11-го августа 1854 года.

²⁾ См. тамъ-же копію съ секретнаго отношенія военнаго министра къ оберъ-прокурору св. синода, отъ 19-го августа 1854 года, за № 552.

ному архієпископу Аркадію секретный указъ, съ приложеніемъ въ копіяхъ происходившей переписки, предписавъ о томъ-же по надлежащему и преосвященному Варлааму. За симъ, еслибы по какимъ-либо непредвидѣннымъ причинамъ оказалось, что всѣ таковыя принятые преосвященнымъ архієпископомъ Аркадіемъ мѣры не вполне могутъ достигнуть цѣли, въ такомъ случаѣ онъ долженъ немедленно вступить въ управленіе епархією и о томъ предъявить и вручить преосвященному Варлааму особый, прилагаемый при семъ, на таковой случай приготовленный указъ о сдачѣ епархіи и немедленномъ прибытіи въ С.-Петербургъ. Но если въ сей послѣдней мѣрѣ не будетъ предстоять надобности, то указъ сей представить обратно св. синоду, по возвращеніи въ С.-Петербургъ. По содержанію сего 2-го пункта дать преосвященному архієпископу Аркадію особый секретный указъ. Такъ какъ все сіе порученіе дается преосвященному Аркадію секретно, подъ видомъ командированія его къ обозрѣнію нѣкоторыхъ уѣздовъ ввѣренной ему олонекской епархіи, то по сему послѣднему предмету дать ему, преосвященному Аркадію, еще особый указъ, съ изъясненіемъ цѣли отправленія его въ оную, съ выдачею ему на подъемъ 1.000 руб. сер. на счетъ 20.000, на экстраординарные расходы по духовному вѣдомству отпускаемыхъ. По возлагаемымъ на преосвященнаго архієпископа Аркадія порученіямъ вмѣнить ему въ обязанность представить св. синоду донесенія сообразно съ имѣющими открыться обстоятельствами¹⁾.

Такъ какъ св. синоду былъ хорошо извѣстенъ характеръ Варлаама и онъ предвидѣлъ, что послѣдній не откажется отъ мысли, въ истинѣ которой убѣдился, то Аркадію былъ данъ указъ, въ случаѣ, если Варлаамъ не согласится примириться съ Бойлемъ, вступить самому въ управленіе архангельскою епархією, а Варлаама выслать въ Петербургъ. Въ первомъ изъ своихъ рапортовъ синоду Аркадій писалъ, что онъ съ 10-го по 17-е сентября имѣлъ ежедневно неоднократно келейныя собесѣдованія съ преосвященнымъ Варлаамомъ; въ продолженіе этого-же времени также видѣлся четыре раза съ военнымъ губернаторомъ Бойлемъ, два раза съ гражданскимъ губернаторомъ Фрибесомъ и управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ Зубовымъ, по разу съ вице-губернаторомъ, съ комендантомъ Соловьевымъ и другими служащими въ Архангельскѣ чиновниками. «Послѣ таковыхъ свиданій и особенно изъ келейныхъ собесѣдованій съ преосвященнымъ, за-

¹⁾ См. тамъ-же указъ синода преосвященному Аркадію отъ 27-го августа 1854 года.

ключаю, что причинами недоразумѣній между преосвященнымъ Варлаамомъ и г. военнымъ-губернаторомъ послужили слѣдующія три обстоятельства: а) г. Бойль не всѣ свои, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, свѣдѣнія и распоряженія открывалъ преосвященному, какъ-бы желалъ сего преосвященный; б) преосвященный по нѣкоторымъ своимъ требованіямъ въ защиту нѣкоторыхъ мѣстъ епархіальнаго управленія отъ нападенія непріятелей не получалъ отъ г. военного губернатора желаемого удовлетворенія; в) военный губернаторъ Бойль по происхожденію англичанинъ и по вѣрѣ пренадлежитъ къ англиканской церкви. Имѣя въ виду сіи, преосвященнымъ открытыя мнѣ причины, старался я поставить преосвященнаго Варлаама въ надлежащія, миролюбивыя отношенія къ военному губернатору, и преосвященный, оставаясь при прежнемъ недоверіи къ военному губернатору, увѣрялъ меня, что онъ, преосвященный, миролюбивыхъ отношеній къ военному губернатору не нарушалъ и не будетъ нарушать. Преосвященный вѣрить снамъ, которымъ, какъ онъ самъ объяснялъ мнѣ, издавна ведетъ запись, и имѣлъ нѣсколько замѣчательныхъ для него сновъ и въ настоящее время; о нѣкоторыхъ изъ нихъ говорилъ и съ другими. Убѣждаясь важностію настоящихъ военныхъ обстоятельствъ, онъ, преосвященный, говорилъ проповѣди и такія, на сочиненіе которыхъ, какъ онъ самъ-же объяснялъ мнѣ, употреблялъ не болѣе часовъ двухъ предъ самою литургіею, которую совершать готовился. Въ таковыхъ, столь поспѣшно сочиняемыхъ, проповѣдяхъ могли вкрадываться мысли и выраженія, дававшія людямъ предубѣжденнымъ поводъ недоразумѣвать о нѣкоторыхъ лицахъ и должностныхъ распоряженіяхъ ихъ. Преосвященный давалъ мнѣ обѣщаніе: а) о снахъ своихъ не говорить болѣе съ другими; б) проповѣди сочинять осмотрительнѣе, и в) вообще въ разговорахъ быть осторожниѣе, но обѣщаніе только словесное, котораго, при остающемся въ немъ недоверіи къ г. военному губернатору Бойлю, признать за неизмѣнное, вполне успокоительное, нельзя» ¹⁾. А потому, вслѣдъ за этимъ рапортомъ и въ тотъ-же самый день, Аркадій послалъ въ синодъ другой, въ которомъ писалъ, что «Варлаамъ, при твердой своей волѣ, крѣпко увѣренъ въ своей правотѣ по настоящему объ немъ дѣлу; жалуясь, что якобы и военный, и гражданскій губернаторы не оказываютъ ему, преосвященному, должнаго уваженія (на что въ доказательство приводилъ мнѣ и нѣкоторые, даже недавно бывшіе случаи) и не отлагая своего къ

¹⁾ См. тамъ-же рапортъ преосвященнаго Аркадія синоду отъ 17-го сентября 1854 года.

нимъ недовѣрія, ничѣмъ не обезпечиваетъ того, что онъ, преосвященный, мое ему наставленіе относительно должнаго дѣйствованія, при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ края, соблюдетъ вполнѣ. По симъ причинамъ нельзя съ основательностію предполагать, чтобы принятые мною мѣры наставленія преосвященному Варлааму, епископу архангельскому, о которыхъ доношу я св. синоду отъ сего-же 17-го числа за № 262, относительно должнаго дѣйствованія при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ края, вполнѣ могли достигнуть цѣли, вслѣдствіе чего, на основаніи помянутаго за № 8598 секретнаго указа, рѣшился я вступитъ въ управленіе архангельскою епархіею впредь до повелѣнія и, вмѣстѣ съ симъ, сдалъ въ архангельскую духовную консисторію указъ св. синода за № 8599, отъ 28-го минувшаго августа, для надлежащаго по оному распоряженія, и о томъ предъявилъ и вручилъ преосвященному Варлааму особый на его имя за № 8600 изъ св. синода указъ о сдачѣ епархіи и немедленномъ прибытіи въ С.-Петербургъ» ¹⁾).

17-го сентября объявленъ былъ Варлааму указъ о сдачѣ епархіи Аркадію, а на другой день Варлаамъ доносилъ синоду, что «указъ сей его высокопреосвященствомъ врученъ мнѣ лично 17-го сентября, въ 3 часа пополудни, послѣ уже недѣльнаго проживанія его высокопреосвященства въ моемъ домѣ и послѣ постоянныхъ бесѣдъ объ исполненіи другаго указа св. синода, врученнаго 10-го сентября его высокопреосвященствомъ. Нижайше рапортуя св. синоду о полученіи сего втораго указа, честь имѣю присовокупить, что какъ скоро духовная консисторія, съ распоряженія его высокопреосвященства, сдѣлаетъ свое постановленіе касательно сдачи архангельской епархіи въ управленіе ему, а также и о пересмотрѣ всего имущества архіерейскаго дома и о сдачѣ онаго кому слѣдуетъ, и коль скоро всеблагій Господь поддержитъ мое здоровье при истинно тревожныхъ для меня обстоятельствахъ, то я, въ исполненіе указа, поспѣшу явиться въ С.-Петербургъ къ усмотрѣнію моего благопопечительнѣйшаго начальства» ²⁾).

Вслѣдствіе двухъ означенныхъ рапортовъ Аркадія, синодъ приказалъ ему остаться въ Архангельскѣ, управлять тамошнею епархіею впредь до особаго распоряженія, озаботиться устраненіемъ возникшихъ недоразумѣній въ сношеніяхъ мѣстныхъ епархіальнаго и гражданскаго начальствъ и

¹⁾ Тамъ-же второй рапортъ преосвященнаго Аркадія синоду.

²⁾ См. тамъ-же рапортъ преосвященнаго Варлаама синоду отъ 18-го сентября 1854 года.

установить ихъ на будущее время соотвѣтственно нынѣшнимъ обстоятельствамъ. О томъ же, что до сего времени открылось и что еще будетъ открыто, донести св. синоду съ должною подробностью и съ своими соображеніями. А Варлааму тутъ-же снова подтверждалось, чтобы онъ, на основаніи переданнаго ему преосвященнымъ Аркадіемъ указа св. синода, вытребовавъ себѣ откуда слѣдуетъ подорожную и получивъ прогонныя деньги изъ имѣющихся въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства суммъ, отправился неотложно въ С.-Петербургъ и, по прибытіи сюда, занялъ на Ярославскомъ подворьѣ отведенное ему помѣщеніе и донесъ о томъ св. синоду ¹⁾).

Варлаамъ, еще ранѣе этого указа, выѣхалъ изъ Архангельска; дорогу въ Петербургъ совершилъ на свой счетъ; по прибытіи въ столицу, остановился на Ярославскомъ подворьѣ и только спустя 3 недѣли послѣ своего пребыванія въ Петербургѣ онъ осмѣлился «всепокорнѣйше просить св. синодъ о томъ, не благоугодно-ли будетъ сдѣлать отеческое и милостивое распоряженіе о возвратѣ ему прогоновъ здѣсь въ Петербургѣ, по нахожденію его въ столицѣ уже болѣе трехъ недѣль и на своемъ совершенно отчетѣ и съ двумя еще людьми при немъ, взятыми для дороги и для прислуги изъ Архангельска—однимъ священникомъ и однимъ штатнымъ служителемъ архангельскаго архіерейскаго дома» ²⁾). Неудивительно, что Варлаамъ такъ присмирѣлъ въ Петербургѣ. Съ перваго-же пріема, сдѣланнаго ему здѣсь, онъ увидѣлъ, что приговоръ ему уже произнесенъ и что ему грозитъ увольненіе на покой. Вообще нужно сказать, что всѣ члены синода и важнѣйшіе синодалыя чиновники обошлись съ нимъ болѣе, нежели холодно и при первомъ-же визитѣ или дѣлали ему рѣзкіе выговоры за неблагоразумныя его дѣйствія, или давали видъ, что лучшебы онъ не пріѣзжалъ къ нимъ, или принимали его съ какою-то необыкновенною важностью и даже съ оскорбительнымъ участіемъ. Варлаамъ, видимо, смущенный этими пріемами, ожидалъ трагической развязки. Если ему еще не было объявлено объ увольненіи его на покой, то единственно потому, что хотѣли соблюсти формальность и ждали результатовъ слѣдствія, производимаго оставшимся въ Архангельскѣ Аркадіемъ. Но вотъ, наконецъ, полученъ и отчетъ Аркадія о произведенномъ имъ слѣдствіи, которое было совершенно не въ пользу Варлаама. Выводы или соображенія, представленные Аркадіемъ синоду по дѣлу Варлаама, заключались

¹⁾ Тамъ-же указъ синодскій архіепископу Аркадію отъ 2-го октября 1854 года.

²⁾ Тамъ-же рапортъ преосвященнаго Варлаама синоду отъ 26-го октября 1854 года.

въ слѣдующемъ: 1) Варлаамъ въ сношеніяхъ своихъ съ Бойлемъ не соблюдалъ порядка, опредѣленнаго синодальнымъ указомъ; 2) былъ не-откровененъ въ рапортахъ и донесеніяхъ синоду о своихъ распоряженіяхъ: такъ, онъ скрылъ отъ синода, что требовалъ отъ военного губернатора на предметъ перевозки драгоцѣнностей изъ Крестнаго монастыря въ Архангельскъ: а) *конвоя*, б) *обороны* этому монастырю такой-же, какая назначалась для Соловецкаго монастыря, и в) *обязанія* городскихъ и сельскихъ правленій оказывать церквамъ и причтамъ въ мѣстахъ приморскихъ содѣйствіе къ сохраненію церковнаго имущества; 3) былъ неумѣренъ въ своихъ требованіяхъ, именно: просилъ Бойля, чтобы тотъ увѣдомлялъ его о всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, какіе могутъ развиваться по Архангельской губерніи иногда и неожиданно, и непредвидѣнно, при состояніи ея на военномъ положеніи. Отъ неумѣстности требованій преосвященнаго Варлаама произошло то, что Бойль отвѣчалъ не на всѣ его требованія, а ограничился только выясненіемъ того, что и какъ изъ церковнаго имущества перевозить слѣдуетъ, и присовокупилъ, что военныя дѣйствія не могутъ быть безъ жертвъ и что допустить гласную перевозку церковнаго имущества, не составляющаго большой цѣнности, значило-бы заставить и всѣхъ жителей, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, прибѣгнуть къ сбереженію своего имущества, что непременно повлекло-бы за собою большіе безпорядки, страхъ между жителями и упадокъ общественнаго духа въ пользу непріятеля; 4) намѣренно увеличивалъ опасность; 5) явно обнаруживалъ недовѣріе къ главному начальнику края и въ самомъ себѣ показывалъ тревожныя опасенія; 6) безъ основанія опорочилъ предъ св. синодомъ дѣйствія управляющаго архангельскою палатою государственныхъ имуществъ; 7) Варлаамъ только и показывалъ свою ревность относительно сохраненія церковнаго имущества, которая и ввела его въ обширную переписку съ главнымъ начальникомъ края, но не внушала духовенству и паствѣ повиновенія мѣстному гражданскому начальству, какъ требовалось синодальнымъ указомъ. Вслѣдствіе того, что въ распоряженіяхъ епархіальнаго начальства была какъ-бы забыта нравственная сторона духовенства и паствы, произошло то, что настоятель Онежскаго Крестнаго монастыря архимандритъ Нилъ не далъ жителямъ Онеги пушекъ и допустилъ непріятеля увезти изъ оныхъ двѣ... «Не отъ того-ли, что епархіальное начальство въ самомъ началѣ не обратило вниманія на нравственную сторону духовенства и паствы, не сдѣлало особенныхъ духовенству внушеній, которыя-бы его и паству воодушевляли противу врага—писалъ Аркадій—никто изъ духовенства не оказалъ засвидѣтельствованныхъ въмъ слѣдуетъ подвиговъ къ защитѣ края—ободрен-

ніемъ-ли народа или другою распорядительностію, а съ противной стороны оказываются нѣкоторые. Никакъ нельзя думать, чтобы въ духовенствѣ не было достойныхъ пастырей, способныхъ и годныхъ на всякій подвигъ въ пользу отечества при настоящихъ обстоятельствахъ, но оно было лишено необходимыхъ наставленій, возбужденій, будучи занято одною заботою о сохраненіи церковнаго имущества, перепискою, ожиданіями разрѣшеній на представленія о мѣрахъ къ сохраненію оного»¹⁾.

Но когда дѣло Варлаама казалось совершенно потеряннымъ, когда онъ ждалъ отъ синода только кары, вдругъ и неожиданно пришла къ нему помощь оттуда, откуда, можетъ быть, онъ вовсе и не ожидалъ ея. Спасителемъ Варлаама явился архимандритъ Соловецкаго монастыря Александръ. Послѣ мужественной обороны этого монастыря отъ англичанъ, архимандритъ Александръ сталъ львомъ и героемъ, о которомъ вездѣ говорили, котораго подвиги вездѣ превозносили, котораго портреты раскупались сотнями. Его вызвали въ Петербургъ и представили ко двору, гдѣ съ жадностью внимали, какъ непреложной истинѣ, каждому его слову, касающемуся военныхъ дѣйствій непріятелей въ Бѣломъ морѣ. Къ нему обратились съ разспросами и по дѣлу Варлаама. Александръ, говоря о мѣрахъ, принятыхъ архангельскимъ губернаторомъ для защиты Соловецкаго монастыря, прямо отозвался, что Бойль оставилъ его вовсе безъ защиты и показалъ въ этомъ случаѣ мало участія и много равнодушія. Къ тому же, самъ Варлаамъ не оставался безмолвнымъ и къ написанному имъ прежде передавалъ устно такія обстоятельства, которыя оправдывали его и усиливали подозрѣнія противъ Бойля; такъ, напр., онъ рассказывалъ, что англійскій консулъ и по объявленіи намъ войны англичанами жилъ въ домѣ военнаго губернатора, который оказывалъ ему гостепріимство, оскорблявшее патріотическое чувство русскихъ. Сверхъ того, и Императоръ Николай, былъ теперь болѣе расположенъ въ пользу Варлаама, чѣмъ Бойля. Наконецъ, скоропостижная смерть послѣдняго въ С.-Петербургѣ, воспрепятствовавшая получить отъ него обстоятельныя объясненія по взводимымъ на него обвиненіямъ, набрасывала какую-то тѣнь на него и какъ-бы очищала бывшаго архангельскаго преосвященнаго. И вотъ Варлаамъ, вмѣсто увольненія на покой, по высочайшему повелѣнію былъ переведенъ въ Пензу, на мѣсто умершаго епископа Амвросія, а архимандритъ Александръ, посвященный въ епископа, посланъ занять архангельскую кафедру²⁾.

¹⁾ Тамъ-же рапортъ преосвященнаго Аркадія синоду отъ 3-го ноября 1854 года.

²⁾ Тамъ-же указъ св. синода отъ 17-го декабря 1754 года.

6) *Выговоры архіереямъ.*

Если административныя распоряженія епархіальнаго архіерея были неправильны и уклонялись отъ законнаго порядка и началъ нравственныхъ, или если его дѣйствія влекли за собою разстройство въ епархіальномъ управленіи, то надъ виновнымъ въ такихъ преступленіяхъ обыкновенно назначались отъ синода ревизія или слѣдствіе. Но когда архіерей совершалъ только одинъ какой-либо неприличный или неблаго-разумный поступокъ, или когда учиненное имъ незаконное и неправо-ственное дѣйствіе было явленіемъ случайнымъ и не вытекало изъ общаго направленія его административной дѣятельности, тогда дѣло, по-большей части, кончалось только выговоромъ или замѣчаніемъ винов-ному.

При изложеніи выговоровъ, полученныхъ архіереями, какъ высо-чайшихъ, такъ и синодальныхъ, мы будемъ слѣдовать хронологическому порядку; для избѣжанія-же повтореній, мы въ настоящемъ отдѣлѣ опу-стимъ всѣ тѣ выговоры и замѣчанія архіереямъ, которые были обыкно-веннымъ результатомъ произведенныхъ надъ ними ревизій и слѣдствій и которые нами приведены выше, въ своихъ мѣстахъ.

1. Выговоръ Антонію, епископу воронежскому.

Первый изъ архіереевъ, получившій выговоръ отъ Императора Ни-колая, былъ преосвященный воронежскій Антоній. Поводомъ къ тому по-служилъ слѣдующій неосторожный поступокъ съ его стороны: 23-го де-кабря 1827 года Антоній, пригласивъ къ себѣ начальника 6 отдѣленія 11 округа корпуса жандармовъ подпоковника Волкова, объявилъ ему, что въ домово́й архіерейской церкви найденъ конвертъ со вложеніемъ письма къ нему и запечатаннаго пакета на высочайшее имя. Волковъ, полагая, что въ этомъ пакетѣ заключается пасквиль, и желая безъ по-тери времени приступить къ отысканію виновнаго, рѣшился, съ согласія преосвященнаго Антонія, вскрыть пакетъ и прочитатъ вмѣстѣ съ нимъ находившуюся въ немъ бумагу. Бумага эта, какъ видно изъ донесенія Волкова своему окружному начальнику, заключала въ себѣ необдуман-ныя предположенія касательно преобразованія нѣкоторыхъ частей управ-ленія и увѣренія, что въ случаѣ неисполненія предлагаемыхъ мѣръ вскорѣ послѣдуетъ всеобщій бунтъ.

Окружный жандармскій начальникъ препроводилъ бумагу къ Бен-

кендорфу, а Бенкендорфъ къ воронежскому губернатору для открытія ея автора. Губернаторъ черезъ нѣсколько времени донесъ шефу жандармовъ, что сочинитель помянутой бумаги найденъ и есть ученикъ воронежской семинаріи 2-го низшаго отдѣленія Евѣимъ Тараховъ, который признался ему, что онъ составилъ и переписалъ эту бумагу безъ вѣдома кого-либо и подбросилъ ее въ церковь преосвященнаго Антонія наканунѣ праздника Рождества Христова. Бенкендорфъ представилъ объ этомъ дѣлѣ Государю докладную записку, на которой Императоръ Николай положилъ слѣдующую резолюцію: «Сдѣлать строжайшій выговоръ подполковнику Волкову и преосвященному Антонію за то, что смѣли распечатать бумагу, писанную на Мое имя» ¹⁾. Бенкендорфъ, по принадлежности, сообщилъ объ этомъ князю Мещерскому, тогдашнему синодальному оберъ-прокурору, а сей послѣдній синоду, который, въ свою очередь, передалъ выговоръ Антонію.

II. Выговоръ Аарону, епископу архангельскому.

Въ 1828 году сдѣланъ былъ выговоръ архангельскому епископу Аарону. По доносу священника Михаила Каллиникова, епископъ архангельскій Ааронъ, будучи приглашенъ пасторомъ и торгующимъ при тамошнемъ портѣ англійскимъ обществомъ на закладку ихъ церкви, прибылъ 11-го іюня 1828 года, въ 2 часа пополудни, въ домъ пастора, куда собрались и всѣ знатные по билетамъ. Отсюда началась церемоніальная процессія: старшина, англійскій купецъ Меккензи, несъ на подушкѣ серебряную бляху съ надписью, означающею время основанія церкви; за нимъ шель въ мантильонѣ англійскій пасторъ, послѣ него пасторъ лютеранскій въ обыкновенной одеждѣ, за ними преосвященный Ааронъ въ рясахъ, далѣе званые чиновники и граждане, какъ изъ нѣмцевъ, такъ и изъ русскихъ. На мѣстѣ церковной закладки уже находились архимандриты: крестный Неофитъ и архангельскій Анастасій, соборные: протоіерей Іоаннъ Невдачинъ, священники Ѳедоръ Черноруцкій и Маркъ Колчинъ, протодіаконъ Василій Едовинъ, діаконъ Іоаннъ Поповъ и архіерейскіе пѣвчіе. По прибытіи на мѣсто, преосвященный и всѣ поименованные духовные облачились. На восточной сторонѣ, гдѣ быть престолу, постав-

¹⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 23-го февраля 1828 года объ учиненіи строжайшаго выговора подполковнику Волкову и воронежскому епископу Антонію за то, что смѣли распечатать бумагу, адресованную на высочайшее имя Государя Императора.

лень былъ столъ, на немъ чаша съ водою, Евангеліе и крестъ напре-
 стольные. Во-первыхъ, пѣли водоосвященіе, положенное въ 1-й день
 августа, и преосвященный освятилъ воду; потомъ отслуженъ былъ моле-
 бенъ великомученику Георгію, какъ видно, въ честь великобританскаго
 короля Георга IV. За симъ преосвященный читалъ молитву на основаніе
 храма, по прочтеніи которой протопопъ Невдачинъ съ священникомъ
 Колчинымъ водрузили крестъ на восточной сторонѣ церкви, съ пѣніемъ
 «Спаси, Господи, люди твоя», а пѣвчіе пѣли концертъ «Господи, кто оби-
 таеть въ жилищѣ Твоемъ». Преосвященный окропилъ фундаментъ и по-
 ложилъ основные камни, пасторъ—бляху, чиновники и граждане—также
 камни. Въ заключеніе, возгласено многолѣтіе Государю Императору и
 всему Августѣйшему Дому и созидającym храмъ сей; музыка играла
 любимую англійскую пѣсню: «Боже, спаси короля»; въ это время архи-
 мандриты кропили фундаментъ. Стеченіе народа было большое и хотя
 почти всѣ стояли съ открытыми головами, но никто не молился. Нѣкто-
 рые изъ русскихъ, приведенные въ негодованіе всѣмъ этимъ, говорили
 вслухъ: «Архіерей еретикъ, продалъ нашу святую вѣру: до чего мы до-
 жили». «Нынѣ въ Архангельскѣ—писалъ Каллиниковъ—большія идутъ
 сужденія по домамъ о семъ явномъ соблазнѣ для православныхъ христі-
 анъ»¹⁾. Этотъ доносъ побудилъ князя Мещерскаго потребовать отъ пре-
 освященнаго Аарона объясненій, а отъ архангельскаго губернатора уясне-
 нія фактовъ, сообщаемыхъ въ доносѣ. Хотя тотъ и другой въ своихъ от-
 ношеніяхъ къ Мещерскому изложили факты нѣсколько иначе и дали
 имъ другое значеніе, тѣмъ не менѣе доносъ Каллиникова оказался
 справедливымъ. Такъ, Ааронъ писалъ князю Мещерскому, что дѣйстви-
 тельно 11-го числа іюня 1828 года совершилъ онъ по чиноположенію
 нашей церкви молебенъ по случаю заложенія англиканской церкви, и
 описывалъ это дѣло такъ: «Изъ дому англійскаго пастора, гдѣ англій-
 скій консулъ, контръ-адмиралъ Гамильтонъ и прочіе старѣйшины про-
 сили меня совершить освященіе мѣсту по чиноположенію грекороссійскія
 церкви, такъ какъ она такового постановленія у себя не имѣетъ, а при-
 бѣгаетъ къ нашей церкви по особенному къ ней уваженію, пошли они
 съ генералъ-губернаторомъ и прочими чиновниками на мѣсто, которое
 такъ близко, что нельзя было употребить экипажа, и прибыли на мѣсто

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 31-го іюля 1828 года по предложенію г. синодаль-
 наго оберъ-прокурора, съ приложеніями о происшествіи, случившемся въ г. Архангель-
 скѣ, при заложеніи англійской церкви, и въ немъ письмо священника архангельской
 Успенской церкви Михаила Каллиникова къ князю Мещерскому.

закладки, гдѣ на помостѣ уготовано было мѣсто для нашего духовенства. Поименованныя духовныя особы дожидались меня уже въ облаченіи маломъ, и я возложилъ на себя малое облаченіе и началъ водоосвященіе предъ столомъ, на коемъ находилась Божія святыня. По начатіи я совершилъ кажденіе кругомъ стола, гдѣ и водосвятная чаша находилась. Послѣ водоосвященія тотчасъ началъ я молебень св. великомученику и побѣдоносцу Георгію и присовокупилъ молитвы на основаніе храма по книгѣ Петра Могилы, ни въ чемъ не дѣлая измѣненія. По окончаніи молебна, при окропленіи мѣста святою водою, я поставилъ съ молитвословіемъ крестъ на мѣстѣ, гдѣ быть жертвоприношенію въ храмѣ, за симъ и положилъ камень въ основаніе храма, при окропленіи водою; послѣ подавалъ камни двоимъ архимандритамъ, за ними англійскому пастору, еще англійскому консулу, генераль-губернатору и г-ну Гамильтону подавая по кирпичу, дабы и они участвовали въ святынѣ. Во время каковаго дѣйствія пѣвчіе пѣли концертъ «Господи, кто обитаетъ въ жилищѣ Твоемъ»? Сдѣлавъ основаніе храму, возвратились мы на мѣсто стоянія нашего и начали отпущь. По отпущѣ на четыре стороны дѣлалъ я богомольцамъ освѣщеніе крестомъ животворящимъ, а протодіаконъ провозгласилъ и пѣвчіе пропѣли Государю нашему и всему Августѣйшему Дому многая лѣта. Ко кресту всѣ чиновники русскіе и англійскіе для лобызанія подходили и принимали кропленіе святою водою. Народъ, коего стеченіе было немалое, во время водоосвященія и молитвы на основаніе храма молился съ подобающимъ благоговѣніемъ и всѣ иностранцы дѣлали святынѣ Божіей благоговѣнное поклоненіе, также и во время кажденія мною всѣ стояли съ открытыми главами, въ шляпѣ никто не былъ изъ предстоящихъ. По совершеніи всего дѣйствія, всѣ старѣйшины англійскаго общества подходили ко мнѣ, благодарили меня и превозносили великолѣпіе обрядовъ грекороссійскія церкви, чѣмъ они были тронуты до глубины сердца. Предложеніе о музыкѣ я дозволилъ, когда уже мы ушли съ мѣста, а она играла что-то величественное изъ духовныхъ пѣсней, что я издали могъ замѣтить» ¹⁾. Архангельскій генераль-губернаторъ написалъ къ князю Мещерскому почти то-же, что и Ааронъ, но свое отношеніе заключилъ слѣдующими рѣзкими выходками противъ донощика: «Но чтобы по сему случаю исключительно была въ народѣ какая-либо молва, или негодованіе, а по домамъ продолжалось якобы сужденіе, я до полученія отъ вашего сіятельства отношенія ни отъ кого не слыхалъ и полагаю совершенною ложью, скорѣе соглашаясь въ томъ, что сей при-

¹⁾ См. въ томъ-же дѣлѣ письмо преосвященнаго Аарона къ князю Мещерскому.

мѣръ благоговѣнія иностранцевъ къ нашей церкви между простымъ народомъ служить неоспоримымъ ему убѣжденіемъ, что наша православная вѣра и грекороссійская церковь суть первенствующія въ мірѣ, видя всенародно, что и иностранцы при закладкѣ храма своего признали за необходимое прибѣгнуть къ церкви грекороссійской для освященія мѣста храму ихъ и просили нашего-же преосвященнаго отпраздновать торжественно Господу Богу молебствіе по чиноположенію нашей православной церкви. Въ заключеніе всего полагаю, что доноситель о семъ происшествіи, обратившій торжественное богослуженіе въ соблазнъ, долженъ быть самъ сущій еретикъ» ¹⁾. Синодъ, которому Мещерскій предложилъ и доносъ Каллиникова, и письмо Аарона, и отношеніе архангельскаго генералъ-губернатора Миницкаго, произнесъ такой приговоръ по этому дѣлу: «Не предполагая изъ настоящаго поступка преосвященнаго архангельскаго никакихъ предосудительныхъ къ тому въ собственномъ лицѣ его причинъ, какія даетъ подразумевать доноситель происшествія священникъ Каллиниковъ въ письмѣ своемъ къ г. оберъ-прокурору и кавалеру князю Петру Сергѣевичу Мещерскому, и не отвергая мысли преосвященнаго Аарона, что совершить извѣстныя молитвы, по чину православной нашей церкви, на основаніе англиканскаго храма, побудили его только убѣдительныя просьбы англійскаго общества, по чувствованію ихъ превосходства и великолѣпія богослужебныхъ обрядовъ нашей церкви предъ обрядами ихъ собственной, равно не отвергая и того, что при семъ случаѣ не только русскими, но и самими иностранцами сохранено было все должное благоговѣніе, и что не было и нѣтъ въ народѣ столь сильнаго и столь явнаго отъ того дѣйствія соблазна, какой выставляетъ доносчикъ Каллиниковъ, поелику все то, что изложено въ доставляемомъ отъ преосвященнаго къ оберъ-прокурору свѣдѣніи, подтверждается и отзывомъ къ нему г. архангельскаго генералъ-губернатора Миницкаго, при всемъ томъ однакожь св. синодъ находитъ поступокъ преосвященнаго Аарона противозаконнымъ потому, во-первыхъ, что англичане случившіеся тогда въ Архангельскѣ, яко англиканскаго исповѣданія, какъ видно по самому основанію помянутаго храма, состоятъ внѣ соборныя апостольскія церкви, а правилами св. Апостолъ 45, а лаодикійскаго собора 33 постановлено: 1) «моляйся съ еретики, да отлучится. Аще-же яко причетники приѣмлетъ я, да извержется», и 2) «съ еретики и со отвергшимися отъ соборныя церкви да не помолится никто»; слѣдовательно преосвя-

¹⁾ См. въ приведенномъ выше дѣлѣ отношеніе генералъ-губернатора Миницкаго къ князю Мещерскому.

щенный архангельскій общеніемъ съ иновѣрцами въ молитвѣ нарушилъ уже сіи правила, употребивъ существующій въ нашей церкви чинъ дѣйствія на основаніе православнаго храма при zaloженіи церкви другаго вѣроисповѣданія, противнаго ученію грекороссійской церкви. И во-вторыхъ потому, что нельзя съ твердостію предположить, чтобы сіе священнодѣйствіе, совершенное при великомъ стеченіи народа, не произвело въ немъ никакого соблазна, а въ словѣ Божиѣмъ у евангелиста Матѳея, главы 18, въ стих. 7, сказано: «Горе міру отъ соблазнъ: нужда бо есть принти соблазномъ: обаче горе человѣку тому, имъ-же соблазнъ приходитъ»; и потому св. синодъ, не извиняя ни мало преосвященнаго въ неосмотрительномъ поступкѣ его, коимъ вовлекъ онъ и другихъ служителей церкви въ одну съ нимъ вину, опредѣляетъ: поручить преосвященному Серафиму, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому, объявить преосвященному Аарону отъ св. синода строжайшій за таковой противозаконный поступокъ его выговоръ, со внушеніемъ, притомъ, ему, что если онъ впредь когда-либо отступитъ отъ правилъ св. Апостоловъ и соборовъ и причинитъ тѣмъ соблазнъ, то, на основаніи вышеприведеннаго 45 апостольскаго правила, отлученъ будетъ отъ архіерейскаго священнодѣйствія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, признанъ будетъ неспособнымъ къ управленію епархіею. Но, не приводя въ исполненіе опредѣленія сего, предоставить г. тайному совѣтнику синодальному оберъ-прокурору и кавалеру князю Петру Сергѣевичу Мещерскому доложить о семъ Государю Императору и испросить на то высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, для чего и дать къ оберъ-прокурорскимъ дѣламъ съ опредѣленія сего копію» ¹⁾. Князь Мещерскій все дѣло о закладкѣ въ Архангельскѣ англиканской церкви, съ опредѣленіемъ синода, представилъ Государю Императору. Императоръ Николай написалъ на докладѣ слѣдующее мнѣніе о поступкѣ Аарона, замѣчательное тѣмъ, что оно выражаетъ мысль, нѣсколько отличную отъ взгляда св. синода.

«Нахожу сей поступокъ епископа Аарона весьма необдуманнѣмъ, хотя происшедшимъ, вѣроятно, отъ добраго намѣренія; ибо онъ могъ быти участвовать при закладкѣ оной церкви, какъ частное лицо, но не священнодѣйствовать, и еще менѣе по обряду, принятому при закладкахъ православныхъ грекороссійскихъ церквей, а потому сдѣлать епископу Аарону за таковой его поступокъ строгій выговоръ» ²⁾. На этомъ-же

¹⁾ Тамъ-же указъ св. синода.

²⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ сообщеніе высочайшей воли чрезъ статсъ-секретаря Муравьева г. оберъ-прокурору св. синода князю Мещерскому.

докладѣ Государь сдѣлалъ строгій выговоръ и архангельскому генералъ-губернатору Миницкому за то, что онъ не только не принялъ благоразумныхъ мѣръ къ отклоненію епископа отъ подобнаго дѣйствія, но и самъ званіемъ своимъ въ томъ съ нимъ участвовалъ ¹⁾). Сверхъ того, Государь далъ замѣтить, что «возсыланіе молитвы къ Богу обще съ другими христіанами не можетъ быть предосудительно, если не дѣлается тогда нарушенія приличію обряда, каждому вѣроисповѣданію свойственнаго, который надлежитъ соблюдать свято, и еще менѣе допускать къ нему соблазнъ, какъ тому, по неосторожности епископа Аарона, былъ поданъ поводъ» ²⁾). Резолюція Государя объявлена была князю Мещерскому чрезъ статсъ-секретаря Муравьева, а выговоръ Аарону былъ посланъ чрезъ митрополита Серафима, отъ имени котораго изготовлено было къ нему секретное отношеніе. Въ отвѣтъ на это отношеніе, Ааронъ написалъ къ Серафиму слѣдующее письмо: «Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій отецъ и архинастырь! Почтеннѣйшее вашего высокопреосвященства отношеніе, отъ 28-го ноября 1828 года ко мнѣ пущенное за № 10 секретно, со строгимъ для меня выговоромъ за учиненную мною закладку англинской церкви въ Архангельскѣ, я получилъ съ болѣзнію сердца моего и потщуся оное обратить себѣ въ наученіе, о чемъ вашему высокопреосвященству благопочтеннѣйше симъ рапортую. Вашего святѣйшества, милостивѣйшаго отца моего и покровителя, усерднѣйшій послушникъ Ааронъ, епископъ архангельскій и холмогорскій» ³⁾).

III. Выговоръ Стефану, епископу вологодскому.

Въ 1828 году Стефанъ былъ переведенъ съ волынской кафедръ на низшую вологодскую за то, какъ видно изъ синодальнаго доклада, что въ ходѣ епархіальныхъ дѣлъ синодъ замѣтилъ медленность, въ особенности-же по устройству архіерейскаго дома ⁴⁾). Стефанъ, большой хлѣбосоль, жилъ весело на Волыни, за что любили его польскіе паны и шляхта, такъ что съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ свелъ близкое знакомство. Вечеринки, устраиваемыя имъ, отодвинули на задній

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ письмо преосвященнаго Аарона къ митрополиту Серафиму отъ 26-го января 1829 года, за № 101.

⁴⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода докладъ 24-го ноября 1828 г., подъ № 231.

планъ епархіальныя дѣла и, разумѣется, такой образъ жизни преосвященнаго ни мало не соотвѣтствовалъ тѣмъ видамъ, которые наше правительство стало обнаруживать въ отношеніи Западнаго края. Государь, на синодскомъ докладѣ о переводѣ Стефана изъ Волыни въ Вологду, написалъ слѣдующій неодобрительный о немъ отзывъ: «Въ Волынскую губернію нужно назначить надежную особу» ¹⁾. Послѣ польскаго возстанія въ 1830 году многіе изъ поляковъ были сосланы въ Вологду и здѣсь они познакомились или возобновили старое знакомство съ Стефаномъ. Къ числу новыхъ его знакомцевъ принадлежалъ волынской помѣщикъ Пининскій, первоначально содержавшійся въ с.-петербургской крѣпости за содѣйствіе польскимъ мятежникамъ къ перепискѣ съ ихъ родственниками и пріятелями, а потомъ сосланный по высочайшему повелѣнію въ Вологду, куда за нимъ послѣдовалъ и его сынъ. Между ними и Стефаномъ завязалась самая тѣсная дружба, такъ что они поселились даже въ архіерейскомъ домѣ и, когда Пининскій-сынъ по высочайшему повелѣнію былъ посаженъ на гауптвахту, то служитель архіерейскаго дома носилъ ему туда обѣдъ и ужинъ. Съ Стефаномъ познакомился также князь Гедройцъ, первоначально сидѣвшій въ динабургской крѣпости, оттуда сосланный въ Устюгъ подѣ строжайшій надзоръ полиціи и, наконецъ, переведенный въ Вологду. Это знакомство Стефана съ поляками естественно обратило на себя вниманіе вологодскаго общества: начались разговоры, пересуды, толки, переданные въ столицу жандармскимъ штабъ-офицеромъ. 13-го октября 1831 г. князь Мещерскій получилъ отъ ген.-адъют. Бенкендорфа слѣдующее секретное отношеніе: «Волынской помѣщикъ Пининскій, содержавшійся въ здѣшней крѣпости за содѣйствіе находившимся въ оной, по дѣлу о польскихъ злоумышленныхъ обществахъ, арестантамъ къ перепискѣ съ ихъ родственниками и пріятелями, сосланъ былъ, по высочайшему повелѣнію, въ Вологду, куда послѣдовалъ за нимъ и сынъ его. Здѣсь нашли они себѣ сильнаго покровителя въ епископѣ Стефанѣ, который даже принялъ ихъ къ себѣ въ домъ, къ крайнему негодованію вологодскихъ жителей. Таковое покровительство доставило Пининскому-отцу возможность войти въ тайное сношеніе съ генераль-маіоромъ княземъ Гедройцемъ, сосланнымъ изъ динабургской крѣпости въ городъ Устюгъ подѣ строжайшій надзоръ полиціи, и потомъ, когда Пининскій-сынъ, за неприличное его поведеніе, былъ, по высочайшему повелѣнію, посаженъ на гауптвахту, преосвящен-

¹⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода докладъ 24-го ноября 1828 г. № 231.

ный Стефанъ ежедневно посылалъ къ нему съ монастырскимъ служителемъ обѣдъ и ужинъ. Столь предосудительное потворство епископа Стефана поляку, сосланному за преступленіе подъ надзоръ полиціи, и сыну его, обратившему на себя гнуснымъ поведеніемъ строгое, по высочайшему повелѣнію, взысканіе, возлагаетъ на меня обязанность обратиться на оное вниманіе вашего сіятельства, тѣмъ болѣе, что епископъ Стефанъ переведенъ въ Вологду изъ Волынской губерніи вслѣдствіе дошедшихъ, какъ говорятъ, до св. синода свѣдѣній на счетъ жизни его въ Житомирѣ, несоотвѣтствовавшей его сану» ¹⁾). Князь Мещерскій потребовалъ отъ Стефана объясненій по этой бумагѣ. Преосвященный по пунктамъ разобралъ взведенныя въ ней на него обвиненія и каждое изъ нихъ опровергъ съ достоинствомъ, смѣло и не безъ искусства. Въ своемъ объясненіи, довольно объемистомъ, Стефанъ 1) отрицалъ тотъ пунктъ доноса, которымъ онъ обвинялся въ покровительствѣ Пининскимъ, утверждая: а) что былъ только знакомъ съ ними, но точно такъ-же, какъ были знакомы съ ними все вологодскіе жители, не исключая даже губернатора, который вмѣстѣ съ Пининскими посѣтилъ его въ день Пасхи, причемъ увѣрялъ, что отецъ Пининскій присланъ въ Вологду не подъ надзоръ полиціи, но на жительство, впредь до высочайшаго повелѣнія; б) что принималъ Пининскихъ только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ послѣ литургии, и то потому, что чиновники, дворяне и даже жандармскій полковникъ Дейеръ, неоднократно говорили ему, что Пининскіе имѣютъ полную свободу со всеміи знакомиться и что знакомство съ ними никому не можетъ повредить; наконецъ, в) что самъ былъ очевидцемъ ласковаго обращенія съ Пининскими не только мѣстныхъ высшихъ властей и дворянъ, но даже сенаторовъ, ревизовавшихъ Вологодскую губернію, которые все смотрѣли на нихъ, какъ-бы на вологодскихъ уроженцевъ. 2) Принятіе Пининскихъ въ архіерейскій домъ для квартированія Стефанъ называлъ дѣйствіемъ челоуѣколюбія и врожденной ему склонности дѣлать всякому, по возможности, добро. Такъ какъ квартира, занимаемая Пининскими, была нестерпимо холодна, а сухой и теплой они не могли найти во всей Вологдѣ, по случаю появленія въ ней холеры, которая навела такой страхъ и уныніе на жителей, что никто изъ нихъ не хотѣлъ отдавать въ наемъ покоевъ, то они, находясь въ стѣснительной крайности и, при-

¹⁾ См. въ дѣлѣ св. синода объ учиненіи вологодскому епископу Стефану строгаго выговора за неприличные сану его поступки, списокъ съ секретнаго отношенія генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ оберъ-прокурору св. синода, отъ 13-го октября 1831 г. за № 5203.

томъ, зная, что Стефанъ въ 1829 году отвелъ помѣщеніе въ архіерейскомъ домѣ прибывшему тогда въ Вологду археологу Строеву съ двумя его помощниками, обратились съ нему, преосвященному, съ просьбою помѣстить и ихъ на жительство въ архіерейскомъ домѣ, и онъ, по долгу христіанскому, приказалъ отвести имъ три небольшія комнаты, за наемную плату въ пользу дома, въ которомъ они и жили съ октября мѣсяца 1830 года до послѣднихъ чиселъ іюля 1831 г. 3) Что касается Гедройца, то Стефанъ писалъ, что онъ былъ введенъ къ нему Пининскимъ, который, при представленіи его преосвященному, объяснилъ ему, что онъ его совсѣмъ не знаетъ и видитъ въ первый разъ въ жизни. Гедройць желалъ сойтись съ Стефаномъ преимущественно затѣмъ, чтобы узнать отъ него, не былъ-ли онъ знакомъ съ его братомъ, епископомъ Гедройцомъ. Получа отъ владыки на свой вопросъ о братѣ отрицательный отвѣтъ, Гедройць, будучи глухъ, продолжалъ неоднократно повторять, его, что чрезвычайно утомило Стефана, который по слабости тогда своего здоровья, не былъ въ состояніи громко говорить. Замѣтивъ это, Пининскій вывелъ Гедройца изъ комнатъ Стефана, который съ тѣхъ поръ болѣе его не видѣлъ и только впоследствии узналъ отъ губернатора, что онъ отправленъ изъ Вологды въ Устюгъ, но не подъ строжайшій надзоръ. 4) Обвиненіе, что принятіе Пининскихъ для квартированія въ архіерейскій домъ возбудило крайнее негодованіе во всѣхъ жителяхъ Вологды, Стефанъ опровергалъ такимъ образомъ: «Изъ объясненныхъ выше обстоятельствъ изволите усмотрѣть, ваше сіятельство, могло-ли быть какое негодованіе, когда Пининскіе почти всѣми почтенными лицами были любимы, въ чемъ я совершенно увѣряюсь, что никакого негодованія не было; ибо ежели-бы такое негодованіе отъ жителей гражданскихъ происходило, то гражданскій губернаторъ Брусиловъ, какъ человекъ просвѣщенный, благоразумный, пользующійся любовью жителей Вологодской губерніи всѣхъ сословій, исключая немногихъ, ревностный и вѣрный слуга всемилостивѣйшаго Государя нашего, истинный христіанинъ, управляющій десять лѣтъ Вологодскою губерніею и, можно сказать, знающій склонности каждаго жителя Вологды, не могъ-бы мнѣ, по его искренней откровенности, не объявить о происходящемъ отъ жителей за Пининскихъ ко мнѣ негодованіи, но сего отъ него, губернатора, мнѣ объявляемо не было. А сверхъ того, еслибы о Пининскихъ начала публика разумѣть столько невыгодно, то не могли-бы долѣе продолжать съ ними знакомство чиновники и дворяне, но оное продолжалось и всегда они къ нимъ, Пининскимъ, ѣздили, въ томъ числѣ и жандармскій полковникъ Дейеръ взаимно съ ними перегащивался». 5) Касательно доставленія кушанья архіерейскимъ служителемъ посаженному на гаупт-

вахту сыну Пининскаго, Стефанъ писалъ слѣдующее: «Когда сынъ Пининскаго, по высочайшему повелѣнію, посаженъ былъ на гауптвахту, кто тамъ его кормилъ, я совершенно не зналъ, а нынѣ, по полученіи отъ вашего сіятельства предписанія, видя явную на себя клевету, вынужденнымъ нашелся учинить изысканіе, по какому поводу такая клевета на меня могла произойти, и открылось, что дѣйствительно принадлежащій архіерейскому дому штатный служитель, живущій внѣ архіерейскаго дома, носилъ на гауптвахту сыну Пининскому кушанье, потому что Пининскій-отецъ, отправляясь въ Сольвычегодскъ, того служителя подрядилъ, въ бытность сына его подъ арестомъ готовить на него кушанье и носить къ нему, такъ какъ, по случаю тогда свирѣпствовавшей холеры, получать изъ трактировъ кушанье было трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно. Да ежели-бы упомянутый сынъ Пининскаго обратился посредствомъ кого-либо въ такой крайности объ оказаніи ему пособія въ пропитаніи ко мнѣ или къ другой какой-либо добродѣтельной особѣ, по долгу христіанскому никто-бы также не отрекся благаго дѣла, руководствуясь благимъ на то примѣромъ Государя Императора, установившаго попечительные комитеты. Слѣдовательно, отъ кого-бы таковое благотвореніе сыну Пининскаго, яко арестанту, оказываемо ни было, кажется, законопреступленіемъ признано быть не должно, ибо симъ никакого особеннаго покровительства Пининскимъ ни мало не доказывается, кромѣ одной христіанской добродѣтели. Но изъ чего доноситель генераль-адъютанту Бенкендорфу призналъ меня особеннымъ покровителемъ Пининскихъ, не знаю, и что подъ покровительствомъ онъ разумѣтъ, и почему оно есть законопреступно, не постигаю. Ежели доноситель на меня есть изъ числа такихъ лицъ, которые несправедливо вѣрили нелѣпнымъ мнѣніямъ, что свирѣпствовавшая смертоносная болѣзнь холера происходила якобы отъ отравы воды и пищи поляками, то по сему можно допустить, что такой доноситель и одно мое приватное съ Пининскими знакомство могъ почитать преступленіемъ; столько-же, однако, ошибочно такъ думать и о смертности людей отъ отравы, а не отъ холеры».

Наконецъ, на послѣдній пунктъ доноса Стефанъ отвѣчалъ такъ: «Побудительныхъ причинъ къ доносу на меня г. генераль-адъютанту Бенкендорфу съ такимъ превратнымъ изложеніемъ событій и съ видимою цѣлію подвергнуть меня замѣчанію высшаго начальства со стороны моей никакихъ не нахожу; ибо я ни жизнію своею, ни распоряженіями своими въ дѣлахъ епархіальныхъ ни малѣйшаго къ неудовольствію повода ни духовенству, ни свѣтскаго званія лицамъ не подалъ, кромѣ тѣхъ только духовнаго званія людей, съ которыми, яко оказавшимися за всѣми испра-

вительными мѣрами въ духовномъ званіи нетерпимыми, поступилъ по точности, какъ повелѣно высочайшими указами, безъ всякаго послабленія; но и сіи, чувствуя важность своихъ преступленій и соотвѣтствующую онымъ мѣру наказанія, кажется, также не должны-бы питать ко мнѣ неудовольствія. Но, можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ, потерявъ совѣсть свою и скрывъ свои поступки, жаловались въ виду невиннаго ихъ угнетенія жандармскому полковнику Дейеру, съ обнесеніемъ меня невинно вышепронисанными обстоятельствами и г. Дейеръ, можетъ быть, доносилъ о томъ г. генералъ-адъютанту Бенкендорфу. Къ таковому заключенію ведетъ меня то только, что безъ всякихъ видимыхъ причинъ онъ, г. Дейеръ, прекратилъ со мною свое знакомство и никогда уже, по прежнему своему обыкновенію, даже и въ высокотожественные дни послѣ литургіи изъ собора съ прочими чиновниками ко мнѣ не заходитъ» ¹⁾.

Отзывъ Стефана при особомъ докладѣ князь Мещерскій представилъ Государю, который приказалъ сдѣлать епископу строгій выговоръ за поступки, вовсе неприличные его сану ²⁾.

IV. Строгое замѣчаніе епископу тамбовскому Евгенію.

Въ 1831 году, для уменьшенія числа лицъ духовнаго званія и для очищенія духовнаго вѣдомства отъ негодныхъ членовъ, высочайше повелѣно было обратить излишнихъ и неблагонадежныхъ изъ духовнаго званія въ военное. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, въ какой степени этою мѣрою правительство достигло предположенной имъ цѣли, тѣмъ болѣе, что оно само впослѣдствіи, именно въ 1853 году, созналось, что упомянутая мѣра, при всѣхъ предосторожностяхъ, съ какими она была приводима въ дѣйствіе, исполнялась не безъ большихъ затрудненій и съ немалымъ ропотомъ и что она не освободила духовное вѣдомство отъ лицъ, дѣйствительно для него излишнихъ по совершенной необразованности или ненадежному поведенію, такъ какъ многіе изъ нихъ или по физическимъ недостаткамъ, или по лѣтамъ, оказались къ военной службѣ неспособными ³⁾. Сверхъ того, способъ, которымъ эта мѣра приводилась въ испол-

¹⁾ См. въ дѣлѣ объ учиненіи вологодскому епископу Стефану строгаго выговора за неприличные сану его поступки отношеніе его къ князю Мещерскому.

²⁾ Тамъ-же предложеніе князя Мещерскаго св. синоду.

³⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода книгу докладовъ, годъ 1853, № 100.

неніе, неразборчивость и преступное невниманіе къ положенію лицъ, подлежащихъ этой мѣрѣ, со стороны нѣкоторыхъ епархіальныхъ начальниковъ, сообщили ей характеръ жестокости, какого-то гоненія, воздвигнутаго правительствомъ на беззащитное сословіе. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ то безучастіе къ своимъ меньшимъ братьямъ, то безчеловѣчіе, которыми очернили себя нѣкоторые епархіальные начальники, приводя въ исполненіе высочайшее повелѣніе.

Особеннымъ усердіемъ къ выполненію видовъ правительства, неразборчивостью и невниманіемъ къ участи подчиненныхъ отличился тамбовскій епископъ Евгеній. Дѣйствительно, его неразборчивость и невниманіе граничили почти съ жестокостью. Синодальные акты 1831 и 1832 годовъ наполнены жалобами синоду и даже самому Государю на жестокость Евгенія. Изъ многихъ подобныхъ жалобъ приведемъ въ образецъ нѣкоторыя. Такъ, жена одного церковника, Осипа Ѳедорова, Анна Тимоѣева, обратилась со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ къ Государю Наслѣднику, прося его ходатайства предъ Государемъ Императоромъ о возвращеніи ей мужа, отданнаго по распоряженію Евгенія, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1831 года, въ военную службу, несмотря на то, что она оставалась послѣ него беременною съ 4-мя малолѣтними дѣтьми, безъ всякихъ средствъ къ ихъ пропитанію¹⁾. Или вотъ другой примѣръ: престарѣлая пономарская вдова Петрова просила Государя Императора, чтобы изъ двухъ ея сыновей, отданныхъ Евгеніемъ въ солдаты, оставили ей одного, какъ единственнаго ея кормильца на старости лѣтъ. Просьба ея передана была на разсмотрѣніе въ синодъ, который, найдя, что Евгеній поступилъ неразборчиво, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ сыновей вдовы Петровой не былъ ни въ чемъ замѣченъ, а, напротивъ, отличался нравственнымъ поведеніемъ, положилъ: возвратить его престарѣлой матери²⁾. Въ такомъ видѣ дѣло представлено было на высочайшее воззрѣніе. Государь утвердилъ мнѣніе синода, но, пораженный поступкомъ Евгенія, а можетъ быть припоминая и другія жалобы на него по подобнымъ-же дѣламъ, написалъ на синодальномъ докладѣ слѣдующее: «Возвратить, но за неправильную отдачу сдѣлать строгое замѣчаніе».

V. Замѣчаніе архангельскому епископу Георгію.

12-го сентября 1832 года синодальный оберъ-прокуроръ князь Мещерскій словесно предложилъ св. синоду на благоразсмотрѣніе о замѣчен-

¹⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода въ книгѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ 1831 годъ № 280.

²⁾ См. въ книгѣ докладовъ 1832 годъ, № 304.

номъ имъ неприличіи со стороны духовенства во время церемоніи, бывшей 25-го іюня того года въ Архангельскѣ, при открытіи памятника покойному статскому совѣтнику Ломоносову, которая подробно была описана въ 170 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1832 года. Затѣмъ было прочитано слѣдующее описаніе этой церемоніи изъ показанныхъ «Вѣдомостей»: «Утромъ 25-го іюня, въ 9 часовъ, начался благовѣстъ къ божественной литургіи, которая совершена въ кафедральномъ соборѣ епархіальнымъ преосвященнымъ съ старшимъ духовенствомъ. Предъ окончаніемъ литургіи, инспекторомъ семинаріи Софоніемъ произнесено приличное сему торжественному дню слово. По окончаніи литургіи и благодарственного о здравіи Его Императорскаго Величества и всего Августѣйшаго Дома молебствія и по разоблаченіи духовенства, началось торжественное шествіе къ памятнику. Впереди ученики здѣшнихъ духовныхъ и гражданскихъ училищъ, кантонисты архангельскаго полубатальона и воспитанники приказа общественного призрѣнія съ ихъ наставниками и прочими чинами; за ними потомки и родственники Ломоносова, потомъ преосвященный съ прочимъ духовенствомъ, предшествуемый архіерейскими пѣвчими; за духовенствомъ военные и гражданскіе чиновники, въ предшествіи военнаго губернатора, по старшинству ихъ чиновъ; за ними дамы, дворянство, купечество и прочіе граждане.

«Въ продолженіе шествія архіерейскими пѣвчими пѣта была ода сочиненія Ломоносова: *Хвала Всевышнему Владыкѣ*.

«По прибытіи къ памятнику и по занятіи всѣми своихъ мѣстъ, г. губернскимъ прокуроромъ прочтено отношеніе бывшаго г. министра народнаго просвѣщенія, въ которомъ объявлено Высочайшее Его Императорскаго Величества на сооруженіе сего памятника соизволеніе. Послѣ сего, устроенный губернскимъ архитекторомъ надъ памятникомъ наметъ, по слѣланному сигналу, мгновенно открыть, и въ ту-же минуту музыка здѣшняго порта заиграла тушь, а вслѣдъ затѣмъ пѣвчіе пропѣли: *Боже Царя храни!* Потомъ протодіаконъ въ устроенной заблаговременно на ступенькахъ подъ памятникомъ, подлѣ самага пьедестала, кафедрѣ читалъ краткую рѣчь, приготовленную на сей случай преосвященнымъ, по окончаніи которой, вмѣстѣ съ музыкою, пропѣли первое отдѣленіе сочиненнаго на сей случай въ здѣшней семинаріи канта. Учитель гимназіи, г. коллежскій совѣтникъ Смирновъ, прочелъ сочиненную выбывшимъ уже отселѣ съ Петрозаводскъ учителемъ г. Никольскимъ рѣчь, послѣ которой пѣвчими съ музыкою пропѣта вторая часть канта.

«Потомъ студентъ семинаріи Спасскій произнесъ сочиненную имъ рѣчь и пропѣта третья часть канта; послѣ чего прочтена сочиненная

ученикомъ богословія Молчановымъ на сей случай *ода*, и напослѣдокъ стихи на латинскомъ языкѣ. Въ заключеніе всего, пѣвчими пропѣто *Тебе Бога хвалимъ*.

«Духовенство, высшіе чиновники, почетные граждане и родственники Ломоносова градскимъ главою приглашены были въ общественный залъ на завтракъ, въ продолженіе котораго всѣми присутствовавшими, воодушевленными чувствованіями всеподданнѣйшей благодарности и пламенной любви къ Августѣйшему виновнику настоящаго торжества, пито за здравіе Его Императорскаго Величества и всей Высочайшей фамиліи».

Синодъ приказалъ преосвященному Георгію донести ему, дѣйствительно-ли, при открытіи памятника покойному Ломоносову, происходило все такъ, какъ напечатано о томъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», по какому поводу находился онъ съ духовенствомъ при этой церемоніи и чѣмъ руководствовался въ соучаствованіи въ оной? При объясненіи вѣльно было Георгію «доставить въ св. синодъ копіи съ произнесенныхъ при этомъ случаѣ духовными лицами рѣчей и пропѣтыхъ архіерейскими пѣвчими канта, оды и стиховъ, сочиненныхъ ученикомъ Молчановымъ на латинскомъ языкѣ, съ переводомъ послѣднихъ на русскій языкъ»¹⁾.

Георгій, въ объясненіи своемъ синоду сознавался, что при открытіи памятника Ломоносову почти все дѣйствительно происходило такъ, какъ описано въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», но находилъ, что въ нихъ начало открытія памятника несправедливо слито съ предшествовавшимъ богослуженіемъ, такъ что по описанію выходитъ, будто-бы и проповѣдь, и литургія, и самый благовѣстъ, начавшійся въ 9 часовъ утра того дня, имѣли непосредственное отношеніе единственно къ памятнику и служили началомъ открытія его, между тѣмъ какъ все это происходило обыкновеннымъ порядкомъ, по случаю высокаторжественнаго дня, для котораго и безъ открываемаго памятника были-бы и литургія съ благовѣстомъ, и проповѣдь въ свое время, и благодарственное молебствіе о здравіи Его Императорскаго Величества и всего Августѣйшаго дома. Такъ, начало открытія памятника послѣдовало не въ 9 часовъ утра, а по совершенномъ окончаніи богослуженія въ церкви. Другая неточность въ извѣстіяхъ «Вѣдомостей» заключалась въ томъ, что послѣ рѣчи, произнесенной учителемъ гимназіи Смирновымъ, говорилъ рѣчь учитель Спасскій, а послѣ

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло о бытіи преосвященнаго Георгія, епископа архангельскаго, при церемоніи по случаю открытія памятника Ломоносову, и въ этомъ дѣлѣ выписку изъ синодскаго журнала 12-го сентября 1832 года.

оды, сказанной ученикомъ Молчановымъ, говорилъ латинскіе стихи учитель Заринскій.

Но самое любопытное въ этомъ объясненіи—это отвѣтъ Георгія на вопросъ синода: по какому поводу находился онъ съ прочимъ духовенствомъ при такой церемоніи? «Находился я при этой церемоніи—писалъ Георгій—по словесному и письменному приглашенію военного губернатора, заступающаго должность гражданскаго губернатора и прочихъ гражданскихъ чиновниковъ, отнюдь не почитая дѣйствіемъ противозаконнымъ и предосудительнымъ соучаствовать въ изъявленіи всеобщей торжественной радости и признательности къ такому мужу, коего заслуги въ ученomъ отношеніи для всѣхъ россіянъ незабвенны. Къ сему приводило и то, что первую мысль о сооруженіи памятника Ломоносову подалъ покойный преосвященный Неофитъ, и что сей-же высокаторжественный день предназначенъ на мѣстѣ, на той-же площади, гдѣ по обстоятельствамъ холеры всенародно молились, торжественно излиться предъ Господомъ въ ощущеніяхъ благодарности и радости общенародной о избавленіи насъ отъ всѣхъ непріязненныхъ смуть, кои тоже препятствовали давно желанному для всѣхъ, по Высочайшему благоволенію, открытію памятника, какъ то изъяснено въ рѣчи подъ № 3. Самый день рожденія Его Императорскаго Величества, столь радостно-творный для счастливыхъ подданныхъ, служилъ для меня новымъ побужденіемъ участвовать во всеобщей радости всѣхъ и чрезъ сіе способствовать къ усугубленію величія не столько открытія памятника, совершавшагося въ сей день, сколько самаго дня, столь высокаторжественнаго, и къ поощренію любви и соревнованія къ наукамъ жителей града Архангельска, кои весьма неохотно давали въ училища своихъ дѣтей».

На послѣдній вопросъ синода: чѣмъ руководствовался Георгій въ соучаствованіи въ церемоніи открытія памятника Ломоносову? онъ отвѣчалъ такъ: «По рѣдкости подобныхъ случаевъ, я не имѣлъ образцовъ и примѣровъ для руководства въ предстоящемъ дѣлѣ. Но если при открытіи памятника Демидову, мужу-благотворителю, совершенно было, по распоряженію преосвященнаго Авраама, архієпископа ярославскаго, молебствіе съ водосвятиемъ при самомъ памятникѣ, то не казалось мнѣ предосудительнымъ, при открытіи памятника Ломоносову, мужу ученому, почтить сіе открытіе тутъ-же, за оградой каѳедральнаго собора, личнымъ моимъ присутствіемъ съ духовенствомъ, безъ облаченія и безъ всякихъ особыхъ церковныхъ церемоній. Бывшія при памятникѣ Демидова молебствіе и водосвятіе не меньшей важности почитаю я, нежели одно мое присутствіе

предъ памятникомъ Ломоносова, при стеченіи всѣхъ изъясненныхъ обстоятельствъ, которыя пропущены въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» ¹⁾).

При объясненіи приложены были копии съ произнесенныхъ при этомъ случаѣ рѣчей, оды, латинскихъ стиховъ съ переводомъ и пропѣтаго пѣвчими канта. Кромѣ этого officialнаго объясненія, Георгій прислалъ къ князю Мещерскому конфиденціальное, въ которомъ просилъ его оказать ему снисхожденіе, потому что «если онъ и поступилъ въ этомъ дѣлѣ неприлично для своего сана, то съ совершенною чистотою цѣлей и намѣреній, къ возбужденію благодарности къ Богу и Государю и соревнованія къ наукамъ» ²⁾. Но, кажется, это отношеніе болѣе повредило Георгію, чѣмъ принесло ему пользы; особенно весьма некстати было въ немъ указаніе на московскаго митрополита Филарета, который не только участвовалъ при закладкѣ въ Москвѣ триумфальныхъ воротъ, но и произнесъ при этомъ рѣчь. Князь Мещерскій и это конфиденціальное отношеніе къ нему предложилъ св. синоду, слѣдовательно, ссылка на Филарета сдѣлалась гласною и произвела на него, присутствовавшего при чтеніи этого отношенія, весьма непріятное впечатлѣніе. Изъ дѣла синодскаго о поступкѣ архангельскаго епископа ясно видно, что митрополитъ московскій самъ взялъ на себя трудъ написать синодскую резолюцію по дѣлу преосвященнаго Георгія—такъ оно его заняло! Вотъ эта резолюція: «По разсмотрѣніи сего дѣла, св. синодъ находитъ въ дѣйствованіи епархіальнаго начальства немаловажныя несообразности и неприличія, какъ-то: 1) О памятникѣ Ломоносову упомянуто въ церковномъ словѣ на высокаторжественный день рожденія Его Императорскаго Величества, не только потому, что почеть памятника есть гражданская и для церкви посторонняя, но еще болѣе потому, что при церковномъ торжествѣ о высокомъ рожденіи Благочестивѣйшаго Государя Императора несообразно было выставять предъ алтаремъ похвалу и почеть подданнаго. 2) Изъ распоряженія о церемоніальномъ шествіи къ памятнику вышла также несообразность, что храмъ Божій превратился въ сборное мѣсто для процессіи гражданской. 3) Смѣшеніе священнаго съ свѣтскимъ, особенно странное для простаго народа, представлялось и въ томъ, что протодіаконъ, употребляемый для церковныхъ возглашеній, употребленъ былъ для чтенія рѣчи при памятникѣ. 4) Въ рѣчи сей священное изреченіе: *Сей день, его-же сотвори Господь*, употреблено неумѣстно; и 5) Латинскіе стихи по недостаткамъ и содер-

¹⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ отношеніе преосвященнаго Георгія къ князю Мещерскому отъ 10-го ноября 1832 года.

²⁾ Тамъ-же.

жанія, и языка, допущены до публичнаго чтенія не къ чести духовныхъ училищъ. Замѣтивъ сіе преосвященному епископу архангельскому, подтвердитъ ему, чтобы впредь отъ подобныхъ несообразностей и неприличій удержался; чтобы сочиненія лицъ духовнаго вѣдомства, читанныя и пѣтыя при открытіи памятника, не были напечатаны, и чтобы впредь въ донесеніяхъ начальству не пропускалъ онъ никакихъ нужныхъ обстоятельствъ, какъ то въ семъ дѣлѣ пропущено, какого училища и какихъ предметовъ учителя Спасскій и Заринскій» ¹⁾).

VI. Высочайшее замѣчаніе смоленскому епископу Іосифу.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1832 года статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ оберъ-прокурору св. синода, по высочайшему повелѣнію, слѣдующія Государя Императора замѣчанія: «1) Смоленскій архіерей, встрѣтивъ Государя со крестомъ и давъ приложиться, останавливался при каждомъ поворотѣ и благословлялъ, идучи вверхъ по крыльцу, вмѣсто того, чтобы прямо идти на свое мѣсто. 2) Пѣвчіе у этого архіерея одѣты весьма грязно и вопреки всякаго приличія, большіе изъ нихъ въ нѣмецкихъ изношенныхъ и изгаженныхъ кафтанахъ» ²⁾). При этомъ Танѣевъ объявилъ князю Мещерскому высочайшую волю, чтобы пѣвчіе смоленскаго архіерея немедленно были переодѣты по покрою пѣвчихъ с.-петербургскаго митрополита, равно какъ и во всѣхъ епархіяхъ.

Это высочайшее замѣчаніе, по обыкновенному порядку, было объявлено княземъ Мещерскимъ синоду и смоленскому епископу. Послѣдній написалъ къ синодальному оберъ-прокурору, что «съ глубочайшимъ вѣрно-подданническимъ благоговѣніемъ приѣмлетъ помянутыя замѣчанія и что, встрѣтивъ Государя Императора у соборнаго крыльца со крестомъ и идучи вверхъ по сему довольно высокому и крутому крыльцу, останавливался онъ при каждомъ поворотѣ и тѣмъ-же крестомъ осѣнялъ, по примѣру предшественниковъ своихъ, епископовъ: Иринея и Іоасафа, встрѣчавшихъ такимъ-же образомъ блаженныя памяти Государя Императора Александра Павловича. Симъ отъ предшественниковъ заимствованнымъ примѣромъ думалъ онъ и желалъ торжественнѣйше изъяснить свое благоговѣніе къ лицу Помазанника Божія.

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ св. синода.

²⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурора св. синода докладъ 22-го октября 1832 года.

«Что-же касается до парадной одежды пѣвчихъ, то она, по приказанію его, оставлена была за ветхостію; пѣвчіе скоро будутъ вновь переодѣты». Относительно одежды Іосифъ прибавилъ, что, «въ усталости возвратившись изъ высочайше дозволеннаго ему отпуска въ Кіевъ за два только дня до прибытія Государя въ Смоленскъ, не могъ онъ при другихъ занятіяхъ напомнить себѣ о сказанномъ предметѣ» ¹⁾.

VII. Выговоръ Іліодору, епископу курскому.

Статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ князю Мещерскому, что Государь, въ бытность въ Бѣлгородѣ въ тамошнемъ кафедральномъ соборѣ, къ крайнему своему удивленію и неудовольствію, замѣтилъ висящій въ немъ свой портретъ, который приказалъ тогда-же чрезъ тамошняго гражданскаго губернатора снять, и что Государь поручилъ св. синоду именемъ его сдѣлать за это строжайшій выговоръ курскому преосвященному, съ объявленіемъ о томъ по всѣмъ епархіямъ и съ подтвержденіемъ, чтобы въ церквахъ не было никакихъ изображеній, кромѣ иконъ ²⁾. Св. синодъ, передавая преосвященному курскому этотъ выговоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ ему донести: кѣмъ именно внесенъ въ бѣлгородскій соборъ портретъ Государя Императора, по чьему дозволенію и распоряженію, и извѣстно-ли было объ этомъ портретѣ ему, преосвященному? Но еще прежде синода подобные-же запросы предложены были Іліодору курскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Спрошенные по этому случаю соборяне бѣлгородскаго собора показали: 1) что Императорскіе портреты въ бѣлгородскомъ соборѣ введено ставить съ 1787 года, по распоряженію епархіальнаго начальства; въ это время поставленъ былъ на боковой сторонѣ портретъ Императрицы Екатерины II, впослѣдствіи повѣшены были въ соборѣ по обѣимъ сторонамъ портреты Императоровъ Павла I и Александра I. На основаніи этихъ примѣровъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1827 года, по распоряженію епархіальнаго архіерея, поставленъ былъ въ соборѣ и портретъ Государя Императора Николая Павловича. 2) «Побужденіемъ къ поставленію таковыхъ портретовъ какъ прежнихъ монарховъ, такъ и нынѣ царствующаго, было единственно благоговѣйное вѣрнопопданническое чувство къ высокому покровителю св. церкви, дабы всегда имѣть предъ глазами своими видимое Помазанника Божія изображеніе и тѣмъ пламеннѣй-

¹⁾ См. приведенный докладъ.

²⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурору св. синода 1832 года № 102.

шую возносить молитву къ Царю царствующихъ о благоденствіи и долгоденствіи его, каковое чувство чисто нелицемѣрной, св. вѣрою требуемой приверженности и глубочайшаго уваженія къ всемилостивѣйшему Государю своему, служители грекороссійской церкви, всегда нося въ душахъ своихъ, считали и нынѣ считаютъ обязанностію, всеми способами, по крайнему своему разумѣнію, утверждать и другихъ въ тѣхъ вѣрноподданническихъ чувствахъ» ¹⁾).

Синодъ старался оправдать Іліодора и ходатайствовалъ черезъ князя Мещерскаго о снятіи съ него того наказанія, которому онъ подвергся. Вотъ докладъ князя Мещерскаго по этому предмету: «Синодъ, усматривая изъ сего донесенія (т. е. преосвященнаго Іліодора), что обыкновеніе имѣть въ бѣлгородскомъ кафедральномъ соборѣ Императорскіе портреты введено съ 1787 года бывшимъ тогда епархіальнымъ начальствомъ, и что портретъ Вашего Императорскаго Величества внесенъ въ оный еще въ 1828 году, т. е. четырьмя годами прежде поступленія на тамошнюю архіерейскую кафедру епископа Іліодора, который прибылъ туда въ маѣ мѣсяцѣ сего года (1832), находить, что какъ побужденіемъ съ сему введенію было единственно благоговѣйное чувствованіе къ высокимъ покровителямъ св. церкви, то всякое покушеніе на уничтоженіе такого обычая, который существовалъ свыше 45 лѣтъ, а паче покушеніе только-что вступившаго на паству епископа могло-бы произвестъ непріятныя чувствованія въ тамошнихъ жителяхъ и даже подозрѣнія на вѣрноподданническую преданность и благоговѣніе его къ Монарху. По уваженію сихъ обстоятельствъ, а равно и того полезнаго и похвальнаго служенія, коими всегда отличался епископъ Іліодоръ и въ низшихъ степеняхъ іерархіи, и въ настоящемъ санѣ его, св. синодъ поручилъ мнѣ представить все сіе на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества и всеподданнѣйше испрашивать, не благоутодно-ли будетъ Вашему Величеству повелѣть Высочайше назначенный епископу Іліодору строжайшій выговоръ всемилостивѣйше снять съ него и въ послужный списокъ его не вносить». Государь написалъ на этомъ докладѣ: «Согласенъ, но объявить, что Я приказалъ непремѣнно вездѣ по церквамъ портретовъ Моихъ не вѣшать».

VIII. Выговоръ Евлампію, епископу орловскому.

Объ этомъ выговорѣ уже было сказано при изложеніи ограниченія архіерейскихъ правъ въ царствованіе Николая I, а потому здѣсь мы пред-

¹⁾ См. тамъ-же.

ставимъ только сущность этого дѣла. Въ 1843 году статсъ-секретарь Танѣевъ объявилъ графу Пратасову высочайшее повелѣніе, чтобы епископу орловскому сдѣланъ былъ отъ св. синода выговоръ за произнесеніе рѣчи при встрѣчѣ Государя Императора въ городѣ Орлѣ, вопреки запрещенію, объявленному въ 1826 году по духовному вѣдомству. Св. синодъ исполнилъ это повелѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердилъ всѣмъ архіереямъ, чтобы они, на точномъ основаніи высочайшаго повелѣнія, отнюдь не произносили рѣчей во время высочайшихъ путешествій ¹⁾).

IX. Выговоръ епископу подольскому Елпидифору.

Въ 1849 году графъ Пратасовъ получилъ слѣдующее анонимное письмо: «Будучи увѣренъ въ высокой ревности вашего сіятельства, съ которою неусыпно трудитесь о благѣ православныхъ россійскихъ церквей, приѣмлю смѣлость почтеннѣйше донести вамъ о великихъ злоупотребленіяхъ, чинимыхъ въ отношеніи церквей подольской епархіи, въ которой имѣю жительство. Преосвященный Елпидифоръ, епископъ подольскій и брацлавскій, посѣщая въ настоящее лѣто сельскія церкви, возилъ съ собою родного брата своего, молодого парня, Гаврилу, поручивъ ему повѣрять при ревизіи наличныя суммы каждой церкви. Гаврила этотъ, по обсчетѣ суммы, взималъ безъ исключенія съ каждой церкви по 12 рублей серебромъ, и на спросы приходскихъ священниковъ и церковныхъ старостъ, на что и для кого забираетъ эти деньги, не обинуясь отвѣчалъ, что забираетъ ихъ по приказанію преосвященнаго на его-же надобности. Въ одномъ приходѣ священникъ рѣшился спросить самого преосвященнаго, слѣдуетъ-ли этотъ взяткоу (sic) писать по церковнымъ реестрамъ расходомъ, и получилъ отъ него такой отвѣтъ: «Пиши, если хочешь, но упреждаю тебя, что нигдѣ мѣста не сыщешь». Въ другихъ мѣстахъ случалось такъ, что подъ ревизію въ наличности не было болѣе въ церкви 3 или 4 рублей; въ такихъ случаяхъ тотъ-же Гаврила, съ протодіакономъ и другими членами архіерейской свиты, сильно настаивали, чтобы они заступно за церковь давали своихъ по 12 рублей, и буде не имѣютъ своихъ, то заняли-бы у кого-нибудь, а въ послѣдствіи времени, по мѣрѣ накопленія церковной суммы, удовлетворяли-бы изъ ней кредитора, и, страшая священника отрѣшеніемъ отъ мѣста, заставляли ихъ удовлетворять своимъ требованіямъ. Подобные примѣры были въ селеніяхъ Мо-

¹⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурора св. синода 1843 годъ. № 147.

гилевскаго уѣзда Поповцахъ, Гальчинцахъ и Комаринцахъ, чего я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ священникъ, не могши ни у кого занять денегъ, по выѣздѣ уже архіерея, досталъ у кого-то 12 рублей и, во избѣжаніе тяжкой бѣды, послалъ ихъ въ догонку за нимъ въ г. Баръ.

«Не имѣя въ дѣлѣ семъ никакого интереса, я единственно изъ чистой ревности къ святынѣ всепокорнѣйше доношу о семъ вашему сіятельству и осмѣливаюсь увѣрить, что если еще другая подобная послѣдуетъ архіерейская ревизія въ подольской епархіи, то сельскія церкви, и безъ того довольно нищенскія, крайне разорятся. Если настоящее донесеніе мое не будетъ удостоено вѣроятія, то не благоугодно-ли будетъ вашему сіятельству, для удостовѣренія въ томъ, командировать кого изъ добросовѣстныхъ канцеляріи своей инкогнито по тѣмъ селамъ, въ которыхъ учинена ревизія, для спросу о томъ церковныхъ старостъ и приходскихъ священниковъ, такъ, впрочемъ, чтобы о командировкѣ этой и пріѣздѣ командированнаго не могла знать подольская консисторія, преисполненная іезуитами.

«Р. S. Прошу извинить великодушно, что я, во избѣжаніе всякихъ могущихъ случиться по этому непріятностей, подписался не собственнымъ именемъ. Гумбертъ» ¹⁾).

По полученіи этого доноса немедленно было послано отъ графа Пратасова къ Елпидиѣору конфиденціальное, съ приложеніемъ псевдонимнаго письма, отношеніе, которымъ затребовано отъ преосвященнаго на него объясненіе. Елпидиѣоръ отвѣчалъ Пратасову 23-го декабря 1849 года. «Сейчасъ—писалъ подольскій преосвященный—имѣлъ я честь получить милостивое конфиденціальное отношеніе вашего сіятельства отъ 12-го сего декабря за № 7594, съ приложеніемъ письма какого-то лжеименнаго Гумберта о дѣйствіяхъ моихъ при обзорѣніи епархіи, и трепещущею отъ душевнаго смущенія рукою спѣшу высказать вашему сіятельству со всею откровенностію и прямою, что и какъ было.

«Роднаго брата и никакого родственника при себѣ не имѣю, а наименованный въ письмѣ братомъ моимъ нѣкто Гаврило есть совершенно чужой мнѣ человѣкъ, служащій мнѣ келейникомъ, впрочемъ кончившій курсъ ученія въ воронежской семинаріи, сирота, мною призванный, восемь лѣтъ уже страдающій неизлечимою болѣзнію и потому меня не оставляющій и мною не оставляемый. Я о немъ, не обвинуясь, могу ска-

¹⁾ См. въ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло о случаѣ, бывшемъ во время обзорѣнія преосвященнымъ подольскимъ ввѣренной ему епархіи.

затѣ, что онѣ самѣ, ни въ чемѣ не нуждаясь, всецѣло и искренно бережеть и мою честь: такѣ онѣ былѣ настроенѣ съ самаго начала и въ такомѣ отношеніи и нынѣ постоянно мною удерживается. При ревизіи церквей я считалѣ излишнимѣ пересчитывать церковныя деньги, въ томѣ предположеніи, что таковыя къ моему прибытію непременно уже будутѣ въ наличности, и потому ни въ одномѣ селеніи къ церковнымѣ деньгамѣ ни я самѣ и никто другой пальцемѣ не прикасался и не видѣлъ ихѣ; а разсматривалѣ я самѣ вездѣ приходорасходныя книги и другіе документы церковныя, и смотрѣлъ также, надлежащимѣ-ли образомѣ и въ безопасномѣ-ли мѣстѣ держится и сохраняется ящикѣ съ суммами церковными. Гаврило-же оный зналѣ только, при входѣ моемѣ въ церковь, принять мою палку и держать ее, не отходя отѣ клироса, или на улицѣ хлопотать около экипажа и людей.

«Что касается до полученія денегѣ, при проѣздѣ по церквямѣ, то дѣйствительно было таковое полученіе, и съ вѣдома моего, *какѣ всегда вездѣ водилось и водится*; но въ настоящій разѣ при мнѣ это было совсѣмѣ не такѣ, какѣ описалѣ г. Гумбертъ. Зная, что при этомѣ случаѣ нерѣдко бывають злоупотребленія, я, въ предотвращеніе такового, нарочито не бралѣ съ собою ни ключаря и никого другаго для пособія себѣ при разсмотрѣніи отчетностей церковныхѣ, и самѣ все разсматривалѣ и благочиннымѣ открыто говорилѣ, чтобы, если кому изѣ духовенства, по обычаю, угодно будетѣ что-нибудь пожертвовать на свиту, то давали-бы отнюдѣ не изѣ церковныхѣ денегѣ, а свои собственныя, а дабы и со стороны бывшихѣ въ свитѣ со мною не было отѣ кого-либо нахальства и плутовства, поручено было получать даваемое, по отнюдѣ не вынуждаемое, одному регенту, и записывать, гдѣ что будетѣ дано. Поэтому регентѣ и получалѣ вездѣ; въ нѣкоторыхѣ-же немногихѣ мѣстахѣ, и то только въ первую поѣздку, и не въ уѣздахѣ, о которыхѣ упоминаетѣ Гумбертъ, когда пѣвчіе почему-либо отставали отѣ меня, принималѣ Гаврило мой и послѣ отдавалѣ регенту. Во вторую-же поѣздку по уѣздамѣ, упоминаемый въ письмѣ Гумберта Гаврило рѣшительно нигдѣ ни копѣйки не принималѣ. И деньги давали обыкновенно благочинные по 10 р., иногда и поболѣе, но не отѣ каждой церкви, а по обозрѣніи всѣхѣ, какія приходились на пути, церквей округа того или другаго благочиннаго, очень-же рѣдко гдѣ сами священники давали, и гдѣ это случалось, то давали только по 2, по 3 и въ одномѣ мѣстѣ 6 руб. По возвращеніи, регентѣ списокѣ, гдѣ что получено, и самыя деньги представлялъ эконому, и деньги, по особому росписанію, съ утвержденія моего, поступали въ раздѣлъ всѣмѣ пѣвчимѣ и бывшимѣ въ поѣздкѣ діаконамѣ. Поэтому

никто нигдѣ меня не спрашивалъ, и не было повода спрашивать, какъ записать въ книгу церковную выданныя на свиту мою деньги. Ежели гдѣ-либо благочинные взимали для этого церковныя деньги противъ моего внушенія, то это мнѣ неизвѣстно, и я не могу, особенно вдругъ, искоренить всѣ ихъ злоупотребленія. Отъ старостъ церковныхъ рѣшительно нигдѣ не было взято.

«Конечно, нельзя похвалить, что это мною было допущено, но я къ этому склонился частію повсемѣстнымъ обычаемъ, частію-же здѣсь и особенною нѣкоторою нуждою: здѣсь пѣвчіе и служащіе при мнѣ діаконы, не какъ въ другихъ русскихъ городахъ, совершенно почти никакихъ доходовъ не имѣютъ, а однимъ жалованьемъ содержаться очень трудно. Сознаюсь и каюсь въ этомъ, и покорнѣйше испрашиваю милостиваго вашего благоснисхожденія. Не думаю, чтобы всѣ или даже кто-либо этимъ отягощался и имѣлъ собственно за то на меня неудовольствіе; но принесшій на меня такую жалобу долженъ быть или отъ тѣхъ, кто вообще привыкъ клеветать и недавно составлялъ на меня и на другихъ клеветы предъ св. синодомъ и вашимъ сіятельствомъ, или изъ числа тѣхъ, кои послѣ ревизіи моей за свои несправности подверглись заслуженному взысканію. Пусть-бы лжеименный ревнитель пользы церковныхъ писалъ то и такъ, чтѣ и какъ было, а не бросалъ своей грязи на лицо, которое всемѣрно старается соблюсти себя совершенно чистымъ. Больно для сердца, что совершенно напрасно честь страдаетъ. Для успокоенія моего смѣю надѣяться и ожидать милостиваго и благожелательнаго вашего мнѣ по сему вразумленія» ¹⁾).

Послѣ открытаго признанія Елпидифора въ томъ, что дѣйствительно во время обозрѣнія имъ епархіи дѣлались поборы, конечно, странными должны были показаться Пратасову возгласы преосвященнаго противъ клеветы, взведенной, будто-бы, на него псевдонимнымъ Гумбертомъ и защищеніе своей чести и чистоты дѣйствій. Дѣло говорило само за себя, а потому объясненіе Елпидифора обратилось въ новый обвинительный противъ него актъ. Пратасовъ ²⁾ предложилъ о такихъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ по подольскому епархіальному управленію синоду, а синодъ написалъ по этому случаю Елпидифору слѣдующее: «Св. синодъ изъ отзыва преосвященнаго епископа Елпидифора съ особеннымъ прискорбіемъ усматриваетъ, что онъ, преосвященный, допущеніемъ сбора приношеній отъ подчиненнаго ему духовенства въ пользу людей, составляю-

¹⁾ Въ томъ-же дѣлѣ.

²⁾ Въмѣсто Пратасова дѣлалъ предложеніе синоду Карасевскій.

щихъ его свиту и получающихъ отъ щедротъ Монарха содержаніе, дозволилъ себѣ такое дѣйствіе, которое противно церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ, унижительно для его, преосвященнаго, сана и званія, и крайне соблазнительно для подчиненныхъ и для всей паствы, въ которыхъ чрезъ сіе не можетъ не колебаться уваженіе къ архіерейскому достоинству, особенно-же въ странѣ, наполненной иновѣрцами. Посему св. синодъ опредѣляетъ: 1) преосвященному Елпидифору за таковыя дѣйствія сдѣлать строгій выговоръ, съ подтвержденіемъ, впредь не допускать отнюдь подобныхъ дѣйствій, и 2) сумму, подобнымъ образомъ полученную его свитою, обратить въ тамошнее попечительство о призрѣніи бѣдныхъ духовныхъ для предписаннаго правилами употребленія» ¹⁾).

Х. Выговоръ Иннокентію, епископу екатеринославскому.

Мы уже нѣсколько разъ упоминали, какой безпорядокъ и разстройство производили въ епархіальныхъ дѣлахъ тѣ лица, которыя изъ канцелярій синодальной и оберъ-прокурора св. синода были отправляемы на должность секретарей консисторій. Эти лица, всегда состоявшія или подъ особеннымъ покровительствомъ Сербиновича, Войцеховича, Юзефовича и Яковенко, или связанные какими-то тайными отношеніями съ Карасевскимъ, Новосильскимъ и др., являлись на секретарскія должности съ правами прокуроровъ и ставили себя вовсе не въ подчиненныя отношенія къ своимъ архіереямъ. Одинъ изъ такихъ чиновниковъ синодской канцеляріи, особенно близкій къ оберъ-секретарю Яковенко, былъ назначенъ секретаремъ въ екатеринославскую консисторію. Архіерей держалъ себя въ отношеніи къ нему, какъ начальникъ; это не понравилось секретарю: начались неофициальные доносы на преосвященнаго въ Петербургъ объ образѣ его жизни и дѣйствій и объ его отъѣздахъ о синодскихъ порядкахъ. Последнее особенно не понравилось тогдашней синодской бюрократіи, которая была недовольна Иннокентіемъ. Но для того, чтобы поразить его, былъ нуженъ формальный доносъ и, притомъ, не отъ консисторскаго секретаря, а отъ посторонняго. Дѣло за этимъ не стало: Иннокентій, какъ чловѣкъ болѣзненный, служилъ рѣдко, что было стѣснительно для ставленниковъ или кандидатовъ на священно-и церковнослужительскія мѣста. Одинъ изъ нихъ, подстрекнутый и возбужденный секретаремъ екатеринославской консисторіи, подалъ въ св. синодъ жалобу на архіерея и письмоводителя

¹⁾ Въ томъ-же дѣлѣ указъ св. синода отъ 17-го февраля 1850 года.

его Ширяева въ томъ, что послѣдній беретъ взятки и продаетъ мѣста. Этого было достаточно. Для формы потребовали объясненій отъ Иннокентія по жалобѣ, принесенной на него, и присылки нѣкоторыхъ ставленическихъ дѣлъ. Послѣ полученія отзыва, долго разсуждали въ синодской канцеляріи, какъ поступить съ преосвященнымъ. Проектъ опредѣленія нѣсколько разъ измѣнялся подъ рукою Яковенко и Позняка: то хотѣли прямо послать Иннокентія на покой, то сдѣлать строжайшій выговоръ, наконецъ остановились на послѣднемъ. Приводимъ здѣсь въ подлинникѣ опредѣленіе синода. «Изъ обстоятельствъ дѣла сего видно, гласить синодскій указъ: 1) Воспитанникъ екатеринославской семинаріи Иванъ Ѳедоровъ, въ присланномъ его сіятельству г-ну оберъ-прокурору св. синода прошеніи, изъясняетъ, что изъ 42 воспитанниковъ, кончившихъ съ нимъ курсъ семинарскаго ученія въ 1849 году, только 8 рукоположены въ санъ священническій, прочіе-же, а въ числѣ ихъ и онъ, Ѳедоровъ, не удостоиваются сего потому, что не могутъ внести архіерейскому письмоводителю Ширяеву положенныхъ имъ на каждого ста рублей серебромъ; ибо чиновникъ сей, только по полученіи сей суммы, побуждаетъ преосвященнаго къ богослуженію, которое онъ рѣдко совершаетъ, а между тѣмъ неплатящіе воспитанники, проживая въ Екатеринославѣ съ женами, снискиваютъ себѣ пропитаніе—лѣтомъ пиленіемъ дровъ на пристани, а зимою колотьемъ льда. При семъ воспитанникъ Ѳедоровъ проситъ обратить начальственное вниманіе на такое горестное его и соучениковъ его положеніе. 2) Преосвященный Иннокентій, отъ котораго по содержанію таковой жалобы требовались свѣдѣнія и самыя дѣла о воспитанникахъ, не произведенныхъ въ священство, въ рапортѣ своемъ св. синоду отъ 30-го минувшаго апрѣля объяснилъ, что жалоба Ѳедорова есть наглая клевета, какъ въ отношеніи къ самому преосвященному, такъ и къ письмоводителю его Ширяеву; что рѣдкому служенію его въ 1849 и 1850 годахъ были причиною болѣзненные припадки его, и что воспитанникъ Ѳедоровъ не рукоположенъ доселѣ потому, что не умѣетъ прочесть порядочно часовъ. При семъ преосвященный представилъ производящія у него ставленическія дѣла о воспитанникахъ: Ѳедоровѣ, Комаревскомъ, Шереметьевѣ, Ладдаевѣ, Иванковѣ и Постреланевѣ. Изъ дѣлъ сихъ видно, что они начались 1) 25-го октября, 2) 9-го декабря 1849 года, 3) 22-го мая, 4) 7-го октября, 5) 17-го іюля и 6) 25 сентября 1850 года. Разсмотрѣвъ внимательно объясненіе преосвященнаго Иннокентія и всѣ означенныя дѣла и сообразивъ оныя съ жалобою воспитанника Ѳедорова, св. синодъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что изъясняемыя имъ, воспитанникомъ, нареканія имѣли основаніе въ той непростительной

медленности, какая допущена была преосвященнымъ сперва въ производствѣ дѣлъ, а потомъ въ откладываніи рукоположенія, и хотя нѣтъ въ виду законныхъ доказательствъ, чтобы дѣйствія сіи зависѣли отъ причинъ, указуемыхъ Ѳеодоровымъ, за всѣмъ тѣмъ нельзя не согласиться, что онѣ могли послужить къ жалобамъ со стороны обиженныхъ и даже соблазномъ для постороннихъ, тѣмъ болѣе, что если преосвященный дѣйствительно не могъ служить по болѣзни, то, съ окончаніемъ каждаго дѣлопроизводства, надлежало ему отсылать ставлениковъ для рукоположенія къ соудственнымъ епархіальнымъ архіереямъ и, такимъ образомъ, предотвращать поводъ къ нареканіямъ и жалобамъ. По симъ соображеніямъ, св. синодъ опредѣляетъ: 1) Преосвященному Иннокентію, сдѣлавъ строгій выговоръ какъ за допущеніе столь важнаго безпорядка въ управляемой имъ епархіи, такъ и за неправильное примѣненіе словъ Апостола Павла къ настоящему случаю: а) поспѣшить неотложнымъ рукоположеніемъ упомянутыхъ шести воспитанниковъ и отпускомъ ихъ къ предназначеннымъ для нихъ мѣстамъ, б) письмоводителя Ширяева, для предотвращения дальнѣйшихъ нареканій и соблазна, перевести въ одно изъ духовныхъ правленій екатеринославской епархіи въ должность столоначальника, в) на будущее время не допускать ни малѣйшей медленности въ производствѣ ставленическихъ дѣлъ и самомъ рукоположеніи кандидатовъ въ священство. Если-же и теперь болѣзненное состояніе препятствуетъ преосвященному исполнять съ надлежащею точностію пастырскія обязанности свои и въ особенности неупустительное совершеніе имъ самимъ богослуженія, то о семъ обязанъ онъ донести св. синоду не медля, къ особому разсмотрѣнію. 2) О семъ, для должнаго исполненія, послать ему, преосвященному, указъ, съ возвращеніемъ представленныхъ имъ дѣлъ и съ требованіемъ отъ него неукоснительнаго донесенія о послѣдующемъ» ¹⁾).

ХІ. Выговоръ екатеринославскому епископу Гавріилу.

15-го іюня 1829 года князь Мещерскій получилъ отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Фонъ-Фока частную записку о слѣдующихъ безпорядкахъ по екатеринославскому епархіальному управленію:

1) Въ 1826 году по доносу о злоупотребленіяхъ, будто-бы, симферопольскаго протоіерея Чернявскаго по постройкѣ тамошней церкви, произведено было слѣдствіе, по которому онъ былъ оправданъ; но за всѣмъ тѣмъ, его отрѣшили отъ присутствованія въ духовномъ правленіи и на его

¹⁾ См. въ св. синодѣ указъ 11-го іюля 1851 года.

мѣсто назначили доносчика, протоіерея Молчанова. Между тѣмъ, экстрактъ изъ этого дѣла былъ сочиненъ и отданъ секретарю Неводчикову для просмотра, а тотъ держитъ его у себя на квартирѣ три года и до сихъ поръ медлитъ окончаніемъ дѣла, ожидая отъ Чернявскаго вещественной благодарности.

2) Въ томъ-же 1826 году возникло по Новомосковскому уѣзду между протоіереями Башинскимъ и Цугаловскимъ 16 дѣлъ о растратѣ церковныхъ доходовъ и другихъ злоупотребленіяхъ. Неводчиковъ, получивъ отъ Цугаловскаго въ подарокъ 4 лошади въ 600 руб., до сего времени не давалъ этимъ дѣламъ никакого хода по консисторіи и старался подвести ихъ подъ всемилостивѣйшій манифестъ; наконецъ, епископъ Гавріилъ приказалъ заняться этими дѣлами и дать имъ движеніе.

3) Дѣла ставлениковъ, приуготовляемыхъ къ посвященію, всѣ безъ исключенія находятся не въ консисторіи, какъ слѣдовало-бы, но на дому Неводчикова, съ тою цѣлью, чтобы священно-и церковнослужители приходили къ нему съ благодарностью, которая истощаетъ этихъ бѣдныхъ людей до такой степени, что они для выкупа грамотъ и для избѣжанія тигостной проволоочки, принуждены занимать у служащихъ въ консисторіи деньги на самое короткое время за неимовѣрные проценты.

4) Дѣла о разныхъ происшествіяхъ въ церквахъ, на которыя, по высочайшему повелѣнію, не распространяется всемилостивѣйшій манифестъ, удерживаются Неводчиковымъ подъ разными предлогами и онъ, обнадеживая виновныхъ то манифестомъ, то маловажностью ихъ проступковъ, получаетъ отъ нихъ взятки.

5) Канцелярія консисторіи, при составленіи вѣдомостей изъ годовыхъ церковныхъ отчетовъ по свѣчной суммѣ, находя въ нѣкоторыхъ уѣздахъ совершенное небреженіе и даже утайку денегъ, докладываетъ о томъ Неводчикову, а онъ, вмѣсто принятія мѣръ къ прекращенію такого зла, скрываетъ отъ присутствія безпорядки, списывается съ виновными и получаетъ отъ нихъ по 200 и болѣе рублей; такъ, еще недавно были ему присланы отъ настоятеля іеромонаха Тихона 300 руб., а отъ протопопа Кошевскаго лошадь.

Къ довершенію сихъ злоупотребленій, находящійся при епископѣ Гавріилѣ домовымъ секретаремъ губернскій секретарь Николаевскій, за объявленіе ставленикамъ резолюцій преосвященнаго, беретъ съ каждаго отъ 20 до 50 руб. Ежели-же кто по бѣдности, или почему-либо другому, не удовлетворитъ его требованію, таковой съ дерзостью и бранью выгоняется изъ комнаты, а за симъ слѣдуетъ отказъ просителю въ его просьбѣ. Кромѣ того, грамоты священническія и діаконскія, за кон поло-

жено брать по 15 коп., продають по 16 руб., 10 копѣчныя—по 12 руб., а 5-копѣчныя—по 8 руб. ¹⁾).

По заведенному порядку записку Фонъ-Фока князь Мещерскій пре- проводилъ къ Гавріилу, съ тѣмъ, чтобы онъ обратилъ особенное внима- ніе на содержащіяся въ ней обвиненія, и если найдетъ, что дѣйствительно упомянутыми въ запискѣ лицами допущены какія-либо злоупотребленія, то произвелъ-бы по нимъ изслѣдованіе.

Чтобы оцѣнить объясненіе, данное Гавріиломъ по этой запискѣ, мы должны предварительно сказать нѣсколько словъ объ его характерѣ. Преосвященный Гавріилъ имѣлъ самыя патріархальныя свойства: онъ смотрѣлъ на епархію, какъ на свою собственность, которою могъ распо- ряжаться по произволу, и потому имущество церквей и достояніе прич- товъ онъ разсматривалъ, какъ свои оброчныя статьи. Съ такими взгля- дами, Гавріилъ постоянно находился въ зависимости отъ своихъ подчи- ненныхъ, которые брали взятки и раздавали мѣста, кому хотѣли. Въ Екатеринославѣ на него имѣлъ вліяніе письмоводитель Николаевскій, въ Одессѣ—келейникъ Драковъ, въ Твери—иподіаконъ Дмитрій Семеновъ. Секретари консисторіи, письмоводители и келейники находились подъ за- щитою и покровительствомъ Гавріила. Жалобы на лихоимство, особенно въ Одессѣ, свидѣтельствуютъ, что преосвященный, защищая взяточниковъ, защищалъ этимъ самого себя. Поэтому неудивительно, что объясненіе Гавріила по запискѣ Фонъ-Фока преимущественно направлено къ оправ- данію консисторскаго секретаря Неводчикова и архіерейскаго письмоводи- теля Николаевского. Представимъ это объясненіе Гавріила по пунктамъ.

1) О Чернявскомъ преосвященный писалъ, что дѣйствительно дѣло о немъ тянулось съ 1825 года по 1829, но причинъ такого медленнаго производства не изложилъ и даже не послалъ дѣла въ синодъ, какъ этого послѣдній требовалъ.

2) О Молчановѣ Гавріилъ доносилъ, что онъ съ 1829 года уже болѣе не присутствуетъ въ духовномъ правленіи, и что онъ, за упущеніе по должности и въ особенности за недостодолжное употребленіе де- негъ, отпущенныхъ на постройку свѣчной лавочки, лишень званія благо- чиннаго. Въ 1826 году между протоіереями Башинскимъ и Цугаловскимъ дѣйствительно возникло немалое число дѣлъ, которыя и оставались безъ движенія также до 1829 года, но въ этомъ году были возобнов-

¹⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 1829 года, подъ № 8, по доносу о злоупотребленіяхъ по екатеринославской консисторіи, и въ немъ записку Фонъ-Фока отъ 15-го іюня 1829 года.

лены и о ходѣ ихъ приказано консисторіи доносить ему, преосвященному, еженедѣльно.

3) Неводчиковъ во взятіи у Цугаловскаго 4-хъ лошадей не признался, а изъяснилъ, что за дальностью квартиры отъ консисторіи принужденъ былъ купить сначала одну лошадь, вороную, а потомъ другую, рыжую, что въ 1828 г. тѣхъ лошадей онъ промѣнялъ Цугаловскому на двухъ-же лошадей, стоящихъ нынѣ не болѣе 150 руб., въ чемъ и сослался на него, присовокупивъ, что, служба безпорочно, невыгодное о себѣ мнѣніе принимаетъ съ крайнимъ прискорбіемъ, лишаящимъ его охоты продолжать службу.

4) Цугаловскій также показалъ, что Неводчикову 4-хъ лошадей онъ никогда не давалъ, и что двухъ его лошадей, карюю и гнѣдую, вымѣнялъ на своихъ.

5) Неводчиковъ дѣла консисторскія бралъ къ себѣ, по весьма малому числу способныхъ канцелярскихъ служителей; сіе ему теперь воспрещено. Ставленническія дѣла текутъ не мѣшкотно и не обременительно для ставлениковъ. На притѣсненіе никто ему, преосвященному, не жаловался. За грамоты вималось со священниковъ по 15 руб., съ діаконовъ по 9 руб., но не за однѣ только грамоты, а также и на клиръ (?!), по указному предписанію (?!), и на церковныя потребности (?), по положенію предшественниковъ его, преосвященнаго. Нынѣ за грамоты вимается сумма, соразмѣрная ихъ стоимости и пересылкѣ изъ Москвы; на клиръ-же пошлина берется теперь сообразно указамъ.

6) Относительно уменьшенія свѣчныхъ доходовъ Гавріиль писалъ, что оно дѣйствительно замѣчено консисторіею въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хлѣбъ былъ истребленъ саранчею; но, по вновь сдѣланному распоряженію, сумма эта съ 1828 года уже начала увеличиваться.

7) Иеромонахъ Тихонъ отозвался, что онъ точно послалъ деньги Неводчикову, но съ просьбою передать ихъ въ другое мѣсто (?). Неводчиковъ-же на сію статью объясненія не далъ, за приключившеюся съ нимъ тяжкою болѣзнію. На вопросъ о лошади, присланной, будто-бы, отъ протоіерея Кошевскаго въ подарокъ Неводчикову, послѣдній отвѣтствовалъ, что, желая вмѣсто двухъ негодныхъ лошадей имѣть одну хорошую, онъ поручилъ въ 1828 году Кошевскому купить такую лошадь, на что и далъ ему 150 руб. Кошевскій по этому пункту показалъ согласно съ Неводчиковымъ.

Относительно корыстолюбія Неводчикова Гавріиль писалъ, что «хотя совѣсти глубины и трудно проникнуть, нельзя однакожь объ умѣренности

его въ томъ не подумать, видя небогатое его состояніе и скромную жизнь при разстроенномъ здоровьѣ.

«Извѣтъ на Николаевского, по объясненію Гавріила, произошелъ отъ зависти другихъ скромной и трезвой его жизни (!); онъ противу сего оправдывается и тѣмъ, что съ августа 1829 года находится боленъ».

Заключеніе объясненія Гавріила написано до того темно, что въ немъ можно понять смыслъ только послѣднихъ словъ. Въ нихъ онъ проситъ обратить милостивое вниманіе «какъ на секретаря консисторскаго, такъ и на прочихъ» ¹⁾).

Такъ какъ улика была слишкомъ ясна, то синодъ, по настоянію оберъ-прокурора, положилъ сдѣлать преосвященному Гавріилу, за допущеніе злоупотребленій и противозаконныхъ поборовъ, строгое замѣчаніе ²⁾).

7) *Низведеніе архіереевъ на низшія кафедры и посылка ихъ на покой.*

Эти два отдѣла соединены въ одинъ, на томъ основаніи, что весьма часто, непосредственно за распоряженіемъ синода о низведеніи какого-нибудь архіерея на низшую епархію, слѣдовало и его увольненіе на покой. Причиною такого явленія были иногда особенныя соображенія св. синода, а иногда оскорбленное самолюбіе низводимыхъ архіереевъ; и въ этомъ отдѣлѣ, какъ и въ предшествовавшихъ, мы будемъ слѣдовательно хронологическому порядку.

I. Низведеніе на низшую епархію пермского епископа Діонисія и посылка его на покой.

Въ 1828 году оберъ-прокуроръ св. синода князь Мещерскій получилъ отъ унтеръ-шихтмейстера пермскихъ заводовъ Пермякова прошеніе, въ которомъ онъ жаловался на племянника Діонисія, священника Яковкина, за то, что послѣдній разстроилъ его бракъ съ дочерью умершаго унтеръ-шихтмейстера Падерина, а также и на медленность въ производствѣ дѣла, начатаго имъ, Пермяковымъ, по этому случаю въ пермской консисторіи. Князь Мещерскій потребовалъ объясненія по этой жалобѣ отъ Діонисія, который отвѣчалъ оберъ-прокурору, что бракъ

¹⁾ См. въ дѣлѣ о злоупотребленіяхъ по екатеринославской консисторіи стр. 9—19.

²⁾ Тамъ-же, стр. 20.

Пермякова съ Падериною былъ остановленъ вслѣдствіе рапорта мѣстнаго благочиннаго, пермского кафедральнаго собора протоіерея Квашнина, который донесъ ему, что священникъ Яковкинъ не рѣшается ихъ вѣнчать по причинѣ оказавшагося между ними родства. Это обстоятельство заставило Діонисія поручить протоіерею Квашнину опредѣлить степень родства между означенными Пермяковымъ и Падериною. Пока это родство разбиралось Квашнинымъ, а потомъ консисторіею, пока консисторія представила свое мнѣніе объ этомъ преосвященному и пока приводилась въ исполненіе его резолюція, онъ получилъ отъ Падериной и ближайшихъ ея родственниковъ прошенія, въ которыхъ они ходатайствовали дозволить ей выйти замужъ за другого, а не за Пермякова. Причины, приводимыя въ этихъ прошеніяхъ, заключались въ томъ, будто Падерина къ браку съ Пермяковымъ была принуждаема управителемъ Мотовилихинскаго завода Рыжковскимъ, и что какъ она сама, такъ и родственники ея, никогда не изъявляли своего согласія на этотъ бракъ. «Основываясь на этихъ прошеніяхъ, писалъ въ заключеніе своего объясненія Діонисій, я приказалъ прекратить дѣло о бракѣ Падериной съ Пермяковымъ и позволилъ ей вступить въ бракъ съ другимъ лицомъ» ¹⁾, что дѣйствительно и случилось. Объясненіе Діонисія показалось князю Мещерскому не только неудовлетворительнымъ, но явно обличающимъ его въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, а потому онъ въ предложеніи своемъ синоду рѣшительно обвинялъ преосвященнаго въ незаконныхъ дѣйствіяхъ и находилъ, что ему тотчасъ-же слѣдовало-бы, по полученіи пожеланной росписи, дать разрѣшеніе на бракъ, потому что изъ нея прямо было видно, что женихъ и невѣста состоятъ между собою въ 7-й степени свойства, между тѣмъ какъ по указу св. синода отъ 17-го февраля 1810 года дозволены браки въ 5-й степени родства по крови. Но преосвященный, вмѣсто того, приказалъ изготовить выписки изъ законовъ, въ явную противность 2-го пункта своей должности, изображенной въ духовномъ регламентѣ, отъ чего проистекла медленность, къ явной обидѣ просителя, который еще болѣе могъ считать себя притѣсненнымъ, когда преосвященный Діонисій, послѣ разрѣшенія этого брака консисторіею, сдѣлалъ новую остановку какими-то ненужными вопросами.

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1828 года подъ № 159, по предложенію г. синодальнаго оберъ-прокурора, съ приложеніемъ прошенія штата главной конторы пермскихъ заводовъ унтеръ-шихтмейстера Пермякова съ жалобою на племянника бывшаго пермского епископа Діонисія, разстроившаго бракосочетаніе его съ дочерью умершаго унтеръ-шихтмейстера Падерина, и въ этомъ дѣлѣ объясненіе преосвященнаго Діонисія отъ 9-го февраля 1828 года.

Послѣдняго показанія Пермькова преосвященный въ отзывѣ своемъ ничѣмъ не опровергъ и не оговорилъ. Наконецъ, послѣ полугодовой проволочки, бракъ Пермькова разстроился и невѣста его, какъ видно изъ просьбы ея родственниковъ, считая, что свадьба не можетъ состояться за родствомъ, вышла замужъ за другого, отъ чего проситель, сдѣлавшій разные расходы къ предстоявшему браку, дѣйствительно понесъ напрасные убытки ¹⁾. Вмѣстѣ съ своимъ предложеніемъ, князь Мещерскій представилъ на разсмотрѣніе синода просьбу Пермькова и объясненіе по ней преосвященнаго Діонисія. На бѣду преосвященнаго, къ этому дѣлу присоединилось еще новое: о раскольникахъ пермской епархіи, по которому была замѣчена синодомъ нетвердая его дѣятельность. Эти обстоятельства были причиною того, что Государь, вѣроятно, отъ самого-же синода получившій свѣдѣнія о бездѣятельности преосвященнаго Діонисія, чрезъ митрополита Серафима приказалъ синоду войти въ разсужденіе о переводѣ Діонисія въ низшую епархію и о назначеніи на его мѣсто другого архіерея, съ болѣе твердымъ характеромъ, подобно тому, какъ «по высочайшему повелѣнію сдѣланъ переводъ въ прошедшемъ году казанскаго архіепископа въ Тверь» ²⁾.

Но дѣло о низведеніи Діонисія на низшую кафедру вдругъ приняло другой оборотъ, вслѣдствіе вмѣшательства московскаго митрополита Филарета, который представилъ синоду, что какъ до сего было въ Москвѣ обыкновенно нѣсколько архіереевъ для частыхъ, по особеннымъ обстоятельствамъ, священнослуженій и крестныхъ ходовъ, и именно: въ 1821 г. находилось три грузинскихъ архіерея, нынѣ-же остается одинъ архіепископъ Досифей, который отъ священнодѣйствія въ холодныхъ соборахъ отказывается болѣзнію и, сверхъ того, проситъ увольненія въ отечество, то для службъ, которыя исправляемы были помянутыми архіереями, полезно было-бы назначить епископа Діонисія на пребываніе въ Москвѣ, съ производствомъ ему, по примѣру двухъ грузинскихъ архіереевъ, по три тысячи рублей (асс.) въ годъ. «Я приѣмлю смѣлость, докладывалъ князь Мещерскій Государю, мысль митрополита Филарета повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, прежде нежели поднести формальный докладъ синода о переводѣ епископа Діонисія, тѣмъ паче, что

¹⁾ Въ томъ-же дѣлѣ предложеніе князя Мещерскаго синоду отъ 26-го мая 1828 года.

²⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1828 года подъ № 153, по предложенію синодальнаго члена преосвященнаго Серафима, митрополита новгородскаго, съ изъясненіемъ высочайшаго повелѣнія о переводѣ пермского епископа Діонисія въ другую епархію.

четырёхлѣтній опытъ открылъ въ немъ недостатокъ твердости, которая нужна для управленія не только пермскою, но и всякою другою епархіею.

«Симъ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ почитаю я долгомъ ускорить, дабы синодъ успѣлъ къ слѣдующему докладному дню приготовить докладъ о епископѣ Діонисіѣ въ томъ видѣ, какъ благоугодно будетъ Вашему Величеству разрѣшить» ¹⁾.

Этотъ докладъ былъ поднесенъ Государю княземъ Мещерскимъ 16-го апрѣля 1828 года, а 18-го апрѣля онъ предложилъ синоду, что Государь Императоръ, соизволя на увольненіе пермского епископа Діонисія отъ управленія епархіею, высочайше повелѣтъ соизволилъ имѣть ему пребываніе въ Москвѣ для исправленія священнослуженія, съ производствомъ ему на содержаніе по три тысячи рублей (асс.) въ годъ изъ суммъ, на духовный департаментъ ассигнуемыхъ ²⁾.

II. Увольненіе на покой архангельскаго епископа Аарона и низведеніе Георгія полтавскаго на архангельскую кафедру.

Мы выше видѣли, что преосвященный Ааронъ подвергся высочайшему выговору за принятіе участія въ церемоніи и освященіи при закладкѣ англиканской церкви въ Архангельскѣ. Сверхъ того, до св. синода доходили на него и жалобы. Такъ, въ 1826 году коллежскій совѣтникъ Назимовъ жаловался св. синоду, что Ааронъ, при возникшемъ у него, Назимова, несогласіи съ женою, вошелъ въ разбирательство поданныхъ ею жалобъ, въ которыхъ она просила его содѣйствія къ воспрепятствованію мужу взять съ собою въ Петербургъ ее и сына, и что преосвященный своими резолюціями по тѣмъ жалобамъ, вовсе не относившимся къ его разсмотрѣнію и сужденію, усилилъ семейную ссору и помрачилъ честь его, Назимова, обидными выраженіями ³⁾. Государь, какъ-то узнавшій объ этомъ дѣлѣ, приказалъ, чтобы по принесенной св. синоду

¹⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурора св. синода годъ 1828, № 230.

²⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1828 года, № 153, по предложенію синодальнаго члена преосвященнаго Серафима, съ изъясненіемъ высочайшаго повелѣнія о переводѣ пермского епископа Діонисія въ другую епархію.

³⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1826 года, № 314, по прошенію коллежскаго совѣтника Назимова, съ жалобою на неправильное вступленіе преосвященнаго архангельскаго въ разбирательство жалобъ на него жены его, и въ немъ прошеніе Назимова и предложеніе князя Мещерскаго синоду.

жалобѣ Назимова на распоряженіе Аарона донесено было ему какъ объ отзывѣ, какой полученъ будетъ по этому предмету отъ преосвященнаго, такъ и о заключеніи по немъ св. синода¹⁾. Заключение синода по дѣлу Назимова обвиняло Аарона; синодъ отмѣнилъ все резолюціи его по этому дѣлу и прекратилъ всякое по нимъ дѣйствіе, а разсмотрѣніе и рѣшеніе возникшихъ между Назимовымъ и женою его несогласій предоставилъ свѣтскому начальству; потомъ сдѣлалъ ему строгій выговоръ за то, что онъ присвоилъ себѣ непринадлежащую ему власть и, «дѣйствуя во всѣхъ случаяхъ безъ основаній и узаконеннаго порядка, по образу своихъ только собственныхъ сужденій, позволялъ себѣ употреблять въ резолюціяхъ выраженія смѣлыя и оскорбительныя»²⁾, и, въ заключеніе, подтвердилъ ему «отнюдь не входить впредь въ разсмотрѣніе дѣлъ, другой власти принадлежащихъ, да и дѣла, кои принадлежатъ суду духовнаго правительства, разбирать осмотрительно, и тѣ изъ нихъ, кои требуютъ законнаго изслѣдованія, поручать консисторіи и ожидать, пока оныя придутъ къ нему по порядку, не вмѣшиваясь и въ оныя преждевременными предложеніями, развѣ только побудительными, въ случаѣ медленнаго производства по консисторіи»³⁾. Это заключеніе синода и объясненіе Аарона были доложены Государю княземъ Мещерскимъ. Послѣ рѣшенія этого дѣла, св. синодъ на Аарона, котораго положеніе становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, смотрѣлъ очень непріязненно и, наконецъ, составилъ о немъ слѣдующій докладъ Государю: «Изъ вступающихъ въ св. синодъ дѣла открывается, что по управленію архангельскою епархіею возникаютъ разные безпорядки, по коимъ судить можно, что тамошній епископъ Ааронъ не оправдалъ избранія своего къ сей должности. Многія предписанія, данныя синодомъ къ направленію дѣйствій его сообразно порядку, не имѣли доселѣ должнаго успѣха. Епископъ Ааронъ въ донесеніяхъ своихъ синоду самъ сознаетъ себя не въ силахъ управлять долѣе помянутою епархіею и потому проситъ перемѣстить его въ другую или уволить вовсе на покой. Синодъ признаетъ нужнымъ назначить въ архангельскую епархію другаго архіерея, полагая уволить епископа Аарона на покой, съ дозволеніемъ ему избрать для пребыванія своего монастырь и съ назначеніемъ ему пенсіи, на основаніи прежнихъ примѣровъ, по 2,000 рублей (асс.)»⁴⁾.

¹⁾ Тамъ-же, предложеніе князя Мещерскаго синоду отъ 19-го февраля 1827 г.

²⁾ Тамъ-же, указъ св. синода отъ 15-го апрѣля 1827 года.

³⁾ См. въ вышеприведенномъ дѣлѣ указъ св. синода отъ 15-го апрѣля 1827 г.

⁴⁾ См. въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода дѣло 9-го августа 1830 года о перемѣщеніи полтавскаго епископа Георгія въ архангельскую епархію, по увольненіи

Но прежде чѣмъ члены синода приступили къ окончательному заключенію по этому дѣлу, князь Мещерскій довелъ до ихъ свѣдѣнія о безнравственныхъ дѣйствіяхъ полтавскаго епископа Георгія, съ тою цѣлью, чтобы низвести его съ полтавской кафедры на архангельскую, имѣющую сдѣлаться праздною по увольненіи на покой Аарона. Георгій отличался непомѣрнымъ корыстолюбіемъ, для удовлетворенія котораго онъ, между прочимъ, устроилъ при архіерейскомъ домѣ свѣчную епархіальную лавку, отдалъ ее на откупъ, и предписалъ всѣмъ церквамъ своей епархіи покупать изъ нея свѣчи¹⁾. Князь Мещерскій объ этомъ поступкѣ получилъ безыменный доносъ, а потому нужно было его провѣрить. Съ этою цѣлью онъ обратился съ конфиденціальнымъ письмомъ къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Репнину. «До свѣдѣнія моего—писалъ князь Мещерскій—доходили неоднократно слухи о злоупотребленіяхъ, замѣченныхъ по управленію полтавскою епархіею, въ которой якобы въ пользу самого преосвященнаго допускаются разные противузаконные поборы съ просителей. По таковымъ слухамъ рѣшился я обратиться къ вашему сіятельству, какъ къ главному начальнику того края, съ покорнѣйшею просьбою почтить меня своимъ увѣдомленіемъ, не извѣстны-ли вамъ, милостивѣйшій государь, какія-либо пристрастныя дѣйствія или предосудительныя послабленія по епархіальному управленію по Полтавской губерніи, которыя могли-бы подать вѣрное понятіе о нравахъ и способностяхъ самого начальника епархіи.

«Не считаю нужнымъ присовокуплять, что переписку нашу по сему предмету желалъ-бы я сохранить въ совершенной тайнѣ. Ваше сіятельство, конечно, сами признаете достаточную къ тому причину, какъ въ существѣ самого дѣла, такъ и въ необходимомъ уваженіи къ лицу, облеченному высокимъ священнымъ саномъ»²⁾.

Отвѣтъ князя Репнина былъ уклончивъ и нерѣшителенъ. Вотъ онъ: «Письмо, коимъ ваше сіятельство почтить меня изволили, принялъ я знакомъ лестнаго для меня довѣрія вашего; но, признаюсь вамъ, милостивѣйшій государь, что весьма затрудняюсь исполненіемъ требуемаго вами;

отъ управленія сею послѣднею епископа Аарона, и въ немъ докладъ св. синода Государю.

¹⁾ См. въ той-же канцеляріи дѣло 7-го ноября 1829 года объ устроенной преосвященнымъ полтавскимъ при домѣ своемъ свѣчной лавки, съ отдачею оной на откупъ.

²⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ о перемѣщеніи полтавскаго епископа въ архангельскую епархію, по увольненіи отъ управленія послѣднею епископа Аарона, письмо князя Мещерскаго къ князю Репнину.

совѣсть не позволяетъ обвинять кого-либо безъ ясныхъ и сильныхъ доводовъ, а я ихъ не имѣю.

«Преосвященный нашъ нѣсколько опрометчиваго характера; распоряженія его оскорбили многихъ; уваженіе мое къ его сану оградило и меня, но теперь, по милости Божіей, сношенія наши дружественныя; съ другими-же онъ остается въ прежнемъ положеніи, почему и можно полагать, что слухи о злоупотребленіяхъ, какъ здѣсь распространившіяся, такъ и до вашего сіятельства достигшіе, увеличены недовольными» ¹⁾).

Несмотря на такой перѣшительный отзывъ князя Репнина, князь Мещерскій былъ до того увѣренъ въ корыстолюбивыхъ дѣйствіяхъ Георгія, что доложилъ о нихъ синоду, какъ о предметѣ совершенно ему извѣстномъ. «Я почелъ нужнымъ—пишетъ онъ въ докладѣ своему Государю—увѣдомить членовъ синода о дошедшихъ до меня частныхъ свѣдѣніяхъ касательно корыстолюбивыхъ дѣйствій полтавскаго епископа Георгія по управленію ввѣренной ему епархіей. Хотя свѣдѣнія сіи, по секретному сношенію моему съ малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ достаточно и не подтверждаются, ибо изъ отзыва его видно, что къ онымъ могли служить поводомъ необходимое обращеніе сего епископа съ разными лицами и даже самимъ военнымъ губернаторомъ, который, впрочемъ, состоитъ нынѣ съ нимъ, какъ пишетъ, въ хорошихъ отношеніяхъ; но, за всѣмъ тѣмъ, поелику вышеозначенныя свѣдѣнія оставляютъ нѣкоторое сомнѣніе на счетъ дѣйствій епископа Георгія, то по важности мѣста и званія его не могли не быть приняты мною въ особенное вниманіе» ²⁾).

Члены синода, выслушавшіе такое предложеніе князя Мещерскаго, вошли въ разсужденіе и положили слѣдующее рѣшеніе по дѣлу Георгія: «Формальнымъ изслѣдованіемъ къ раскрытію таковыхъ дѣйствій не всегда можно достигнуть сей цѣли, поелику къ оному требуются ясныя и опредѣленныя доказательства, кои при подобныхъ случаяхъ рѣдко представить возможно, а между тѣмъ, можетъ быть чрезъ сіе потрясено должное уваженіе къ сану епископа. Имѣя въ виду примѣры, что въ случаяхъ сомнительныхъ дѣйствій архіереевъ были они иногда переводимы изъ одной епархіи въ другую, для испытанія на новомъ мѣстѣ ихъ служенія, они полагаютъ, что мѣра сія могла-бы быть употреблена

¹⁾ См. въ приведенномъ дѣлѣ о перемѣщеніи полтавскаго епископа Георгія письмо князя Репнина къ князю Мещерскому.

²⁾ См. въ приведенномъ выше дѣлѣ о перемѣщеніи полтавскаго епископа Георгія докладъ князя Мещерскаго Государю Императору.

и въ настоящемъ случаѣ назначеніемъ епископа Георгія къ переводу въ архангельскую епархію, потому болѣе, что самый переводъ сей изъ епархій полтавской, которая по выгодамъ, предоставленнымъ епархіальнымъ архіереямъ, есть лучшая противъ архангельской, могъ-бы служить и въ видѣ исправительной мѣры, въ случаѣ если бы были дѣйствительно какія-либо со стороны сего епископа непозволенные дѣйствія»¹⁾).

Государь утвердилъ опредѣленіе синода и, такимъ образомъ, Георгій изъ Полтавы переведенъ былъ въ Архангельскъ, на мѣсто уволеннаго на покой Аарона.

III. Низведеніе нижегородскаго епископа Амвросія на пензенскую епископію.

О нравственномъ характерѣ Амвросія и объ образѣ его управленія мы уже упоминали не разъ; а потому здѣсь прямо приступимъ къ описанію тѣхъ двухъ обстоятельствъ, которыя послужили поводомъ къ низведенію его на низшую каѳедру. Первое изъ этихъ обстоятельствъ было то, что Амвросій, безъ всякаго суда и слѣдствія, по однимъ своимъ резолюціямъ, подвергъ разнымъ наказаніямъ 13 діаконовъ, большая часть которыхъ была лишена мѣстъ и права священнослуженія. Такое самоуправство возбудило протестъ со стороны обиженныхъ Амвросіемъ и по разсмотрѣніи дошедшихъ отъ нихъ до св. синода жалобъ, приказано было преосвященному отмѣнить свои распоряженія касательно этихъ діаконовъ, что имъ хотя и было исполнено, но съ неумѣстными возраженіями. Къ этому обстоятельству присоединилось еще и другое. Въ городѣ Балахнѣ огласили святымъ одного монаха, по имени Пафнутія, умершаго слишкомъ за двѣсти лѣтъ тому назадъ. Стали рассказывать, особенно женщины, о разныхъ чудесахъ, будто-бы бывающихъ на его могилѣ. Амвросій, основываясь на этихъ розказняхъ, безъ всякаго сношенія съ синодомъ, какъ-бы канонизовалъ Пафнутія и приказалъ построить надъ его гробомъ церковь. Между тѣмъ, обслѣдованіе и историческія соображенія открыли, что на томъ мѣстѣ, гдѣ построена церковь, никогда не было похоронено никакого іеромонаха Пафнутія. Синодъ послѣ этого уже не могъ быть снисходителенъ къ Амвросію, и вотъ состоялось опредѣленіе о переводѣ его въ низшую по степени епархію. «Поелику преосвященный епископъ нижегородскій, имѣя въ виду, какъ теперь доносить, невыгодныя о нѣкоторыхъ изъ діаконовъ

¹⁾ См. вышеприведенный докладъ князя Мещерскаго.

свѣдѣнія, не представилъ ихъ въ свое время св. синоду и тѣмъ самымъ вовлекъ оный, по мнѣнію его, въ несправедливое о нихъ заключеніе; когда-же, по таковому представленію его, получилъ указъ изъ онаго, несогласный съ его распоряженіями, въ противность чина архіерейскія присяги и 7-го пункта именного высочайшаго указа 1802 г. сентября 8-го дня, дозволилъ себѣ возражать противъ онаго съ дерзновенными выраженіями, то за таковыя его дѣйствія хотя-бы и слѣдовало подвергнуть его отвѣтственности, тѣмъ-же чиномъ архіерейскія присяги положенной, но, по уваженію къ прежней хорошей и немало-временной его службѣ, перемѣстить его нынѣ въ другую, третьяго класса низшей степени епархію, съ строжайшимъ, впрочемъ, подтвержденіемъ, что впредь за подобный безпорядокъ и неповиновеніе указнымъ предписаніямъ высшей власти подвергнется строгому по законамъ сужденію»¹⁾.

Нечаевъ, исправлявшій за князя Мещерскаго должность оберъ-прокурора св. синода, въ докладѣ своемъ Государю написалъ объ Амвросіѣ, что въ дѣйствіяхъ его замѣчено много произвола и неосновательности и потому онъ находитъ неловкимъ оставить его въ той епархіи, гдѣ немалое число его распоряженій не только не было одобрено синодомъ, но даже совсѣмъ отмѣнено, какъ несогласныя съ строгимъ законнымъ порядкомъ. «Почему—продолжаетъ Нечаевъ—лучшею въ семъ случаѣ мѣрою представляется переводъ сего архіерея въ иную епархію; а чтобы переводъ таковой послужилъ вмѣстѣ и вразумленіемъ ему дѣйствовать впредь осмотрительнѣе, конечно, небезполезно сдѣлать оный съ нѣкоторымъ пониженіемъ.

«Изъ другой записки, при семъ-же докладѣ прилагаемой, объ оглашеніи за святаго умершаго монаха Пафнутія, Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть новую причину къ перемѣщенію епископа Амвросія, котораго самоуправленіе, не терпящее возраженій, и самоуправство, уклоняющееся отъ строгой подчиненности законному порядку, должны быть приведены въ тѣснѣйшія границы»²⁾.

Докладъ синода о низведеніи Амвросія возвратился отъ Государя съ слѣдующею резолюціею: «Перевести; бывъ въ Нижнемъ, Я самъ за-

¹⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1835 года № 1604, по опредѣленію св. синода о переведеніи преосвященнаго епископа нижегородскаго Амвросія на другую, низшей степени, епархію, и въ немъ опредѣленіе синода 29-го октября 1834 года.

²⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурора св. синода, годъ 1835, №№ 5 и 6.

мѣтилъ, что онъ не охотникъ исполнять волю начальства; его надо имѣть подъ строгимъ надзоромъ» ¹⁾).

Синодъ предположилъ низвести Амвросія на пензенскую кафедру, которую занималъ въ то время епископъ Іоаннъ, и это предположеніе было удостоено 19-го января 1835 года высочайшаго утвержденія ²⁾. Такимъ образомъ, Амвросій былъ переведенъ въ Пензу, а Іоаннъ въ Нижній-Новгородъ. Въ указѣ о перемѣщеніи Амвросія на новую епископію не только выставлены были тѣ незаконныя его дѣйствія, за которыя онъ подвергся пониженію, но «и въ сообразность, какъ выражается синодъ, высочайшей волѣ Государя Императора, для ближайшаго надзора за дѣйствіями епископа Амвросія по управленію вновь ввѣренною ему епархіею, сверхъ общихъ положеній, по коимъ рѣшенія и распоряженія епархіальныхъ архіереевъ подлежатъ ревизіи или утвержденію св. синода» ³⁾, постановлены были новыя правила для епархіальнаго управленія Амвросія. Эти правила, довольно сильно ограничивавшія его дѣятельность и стѣснявшія его произволъ, были слѣдующія: «а) въ судебныхъ и слѣдственныхъ дѣлахъ, во всякомъ случаѣ, когда епископъ Амвросій не будетъ согласенъ съ мнѣніемъ консисторіи, или только съ большинствомъ голосовъ въ ней, то, не отмѣняя и не измѣняя такового мнѣнія, онъ обязанъ представлять его съ своимъ заключеніемъ на предварительное разсмотрѣніе св. синода; б) если епископъ Амвросій признаетъ нужнымъ уволить или удалить отъ должности кого-либо изъ присутствующихъ консисторіи, то на это, съ изъясненіемъ уважительныхъ причинъ, долженъ испрашивать разрѣшенія отъ св. синода, представляя вмѣстѣ на предполагаемую вакансію двоихъ кандидатовъ, съ подробными списками о ихъ службѣ; в) сверхъ того, предоставить г. синодальному оберъ-прокурору подтвердить секретарю пензенской консисторіи, чтобы онъ во всякомъ случаѣ, когда въ нынѣшнемъ епархіальномъ управленіи усмотрѣно будетъ отступленіе или несообразность съ правилами церкви и законными постановленіями, тотчасъ о томъ доносилъ оберъ-прокурору, не останавливая, впрочемъ, исполненія по рѣшеніямъ и распоряженіямъ епархіальнаго начальства» ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ-же, докладъ 1835 года за № 5.

²⁾ Въ томъ-же дѣлѣ указъ св. синода епископу. Амвросію отъ 18-го января 1835 года.

³⁾ См. въ дѣлѣ о переведеніи преосвященнаго епископа нижегородскаго Амвросія въ другую, низшей степени, епархію указъ св. синода.

⁴⁾ См. вышеприведенный указъ св. синода отъ 18-го января 1835 года.

IV. Низведеніе вятскаго епископа Іоанникія на оренбургскую каѳедру.

Въ числѣ кандидатовъ на оренбургскую каѳедру былъ представленъ, вмѣстѣ съ двумя архимандритами Ниломъ и Θεодотіемъ, и епископъ вятскій Іоанникій. Такъ какъ это сопоставленіе могло показаться страннымъ и броситься въ глаза Государю, то князь Мещерскій объяснилъ причины этого явленія въ слѣдующей докладной запискѣ: «Поднося при семъ докладъ св. синода объ избранныхъ на вакансію оренбургской архіерейской каѳедры кандидатахъ, долгомъ почитаю представить Вашему Императорскому Величеству предварительное объясненіе о причинѣ, почему въ число ихъ внесенъ, совокупно съ двумя архимандритами, епископъ вятскій Іоанникій занимающій нынѣ каѳедру хотя также третьеклассной епархіи, но старшей противу оренбургской. Побужденіемъ къ сему назначенію были особенныя обстоятельства вятской епархіи и учрежденныхъ въ ней миссій, по которымъ, при всей благонамѣренности нынѣшняго начальника, остается еще желать въ занимающемъ сіе мѣсто особенной твердости и личной настоятельности въ надзорѣ управленія. Въ сей епархіи замѣчено не всегда просвѣщенное и усердное, и не всегда безкорыстное дѣйствованіе приходскаго духовенства относительно неутвержденныхъ въ вѣрѣ черемисъ и вотяковъ; донесенія объ успѣхахъ миссій оказываются не во всѣхъ частяхъ вѣрными, а со стороны епископа Іоанникія неполная мѣра силы характера, каковая въ преимущественной степени требуется въ подобныхъ обстоятельствахъ, чтобы ближайшимъ и точнѣйшимъ образомъ открыть положеніе дѣлъ и людей и дать тѣмъ и другимъ рѣшительное направленіе къ лучшему. Напротивъ того, оренбургская епархія, малочисленная и по населенію военному зависящая наиболѣе отъ особеннаго поставленнаго надъ нимъ начальства, не представляетъ такихъ трудностей въ своемъ управленіи, почему и можно надѣяться, что епископъ Іоанникій, пріобрѣтшій уже и нѣкоторую опытность въ епархіальномъ управленіи, будетъ здѣсь существенно полезенъ, ежели Вашему Величеству благоугодно будетъ назначить его на сію каѳедру.

«Члены св. синода, препоручая мнѣ всеподданнѣйше доложить о такомъ ихъ предположеніи, изъявляли мнѣніе, что было-бы по обстоятельствамъ обѣихъ епархій полезнѣйшею мѣрою, еслибы поступилъ на оренбургскую каѳедру сей первый кандидатъ—епископъ Іоанникій, съ

сохраненіемъ настоящей своей степени (ибо пониженія не заслуживаетъ), какъ о томъ упомянуто и въ синодскомъ докладѣ, а въ вятскую епархію былъ опредѣленъ другой начальникъ, съ качествами, наиболѣе для дѣлъ ея нужными.

«Исполняя сіе порученіе, относительно прочихъ кандидатовъ, архимандритовъ Θεодотія и Нила (которые находятся теперь здѣсь на чредѣ священнослуженія), осмѣливаюсь присовокупить, что члены синода разумѣютъ ихъ равно способными къ занятію архіерейскихъ вакансій; но по моему наблюденію третій кандидатъ, архимандритъ Нилъ, хотя и моложе другаго, но едвали не будетъ надежнѣе для епархіальнаго управленія»¹⁾.

Государь согласился съ мнѣніемъ оберъ-прокурора св. синода; Іоанникій былъ переведенъ въ Уфу, а на его мѣсто назначили Нила²⁾.

У. Увольненіе на покой екатеринославскаго архіепископа Теофила.

Преосвященный Теофилъ любилъ кутежи, въ которыхъ принималъ участіе екатеринославскій вице-губернаторъ. Эти пиршества иногда оканчивались ссорой между ними. Сверхъ того, почти достовѣрно было извѣстно и то, что Теофилъ бралъ взятки при посредствѣ своего письмоводителя Жуковского. Бенкендорфъ, извѣщенный о такихъ поступкахъ преосвященнаго, представилъ о немъ Государю Императору слѣдующую записку: «Архіепископъ Теофилъ имѣетъ несчастную привычку употреблять большое количество горячительныхъ напитковъ, даже до непристойности. Говорятъ, что онъ причастенъ и лихоимству. Для сбора употребляетъ келейника, который по представленію его получилъ чинъ и несправедливо представленъ къ ордену, якобы за спасеніе утопавшихъ, коихъ вытащили изъ воды сторонніе люди»³⁾.

Записка Бенкендорфа была передана по приказанію Императора Николая князю Мещерскому, который, чтобы удостовѣриться въ фактахъ,

¹⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурора св. синода годъ 1835, № 305.

²⁾ См. въ св. синодѣ дѣло 1835 года, подъ № 1611, о перемѣщеніи Іоанникія, епископа вятскаго, на кафедрѣ оренбургской епархіи и о бытіи ректору ярославской семинаріи архимандриту Нилу епископомъ вятскимъ.

³⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурора св. синода годъ 1827, № 201.

въ ней изложенныхъ, вошелъ въ переписку съ екатеринославскимъ губернаторомъ Свѣчинымъ и статскимъ совѣтникомъ Мизко. Собранныя этимъ путемъ свѣдѣнія князь Мещерскій изложилъ въ своемъ докладѣ Государю, въ которомъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее: «Какъ и до меня доходили нѣсколько подобные, хотя, впрочемъ, и, весьма неопредѣленные слухи, то по важности лица и предмета почелъ я нужнымъ секретно отнестись къ екатеринославскому гражданскому губернатору Свѣчину и начальнику екатеринославскаго комитета Израильскихъ христіанъ, статскому совѣтнику Мизко, особенно извѣстному мнѣ издавна по его доброй нравственности, чтобъ они безъ огласки и формальныхъ изысканій развѣдали подъ рукою о сущности дѣла. Отношенія мои обращены къ симъ лицамъ къ каждому порознь, дабы имѣть свѣдѣнія изъ двухъ источниковъ и сличить ихъ. Нынѣ получены отъизы: 1) отъ губернатора Свѣчина, что онъ подтверждаетъ дошедшія сюда свѣдѣнія, выше изложенныя; описываетъ поведеніе находящагося при архіепископѣ чиновника 14 класса Жуковского касательно непозволительнаго вымогательства денегъ у просителей и упоминаетъ о неправильномъ представленіи его къ наградѣ орденомъ. Онъ присовокупилъ, что смѣлыя дѣйствія Жуковского рождаютъ сомнѣніе и на счетъ самого архіепископа.

«Ко мнѣ дѣйствительно поступило отъ екатеринославскаго архіепископа представленіе о наградѣ Жуковского за приведеніе въ порядокъ запущенныхъ по консисторіи дѣлъ, коихъ показано 128. 2) Отъ статскаго совѣтника Мизко, что мѣстная молва дѣйствительно описываетъ происшествіе между вице-губернаторомъ и архіепископомъ, сомнѣнія тамошней публики о нетрезвости послѣдняго, причины сихъ сомнѣній и невыгодное общее мнѣніе о келейникѣ Жуковскомъ. Мизко присовокупилъ утвердительно, что архіепископъ вообще не пользуется любовью и довѣренностію своей паствы.

«Прежде сего въ подобныхъ случаяхъ, касавшихся архіереевъ, обыкновенно съ высочайшаго дозволенія сообщается было чрезъ митрополита подъ рукою, чтобы просили увольненія отъ епархій, для успокоенія въ одномъ изъ монастырей, въ коемъ пожелаютъ».

Государь на докладѣ князя Мещерскаго написалъ: «Велѣть просить увольненія; о Жуковскомъ взять мѣры, чтобы приведенъ былъ къ порядку, взявъ на то мѣры по вашему усмотрѣнію» ¹⁾.

Послѣ всего этого, Теофилъ не замедлилъ прислать въ синодъ

¹⁾ См. въ книгѣ высочайшихъ докладовъ оберъ-прокурора св. синода 1827 годъ, № 201.

просьбу о своемъ увольненіи по слабости здоровья отъ управленія ввѣренною ему епархіею, и синодъ разрѣшилъ ему отбыть на покой.

VI. Низведеніе епископа Елпидифора съ каменецъ-подольской кафедрѣ на вятскую.

Выше было сказано о дѣйствіяхъ преосвященнаго Елпидифора, за которыя онъ получилъ отъ св. синода строгій выговоръ, вскорѣ сдѣлавшійся извѣстнымъ всей епархіи. Вслѣдствіе этого выговора, положеніе преосвященнаго въ Подольскѣ стало весьма неловкимъ и щекотливымъ, особенно-же послѣ того, когда онъ, по указу синода, долженъ былъ собранною его свитою, во время поѣздки по епархіи, деньги обратить въ подольское попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія. Около этого времени упразднилась архіерейская кафедра въ Петрозаводскѣ и по этому случаю произошло перемѣщеніе архіереевъ, которымъ воспользовался синодъ для наказанія Елпидифора. Въ Петрозаводскѣ перевели пермского преосвященнаго Аркадія, которому было также неловко оставаться въ Перми, послѣ такъ-называемой архаровской исторіи ¹⁾. На мѣсто Аркадія въ Пермь перемѣстили вятскаго епископа Неофита, а на его мѣсто Елпидифора.

VII. Посылка на покой екатеринославскаго епископа Иннокентія.

Выговоръ, довольно жесткій, сдѣланный Иннокентію синодомъ, по жалобѣ на него воспитанника екатеринославской семинаріи Ивана Федорова ²⁾, такъ оскорбилъ самолюбіе преосвященнаго, что онъ немедленно по полученіи этого выговора прислалъ въ синодъ прошеніе объ увольненіи его на покой по слабости здоровья, на что и послѣдовало согласіе синода.

¹⁾ См. выше въ отдѣлѣ о ревизіяхъ надъ архіереями ревизію пермского епархіальнаго управленія.

²⁾ См. выше выговоръ Иннокентію, епископу екатеринославскому, и также указъ синода отъ 11-го іюня 1851 года.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КО ВТОРОЙ КНИГѢ

„Матеріаловъ для исторіи православной церкви въ царствованіе императора Николая I“.

(Цифрами показаны страницы книги).

Ааронъ, епископъ архангельскій: его участіе въ церемоніи закладки англиканской церкви въ Архангельскѣ 341.

Увольненіе его на покой 373.

Агаѳоновъ, тит. совѣтникъ, помощникъ секретаря оренбургской консисторіи: вопросъ о сожженіи имъ, совмѣстно съ протоіереемъ Кандарицкимъ, бумагъ оренбургской консисторіи 93.

Злоупотребленія, въ которыхъ онъ былъ изобличенъ ревизією 107.

Александръ, архимандритъ Соловецкаго монастыря: его назначеніе епископомъ архангельскимъ, на мѣсто переведеннаго въ Пензу Варлаама 339.

Алексѣевъ, Василій, сельскій священникъ 315.

Альбановъ, помощникъ секретаря кавказской консисторіи 312.

Амвросій, преосвящ. пензенскій: его характеристика 250.

Его прежнія отношенія къ митрополиту с.-петербургскому Антонію 252.

Его борьба съ секретаремъ консисторіи Ошанинымъ 253.

Ревизія пензенскаго епархіальнаго управленія 257.

Отзывъ ревизора Варлаама о дѣятельности Амвросія 261.

Указъ синода по поводу ревизіи 274.

Жалоба священника Охотина на Амвросія и объясненія послѣдняго синоду 267.

Предписаніе синода Амвросію по дѣлу Штерна 269.

Обращеніе Амвросія къ митрополиту Антонію 269.

Указъ синода по дѣлу Амвросія и Ошанина 271.

Амвросій, епископъ нижегородскій: низведеніе его на пензенскую епископію 377.

Резолюція имп. Николая I на докладъ объ Амвросіѣ 378.

Амфилохій, архимандритъ, посланный синодомъ въ Саранскъ для ревизіи по дѣлу настоятеля мѣстнаго монастыря, Θεофила 267.

Англиканская церковь въ Архангельскѣ: церемонія ея закладки при участіи епископа Аарона 341.

Приговоръ св. синода по этому дѣлу 344.

Мнѣніе имп. Николая I 345.

Антоній, іеромонахъ, отданный подъ судъ за прелюбодѣйство 2.

Антоній, ректоръ кievской семинаріи: отправка его на ревизію въ Петрозаводскъ по случаю бездѣятельности олонцакаго архіепископа Венедикта 308.

Апполинарій, архимандритъ, посланный синодомъ въ Псковъ для ревизіи 219.

Факты, обнаруженные этою ревизією 220.

Аркадій, архіепископъ пермской: его борьба съ секретаремъ мѣстной консисторіи Архаровымъ 272.

- Отзывъ Аркадія объ Архаровѣ 275.
 Письмо Аркадія къ оберъ-прокурору св. синода Пратасову объ Архаровѣ 286.
 Его извортливое объясненіе по поводу доноса Архарова 289.
 Синодъ назначаетъ ревизію пермского епархіальнаго управленія 291.
 Мнѣніе ревизіонной комиссіи 292.
 Опредѣленіе синода по поводу этой ревизіи 298.
 Перемищеніе Аркадія въ Петрозаводскъ 299.
- Аркадій**, архіепископъ олонецкій: командировка его синодомъ въ Архангельскъ для разбора недоразумѣній между мѣстнымъ епископомъ Варлаамомъ и военнымъ губернаторомъ Бойлемъ 333.
 Его донесеніе синоду 334.
 Принятіе Аркадіемъ епархіи отъ Варлаама 336.
 Отчетъ Аркадія синоду 337.
- Архаровъ**, секретарь костромской консисторіи: его враждебныя отношенія къ епископу Виталію 178.
 Протестъ Архарова противъ дѣйствій архіепископа Евгенія, производившаго слѣдствіе по дѣламъ костромского епархіальнаго управленія 186.
- Архаровъ**, секретарь пермской консисторіи: его борьба съ архіереемъ Аркадіемъ 272.
 Донесеніе Архарова на Аркадія 274.
 Беспорядки въ пермскомъ епархіальномъ управленіи, указанныя Архаровымъ 277.
 Новые доносы Архарова 290.
 Ревизія пермского епархіальнаго управленія 291.
 Мнѣніе ревизіонной комиссіи 292.
 Опредѣленіе синода по поводу этой ревизіи 298.
- Архіереи**: ихъ раболопныя отношенія къ оберъ-прокурору св. синода графу Пратасову 174.
 Выговоры имъ (см. *выговоры архіереевъ*).
 Низведеніе ихъ на низшія каѳедры и отсылка ихъ на покой 370.
- Ананасій**, архимандритъ, ревизовавшій тифлискую семинарію 154.
 Его отчетъ объ этой ревизіи 170.
- Басхаровъ**, священникъ, экономъ тифлиской семинаріи: его жалоба на семинариста Тинникова 145.
- Бенкендорфъ**, ген.-адъютантъ: его записка къ имп. Николаю I о непристойномъ поведеніи екатеринославскаго архіепископа Теофила 381.
- Бибиновъ**, кievскій генералъ-губернаторъ: его отношенія къ викарію Варлааму 328.
- Бойль**, архангельскій военный губернаторъ: нареканія на него мѣстнаго епископа Варлаама 331.
 Повелѣніе имп. Николая I по этому поводу 333.
 Смерть Бойля 339.
- Брѣвъ**, протоіерей, членъ оренбургской консисторіи 87.
- Бутурлинъ**, гвардіи ротмистръ: его донесеніе Чернышеву по дѣлу объ избіеніи діакона Антонія Терентьева помѣщикомъ Давыдовымъ 63.
- Варлаамъ**, экономъ иркутскаго архіерейскаго дома: его рапортъ консисторіи по дѣлу архіепископа Иринея 25.
 Показанія Варлаама передъ иркутскою слѣдственною комиссіей по этому дѣлу 53.
- Варлаамъ**, епископъ архангельскій: слѣдствіе надъ нимъ 327.
 Его характеристика 328.
 Выговоръ ему отъ синода 329.
 Его пререканія съ архангельскимъ военнымъ губернаторомъ Бойлемъ 331.
 Повелѣніе имп. Николая I по этому поводу 333.
 Сдача епархіи Варлаамомъ архіепископу Аркадію 336.
 Прибытіе Варлаама въ Петербургъ 337.
 Защита Варлаама архимандритомъ Соловецкаго монастыря Александромъ 339.
 Переводъ Варлаама въ Пензу 339.
- Варлаамъ**, кievскій викарій, назначенный ревизоромъ пензенскаго епархіальнаго управленія 257.
 Отзывъ его о членахъ пензенской консисторіи 258.
 Отзывъ его о дѣятельности преосвящ. Амвросія 261.
- Васильевъ**, секретарь кавказской консисторіи: его борьба съ преосвященнымъ Іоанникомъ 313.
 Доносы Васильева на Іоанникія 314.
 Отзывъ ревизора Евгенія о Васильевѣ 317.
 Указъ синода по поводу ревизіи 324.
 Увольненіе Васильева отъ службы по духовному вѣдомству 325.

Венедиктъ, архієпископъ олонекій: его характеристика 301.

Письма его къ брату, протоіерею Григоровичу 302, 303.

Невниманіе Венедикта къ указамъ св. синода 304.

Неисполненное Венедиктомъ высочайшее повелѣніе 307.

Прибытіе въ Петрозаводскъ ревизора, ректора кievской семинаріи Антонія 308.

Смерть Венедикта 312.

Вешняковъ, учитель пермской семинаріи, запятанный въ общественномъ мѣншіи архієпископомъ Аркадіємъ (выноска) 273.

Виталій, епископъ костромской: его характеристика 177.

Расположеніе къ нему московскаго митрополита Филарета и нелюбовь оберъ-прокурора св. синода Пратасова 178.

Назначеніе слѣдствія надъ Виталіємъ 184.

Увольненіе его отъ управленія епархією 187.

Владиміръ, іеромонахъ, членъ оренбургской консисторіи 85.

Войцеховичъ, колл. ассесоръ: его командировка въ Тулу для ревизіи дѣлъ тульской консисторіи 70.

Обнаруженные имъ безпорядки въ этой консисторіи 72.

Мнѣніе Войцеховича о составѣ канцеляріи тульской консисторіи 75.

Выговоры архієреямъ:

I. Антонію воронежскому 340.

II. Аарону архангельскому 341.

III. Стефану вологодскому 346.

IV. Евгенію тамбовскому 351.

V. Георгію архангельскому 352.

VI. Іосифу смоленскому 357.

VII. Іліодору курскому 358.

VIII. Евламію орловскому 359.

IX. Елпидію подольскому 360.

X. Пиннокентію екатеринославскому 364.

XI. Гавріилу екатеринославскому 366.

Гавріилъ, епископъ екатеринославскій: выговоръ, объявленный ему за допущеніе злоупотребленій по епархіальному управленію 366.

Объясненія его по этому поводу 368.

Гавріилъ, архієпископъ херсонскій: доносъ на него чиновника Костенскаго 1.

Гамильтонъ, контръ-адмиралъ: его участіе

въ церемоніи закладки англиканской церкви въ Архангельскѣ 342.

Гедройцъ, князь, сосланный въ Вологду послѣ польскаго возстанія 1830 г. 347.

Георгій епископъ полтавскій: низведеніе его на архангельскую кафедру 373.

Его корыстолюбіе 375.

Георгій, епископъ архангельскій: его присутствіе на торжествѣ открытія памятника Ломоносову и что изъ этого произошло 353.

Объясненія его на запросъ по этому поводу со стороны синода 354.

Гогель I, поручикъ, посланный въ Иркутскъ по дѣлу мѣтнаго архієрея Ириней 27.

Голубевъ, чиновникъ: донесеніе его генералъ-губернатору Восточной Сибири Лавинскому по дѣлу объ иркутскомъ архієпископѣ Ириней 22.

Гремяченскій, протоіерей въ Ставрополѣ 318.

Григорій, архимандритъ, ректоръ казанской духовной академіи, назначенный ревизоромъ въ пермскую епархію 291.

Григоровичъ, I. I., протоіерей 301.

Григоровичъ, Н. I., чиновникъ 301.

Громозъ, протоіерей: его объясненіе передъ иркутскою слѣдственною комиссіею по дѣлу о нареканіяхъ архієпископа Ириней на генералъ-губернатора Восточной Сибири, Лавинскаго 54.

Гумбертъ, псевдонимъ, сдѣлавшій графу Пратасову доносъ на подольскаго епископа Елпидіфора 360.

Давыдовъ, помѣщикъ, совершившій насиліе надъ діакономъ Антоніємъ Терентьевымъ 62.

Повелѣніе имп. Николая I по этому дѣлу 66.

Дамаскинъ, архієрей тульскій 61.

Донесеніе Дамаскина св. синоду по дѣлу объ истязаніи діакона Терентьева помѣщикомъ Давыдовымъ 67.

Сдѣланное Дамаскину св. синодомъ строгое замѣчаніе 77.

Данкиевъ, ученикъ тифлисской семинаріи: письмо его къ оберъ-прокурору св. синода Пратасову 139.

Дейеръ, жандармскій полковникъ въ Вологдѣ 348.

Діонисій, епископъ пермской: низведеніе его на низшую епархію 370.

Предоставленіе ему права жить и совершать священнослуженіе въ Москвѣ 373.

Дмитріевъ, исправл. должность прокурора тифлисской синодальной конторы 125.

Рапортъ Дмитріева оберъ-прокурору св. синода Пратасову о жестокомъ обращеніи съ учениками тифлисской семинаріи ея инспектора Порфірія 129.

Борьба Дмитріева съ Порфіріемъ 149.

Донесеніе Дмитріева оберъ-прокурору св. синода Пратасову 153.

Другое донесеніе его 155.

Прибытіе Дмитріева въ Петербургъ 170.

Дроздовъ, бывшій инспекторомъ тифлисской семинаріи до назначенія на эту должность игумена Порфірія 125.

Отзывъ о немъ Порфірія 150.

Смѣна Дроздова и отъѣздъ его изъ Тифлиса 160.

Духовно-учебныя заведенія: господствовавшая въ нихъ система управленія 122.

Евгеній, архіепископъ ярославскій, производившій формальное слѣдствіе надъ епископомъ костромскимъ Виталиемъ 184.

Донесеніе Евгенія 185.

Евгеній, архіепископъ астраханскій: дознаніе, произведенное имъ о положеніи дѣла въ кавказской епархіи при преосвященномъ Іоанникіѣ 316.

Его донесеніе синоду 317.

Предложенныя имъ мѣры 320.

Указъ синода по поводу произведеннаго Евгеніемъ дознанія 324.

Евгеній, епископъ тамбовскій: его неразборчивость при увольненіи чиновниковъ, навлекшая на него строгое замѣчаніе со стороны св. синода 352.

Евгеній, экзархъ Грузіи: его привязанность къ игумену Порфірію, инспектору и учителю тифлисской семинаріи 123.

Отзывъ Евгенія о наставникахъ и ученикахъ семинаріи, возставшихъ противъ насилій Порфірія 167.

Старанія Евгенія набросить тѣнь на архимандрита Аѳанасія, ревизовавшаго тифлискую семинарію 171.

Перемѣщеніе Евгенія на астраханскую кафедру 174.

Его безуспѣшное ходатайство о выдачѣ денегъ на переѣздъ 176.

Евламій, епископъ орловскій: выговоръ ему за произнесеніе рѣчи при встрѣчѣ имп. Николая I въ Орлѣ 360.

Елпидифоръ, епископъ подольскій и брацлавскій: выговоръ ему за поборы, дѣлавшіеся имъ во время объѣздовъ епархіи 360.

Его объясненія по этому поводу 361.

Изведеніе его на вятскую кафедру 383.

Жуковскій, чиновн. 14 класса, находившійся при екатеринославскомъ архіепископѣ Теофилѣ и обвинявшійся во взяточничествѣ 382.

Знаменскій, протоіерей во Псковѣ 190.

Обвиненія, выставленныя противъ него секретаремъ псковской консисторіи Сварацкимъ 196.

Знаменскій, Макарій, протоіерей Троицкаго собора въ Ставрополѣ 313.

Устраненіе его отъ должности члена ставропольской консисторіи 326.

Измаиловъ, производившій слѣдствіе о безпорядкахъ въ тифлисской семинаріи: его стремленіе оправдать инспектора семинаріи Порфірія 161.

Изложеніе Измайловымъ дѣла, возникшаго по поводу жалобъ семинаристовъ на Порфірія 162.

Отзывъ Измайлова о ректорѣ и наставникахъ семинаріи 166.

Иліодоръ, епископъ курскій: выговоръ ему за помѣщеніе царскаго портрета въ бѣлгородскомъ соборѣ 358.

Иннокентій, епископъ екатеринославскій: выговоръ, объявленный ему за допущеніе безпорядковъ по епархіи 364.

Увольненіе его на покой 383.

Ириней, архіепископъ иркутскій: слѣдствіе надъ нимъ 4.

Введенный имъ въ Пензѣ порядокъ обученія прихожанъ молитвамъ 6.

Перемѣщеніе его въ Иркутскъ 10.

Жалоба на него протоіерея Парнякова 10.

Жалоба на него-же протоіерея Флоренсова 18.

Непріязнь Ириней къ генералъ-губернатору Лавинскому 20.

Докладъ синода Государю по дѣлу Ириней 21.

Донесеніе о томъ-же чиновника Голубева 22.

Рапортъ о томъ-же эконома Варлаама 25.

Рапортъ о томъ-же протоіерея Канаровскаго 26.

Отправка Ириней въ Спасоприлуцкій монастырь 28.

Письма Ириней къ митрополиту Серафиму и оберъ-прокурору св. синода князю Мещерскому 29 и 30.

Отвѣты Ириней на вопросы слѣдственной комиссіи 34.

Медицинское освидѣтельство Іриней въ Вологдѣ 48.

Иркутская слѣдственная комиссія по дѣлу Ириней 49.

Рѣшеніе св. синода по дѣлу о поступкахъ Ириней и замѣшанныхъ въ его дѣлѣ лицъ 56.

Пребываніе Ириней въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ 60.

Іоанникій, архіепископъ оренбургскій 79.

Его корыстолюбіе 80.

Его неприязнь къ секретарю консисторіи Мамину 84.

Дѣло о кражѣ въ архіерейскомъ домѣ 85.

Докладъ, поданный Іоанникію тремя членами консисторіи, противниками секретаря Мамина 86.

Обвиненіе Мамина передъ св. синодомъ архіеп. Іоанникіемъ 94—97.

Безпорядки, замѣченные синодомъ по оренбургскому епархіальному управленію и консисторіи при архіепископѣ Іоанникіѣ 99.

Ревизія этого управленія 101.

Приговоръ синода по поводу этой ревизіи 109.

Характеръ поступившихъ на Іоанникія жалобъ 112.

Преслѣдованіе Іоанникіемъ священника Шмотина 11.

Іоанникій, архіепископъ оренбургскій, по томъ кавказскій 312.

Объясненія Іоанникія св. синоду по поводу доносовъ секретаря кавказской семинаріи Васильева 316.

Дознаніе, произведенное астраханскимъ архіепископомъ Евгеніемъ по поводу взаимныхъ обвиненій Іоанникія и Васильева 316.

Отзывъ объ Іоанникіѣ ревизора Евгенія 319.

Указанія, преподанныя Іоанникію св. синодомъ послѣ ревизіи 326.

Іоанникій, епископъ вятскій: низведеніе его на оренбургскую кафедру 380.

Іоанникій, ректоръ кавказской семинаріи 313.

Назначеніе его настоятелемъ третьекласснаго Николаевского монастыря 325.

Іоаннъ, архимандритъ, членъ грузино-имеретинской конторы св. синода: назначеніе его въ комиссію для изслѣдованія по жалобѣ ученика тифлисской семинаріи Тинникова на инспектора Порфирія 148.

Отзывъ Дмитріева объ Іоаннѣ 154.

Іоаннъ, епископъ пензенскій: перемѣщеніе его на нижегородскую кафедру 379.

Іосселіани, Платонъ, преподаватель тифлисской семинаріи 126.

Его заступничество за семинариста Тинникова, избитаго инспекторомъ Порфиріемъ 141.

Потѣзда Іосселіани въ Петербургъ, съ цѣлью выяснитъ оберъ-прокурору св. синода Пратасову положеніе дѣлъ въ тифлисской семинаріи 169.

Іосифъ, епископъ смоленскій: Высочайшее замѣчаніе, объявленное ему по волѣ имп. Николая I 357.

Іустинъ, пріемникъ епископа костремского Виталія по управленію епархіей 187.

Іустинъ, епископъ владимірскій: его отказъ назначить Павла Киржачскаго священникомъ въ с. Черкутино, родину М. М. Сперанскаго 299.

Калинниковъ, Мих., священникъ: его доносъ на архангельскаго епископа Аарона 342.

Каменевъ, благочинный, священникъ села Покровки: его участіе въ дѣлѣ помѣщика Давыдова, избившаго діакона Антонія Терентьева 65.

Кандарицкій, членъ оренбургской консисторіи 85.

Вопросъ о сожженіи имъ бумагъ консисторскихъ 93.

Каневскій, Климентъ; секретарь правленія тифлисской семинаріи: его протестъ по дѣлу о преслѣдованіи семинаристовъ, которыхъ вооружилъ противъ себя инспекторъ семинаріи Порфирій 141.

О немъ-же 149, 159.

Каноровскій, протоіерей: рапортъ его по дѣлу иркутскаго архіепископа Ириней 26.

Рѣшеніе св. синода (по дѣлу Ириней) относительно Каноровскаго 58.

Катенинъ, управлявшій военнымъ министерствомъ за Чернышева: его участіе въ

дѣлъ о пререканіяхъ между архангельскимъ епископомъ Варлаамомъ и военнымъ губернаторомъ Бойлемъ 332.

Киржачскій, Павелъ, внукъ родственника М. М. Сперанскаго: ходатайство о немъ преосв. Аркадія 299.

Костенскій, чиновникъ IX класса: доносъ его на херсонскаго архіеп. Гавріила 1.

Крастилевскій, протоіерей въ Ставрополѣ 312.

Кульматицкій, Андрей, протоіерей, смотритель тифлисскихъ духовныхъ училищъ 151.
О немъ-же 154.

Куниинскій, благочинный во Псковѣ: его характеристика 237.

Кутыревъ, Михаилъ, солдатъ, постриженный въ малый образъ монашества 254.

Лавинскій, генераль-губернаторъ Восточной Сибири: его непріязненныя отношенія къ иркутскому архіерею Иринею 20.

Неоправдавшееся нареканіе Иринея на Лавинскаго 54.

Лазаревъ, секретарь пермской консисторіи 274.

Лебедевъ, Василій, псковской священникъ, членъ мѣстной консисторіи: его характеристика 204.

Донысы Лебедева на злоупотребленія въ псковскомъ епархіальномъ управленіи 205.
Служба его въ Ригѣ 207.

Его столкновеніе со старостою Благовѣщенской церкви, рижскимъ купцомъ Несодомовымъ 208.

Столкновеніе его съ церковнымъ старостою во Псковѣ 209.

Преданіе Лебедева псковскою консисторіею суду уголовной палаты 210.

Его жалобы Государю, синоду и оберъ-прокурору синода 211.

Отношеніе синода къ его жалобамъ 219.

По настоянію оберъ-прокурора Пратасова, синодъ посылаетъ во Псковъ ревизора, въ лицѣ архимандрита Аполлинарія 219.

Факты, обнаруженные этимъ ревизоромъ 220.

Рѣшеніе синода по поводу ревизіи Аполлинарія 223.

Заключеніе Лебедева въ псковской тюремный замокъ 229.

Переписка синода съ Наванайломъ по этому поводу.

Указъ синода по этому дѣлу 231.

Переводъ Лебедева въ тверскую епархію 233.

Результаты новой ревизіи чрезъ архимандрита Симеона 234.

Отказъ Лебедева выѣхать изъ Пскова въ Тверь 238.

О томъ-же 247.

Ссылка Лебедева въ Спасо-Евѣиміевъ монастырь 248.

Левицкій, протоіерей, участвовавшій въ ревизіи пермскаго епархіальнаго управленія 291.

Лепоринскій, членъ оренбургской консисторіи 85.

Ливановъ, Григорій, священникъ 314.

Ломоносовъ, открытіе ему памятника въ Архангельскѣ 353.

Любославовъ, секретарь иркутской консисторіи 49.

Показаніе его передъ иркутскою слѣдственною комиссіей по дѣлу архіеп. Иринея 53.

Макарій, іеромонахъ Святогорскаго Троицкаго монастыря: жалоба его на псковское епархіальное начальство 193.

Мамацовъ, ученикъ тифлисской семинаріи: жалоба его оберъ-прокурору св. синода Пратасову на семинарскіе порядки 131.

Показаніе Мамацова передъ слѣдственною комиссіей 156.

Маминъ, секретарь оренбургской консисторіи 80.

Непріязненныя отношенія между нимъ и архіереемъ Іоанникіемъ 84.

Отзывы членовъ консисторіи о Маминѣ 86, 87.

Донысы Мамина оберъ-прокурору св. синода Пратасову на Іоанникія 88.

Ревизія оренбургскаго епархіальнаго управленія и приговоръ св. синода 101—109.

Мейснеръ, архитекторъ: его причастность къ дѣлу о постройкѣ каменнаго корпуса для пермской консисторіи 280.

Мелетій, архіепископъ иркутскій, назначенный преемникомъ преосв. Иринея 59.

Миницкій, архангельскій генераль-губернаторъ 344.

Моревъ, секретарь тульской консисторіи 68.
Отрѣшеніе его отъ должности 77.

Назимовъ, коллежскій совѣтникъ: жалоба его св. синоду на вмѣшательство архангельскаго епископа Аарона въ его семейныя дѣла 373.

Нааанаилъ, архіепископъ псковской 189.

Взглядъ св. синода на его управленіе епархіею 202.

Ревизія епархіальнаго управленія архимандритомъ Аполлинаріемъ 220.

Рѣшеніе св. синода по поводу этой ревизіи 223.

Отписка Нааанаила въ синодъ 225.

Послѣдствія ревизіи 226.

Синодъ назначаетъ новую ревизію, для производства которой избираетъ ректора черниговской семинаріи Симеона 227.

Смерть Нааанаила 234.

Нааанаилъ, ректоръ костромской семинаріи: его отзывы въ Петербургѣ о епископѣ костромскомъ Виталіѣ 178.

Неводчиковъ, секретарь екатеринславской консисторіи: обвиненіе его въ злоупотребленіяхъ по должности 367.

Защита его епископомъ Гаврииломъ 368.

Несмѣловъ, протоіерей, членъ оренбургской консисторіи 87.

Несодомовъ, купецъ, староста Благовѣщенской церкви въ Ригѣ: его столкновеніе со священникомъ Лебедевымъ 208.

Нечаевъ, оберъ-прокуроръ св. синода: его приемы воздѣйствія на синодъ 69.

Напряженныя отношенія его къ митрополитамъ Серафиму и Евгенію 78.

Докладъ Нечаева Государю о кандидатахъ на оренбургскую кафедру 79.

Никодимъ, ректоръ оренбургск. семинар. 80.

Отзывъ о немъ каедральнаго протоіерея Субботина 115.

Никодимъ, архимандритъ, производившій слѣдствіе по дѣлу о секретарѣ оренбургской консисторіи Маминѣ 99.

Оренбургское духовное управленіе: его ревизія 79.

Охотинъ, священникъ гор. Саранска: его участіе въ ревизіи, производившейся въ этомъ городѣ архимандритомъ Амфилохіемъ, и жалоба его на пензенскаго архіерея Амвросія 267.

Ошанинъ, секретарь пензенской консисторіи: его борьба съ преосвященнымъ Амвросіемъ и рапорты его оберъ-прокурору св. синода 253.

Преданіе Ошанина суду уголовной палаты 257.

Ревизія епархіальнаго управленія при Варлаамѣ и указъ синода по поводу ея 264.

Доносъ Ошанина по дѣлу Штерна 268.

Отставка Ошанина 269.

Указъ синода объ Ошанинѣ 271.

Павель, архимандритъ, настоятель Верхотурскаго монастыря 281.

Отзывъ о немъ секретаря пермской консисторіи Архарова 285.

О Павлѣ см. также выноски на стр. 288.

Переводъ Павла въ олонекскую епархію 299.

Паисій, іеродиаконъ: его участіе въ дѣлѣ архіепископа Ириней 49.

Его отвѣты на вопросныя пункты иркутской слѣдственной комиссіи по этому дѣлу 51.

Рѣшеніе св. синода (по дѣлу Ириней) относительно Паисія 58.

Панинъ, графъ, министръ юстиціи: мѣры, задуманныя имъ въ видахъ выполненія повелѣнія Императора Николая I объ очищенія чиновничества отъ неблагонадежныхъ элементовъ 305.

Парняковъ, иркутскій кафедральный протоіерей: жалоба его Государю на архіепископа Ириней 11.

О той-же жалобѣ 59.

Пафнугій, монахъ, нѣкогда жившій въ Балахнѣ и сочтенный мольбою за святого 377.

Пашковскій, чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ св. синода, участвовавшій въ ревизіи пермскаго епархіальнаго управленія 291.

Пермяковъ, унтеръ-шихтмейстеръ пермскихъ заводовъ: жалоба его на священника Яковкина 370.

Пининскіе, отецъ и сынъ, поляки, сосланные въ Вологду послѣ польскаго возстанія 1830 г.: ихъ связь съ вологодскимъ епископомъ Стефаномъ 347.

Платонъ, архіепископъ псковской 234.

Его отношеніе къ священнику Вас. Лебедеву 236.

Его покровительство врагамъ Лебедева 237.

Порфирій, игуменъ, инспекторъ тифлисской семинаріи 121.

Его педагогическіе взгляды 122.

Его характеристика 124.

Рѣшеніе св. синода о строгомъ изслѣдованіи поступковъ Порфірія относительно семинариста Тинникова 148.

Борьба Порфірія съ Дмитріевымъ; его прошеніе на Высочайшее имя 149.

Результатъ этого прошенія 155.

Пратасовъ, графъ, оберъ-прокуроръ св. синода: его отношеніе къ ученикамъ тифлисской семинаріи, жаловавшимся на жестокое обращеніе инспектора семинаріи Порфірія 174.

Протопоповъ, Дмитрій, ученикъ тифлисской семинаріи: письмо, его къ оберъ-прокурору св. синода Пратасову 134.

Отзывъ о немъ инспектора семинаріи Порфірія 150.

Процекальниковъ, Андрей, священникъ, жаловавшийся на архимандрита Павла 285.

Расколь: усиленіе его въ пензенской епархіи въ 1827 г. 5.

Ревизіи: чрезвычайныя, послывшимся отъ синода лицами 1.

Нерасположеніе синода къ производству слѣдствій надъ архіереями 3.

Взглядъ синода и его оберъ-прокуроръ на ревизію консисторій 61.

Ревизія: тульской консисторіи 61.

Тифлисской семинаріи 121.

Костромского епархіальнаго управленія 177.

Псковского епархіальнаго управленія 188.

Пензенскаго епархіальнаго управленія 250.

Пермскаго епархіальнаго управленія 272.

Олонецкаго епархіальнаго управленія 301.

Кавказскаго епархіальнаго управленія 312.

Репнинъ, князь, малороссійскій генералъ-губернаторъ: его переписка съ княземъ Мещерскимъ по поводу жалобъ на полтавскаго епископа Георгія 375.

Сварацкій-Сварикъ, секретарь псковской консисторіи: его столкновенія съ архіепископомъ Наанаиломъ и протоіереемъ Знаменскимъ 192.

Объясненія Сварацкаго оберъ-прокурору св. синода по поводу взведенныхъ на него

архіепископомъ Наанаиломъ обвиненій 194.

Свѣчная продана: отдача ея херсонскимъ архіепископомъ Гавріиломъ въ аренду одесскимъ купцамъ Харламову и Маркову 2.

Семинарія тифлисская: ея ревизія 121.

Сергій, архимандритъ, ректоръ тифлисской семинаріи 123.

Его отношеніе къ семинаристамъ, возмущившимся противъ инспектора семинаріи Порфірія 149.

Отзывъ о немъ исправл. должность прокурора тифлисской синодальной конторы Дмитріева 153.

Увольненіе Сергія отъ ректорства 160.

Симеонъ, архимандритъ, ректоръ черниговской семинаріи, производившій ревизію псковского епархіальнаго управленія 227. Результаты этой ревизіи 234.

Смирновскій, Дмитрій, протоіерей: его донесенія пензенскому архіерею Амвросію о безпорядкахъ по саранскому Петропавловскому монастырю и о безпутной жизни его настоятеля Теофила 265.

Послѣдствія ревизіи, произведенной въ Саранскъ архимандритомъ Амфилохіемъ 267.

Соколовъ, Матвей, преподаватель тифлисской семинаріи: его заступничество за семинариста Тинникова, избитаго инспекторомъ Порфіріемъ, 141.

Софонія, архимандритъ, производившій дознаніе о дѣлахъ консисторской епархіи 179.

Письмо Софоніи къ оберъ-прокурору св. синода Пратасову 180.

Отзывъ его о епископѣ Виталиѣ 183.

Командировка Софоніи синодомъ для разслѣдованія по доносамъ свящ. Лебедева о злоупотребленіяхъ въ псковской епархіи 238.

Отчетъ Софоніи о своей ревизіи 243.

Стефанъ, епископъ вологодскій: его характеристика 346.

Его связи съ сосланными въ Вологду поляками 347.

Объясненіе его по этому поводу оберъ-прокурору св. синода кн. Мещерскому 348.

Субботинъ, протоіерей: жалоба, поданная имъ оберъ-прокурору св. синода Пратасову на архіепископа оренбургскаго Іоаннія 112.

Рѣшеніе св. синода по этой жалобѣ 121.

Татѣвъ, А. С.: назначеніе его предѣдителемъ особаго комитета по вопросу объ удаленіи со службы неблагонадежныхъ чиновниковъ 306.

Тарховъ, секретарь пермской консисторіи 274.

Татіевъ, Яссонъ, ученикъ тифлисской семинаріи: жалоба его оберъ-прокурору св. синода Пратасову на семинарскіе порядки 130.

Терентьевъ, Антоній, сельскій діаконъ, избитый помѣщикомъ Давыдовымъ 62.

Дѣло о покражѣ діаконѣмъ Терентьевымъ меда у пономаря и овчинъ у крестьянина 69.

Постигшая Терентьева кара 77.

Тинниковъ, Давидъ, ученикъ тифлисской семинаріи, подвергшійся жестокому обращенію со стороны инспектора семинаріи, Порфирія 126.

Возмущеніе воспитанниковъ противъ инспектора; жалоба Тинникова оберъ-прокурору св. синода Пратасову на Порфирія 128.

Преслѣдованіе Тинникова Порфиріемъ 140.

Заступничество за него нѣсколькихъ учителей семинаріи 141.

Заключеніе св. синода по жалобѣ Тинникова 147.

Тифлисская семинарія: ея ревизія 121.

Топорковъ, помощникъ секретаря пермской консисторіи 272.

Трапезниковъ, Конст. Петр., иркутскій городской голова: его участіе въ дѣлѣ архіепископа Ириня 40.

Показаніе его передъ иркутскою слѣдственною комиссіею по этому дѣлу 52.

Тульская консисторія: ея ревизія 61.

Филаретъ, митрополитъ московскій: составленная имъ синодская резолюція о замѣчаніи епископу архангельскому Георгію за присутствіе при церемоніи открытія памятника Ломоносову 356.

Филиппъ, іеромонахъ, смотритель уфимскихъ училищъ 80.

Флоренсовъ, протоіерей: жалоба его на иркутскаго архіепископа Ириня 18.
О томъ-же 59.

Фонъ-Фокъ, дѣйств. ст. сов., подавшій оберъ-прокурору св. синода князю Мещерскому записку о безпорядкахъ по екатеринославскому епархіальному управленію 366.

Хундуковъ, учитель осетинскаго языка въ тифлисской семинаріи: его участіе въ столкновеніи семинаристовъ Тинникова и другихъ съ инспекторомъ Порфиріемъ 143, 145.

Черкутино, село, родина М. М. Сперанскаго: вопросъ о назначеніи туда священникомъ Павла Киржачскаго 299.

Чернышевъ: докладъ его Императору Николаю I о дѣлѣ помѣщика Давыдова, подвергнутаго діакона Антонія Терентьева истязанію, и резолюція Государя 66.

Шираевъ, письмоводитель епископа екатеринославскаго Иннокентія, обвинявшійся во взяточничествѣ 365.

Шмотинъ, священникъ, подвергшійся гоненію со стороны архіепископа оренбургскаго Іоанникія 118.

Штернъ, писецъ 1-го разряда, повѣнчанный въ пьяномъ до безпамятства видѣ на дочери колл. ассессора Александрѣ Запцевой: дѣло о немъ 268.

Феофанъ, архимандритъ ставропигіальнаго Донскаго монастыря, производившій ревизію оренбургскаго епархіальнаго управленія при архіепископѣ Іоанникіѣ 101.

Феофилъ, архимандритъ, настоятель саранскаго Петропавловскаго монастыря: глава партіи, боровшейся противъ Амвросія, преосвященнаго пензенскаго 265.

Жалобы его на любимца Амвросія, Смирновскаго, 266.

Ревизія Амфилохія 267.

Феофилъ, архіепископъ екатеринославскій: увольненіе его на покой 381.

Резолюція имп. Николая I на докладѣ оберъ-прокурора князя Мещерскаго о Феофилѣ 383.

СОДЕРЖАНІЕ

первыхъ ста двѣнадцати томовъ Сѣборника

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Томъ I. Уставъ Русскаго Историческаго Общества.—Рескрипты и письма имп. Екатерины II на имя графа А. Г. Орлова. Сообщ. кн. Н. А. Орловымъ и изд. подѣ наблюдениемъ А. О. Вычкова.—Бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой. Сообщ. изъ государственнаго архива К. К. Злобинымъ.—О мемуарахъ герцога Карла-Фридриха, отца имп. Петра III. Барона М. А. Корфа.—Письма имп. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ. Сообщ. княземъ П. А. Вяземскимъ.—Бумаги изъ дѣла о генераль-прокурорѣ Глѣбовѣ и о сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ.—Письма имп. Екатерины II къ г-жѣ Жоффрэнъ. Сообщ. А. О. Гамбургеромъ.—Переписка по дѣлу объ открытіи въ Вѣлороссіи іезуитскаго новиціата. Князя М. А. Оболенскаго, и пр. . . . Цѣна 2 р.

Томъ II. Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первые годы царствованія имп. Александра I. Статья К. К. Злобина.—Новые документы по дѣлу Новикова. Сообщены А. Н. Поповымъ.—Записка графа Поццо-ди-Борго о немъ самомъ. Сообщено К. К. Злобинымъ.—Депеши графа Литты, посланника мальтійскаго ордена въ С.-Петербургѣ. Сообщены А. О. Вычковымъ; примѣчанія князя П. П. Вяземскаго.—Выписки о государственныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ имп. Екатериною II съ 1762 по 1769 годъ. Сообщ. графомъ А. С. Уваровымъ.—Извлеченія изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова. Сообщ. княземъ Н. А. Орловымъ.—Записка барона Т. Димсделя о пребываніи его въ Россіи, и пр. . . . Цѣна 2 р.

Томъ III. Записка Дмитрія Прокофьевича Троцинскаго о министерствахъ. Сообщена А. Н. Поповымъ.—Записка графа I. Каподистрія о его служебной дѣятельности. Сообщ. изъ государственнаго архива въ С.-Петербургѣ.—Отвѣтное письмо графа I. Каподистрія Петро-Бею, вождю спартанцевъ.—Инструкція, данная имп. Екатериною II фонъ Ребиндеру. Сообщ. А. Х. Бекомъ.—Письма имп. Александра I-го къ княгинѣ З. А. Волконской. Сообщ. княземъ А. Н. Волконскимъ.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII ст. Сообщено изъ дѣла саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ профессоромъ Э. Германомъ Цѣна 3 р.

Томъ IV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть I Цѣна 2 р.

Томъ V. Письма имп. Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу. Сообщ. Е. И. В. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.—Проектъ князя М. Н. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ, поданный имп. Екатеринѣ II въ 1775 г. Сообщено А. Н. Поповымъ.—Бумаги кн. И. В. Репнина. Сообщено изъ семейнаго архива кн. Н. В. Репнинымъ. — Государственные доходы и расходы въ царствованіе имп. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ. — Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ Э. Германомъ.—Письма гр. Петра Ив. Панина къ сыну, гр. Никитѣ Петровичу. Сообщены гр. В. Н. Панинымъ. Цѣна 3 р.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ имп. Александру I. Сообщены М. И. Богдановичемъ.—Бумаги графа П. И. Панина о пугачевскомъ бунтѣ. Сообщены гр. В. Н. Панинымъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе имп. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ.—Бумаги кн. И. В. Репнина. Сообщено кн. Н. В. Репнинымъ.—Записки князя А. А. Чарторыйскаго имп. Александру I, 26 іюня 1807 года.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ саксонскаго государственнаго архива Э. Германомъ Цѣна 3 р.

Томъ VII. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Собраны и изданы, съ Высочайшаго соизволенія, по предначертанію Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, академикомъ Пекарскимъ (здѣсь помѣщено болѣе 400 преимущественно собственноручныхъ бумагъ императрицы, съ 1744 по 1764 г. включительно). Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ VIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ IX. Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ, 1782 г. Сообщено кн. П. А. Вяземскимъ. Документы эти напечатаны съ разрѣшенія Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. — Переписка относительно несостоявшагося брака Густава-Адольфа IV съ Великою Княжною Александрою Павловною. — Переписка гр. П. А. Румянцова съ гр. Н. И. Панинымъ въ 1765 и 1771 гг. — Письма кн. А. А. Чарторыйскаго къ Н. Н. Новосильцеву. — Изъ бумагъ Ивана Ивановича Шувалова (Письма Апраксина, Румянцова, Бутурлина и Салтыкова къ И. И. Шувалову) Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги имп. Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ м. и. д., съ 1765—1771 гг. Собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія академикомъ Пекарскимъ. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I-го, доставленные кн. П. Д. Волконскимъ и Н. В. Калачевымъ, и извлеченные изъ архива прав. сената. Всѣхъ документовъ свыше 600. Собраны и изданы академикомъ А. О. Вычковымъ Цѣна 3 р.

Томъ XII. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1762 по 1769 г. включительно. Сообщено изъ англійскаго госуд. архива и архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть I. . . . Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги имп. Екатерины II, хран. въ госуд. архивѣ м. и. д., съ 1771—1774 гг. Изданы академикомъ Я. К. Гротомъ. Часть III. . . . Цѣна 3 р.

Томъ XIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и изданныя Д. В. Полѣновымъ. Часть III. . . . Цѣна 3 р.

Томъ XV. Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ. — Донесенія барона Мардефельда, прусскаго посланника при Петрѣ Великомъ. — Бумаги князя Репнина за время константинопольскаго посольства Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги кн. Н. В. Репнина за время управленія его Литвою, изд. Н. И. Костомаровымъ Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка имп. Екатерины II съ Фальконетомъ Цѣна 3 р.

Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу, съ 5-го января новаго стиля 1762 года по 24 іюля нов. ст. 1762 года, и переписка гр. Мерси съ русскимъ министерствомъ. Изданы Г. О. Штендманомъ. Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1770 по 1776 гг. включительно. Сообщено изъ англійск. госуд. архива и архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XX. Дипломатическіе матеріалы сборнаго содержанія, относящіеся къ царствованію Петра Великаго. — Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. — Переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II. Сообщено имперскимъ канцлеромъ княземъ Бисмаркомъ и госуд. канцлеромъ княземъ А. М. Горчаковымъ. — Собственноручныя письма Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны (впослѣдствіи императрицы) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. — Письма Великаго Князя Павла Петровича (впослѣдствіи императора Павла I) къ барону Карлу Иван. Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. — Проектъ императрицы Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей. — Записка государственнаго секретаря А. Н. Оленина о засѣданіи Государственнаго Совѣта, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I. — Отчетъ о годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, происходившемъ 17-го марта 1877 г. въ Аничковскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. — Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» княгини Дашковой. Сообщено академикомъ Я. К. Гротомъ. Цѣна 3 р.

Томъ XXI. Донесенія А. И. Чернышева имп. Александру I, 1810 и 1811 гг. Донесенія А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1811 г. — Письма А. И. Чернышева къ канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1809 г. — Донесенія имп. Александру I кн. А. В. Куракина, 1811 и 1812 гг. — Донесенія кн. Куракина канцлеру

Н. П. Румянцову, 1811 и 1812 гг. — Письма графа П. А. Шувалова къ императору Александру I, 1811 г. — Донесеніе бар. Сухтелена имп. Александру I, 1812 г. Сообщ. А. Н. Поповымъ изъ дѣлъ госуд. архива въ С.-Петербургѣ. — Отчетъ о дѣлахъ 1810 г., представленный императору Александру I М. М. Сперанскимъ. Сообщ. А. О. Бычковымъ Цѣна 3 р.

Томъ XXII. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ: 1) Донесеніе гр. Сольмса Фридриху II и отвѣты короля, съ 1763 по 1766 г. 2) Шесть приложений къ донесенію гр. Сольмса королю, отъ 15 (26) октября 1766 г., № 270. Сообщено изъ берлинскаго госуд. архива. Документы изданы подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Часть I Цѣна 3 р.

Томъ XXIII. Письма имп. Екатерины II къ барону Мельхіору Гримму. Сообщ. изъ госуд. архива мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Изд. академикомъ Я. К. Гротомъ Цѣна 3 р.

Томъ XXIV. Донесеніе нидерландскихъ посланниковъ о ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію въ 1615 и 1616 гг. Сообщ. изъ нидерландскаго государственнаго архива. Изданы А. Х. Бекомъ. Цѣна 3 р.

Томъ XXV. Переписка и бумаги гр. Бориса Петров. Шереметева, съ 1704—1718 г. и др. бумаги. Съ портр. имп. Петра Великаго. Изданы гр. С. Д. Шереметевымъ Цѣна 3 р.

Томъ XXVI. Канцлеръ кн. Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ гравюрою и снимками почерковъ. 1747—1787 гг. Томъ I Цѣна 3 р.

Томъ XXVII. Бумаги имп. Екатерины II, хран. въ госуд. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, съ 1774 по 1778 г. Собраны академ. Я. К. Гротомъ и напеч. подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Часть IV Цѣна 3 р.

Томъ XXVIII. Финансовые документы царствованія импер. Екатерины II. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ Т. I. Цѣна 3 р.

Томъ XXIX. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ 2-мя гравюрами и планомъ. 1788—1799 г. Т. II Цѣна 3 р.

Томъ XXX. Годы ученія Его Импер. Высочества Государа Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. I Цѣна 4 р.

Томъ XXXI. Годы ученія Его Импер. Высочества Государа Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. II Цѣна 5 р.

Томъ XXXII. Истор. свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и нап. подъ наблюд. проф. В. И. Сергѣевича. Часть IV. Ц. 3 р.

Томъ XXXIII. — Письма барона Мельхіора Гримма къ импер. Екатеринѣ II, съ приложениями. — Письма Эрнеста-Юганна Бирона къ посланнику гр. Герману Кейзерлингу. — Письма Дидро къ импер. Екатеринѣ II, съ примѣчаніями Цѣна 3 р.

Томъ XXXIV. Донесенія французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ; повелѣнія правительства и отчеты о пребываніи русскихъ пословъ, посланниковъ и дипломатическихъ агентовъ, наход. во Франціи, съ 1681 по 1718 годъ. Сообщено изъ архива мин. иностр. дѣлъ въ Парижѣ. Напеч. подъ наблюд. А. А. Половцова, А. О. Бычкова и Г. О. Штендмана. Часть I Цѣна 3 р.

Томъ XXXV. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Польшею въ царствованіе Вел. Кн. Ивана Васильевича, съ 1487 года. Напеч. подъ наблюд. Г. О. Карпова. Томъ I Цѣна 3 р.

Томъ XXXVI. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ проф. В. И. Сергѣевича. Часть V Цѣна 2 р.

Томъ XXXVII. Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Сообщено изъ берлинскаго государств. архива. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Часть II Цѣна 3 р.

Томъ XXXVIII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Англіею. Съ 1581 по 1604 годъ. Изданы подъ наблюденіемъ К. Н. Вестужева-Рюмина. Томъ II Цѣна 3 р.

Томъ XXXIX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1704—1708 г. Сообщено изъ англійскаго госуд. архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть III Цѣна 3 р.

Томъ XL. Дипломатическая переписка французскихъ посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ, съ 1719—1723 годъ. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Часть II Цѣна 3 р.

Томъ XLI. Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ азіатскими народами, Крымомъ, Казанью, Ногайцами и Турціею, за время великихъ князей Іоанна III и Василія Іоанновича. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. О. Карпова. Томъ III Цѣна 3 р.

Томъ XLII. Бумаги имп. Екатерины II, хран. въ госуд. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, съ 1788 по 1796 г. Собраны академикомъ Я. К. Гротомъ и напечатаны подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Часть V Цѣна 3 р.

Томъ XLIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ проф. В. И. Сергѣевича. Часть VI Цѣна 3 р.

Томъ XLIV. Письма барона Мельхіора Гримма къ имп. Екатеринѣ II. Напеч. подъ наблюденіемъ члена совѣта Я. К. Грота Цѣна 3 р.

Томъ XLV. Финансовые документы царствованія имп. Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I. Собраны и изданы А. Н. Куломзинимъ. Т. II Цѣна 3 р.

Томъ XLVI. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу. Изданы Г. О. Штендманомъ. Часть II Цѣна 3 р.

Томъ XLVII. Бумаги посланн. Я. И. Булгакова съ 1779—1798. Рескрипты императрицы генераламъ Коховскому и Кречетникову и донесенія ихъ императрицѣ. Томъ изданъ Н. О. Дубровинымъ Цѣна 3 р.

Томъ XLVIII. Дипломатическая переписка импер. Екатерины II съ 1762—1764 г. Томъ изданъ барономъ О. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Уляницкаго. Часть I Цѣна 3 р.

Томъ XLIX. Донесенія французскаго консула въ Петербургѣ Лави и полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1722 по 1724 гг. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Часть III Цѣна 3 р.

Томъ L. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1708—1712 гг. Сообщено изъ англійскаго госуд. архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть IV Цѣна 3 р.

Томъ LI. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1764—1766 гг. Часть II. Томъ изданъ барономъ О. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра Уляницкаго Цѣна 3 р.

Томъ LII. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1723—1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана Часть. IV. Цѣна 3 р.

Томъ LIII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи. Томъ изданъ подъ наблюд. Г. О. Карпова Цѣна 2 р.

Томъ LIV. Переписка герцога Ришелье съ императоромъ Александромъ, его министрами и частными лицами. Бумаги извлечены изъ французскихъ и русскихъ архивовъ. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества А. А. Половцова Цѣна 3 р.

Томъ LV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакцію Н. О. Дубровина. Ч. I (февраль—іюль 1726 г.). Цѣна 3 р.

Томъ LVI. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакцію Н. О. Дубровина. Часть II (іюль—декабрь 1726 г.). Цѣна 3 р.

Томъ LVII. Дипломатическая переписка импер. Екатерины II, съ 1766—1767 г. Часть III. Томъ изданъ барономъ О. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра Уляницкаго Цѣна 3 р.

Томъ LVIII. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, за 1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Ч. V. Цѣна 3 р.

Томъ LIX. Памятники дипломатическихъ сношеній Московск. госуд. съ Польско-Литовскимъ, съ 1533—1560. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. О. Карпова. Цѣна 3 р.

Томъ LX. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія русскаго біографическаго словаря. Часть I. А—Л. Цѣна 3 р.

Томъ LXI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1712—1719 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть V Цѣна 3 р.

Томъ LXII. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія русскаго біографическаго словаря. Часть II. М—О Цѣна 3 р.

Томъ LXIII. Протоколы, журналы и указы Верховаго тайнаго совѣта, съ 1 января по конецъ іюня 1727 г. Часть III. Изданы подъ редакцію Н. О. Дубровина. Ц. 3 р.

Томъ LXIV. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона и повѣреннаго въ дѣлахъ, Маньяна, за 1726 и 1727 г. по 7 мая. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Н. Штендмана. Часть VI Цѣна 3 р.

Томъ LXV. Дипломатическіе акты изъ архива князя Н. В. Репнина, относящіеся до тешенскаго конгресса 1779 г., изданные профессоромъ Ф. Ф. Мартенсомъ. Цѣна 3 р.

Томъ LXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1728—1733 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть VI Цѣна 3 р.

Томъ LXVII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1767—1768 г. Часть IV. Томъ изданъ барономъ О. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Уляницкаго Цѣна 3 р.

Томъ LXVIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Часть VII. Цѣна 3 р.

Томъ LXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ 1 іюля по конецъ декабря 1727 года. Часть IV. Изданы подъ редакцію Н. О. Дубровина. Ц. 3 р.

Томъ LXX. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть I. 1800—1802 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Травецкаго . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXI. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, съ 1560—1570 гг. Изданы подъ наблюденіемъ Г. О. Карпова Ц. 3 р.

Томъ LXXII. Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ гр Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Сообщена изъ берлинскаго государственнаго архива. Издана подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Часть III. . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXIII. Бумаги гр. Арсенія Андреевича Закревскаго. Изданы подъ редакцію Н. О. Дубровина Цѣна 3 р.

Томъ LXXIV. Бумаги Высочайше учрежденнаго, 6 декабря 1826 г., «Особаго секретнаго комитета». Изданы подъ редакцію Предсѣдателя Общества . . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXV. Донесенія французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ Маньяна, за 1727—1739 гг., и предписанія французскаго министерства. Изданы подъ наблюденіемъ Г. О. Штендмана. Часть VII Цѣна 3 р.

Томъ LXXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, за 1733—1736 гг. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть VII Цѣна 3 р.

Томъ LXXVII. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть II. 1803—1804 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Травецкаго . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXVIII. Бумаги гр. Арсенія Андреевича Закревскаго, 1812—1831 гг. Часть II. Изданы подъ редакціей Н. Θ. Дубровина Цѣна 3 р.

Томъ LXXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ января по конецъ іюня 1728 г. Часть V. Изданы подъ редакціей Н. Θ. Дубровина. Ц. 3 р.

Томъ LXXX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ августа 1736 по конецъ 1739 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть VIII Цѣна 3 р.

Томъ LXXXI. Донесенія французскаго повѣреннаго по дѣламъ, Маньяна, и распоряженія французскаго правительства, за 1730—1733 г. Часть VIII. Изданы подъ наблюдениемъ Г. Θ. Штендмана Цѣна 3 р.

Томъ LXXXII. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть III, 1805—1806 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Травецкаго. . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXXIII. Политическая переписка императора Наполеона I съ генераломъ Савари, 1807 г. Извлечена изъ парижскихъ архивовъ: министерства иностранныхъ дѣлъ и національнаго Цѣна 3 р.

Томъ LXXXIV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта съ іюля по конецъ 1728 г. Часть VI. Изданы подъ редакціей Н. Θ. Дубровина . . Цѣна 3 р.

Томъ LXXXV. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1740 г. по 3 марта 1741 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть IX Цѣна 3 р.

Томъ LXXXVI. Донесенія маркиза де-ла-Шетарди французскому правительству и отвѣты министерства, 1738—1740 гг. Сообщены изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Часть IX. Изданы подъ наблюдениемъ Г. Θ. Штендмана. Ц. 3 р.

Томъ LXXXVII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1768—1769 г. Часть V. Томъ изданъ барономъ Θ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Уляницкаго Цѣна 3 р.

Томъ LXXXVIII. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. 1807—1808 гг. Часть IV. Томъ изданъ подъ редакціей А. С. Травецкаго Ц. 3 р.

Томъ LXXXIX. Посольство графа П. А. Толстого въ Парижѣ въ 1807 г. Томъ изданъ подъ редакціей Н. К. Шильдера. Цѣна 3 р.

Томъ XC. Журналы Высочайше утвержденного 6 декабря 1862 года «Особаго секретнаго комитета». Часть II. Изданы подъ наблюдениемъ Предсѣдателя Общества А. А. Половцова Цѣна 3 р.

Томъ XCI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, 1741 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть X Цѣна 3 р.

Томъ ХСII. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, и распоряженія французскаго правительства въ 1741 г., по іюнь. Часть X. Издана подъ редакціей Г. О. Штендмана. Цѣна 3 р.

Томъ ХСIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Ч. VIII Цѣна 3 р.

Томъ ХСIV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, январь-іюнь 1729 г. Часть VII. Изданы подъ редакціей Н. О. Дубровина Цѣна 3 р.

Томъ ХСV. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымомъ, Нагаями и Турцією, 1508—1521 гг. Изданы подъ редакціей Г. О. Карпова и Г. О. Штендмана Цѣна 3 р.

Томъ ХСVI. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, за 1741 г., по конецъ года. Часть XI. Изданы подъ редакціей Г. О. Штендмана Цѣна 3 р.

Томъ ХСVII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II за 1769—1771 г. Часть VI. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ барона О. А. Бюлера, при содѣйствіи магистра В. А. Уляницкаго Цѣна 3 р.

Томъ ХСVIII. Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и къ исторіи его царствованія. Изданы подъ редакціей Н. О. Дубровина Цѣна 3 р.

Томъ ХСIX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ іюня 1742 по апрѣль 1744 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XI. Цѣна 3 р.

Томъ С. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, и полномочнаго министра д'Алліона съ 1742 по май 1743 г. Часть XII. Изданы подъ редакціей Г. О. Штендмана. Цѣна 3 р.

Томъ CI. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ іюня 1729 по 4 марта 1730 г. Часть VIII. Изданы подъ редакціей Н. О. Дубровина. Цѣна 3 р.

Томъ CII. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1744 по 4 января 1746 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XII. Цѣна 3 р.

Томъ CIII. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1746 по 24 мая 1748 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XIII Цѣна 3 р.

Томъ CIV. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны, 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціей профессора А. Н. Филиппова. Томъ I (1731—1732 гг.) Цѣна 3 р.

Томъ CV. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза де-ла-Шетарди, и полномочнаго министра д'Алліона съ 1743 по 1745 г. Часть XIII. Изданы подъ редакціей Г. О. Штендмана. Цѣна 3 р.

Томъ CVI. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны, 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакцію профессора А. Н. Филиппова. Томъ II (1732 г.) Цѣна 3 р.

Томъ CVII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Часть IX. Цѣна 3 р.

Томъ CVIII. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны, 1731—1741 гг. Собраны и изданы подъ редакцію профессора А. Н. Филиппова. Томъ III (1734 г.) Цѣна 3 р.

Томъ CIX. Дипломатическія сношенія австрійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ CX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1746 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть XIII. Цѣна 3 р.

Томъ CXI. Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны, 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакцію профессора А. Н. Филиппова. Томъ IV (1735 г.) Цѣна 3 р.

Томъ CXII. Донесенія представителей французскихъ при русскомъ дворѣ, а также донесеніе русскихъ представителей при французскомъ дворѣ съ 1814—1816 гг. Подъ редакцію предсѣдателя общества А. А. Половцова. Цѣна 3 р.

Къ каждому тому Сборника приложенъ азбучный указатель именъ.

